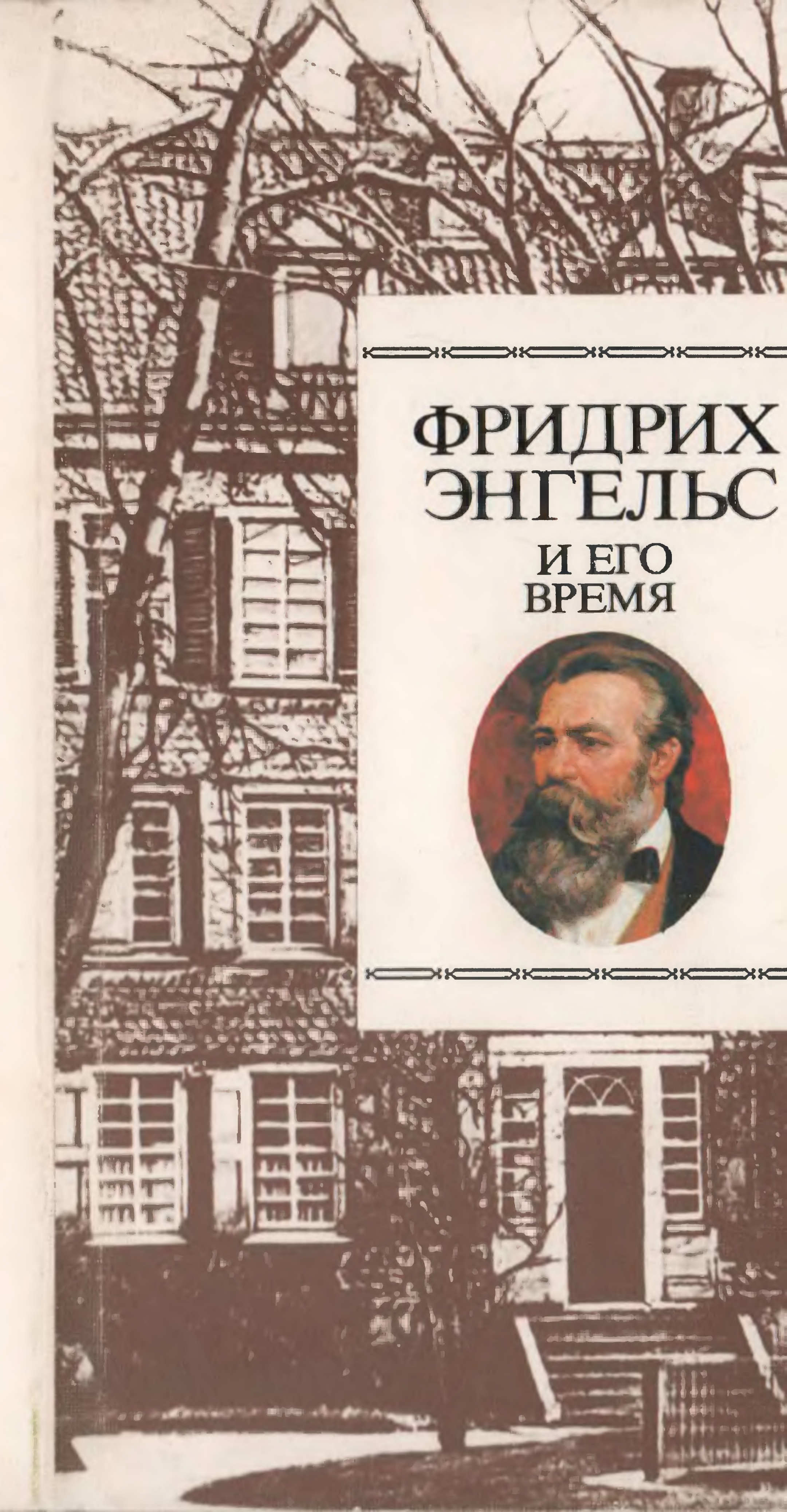
ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС
И ЕГО
ВРЕМЯ

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС
И ЕГО ВРЕМЯ

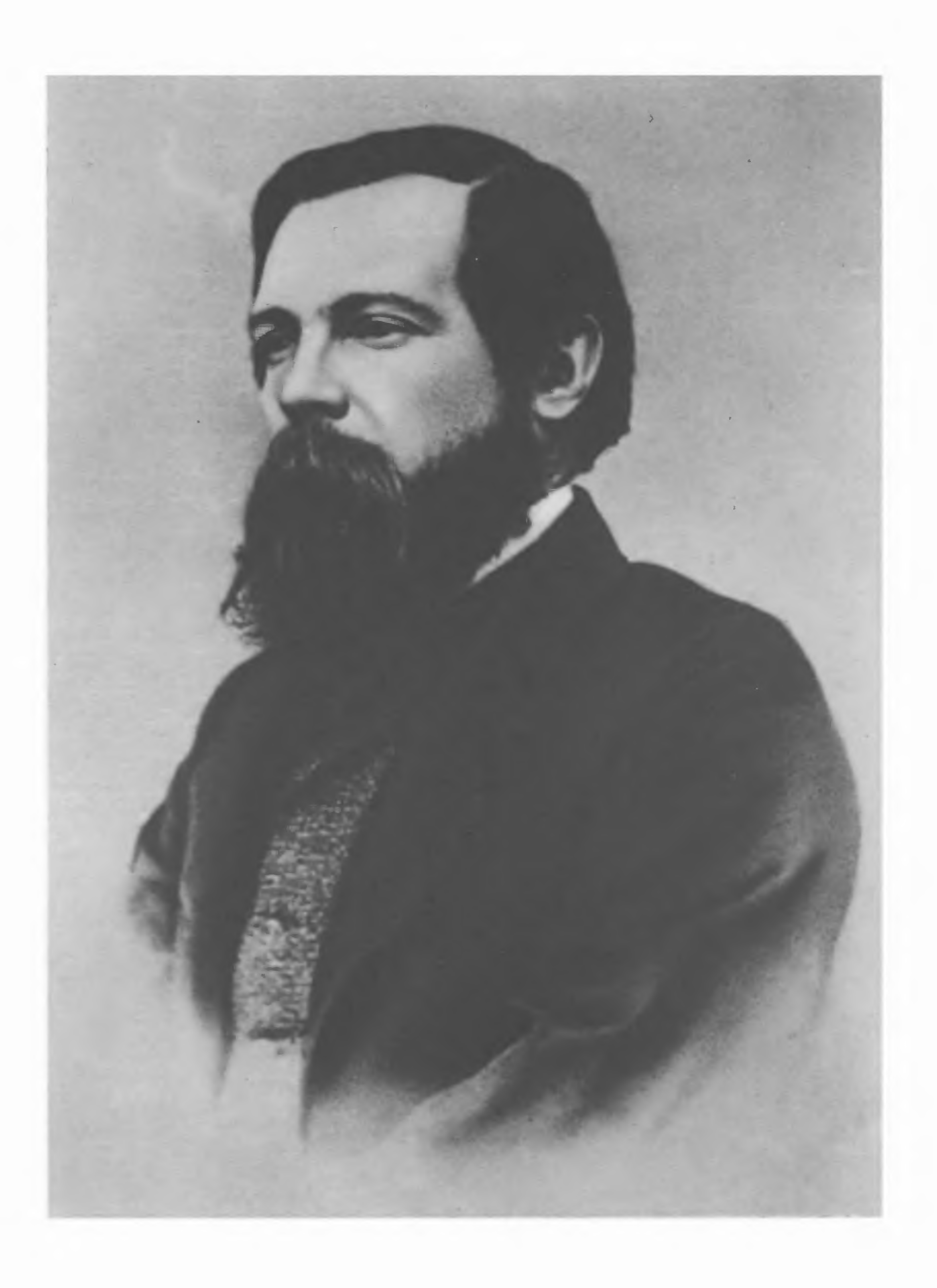
«Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со *всеми* сочинениями Энгельса».

В. И. ЛЕНИН

«Вечная память Фридриху Энгельсу, великому борцу и учителю пролетариата!»

В. И. ЛЕНИН

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС
И ЕГО ВРЕМЯ

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС И ЕГО ВРЕМЯ

К 170-летию со дня рождения

Москва
Издательство
политической литературы
1990

ББК 13.23
Э63

В подготовке текста к печати
принимали участие *М. Г. Сирко, З. А. Шарифова*

Э63 **Фридрих** Энгельс и его время. К 170-летию со дня рождения / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол.: М. П. Мчедлов и др.— М.: Политиздат, 1990.— 528 с.
ISBN 5—250—00711—2

Ф $\frac{0103010000—185}{079(02)—90}$ 22—90 **ББК 13.23**

Художник *Л. Т. Рябыкина*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *О. В. Лукоянова*

ИБ № 8469

Сдано в набор 30.01.90. Подписано в печать 12.07.90. Формат 60×84[1]/16. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,81. Усл. кр.-отт. 32,43. Уч.-изд. л. 36,14.
Тираж 15 000 экз. Заказ 592. Цена 2 р. 60 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ISBN 5—250—00711—2

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Данный сборник выходит в свет к 170-летию со дня рождения Фридриха Энгельса, друга и соратника К. Маркса, и является девятой книгой из издаваемой Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС серии, посвященной проблемам истории и теории марксизма и международного рабочего движения. Статьи, сообщения и публикации охватывают большой отрезок жизни Энгельса от 40-х гг. до его последних дней и повествуют о жизни и творчестве Энгельса, о его деятельности в рабочем движении.

Как ученый и общественный деятель, Энгельс отнюдь не был лишь тенью Маркса, только его помощником, «второй скрипкой», как он иногда сам называл себя. Энгельс внес большой самостоятельный вклад в развитие научной социалистической мысли, социологии, философии, исторической науки, политической экономии, других общественных наук. Важную роль сыграл Энгельс в развитии международного рабочего движения, в деятельности Союза коммунистов, I и II Интернационалов, в формировании социал-демократических партий.

Наиболее оригинальные и интересные работы и мысли долго не устаревают, остаются в активе науки. Научной классикой являются до сих пор многие произведения Энгельса. Однако было бы неверно считать все мысли и выводы Энгельса, как и Маркса,

абсолютными истинами на все времена. Сам Энгельс выступал против догматического, «религиозного» подхода к марксизму, порицал тех, для кого их теория была не руководством к действию, а «окаменелой догмой правоверной секты», «всеспасающей догмой», которую «надо выучить наизусть и механически повторять» против тех, кто, по его словам, ухитрялся «превратить теорию развития Маркса в окаменелую ортодоксию» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 488, 497, 504; Т. 39. С. 207, 256). В наши дни, в ходе перестройки различных сторон жизни нашего общества, эти мысли Энгельса приобретают особую актуальность. На передний план выдвигается необходимость преодоления догматизма и начетничества, бездумного цитатничества. Однако переосмысление с позиций нашей эпохи теоретического наследия Маркса и Энгельса не должно вести к нигилистическому подходу к их идеям и трудам, к игнорированию исторической обстановки XIX в. Задача заключается в объективном исследовании наследия Маркса и Энгельса в историческом контексте их эпохи, в углублении нашего понимания своеобразия формирования и развития самой теории. В советском марксоведении начинает утверждаться творческий, историко-критический подход к наследию Маркса и Энгельса. В этом направлении предстоит еще сделать немало. В определенной мере новые подходы проявились и в публикуемых материалах, которые отражают нынешний уровень марксоведческих исследований со всеми их достижениями и слабостями.

В статьях и сообщениях сборника дается представление о разнообразных сторонах жизни, творчества и общественной деятельности Энгельса, рассматриваются взгляды Маркса и Энгельса на характер и перспективы революции в России, идейные истоки их социальной теории в середине 40-х гг., вклад Энгельса в разработку экономической теории и т. д. Группа материалов освещает ряд важных проблем рабочего движения Австрии, Англии и Германии. Авторы публикуемых статей главное внимание уделили конкретному анализу самого движения. Это открыло возможность под новым углом зрения взглянуть на деятельность Маркса и Энгельса в рабочем движении, уяснить, что стояло за их оценками и действиями.

Новым является включение в сборник раздела «Дискуссионные материалы». В нем публикуются статьи, в которых предпринимается попытка по-новому взглянуть на некоторые аспекты творчества Маркса и Энгельса, дать ответ на высказывания ряда современных публицистов и ученых о взглядах основоположников марксизма.

Значительную часть сборника составляет раздел «Публикации». В нем воспроизводятся материалы Энгельса, по разным причинам не вошедшие во второе издание Собрания сочинений Маркса и Энгельса. Особое место занимают две впервые публикуемые рукописи Энгельса «Германия и славянство» и «Панславизм». Они были подготовлены к печати уже давно, но смогли увидеть свет лишь сейчас. Эти наброски содержат немало интересных наблюдений по истории России, различным аспектам ее духовной и политической жизни. Конечно, не со всеми выводами, сделанными в этих работах, можно согласиться. Исходя из той реакционной роли, которую играл царизм в социально-политическом развитии Европы в 40—50-е гг. XIX в., Маркс и Энгельс не всегда были объективны при рассмотрении процесса исторического развития России. Однако, и это следует подчеркнуть, ни Маркс, ни Энгельс никогда не были русофобами. Они уделяли много внимания России, дружили со многими русскими революционерами, интересовались историей России и ее настоящим, изучали русский язык. В этом можно убедиться, ознакомившись с двумя публикациями выписок и пометок Маркса и Энгельса.

В разделе «Публикации» впервые на русском языке воспроизводятся материалы Энгельса, написанные им в связи с подготовкой различных изданий его известной книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а также несколько писем Энгельса. Они дополняют сложившиеся представления о его жизни, о его активном участии в рабочем движении. Письма в адрес Маркса и Энгельса практически неизвестны советским читателям. Между тем в этих письмах содержится немало нового о деятельности, а иногда и о творчестве Маркса и Энгельса. В одной из публикаций впервые воспроизводится подборка писем Энгельсу известного немецкого социал-демократа Германа Шлютера.

Раздел «Рецензии и обзоры» включает статью о важнейших работах американских и английских ученых об Энгельсе, об их представлениях, порой с интересными, но не всегда бесспорными выводами о вкладе Энгельса в разработку марксистской теории. В разделе «Библиография» можно ознакомиться со списком работ советских исследователей о Марксе и Энгельсе, напечатанных в 1984—1987 гг. Из списка видно, какое большое внимание уделяют советские обществоведы жизни, деятельности и творчеству этих двух выдающихся мыслителей и общественных деятелей. Однако важно, чтобы это количество переросло в качество и чтобы работы советских ученых о Марксе и Энгельсе в полной мере отвечали новым требованиям, обращенным к общественным наукам.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

С. С. Волк

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС О ХАРАКТЕРЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Марксистская литература еще с конца XIX в. отмечала глубокий интерес Маркса и Энгельса к России. Однако исследование взглядов основоположников научного социализма на проблемы внешней политики, социально-экономического развития и перспективы революционного преобразования России началось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Наряду с анализом русских аграрных отношений внимание историков привлекли оценки русского освободительного движения, судеб российской революции в работах Маркса и Энгельса. Эта последняя тема специально исследовалась в работах С. М. Дубровского, В. И. Невского, И. А. Теодоровича, Е. М. Ярославского и других авторов [1]. Однако на исследованиях 30-х гг. отразилась неполнота тогдашней источниковой базы и прежде всего отсутствие значительной части писем русских революционеров Марксу и Энгельсу.

Публикация в послевоенное время новых источников и документов, более полного собрания сочинений Маркса и Энгельса и их переписки с русскими политическими деятелями, томов «Архива Маркса и Энгельса», включавших черновые рукописи и конспекты русской социал-экономической литературы, позволила перейти к более углубленному исследованию воззрений основоположников научного социализма на проблемы российской революции. Вышедшие в свет с конца 50-х гг. работы в основном были посвящены выяснению связей Маркса и Энгельса с русскими революционерами, марксистской оценке идеологии народничества и народнических организаций. Исследование этих, несомненно, важных и интересных вопросов несколько отодвигало на второй план изучение концепции российской революции в ее постепенном и противоречивом развитии Марксом и Энгельсом [2]. С конца 50-х гг. вновь стали появляться исследования, анализирующие выдвинутую Марксом и Энгельсом возможность некапиталистического пути развития России через демократическую революцию, ее связь с пролетарской революцией развитых стран Запада и на этой

основе социалистического преобразования России на базе обновленной крестьянской общины [3]. Эти исследования помогли достаточно полно раскрыть понимание Марксом и Энгельсом пореформенных условий положения русского крестьянства как социальной базы будущей революции, установить буржуазно-демократический тип предстоящего общественного переворота, охарактеризовать отношение Маркса и Энгельса к различным направлениям освободительного движения и программам ведущих его деятелей. Как показывает ряд публикаций, в том числе зарубежных, проблема «Маркс и Россия» продолжает оставаться актуальной и в 70—80-е гг. [4]

В то же время остаются недостаточно изученными некоторые известные аспекты данной проблемы. Это касается, в частности, представлений Маркса и Энгельса о назревании в России революционной ситуации и различных вариантов развития российской революции, попыток рассмотрения ее движущих сил и этапов с учетом опыта революций 1789—1793 гг. и 1848 г., а также сделанных Энгельсом в 90-е гг. выводов о фатальном несовпадении революционных импульсов в России и Западной Европе.

Отдавая себе отчет в том, какую роль играет Россия в международных делах, Маркс и Энгельс постоянно имели в виду ее внешнюю политику и военный потенциал, изучали военные кампании. В конце 40 — начале 50-х гг., когда царизм служил главным оплотом европейской реакции, интерес основоположников марксизма к России определялся в первую очередь угрозой контрреволюционного похода царских войск в Западную Европу. К рубежу 50—60-х гг., периоду проведения крестьянской реформы подход Маркса и Энгельса к русским делам претерпевает существенные изменения. Не ослабляя внимания к внешнеполитическим акциям царизма, в котором они правомерно продолжали видеть опору реакционных монархических режимов, Маркс и Энгельс сосредоточивают свое внимание на внутриполитическом положении страны. Начало анализу исторических судеб России, ее социально-экономических отношений было положено во время Крымской войны, когда были задуманы «Разоблачения дипломатической истории XVIII в.» Маркса [5], а также большие циклы статей Энгельса о военной истории России. К 1860 г. были написаны статьи Маркса о подготовке крестьянской реформы. Маркс в это время достаточно хорошо знал социально-экономические проблемы России. Поэтому он с некоторым недоумением воспринял письмо Лассаля от 11 сентября 1860 г., в котором тот пропагандировал идею войны с Россией, и даже опасался, что если эту войну начнет прусская династия, то в этом случае она якобы завоюет себе популярность населения на 20 лет. Война против России казалась

Лассалю лучшим и необходимейшим наследием германской революции. «Если мы когда-либо действительно получим революцию, то мы тотчас начнем войну против России» [6],— заявлял он. Зная, очевидно, о публикации в середине 50-х гг. Марксом работы «Разоблачения...», Лассаль приписывал отраженные в ней взгляды Маркса своему влиянию. В ответе Лассалю Маркс напомнил, что идея революционной войны против России провозглашалась уже в первом номере «Neue Rheinische Zeitung» (1848). Более существенным в ответе Маркса выглядит признание однобокости такого отношения к России: «Но ненависть и понимание — две совершенно различные вещи» [7].

В полной мере необходимость осмысления исторического развития России встала перед Марксом и Энгельсом только тогда, когда начали проясняться первые последствия крестьянской реформы, движения страны по пути капитализма. С начала 70-х гг. XIX в. все большее внимание Маркса и Энгельса привлекают особенности социально-экономического строя России, ее роль в будущем революционном преобразовании Европы. С большим интересом знакомились они с трудами русских экономистов и статистиков, мыслителей и писателей, особенно внимательно изучали сочинения Н. Г. Чернышевского. В библиотеке Маркса насчитывалось несколько сот томов по статистике, экономике, истории России [8].

Отправным пунктом новой истории России Маркс и Энгельс считали Крымскую войну 1853—1856 гг., в которой государство с примитивными формами производства потерпело поражение от стран с современным капиталистическим производством. Россия не смогла бы удерживать независимое положение в мире, оставаясь сельскохозяйственной страной. Ей грозило, по образному выражению Энгельса, превращение в Индию, в страну, экономически подчиненную Англии [9]. Но создать крупную промышленность в России можно было только в капиталистической форме [10]. Предпосылкой этой, по определению Энгельса, «капиталистической революции», призванной сломать натуральное хозяйство и осуществить переход к буржуазному индустриализму, стала реформа 1861 г. Отмена крепостничества означала настоящую социальную революцию, которая способствовала зарождению пролетариата, росту промышленности [11].

Внимательно изучая экономическую ситуацию в стране, Маркс и Энгельс обратили внимание на своеобразие капиталистического развития России, где буржуазные отношения совмещались с пережитками крепостничества, капиталистические формы производства с архаичной общинной формой собственности. В письме к Вере Засулич в апреле 1885 г. Энгельс заметил, что в стране были «представлены все ступени социального развития, начиная от пер-

вобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой...»[12].

Наряду с многоукладностью экономики Маркс и Энгельс отмечали и другие специфические черты запоздалого по сравнению с Западной Европой развития российского капитализма. Среди таких особенностей — относительно большая роль государства, осознавшего после Крымской войны, что развитие крупной промышленности стало политической необходимостью[13]. Благодаря правительственному покровительству в России возник «обратный порядок» этапов формирования национального капитализма — строительство железных дорог, заимствование готовых технико-организационных форм капиталистического хозяйства (банковская система, акционерные общества[14] и т. д.) — все это не венчало, а в какой-то мере опережало рост промышленности.

Наибольшее внимание Маркс и Энгельс уделяли аграрным отношениям в России — как самому важному для России социальному вопросу[15]. Их особенно интересовали проблемы землевладения и землепользования, земельной ренты и положения русского крестьянства, ограбленного помещиками в результате реформы 1861 г., которую Маркс рассматривал как «чудовищный обман» со стороны царского правительства[16].

Отмечая особо тяжелые формы эксплуатации народных масс, приводившие к нарастанию острейших социальных конфликтов, Маркс в 1870 г. пришел к убеждению, что «в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция»[17]. Ее сущность и возможные формы он обсуждает с Энгельсом позднее, когда они детальнее познакомились с внутриполитической ситуацией в стране. Вопрос о возможности российской революции Маркс и Энгельс рассматривали с учетом главных тенденций мирового развития, выявленных ими еще в 40-е гг. При этом единство всемирно-исторического процесса вовсе не понималось ими как создание гармонически развитой системы буржуазных государств. Связь более развитых стран с менее развитыми, по их представлению, могла бы породить в последних аналогичные противоречия и привести даже к активизации революционного движения[18].

Итоги революции 1848 г. позволили существенно дополнить эти выводы. Речь шла о новых революционных возможностях, открываемых системой всемирного господства капитала: «В конечностях буржуазного организма насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, чем в его сердце, где возможностей компенсирования больше»[19]. Уже в то время Маркс допускал, что сигнал к европейской революции не обязательно должен последовать из наиболее развитых стран, его может дать и одна из угнетенных наций[20].

Общественный подъем в стране, вызванный последствиями Крымской войны и крестьянской реформой 1861 г., обусловил необходимость внимательного наблюдения за классовой борьбой в России, изучения различных течений общественной мысли с целью содействовать включению российской революционной демократии в общий фронт действий европейского пролетариата. В 70—80-х гг. Энгельс обращал внимание западноевропейских революционеров на то, что кроме Германии и Австрии они должны тщательно следить за Россией, которой в ближайшем будущем предстоит играть наиболее важную роль [21]. Анализ последствий реформы 1861 г., как представлялось Марксу и Энгельсу, позволял сделать вывод, что «так называемое освобождение крестьян создало настоящую революционную ситуацию» [22] и что Россия «давно уже стоит на пороге переворота...» [23].

Заявляя, что Россия несомненно находится накануне революции, что «все необходимые для этого элементы уже созрели» [24] и что «здесь сочетаются все условия революции» [25], Маркс и Энгельс принимали во внимание и объективные социально-экономические предпосылки и субъективные факторы, которые предопределили «твердое основание и абсолютную необходимость будущей революции» [26]. Имелся в виду кризис «верхов», проявлявшийся в уступках и колебаниях правительства, а также кризис «низов» — «грозное недовольство крестьян» [27], ограбленных реформой и доведенных до положения, когда «невозможно ни жить, ни умереть» [28], и, наконец, самоотверженные действия демократической интеллигенции, двинувшейся «в народ» для революционной агитации. Переоценивая революционные возможности страны в целом, Маркс и Энгельс не обманывались насчет революционных настроений крестьянства. Иронизируя по поводу народнических иллюзий о русском народе как «революционере по инстинкту», о готовности России к «всенародному бунту» (о чем постоянно говорили М. А. Бакунин и П. Н. Ткачев), Маркс и Энгельс размышляли о различных вариантах начала революции, включая выступление дворянской фронды, заговора внутри самого правительства [29]. В 70-х гг. им казалось, что достаточно такого толчка, чтобы поднялись крестьяне, которые развернут движение дальше и «быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса» [30]. В 90-х гг. оптимистические прогнозы сменились у Энгельса довольно пессимистическими нотами. Анализ постигшего Россию в 1891 г. голода приводит Энгельса к более реалистичной оценке перспективы возможного революционного взрыва. К этому времени Энгельс убедился, что крестьяне не пойдут дальше местных восстаний, бесплодных без поддержки городов [31]. Видя трусость и беспринципность вскормленной государством буржуазии, он сомневался в том, что она решится посягнуть на царизм; только

в случае дворцового переворота или удачного покушения власть могла бы перейти к буржуазии [32].

Хорошо изученный Энгельсом опыт европейских революций подсказывал, что в революции реализуются не априорно выдвинутые ее участниками конечные цели, а программы и проекты, замыслы и решения, возникающие из взаимодействия противоборствующих сил, из субъективных устремлений и взглядов ее ведущих деятелей. Предупреждением звучат слова Энгельса, относящиеся к 1885 г.: «Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они и не знали, что делали,— что *сделанная* революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели» [33].

Энгельс, возможно, допускал, что революция рассеет социалистические иллюзии народников, что в процессе борьбы, может быть, будет осуществлена власть типа якобинской диктатуры (об этом свидетельствует несколько раз упомянутая дата — 1793 г.) и неизбежно обнаружится ограниченность буржуазной революции, показавшей, что условия действительного освобождения масс не совпадают с интересами буржуазии. Возможно, однако, и другое толкование «иронии истории».

Наблюдая пореформенную Россию сквозь призму истории Франции XVIII в., Маркс и Энгельс с известными основаниями находили некоторое сходство в социально-экономических условиях обеих стран, в частности, в финансовом положении, торговой и промышленной политике правительства. При этом старая монархия Людовика XIV или Людовика XV, по их представлению, имела более прочный фундамент, чем царизм. По сравнению с экспроприацией русских крестьян разорение сельского населения во Франции было «детской игрой». Подобно протекционистской системе Кольбера русская крупная промышленность создавалась за счет крестьянства, обреченного на превращение в промышленный или сельский пролетариат [34].

Известно, что и в 1848 г. представления Маркса и Энгельса о тогдашних революционных событиях были сформулированы под большим впечатлением от социального опыта революции 1789 г.[35] С 70-х гг. назревающая в России революция, ее движущие силы и этапы напоминали Французскую революцию 1789 г., хотя впервые эту аналогию Маркс проводит раньше, в 1858 г., в статье «Вопрос об отмене крепостного права в России», где созыв Александром II дворянских уполномоченных в 1857 г. уподобляется знаменитому собранию нотаблей в 1787 г. Губернские собрания дворянских представителей могли явиться, по мысли Маркса, поворотным пунктом в истории России [36]. Предположение о возможности

дворянско-буржуазной революции с последующей гражданской войной, по-видимому, было навеяно событиями 1789 г. [37] Несколько позднее в статье «Об освобождении крестьян в России» Маркс допускал, что условия отмены крепостничества, предложенные правительством, могут вызвать массовое восстание крестьян. «А если это произойдет, то настанет русский 1793 год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории...»,— писал Маркс [38].

Судя по тому, что Марксом и Энгельсом иногда сразу назывались обе основные даты Французской революции 1789—1793 (или 1794) гг., они имели в виду всю последовательность сменяющих друг друга этапов революционного цикла. Они считали, что стоит в стране, где положение так напряжено, где в такой степени накопились революционные элементы, а противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, «начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год» [39].

Чаще всего упоминаемый Марксом и Энгельсом 1789 г. служил как бы символом стихийного народного взрыва, сметающего старую власть. Не столь ясно, как следовало понимать 1793 или 1794 г. Маркс и Энгельс видели в якобинской диктатуре высший этап революции, беззаветную решимость и отвагу в защите страны, в проведении политических и социальных преобразований. Но они не канонизировали якобинский террор, возлагали вину за его бесполезную жестокость и абсурдность на выставлявших себя патриотами буржуа [40].

Энгельс весьма чутко воспринял нарастание революционной ситуации в России в связи с русско-турецкой войной 1877—1878 гг., когда резко ухудшилось экономическое положение страны, возросло недовольство широких общественных кругов, усилилось брожение крестьянства. Вновь Энгельс вспоминает Великую французскую революцию. «В общем, мы имеем налицо все элементы русского 1789 года, за которым неизбежно последует 1793 год» [41]. Он был уверен, что русская революция, как бы она ни началась, «увлечет за собой крестьян, и тогда вы увидите такие сцены, перед которыми побледнеют сцены 93 года» [42]. Ему иногда представлялось, что еще «до конца 1878 г. Россия получит конституцию, а вместе с этим и второе издание французской революции 1789—1794 годов» [43]. О том, что революционная ситуация складывалась тогда в России не организованно и не повсеместно, а фрондирующая общественность малосильна, Энгельс тогда не знал. Он и в годы реакции, наступившей после 1 марта 1881 г., был убежден, что «Россия находится накануне своего 1789 года» [44].

Представления Энгельса о перспективах российской революции отразились и в его беседах с Г. А. Лопатиным, который, очевидно, достаточно точно передавал слова своего собеседника: «Россия —

это Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива нового социального переустройства» [45]. Неудивительно, что вступившего тогда на престол Александра III Энгельс считал «прямо созданным для роли Людовика XVI» [46].

Однако к началу 90-х гг. успехи капиталистического развития в России заставили Энгельса изменить взгляд на характер предстоящей в России революции. Подводя итоги внутреннему развитию России после Крымской войны и отмечая все более обнаруживающуюся несовместимость царского абсолютизма с новыми общественными силами, с образованием конституционной и революционной оппозиции, он писал: «Революция, остановившаяся в 1848 г. на польской границе, стучится теперь в двери России, и внутри страны у нее уже достаточно союзников, которые ждут только случая, чтобы открыть ей эти двери» [47]. В данном случае имелась в виду, очевидно, уже не «чисто» буржуазная, типа 1789 г., а буржуазно-демократическая революция, в которой определенное участие в борьбе с абсолютизмом примет и рабочий класс, и притом в момент, когда впервые обнаруживается острый его антагонизм с буржуазией. Роль российской буржуазии Энгельс оценивал резко отрицательно, отмечая ее прислужничество перед царизмом, готовность к военным авантюрам во имя завоевания рынков. Признавая определенную силу буржуазии, он не допускал, что она сама может посягнуть на царизм, но предполагал, что она может оказаться у власти в результате дворцового переворота или покушения независимо от того, кто его совершит [48].

Размышляя об экспансионистских устремлениях русской буржуазии, если она придет к власти, главную противодействующую силу Энгельс видел в представляющем большинство русского народа крестьянстве, которое, как он полагал, может стать гарантом того, что русское национальное собрание положит конец «всем стремлениям к новым завоеваниям» [49].

Крушение царского всемогущества приведет, полагал Энгельс, к союзу новой освобожденной России с республиканской Францией, что будет способствовать революционному движению и французского и всего борющегося за свое освобождение европейского пролетариата. Поскольку исчезнут предлоги для безумной гонки вооружений, превращающей всю Европу в военный лагерь, Запад, не опасающийся иностранного вторжения, «получил бы возможность заняться своей современной исторической задачей: разрешением конфликта между пролетариатом и буржуазией и переустройством капиталистического общества в социалистическое» [50].

«Таковы те обстоятельства,— объяснял Энгельс,— в силу которых Западная Европа вообще, и западноевропейская рабочая партия в особенности, заинтересованы, весьма глубоко заинтере-

сованы, в победе русской революционной партии и в свержении царского абсолютизма»[51].

Хорошо понимая, что время для вступления российского пролетариата на авансцену исторического процесса еще не настало, Маркс и Энгельс с интересом следили за борьбой революционных народников против самодержавия. Для них было очевидно, что революционный демократизм и пролетарская революционность связаны между собой многими общими чертами, преемственностью демократических идей, готовностью к решительной борьбе за свои идеалы.

Идеологию народничества Маркс и Энгельс рассматривали как закономерный этап развития демократической мысли в России, понимали, что в общинных иллюзиях народников отражаются реальные проблемы социально-экономического развития страны. В общине они видели не только наивную утопию, но и возможную, при условии победы демократической революции в России и пролетарской революции на Западе, точку опоры для дальнейшего развития страны по пути социализма. Если воспользоваться выражением Ленина, Маркс и Энгельс разглядели в народнической доктрине «здоровое, жизнеспособное, великое социалистическое зерно»[52].

Маркс и Энгельс наблюдали не только за революционной деятельностью народников, но и за их поисками теоретического обоснования своей борьбы, знакомились с эмигрантской печатью, российскими нелегальными изданиями.

Сердечно относились Маркс и Энгельс к своим знакомым русским революционерам-народникам, среди которых они видели людей выдающегося теоретического и практического дарования, обладавших «неслыханной способностью к самопожертвованию и энергией»[53]. Они знали, что эта молодежь, проникнутая социалистическими идеями, мечтала о немедленном их осуществлении. В то же время они решительно выступали против беспринципных и авантюристических действий Нечаева[54]. Иронически отнеслись они к романтической идее Ткачева об извечной предрасположенности русского народа к революции, к его утверждению, что русский крестьянин — «революционер по инстинкту». Возмущали Энгельса и выпады против Лаврова, которого Ткачев называл реакционером, поскольку он желал подготовить народ к революции. По мнению Ткачева, в этом нет необходимости, ибо истинный революционер признает народ всегда готовым к восстанию. Энгельс спрашивал Ткачева: «...если ваш народ в любое время готов к революции, если вы считаете себя вправе в любое время призвать его к революции и если уж вы совершенно не можете ждать, чего же ради вы еще надоедаете нам своей болтовней, почему же, черт возьми, вы не приступаете к делу?»[55]

В деятелях народнических организаций, начиная с участников Русской секции Интернационала, готовых отказаться от анархического пренебрежения к политике, Маркс и Энгельс видели не только союзников, но и соратников, которые «по своим дарованиям и характеру принадлежат к лучшим людям нашей партии» [56].

Маркс высоко оценивал решимость Русской секции Международного Товарищества Рабочих вести пропаганду принципов Интернационала среди русских рабочих, «направить русское революционное движение в общее русло движения европейского пролетариата» [57]. Как известно, своим участием в Парижской коммуне входившие в Русскую секцию молодые русские женщины Е. Л. Дмитриева и А. В. Корвин-Круковская подтвердили искренность своих интернационалистских убеждений [58]. Готовность к самоотверженной борьбе за свободу была важнейшим критерием для оценки деятельности народнических организаций, а создание «Народной воли», которая выдвинула политическую задачу низвержения царизма, рассматривалось Марксом как несомненный успех всего европейского социалистического движения [59]. В высказываниях Энгельса о положении дел в России впервые возникает понятие «русская революционная партия» [60]. Субъективный фактор революционной ситуации приобретает решающее значение, поскольку главной целью «Народной воли» в отличие от предшествующих народнических организаций стала политическая борьба, низвержение самодержавия.

Маркс и Энгельс высоко оценивали значение героического единоборства народовольцев с царским правительством, радушно принимали их представителей (Н. А. Морозова, Л. Н. Гартмана, В. И. Иохельсона), которые доставили программные документы «Народной воли» и обращенное к Марксу послание Исполнительного комитета. Весьма сочувственно Маркс и Энгельс отнеслись к проекту зарубежной политической газеты, которая должна была объединить все политические направления освободительного движения. Этот проект, к сожалению, реализовать не удалось, но они охотно предоставили свое предисловие к плехановскому переводу «Манифеста Коммунистической партии» для публикации в журнале «Народная воля». В связи с этой публикацией Энгельс, говоря и от имени Маркса, писал: «...Мы гордимся тем, что состоим ее сотрудниками» [61].

Еще в середине 70-х гг. в полемике с Ткачевым Энгельс выступил против его бланкистских представлений о том, что у русских революционеров нет других средств, кроме заговоров. Энгельс предупреждал, что преждевременная попытка восстания загонит имущие классы в объятия правительства [62].

В научной литературе не раз высказывалось мнение, что деятели «Народной воли» порою вводили Маркса и Энгельса в заблуж-

дение относительно возможностей своей организации. Энгельс в феврале 1882 г., например, считал, что «в России наши товарищи превратили царя прямо-таки в пленника, дезорганизовали правительство, расшатали народные традиции» [63]. Он еще долго не терял надежды на революционный взрыв, на политический переворот, полагал, что правительство «находится у последней черты» [64]. Достаточно, по его мнению, хотя бы на минуту выбить народ и общество из косности и неподвижности, произвести такой беспорядок, который всколыхнул бы народное море и вызвал всенародный энтузиазм к коренному преобразованию общества.

Спустя два года Энгельс признал иллюзорный, бланкистский характер программы народовольцев, но и тогда он не считал, что революционные возможности «Народной воли» исчерпаны. Ему представлялось, что важно падение царизма само по себе — «безразлично, благодаря кому» [65]. Получив в 1885 г. книгу Плеханова «Наши разногласия», Энгельс приветствовал присоединение группы русской молодежи к марксизму, но одновременно не согласился с критикой заговорщической тактики народовольцев. По мнению Энгельса, Россия приближается к своему 1789 г., и революция может разразиться каждый день. В этой обстановке, казалось ему, любой вид заговора (дворцовый, военный, интеллигентский) мог бы послужить своего рода запалом. «...Страна подобна заряженной мине, к которой остается только поднести фитиль» [66],— писал он.

На основе находившегося в его распоряжении круга источников Энгельс в апреле 1885 г. так оценивает ситуацию в России: «Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии (пользуясь метафорой Плеханова)... И если когда-либо бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге» [67].

Как известно, Маркс и Энгельс безусловно отвергали индивидуальный террор в качестве тактики рабочего движения, но иногда мирились с ним как способом борьбы непролетарских революционеров в определенных условиях. В начале 70-х гг. они не разделяли бакунистского восторга по поводу покушения Каракозова, возмущались прокламациями Нечаева с их апологией политического убийства, призывом действовать кинжалом, ядом и пулей [68]. В 1879 г. Энгельс осуждал террор «Народной воли», так как вначале принял народовольцев за анархистов — противников политической борьбы, которые, «став на путь убийств, лишь таскают каштаны из огня для конституционалистов» [69].

Однако Энгельс признавал, что политическое убийство в России — «единственное средство... для защиты против агентов неслыханно деспотического режима» [70]. Вскоре отношение к действиям народовольцев изменилось. Связано это было с получением более объективных данных о политическом положении в России и пагубных последствиях террористической деятельности народовольцев. Односторонне информированные о размахе действий «Народной воли» ее лондонскими представителями о кризисных явлениях в экономике, замешательстве в «верхах» Маркс и Энгельс стали надеяться, что взрывы, которыми революционеры стремились подорвать царизм, подтолкнут ограбленное реформой крестьянство к восстанию. Они были склонны вначале видеть в покушениях на царя эффективное средство развязывания революции. Энгельс даже считал, что движение в России приняло «форму решительного штурма с целью свержения царского деспотизма» [71]. Одобрял народовольческий террор и Маркс, противопоставляя народовольцев немецкому социал-демократу Мосту, который восхвалял тогда террор как «теорию» и «панацею». В письме к дочери Женни 11 апреля 1881 г. Маркс с одобрением отозвался о манифестах «Народной воли», которые стремятся убедить Европу, что ее тактика является «специфически русским, исторически неизбежным способом действия» [72]. Маркс с видимым удовлетворением подчеркивал, что в среде русских революционеров признается ограниченное значение террора и нет стремления представить его универсальным и наиболее успешным методом борьбы. Окончательное разочарование в народовольческом терроре пришло лишь в 90-х гг. В начале 1894 г. в послесловии к работе «О социальном вопросе в России» Энгельс признал: «Царизм восторжествовал над терроризмом, который в данный момент даже толкнул в объятия царизма все имущие классы, «любящие порядок» [73].

Ленин гораздо лучше, чем Маркс и Энгельс, был знаком с деятельностью «Народной воли». Отдавая должное героическим усилиям ее борцов, неоднократно повторял, что террор является не чем иным, как «единоборством, всецело осужденным опытом истории» [74]. Он четко отличал боевые действия революционеров «вместе с народом» (например, партизанскую борьбу рабочих дружин) [75] от индивидуального террора как «специфически интеллигентского способа борьбы» [76].

Высоко оценивая политическую направленность деятельности народовольцев, их борьбу за ниспровержение абсолютизма, Энгельс видел известную пользу и в их общинно-социалистических иллюзиях, если эти иллюзии могли придать революционерам больше энергии. Признавая в начале 80-х гг., что община доведена почти до края гибели, став объектом эксплуатации государства, помещиков, кулаков, Маркс в то время еще не считал неизбежным полный

крах общины. Надежды на возрождение общины он связывал прежде всего с коренным изменением социальных условий ее существования: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция»[77].

Обдумывая различные варианты исторического процесса, определяющего судьбы русской общины, и, очевидно, имея в виду серьезный удар по германской социал-демократии, нанесенный «исключительным законом» 1878 г., Маркс не исключал значительного запоздания революции на Западе и возможности общественных преобразований первоначально в одной лишь России. В двух набросках своего ответа на письмо Засулич он повторял: «Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя»[78].

Энгельс, принимая во внимание неразвитость производительных сил России, допускал возможность социалистического преобразования русской общины лишь при активной материальной поддержке победившего пролетариата Запада.

Такая возможность, объяснял Энгельс, существовала только в прошлом, в первые десятилетия после крестьянской реформы 1861 г. Поскольку в развитых странах тогда «пышно расцвела капиталистическая промышленность», а у власти прочно стояла буржуазия, «производить сверху государственно-социалистические эксперименты» в России было бы, по его мнению, исторически нереально[79]. Сама по себе община была обречена, так как «нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения»[80].

В двух письмах к Н. Ф. Даниельсону Энгельс в 1893 г. охарактеризовал упущенную возможность для России миновать этап капитализма. Первым необходимым условием для этого был бы толчок извне — уничтожение капиталистической системы в тех странах, где она впервые возникла. «Если бы мы на Западе в свое время продвинулись быстрее в своем экономическом развитии, если бы мы оказались способными свергнуть капиталистический режим еще лет десять или двадцать тому назад, то тогда Россия, быть может, имела бы еще время остановить тенденцию своей собственной эволюции в направлении к капитализму. К несчастью, мы движемся слишком медленно, и те экономические последствия капиталистической системы, которые должны привести ее к критическому пункту, в настоящее время только начинают развиваться»[81]. Русская община могла бы развиваться в более высокую социальную форму не иначе, как в виде подражания существующему примеру. Будь Западная Европа в 1860—1870 гг. созревшей для такой тран-

сформации, русские могли бы показать, к чему способна их община, в то время еще более или менее нетронутая. «Но Запад пребывал в застое, не пытался произвести такую трансформацию, а капитализм развивался все быстрее и быстрее». Поскольку для такой трансформации «условия еще не созрели тогда даже на Западе», у России оставалась лишь одна возможность — развиваться в направлении капитализма [82].

Хотя полностью миновать стадию капитализма Россия в 90-х гг. уже не могла, это не исключало, по Энгельсу, возможности сокращения данной стадии. При этом он пояснял, что «только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, «как это делается», как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом,— только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития» [83]. В частности, Энгельс полагал, что после революции в Западной Европе болгарские родовые общины явились бы «великолепным отправным пунктом для дальнейшего развития к коммунизму, совсем как русский «мир» [34].

Не разделяя утопической веры народников в возможность немедленной социалистической революции, Энгельс иногда допускал, что процесс общественного переустройства в России может проходить сравнительно легче, чем в других странах Западной Европы. Залогом этого, помимо общины, был, как ему представлялось, определенный духовный потенциал России, где «часть коренного населения уже усвоила себе интеллектуальные результаты капиталистического развития» [85].

О том, что Маркс и Энгельс твердо верили в грядущую российскую революцию, свидетельствует их послание председателю Славянского митинга, созванного 21 марта 1881 г. в честь десятилетней годовщины Парижской коммуны. Утверждая, что освободительное движение в России, быть может, приведет «после длительной и жестокой борьбы к созданию российской Коммуны» [86], они тем самым как бы обусловливали неизбежность в далекой перспективе включения России в общий поток международного рабочего движения. Не исключал Энгельс, впрочем, из этого потока и другие страны, находящиеся на докапиталистической ступени развития [87].

Если в 50-х гг. Маркс и Энгельс допускали, что революция в России приобретает международное значение, то в 70—80-х гг. они уже были достаточно твердо убеждены, что в России должны произойти события величайшего значения для будущего, что русская революция станет «ближайшим поворотным пунктом» истории, положит начало «всемирной социальной революции» [88].

Энгельс в статье «Европейские рабочие в 1877 году», написанной в 1878 г., рассматривал возможную победу демократической революции в России с учетом ее влияния на всю систему международных связей и противоречий. По его мнению, исчезновение огромной военной державы, которая «со времен французской революции являлась становым хребтом объединенного европейского деспотизма», коренным образом изменило бы политическую карту Европы, ибо привело бы к крушению Германской империи, к распаду Австро-Венгрии, освобождению Польши и пробуждению малых славянских народов Восточной Европы, расцвету национальной жизни самого русского народа и возникновению «настоящего рабочего движения в России» [89].

Спустя 10 лет Энгельс в письме румынскому социалисту И. Нэдежде от 4 января 1888 г. дополнил свои суждения, предсказывая, что после революции «благородная великорусская нация будет стремиться уже не к завоевательным химерам на пользу царизма, а выполнит свою подлинно цивилизаторскую миссию по отношению к Азии и в сотрудничестве с Западом разовьет свои обширные интеллектуальные силы» [90]. В этом письме Энгельс высказывал мысль о том, что революция в России «спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны» [91]. Впоследствии эта мысль развивалась в его статье «Внешняя политика русского царизма» (1890). Однако предположение Энгельса о том, что падение самодержавия предотвратит мировую войну и что русское национальное собрание решительно положит конец всяким завоевательным планам [92], исходило из возможной переоценки им «миролюбия» буржуазного парламента. Как показала в недалеком будущем история, российская буржуазия, вовлеченная в соперничество ведущих капиталистических группировок, связала себя участием в военных блоках европейских государств, и не свержение самодержавия, а установление власти пролетариата обеспечило мир.

Энгельс в 90-х гг., в связи с началом царствования Николая II, указал приблизительные сроки российской революции. Он предположил, что «самодержавие едва ли переживет эту последнюю смену монарха...» [93]. В одном из последних писем к Плеханову Энгельс иронически предсказал судьбу последнего русского царя: «А уж если дьявол революции схватил кого-либо за шиворот, так это Николая II» [94].

Надежды на российскую революцию, впервые высказанные Марксом и Энгельсом в 50-х гг., по существу, никогда не угасали. Они вспыхивали каждый раз с новой силой в связи с бунтами крепостных в канун реформы 1861 г., польским восстанием 1863 г., русско-турецкой войной 1877—1878 гг., покушениями на царя в 70—80-х гг. Энгельс вновь высказывал их с наступлением голода в 1891 г. и в связи с вступлением на престол Николая II в 1894 г.

Маркс и Энгельс, писал Ленин, «были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение» [95]. Анализируя капиталистическое развитие России, размышляя по поводу неизбежной российской революции, Маркс и Энгельс еще не могли опираться на те социально-экономические данные, которые свидетельствовали о начале пролетарского этапа освободительного движения, о серьезных политических сдвигах, непосредственно подводивших страну к первой буржуазной демократической революции. В 1894 г. Энгельс дал итоговую оценку народническому движению: «Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно прийти социальное возрождение...— эта вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов... которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до... возможности капитуляции... Этих людей мы не потянем к ответу за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но разделять их иллюзии мы вовсе не обязаны» [96]. Точка зрения Энгельса нашла подтверждение в трудах Плеханова и Ленина, которые пришли к однозначному выводу, что возможности некапиталистического пути развития для России «никогда не было» [97].

Взгляды Маркса и Энгельса на Россию, на проблему российской революции претерпели определенную эволюцию. Она объяснялась значительными сдвигами в социально-экономическом развитии страны. Если в 40—50-х гг. они обличали царизм как оплот европейской реакции, то в период реформы 1861 г. они увидели внутри России «симптомы войны крепостных крестьян», «горючий материал, который, при сильном порыве ветра с Запада, может внезапно воспламениться» [98]. В 70—80-х гг. Маркс и Энгельс признали, что демократическое движение в России является восточным флангом европейского рабочего движения и что этому флангу принадлежит честь первым начать сражение. Они формулируют положение о том, что скорее всего «русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе». Не скрывая своего сдержанного отношения к утопическим общинным иллюзиям революционного народничества, они всецело поддерживали его освободительные устремления. В борьбе против самодержавия, в подготовке пролетарской революции против европейской реакции и капиталистического господства они считали, безусловно, важным и необходимым тесный политический союз с российской революционной демократией. Несколько поколений российских борцов вдохновлялись признанием Марксом и Энгельсом огромных заслуг русских революционеров, их признанием того, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе» [99].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Дубровский С.* Маркс и Энгельс о развитии капитализма и назревании революции в России // На аграрном фронте. 1933. № 1; *Зельцер В.* Маркс, Энгельс и Ленин о капитализме и революции в России // История пролетариата СССР. 1933. № 1—2; *Малышев А.* Маркс и Энгельс о России // Маркс и революционное движение XIX века. Л., 1934; *Невский В.* К. Маркс и русское революционное движение // История пролетариата СССР. 1933. № 1—2; *Теодорович И.* Карл Маркс и революционное движение в России // Каторга и ссылка. 1933. № 3; *Ярославский Ем.* К. Маркс и революционное народничество. М., 1933. К этому ряду может быть добавлена и следующая работа: *Гранский С.* Маркс и Энгельс о России и русских революционерах // Научные записки Воронежского института народнохозяйственного учета ЦУНХУ Госплана СССР. Вып. 1. Воронеж, 1940.

[2] *Козьмин Б. П.* Русская секция Первого Интернационала. М., 1958; *Рапопорт Ю. М.* Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма (К. Маркс и Г. Лопатин). М., 1960; *Антонов В. Ф.* Русский друг Маркса Г. А. Лопатин. М., 1962; *Итенберг Б. С.* Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964; *Книжник-Ветров И. С.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской коммуны. М.; Л., 1964; *Волк С. С.* К. Маркс, Ф. Энгельс и «Народная воля» // Общественное движение в пореформенной России. М., 1965; *Воробьева А. К.* К. Маркс и Ф. Энгельс о революционном движении и революционерах России // Вопросы истории. 1968. № 4; *Волк С. С.* Карл Маркс и русские общественные деятели. Л., 1969; *Володин А. И., Итенберг Б. С.* Фридрих Энгельс и Петр Лавров // Энгельс и проблемы истории. М., 1970; *Колпинский Н. Ю., Твардовская В. А.* Бакунин в русском и международном освободительном движении // Вопросы истории. 1964. № 10; *Твардовская В.* Фридрих Энгельс и русские революционеры-разночинцы // Энгельс и проблемы истории. М., 1970; *Конюшая Р. П.* Карл Маркс и революционная Россия. М., 1983.

[3] *Итенберг Б. С.* Маркс за изучением социально-экономической истории пореформенной России // Маркс — историк. М., 1968; *Котов В. Н.* Вопросы истории России в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса. Харьков, 1961; *Суслова Ф. М.* Ф. Энгельс и социально-экономическая мысль России // Энгельс и проблемы истории. М., 1970.

[4] *Wada H.* Marx, Engels and Revolutionary Russia. Tokyo, 1975; *Poggio P.* Marx, Engels e la rivoluzione russa // Movimento operaio e socialista. Genova, 1974. N 1. Касается этой темы также изданный Т. Шаниным (Англия) сборник статей (Late Marx and the Russian Road. Marx and the «peripheries of capitalism». London, 1984. P. IX). Из последних советских работ отметим статью: *Гефтер М. Я.* Россия и Маркс // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 4.

[5] Первая полная публикация этого труда на русском языке появилась в 1989 г. в журнале «Вопросы истории» № 1—3.

[6] Ф. Лассаль — К. Марксу. 11 сентября 1860 г. // *Lassalle F.* Nachgelassene Brief und Schriften. Hrsg. G. Mayer. Bd. 3. Stuttgart; Berlin, 1922. S. 324—325.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 30. С. 465.

[8] См.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979.

[9] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 313—314.

[10] См. там же. С. 399.

[11] См. там же. Т. 22. С. 41.

[12] Там же. Т. 36. С. 263.

[13] См. там же. Т. 38. С. 398—399.

[14] См. там же. Т. 34. С. 290—291.

[15] См. там же. Т. 12. С. 694.

[16] См.: Архив Маркса и Энгельса. М., 1935. Т. 16. С. 128.

[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 549.

[18] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии».) М., 1966. С. 78—79.

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 467.
[20] См. там же. Т. 6. С. 85, 303, 515.
[21] Там же. Т. 19. С. 123; Т. 34. С. 130.
[22] Там же. Т. 36. С. 315.
[23] Там же. Т. 34. С. 229.
[24] Там же. С. 229.
[25] Там же. Т. 18. С. 548.
[26] Там же. Т. 19. С. 144.
[27] Там же. Т. 18. С. 568.
[28] См. там же. Т. 19. С. 144.
[29] См. там же. С. 124, 158.
[30] Там же. Т. 18. С. 548.
[31] См. там же. Т. 38. С. 136.
[32] См. там же. С. 137.
[33] Там же. Т. 36. С. 263.
[34] См. там же. Т. 34. С. 292—293; Т. 38. С. 265—266.
[35] См. там же. Т. 22. С. 532.
[36] См. там же. Т. 12. С. 608.
[37] См. там же. Т. 28. С. 487.
[38] Там же. Т. 12. С. 701.
[39] Там же. Т. 36. С. 263.
[40] См. там же. Т. 33. С. 45; Т. 37. С. 127.
[41] Там же. Т. 19. С. 124.
[42] Там же.
[43] Там же. Т. 34. С. 231.
[44] Там же. Т. 36. С. 315.
[45] Русские современники о Марксе и Энгельсе. М., 1969. С. 200—201.
[46] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 35. С. 234.
[47] Там же. Т. 22. С. 47.
[48] См. там же. Т. 38. С. 136—137.
[49] См. там же. Т. 22. С. 47—48.
[50] Там же. С. 50.
[51] См. там же. С. 51—52.
[52] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 263.
[53] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 357.
[54] См. там же. Т. 18. С. 419, 423. См. подробнее об этом: *Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Чернышевский или Нечаев? М., 1976. С. 29—60.
[55] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 524.
[56] Там же. Т. 33. С. 411.
[57] Маркс, Энгельс и революционная Россия. С. 168, 182.
[58] См.: *Книжник-Ветров И. С.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской коммуны. С. 97—99.
[59] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 380.
[60] Там же. Т. 22. С. 52.
[61] Там же. Т. 35. С. 252.
[62] См. там же. Т. 18. С. 548.
[63] Там же. Т. 35. С. 234.
[64] Там же. Т. 36. С. 105. См. также: Русские современники о Марксе и Энгельсе. С. 200—201.
[65] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 446.
[66] Там же. С. 260.
[67] Там же. С. 260—263.
[68] См. там же. Т. 18. С. 397—398, 407, 412.
[69] Там же. Т. 34. С. 344.
[70] Там же. Т. 19. С. 158.
[71] Там же. Т. 22. С. 451.

[72] Там же. Т. 35. С. 148.
[73] Там же. Т. 22. С. 449—450.
[74] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 375.
[75] Там же. Т. 11. С. 268.
[76] Там же. Т. 9. С. 130.
[77] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 410.
[78] Там же.
[79] См. там же. Т. 22. С. 450—451; Т. 39. С. 33—34, 129—130.
[80] Там же. Т. 22. С. 444.
[81] Там же. Т. 39. С. 34.
[82] См. там же. С. 129—130.
[83] Там же. Т. 22. С. 446.
[84] Там же. Т. 36. С. 462.
[85] Там же. Т. 22. С. 446. Ср. там же. С. 445.
[86] Там же. Т. 19. С. 252.
[87] См. там же. Т. 22. С. 446.
[88] Там же. Т. 34. С. 344; Т. 37. С. 6.
[89] Там же. Т. 19. С. 146.
[90] Там же. Т. 37. С. 5.
[91] Там же. С. 5—6.
[92] См. там же. Т. 22. С. 48.
[93] Там же. Т. 39. С. 293, 349.
[94] Там же. С. 334.
[95] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 247.
[96] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 451.
[97] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 427.
[98] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. С. 520.
[99] Там же. Т. 19. С. 305.

В. П. Шкредов

Ф. ЭНГЕЛЬС И «КАПИТАЛ» К. МАРКСА

Выдающаяся роль Ф. Энгельса в истории общественной мысли тесно связана с «Капиталом» К. Маркса и его историческими судьбами. Энгельс, как известно, раньше Маркса обратился к исследованию экономики. Его первая экономическая работа «Наброски к критике политической экономии» (конец 1843 — начало 1844 г.) способствовала переходу Маркса от критического разбора гегелевской философии права к критике буржуазной политической экономии и анализу капиталистического способа производства. Энгельс самостоятельно, хотя и иным путем, пришел к тем же революционным и материалистическим выводам, что и Маркс. В дальнейшем научные исследования Энгельса в области политической экономии были тесно связаны с работой Маркса над «Капиталом».

Оценивая эту сторону деятельности Энгельса, необходимо иметь в виду следующее его высказывание: «Вследствие разделения труда, существовавшего между Марксом и мной, на мою долю выпало представлять наши взгляды в периодической прессе,— в частности, следовательно, вести борьбу с враждебными взглядами,— для того, чтобы сберечь Марксу время для работы над его великим главным трудом. В силу этого мне приходилось излагать наши воззрения в большинстве случаев в полемической форме, противопоставляя их другим взглядам» [1]. Этот факт оказал влияние на форму и содержание работ Энгельса, особенно в области политической экономии.

Хотя теоретическая деятельность Энгельса в сфере политической экономии находилась в тесной связи с «Капиталом» Маркса, она имела и самостоятельную научную ценность. Не только после смерти Маркса, но и при его жизни Энгельс выступал как ученый. Он никогда не был alter ego Маркса, т. е. человеком, просто воспроизводящим мысли своего друга. Характеризуя роль Энгельса в истории политической экономии, необходимо установить то, что отличает его в этом отношении от Маркса, что нового внес он в эту науку по сравнению с Марксом.

* * *

Известно, что Маркс часто советовался с Энгельсом по различным вопросам, связанным с разработкой теоретической системы и подготовкой I тома «Капитала». Для того, чтобы предотвратить заговор молчания в отношении сочинения Маркса, Энгельс предложил «напасть» на эту книгу «с буржуазной точки зрения» и написал несколько рецензий на «Капитал», которые были опубликованы в различных немецких газетах в конце 1867 — начале 1868 г. При этом преследовалась прежде всего цель заставить высказаться о сочинении Маркса ученых-экономистов. «На этот раз,— писал тогда Энгельс,— Маркс обращается... не к массам, а к людям науки... Здесь речь идет о систематизированной научной теории, здесь ежедневная пресса не может иметь решающего значения, здесь решающее слово может сказать только наука» [2].

Существенную роль в популяризации «Капитала» сыграла вышедшая в 1878 г. работа Энгельса «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» («Анти-Дюринг»). В ней критика теории стоимости, прибавочной стоимости и земельной ренты Дюринга сопровождалась разъяснениями основных моментов метода и содержания «Капитала» Маркса и изложением собственного понимания вопросов, имевших научный и практический интерес.

Трудности уяснения содержания «Капитала» в значительной мере связаны с непониманием диалектического метода Маркса. «Метод, примененный в «Капитале»,— отмечал Маркс,— был плохо понят, что доказывается уже противоречащими друг другу характеристиками его» [3]. Одни называли этот метод «дедуктивным методом всей английской школы», другие — «аналитическим» и т. д. Затем все больше стала преобладать интерпретация, сводившая метод Маркса к схематическому применению гегелевской диалектики, которая, в свою очередь, подвергалась невежественному осуждению.

Третирование гегелевской диалектики было характерно и для Дюринга. В связи с этим Энгельс уделил большое внимание разъяснению и изложению собственного понимания диалектики Маркса. «Заслугой Маркса,— писал он,— является то, что он впервые извлек снова на свет... забытый диалектический метод, указал на его связь с гегелевской диалектикой, а также и на его отличие от последней и в то же время дал в «Капитале» применение этого метода к фактам определенной эмпирической науки, политической экономии» [4].

В этой работе Энгельс впервые разъяснил, что определение исторической тенденции капиталистического накопления является результатом исследования, сделанного Марксом в «Капитале». «Маркс,— заключал Энгельс,— просто доказывает исторически

и здесь вкратце резюмирует, что точно так же, как некогда мелкое производство своим собственным развитием с необходимостью породило условия своего уничтожения, т. е. условия экспроприации мелких собственников, так и теперь капиталистическое производство само породило те материальные условия, от которых оно должно погибнуть. Процесс этот есть исторический процесс, и если он в то же время оказывается диалектическим, то это уже не вина Маркса, как бы это ни было неприятно г-ну Дюрингу» [5]. Иными словами, лишь после того, как в результате исследования процесса производства и воспроизводства капитала Маркс доказал историческую необходимость упразднения «капиталистической оболочки», а анализом истории первоначального накопления доказал, что капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде, он охарактеризовал этот процесс как отрицание отрицания. По Дюрингу получилось, как позднее и у некоторых других критиков и интерпретаторов Маркса, совсем наоборот. Раскрытие материалистического характера Марксова метода применения диалектики в экономических исследованиях составляет одну из главных заслуг Энгельса.

Особо важную роль Энгельс сыграл в исторических судьбах «Капитала». Благодаря его усилиям, были подготовлены к печати оставшиеся незавершенными рукописи второго и третьего томов сочинения Маркса, осуществлены третье и четвертое немецкие издания I тома «Капитала», а также редакция перевода этой книги на английский язык. Благодаря Энгельсу, главный труд Маркса стал достоянием мировой экономической науки и всей человеческой культуры.

В процессе подготовки к печати рукописей второго и третьего томов «Капитала» Энгельс важнейшее значение придавал тому, чтобы изданные им книги были исключительно произведением Маркса, а не редактора. Он видел свою задачу в том, чтобы издать «возможно более аутентичный текст, передать новые результаты исследований Маркса по возможности его же собственными словами». «...Такой человек, как Маркс,— писал Энгельс,— имеет полное право на то, чтобы быть выслушанным самолично и передать потомству свои научные открытия в подлинном собственном изложении» [6]. Придерживаясь этого принципа, Энгельс считал, что переработка им имевшегося у него материала «имела бы ценность комментария». Для действительного понимания «Капитала» Маркса, как писал Энгельс, самым важным является именно подлинник.

Придавая решающее значение не комментариям, а подлинному тексту «Капитала», Энгельс вместе с тем обращал внимание читателей (в предисловии к английскому изданию I тома «Капитала») на важность понимания употребляемых Марксом терминов в их

действительном смысле. «В науке,— как отмечал Энгельс,— каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах» [7]. Термины «Капитала» как произведения, революционизирующего экономическую науку, не должны восприниматься в том их значении, которое они имели в хозяйственной практике и в предшествующей политической экономии. «...Теория, рассматривающая современное капиталистическое производство лишь как преходящую стадию экономической истории человечества, должна употреблять термины, отличные от обычной терминологии авторов, рассматривающих эту форму производства как вечную и окончательную» [8]. Применительно к настоящему времени следует добавить, что «Капитал» Маркса не должен пониматься с точки зрения тех новых терминов, которые появились в новейшей литературе. Тем более не следует искать в «Капитале» категорий, не получивших в нем выражения в соответствующих терминах, или заменять одни термины другими, как это характерно для очень многих работ современных авторов.

Оценивая работу Энгельса над подготовкой рукописей второй и третьей книг «Капитала», не следует, конечно, исходить из того, как будто это сделано самим Марксом. Энгельс считал политическую экономию не теоретической, а «эмпирической наукой». Им придавалось большое значение доказательствам непосредственно с помощью исторических и современных ему экономических фактов. Да и само познание экономики буржуазного общества ставилось им в значительной мере в зависимость от исследования прошлого, докапиталистических форм производства.

Научную значимость самого факта появления политической экономии в широком смысле Энгельс видел прежде всего в том, чтобы углубить и расширить критику капиталистического способа производства и более конкретно раскрыть его исторически преходящий характер. «Чтобы всесторонне провести... критику буржуазной экономики,— писал он еще в «Анти-Дюринге»,— недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Нужно было также, хотя бы в общих чертах, исследовать и привлечь к сравнению формы, которые ей предшествовали, или те, которые существуют еще рядом с ней в менее развитых странах» [9].

В своих экономических исследованиях Маркс придерживался ретроспективного метода познания истории изучаемого предмета. Анализ экономической структуры буржуазного общества служит, согласно этому методу, предпосылкой исследования производственных отношений всех отживших общественных форм. Энгельс в «Анти-Дюринге» и некоторых других работах обратил внимание на другую сторону исторического исследования, подчеркнув, что анализ предшествующих капитализму форм общественного произ-

водства является одной из предпосылок критики буржуазной экономики. В «Анти-Дюринге» и других работах Энгельса особая роль отводилась историческому доказательству теоретических положений, их обоснованию, исходя из результатов анализа истории возникновения и развития соответствующих экономических отношений и процессов.

Склонность Энгельса к историческому и эмпирическому объяснению экономических процессов и явлений не могла в какой-то мере не повлиять на подготовку публикации второго и третьего томов «Капитала». Так, во втором отделе II тома «Капитала» Энгельс сделал большое примечание к 15 главе. В нем отмечалось, что из-за незнания обыденной практики счетоводства купца Маркс «запутался в подробных вычислениях оборотов» (капитала). «Как ни силен был Маркс в алгебре, тем не менее техникой цифровых расчетов, особенно из области торговли, он владел не вполне свободно»,— отмечал Энгельс [10]. При этом Энгельс почему-то полагал, что при исследовании влияния времени оборота на величину авансируемого капитала главное состоит в доказательстве того, что значительная часть промышленного капитала постоянно должна быть налицо в денежной форме, тогда как это было выяснено уже Марксом в первой главе при рассмотрении кругооборота капитала. На мой взгляд, это различие между Энгельсом и Марксом могло объясняться тем, что первый подходил к названному вопросу эмпирически, исходя из практического опыта, а второй — теоретически, на основе ранее развитых положений.

В более существенной форме это различие дало о себе знать при обработке III книги «Капитала». Энгельс решил начало рукописи сделать третьей главой. Вследствие этого изложение вопроса о прибыли и норме прибыли стало предшествовать рассмотрению соотношения между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости. «Превращение прибавочной стоимости в прибыль,— писал, между тем, Маркс,— следует выводить из превращения нормы прибавочной стоимости в норму прибыли,— а не наоборот» [11]. В сочинении Маркса это превращение совершается через посредство теоретического отражения процесса обращения капитала, в результате которого формируется годовая норма прибавочной стоимости. При эмпирическом подходе норма прибыли представляется как следствие превращения прибавочной стоимости в прибыль.

«В ходе научного анализа,— писал Маркс в III книге «Капитала»,— в качестве исходного пункта образования общей нормы прибыли принимаются промышленные капиталы и конкуренция между ними, и только позже вносится поправка, дополнение и модификация благодаря посредничеству купеческого капитала. В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот» [12]. В написанной в связи с III книгой «Капитала» рукописи «Закон

стоимости и норма прибыли» Энгельс идет именно этим обратным путем. Им были раскрыты те исторически посредствующие звенья, которые привели к превращению простого товарного производства в капиталистическое товарное производство и соответственно этому — к образованию цен производства, не совпадающих со стоимостями товаров.

Начальный пункт этого исторического доказательства составляет анализ самой ранней ступени истории торгового капитала, на которой существовали купеческие товарищества, распределявшие прибыль пропорционально вложенной каждым купцом доле капитала. Организованный таким образом торговый капитал и составил, по определению Энгельса, «простейшую форму» и был одним из исходных пунктов исторического развития капитала [13].

Развитие промышленного капитала привело к перевороту в ценообразовании. Энгельс выделял три основных этапа этого исторического процесса. Первоначально, по его мнению, произошло превращение купца в раздатчика сырья, подчиняющего себе таким путем мелких мастеров. Это позволяло купцу присваивать прибавочную стоимость сверх обычной средней торговой прибыли. Возникшее при этом первоначальное неравенство норм прибыли исчезало по мере того, как в раздатчиков превращалось все большее число купцов. Позднее, в результате распространения мануфактур промышленная прибыль выравнивалась со средней торговой прибылью. Наконец, с превращением крупной промышленности в господствующую форму производства были устранены препятствия для перелива капитала из одной отрасли в другую, благодаря чему совершилось выравнивание норм прибыли в различных отраслях торговли и промышленности. Общая норма прибыли и цена производства, по мысли Энгельса, явились результатом исторического процесса превращения простого товарного производства через посредничество купеческого капитала в капиталистическое товарное производство [14].

Энгельс дал объяснение процесса превращения стоимости в цену производства под историческим углом зрения. Это объяснение способствовало развитию и распространению материалистической трактовки стоимости, других понятий политической экономии. В то же время оно оказало влияние на последующую интерпретацию «Капитала» и привело в конце концов к вульгаризации диалектического метода, примененного Марксом в «Капитале».

* * *

В современной экономической и философской литературе прочно укоренились и представляются незыблемыми представления, согласно которым теоретическая система «Капитала» отра-

жает историю товара и денег и исторический процесс превращения простого товарного производства в капиталистическое. В качестве самого главного момента примененного Марксом в «Капитале» метода изображается «единство» логического (теоретического) и исторического. Первоначальным поводом для такой интерпретации сути диалектического метода экономического исследования является рецензия Энгельса на первый выпуск работы Маркса «К критике политической экономии», которая была написана в августе 1859 г. и опубликована в Лондоне немецкой газетой «Das Volk» [15].

Характеризуя применяемый Марксом метод критики политической экономии как логический, Энгельс считал тогда, что исходную точку для такого метода дала гегелевская философия, которая отличалась «огромным историческим чутьем», поскольку в ней развитие мыслей «всегда шло параллельно развитию всемирной истории». Этот «логический метод» противопоставлялся им немецкой исторической школе, разного рода «некритическим собирателям фактов» и так называемой «камералистике», представлявшей собой, по его словам, какую-то кашу «из всякой всячины, политую эклектически-экономическим соусом» [16].

В политической экономии «исторический метод» мог состоять в том, чтобы руководящую нить для критики давало бы «историческое развитие политико-экономической литературы», которая, как и история буржуазного общества, проходит развитие от простейших отношений к более сложным. Но поскольку история часто идет «скачками и зигзагами», то «пришлось бы не только поднять много материала незначительной важности, но и часто прерывать ход мыслей». Поэтому единственно подходящим Энгельс считал «логический метод». «Но этот метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме...» [17] Вот это определение метода политической экономии впоследствии стало рассматриваться в качестве аутентичного истолкования теоретической системы «Капитала», всей диалектики Маркса в ее применении к исследованию капиталистического способа производства.

Такая интерпретация диалектического метода, противоречившая системе взглядов Маркса, нашедшей отражение в его экономических рукописях и «Капитале», была вызвана характером рецензии Энгельса. Назначение рецензии заключалось прежде всего в том, чтобы разрушить «заговор молчания» по отношению к «К критике политической экономии», а не в раскрытии сути диалектического

метода. Маркс просил тогда Энгельса не забыть написать в рецензии, что в его «Первом выпуске» уничтожен в корне прудонизм, а в товаре как простейшей форме выяснен специфически общественный характер буржуазного производства [18]. Энгельсу не удалось выполнить эту просьбу своего друга.

Не следует пренебрегать и тем фактом, что рецензия была написана за несколько дней без предварительной исследовательской работы и не удовлетворила самого автора. Вот что писал Энгельс 3 августа 1859 г. Марксу: «Посылаю начало статьи о твоей книге. Просмотри его хорошенько, и если оно в целом не понравится тебе, разорви его и сообщи мне свое мнение. Вследствие недостатка упражнений в такого рода писании я так от него отвык, что твоя жена будет очень смеяться над моей беспомощностью» [19]. Можно не сомневаться в этой искренности Энгельса. К сожалению, не известно, как Маркс отреагировал на рецензию. Но его произведения свидетельствуют о том, что Маркс рассматривал существенно иначе соотношение между теоретической системой «Капитала» («логическим») и историей капиталистического способа производства («историческим»).

В наиболее общей форме это различие нетрудно проследить, если подвергнуть сравнительному анализу рецензию Энгельса и раздел «Метод политической экономии» в рукописи Маркса «Введение» (1857), которая не была известна Энгельсу. Если Энгельс писал о том, что ход мыслей должен начинаться с того, с чего начинает история, то Маркс, напротив, указывал на ретроспективный метод исследования истории в соответствии с принципом «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны» [20].

Маркс отнюдь не представляет «логическое» (теоретическое) как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме, свободной от случайностей. «...Было бы неосуществимым и ошибочным трактовать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе... Речь идет не о том положении, которое экономические отношения исторически занимают в различных следующих одна за другой формах общества. Еще меньше речь идет о их последовательности «в идее»... Речь идет о том месте, которое они занимают в структуре современного буржуазного общества» [21]. Таков отчетливо и однозначно выраженный Марксом принцип соотношения «логического» и «исторического» в политической экономии. И не следует прибегать к разного рода словесным ухищрениям для того, чтобы подогнать его под рецензию Энгельса. Такое согласование невозможно потому, что здесь, как и во всех последующих рукописях и сочинениях Маркса, выражен существенно

иной взгляд на метод политической экономии. Основанием «расчленения предмета» для Маркса, как отмечалось им, было современное буржуазное общество, исследование которого он начинал, как известно, с товара, но отнюдь не с анализа реальной истории превращения продукта в товар.

Некоторое сходство с трактовкой Энгельса обнаруживается лишь в той части «Введения», где речь идет о «независимом историческом или естественном существовании» таких простых категорий, как деньги, труд, которые могут существовать исторически раньше, чем они превратились из «независимых» в «подчиненное», абстрактное, одностороннее отношение более развитого, буржуазного общества. И только «в этом отношении» ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому развитию. «Итак, хотя более простая категория,— как писал Маркс,— исторически может существовать раньше более конкретной, но в своем полном интенсивном и экстенсивном развитии она может быть присуща как раз более сложной общественной форме...» [22] Проиллюстрировав это на категориях «труд», «труд вообще», Маркс заключил: «Этот пример труда убедительно доказывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их» [23]. Поэтому категории буржуазной экономики могут заключать в себе какую-то истину для всех других обществ только с указанной оговоркой, т. е. лишь «в существенно измененном виде».

В анализируемой рукописи в отличие от рецензии Энгельса теоретический, или логический, метод противопоставляется не «историческому методу» (такое выражение Маркс вообще нигде не употреблял), а экономистам XVII в., которые начинали с живого целого и аналитически подходили к простым понятиям, «более тощим абстракциям», т. е. совершали движение от эмпирически конкретного к абстрактному. Позднее стали возникать экономические системы, которые восходили от простого, абстрактного к конкретному как единству многообразного. Этот «теоретический метод» восхождения от абстрактного к конкретному Маркс называл «правильным в научном отношении», объективную предпосылку которого составляет данное «живое целое», данное общество (но не его история!). «Как вообще во всякой исторической, социальной науке, при развитии экономических категорий нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове дан субъект — в данном случае современное буржуазное общество — и что категории выражают поэтому формы бытия, усло-

вия существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества...»[24] Как видим, при «логическом» методе нет необходимости начинать с того, с чего начиналась история капитализма, и пытаться отражать исторический процесс возникновения буржуазного общества. Требуется лишь теоретически воспроизвести объективную взаимосвязь экономических отношений в структуре исторически сформировавшегося капиталистического способа производства. Такое понимание метода Маркса подтверждается всеми последующими его экономическими исследованиями, в которых этот метод получил предметное выражение.

В своем экономическом исследовании Маркс проводил отчетливое различие между теоретическими и историческими его разделами. Это само по себе указывает на то, что «логическое» не могло рассматриваться им как отражение «исторического». В экономической рукописи 1857—1858 гг. истории экономического развития посвящены анализ «форм, предшествующих капиталистическому производству» и исследование процесса «первоначального образования капитала». Такое историческое исследование давало возможность показать, что буржуазная экономика как конкретное целое является продуктом всей предшествующей истории. Но этим исследованием не решался вопрос как о содержании теоретической системы исторически уже сложившейся буржуазной экономики, так и о последовательности изложения ее специфически общественных категорий. Совсем напротив. Теоретическое, логическое являлось для Маркса предпосылкой исторического исследования.

Метод ретроспективного познания истории буржуазной экономики объективно определяется тем, что выяснение исторического генезиса капитала, процесса первоначального накопления капитала находится в зависимости от того, каким образом теория определяет само понятие капитала.

Как отмечал Маркс еще в упомянутой рукописи 1857—1858 гг., «из простого рассмотрения специфических особенностей капитала должны выявиться его исторические предпосылки»[25]. Посредством такого метода было дано развернутое доказательство того, каким образом теория, отражающая экономику исторически сложившегося буржуазного общества, соотносится с исследованием предшествующей истории возникновения капитала.

Поскольку капитал сам воспроизводит необходимые для него условия, он развивается уже на своей собственной основе. Соответственно этому Маркс делал различие между внутренними, постоянно воспроизводимыми капиталом предпосылками, и внешними, или исторически первоначальными его предпосылками, которые представляют собой результат разложения исторически предшествующих форм производства. В отличие от первых эти перво-

начальные предпосылки, как отмечал Маркс, «принадлежат к *истории образования капитала*, но отнюдь не к его *современной* истории, т. е. они не относятся к действительной системе подчиненного ему способа производства» [26].

Вместе с тем был развит сформулированный в рукописи «Введение» принцип, согласно которому исследование современности дает ключ к пониманию прошлого. «...Наш метод показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, т. е. те пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства. Поэтому, для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений»* [27]. Исследованию этой истории Маркс предполагал посвятить самостоятельную работу. Это намерение не было осуществлено.

Научное проникновение в прошлое могло быть лишь дополнительным, именно историческим доказательством специфически общественной природы капитала, выявленной уже в результате теоретического анализа. Теоретическое исследование исторически сформировавшегося буржуазного общества приводило также «к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему», к определению буржуазных условий производства, как полагающих *«исторические предпосылки* для нового общественного строя» [28]. Анализ некоторых из этих предпосылок создал теоретическую основу для объяснения исторически преходящего характера буржуазного способа производства, для доказательства того, что капитал не является абсолютной формой производства.

В рукописи 1857—1858 гг. совершенно определенно выражено, что в своем теоретическом исследовании Маркс имел дело «с уже сложившимся, движущимся на своей собственной основе буржуазным обществом» [29]. Поскольку названная рукопись не была к этому времени известна Энгельсу, он, естественно, не мог заметить своих принципиальных расхождений с Марксом в понимании вопроса о соотношении теоретического и исторического. В то же время данное Энгельсом определение логического как отражения исторического, не было случайным. Оно, как это явствует из его последующей научной деятельности, имело свои глубокие корни в характерной для него склонности к историческому объяснению экономических явлений буржуазного общества. Сообщая Энгельсу в апреле 1858 г. структуру своего сочинения, Маркс писал, что переход от исследования капитала к земельной собственности и от последней к наемному труду, есть не только диалектический, но и исторический,

а также излагал логический порядок рассмотрения функций денег. В ответ на это Энгельс тогда писал: «...я еще не уяснил себе диалектический переход от земельной собственности к наемному труду. Очень тонко изложена также проблема денег; в деталях я и здесь еще не разобрался, так как мне часто приходится сначала искать историческую подоплеку» [30]. В связи с этим он выразил надежду, что при дальнейшей разработке «отвлеченно-диалектический тон» исчезнет.

Подобный же совет давал Энгельс и в связи с изложением Марксом раздела о форме стоимости в первом немецком издании I тома «Капитала». Энгельс советовал Марксу «доказать исторически то, что здесь достигнуто диалектическим путем; так сказать, подтвердить достигнутое на примере истории», «доказать филистеру историческим путем необходимость образования денег и показать происходящий при этом процесс» [31]. Маркс не последовал этому совету; лишь во второе издание I тома «Капитала», видимо, не без влияния Энгельса, он включил краткие исторические иллюстрации, поясняющие простую и развернутую формы стоимости.

Вероятно, это добавление Маркса, равно как и его вставки в брошюру И. Моста «Капитал и труд», наряду со стремлением Энгельса к историческим методам доказательств послужили первоначальным толчком к ошибочной трактовке раздела «Форма стоимости, или меновая стоимость» как теоретического, логического отражения добуржуазной истории товарного обмена и денег. Такая интерпретация, ставшая позднее чуть ли не азбучной истиной, оказала отрицательное влияние на понимание всего метода, примененного Марксом в «Капитале». Она благоприятствовала распространению взглядов, согласно которым теоретическое (логическое) восхождение от абстрактного к конкретному в «Капитале» отражает исторический процесс возникновения и развития капитализма. Между тем тщательный анализ всех текстов, в которых Маркс изложил развитие формы стоимости, приводит к выводу, что этим исследованием раскрыта диалектика становления товара и денег в системе меновых отношений общества, в котором товар является всеобщей элементарной формой богатства [32]. Поэтому «логическое» здесь могло быть отражением только той истории, которая, по выражению Маркса, ежедневно разыгрывается на наших глазах, т. е. в условиях исторически сложившегося буржуазного общества.

Особенно отчетливо отличие подходов Энгельса от Маркса проявилось позднее в связи с критическим разбором предложенных Лексисом, Шмидтом, Фиреманом способов разрешения антиномии между законом стоимости и законом равной прибыли. При этом Энгельс впервые дал собственную интерпретацию содержания первого отдела I тома «Капитала». В начале первой книги, отмечал он, Маркс «исходит из простого товарного производства, являющего-

ся для него исторической предпосылкой, чтобы затем в дальнейшем изложении перейти от этого базиса к капиталу... он при этом начинает именно с простого товара, а не с формы, логически и исторически вторичной, не с товара, уже капиталистически модифицированного...»[33]. Эти мысли Энгельс развил после выхода III тома «Капитала», вызвавшего полемику вокруг вопроса о соответствии стоимости реальным явлениям экономической действительности. Энгельс видел свою задачу в том, чтобы в результате исторического исследования обнаружить те «промежуточные звенья», которые ведут от непосредственно реальной стоимости в докапиталистическую эпоху к глубоко скрытой стоимости при капитализме.

Имея в виду I том, Энгельс писал в «Анти-Дюринге», что «во всем отделе «Капитала», трактующем о стоимости, нет ни малейшего намека на то, считает ли Маркс эту свою теорию стоимости товаров применимой также и к другим формам общества, и если считает, то в каком объеме»[34]. В 1884 г. на основе изучения книги Л. Моргана «Древнее общество» он пришел к выводу о том, что товарное производство возникло вместе со вторым крупным общественным разделением труда на высшей ступени варварства, а на стадии цивилизации, после третьего общественного разделения труда товарное производство стало господствующей формой. Период цивилизации характеризовался, таким образом, господством законов товарного производства. «...Цивилизация,— заключал Энгельс,— является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе»[35]. Это исследование вместе с изучением той части рукописи III книги «Капитала», в которой речь шла об обмене по стоимости за пределами условий капиталистического способа производства[36], привело Энгельса к новой интерпретации исходного пункта «Капитала». Содержание первого отдела I тома сочинения Маркса определялось им как отражение исторически предшествующего капитализму простого товарного производства, в условиях которого, по его мнению, осуществлялся реальный обмен товаров по их стоимости.

Для всего периода простого товарного производства, как писал тогда Энгельс, характерно, что «цены тяготеют к определенным, по закону Маркса, стоимостям и колеблются вокруг них так, что чем полнее развивается простое товарное производство, тем больше средние цены за продолжительные периоды, не прерываемые внешними насильственными нарушениями, совпадают со стоимостями с точностью до величины, которой можно пренебречь»[37]. Энгельсом было выдвинуто положение, согласно которому этот период «всеобщего и непосредственного значения» стоимости господ-

ствовал в течение пяти — семи тысяч лет, вплоть до XV столетия.

Нетрудно заметить несоответствие названного вывода теории, развитой Энгельсом, и реальной исторической действительности. Исторически стоимость могла получить «всеобщее» значение только с утверждением капиталистического способа производства, при котором само производство продуктов как товаров приобрело всеобщий характер. Примечательно, что в «Анти-Дюринге», в отличие от позднейших работ, Энгельс, разграничив добуржуазную и капиталистическую формы товарного производства, писал, что законы товарного производства стали действовать «более открыто и властно» только с возникновением капитализма, а в предшествующей капитализму истории реально существовали лишь неразвитые формы товарного производства и обмена. Поэтому и регулирующая роль закона стоимости не могла иметь решающего значения.

Маркс последовательно придерживался взгляда, что стоимость как самая абстрактная форма буржуазного богатства предполагает исчезновение всех добуржуазных способов производства, в которых обмен еще не господствует[38]. Главное, однако, заключается не в отдельных высказываниях Маркса, а в самом характере использования диалектики в «Капитале».

Переход от стоимости к цене производства и равной прибыли в теоретической системе Маркса не опосредствуется исследованием исторического процесса превращения простого товарного производства в капиталистическое. Превращение стоимости в цену производства отражает внутреннюю объективную диалектику процессов производства и обращения капитала. И главное в этом процессе заключается, как это показал Маркс, в превращении прибавочной стоимости (при посредстве процесса кругооборота и оборота капитала) в прибыль, которая, в свою очередь, в результате внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции превращается в среднюю прибыль. Цена производства и есть та форма, в которой стоимость обнаруживает себя на поверхности явлений буржуазной экономики. Она выражает собственный результат диалектических процессов, постоянно совершающихся внутри исторически сложившегося капиталистического способа производства. Эта внутренняя объективная диалектика исследуемого в «Капитале» предмета не должна смешиваться с диалектикой истории экономического развия общества, включая исторический процесс возникновения товара денег в добуржуазную эпоху. Интерпретация логики «Капитала» к отражения истории превращения простого товарного производства в капиталистическое неизбежно привела к упрощенному понманию диалектического метода, примененного в «Капитале», к едению его к отражению исторического процесса возникновения и звития тех или иных экономических форм. И вина за это, можно

сказать, трагическое недоразумение лежит не столько на Энгельсе, сколько на последующих комментаторах и защитниках Марксовой теории стоимости.

* * *

После смерти Энгельса начался новый этап в интерпретации содержания первого отдела I тома «Капитала», отразившийся на трактовке диалектического метода Маркса. Этот этап был непосредственно связан с критикой теории стоимости Бем-Баверком. Трактовка Энгельсом содержания первого отдела как отражения исторически предшествующей капитализму формы товарного производства заключает в себе неразрешимое логическое противоречие. Если фактические отношения, которые служат основой определения стоимости и эквивалентного обмена, относятся к добуржуазной истории, то отсюда не следует необходимость и доказанность объяснения капитализма, исходя из закона определения стоимости трудом.

Характеристика начала системы «Капитала» в качестве анализа «простого товарного производства», кроме того, закрывала путь к объяснению внутренне необходимой связи между первым и вторым отделами. В таком случае эту связь можно определить лишь как отражение исторического перехода от одного предмета (простого товарного производства) к другому предмету (капитализму). Но, как известно, в «Капитале» этот переход не опосредствуется анализом истории разложения простого товарного производства и его превращения в капиталистическое производство. Поскольку это так, подобная интерпретация, будучи последовательной, неизбежно должна была бы вести к признанию того, что отсутствует внутренняя связь между первыми двумя отделами «Капитала», а следовательно, между начальными и завершающими ступенями экономической системы Маркса. Вследствие этого не давался ответ на вопрос, каким реальным явлениям капитализма соответствует связь между первым отделом первого тома и III томом «Капитала».

Утверждение, что первый отдел «Капитала» соответствует условиям добуржуазного производства, само по себе не является доказательством истинности трудовой теории стоимости. Ведь и применительно к добуржуазной эпохе тоже встает проблема соотношения научной абстракции и реальной действительности. Абстрактное (стоимость в первом отделе) вообще нигде непосредственно не совпадает с конкретным. И применительно к мелкотоварному производству необходимо доказать, как определение стоимости трудом согласуется с фактами реальной действительности того времени. Если это не раскрыто, то рассматриваемое утверждение не является научно обоснованным положением,

в лучшем случае его можно считать лишь гипотезой. Следовательно, трактовка первого отдела «Капитала» как анализа простого товарного производства не решала проблему, а лишь переносила ее из буржуазной в добуржуазную эпоху. Иными словами, она требовала того, чтобы, так сказать, дописать «Капитал» за Маркса, дополнить первый отдел анализом докапиталистического товарного производства и согласовать его с действительными историческими фактами добуржуазной эпохи. Как мы увидим в дальнейшем, такое «дописывание» стало затем преобладающим способом преодоления указанных логических противоречий.

Поскольку связь между стоимостью и ценой производства (I и III томов «Капитала») рассматривалась как освобожденное от случайностей логическое отражение исторического процесса превращения простого товарного производства в капиталистическое, постольку требовалось дать анализ этого исторического процесса. В этом случае необходимо было на фактах показать, как это пытался сделать Энгельс, что в действительной истории товары первоначально продавались по стоимости (что соответствовало бы первому отделу «Капитала»), затем произошло ее превращение в рыночную стоимость и, наконец, в цену производства (III том «Капитала»). Но содержание всех трех томов «Капитала» со всей очевидностью свидетельствовало о том, что переход от стоимости (начало I тома) к цене производства (второй отдел III тома) не опосредствуется анализом исторического процесса превращения простого товарного производства в капиталистическое. Раз такой анализ отсутствует, то связь между стоимостью и ценой производства в теоретической системе «Капитала» не должна рассматриваться как отражение указанного исторического процесса.

Таким анализом, конечно, не являются приводимый Марксом в III томе гипотетический пример общества, в котором средства производства принадлежат рабочим, и его ссылка на обмен по стоимости при некоторых добуржуазных формах производства. Но именно на этой небольшой части текста третьего тома «Капитала» сосредоточил свое внимание Бем-Баверк. Маркс, писал он, «развивает мысль, что в общественном быту, в котором капиталистическое производство еще не господствует... товары в самом деле обменивались бы по действительной ценности. Имея в виду, что такие условия относятся к прошлому, Маркс считает себя вправе утверждать, что стоимость не только теоретически, но и исторически есть prius [первичное] цен производства»[39]. Поскольку в «Капитале» средняя норма прибыли является не исходным пунктом, а результатом, то, по мнению Бем-Баверка, должны быть факты, которые подтверждали, что до выравнивания прибыли в историческом прошлом отрасли с низким органическим строением прино-

сили наибольшую прибыль, а отрасли с высоким органическим строением — наименьшую. И если бы было так, то исторически капитализм сперва развивался бы там, где преобладает живой труд и лишь позднее — в других сферах. Поскольку соответствующих фактических подтверждений в «Капитале» не приводится, Бем-Баверк делал вывод, что закон стоимости не имел действительного господства над ценами ни в первобытном состоянии, ни в условиях капитализма.

Утверждение, что Маркс начинает объяснение процесса образования средней прибыли с докапиталистической эпохи, не соответствует истине. Средняя прибыль в системе «Капитала» предстает как результат сложных экономических процессов, совершающихся при капитализме, которые включают в себя превращение прибавочной стоимости в прибыль, а последней — в среднюю прибыль в ходе внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции. Превращение стоимости в цену производства и выступает в качестве результата указанного процесса. Такое объяснение, в основе которого лежит переход от внутреннего, скрытого к внешнему, поверхностному проявлению существенных отношений капитализма, не нуждается в непосредственном подтверждении фактами, которые доказывали бы, что стоимость исторически предшествовала цене производства и средней прибыли. «Капитал» Маркса базируется на принципиально ином методе, чем «исторический» метод Бем-Баверка. Его невозможно научно опровергнуть простыми ссылками на какие-либо исторические факты прошлого.

Иное дело, если исходить из того, что соотношение между стоимостью и ценой производства отражает связь между двумя различными историческими ступенями развития товарного производства. В таком случае действительно требуются соответствующие исторические доказательства. С этой точки зрения критика Бем-Баверка не была лишена известного основания. И ответить на эту часть критического выступления Бем-Баверка можно было лишь опирающимся на факты научным анализом исторического процесса превращения мелкотоварного производства в капиталистическое. Вместо доказательства фактами истории защита теории Маркса от критики Бем-Баверка пошла по пути ссылок на абстрактный принцип, согласно которому теоретическое (логическое) есть отражение исторического. Это явственно обнаруживалось в брошюре Гильфердинга «Бем-Баверк как критик Маркса».

Утверждая, что Маркс рассматривает превращение стоимости в цену производства как «исторический процесс», Гильфердинг доказывал это ссылкой на абстрактный принцип познания. «Согласно диалектическому методу,— писал он,— историческое развитие всюду идет параллельно с развитием понятий, так что развитие

общественных производительных сил выступает то в исторической его реальности, то как отражение ее в системе понятий. Этот именно параллелизм содержит в себе наиболее строгое эмпирическое доказательство правильности теории»[40]. Подобная аргументация совершенно неудовлетворительна. Ведь требовалось доказать, что превращение стоимости в цену производства отражает исторический процесс. Это предполагает исследование соответствующих ступеней истории. Вместо этого Гильфердинг просто утверждал, что имеется параллелизм в развитии понятий и истории. Следовательно, то, что требовалось доказать, выступало как основание доказательства. Налицо тавтология, действительное доказательство вообще отсутствовало. Тем более здесь нет никакого «строго эмпирического доказательства», поскольку отсутствует анализ фактов действительной истории.

В дальнейшем изложении Гильфердинг несколько конкретизировал свою интерпретацию начала «Капитала». В отличие от Энгельса «простое товарное производство» он трактует не только как исторический предшественник капитализма, но и как «теоретически исходный пункт» дальнейшего анализа буржуазного общества. В «Капитале», как утверждал Гильфердинг, простое товарное производство, при котором совершается «обмен товаров по их стоимости, с одной стороны, образуется лишь теоретически исходный пункт для дальнейшего анализа, с другой стороны, является господствующим для известной исторической фазы товарного производства»[41]. Перед нами одна из утвердившихся в современной литературе интерпретаций первого отдела I тома «Капитала».

Почему общество простых товаропроизводителей должно составлять исходный пункт исследования капитализма? Ответ на этот существенный вопрос Гильфердинг связывал с «общей основой» простого и капиталистического товарного производства: разделением труда и частной собственностью. Но если по отношению к разделению труда можно хотя бы формально вести речь об общих чертах простого товарного производства и капитализма (реально капитализм предполагает новый исторический тип разделения труда), по признаку собственности капитализм и простое товарное производство не подводятся под одну и ту же общественную форму. звестно, что Маркс определял частную собственность, основанную своем труде, и частную собственность, основанную на эксплуатации наемного труда, как два совершенно различных рода собстнности. И эти две исторически различные формы сводились ільфердингом в одну общую категорию. При отвлечении от уканного различия получалась чисто субъективная абстракция, корой в реальной жизни ничто не соответствует. «Общая осно- товарного производства», как она определялась Гильфердингом,

не могла поэтому составлять теоретически исходный пункт объяснения ни капитализма, ни мелкотоварного производства.

По существу, эти «общие основы» оставались фразой. Реально Гильфердинг трактовал «простое товарное производство» как общество, в котором средства и продукты производства принадлежат трудящимся как равным и независимым производителям, т. е. это есть общество с господством мелкотоварных отношений. Как же можно было такое общество вместе с тем представлять как исходный пункт для дальнейшего анализа капитализма? Гильфердинг, однако, не замечал этого противоречия. Превратив сначала «общие основы» в мелкотоварное производство, он рассматривал затем капитализм как «высшую модификацию» последнего. Но капитализм не модифицирует, а упраздняет мелкотоварное производство, возникает, по выражению Маркса, на его могиле.

Как «высшая модификация» мелкотоварного производства капитализм, согласно Гильфердингу, видоизменяет проявление закона стоимости: обмен по стоимости (основой которого является равенство трудовых затрат) заменяется обменом по ценам производства (в его основе — равенство прибыли). Связь между стоимостью и ценой производства представлялась, следовательно, как отражение исторического процесса превращения мелкотоварного производства в капиталистическое. Это превращение связывалось Гильфердингом с переходом от «докапиталистической» конкуренции, которая вызывает выравнивание индивидуальных стоимостей в одну рыночную стоимость, к «специфически капиталистической» конкуренции, вызывающей превращение рыночной стоимости в цену производства. Тем самым было положено начало привнесению в первый отдел I тома «Капитала» таких категорий («рыночная стоимость», «докапиталистическая конкуренция»), которых нет и быть не может в соответствующем тексте сочинения Маркса.

Таким образом, у Гильфердинга тезис о «простом товарном производстве» как теоретически исходном пункте анализа капитализма не получил научного обоснования. Его доказательство свелось к словесным заверениям и произвольной абстракции «общих основ» товарного производства (в позднейшей литературе эти общие основы трансформировались в «товарное производство вообще»). «Простое товарное производство» по своему объективному содержанию осталось абстракцией, тождественной исторически предшествующему капитализму мелкотоварному производству. Такая интерпретация вела, по существу, к вульгаризации метода «Капитала». Начало системы «Капитала» как абстрактное, простое стало превращаться в нечто конкретное, в мелкотоварное производство. В известном смысле это был логически последовательный шаг: если здесь «простое товарное производство» тождественно мелкотоварному, то должна быть представлена вся система отношений, необ-

ходимых для его реального функционирования. Наиболее отчетливое выражение линия на привнесение в первый отдел «Капитала» всего того, что характерно для простого, а по существу, мелкотоварного производства, получила в 20-х гг., на наш взгляд, в книге советского экономиста И. И. Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса» [42].

В этой работе «простое товарное производство» изображалось не как исторический предшественник, а как «одна из сторон» капитализма, только как отношение между товаропроизводителями. Это избавляло от необходимости объяснения того, каким образом в «Капитале» Маркса отражен переход от добуржуазного к капиталистическому товарному производству. Достоинство этой интерпретации заключалось в том, что содержание первого отдела «Капитала» рассматривалось как начальная ступень анализа только «капиталистического хозяйства». Что касается конкретного содержания «простого товарного производства», то в него Рубин включал все совокупности отношений и экономических форм, необходимых для функционирования этого общества «равных товаропроизводителей», включая эквивалентный обмен между ними по рыночной стоимости. Это привнесение рыночной стоимости в начало I тома «Капитала» находилось в явном противоречии с тем фактом, что образование рыночной стоимости исследуется Марксом в III томе его сочинения.

Верно отмечая, что отождествление диалектики с историзмом является вульгаризацией диалектического метода, Рубин свел диалектику экономических категорий к субъективным приемам «постепенного усложнения», происходящих в голове исследователя, который на первых ступенях анализа абстрагируется от каких-то отношений, а на последующих ступенях теоретической системы вводит их в сферу своего рассмотрения. Как и его предшественники, Рубин не заметил того; что диалектика «Капитала» отражает внутреннюю объективную диалектику процессов капиталистического производства и обращения. Вместе с тем он утверждал, что связь между стоимостью и ценой производства не отражает историю превращения добуржуазного товарного производства в капиталистическое.

В начале 30-х гг. на экономическую литературу стали влиять зличные ненаучные факторы. В результате в ней утвердилась храняющаяся до сих пор трактовка «логического» как отражения сторического». Но в отличие от определения «простого товарго производства» как исторического предшественника капитализ- ι данного в свое время Энгельсом, оно стало рассматриваться ономистами также как исходная «теоретическая модель» капи- лизма. Этот результат истории интерпретации первого отдела гома «Капитала» и диалектического метода Маркса лучше всего

прослеживается по известным комментариям Д. И. Розенберга к «Капиталу» Маркса [43].

Примечательно, что в «Комментариях», вышедших в 1929 г., Розенберг, подобно Рубину, определял простое товарное производство лишь как теоретическую абстракцию, которая отражает один из признаков капитализма, и не рассматривал его в качестве исторического предшественника капиталистического хозяйства. Но в последующих изданиях «Комментариев» был совершен, можно сказать, поворот на 180 градусов. Простое товарное производство стало трактоваться им не только в теоретическом, но и в историческом смысле. Произошло возвращение к той двойственной интерпретации, которая в свое время была дана Гильфердингом. Розенберг направил все свои усилия на то, чтобы возможно полнее раскрыть «исторический смысл» простого товарного производства. Под его пером «историческое» не только стало отождествляться с диалектикой, но и смешиваться с эмпирической действительностью, с анализом фактов исторически сложившегося общества [44].

В 30-е гг. вопрос о «простом товарном производстве» приобрел острый политический характер, стал непосредственно связываться с решением практических проблем построения социализма. Так, А. Реуэль, критикуя Рубина за отрыв логического от исторического, писал, что отказ от характеристики теоретической системы «Капитала» как отражения исторического процесса превращения простого товарного производства в капиталистическое «исключает даже постановку вопроса перехода от капитализма к социализму» [45]. С разгромом школы Рубина был положен конец попыткам научного подхода к интерпретации I отдела «Капитала» и уяснению диалектического метода Маркса. Иначе оно и не могло быть в той антинаучной атмосфере, которая существовала в 30—50-х гг. К сожалению, и в последние десятилетия основная масса политэкономов и философов продолжала находиться под определяющим воздействием результатов «дискуссий» 30-х гг.

При этом предполагалось, как нечто само собой разумеющееся, что взгляды Энгельса полностью совпадают со взглядами Маркса, а его интерпретации и комментарии являются такими, как если бы они были сделаны самим Марксом. Но такая предпосылка заведомо лишена истины. Тем самым объективно умаляется самостоятельность Энгельса как выдающейся личности, вместе с тем принижается влияние самого Маркса на последующую историю марксистской мысли.

В 60—70-х гг. соответствующей интерпретации метода «Капитала» был придан развернутый, систематический характер. Среди философских работ такого рода, оказавших большое и в значительной мере отрицательное влияние на современных политэкономов, сле-

дует назвать прежде всего вышедшую в 1960 г. книгу Э. В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса». В этой книге «основной принцип диалектики» выражен следующим образом: «Логическое развитие категорий, в форме которого совершается построение системы науки, должно совпадать с историческим развитием предмета, как отражение с отражаемым. Сама последовательность категорий должна воспроизводить реальную историческую последовательность, в которой протекает процесс формирования предмета исследования, процесс складывания его структуры» [46]. Даже в работе В. А. Вазюлина, от внимания которого не ушло существенное различие между Марксом и Энгельсом в понимании соотношения между теорией и историей исследуемого предмета, рассматривается несколько «типов» соотношения логического и исторического и делается такой общий вывод: «Содержание в логическом исторического, хотя и в преобразованном виде, дает возможность К. Марксу сопоставлять логическое движение мысли, отображающее предмет, с действительным историческим процессом его развития» [47]. При этом сопоставление современности с прошлым трактуется им как необходимый принцип диалектического рассмотрения предмета, что равнозначно признанию непознаваемости исторически сложившейся экономики буржуазного общества без анализа его истории.

Между тем теоретическая система «Капитала» Маркса в ее чистом виде отражает только и исключительно внутреннюю объективную диалектику процессов капиталистического производства и обращения в условиях экономически зрелого буржуазного общества. В рассмотрении предмета как «субъекта» объективных экономических процессов, в результате которых совершается становление и превращение всех внутренне свойственных капитализму экономических форм, и заключается «диалектическая логика» «Капитала» Маркса [48]. И для ее реализации нет безусловной необходимости обращения к отображению исторического генезиса капиталистического способа производства.

Что касается собственно «исторического», то оно получило в «Капитале» отражение, во-первых, в форме особых ретроспективных очерков (анализ первоначального накопления капитала, истории купеческого и ростовщического капитала, генезиса капиталистической земельной ренты), во-вторых, в форме сочетания с теоретическим исследованием (анализ мануфактуры, истории фабрики, рабочего дня), в-третьих, в форме выяснения объективных исторических тенденций развития зрелого капиталистического способа производства, общим выражением которых является экономический закон движения современного Марксу буржуазного общества (сюда относится выяснение исторической тенденции капиталистического накопления, внутренних противоречий закона тен-

денции нормы прибыли к понижению, зарождение экономически переходных к новому обществу форм, т. е. все то, что характеризует процесс «самоотрицания» капитала)[49]. Нет никакой необходимости в том, чтобы искусственно усложнять это простое и отчетливо выраженное в «Капитале» соотношение между «логическим» и «историческим».

Активным проповедником «единства» (хотя не только Маркс, но и Энгельс не употребляли этот термин применительно к рассматриваемому случаю) логического и исторического как основного принципа метода политической экономии стала «школа Цаголова», которая пыталась построить на его основе теоретическую систему социалистической экономики, но зашла в тупик, будучи не в силах согласовать свою теорию с фактами истории и современной экономической действительности.

Необходимым условием исторического доказательства Энгельс считал изучение соответствующих фактов прошлого. Примечателен в этом отношении такой пример. На основании анализа товара и простого товарного обращения Маркс в I томе «Капитала» высказал предположение, что исторически первоначальное развитие продукта в товар совершилось в сфере меновых отношений между общинами. «Тогда, в 1865 г.,— писал Энгельс в одном из примечаний к III тому «Капитала»,— это было только «мнением» Маркса. Теперь, после обширных исследований первобытной общины, начиная с Маурера и кончая Морганом, это — едва ли кем-либо оспариваемый факт»[50]. И сам он стремился следовать этому правилу. Для современных толкователей «единства» логического и исторического, как правило, исторические факты не имеют никакого значения.

Манипулирование соотношением логического и исторического превратилось в схему, пользуясь которой можно обосновывать любую теорию, не обращая внимания на факты истории. Для иллюстрации приведем одно высказывание представителя этого направления: «Вопрос о доле старого капитализма в современном капитализме для характеристики монополистического капитализма как надстройки не имеет ровно никакого значения. Монополистический капитализм как экономическая надстройка над капитализмом является не исторической, а логической, теоретической характеристикой монополистического капитализма. Она верна, даже если не останется ни одного капиталиста, не входящего непосредственно в систему монополий... Поэтому ленинская характеристика империализма как надстройки над домонополистическим капитализмом не носит исторического характера»[51]. Если исторические факты противоречат теории («логическому»), тем хуже для фактов. Таков неизбежный финал подобной интерпретации Маркса, Энгельса, Ленина.

Содержание «Капитала» Маркса неразрывно связано с применением в нем диалектико-материалистического метода исследования капиталистического способа производства. Поэтому понимание и интерпретация этого метода как при жизни Маркса, так и в особенности после его смерти оказывали существенное влияние на последующую историю политической экономии. Маркс не раз подчеркивал, что впервые примененный им к экономическим вопросам метод исследования затрудняет понимание, и прежде всего первых глав, его сочинения. Имея в виду книгу «К критике политической экономии», он отмечал, что «даже хорошие головы не совсем верно понимают предмет»[52]. Хотя Маркс считал, что научные попытки революционизирования науки не могут быть действительно популярными, и следовал этому принципу, он тем не менее прилагал большие усилия к тому, чтобы сделать содержание и метод «Капитала» доступными пониманию возможно более широкого круга читателей. Однако на исторические судьбы теории, изложенной в «Капитале», оказывали большое влияние недоразумения, проистекавшие из непонимания применяемого Марксом метода экономического исследования.

* * *

Из наследия Энгельса после его смерти в политической экономии использовалась главным образом трактовка соотношения между логическим и историческим. И в то же время не придавалось должного значения тем теоретическим положениям Энгельса, которые конкретизировали и развивали экономическое учение Маркса на основе исследования новых явлений и отношений и тем самым в той или иной форме составляли посредствующее звено между «Капиталом» и современностью.

Энгельс конкретизировал некоторые категории «Капитала» с точки зрения тех их форм, в каких они выступают в эмпирически данной экономической действительности и в процессе исторического развития капитализма. Большое внимание в работах Энгельса уделялось анализу положения рабочего класса. Существенное значение имело рассмотрение некоторых законов, регулирующих движение заработной платы. Как показывал Энгельс, реально величина заработной платы не сводится к лассалевскому «железному закону» минимума жизненных средств. Регулирующие ее законы сложны и эластичны. Действительные размеры заработной платы под влиянием ряда факторов могут быть выше или ниже стоимости рабочей силы. Данная Энгельсом трактовка законов заработной платы позволила вести успешную борьбу против упрощенного понимания экономической теории Маркса и ее применения к решению практических проблем рабочего движения.

Важнейший фактор, определяющий действительный уровень заработной платы, Энгельс видел в борьбе рабочих, организованных в профсоюзы, против капитала. Вместе с тем он считал, что борьба рабочих с помощью профсоюзов за повышение заработной платы должна быть не самоцелью, а лишь средством достижения более высокой цели — полного уничтожения системы наемного труда, для чего необходима организация не отдельных профессий, а рабочего класса как единого целого.

Для научного объяснения современного буржуазного общества сохраняют актуальность работы Энгельса, в которых анализировалось положение рабочего класса в конце XIX в. Имея в виду изданную им в 1845 г. книгу «Положение рабочего класса в Англии», Энгельс в 1886 г. писал: «Описанное в этой книге положение вещей, поскольку оно касается Англии, в настоящее время во многих отношениях принадлежит прошлому» [53]. Теперь такой подход всецело применим и к оценке положения рабочего класса не только в конце XIX в., но и в середине XX в.

В «Капитале» Маркса специально не анализировалась «вторичная» эксплуатация, которой подвергаются рабочие как покупатели предметов потребления. Энгельс особо касается названной проблемы прежде всего в связи с критикой взглядов Прудона. По отношению к розничному торговцу, домовладельцу и т. п. рабочий, как писал Энгельс, выступает как покупатель, как владелец денег, а не как продавец рабочей силы. С этой стороны рабочий не отличается от других лиц, покупающих или арендующих жизненные средства, в том числе — от мелкой буржуазии. Отношение между рабочим и домовладельцем есть «простая продажа». Рабочий как съемщик или покупатель жилища принципиально отличается от самого себя как продавца рабочей силы и созидателя прибавочной стоимости. В этом случае, по определению Энгельса, имеет место обычная торговая сделка, которая совершается согласно экономическим законам, регулирующим продажу товаров вообще. Покупка рабочими жилищ не превращает их в капиталистов. Но, не становясь капиталистами, они перестают быть пролетариями. Идеи Энгельса, касающиеся последствий изменения имущественного положения рабочих и, в частности, удовлетворения их жилищных потребностей, весьма актуальны. Они помогают найти верный путь к объяснению не только материального, но и классового положения рабочих в условиях современного капитализма.

Вместе с тем им была отмечена эволюция класса капиталистов, его превращение из класса необходимого в класс экономически излишний. Это превращение Энгельс, как и Маркс, связывал с изменением роли капиталистов в действительном процессе производства и обращения капитала. Пока капиталисты в качестве фабрикантов выполняли функцию руководителей общественного произ-

водства, они, по определению Энгельса, были необходимым классом общества. Акционерные компании, дела которых ведут наемные лица, существенно изменили положение. Имея в виду акционерные общества, Энгельс в начале 80-х гг. писал: «...В действительности капиталисты, собственники этих огромных предприятий, не выполняют никакого другого дела, кроме получения каждые полгода денег по купонам на дивиденды. Социальная функция капиталиста перешла здесь в руки служащих, получающих заработную плату; а капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждение за эти функции, хотя он перестал их выполнять» [54]. Вследствие этого отпала и внешняя видимость прибыли, как платы за управление, поскольку капиталист не руководит производством. Таким образом, развитие самой системы капиталистического производства привело к тому, что капиталисты превратились в излишний общественный класс, который не способен управлять системой производительных сил, выросших в рамках буржуазного общества. Это доказывает, что управление производством может осуществляться без вмешательства класса капиталистов. Последующее историческое развитие всецело подтвердило вывод Энгельса. Эта существенная сторона исторического развития буржуазного общества не получила в марксистской литературе должного освещения. Внимание односторонне было сконцентрировано на упрощенной и схоластической критике теории «революции управляющих».

С именем Энгельса связан научный анализ проблемы экономической монополии в тех ее формах, в каких она стала обнаруживаться в последние десятилетия прошлого века. В 80-е гг. вопрос о соотношении между монополией и конкуренцией рассматривался им прежде всего в связи с протекционизмом и свободой торговли на мировом рынке. Маркс согласно своему первоначальному плану предполагал, как известно, написать особую книгу о мировом рынке. Но эта работа не была подготовлена. В «Капитале» освещены лишь отдельные моменты, относящиеся к внешней торговле и мировому рынку. Эти вопросы были затронуты в поздних работах Энгельса.

Для Маркса, как и для классиков буржуазной политической экономии, свободная торговля — необходимое условие развития капиталистического способа производства. В связи с анализом первоначального накопления капитала Маркс определил протекционизм как искусственное средство «фабриковать фабрикантов», насильственно ускорять переход от старого к новому способу производства. Исходя из конкретных условий первой половины XIX в., Маркс обосновал вывод, что «покровительственная система способствует развитию свободной конкуренции внутри страны» [55].

В написанном в 1888 г. предисловии к американскому изданию

брошюры Маркса «Речь о свободе торговли» Энгельс показал, что необходимость перехода от протекционизма к свободе торговли определяется законами капиталистического производства и обращения, поскольку национальная промышленность, завоевав внутренний рынок, неизбежно стремится к вывозу товаров за границу, на мировой рынок. «Таким образом, переход от внутренней торговли к экспортной становится вопросом жизни или смерти для соответствующих отраслей промышленности, но им противостоят установленные права и определенные интересы других, которым протекционизм представляется пока более надежным и более выгодным, чем свобода торговли. Тогда наступает продолжительная и упорная борьба между фритредерами и протекционистами...» [56] Эта общая закономерность развития промышленного капитализма, как отмечал Энгельс, реализуется с известными особенностями, обусловленными степенью развития капитализма в соответствующих странах. В свое время Англия сравнительно легко перешла от протекционистской системы к свободе торговли благодаря тому, что ее промышленность могла противостоять иностранной конкуренции. Но ни одна другая страна, считал Энгельс, не может перейти к свободной торговле при таком положении, вследствие чего протекционизм, являясь для них средством защиты от иностранной конкуренции, вместе с тем порождает тенденцию к образованию монополий.

В этой связи Энгельс обращал внимание на две формы образования монополий. Некоторые промышленные монополии возникли как результат процесса, вполне соответствующего «законам капиталистического производства» [57]. Образование других монополий он связывал с покровительственной системой, которая ограждала соответствующие отрасли от иностранной конкуренции. Возникновение трестов в покровительствуемых отраслях промышленности свидетельствовало об изменении самого характера протекционизма, о его превращении в средство защиты производителя от внутреннего потребителя.

Если Маркс, исходя из английских условий 40-х гг., считал, что протекционизм соответствует развитию свободной конкуренции внутри страны, то Энгельс, применительно к более позднему этапу истории капитализма, показал, каким образом протекционизм благоприятствует смене свободной конкуренции монополией. Последующее историческое развитие подтвердило закономерный характер связи между протекционистской системой и процессом монополизации капиталистического производства.

Соответственно изменению соотношения между свободной торговлей и протекционизмом Энгельс более конкретно определял отношение социалистов к этому вопросу. Маркс в 1848 г. высказался в принципе за свободу торговли как за более прогрессивную

систему [58]. Энгельс спустя сорок лет после этого сформулировал следующее положение: «Вопрос о свободе торговли и протекционизме вращается целиком в пределах современной системы капиталистического производства и потому не представляет непосредственного интереса для нас, социалистов, стремящихся к устранению этой системы» [59].

Впоследствии высказанные Энгельсом мысли о процессе образования монополий получили дальнейшую конкретизацию и более обобщенное теоретическое выражение. Исходя из анализа новых явлений и соответствующих научных выводов «Капитала» Маркса, Энгельс охарактеризовал начало того исторического перелома в развитии капитализма, который был обусловлен ростом концентрации и централизации капитала и превращением акционерных обществ в господствующую форму капиталистического производства.

Исследование внутренней структуры капиталистического производства в «Капитале» Маркса покоится на предпосылке, что формой крупного производства в промышленности является отдельная фабрика, связанная с другими капиталистическими предприятиями лишь через рынок, сферу обращения. В III томе своего сочинения Маркс, основываясь на анализе экономических явлений середины XIX в., когда акционерные общества еще не стали господствующей формой производства, показывал, что с образованием таких обществ капитал приобретает «непосредственную форму общественного капитала», а прибыль — «чистую форму процента». Маркс пришел, таким образом, к выводу о развитии в рамках буржуазного общества такой формы крупных предприятий, которая является «переходным пунктом к новой форме производства». Энгельс в связи с приведенными выше мыслями Маркса сделал в III томе «Капитала» краткое добавление, в котором в обобщенном виде изложено развитие указанной тенденции в более поздний период. «С тех пор, как Маркс написал эти строки, развились, как известно, новые формы промышленного предприятия, представляющие вторую и третью степень акционерного общества» [60]. Этот процесс Энгельс связывал с ускорением роста производства в крупной промышленности при ограниченных возможностях рынка, хроническим перепроизводством, политикой запретительных пошлин. Исходя из такого рода явлений, Энгельс пришел к выводу, что «свобода конкуренции находится при последнем своем издыхании...» [61]. Главное выражение этот процесс нашел в том, что крупные промышленники определенной отрасли в отдельных странах или международном масштабе стали объединяться в картели и тресты, регулирующие производство и обращение. В результате «конкуренция заменена монополией», благодаря чему «подготовляется будущая экспроприация (крупной промышлен-

ности.— *В. Ш.*) всем обществом, нацией» [62]. Таким образом, Энгельсом был определен тот самый существенный момент эволюции капиталистического способа производства, который позднее был положен В. И. Лениным в основу характеристики экономической сущности империализма, как высшей стадии капитализма.

В 80—90-х гг. Энгельс охарактеризовал такую существенно новую черту капитализма, как развитие формы фиктивного капитала и связанное с ним возрастание роли фондовой биржи. В «Капитале» было установлено, что развитие системы кредита и акционерных обществ с необходимостью порождает существование особого рынка, на котором совершает относительно самостоятельное движение фиктивный капитал в форме акций, облигаций и других ценных бумаг, приносящих денежный доход в виде процента или дивиденда. Когда Маркс готовил рукопись III тома «Капитала», в которой были выражены эти мысли, биржа была еще, по свидетельству Энгельса, второстепенным элементом капиталистической системы.

После экономического кризиса 1866 г. ускорился процесс обособления денежных капиталов и роста слоя капиталистов-рантье. Вместе с тем одна отрасль за другой все больше превращались в сферу господства акционерного капитала, картелей и трестов. В связи с изменившейся структурой верхних этажей капиталистической экономики Энгельс намеревался написать специальное дополнение к III тому «Капитала» о бирже. Хотя рукопись не была завершена, в ее развернутом плане Энгельс вполне определенно сформулировал вывод, что после 1865 г. наступили изменения, которые придали бирже все возрастающую роль в образовании акционерных обществ и трестов, в экспорте капитала за границу, а также в колониальной экспансии.

Для понимания новых экономических явлений существенное значение имели мысли Энгельса, касающиеся самостоятельного развития таких сфер буржуазной экономики, как торговля товарами и торговля деньгами (биржа). Обособление этих форм от процесса производства привело к тому, что они стали следовать своему собственному движению и собственным законам. «Как только торговля деньгами отделяется от торговли товарами, она приобретает... свое собственное развитие, имеет особые законы и фазы, которые определяются ее собственной природой» [63]. Денежный рынок может иметь собственные кризисы, при которых «прямые нарушения промышленного производства играют лишь подчиненную роль или даже не играют никакой роли» [64]. Такой подход сохраняет свое значение для объяснения явлений, происходящих на денежных рынках современной капиталистической системы. Энгельс отметил также роль биржи как фактора, ускоряющего внутреннее разложение капиталистического способа производства. В 1883 г. он писал, что

биржа изменяет распределение прибавочной стоимости «в сторону централизации, в огромной мере ускоряет концентрацию капиталов и потому является столь же революционным фактором, как и паровая машина» [65].

* * *

С именем Энгельса связано обоснование и развитие материалистических взглядов на целый ряд экономических категорий и законов, а также конкретизация вопроса о соотношении экономических и других факторов в процессе исторического развития. Критикуя Дюринга, изображавшего в качестве конечной причины экономических явлений насилие, Энгельс писал, что «ссылка на насилие представляет собой жалкую увертку, перенесение вопроса из экономической области в политическую, которое не в состоянии объяснить ни единого экономического факта» [66]. Исследование капиталистического способа производства в «Капитале» Маркса основывается на принципе рассмотрения производственных отношений как независящих от сознания и воли людей, от государственной политики, законодательства, морали. В «Анти-Дюринге» Энгельс разъяснил и по-своему развил этот принцип.

В связи с критикой дюринговской теории насилия, согласно которой решающая причина экономического состояния общества коренится в его политическом строе, Энгельс на примере таких категорий, как стоимость, заработная плата, капитал, прибавочная стоимость, земельная рента, исходя из содержания и метода «Капитала», показал, что их существование не зависит от насильственных факторов, актов государственной воли.

В противовес Дюрингу Энгельс особо подчеркивал, что частная собственность, возникновение общественных классов, отношения рабства и т. д. не объяснимы насилием. Они имеют свои материальные предпосылки и экономические корни. «Частная собственность образуется повсюду в результате изменившихся отношений производства и обмена, в интересах повышения производства и развития обмена,— следовательно, по экономическим причинам... насилие, хотя и может сменить владельца имущества, но не может создать частную собственность как таковую» [67].

Путем обобщения фактов реальной истории и прежде всего истории буржуазных революций был сделан вывод, согласно которому изменение политического строя следует за изменением «хозяйственного положения», а не наоборот, как это представлялось Дюрингом. Вместе с тем Энгельс обратил внимание на революционную роль насилия, которое является «тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы...» [68]

Роль политической власти, воплощением которой является государство, в экономическом развитии может быть двоякой. Если политическая власть действует в направлении экономического развития, она ускоряет его. Если политическая власть действует наперекор этому развитию, она вступает в конфликт с экономической необходимостью и падает под давлением экономического развития [69]. Но ее действия не могут служить основанием для определения категорий политической экономии. Критикуя дюринговскую «распределительную» стоимость, которая помимо овеществленного труда включает якобы в себя «второй элемент», возникающий вследствие принудительного распределения, Энгельс показал, что вынуждаемая «человеком со шпагой в руке» надбавка к стоимости может представлять собой или монопольную цену, или прибавочную стоимость. Но если бы все товары обладали монопольной ценой, величина их совокупной стоимости оставалась бы неизменной. Поскольку распределение не может увеличить совокупной величины стоимости, оно не может вести к образованию какого-либо «второго элемента», ее составляющего.

Данная Энгельсом критика теории насилия остается актуальной в сложных условиях современности, когда во всех странах мира резко возросла экономическая роль государства и потому легко впасть в искушение поставить производственные отношения и экономические законы в определяющую зависимость от государственной политики, законодательства, различных методов административной регламентации хозяйственной деятельности.

Значительное место в произведениях Энгельса отводится критике юридических концепций объяснения экономических отношений. Продолжая мысли Маркса, он указывал на неправомерность смешения общественного производства и собственности. Так, имея в виду попытки представить концентрацию земельной собственности как крупное производство, Энгельс писал: «...надо быть юристом, чтобы отождествлять это (концентрацию земельной собственности.—*В. Ш.*) с развитием общественной формы труда на крупных предприятиях» [70].

Научная разработка проблемы соотношения экономики и права связана главным образом с полемикой против П. Ж. Прудона, все учение которого, по определению Энгельса, «покоится на этом спасительном прыжке из экономической действительности в юридическую фразеологию» [71]. Касаясь идеи Прудона о принудительном понижении ставки процента, Энгельс отмечал, что ставка процента регулируется экономическими законами и ее изменение не упраздняет капиталистического отношения, а вызывает лишь иное распределение прибавочной стоимости между промышленным капиталистом и рантье. Поэтому, если условия общественного производства остаются прежними, прудоновский декрет о снижении ставки

процента будет существовать только на бумаге. «Прудон со своей юридической точки зрения объясняет ставку процента, как и все экономические явления, не условиями общественного производства, а государственными законами, в которых эти условия находят общее выражение. С этой точки зрения... эти государственные законы неизбежно представляются совершенно произвольными приказами, которые в любой момент с таким же успехом могут быть заменены прямо противоположными» [72].

Подчеркивая зависимость права, юридических отношений от породившего их экономического базиса, Энгельс указывал на относительную самостоятельность права и его значение как активного фактора экономического прогресса. Он обратил внимание на значение римского права в процессе возникновения капитализма. По определению Энгельса, римское право является «классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность» [73]. Как таковое оно противостояло праву собственности средних веков с характерными для него ограничениями и привилегиями. Возрождение и распространение римского права содействовало разложению феодальных отношений и утверждению «чистой частной собственности», соответствующей капиталистическому способу производства.

В более ранних работах Энгельсу приходилось подчеркивать главным образом определяющий характер экономических отношений, указывая, в частности, на то, что государство не развивается самостоятельно, поскольку выражает экономические потребности класса, господствующего в производстве, а гражданское право является лишь юридическим выражением экономических условий, лишь санкционирует существующие экономические отношения. Позднее на первый план выдвинулся вопрос об активной роли политической и юридической надстройки по отношению к экономическому базису, об их конкретном взаимодействии.

Экономические условия, как подчеркивал Энгельс, обусловливают историческое развитие и лишь в конечном счете являются решающим фактором, они не оказывают своего воздействия автоматически. Со своей стороны, основанное на экономическом положении политическое, правовое, философское, религиозное развитие оказывает влияние друг на друга и на экономический базис. Особая самостоятельная роль в экономическом развитии принадлежит государству, которое может оказывать троякое обратное действие. Государственная власть «может действовать в том же направлении — тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития — тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направ-

лениях. Этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих»[74]. Аналогично обстоит дело и с правом, которое как особая область социальной жизни при всей своей общей зависимости от производства обладает способностью обратного воздействия на развитие экономического базиса и может в известных пределах его модифицировать. Обращая внимание на активную роль надстройки и прежде всего государства, Энгельс сказал слова, ставшие знаменитыми: «Насилие (то есть государственная власть) — это тоже экономическая сила!»[75] Исторический процесс совершается, таким образом, в форме взаимодействия различных сил, среди которых экономическое развитие не является единственным.

* * *

Энгельс в большей мере, чем Маркс, был склонен к описанию возможной картины будущего общества, которое должно прийти на смену капитализму. Это дает повод некоторым современным экономистам зачислять его в основатели политической экономии социализма, не считаясь с тем, что соответствующие высказывания можно рассматривать лишь как форму прогнозирования.

Имеющиеся в «Капитале» Маркса высказывания о будущем обществе носят гипотетический характер и выражены в очень общей и абстрактной форме («союз свободных людей» и т. п.). Их непосредственное перенесение на реальный социализм, как это нередко допускается, находится в противоречии с диалектикой, примененной Марксом. Некоторое исключение составляет «Критика Готской программы», которую следует, однако, рассматривать как программу практических действий, а не теоретический трактат, пригодный для политической экономии социализма.

В «Анти-Дюринге» Энгельс охарактеризовал такие черты будущего общества, как превращение средств производства «в собственность всего общества», прежде всего в государственную собственность, и в связи с этим — утверждение «непосредственно общественного» труда и производства, которое регулируется планомерно и исключает всякий товарный обмен и превращение продуктов в стоимость. Энгельс не мог знать, что спустя сто лет его высказывания прямо и непосредственно будут механически прилагаться к тем конкретно-историческим условиям, при которых возникли реальные социалистические государства. По своему объективному содержанию такое обращение с работами Энгельса, и прежде всего с «Анти-Дюрингом», принижает действительную роль Энгельса в истории научной политической экономии, всей марксистской теории. Это тем более недопустимо по отношению к мыслителю, который считал, что логическое есть отражение исторического и потому не мог писать политическую экономию

реально не существовавшего общества. С точки зрения теории научного социализма в работах Энгельса, как и в работах Маркса, главное заключается в выяснении тех объективных противоречий и исторических тенденций капиталистического способа производства, которые характеризуют его «самоотрицание», превращение в новую форму общественного производства. Эту сторону их учения и следует развивать на основе конкретного анализа социально-политических и экономических явлений в современном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 337.
[2] Там же. Т. 16. С. 220.
[3] Там же. Т. 23. С. 19.
[4] Там же. Т. 20. С. 371.
[5] Там же. С. 137.
[6] Там же. Т. 25, ч. II. С. 461.
[7] Там же. Т. 23. С. 31.
[8] Там же. С. 32.
[9] Там же. Т. 20. С. 154.
[10] См. там же. Т. 24. С. 318.
[11] Там же. Т. 25, ч. I. С. 50.
[12] Там же. С. 314—315.
[13] См. там же. Т. 25, ч. II. С. 477.
[14] См. там же. С. 475.
[15] Там же. Т. 13. С. 489—499.
[16] Там же. С. 490.
[17] Там же. С. 497.
[18] См. там же. Т. 29. С. 375.
[19] Там же. С. 380.
[20] Там же. Т. 12. С. 731.
[21] Там же. Т. 46, ч. I. С. 44—45.
[22] Там же. Т. 12. С. 729.
[23] Там же. С. 731.
[24] Там же. С. 732.
[25] Там же. Т. 46, ч. I. С. 275.
[26] Там же. С. 448.
[27] Там же. С. 449.
[28] Там же.
[29] Там же. С. 200.
[30] Там же. Т. 29. С. 260—261.
[31] Там же. Т. 31. С. 257.
[32] См. об этом подробней: Очерки по истории «Капитала» К. Маркса. М., 1983. С. 249—310.
[33] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. I. С. 16—19.
[34] Там же. Т. 20. С. 204.
[35] Там же. Т. 21. С. 173—174.
[36] См. там же. Т. 25, ч. I. С. 191—194. Этой части текста Энгельс придавал принципиальное значение в доказательстве реальности понятия стоимости.
Там же. Т. 25, ч. II. С. 474.
Там же. Т. 47. С. 345; а также Т. 23. С. 91, 92; Т. 26, ч. III. С. 71, 147; Т. 29. С. 258.

[39] *Бем-Баверк.* Теория К. Маркса и ее критика. Спб., 1897. С. 20.
[40] *Гильфердинг Р.* Бем-Баверк как критик Маркса. М., 1923. С. 73.
[41] Там же. С. 67.
[42] См.: *Рубин И. И.* Очерки по теории стоимости. 4-е изд. М.; Л., 1929.
[43] См.: *Розенберг Д. И.* ...Комментарии к первому тому «Капитала» Карла Маркса... М.; Л., 1929.
[44] «Известное положение, что логическое есть отражение исторического, представляет собой перифраз применительно к политической экономии общего материалистического положения о соотношении бытия и сознания, о первичности бытия и вторичности сознания, о том, что сознание отражает то, что существует в действительности» (см. об этом подробней: О системе категорий и законов политической экономии. М., 1973. С. 3—7). Истоки такого рода упрощенных до примитивизма взглядов, по нашему мнению, следует искать в 30-х гг.
[45] Проблемы экономики. 1932. № 7. С. 227.
[46] *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960. С. 201. От столь категорического заключения автор отошел и приблизился к более точному пониманию метода Маркса в работе «Диалектическая логика» (М., 1984).
[47] *Вазюлин В. А.* Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968. С. 292.
[48] Подробно об этом см.: Первоначальный вариант «Капитала». М., 1987. С. 228—244.
[49] См.: *Шкредов В. П.* Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М., 1973. Гл. VI; Всемирная история экономической мысли. М., 1988. Т. II. С. 358—360, 400—402, 440—446.
[50] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. I. С. 194.
[51] О системе категорий и законов политической экономии. М., 1973. С. 17.
[52] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 31. С. 448.
[53] Там же. Т. 21. С. 260.
[54] Там же. Т. 19. С. 298.
[55] Там же. Т. 4. С. 418.
[56] Там же. Т. 21. С. 381.
[57] Там же. С. 386.
[58] Там же. Т. 4. С. 418.
[59] Там же. Т. 21. С. 387.
[60] См. там же. Т. 25, ч. I. С. 480.
[61] Там же. С. 480—481.
[62] Там же. С. 481.
[63] Там же. Т. 37. С. 415—416.
[64] Там же. С. 415.
[65] Там же. Т. 35. С. 359.
[66] Там же. Т. 20. С. 224.
[67] Там же. С. 166.
[68] Там же. С. 189.
[69] Там же. С. 188.
[70] Там же. Т. 21. С. 501.
[71] Там же. Т. 18. С. 212.
[72] Там же. С. 223.
[73] Там же. Т. 21. С. 412.
[74] Там же. Т. 37. С. 417.
[75] Там же. С. 420.

С. Л. Леонов

Ф. ЭНГЕЛЬС ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ЭКОНОМИКЕ КАПИТАЛИЗМА КОНЦА XIX ВЕКА

В условиях современного капитализма, который во многом отличается от того, каким он был в начале и даже в середине XX в., происходят крупные изменения, возникают и развиваются новые экономические процессы. Их анализ становится одной из важнейших задач ученых. Успех такого исследования во многом зависит от решения ряда проблем методологического характера. В связи с этим актуальным является обращение к историческому опыту марксизма, а именно к теоретическому осмыслению Ф. Энгельсом изменений в капиталистическом хозяйстве, происходивших в конце XIX в. Объективные изменения в экономике того периода поставили перед марксизмом задачу научно проанализировать новые явления в капитализме, которые характеризовали перелом в его развитии — переход от капитализма свободной конкуренции к империализму. Новейшие факты экономического развития потребовали не отдельных дополнений и поправок, а творческого развития марксистской политической экономии. Одним из первых подобную задачу решил Энгельс. В советской экономической литературе имеются исследования, в которых в историческом аспекте анализируется развитие взглядов Энгельса на изменения в экономике капитализма в конце XIX в. [1] В данной статье речь пойдет о методологическом аспекте осмысления Энгельсом новых явлений в капитализме.

Рассматривая методологическое содержание подхода Энгельса к новым явлениям в капитализме, необходимо учитывать, что, изучая эти процессы, он не мог знать, к чему приведет их дальнейшее развитие, ибо переход к империализму к этому времени еще не завершился. Поэтому Энгельс не мог дать всестороннего анализа новой стадии развития капитализма. Для Энгельса характерен подход к новым явлениям с точки зрения видоизменений в сформировавшемся капитализме, как он представлен в «Капитале» К. Маркса. Эти видоизменения выступили поначалу как некоторые

новые моменты его функционирования. В начале рассмотрения этих явлений Энгельс выразил свое понимание их в форме отдельных положений, дополняющих и развивающих Марксову политическую экономию. В этом вполне проявился методологический принцип объективности рассмотрения предмета. Этот принцип ориентирован на исследование конкретных фактов и исключает отрыв от них, забегание вперед в их оценке. В итоге изучения новых экономических явлений Энгельс предполагал дать обобщенную теоретическую картину изменений капитализма. Об этом говорит его намерение дополнить III том «Капитала» специальным исследованием новой роли биржи и тем самым, «учтя некоторые изменения в экономических отношениях после 1865 г., привести его в соответствие с современным положением» [2]. Об основном содержании задуманного дополнения можно составить достаточно полное представление по небольшому плану-конспекту статьи Энгельса «Биржа» (дополнительные замечания к III тому «Капитала» (1895), которые были впервые опубликованы только в 1932 г.). Этот план-конспект является как бы общим контуром теоретического осмысления комплекса новых явлений в развитии экономики капитализма в тот период. В нем намечены основы научного обобщения новых фактов и выявлены существенные связи главных изменений в буржуазном экономическом строе в преддверии XX столетия.

Первое, на что указал Энгельс,— это кардинальное изменение роли биржи. Он подчеркивал, что тенденция к повышению ее роли выражается в концентрации в руках биржевиков контроля над производством и обращением не только в промышленности, но и в земледелии (в форме контроля над земельной собственностью через ипотечные банки). Энгельс пришел к выводу, что «биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства» [3]. Он усматривал причину этого в росте акционерных обществ и соответственном увеличении массы биржевых ценностей, среди которых существенно возросла доля акций.

В связи с этим в плане-конспекте статьи Энгельс наметил последовательность рассмотрения изменений в экономике капитализма: сначала — акционерные общества и образование монополий, затем — выяснение роли биржи и анализ новых форм в мировых экономических отношениях. Таким образом, Энгельс предполагал обобщить результаты своих исследований, раскрыть содержание и связь этих процессов как бы с двух сторон. Важно отметить, что эти два аспекта рассмотрения экономики капитализма конца XIX в. так или иначе присутствуют во всех его произведениях, в письмах, где он останавливается на новых экономических явлениях в хозяйственной жизни буржуазного общества. Методологию Энгельса можно выразить следующим образом: с одной стороны, и это главное направление анализа, он исследует то новое, что появляется в

экономической системе капитализма и развивается в экономике всех крупнейших государств того времени; с другой — Энгельс анализирует новые явления, возникающие в международных экономических отношениях, в частности, в отношениях этих держав на мировом рынке. Энгельс выделяет собственно те аспекты, в которых отражаются две стороны объективного процесса развития и выявляется их связь между собой.

На наш взгляд, именно такой подход позволил Энгельсу раскрыть сущность видоизменений капитализма в конце XIX в. и на этой основе предвосхитить в известной степени задачи теоретического анализа империалистической эпохи [4].

Энгельс не успел написать задуманную им обобщающую теоретическую статью. Тем не менее его взгляды могут быть представлены в систематизированном виде.

В ряде произведений Энгельса 80—90-х гг. исследуются вопросы, связанные с ростом значения акционерных обществ, развитием их влияния на социально-экономическую жизнь буржуазного общества. Следует отметить, что Маркс и Энгельс и ранее анализировали образование и роль акционерных обществ. Наибольший вклад в разработку этой проблематики внес Маркс, подытожив свои исследования акционерной формы в экономических рукописях 1864—1865 гг. Маркс раскрыл сущность акционерных обществ как формы централизации капитала, позволяющей достичь такого колоссального расширения масштабов производства и создать такие крупные предприятия, которые были бы невозможны для отдельного капитала [5]. Зарождение акционерных обществ Маркс связывал с развитием кредита, в особенности подчеркивал значение государственных займов, торговли ценными бумагами и возникновение на этой основе крупной денежной буржуазии, финансовой аристократии. Выявляя основы распространения акционерной формы предприятий, он указывал на необходимость громадных капиталовложений в связи с развитием железнодорожного транспорта, морского судоходства и т. д.

Маркс считал важнейшей экономической особенностью акционерных обществ то, что в них функционирующие капиталисты превращаются в простых управляющих, которые распоряжаются чужими капиталами, а собственники капитала — в чистых собственников, в чистых денежных капиталистов, таким образом, капитал как собственность совершенно отделяется от капитала-функции. В акционерных компаниях капитал, покоящийся на общественном способе производства, предполагающий общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, приобретает непосредственно форму общественного капитала. Это означало «упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства» [6].

Маркс сделал вывод о том, что акционерные общества составляют «необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность». «С другой стороны,— отмечал он,— акционерные общества — переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции» [7]. Основное содержание этих идей было, вероятно, известно Энгельсу еще до его работы над изданием II и III томов «Капитала». В ряде произведений, опубликованных в 80-е гг. и позднее, Энгельс высказывал аналогичные положения. Вместе с тем он рассмотрел и возникавшие в эти годы новые особенности развития акционерных обществ.

Энгельс анализировал эти проблемы в ряде произведений, среди которых были «Социализм г-на Бисмарка», «Развитие социализма от утопии к науке», «Общественные классы — необходимые и излишние», «Хлопок и железо», «Протекционизм и свобода торговли», «Отставка буржуазии», «К критике проекта социал-демократической программы», «Биржа».

Рассматривая возникновение акционерных обществ в крупнейших странах того времени, Энгельс с особым вниманием изучал связь этого процесса с другими явлениями в капиталистической экономике. Он показывал, что предпосылкой роста акционерных компаний является наличие свободного денежного капитала. В связи с этим организация компаний сопровождается учредительской и спекулятивной горячкой, что ведет к перераспределению капитала между капиталистами и к усилению роли крупнейших банкиров. Примером могла служить Германия, где в начале 70-х гг. в условиях циклического подъема крупные массы свободного денежного капитала, размеры которого дополнительно были увеличены за счет миллиардов французской контрибуции, «попали в руки крупных финансистов, поспешивших извлечь из них выгоду на бирже» [8]. В результате возникла настоящая горячка учредительства акционерных обществ в промышленности и транспорте, акционерных банков и кредитных учреждений, «для которых внешняя форма промышленных предприятий была в действительности только предлогом для самого бесстыдного ажиотажа» [9]. В итоге «непомерная спекуляция завершилась всеобщим крахом» [10].

На примере этих событий Энгельс не только указал на необходимость кризиса, но и раскрыл также механизм воздействия учредительства акционерных обществ на подготовку кризиса. Он писал об увеличении в короткий срок средств производства и сообщения, заводов и железных дорог. Это все создавалось для того, чтобы бир-

жевики имели возможность спекулировать акциями этих предприятий под предлогом так называемой общественной потребности в расширении промышленности и транспорта. В результате раздувания производства в интересах спекуляции акциями, в ходе разразившегося кризиса «оказалось, что далеко превзойдены пределы той общественной потребности, которая служила предлогом для этого; что за четыре года было создано больше железных дорог, заводов, копей и т. д., чем было бы создано при нормальном развитии промышленности за четверть века» [11]. Энгельс отметил, что горячка учредительства и соответственный форсированный рост акционерных предприятий ведут к усилению диспропорций между капиталистическим производством и потреблением [12]. Вместе с тем, как показал Энгельс, акционерные общества являются необходимой формой развития производительных сил, в особенности железнодорожного транспорта, морского пароходства, горнодобывающей и металлургической промышленности.

Рассматривая рост акционерных предприятий и увеличение их размеров, Энгельс писал в 1881 г.: «Учреждение акционерных компаний — превращение крупных частных предприятий в общества с ограниченной ответственностью стало лозунгом дня в последнее десятилетие и даже раньше» [13]. Экономическое развитие буржуазного общества ведет к концентрации, обобществлению производства в огромных акционерных предприятиях. Отсюда он делал следующий вывод: «Производство, которое ведется *отдельным* предпринимателем... уже все больше и больше становится исключением» [14]. Позднее, уточнив, что со времени кризиса 1866 г. происходило быстрое распространение акционерных предприятий в промышленности, Энгельс развил это положение. Он, в частности, указывал на более быстрый рост накопления капитала по сравнению с увеличением размеров производства, что высвобождало массы денежных капиталов и было конкретной причиной ускоренного образования акционерных обществ, явившихся формой применения этих капиталов в промышленности, транспорте, торговле и банках. Он также отметил такой важный фактор развития этого процесса, как повсеместное распространение новых законодательных форм для обществ с ограниченной ответственностью акционеров. Осмысливая эти новые стороны акционерной деятельности, Энгельс приходит к выводу, что «единоличная фирма все более и более становится только предварительной ступенью, подготовляющей предприятие к тому моменту, когда оно будет достаточно велико, чтобы на его основе «учредить» акционерное общество» [15].

Анализируя распространение акционерной формы предприятий, Энгельс поставил вопрос, продолжает ли класс капиталистов «выполнять... важную функцию руководителя общественного производства, расширяющего его в интересах всего общества в целом» [16].

Отмечая, что все большее число различных предприятий, все большая часть производительных сил общества переходит в собственность акционерных компаний, Энгельс обосновывал вывод, что «вследствие развития самой системы капиталистического производства капиталист вытесняется» [17], что предприятия достигли таких размеров, когда отдельные капиталисты уже не могут ими руководить, и более того, «класс капиталистов стал не способен также управлять огромной системой производительных сил» [18] страны. В акционерных компаниях управление находится в руках наемных служащих, к которым перешла та экономическая функция, которую выполняли капиталисты, а именно — руководство производством [19]. «...Акционерные общества уже доказали, до какой степени лишним является буржуа как таковой, потому что все управление ведется наемными служащими...» [20]

В связи с этим Энгельс, рассматривая изменения, происходившие внутри буржуазии, проанализировал новые черты капиталиста как собственника. В частности, вследствие перехода предприятий в собственность акционерных обществ капиталист становится акционером, собственником акций и в соответствии с этим приобретает новые функции: во-первых, получать доходы по акциям, т. е. дивиденды, во-вторых, «спекулировать своими акциями на бирже» [21]. Энгельс показал вызванное этими процессами сосредоточение огромных капиталов в руках крупнейших денежных капиталистов, влияние которых все более расширялось и повышалось в связи с развитием акционерных обществ. Иллюстрируя конкретными статистическими данными быстрый рост концентрации капитала, он на этой основе отмечал усиление власти богатства, упрочение союза биржи и правительства, возрастание могущества «денежных тузов», крупнейших финансистов.

Действительный смысл выводов Энгельса состоит не в том, что класс капиталистов и капитал как общественная форма движения производительных сил уже исчерпали отпущенное им историей время. По существу, Энгельс обосновал вывод, что дальнейшее развитие производительных сил при капитализме с необходимостью приводит к отделению непосредственных интересов капиталистов от потребностей производства, к удалению их от реального управления функционирующим капиталом и к соответствующему усилению паразитизма буржуазии. Это нашло выражение, во-первых, в увеличении доли фиктивного капитала (акций, облигаций и вообще ценных бумаг различного вида) в составе капиталистического богатства и, во-вторых, в появлении в структуре класса капиталистов особого слоя финансистов и рантье. Последнее особенно важно отметить, так как по мере развития акционерных обществ и повышения роли торговли ценными бумагами в буржуазном хозяйстве, особенно в связи с переходом к монополисти-

ческому капитализму, происходит не только рост финансовой буржуазии, но и ее превращение (на основе господства монополий) в финансовую олигархию. Она становится тем высшим слоем капиталистического класса, который умеет подчинять экономику общества своим интересам, далеким от потребностей движения действительного капитала.

В этих положениях в полной мере сказались как реализм анализа Энгельса, так и присущая ему прозорливость. Развивая свое понимание тенденций капиталистических отношений, Энгельс, по существу, конкретно исследовал формы реагирования системы капитализма на изменения в производительных силах. В конечном счете Энгельс показал реально происходивший процесс приспособления буржуазии к новым экономическим условиям, что не имеет ничего общего с упрощенными утопически-фаталистическими представлениями о «крахе» капитализма, который будто бы уже почти столетие назад перестал справляться с развитием производительных сил.

Особое внимание Энгельс уделил изучению роли капиталистических монополий в форме картелей и трестов. Энгельс считал, что в их образовании выражается тот факт, что «...быстро и значительно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днем все сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которых должно совершаться их движение» [22]. Объективно оценивая недостаточную прочность картелей и трестов, нередко распадавшихся в ходе кризисов перепроизводства, Энгельс вместе с тем видел в трестах «новую форму производства» [23].

Энгельс рассматривал монополии конца XIX в. как результат и форму развития обобществления производства при капитализме. Он показал, что картели и тресты возникали и развивались вследствие усиления противоречия между общественным характером производства и капиталистическим присвоением, проявляющегося в кризисах перепроизводства. Углубление противоречия между уровнем развития производительных сил и капиталистическими производственными отношениями приводит к тому, что мощно растущие производительные силы делают все более настоятельной необходимость фактического признания их общественного характера, принуждают класс капиталистов обращаться с ними как с общественными производительными силами. Это ведет к обобществлению больших масс средств производства в форме акционерных обществ [24]. Энгельс отмечал: «На известной ступени развития становится недостаточной и эта форма; все крупные производители одной и той же отрасли промышленности данной страны объединяются в один «трест», в союз, с целью регулирования производства» [25]. И хотя эти тресты, союзы крупных фабрикантов могут

оказаться непрочными, большей частью распадаются в период кризиса, «они тем самым вызывают еще более концентрированное обобществление: целая отрасль промышленности превращается в одно сплошное колоссальное акционерное общество, конкуренция внутри страны уступает место монополии этого общества внутри данной страны» [26].

Энгельс рассматривал картели и тресты как выражение более высокого уровня обобществления производства, характеризуя их как «новые формы промышленного предприятия, представляющие вторую и третью степень акционерного общества» [27]. Анализируя существо такой формы монополии, как картель, в которой объединяются крупные промышленники определенной отрасли для регулирования производства, он писал: «Но и этой формы обобществления производства оказалось мало. Противоположность интересов отдельных фирм слишком часто взрывала их союз и снова восстанавливала конкуренцию. Тогда пришли к тому, что в отдельных отраслях, где это позволяла данная ступень развития производства, стали концентрировать все производства этой отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество под единым руководством» [28]. Примером такой концентрации производства могла служить химическая промышленность Англии. В этой связи Энгельс отмечал, что тенденция движения централизации капитала к своему пределу — соединению всех капиталов отрасли в один капитал, находит выражение в трестах, которые «стремятся к этой цели, стараясь объединить, по меньшей мере, все крупные предприятия той или иной отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество с фактической монополией» [29].

В своем исследовании причин возникновения новых форм монополий Энгельс указал на ряд конкретных факторов образования картелей и трестов: усиливавшееся несоответствие быстро растущего производства и не поспевающее за ним расширение рынка; политика запретительных пошлин, которая искусственно повышает объем производства. «Следствием этого являются общее хроническое перепроизводство, низкие цены, падающая и даже вовсе исчезающая прибыль; словом, издавна прославленная свобода конкуренции находится при последнем своем издыхании и должна сама признаться в своем явном скандальном банкротстве» [30],— отмечал он. Банкротство свободной конкуренции выразилось, по мнению Энгельса, в том, что промышленники целых крупных сфер производства стали объединяться в картели и тресты для регулирования производства, цен и прибыли [31]. Монополии возникают, таким образом, потому, что производство нуждается в новой форме регулирования, которую неспособна обеспечить свободная конкуренция. Картели и тресты образовались, следовательно, как средство приспособления капитала к новым условиям функционирования

производства, к более высокому уровню развития производительных сил, выросших в конце XIX в. Энгельс мастерски проанализировал сущность замены конкуренции монополией в картелях и трестах. Он писал: «В трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов» [32]. В дальнейшем Энгельс разъяснил это положение: когда переходят «к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство*, но и *отсутствие планомерности»* [33]. Именно это положение Энгельса высоко ценил Ленин, указывая, что «здесь взято самое основное в теоретической оценке новейшего капитализма, т. е. империализма, именно, что капитализм превращается в монополистический *капитализм»* [34].

Исследуя взаимоотношение конкуренции и монополии, Энгельс конкретно раскрыл связь развития монополии из конкуренции с кризисами. Отступление конкуренции на рынке перед картелями и трестами, иными словами, образование монополий и рост их значения является одним из элементов, противодействующих повторению кризисов, но в то же время носит в себе зародыш гораздо более грандиозного будущего кризиса [35].

Энгельс также рассматривал то стимулирующее воздействие на процесс образования монополий, которое оказывали система запретительных пошлин и обострение конкуренции на мировом рынке, развивавшиеся в конце XIX в. в связи с усилением неравномерности экономического развития капиталистических стран. Неравномерность экономического развития капиталистических стран проявилась в тот период в потере Англией промышленной монополии, замедленном развитии Франции и Германии, в бурном росте промышленности США [36]. Обострилась конкуренция между капиталами этих стран, в частности, американский капитал начал проникать в сферы влияния старых капиталистических стран — Англии и Франции. В связи с этим Энгельс подчеркивал, что конкуренция между странами приведет к еще небывалой промышленной борьбе [37]. Энгельс не только показал, что протекционизм способствовал монополизации производства и обмена, но также исследовал усиливающиеся противоречия как между разоряющимися мелкими производителями и растущими монополиями, так и между монополиями и потребителями [38]. Так, в конце 1892 г. он писал: «...протекционистская система служила последние годы лишь средством разорения мелких производителей под давлением крупных, объединившихся в картели и тресты, и предоставляла этим последним, то есть организованной монополии, распоряжаться рынком и

тем самым — эксплуатировать потребляющую часть нации» [39]. Свидетельством того, насколько глубоко понимал Энгельс сущность процессов монополизации, развернувшихся в конце XIX в., является то, что он уже в конце 80 — начале 90-х гг. указывал на появление международных монополий, которые едва только наметились в тот период [40].

Более высокую ступень обобществления производства Энгельс видел в огосударствлении средств производства и сообщения, в превращении их в собственность буржуазного государства. Он считал, что в конце концов «государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено взять на себя руководство производством» [41]. Превращение производительных сил в собственность буржуазного государства, экономическая необходимость их огосударствления возникнет лишь тогда, когда средства производства действительно перерастут форму акционерных обществ и монополий. Только тогда огосударствление «будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы» [42]. Энгельс считал, что огосударствление средств производства при капитализме возникает в связи с необходимостью для класса капиталистов охранять общие внешние условия капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов [43].

Энгельс указывал, что путем огосударствления «капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот» [44]. Он разъяснял, что в монополиях эксплуатация наемного труда становится настолько осязаемой, противоречия настолько обостряются, что ни один народ «не согласился бы долго мириться с производством, руководимым трестами с их неприкрытой эксплуатацией всего общества небольшой шайкой лиц, живущих стрижкой купонов» [45].

История, однако, показала, что этот вывод Энгельса не оправдался. Капитализм в XX в. не исчерпал до конца всех резервов и возможностей развития, которые позволяют смягчать социальную напряженность, амортизировать нарастание классовых конфликтов.

Пожалуй центральным пунктом теоретического обобщения явлений и тенденций капитализма конца XIX в., которое Энгельс намеревался дать в итоге своих исследований, должен был стать анализ роли биржи и рынка ценных бумаг.

В связи с этим необходимо отметить, что хотя Энгельс не имел возможности проанализировать усиление роли банковских операций с ценными бумагами, что стало характерным явлением позднее, когда завершился переход к империализму и когда сформировался финансовый капитал, тем не менее его выводы, и это следует

подчеркнуть, во многом оправдались. Ленин высоко оценивал вклад Энгельса в разработку этого вопроса и, в частности, указывал, что при империализме «власть биржи усиливается» [46]. Развивая понятие финансового капитала как монополистического промышленного капитала, слившегося с банковским, Ленин специально разъяснил смысл положения об усилении роли биржи. Он писал, что «крупные банки сливаются с биржей, поглощая ее» [47] и когда говорят о падении роли биржи при империализме, то только в том смысле, что «всякий гигантский банк сам есть биржа» [48].

Показав связь развития акционерных обществ в промышленности и транспорте с их превращением в объект биржевой спекуляции акциями, Энгельс разъяснял, что биржа становится средоточием акционерных обществ и центром спекуляции, что с изменением роли биржи усиливается власть богатства, упрочивается союз биржевиков и правительства [49].

Опираясь на положения, высказанные Марксом в III томе «Капитала», он писал: «Как только торговля деньгами отделяется от торговли товарами, она приобретает — при известных условиях, определяемых производством и торговлей товарами, и в этих пределах — свое собственное развитие, имеет особые законы и фазы, которые определяются ее собственной природой» [50]. Разъясняя эту диалектическую взаимосвязь действительного капитала и денежного, Энгельс показал, что хотя денежный рынок, движение денежного капитала отражают движение промышленного рынка, выражают динамику производства и торговли, но они отражают это превратно, перевертывая действительные причинно-следственные связи. И это не только иллюзия восприятия. На определенном уровне развития торговли деньгами она начинает действовать как самостоятельная сила наряду с той основой в виде функционирующего капитала, на которой она возникла и развилась. В связи с этим Энгельс писал о торговле деньгами, что она, как «новая самостоятельная сила, правда, в общем и целом должна следовать за движением производства, но она, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на условия и ход производства» [51] в силу полученной и постепенно развивавшейся относительной самостоятельности.

Важным вкладом в разработку этих проблем явился анализ Энгельсом взаимодействия производства и обращения, движения функционирующего капитала и торговли деньгами, в котором учитывались изменения, происходившие в этой сфере буржуазной экономики в конце XIX в. Энгельс сформулировал вывод, что «торговля деньгами завоевывает, таким образом, прямое господство над частью производства, которое в общем и целом господствует над нею,— тогда обратное действие торговли деньгами на производство становится еще сильнее и сложнее» [52]. Значение этих положений состоит в том, что Энгельс их высказал, принимая во внимание срав-

нительно новое обстоятельство, а именно то, что собственниками акционерных предприятий в промышленности и транспорте являются торговцы деньгами, т. е. банкиры и биржевики. На этой основе он показал двоякий характер, который приобретают средства производства, оказавшись в собственности «денежных тузов». Раскрывая эту двойственность средств производства, он писал: «...Их работа должна приспособляться то к интересам непосредственного производства, то к потребностям акционеров, поскольку они же являются банкирами» [53]. Указывая на североамериканские железные дороги как на яркий пример этого двоякого характера предприятий, Энгельс высказался еще более определенно, отметив, что вся их работа зависит от биржевых операций крупнейших финансистов, т. е. от «операций, совершенно чуждых деятельности отдельной дороги и ее интересам как средства сообщения» [54]. Такие новые условия функционирования средств производства, ставших собственностью акционерных обществ и соответственно биржевиков и банкиров, ведут к растрате колоссальных денежных капиталов «не в интересах производства и транспорта, а исключительно в силу соперничества, преследовавшего большей частью лишь цель облегчить биржевые операции торговцев деньгами, владеющих акциями» [55]. В связи с этим следует отметить, что развивая свои ранее сформулированные положения о превращении капиталиста в акционера, Энгельс в плане-конспекте статьи о бирже указал на рост массового слоя капиталистов, живущих доходами от ценных бумаг, то есть на рост слоя рантье [56].

Таким образом, Энгельс, показав воздействие биржи и рынка ценных бумаг на промышленность и торговлю товарами, фактически во многом предвидел усиление паразитизма в ходе дальнейшего развития капитализма. Он как бы предвосхитил ленинское понимание роли финансистов и рантье в условиях господства финансового капитала. Здесь важно подчеркнуть, что это было сделано Энгельсом лишь в той мере, в какой наметились процессы, характеризующие переход к империализму, как паразитическому капитализму.

Раскрывая свое понимание значения биржи, Энгельс подчеркивал, что она изменяет распределение капиталов, способствует их централизации. В частности, он писал, что «биржа мобилизует все полностью или наполовину бездействующие капиталы, притягивая их и быстро концентрируя в немногих руках» [57]. В дальнейшем, более подробно характеризуя биржу как учреждение, в котором капиталисты эксплуатируют не рабочих, а друг друга, Энгельс разъяснял, что «прибавочная стоимость, переходящая на бирже из рук в руки, является уже *произведенной* прибавочной стоимостью» [58], что биржа изменяет только распределение уже созданной прибавочной стоимости. Особенно большое значение имела общая оценка

Энгельсом роли биржи, определение отношения к ней пролетариата. В историческом плане биржа предстает у него «как ни с чем не сравнимый элемент разрушения и могущественнейший ускоритель грядущей революции» [59].

На основе анализа тенденции развития капитализма конца XIX в. Энгельс отмечал рост приложения капитала за границей в форме акций, распространение европейского капитала по всему миру, подчеркивал роль банков в этом процессе [60]. Он обратил внимание и на расширение колониальных захватов в конце XIX в. и, в частности, писал, что колонизация «ныне находится просто на службе биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет назад поделили Африку» [61]. Такая колонизация была характерна для 80-х, отчасти 90-х гг. XIX в., она велась в интересах крупнейших биржевиков, финансовых спекулянтов, которые одновременно были нередко и крупнейшими собственниками акционерных компаний [62]. Однако уже в 90-е гг. началось усиление влияния монополий на колониальную экспансию, хотя значительное развитие этого относится к началу XX в. Энгельс писал, в частности, что Африка, колонизованная европейскими державами, буквально отдана на откуп крупнейшим акционерным компаниям [63].

Основное значение исследований Энгельсом тенденций развития экономики капиталистического общества конца XIX в. состоит в том, что он анализировал обострение и углубление противоречий капитализма с точки зрения перспектив революционного преобразования капитализма и необходимости его замены социализмом. Своим исследованием Энгельс дал образец применения марксистского метода к анализу новых явлений в экономической жизни общества, поэтому обращение к его методологическому опыту может стимулировать теоретическое исследование современного капитализма, помочь избрать верное направление в этом исследовании.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: *Малыш А. И.* Ф. Энгельс и пролетарская политическая экономия. М., 1970; Энгельс — теоретик. М., 1970; *Леонтьев Л. А.* Роль Ф. Энгельса в формировании и развитии марксистской политической экономии. М., 1972.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 381.

[3] Там же. Т. 25, ч. II. С. 484.

[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 67.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 641—642; Т. 25, ч. I. С. 479.

[6] Там же. Т. 25, ч. I. С. 479.

[7] Там же. С. 480.

[8] Там же. Т. 19. С. 177.

[9] Там же. С. 178.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] См. там же.

[13] Там же. С. 298.

[14] Там же. Т. 22. С. 234.
[15] Там же. Т. 25, ч. II. С. 485—486.
[16] Там же. Т. 19. С. 297.
[17] См. там же. С. 298—299.
[18] Там же. С. 299.
[19] См. там же. С. 297, 298.
[20] Там же. Т. 35. С. 268.
[21] Там же. Т. 19. С. 298.
[22] Там же. Т. 25, ч. I. С. 133—134.
[23] Там же. Т. 22. С. 213.
[24] Там же. Т. 19. С. 220—221.
[25] Там же. С. 221.
[26] Там же.
[27] Там же. Т. 25, ч. I. С. 480.
[28] Там же. С. 481.
[29] Там же. Т. 23. С. 641 (примечание 77[b]).
[30] Там же. Т. 25, ч. I. С. 480—481.
[31] См. там же, ч. II. С. 134.
[32] Там же. Т. 19. С. 221.
[33] Там же. Т. 22. С. 234.
[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 67—68.
[35] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 89; Т. 25, ч. II. С. 32.
[36] См. там же. Т. 50. С. 484.
[37] См. там же. Т. 22. С. 347.
[38] См. там же. Т. 21. С. 383—386.
[39] Там же. Т. 22. С. 347.
[40] См. там же. Т. 21. С. 383; Т. 25, ч. I. С 481.
[41] Там же. Т. 19. С. 221—222.
[42] Там же. С. 222.
[43] См. там же.
[44] Там же. С. 223.
[45] Там же. С. 221.
[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 98.
[47] Там же.
[48] Там же.
[49] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 177—178, 181; Т. 21. С. 172—173; Т. 22. С. 456.
[50] Там же. Т. 37. С. 415—416.
[51] Там же. С. 416.
[52] Там же.
[53] Там же.
[54] Там же.
[55] Там же.
[56] См. там же. Т. 25, ч. II. С. 485.
[57] Там же. Т. 35. С. 359, 378.
[58] Там же. Т. 39. С. 12.
[59] Там же. С. 13.
[60] См. там же. Т. 22. С. 343; Т. 25, ч. II. С. 486.
[61] Там же. Т. 25, ч. II. С. 486.
[62] См. там же. Т. 36. С. 53, 251; Т. 37. С. 313.
[63] См. там же. Т. 25, ч. II. С. 486.

Л. Л. Васина, Н. С. Румянцева

МАНЧЕСТЕРСКИЕ ТЕТРАДИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

В недавно вышедшем четвертом томе IV отдела Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА) [1] впервые опубликованы первые пять из девяти эксцерптных тетрадей Маркса и три эксцерптные тетради Энгельса, составленные в июле — августе 1845 г. во время их совместной поездки в Манчестер. В марксоведческой литературе, как советской, так и зарубежной, анализу этих материалов не уделялось достаточного внимания, что в первую очередь было связано с недоступностью эксцерптных тетрадей для исследователей. В их распоряжении имелось лишь самое общее описание содержания манчестерских эксцерптов, сделанное в начале 30-х гг. в первом издании МЭГА [2]. Помимо точного библиографического описания законспектированных в Манчестерских тетрадях книг в этой публикации была сделана первая попытка выделения собственно манчестерского цикла эксцерптов, предложена нумерация тетрадей, т. е. определена возможная последовательность их составления, а также были впервые опубликованы небольшие фрагменты содержащихся в этих тетрадях собственных текстов Маркса и Энгельса.

Некоторые общие сведения о цели поездки Маркса и Энгельса в Англию сообщаются в специальной и биографической литературе [3]. Однако анализ содержания манчестерских эксцерптов в них фактически отсутствует. Определенный шаг в этом направлении был сделан французским марксологом М. Рюбелем [4]. Развивая идеи этого автора, западногерманский исследователь Г. Херре в работе «Обнищание и пролетариат у Карла Маркса» более подробно рассмотрел манчестерские выписки Маркса и Энгельса, в частности, эксцерпты из книг английского историка Ф. М. Идена «Положение бедных», историка и экономиста Дж. Уэйда «История среднего и рабочего классов», посвященных истории формирования английского пролетариата [5]. В своем исследовании Херре рассматривает также работы и взгляды некоторых представителей англий-

ского утопического социализма, в том числе У. Томпсона и Дж. Ф. Брея, эксцерпты из книг которых также находятся в Манчестерских эксцерптных тетрадях Маркса [6]. Однако, несмотря на отдельные достижения в области анализа этих материалов, только в процессе подготовки манчестерских эксцерптов для публикации в 4 томе IV отдела МЭГА появилась возможность впервые исследовать весь комплекс проблем, связанных с историей возникновения и содержанием этих тетрадей Маркса и Энгельса.

Недолгое, около полутора месяцев, пребывание Маркса и Энгельса в Англии в 1845 г. относится к важному периоду в истории марксизма, который начался в феврале того же года после переезда в Брюссель Маркса, а несколько позднее и Энгельса. Когда в апреле 1845 г. они встретились в Брюсселе, Маркс, по позднейшему свидетельству Энгельса, изложил ему «в главных чертах» свое материалистическое понимание истории, и они решили сообща разрабатывать новое мировоззрение «в самых разнообразных направлениях» [7]. Однако, прежде чем приступить к осуществлению этого замысла, Маркс и Энгельс занялись реализацией своих ранее намеченных научных планов, которые в целом лежали в общем русле их теоретических исследований и занятий.

Поездка в Англию была необходима Марксу и Энгельсу прежде всего для изучения английской экономической, исторической и социалистической литературы. Маркс, заключивший 1 февраля 1845 г. договор с немецким издателем и книготорговцем Карлом Фридрихом Юлиусом Леске, продолжал сбор материалов для своей «Критики политики и политической экономии». Спустя почти год он сообщал об этом Леске в письме от 1 августа 1846 г.: «...для работы над ней я ездил в Англию... и купил большое количество дорогостоящих книг» [8]. Ближайшим планом Энгельса была работа над задуманным «обширным трудом по социальной истории Англии». Работу над ним он прервал в связи с решением вначале написать книгу о положении рабочего класса в Англии, чему он первоначально хотел посвятить в этом труде лишь одну главу [9]. 20 января 1845 г. он писал Марксу: «Моя книга об английских рабочих будет готова через две-три недели, затем я около месяца посвящу более мелким вещам, а потом примусь за работу об историческом развитии Англии и английского социализма» [10]. Леске через Маркса обратился 14 мая 1845 г. к Энгельсу с предложением издать у него эту книгу: «Я был бы не против *принять к изданию* «Историю английского общества», над которой работает г-н Энгельс, и прошу Вас поэтому попросить его написать мне относительно этой возможности», и 7 июня 1845 г. вновь повторил свое предложение [11].

Маркс и Энгельс хотели также ознакомиться с новой социалистической литературой, необходимой им для планируемой к изданию в Германии «Библиотеки выдающихся иностранных социа-

листов» [12]. Об этом они вели переговоры с Леске, который одним из непременных условий издания библиотеки в своем издательстве считал, что в ней должны быть представлены «только *самые новые* французские и английские социалистические и коммунистические сочинения» [13].

Предположение о целях поездки Маркса и Энгельса подтверждается и опубликованной в немецкой буржуазно-радикальной «Trier'sche Zeitung» заметкой от 12 июля, в которой сообщалось: «Господа Карл Маркс и Фридрих Энгельс предприняли в эти дни поездку в Англию, чтобы провести на месте необходимые для их работ дополнительные исследования» [14].

Маркс и Энгельс намеревались также ознакомиться с экономической и политической жизнью Англии, условиями труда и жизни пролетарских масс в стране классического капитализма. Вероятно, Маркс и Энгельс ставили перед собой задачу укрепить связи с лидерами чартизма и руководителями лондонского Просветительного общества немецких рабочих. Одно из свидетельств этого содержится в письме Эдгара фон Вестфалена, брата жены Маркса, из Брюсселя родственнику семьи Вестфаленов Вернеру фон Вельтхайму от 10 июля 1845 г., где прямо говорится, что поездка эта планировалась «с целью изучения на севере народа и библиотек» [15].

Выбор пал на Манчестер не случайно. Энгельс хорошо знал этот город, его библиотеки. Процедура получения книг в манчестерских библиотеках была более простой, нежели в библиотеке Британского музея, где только для получения читательского билета требовались соответствующие рекомендации.

Вместе с тем сам Манчестер представлял для Маркса и Энгельса в то время немалый интерес. Самый крупный в середине 40-х гг. XIX в. промышленный город Англии, Манчестер являлся одновременно центром политической жизни Англии тех лет. Здесь активно действовали политические организации обоих классов: основанная в 1838 г. «Лига борьбы против хлебных законов», представлявшая интересы промышленной буржуазии, и «Национальная ассоциация чартистов» — организация британского рабочего класса. В отличие от Лондона его справедливо называли в начале 40-х гг. XIX в. «метрополией агитации» [16]. «Его население своим участием в народных движениях отличалось от любого другого города империи»,— писала «The New Moral World» в 1841 г. [17]

Маркс и Энгельс, по-видимому, работали главным образом в Четамской библиотеке Манчестера — одной из старейших английских публичных библиотек, основанной в 1653 г. и славившейся своим собранием старинной литературы. В отличие от большинства английских библиотек, эта библиотека открывала доступ всем без ограничения, в ней не требовались читательский билет и рекомендации какого-либо рода, нужно было просто, чтобы чело-

век мог записать свое имя в книге посетителей. Из-за отсутствия в Четамской библиотеке современной литературы, Маркс и Энгельс были вынуждены обращаться в другие библиотеки города, в том числе подписную библиотеку (Subscription Library) [18] и библиотеку клуба Атенеум. Этот факт подтверждается библиографическими списками с индексами каталогов этих библиотек, находящихся в записной книжке Маркса 1844—1847 гг., а также двумя небольшими библиографическими списками в первой Манчестерской тетради Энгельса. Не исключено, что у них существовала возможность получения книг в других библиотеках Манчестера, у друзей и знакомых Энгельса. К этому выводу приводит отсутствие целого ряда книг, законспектированных Марксом и Энгельсом в Манчестерских тетрадях, в каталогах манчестерских библиотек [19].

На этом основании можно предположить, что не все тетради Маркса от начала до конца были составлены им в Манчестере. Возможно, он вносил в них отдельные записи позже: и во время пребывания в Лондоне, где мог получить некоторые книги у своих друзей и знакомых, и позднее, по возвращении в Брюссель. Кроме того, Маркс мог какие-то английские книги приобрести в Англии и проработать их, вернувшись в Бельгию.

Среди большого количества эксцерптов и других материалов IV отдела МЭГА, включающего конспекты, выписки, пометы на полях книг и другие подготовительные материалы, Манчестерские тетради Маркса и Энгельса занимают уникальное место. Фактически это единственный дошедший до нас пример такого рода сотрудничества двух великих ученых. Вместе с библиографическими материалами данного 4 тома IV отдела МЭГА и с записной книжкой Маркса за 1844—1847 гг. [20], значительная часть списков книг в которой возникла также в Манчестере, эти тетради Маркса и Энгельса позволяют говорить о необычайно напряженной даже для них исследовательской работе в течение июля — августа 1845 г.

Входящие в 4 том IV отдела МЭГА пять Манчестерских тетрадей Маркса содержат выписки из 25 произведений, принадлежащих перу 20 авторов, и двух анонимных памфлетов — «Собственность и владения его величества на британских морях...» и «О профессиональных объединениях». В трех Манчестерских тетрадях Энгельса законспектированы, с той или иной полнотой, восемь книг, кроме того, из работ еще трех авторов — Мисселдена, Купера и Садлера — он сделал лишь по одной выписке. Большая часть книг законспектирована Марксом и Энгельсом непосредственно по источникам. Иной характер носят выписки Маркса из работы Идена «Положение бедных» и памфлета «О профессиональных объединениях», которые составлены целиком на основе соответствующих конспектов Энгельса, а также два других конспекта — книг Т. Тука «История цен и состояния обращения» и Дж. У. Гилбарта «Исто-

рия и принципы банкового дела», сделанные частично по самим источникам, частично по конспектам Энгельса. Если Маркс изучал литературу главным образом под углом зрения экономических проблем, то Энгельса интересовали преимущественно вопросы социального и исторического характера. Особенно отчетливо это просматривается при сравнении эксцерптов Маркса и Энгельса одних и тех же авторов, например Тука, Гилбарта [21].

Среди изученных и законспектированных Марксом и Энгельсом в Манчестере источников преобладают работы английских экономистов различных направлений, которых условно можно разбить на две группы: предшественники классиков английской политической экономии А. Смита и Д. Рикардо — экономисты XVII в. Э. Мисселден, У. Петти, Ч. Давенант, автор анонимного памфлета «Собственность и владения его величества...» Р. Клавель и представители английской буржуазной экономической мысли послерикардовского периода — исследователи, интерпретаторы и противники Смита и Рикардо Дж. Ст. Милль, Н. У. Сениор, Т. Купер, Дж. Гилбарт, У. Аткинсон, Дж. Р. Мак-Куллох и другие, которых Маркс оценит впоследствии в основном как вульгаризаторов учения классиков.

Книга Мак-Куллоха «Литература по политической экономии» является аннотированным каталогом книг по политической экономии на английском, французском, итальянском и испанском языках, начиная с начала XVII в. до середины 40-х гг. XIX в. Выписки Маркса из этой книги являются своего рода дополнением к библиографическим спискам в записной книжке Маркса за 1844—1847 гг.

Помимо чисто экономических произведений, внимание Маркса в Манчестере привлек ряд работ английских политических деятелей и публицистов, рассматривавших острые социально-экономические темы, например, книга английского радикального журналиста У. Коббета «Бумажки против золота» и сочинение английского врача Т. Джерролда «Сочинение о человеке. В ответ г-ну Мальтусу».

Особую группу составляют сочинения английских социалистов-утопистов, последователей Р. Оуэна,— «Исследование начал распределения богатства» У. Томпсона и «Практическая моральная и политическая экономия» Т. Р. Эдмондса, которые делали социалистические выводы из теории Рикардо.

В Манчестерских тетрадях Маркса и Энгельса законспектированы также книги английских историков и социологов Т. Карлейля, Дж. Уэйда и Ф. М. Идена, Дж. Эйкина и Дж. Баттерворса, посвященные различным аспектам социально-экономического и исторического развития Англии, формированию английского пролетариата. К этой группе принадлежит и памфлет «О профессио-

нальных объединениях», а также «История английской республики» видного английского философа У. Годвина.

В Манчестере Маркс впервые познакомился в подлиннике с работами представителей английской буржуазной политической экономии, некоторые из которых (Смит, Рикардо, Мак-Куллох) были известны ему лишь по французским переводам [22].

Общий обзор изученных Марксом и Энгельсом в Манчестере произведений дает представление об основных направлениях их научных занятий, отличавшихся большим разнообразием, исключительной интенсивностью и широтой.

Начиная с конца 1843 — начала 1844 г., когда политическая экономия стала основной областью научных интересов Маркса, он поставил своей целью выяснение внутренних законов развития буржуазного общества, основанного на частной собственности, поиск путей ее устранения. Задачей Маркса оставалось рассмотрение всей совокупности экономических отношений буржуазного общества, определявших как существование буржуазии и ее классовое господство, так и положение наемных рабочих.

В Манчестере Маркс продолжал изучение предмета и метода буржуазной политической экономии, основных ее понятий и категорий. При этом главным для него, как в Париже и Брюсселе, попрежнему было исследование основного классового отношения буржуазного общества между трудом и капиталом, проблем стоимости, денег, денежно-кредитной системы как наиболее важных для понимания специфики буржуазного способа производства. Существенно Маркс продвинулся в Манчестере в изучении воздействия машинного производства на положение рабочих. Здесь обогатились его знания в области истории политической экономии и истории социалистических идей, особенно английского утопического социализма. Он конкретно изучил вопросы теории народонаселения, кризисы перепроизводства, банковскую систему капитализма, что в предшествующих Парижских и Брюссельских эксцерптных тетрадях не получило достаточного отражения.

Названные направления экономических занятий Маркса в манчестерский период позволяют составить представление о том, какие проблемы в той или иной степени должны были стать предметом исследования в задуманной «Критике политики и политической экономии» и под каким углом зрения Маркс собирался их рассматривать. Они дополняют исключительно скупые свидетельства о замысле этого произведения. Как писал Энгельс в одной из своих статей в «The New Moral World», «...новое произведение д-ра Маркса... будет заключать в себе критику основ политической экономии и политики вообще» [23]. Таким образом, замысел Маркса, видимо, предусматривал критический анализ основных направлений буржуазной политической экономии и буржуазной политики наря-

ду с изложением собственных представлений по кардинальным проблемам экономической теории и государственного устройства общества, дополненным рассмотрением этих вопросов в историческом аспекте, что подчеркивал сам Маркс в письме издателю Леске 1 августа 1846 г.[24]

Первая группа выписок в Манчестерских тетрадях Маркса связана с изучением раннего, досмитовского периода английской буржуазной политической экономии. В нее входят содержащиеся в первой тетради эксцерпты из работ Петти, Давенанта, Мисселдена и анонимного памфлета «Собственность и владения его величества на британских морях...». За исключением Петти, все авторы из этой группы являлись меркантилистами.

Центральной в их произведениях, отражавших становление капиталистического способа производства, была проблема общественного богатства. В процессе работы над книгами этих авторов Маркс отмечает, что она сводилась преимущественно к рассмотрению денег, а именно благородных металлов как *«универсального богатства»*[25], и внешней торговли, активный баланс которой обеспечивал приток в страну золота и серебра и, следовательно, накопление богатства. Маркс прослеживал, как меркантилисты определяли сущность и содержание понятия общественного богатства, решали вопрос об его источниках, как постепенно, с развитием производства изменялось понимание экономистами этой проблемы.

С развитием капиталистического производства, ростом промышленности, заменой политики денежного баланса политикой торгового баланса такое отношение к деньгам начинает меркантилистами постепенно преодолеваться. Свидетельства этому Маркс находит в работе Давенанта «Рассуждения об общественных доходах и о торговле Англии»: «Золото и серебро — действительная мера торговли, однако источником и создателем ее у всех народов является естественный или искусственный продукт страны, т. е. то, что производят их земля или их труд и промышленность. ...Таким образом, реальное и эффективное богатство страны — это ее естественный продукт»[26]. В «Политической арифметике» Петти Маркс также отметил попытку нащупать действительный источник богатства общества и найти общую, единую основу измерения стоимости товара. «Петти,— отмечает Маркс,— исчисляет стоимость людей, подобно стоимости земли, когда он капитализирует доход с нее»[27]. Много лет спустя в экономической рукописи 1861—1863 гг. и в «Анти-Дюринге», Маркс по достоинству оценит эту мысль Петти, назовет ее гениальным заблуждением[28].

Анализ другой работы Петти — «Опыт об увеличении численности рода человеческого», в которой прогнозировался рост численности населения Англии, привел Маркса к выводу, что в ней содержалась «попытка обосновать *статистику*»[29]. Вместе с тем, опи-

раясь на двухтомное сочинение «Рассуждения об общественных доходах и о торговле Англии» Давенанта, последователя Петти в разработке статистического метода и одновременно критика некоторых выводов последнего, он убеждается в отсутствии при жизни Петти действительно достоверных данных, необходимых для статистического анализа. Неразработанность методов статистики предопределила ошибочный и даже предвзятый, «апологетический» [30], по определению Маркса, характер некоторых расчетов Петти. Это, однако, не преуменьшало его заслуги в разработке статистики и значения впервые примененного Петти «не традиционного» [31] метода исследования, послужившего прообразом абстрактного метода в политической экономии. Из названной работы Давенанта Маркс выписал заинтересовавшую его характеристику Петти как «основателя политической арифметики», науки, которая, по определению автора, «одна может показать звенья и цепи, связывающие одни торговые операции с другими, а также зависимость друг от друга наших сделок» [32]. В этом определении было фактически заложено понимание политической экономии как науки, исследующей внутренние взаимосвязи хозяйства всей страны. Таким образом, уже при первом знакомстве Маркса с работами Петти начинают закладываться предпосылки для сформулированной впоследствии в I томе «Капитала» оценки его как «отца политической экономии и в некотором роде изобретателя статистики» [33].

Изучение Марксом работ первых теоретиков буржуазного способа производства дало ему возможность составить собственное представление об этом периоде развития английской экономической мысли, получавшем у буржуазных экономистов более позднего времени, как правило, только негативную оценку. За подчас наивными рассуждениями авторов XVII в. Маркс прослеживает искреннее стремление постичь внутреннюю связь явлений, законы развития буржуазного производства, находит у них определения многих экономических категорий, которые составили основу всех последующих систем буржуазной политической экономии.

Центральное место в Манчестерских тетрадях занял анализ послерикардовской буржуазной политэкономии 20—30-х гг. XIX в. Через много лет в рукописи 1861—1863 гг., опираясь на свои многочисленные экономические эксцерпты, в том числе сделанные в Манчестере, Маркс оценит этот период как весьма важный в истории английской буржуазной политэкономии. С развитием капитализма и обострением его классовых противоречий происходила эволюция буржуазной политической экономии — неуклонный отход от теории классиков, анализировавших с большей объективностью и научным беспристрастием экономические процессы. «Перед нами проходит,— писал Маркс,— теоретическое сражение за и против теории Рикардо...» [34] Последователи Рикардо и его критики

пытались найти ответы на вопросы, не решенные Рикардо или решенные им, с их точки зрения, неудовлетворительно. «...Все они фактически вращаются лишь вокруг определения понятия стоимости и ее отношения к капиталу»,— писал позднее Маркс [35].

В Манчестерских эксцерптных тетрадях Марксом собраны определения различными буржуазными экономистами предмета политической экономии, таких ее категорий, как стоимость, цена, издержки производства, капитал, заработная плата, прибыль, деньги, кредит, земельная рента, а также характеристики таких явлений капитализма, как переход к машинному производству, экономические кризисы перепроизводства и т. д. Выписки теоретического содержания он дополнял конкретными данными, яркими примерами, свидетельствами, подтверждающими или иллюстрирующими ту или иную мысль.

В центре исследований экономистов 20—30-х гг. прошлого века, как последователей, так и критиков Рикардо, стояла проблема стоимости. Все они оспаривали с различных точек зрения трудовую теорию стоимости Рикардо, вплотную подводившую к выводу о том, что источником доходов капиталистов и землевладельцев является эксплуатация рабочих. Буржуазные экономисты упрекали Рикардо в том, что трудовая теория стоимости не имеет связи с товарными ценами, и, не обладая способностью проникнуть в сущность изучаемых экономических явлений, предлагали свои определения стоимости — соотношением спроса и предложения (Купер, Аткинсон), полезностью (Сениор). Фиксируя в эксцерптах определение стоимости буржуазными экономистами, Маркс получил возможность сопоставить его с подходом к проблеме стоимости английских социалистов-утопистов, в частности Томпсона, у которого трудовая теория стоимости составляла основу справедливой системы распределения общественного богатства. «*Меновая стоимость* не является необходимой для идеи богатства. *Труд* — единственный отец богатства» [36],— подчеркивает Маркс.

В целом характер выписок Маркса по проблеме стоимости здесь существенно иной, нежели в Парижских эксцерптных тетрадях 1844 г. В них нет каких-либо критических замечаний в адрес теории стоимости Рикардо [37]. Это, вероятно, означало, что Маркс скорее солидаризируется с нею.

Особо важное значение для выяснения исторической судьбы «школы *Рикардо*» [38] имело обращение Маркса в пятой тетради к работам наиболее видных представителей рикардианской школы — «Принципам политической экономии» Мак-Куллоха и «Очеркам о некоторых нерешенных вопросах политической экономии» Милля.

Интерес Маркса вызвали разнообразные попытки последователей Рикардо объяснить, опираясь на рикардовскую теорию стои-

мости, сущность прибыли и нормы прибыли. Маркс фиксирует разграничение Мак-Куллохом «действительной стоимости» и «относительной, или меновой, стоимости», которую последний определял как «покупательную силу определенного количества труда или других товаров» [39]. Это определение стоимости Маркс непосредственно соотносит с содержащимся у Мак-Куллоха объяснением прибыли как постоянного превышения меновой стоимости над стоимостью [40].

При конспектировании «Очерков о некоторых нерешенных вопросах политической экономии» Дж. Ст. Милля Маркс обращает внимание на его попытку решить проблему нормы прибыли на базе рикардовского положения о противоположности прибыли и заработной платы. Однако, в отличие от Рикардо, Милль брал ее «*в отношении* между ценой труда, машин и т. д. и их продуктом» [41], а затем пытался обосновать эквивалентность обмена между трудом и капиталом путем сведения стоимости товара к величине выплачиваемой заработной платы рабочему и т. д.

Как и прежде, Маркс в Манчестере обращал пристальное внимание на отчетливо выраженную классовую позицию буржуазных экономистов, непосредственно ставивших экономическую теорию на защиту интересов собственности. «*Безопасность собственности*,— подчеркивает Маркс характерный тезис Мак-Куллоха,— является первым условием для производства богатства» [42]. Та же позиция прослеживалась и у Купера, выступавшего против всеобщего избирательного права из опасения, что «политическая власть в стране раньше или позже окончательно попадет в руки тех, кто представляет рабочих, лишенных собственности, исключив тех, кто владеет собственностью» [43]. При этом Маркс отмечал, насколько очевидным становится «теологический, апологетический способ аргументации и рассуждений экономистов», когда речь заходит о прибыли и капитале [44]. В формулировке этого вывода он опирался на сопоставление Аткинсоном в работе «Принципы политической экономии» ряда высказываний Мальтуса, Смита, Мак-Куллоха, из которых следовало, «что *прибыль* и что *только прибыль*,— будучи той целью, к которой направлены *все* усилия в практической деятельности,— является той сутью или чертой предмета, которая может быть избрана и принята в качестве руководящего и ведущего принципа» [45].

Большое место в тетрадях занимает анализ денежно-кредитной системы капитализма. Исследование этой темы нашло отражение в выписках из книг Гилбарта, Купера, Браунинга, Коббета и Мак-Куллоха. Маркс фиксирует определения денег, различие между металлическими, бумажными и кредитными деньгами, знакомится с разного рода проектами усовершенствования денежной системы.

Особенно обширные выписки были сделаны Марксом по истории и деятельности Английского банка. Интерес Маркса к этой теме был безусловно вызван той ролью, какую Английский банк сыграл в становлении и развитии капитализма, его значением в экономической и политической жизни Англии.

По-видимому, именно при изучении «Литературы по политической экономии» Мак-Куллоха Маркс впервые в самых общих чертах познакомился с развернувшейся в конце 30 — начале 40-х гг. XIX в. в английской экономической литературе полемикой между «денежной» и «банковской» школами, выписав работы авторов обоих направлений, и проследил историю принятия закона Р. Пиля [46]. Обстоятельное изучение этой полемики займет важное место в исследованиях Маркса начала 50-х гг., содержащихся в Лондонских тетрадях 1850—1853 гг. [47]

В работе Коббета «Бумажки против золота», в которой была выдвинута идея «полного уничтожения бумажных денег» [48], внимание Маркса привлекли приводимые Коббетом разоблачительные факты об обогащении за счет оплачиваемого народом государственного долга чиновничьей верхушки, сотрудников казначейства, для которых их должности становились настоящей синекурой [49]. Маркс выделяет также вывод автора о невозможности установить контроль над массой обращающихся денег без ликвидации огромного национального долга. Он выписывает из книги Коббета ряд таблиц, красноречиво свидетельствующих о том, что в наибольшей степени рост государственного долга был связан с военными расходами английского правительства [50].

Этой проблемой интересовался также и Энгельс. Однако его внимание было обращено прежде всего на предысторию банковского дела в Англии, особенно на развитие ростовщичества, вплоть до образования в 1694 г. Английского банка. Выписывая множество законодательных актов английского правительства, направленных на закрепление привилегий Английского банка, поддержку его финансовых операций, Энгельс приходит к выводу, что Английский банк «стал силой по отношению к правительству» и ведет «всегда совместные махинации с правительством» Англии [51]. Энгельс собрал также разнообразный фактический материал об организации в стране широкой сети провинциальных банков, акционерных, страховых и других компаний, которые в совокупности составили мощную разветвленную банковскую систему, способствующую концентрации капитала, введению его в активный оборот и извлечению огромных прибылей [52].

По существу, впервые предметом специального анализа стала для Маркса в Манчестере проблема кризисов перепроизводства. Он тесно увязывает ее с изучением денежно-кредитной системы капитализма, в которой свойственные кризисам противоречия про-

являлись наиболее остро. Главным источником для изучения кризисов послужило двухтомное исследование Тука «История цен и состояния обращения», охватывающее период с 1797 по 1837 г. Обращение именно к этому автору было, вероятно, подсказано Марксу Энгельсом, для которого тема экономических кризисов была не новой. Этот вопрос рассматривался последним в «Набросках к критике политической экономии» и в «Положении рабочего класса в Англии» [53]. Энгельс к этому моменту не только детально ознакомился с работой Тука, но и законспектировал ее. Опираясь на фактические данные, приводимые Туком, Энгельс углубляет свое понимание циклического развития капиталистической экономики, различая частичные кризисы, носившие относительно локальный характер, и общие кризисы перепроизводства.

Маркс при работе пользовался как конспектом Энгельса, так и самой книгой. Часть его выписок, составленных по несохранившемуся конспекту Энгельса, вероятно, отражает позицию последнего по рассматриваемым вопросам. Изучение Марксом по Туку состояния рынка накануне каждого кризиса, его динамики, перехода от послекризисной депрессии к процветанию, т. е. выделение последним, по существу, фаз промышленного цикла, давало новые факты для подтверждения циклического развития как одной из существенных закономерностей капитализма. Оно подводило к мысли о том, что причины кризисов следует искать не в расстройстве денежного обращения, нарушении соответствия между спросом и предложением или в воздействии таких политических факторов, как войны с Францией в 1792—1815 гг., континентальная блокада, англо-американская война 1812—1814 гг. и др. В отличие от изучаемых им буржуазных авторов, Маркс приходит к заключению, что кризисы связаны с действием внутренних законов буржуазного производства. Он отмечает: «Во время процветания *спрос* вызывает *спекуляцию* — размеры *действительного спроса* — кризис» [54].

Интересный материал по кризисам перепроизводства Маркс нашел в главе «Колебания занятости» книги Уэйда «История среднего и рабочего классов». В этой главе наряду с указанием на «периодическую регулярность» кризисов (Уэйд сравнивал их с «чумой и мором, которые ранее опустошали землю») был назван ряд дополнительных факторов, усугубляющих их протекание. Обобщая содержание этой главы, Маркс характеризует ее как «наиболее оригинальную» в книге Уэйда [55]. Своеобразие взглядов Уэйда на кризисы Маркс увидел, вероятно, в следующем. Уэйд пытался объяснить характерное во время кризиса значительное превышение предложения труда по сравнению со спросом на него тем, что ухудшение своего положения в этот момент рабочий стремится компенсировать «...увеличением продолжительности своего труда и удвоением его напряженности...» [56] Поэтому, как заметил один из

цитируемых Уэйдом манчестерских фабрикантов, «самые худшие годы почти всегда сопровождаются наибольшим количеством вкладываемого труда»[57]. Объясняя этот, на первый взгляд парадоксальный, факт, Маркс заметил: «Это происходит еще и потому, что незадолго до начала кризиса в период наивысшего процветания строятся многие новые фабрики, которые как раз во время кризиса вступают в строй»[58]. В этом комментарии Маркса содержится констатация важного для научного понимания кризисов перепроизводства момента, а именно: каждому новому кризису предшествует обновление производительных сил буржуазного общества.

Среди множества конкретных проблем, отраженных в Манчестерских тетрадях, выделяется проблема земельной ренты, подходы к которой были сделаны на основе Парижских эксцерптных тетрадей еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»[59].

Ренту в буржуазном обществе Маркс выводил в то время из наличия земельной собственности, а ее устранение связывал с окончательным превращением последней в капитал. Ряд высказываний Маркса в Манчестерских тетрадях позволяет сделать вывод о признании им теории ренты Рикардо, согласно которой наихудшие условия производства определяют стоимость производимого продукта. Незавершенные «Расчеты земельной ренты»[60] отражают уровень взглядов Маркса по данному вопросу в этот период.

С этим отрывком непосредственно перекликается критическое замечание Маркса в адрес Мак-Куллоха и других буржуазных экономистов, пытавшихся вывести ренту из естественной производительности земли или представить ее как процент на вложенный в землю капитал и не учитывающих роль земельной собственности. Маркс называет подобный взгляд «чистой софистикой», подчеркивая, что именно «частная собственность, согласно учению Рикардо, имеет то следствие, что при переходе населения при необходимости к земельному участку № 7, наихудшему с точки зрения условий производства... за лучшие шесть земельных участков должны оплачиваться издержки производства самой худшей земли, что означает для цены зерна, как если бы в стране существовала *только* самая плохая земля»[61].

Большой цикл выписок посвящен в Манчестерских тетрадях мальтузианской теории народонаселения. Критический анализ Марксом этой теории был непосредственно связан с продолженным в Манчестерских тетрадях исследованием положения рабочего класса и перспектив его освобождения от гнета капитала. Не последнюю роль могло сыграть, по-видимому, и доминирующее место мальтузианской теории народонаселения в объяснении причин пауперизации буржуазного общества в общественном сознании в первой половине XIX в. Материал по этой теме Маркс почерпнул

в работах Аткинсона, Садлера, Андерсона, Мак-Куллоха, Карлейля, Уэйда и др. Однако основным источником для критики теории народонаселения Мальтуса послужила двухтомная работа Садлера «Законы народонаселения».

Изучая взгляды представителей буржуазной политической экономии, Маркс получил возможность установить, как менялось их отношение к данному вопросу на разных этапах развития английской экономической мысли. От его внимания не ускользнуло, что представители досмитовской экономической мысли (Петти, Давенант), отражая прогрессивный этап развития капитализма, как правило, рассматривали рост народонаселения как необходимое условие увеличения общественного богатства. О других экономистах, придерживавшихся той же точки зрения, Маркс узнает из работ Уэйда, Садлера и Мак-Куллоха. Этот подход первых теоретиков буржуазного способа производства особенно контрастировал с получившей широкое распространение в конце XVIII — первой половине XIX в. мальтузианской теорией, согласно которой непосредственной причиной нищеты в буржуазном обществе является рост населения.

Большое значение для разоблачения взглядов Мальтуса имел проведенный Садлером обстоятельный анализ условий жизни и изменения численности населения Северной Америки и Китая, послуживших своего рода моделями для теоретических построений Мальтуса. Садлер и другие авторы показывали, что Мальтус исходил из неверных данных, что вело, соответственно, к ошибочным выводам. Поэтому, анализируя вслед за ними мальтусовские пропорции, Маркс приходит к выводу, что все они буквально «высосаны из пальца» [62]. Маркс нашел у Садлера также убедительные свидетельства того, что быстрый рост населения Северной Америки, на основе которого строились расчеты Мальтуса, был связан, в первую очередь, со значительным притоком иммигрантов и практически полным отсутствием эмиграции из страны.

По книге Садлера Маркс мог детально изучить аргументацию Мальтуса. Выводы последнего о растущем разрыве между количеством продуктов питания и ростом населения были сопоставлены с конкретными, в том числе историческими, данными о действительном соотношении этих величин. Маркс убеждается в том, что основные положения пресловутой теории народонаселения, носящей имя Мальтуса, были задолго до него выдвинуты Дж. Таунсендом, Р. Уоллесом и Дж. Брукнером. Это подтверждало справедливость отмеченного Марксом вывода Садлера о том, что Мальтус в данном вопросе является скорее «копиистом», чем оригинальным писателем [63].

Важное место в Манчестерских тетрадях занимает исследование отношения между трудом и капиталом. В Манчестере Маркс

существенно дополнил собранный в Парижских и Брюссельских эксцерптных тетрадях материал по данной теме. Изучая ключевые проблемы политической экономии — стоимость, капитал, прибыль, заработную плату, ренту и т. д.,— он вновь и вновь фиксировал внимание на воздействии внутренних законов буржуазного способа производства, выражаемых в этих категориях, на экономическое положение пролетариата.

Значительное внимание Маркс уделяет анализу сущности капитала как отношения классового господства. Делая выписки из «Очерков о некоторых нерешенных вопросах политической экономии» Милля, он отмечает распространенное в буржуазной политической экономии определение капитала как «производительной силы», выделяя вывод автора, что, по сути дела, *«...производительная сила капитала»* — это не что иное, как «количество реальной производительной силы, которой капиталист посредством своего капитала может командовать» [64].

Исследуя влияние введения машин на положение рабочего класса, Маркс находит у Купера, Садлера, Аткинсона, Карлейля, Уэйда и других авторов многочисленные свидетельства, подтверждавшие неумолимо действующую закономерность: развитие машинного производства в условиях капитализма неизбежно ведет к массовому разорению лиц, занятых ручным трудом, росту конкуренции на рынке труда, ухудшению положения рабочего класса. В частности, его заинтересовали выводы Купера о том, что «совершенствование машин может вызывать перепроизводство и растущую нищету» [65], что обремененный семьей рабочий не может бездействовать, ожидая, подобно любому другому товару, благоприятного момента. «Если он не может получить требуемого, он вынужден довольствоваться меньшим», поскольку сила и все преимущества всегда на стороне капиталиста [66]. Эти признания Купера Маркс сравнивает с утверждениями откровенных защитников капитализма, которые пытались представить внедрение машин и накопление капитала как великое благо для рабочих. К их числу относился и Мак-Куллох, который, по словам Маркса, не желал видеть губительных последствий машинного производства. Его позицию Маркс иронически называет «подлинным гимном тем преимуществам, которыми наслаждаются рабочие» фабрик [67]. Утверждения Мак-Куллоха Маркс сопоставляет с выводом Смита о том, что явление крупных мануфактур делает рабочего *«настолько тупым и невежественным, насколько таким возможно сделать человеческое существо»* [68].

Выписки, касающиеся экономического анализа положения рабочего класса в буржуазном обществе, Маркс дополняет энгельсовскими конспектами работы Идена «Положение бедных» и анонимного памфлета «О профессиональных объединениях», а также

собственными выписками из работ Уэйда и Карлейля [69]. Этот комплекс эксцерптов содержит данные, освещающие различные стороны исторического процесса формирования буржуазии и пролетариата в Англии. В выписках Маркса воспроизводятся полная картина разложения феодального общества, основные этапы насильственного отделения непосредственных производителей от средств производства, возникновения капиталистических отношений. Особенное внимание Маркс уделил анализу роли государства, государственного законодательства в развитии этих процессов.

Собранный большой конкретный материал в совокупности с тремя тетрадями Энгельса помог Марксу раскрыть сущность процесса первоначального накопления капитала. Опираясь на манчестерские выписки, Маркс показал в «Экономической рукописи 1857—1858 гг.», что «на первоначальной ступени капитала имело место государственное принуждение для превращения неимущих в *рабочих* на условиях, выгодных капиталу...» [70]. Дальнейшее развитие этот тезис получил в рукописи 1861—1863 гг. и в I томе «Капитала», где, обобщая свои исследования, Маркс формулирует вывод о том, что «новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят» [71].

Особый цикл материалов Манчестерских тетрадей Маркса составляют выписки из работ английских социалистов-утопистов. Его открывают публикуемые в 4 томе IV отдела МЭГА эксцерпты из работ У. Томпсона и Т. Р. Эдмондса. Изучение взглядов английских социалистов имело для Маркса не только большое теоретическое, но и практическое значение. Работая над книгами Томпсона и Эдмондса, Маркс в первую очередь выяснял теоретические основы и существо разрабатывавшихся английскими социалистами планов социального переустройства общества. Он акцентирует внимание на понимании Томпсоном роли труда как единственного источника общественного богатства для теоретического обоснования выдвигавшейся им справедливой системы распределения — обеспечения каждому производителю полного эквивалента его труда: «Труд везде, у всех людей — предмет стоимости. Он повсюду является ценой, уплачиваемой за продолжительность существования и за предмет желания. Это — единственный универсальный товар. Только труд, будучи добавленным к потребности в материальных вещах, делает их предметами богатства... Труд должен получать свой полный эквивалент» [72].

Из рикардовской теории стоимости Томпсон делал вывод об эксплуататорской природе буржуазного общества, всецело обязанного своим богатством труду рабочих. «Сырье, здания, машины, заработная плата,— записывает Маркс эту мысль Томпсона,— ничего не могут добавить к своей собственной стоимости. Добавочная стоимость получается только от труда. При обычном поло-

жении дел по меньшей мере половина труда производительных рабочих оказывается присвоенной капиталистами»[73]. Коренную причину существующего социального зла Томпсон видел в господстве частной собственности и, основываясь на трудовой теории стоимости, аргументировал в своем «Исследовании начал распределения богатства» положение, что социальная несправедливость не может быть устранена и равенство в распределении не может быть достигнуто «до тех пор, пока продолжается такое положение вещей, поддерживаемое силой, когда только одна группа лиц *владеет производительными силами...*»[74] Вместе с тем Маркс замечает противоречивость и эклектичность воззрений Томпсона, видевшего решение проблемы неравенства только в установлении «республиканского представительного строя». Его морально-этические и правовые принципы оказывались, приходит к выводу Маркс, «противоречивой комбинацией из Годвина, Оуэна и Бентама»[75]. Анализ работ Томпсона и Эдмондса позволил Марксу сделать вывод об ограниченности предлагавшихся английскими социалистами программ преобразования буржуазного общества. «Томпсон полагает, что всего можно достичь с помощью фраз «равная обеспеченность», «добровольный обмен» и т. д.»,— заметил он[76].

В процессе работы над Манчестерскими тетрадями углублялся и совершенствовался метод работы Маркса над изучаемыми источниками, вырабатывалась его собственная методология экономического исследования. На конкретном материале изучаемых источников Маркс овладевал приемами анализа экономических процессов. Несмотря на лаконичность и подчас незавершенность оценок, ремарок, резюме, которыми Маркс сопровождал свои выписки, они сыграли определенную роль в разработке его собственной экономической теории.

Три эксцерптных тетради Энгельса позволяют составить довольно отчетливое представление о содержании задуманного, но так и не написанного им труда «по социальной истории Англии»[77]. Тщательно проработав сравнительно небольшое число книг, Энгельс собрал в Манчестерских тетрадях значительный фактический материал о процессах, которые происходили в социально-экономической и политической структуре Англии более чем за 800 лет. Эти процессы рассматриваются им, начиная с момента завоевания Англии норманнами в 1066 г. вплоть до середины 40-х гг. XIX в., когда Англия стала ведущей индустриальной и колониальной державой.

В центре исследований Энгельса находится период утверждения в Англии буржуазного строя и господства капиталистического способа производства, ее социально-экономическое и политическое развитие в этот период.

Собранный Энгельсом фактический материал освещает главным образом два вопроса: классовую и социально-экономическую

структуру тогдашнего английского общества и те события и процессы, которые влияли на ее изменение. Опираясь на фундаментальные источники, использованные Иденом в его работе, такие, как «Книга страшного суда», многочисленные хроники и разные редакции «Хартии вольностей», Энгельс рассматривает структуру сельского населения Англии в XI—XII вв., состоящего из рабов, крепостных-вилланов и свободных крестьян, делает подробные записи, касающиеся всех категорий крепостных и разнообразных форм их повинностей. Соглашаясь с Иденом, он выписывает его вывод о том, что «крепостничество, конечно, в своих деталях различно, но в принципе оно повсюду одно и то же: тот, кто родился крепостным или стал им, не может приобрести права на какой-либо вид собственности» [78]. Прослеживая по книге Идена дальнейшее развитие английского общества, Энгельс отмечает исчезновение в Англии к концу XII в. рабов, постепенное развитие в стране товарно-денежных отношений и фактическую ликвидацию к началу XV в. крепостной зависимости. В результате этих процессов в Англии сложился слой свободных крестьян-арендаторов, опутанных, по словам Энгельса, сетью «весьма тягостных» феодальных повинностей [79]. При этом, констатирует он, с ростом товарно-денежных отношений в английской деревне резко ухудшается положение основной массы крестьян. Энгельс фиксирует и другие причины, увеличивавшие бедствие народных масс: войны, эпидемии, неурожаи. Его интересовало также развитие городов в Англии, постепенное превращение их в центры торговли и ремесла.

Конспектируя книгу Идена, Энгельс обратил свое внимание на начавшийся в XIII в. захват у крестьян общинных земель, или так называемое огораживание, продолжавшееся вплоть до конца XVIII в. Развенчивая позицию Идена, отстаивавшего, подобно прочим буржуазным авторам, легенду об идиллическом возникновении капиталистического способа производства, Энгельс писал: «Итак, вся история теперешней защиты огораживаний еще более жестока; но как замечательно — это несомненно собственность лорда земли — и *однако ему необходимо иметь законодательный акт, для того чтобы использовать свою собственность!* То, что речь здесь, следовательно, идет о том, чтобы *феодальное* право превратить в *современное,* чтобы *ловко одно подменить другим,* до этого г-ну Идену нет дела» [80].

Наряду с процессом «огораживаний» Энгельс выделяет другой важный этап в истории насильственного отделения непосредственного производителя от средств производства — сгон крестьян с земли в результате превращения пахотной земли в пастбища для овец. Одновременно он фиксирует и идущий параллельно процесс укрупнения ферм. Таким образом, Энгельс отмечает тесное пере-

плетение развития мануфактуры и сельского хозяйства, поставлявшего для нее сырье, а вместе с тем и зарождение капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Новый толчок к насильственной экспроприации народных масс в XVI в., по мнению Энгельса, дала Реформация, сопровождавшаяся колоссальным разграблением церковного имущества, перешедшего в руки короля, придворных, новых дворян-джентри и буржуазии. Говоря о политике Генриха VIII, направленной на секуляризацию монастырских земель, Энгельс отмечал: «Правда, это называлось покупкой, но было бессовестным грабежом» [81].

Подводя итог, Энгельс писал: «Со свободы крестьян берет свое начало *нищета* как таковая — феодальное прикрепление к земле... избавляло до сих пор законодательство от необходимости заниматься бродягами, нищими и т. д.» и присоединился к выводу Идена, «что мануфактуры и торговля — вот истинные родители нашего национального пауперизма» [82]. Эта тенденция была отмечена Марксом и Энгельсом вскоре и в «Немецкой идеологии». Опираясь, очевидно, на материалы, законспектированные в Манчестере, они отмечали: «...Настоящая частная собственность повсюду возникла путем узурпации» [83]. В I томе «Капитала» Маркс писал об этом: «Разграбление церковных имуществ, мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинной собственности, осуществляемое по-узурпаторски и с беспощадным терроризмом, превращение феодальной собственности и собственности кланов в современную частную собственность — таковы разнообразные идиллические методы первоначального накопления» [84].

Помимо внутренних источников первоначального накопления, Энгельс обратил большое внимание на роль колониального грабежа в подготовке благоприятных условий для промышленного переворота в Англии. Конспектируя книги историков и экономистов, он собрал довольно обширный материал о многочисленных войнах Англии, начиная с конца XVII в. Их целью было удовлетворение торговых и колониальных интересов английской буржуазии путем вытеснения былых соперников — Испании, Голландии и Франции — из их заморских владений и превращение Англии в крупнейшую колониальную державу. Значительный материал о колониальной политике Великобритании в XVII—XIX вв. он почерпнул из книги Дж. Портера «Прогресс нации».

Истории промышленного переворота и его значения для дальнейшего социально-экономического развития Англии Энгельс касался, в той или иной степени, в своих прежних работах [85]. Работая в Манчестере, он вновь обращается к этой теме. Из книг Идена, Эйкина и Баттерворса он почерпнул новые для него факты, фиксируя свое внимание главным образом на двух вопросах: технический переворот как результат расцвета изобретательской мысли

в Англии и быстрое промышленное развитие страны, превращение мануфактурного производства в крупное фабрично-машинное. Прежде всего он собирает биографический материал как об известных (Р. Аркрайте, Дж. Харгривсе, Дж. Уатте), так и о малоизвестных английских изобретателях (Дж. Бриндли, Д. Кэе, Т. Хейсе, М. Боултоне и других), тоже внесших свой вклад в технический прогресс страны [86]. Довольно подробно он записал данные о нелегком жизненном пути талантливого самоучки Бриндли, который прославился своими необычными для того времени методами при строительстве каналов, акведуков, туннелей и т. д.

Что касается быстрого промышленного развития Англии, где с середины XVIII в. «*машинный труд одержал победу над ручным трудом* в главных отраслях английской промышленности...» [87], то Энгельс сосредоточил внимание главным образом на Манчестерском промышленном округе с прилегающими к нему графствами, составлявшими наиболее развитую в промышленном отношении часть северо-западной Англии. На его примере Энгельс рассматривал социально-экономические процессы и явления, которые были характерны в это время для всей страны, но наиболее ярко проявлялись именно здесь. Конспектируя книги Идена и Эйкина, Энгельс собрал богатый фактический материал более чем о 50 городах Великобритании [88]. Энгельс выписывал разнообразные сведения о городах: быстром росте населения в них, превращении прежних деревушек в промышленные центры, о различных отраслях английской промышленности, как традиционных, так и новых для нее, бурном строительстве каналов, о широком применении машин на фабриках, повсеместном использовании женского и детского труда, продолжающемся росте пауперизма в стране [89]. Все эти выписки находились в русле идей, содержавшихся в книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» [90].

Еще в статье «Положение Англии. Английская конституция», посвященной главным образом «критике правового состояния Англии», Энгельс поставил перед собой задачу позже специально рассмотреть вопрос «о *прямом* социальном законодательстве, в котором низость» господствующих классов «достигает своего предела» [91]. Надеясь осуществить это намерение в своей большой работе о социальной истории Англии, он выписал в эксцерптные тетради около 300 законодательных актов.

Анализируя акты о бедных, Энгельс обратил прежде всего внимание на то, что главная цель законодателей сводилась к тому, чтобы любыми средствами заставить бродяг и пауперов трудиться. Прослеживая содержание одного акта за другим, он отметил постоянное ужесточение наказаний за бродяжничество и отказ от работы, особенно тех нищих и бродяг, кто был способен работать. Работоспособных бродяг подвергали публичной порке, заковывали

в кандалы, клеймили раскаленным железом, отрезали половину уха, заключали в тюрьмы, превращали в пожизненных рабов, осуждали на смерть как государственных преступников. Нищие, не способные к труду, отмечал Энгельс, «рассматриваются всегда как скот. Зато способные трудиться... преследуются с истинной жестокостью» [92]. Весь фактический материал об этих актах, которые Маркс называл «кровавыми», был детально использован им в I томе «Капитала», где он, в частности, писал: «Деревенское население, насильственно лишенное земли, изгнанное и превращенное в бродяг, старались приучить, опираясь на эти чудовищно террористические законы, к дисциплине наемного труда поркой, клеймами, пытками» [93].

В английском законодательстве о бедных он выделил еще два существенных момента: организацию с 1576 г. в каждом графстве работных домов (первоначально они назывались «исправительными домами») и введение с 1601 г. налога в пользу бедных [94]. Особенно интересовали Энгельса история работных домов и условия жизни и труда в них рабочих. Уже в «Положении рабочего класса в Англии» он писал, что сами рабочие называли их «бастилиями для бедных» [95]. Среди актов он особо выделил акт 1782 г., внесенный в парламент политическим деятелем и реформатором в области законодательства о бедных Т. Гилбертом с целью улучшить принципы организации и управления работными домами. По оценке автора этого закона, весьма заинтересовавшей Энгельса, из-за произвола управляющих и надсмотрщиков работные дома постепенно превращались для пауперов в «дома ужаса» [96]. По книге Идена Энгельс ознакомился также с уставами многих работных домов и назвал их «бессовестно гнусными» [97]. Он обратил особое внимание на рекомендованное Иденом для управляющих работными домами сочинение графа Румфорда «Политические, экономические и философские очерки». Энгельс назвал эту работу «великолепной поваренной книгой всевозможных видов жратвы самого дешевого сорта, для того чтобы давать рабочим суррогаты взамен теперешних дорогих нормальных блюд» [98]. Оценка Энгельса книги Румфорда и рецепт самого дешевого блюда для рабочих, выписанный им в свою тетрадь, были приведены Марксом в I томе «Капитала» [99].

Конкретное содержание законов о бедных подтверждало вывод Энгельса о том, что «покровительство богатым ясно выражено в законе» [100]. Особенно отчетливо это проявлялось, как отметил Энгельс, в этих законах тогда, когда в них ставился вопрос об организации вспомоществования нуждающимся и нищим. В этой связи его особенно заинтересовал содержащийся в акте 1553 г., предусматривавшем превращение нищих и бродяг в пожизненных рабов и потому названным Энгельсом «законом о рабах», строгий

наказ сборщикам вспомоществований вести себя по отношению к добровольным жертвователям «деликатно», а именно: «*деликатно* спрашивать каждого мужчину и женщину, какую милостыню они согласились бы еженедельно вносить для вспомоществования бедным» [101]. При этом Энгельс дважды подчеркнул слово «деликатно» и резюмировал: «Таким образом одновременно имела место нежность по отношению к буржуазии, которая лучше всего контрастирует с вышеупомянутым законом о рабах» [102].

Энгельс констатировал, что многочисленные законы о бедных, как правило, оставались на бумаге. Однако в самом факте издания этих законов он видел признак того, что английские власти, напуганные постоянным ростом числа людей, не имеющих работы, пристанища и хлеба, были вынуждены при помощи законодательных мер искать пути хотя бы частичного преодоления этого социального явления. Вместе с тем он отмечал, что позиция английской буржуазии в этом вопросе была особенно непримиримой. Помимо «огромной ненависти против бродяг» у буржуазии одновременно присутствовала «антипатия против законов о бедных» [103].

Параллельно с законодательством о бедных Энгельс знакомился с рабочим законодательством в Англии, начало которому положил рабочий статут Эдуарда III 1349 г. В нем впервые устанавливалась величина заработной платы для многих категорий рабочих, а также вводились строгие наказания за ее нарушение [104]. В других законодательных актах наряду с определением заработной платы регламентировалась продолжительность рабочего дня, стоимость одежды и питания рабочих. Эти статуты получили у Энгельса название «законов о жратве и зарплате». Оценивая их, он писал, что во всех этих законах «был установлен *максимум* зарплаты, но не минимум». Причем одним из самых наказуемых нарушений, отмечал Энгельс, во всех этих актах была выплата большей, чем установленной законом зарплаты — вплоть до 40 дней тюремного заключения,— но никогда не подвергали наказанию «выплачивающих меньше» [105].

Среди различных актов рабочего законодательства Энгельс особо выделил законы, в которых содержался строгий запрет на организацию рабочих объединений. Интерес Энгельса к этому вопросу не случаен. В своей статье «Положение Англии. Английская конституция» он констатировал, что, согласно существующей английской конституции, «...право союзов в полном своем объеме есть привилегия богатых...» [106] Подтверждение этому выводу он нашел в анонимном памфлете «О профессиональных объединениях», где был собран довольно богатый материал по истории борьбы рабочих за право создания своих союзов. Автор памфлета проследил историю рабочих организаций от средневековых «братств» [107] до образования первых самостоятельных профессиональных организаций

английского пролетариата — тред-юнионов. При этом Энгельс подметил безрезультатность принимаемых английским парламентом из года в год законов, запрещающих организации рабочих разных специальностей [108]. Автор памфлета признает, что, начиная с середины XVIII в., вопреки запретам, с каждым годом «союзы становятся все многочисленнее» [109], что, несмотря на их «незаконный характер», они руководят борьбой рабочих на фабриках, нанося чувствительные удары по коммерческим расчетам их хозяев, что рабочие постепенно теряют «моральный трепет» перед законом, который членов рабочих организаций рассматривал как уголовных преступников [110]. В этом Энгельс видел зачатки роста сознательности в широкой массе рабочих. Наконец в 1824 г. был принят закон, отменивший «все акты, ранее воспрещавшие объединение рабочих для защиты своих интересов» [111].

В книге Идена Энгельса заинтересовали не только акты о бедных, изданные английским парламентом, но и многочисленные проекты борьбы с пауперизмом, с которыми выступали представители имущих классов. Поток литературы о бедных особенно усилился после английской буржуазной революции XVII в. Среди авторов всевозможных проектов исцеления английского общества от пауперизма довольно значительную группу представляли священнослужители разного ранга, известные английские писатели, как Д. Дефо, Б. Мандевиль и Г. Филдинг, философы и экономисты, государственные и политические деятели различной партийной принадлежности, аристократы и буржуа. В их книгах, брошюрах, статьях и планах Энгельс прежде всего искал объяснения причин этого социального бедствия. Большинство авторов главную причину роста пауперизма видели в испорченности человеческой натуры, ее склонности к лени, нежелании работать, отсутствии образования и т. д. [112]

Еще большее внимание Энгельс уделил предложениям о путях избавления Англии от пауперизма, выдвигавшимся разными представителями господствующих классов. По мнению большинства авторов, следовало прежде всего отказаться от всякого рода вспомоществования пауперам. Энгельс выписывает весьма характерное высказывание одного из исследователей вопроса о пауперизме в Англии Р. Даннинга: «Кто однажды получил вспомоществование от прихода, тот становится ленивым и считает эту помощь своим прирожденным *правом*» [113]. Не менее резко против налога в пользу бедных высказался английский писатель Г. Филдинг, который заявлял: «Поддерживать бродяжничество — это добродушная, но вредная слабость» [114]. Главное средство борьбы против пауперизма большинство авторов видело в законодательном и насильственном принуждении бродяг и нищих к труду в работных домах и использовании их на общественных работах. Рассуждения Портера о зна-

чении образования для ликвидации нищеты низших классов Энгельс оценил следующим образом: «Теперь г-н П[ортер] дает длинный перечень преимуществ регулярного обучения, которое дало бы трудящимся классам средство перейти в ряды буржуазии, просветило бы их в том, что плохие времена являются неизбежным злом, что они проистекают из необходимых и не поддающихся контролю причин, а не из экономической системы, которая столь благоприятна для господствующих богатых классов.— Образование удержало бы их от смуты, предохранило бы от демагогического соблазна и доказало бы им, что они не могут совершить ничего лучшего, как присоединиться к всеобщему лозунгу laissez-faire * и спокойно голодать, когда у них нет работы» [115].

Проанализировав таким образом множество законодательных актов и различные проекты, Энгельс еще раз убедился в том, что все они не касались действительной причины появления пауперизма, обусловленного объективным ходом развития английского общества от феодализма к капитализму. Полемизируя с Иденом по поводу причин роста пауперизма, Энгельс прямо пишет в своем конспекте: «Г-н Иден не видит, что поощрение промышленности и пауперизма — это одно и то же» [116]. Подтверждался вывод, сделанный Энгельсом в «Положении рабочего класса в Англии»: «Нищета является необходимым следствием современного социального строя, и вне этого можно искать лишь причины той или иной формы, в которой она проявляется, но не причины самой нищеты» [117].

В Манчестерских тетрадях Энгельс накапливал данные о положении различных отрядов английского рабочего класса. В книгах Идена и Эйкина он черпал конкретные сведения о бедственном и бесправном положении наемных рабочих на начальных этапах формирования английского рабочего класса. Однако в большей степени Энгельса интересовало положение английского рабочего класса в новое время, когда стали сказываться в полной мере плоды «буржуазной цивилизации» [118]. Он отмечает резкое снижение заработной платы самых различных категорий рабочих города и деревни, усугубленное значительным повышением в стране цен на основные продукты питания [119]. Богатый материал по этим вопросам нашел Энгельс в третьем томе книги Портера «Прогресс нации». Нищенское существование основной массы английских рабочих сопровождалось их деморализацией, ростом преступности, проституции, пьянства и наркомании. Приводимые Портером факты показывали безуспешность предпринимаемых английским правительством действий по борьбе с этими явлениями. Оценивая его усилия по борьбе с пьянством, Энгельс писал: «Это насиль-

* — Свободы действий. *Ред.*

ственное подавление естественно имело своим следствием рост преступности и т. д.; люди, которые прежде напились бы в кабаке, должны теперь в любой момент опасаться скандала с полицией и т. д., и тайное пьянство привело к массовой деморализации»[120].

Из книги Портера Энгельс выписал потрясающий по своей разоблачительной силе материал о росте преступности в стране. При этом он отметил особо быстрый рост преступности среди женщин и несовершеннолетних[121]. Энгельс занес в тетрадь перечень основной массы названных Портером и наиболее распространенных в Англии преступлений, среди которых преобладали воровство и нанесение ущерба различным видам собственности. Это позволило Энгельсу согласиться с мнением автора книги, что в большинстве своем преступления направлены против частной собственности[122]. Их Энгельс считал «первой, наиболее грубой и самой бесплодной формой... возмущения рабочих против буржуазии»[123].

Наряду с весьма убедительными данными об исключительно бедственном положении английского рабочего класса книга Портера содержала также немало сведений о жизни имущих классов Англии, выявлявших пропасть, которая существовала между пролетариатом и буржуазией.

При конспектировании различных книг Энгельс постоянно фиксировал факты борьбы трудящихся масс Англии против своих угнетателей. Одним из наиболее ранних событий такого рода, отмеченным им при работе над книгой Идена, было крестьянское восстание Уота Тайлера в конце XIV в. Конспектируя памфлет «О профессиональных объединениях», Энгельс выделил восстание городских низов в 1518 г., вошедшее в историю Англии под названием «недобрый майский день» и оцененное самим Энгельсом как «рабочая смута»[124].

С еще большим вниманием отнесся Энгельс к борьбе английского пролетариата после начала промышленного переворота. В книгах Эйкина и Баттерворса он не оставил без внимания даже самые скудные сведения о частых выступлениях рабочих во второй половине XVIII в. против машин[125]. Об этих выступлениях Энгельс упоминал уже в книге «Положение рабочего класса в Англии»[126].

В памфлете «О профессиональных объединениях» Энгельс выявил также факты о широком стачечном движении, распространившемся по всей стране в 20—30-х гг. XIX в., главной целью которого была борьба против понижения заработной платы[127]. Энгельс критиковал автора этого памфлета, который «предупреждает рабочих о вреде для них стачек с требованием повышения зарплаты»[128]. Отвечая ему, он писал: «Почему этот осел не пони-

мает того, что это доказывает, что речь здесь, по существу, идет совсем о другом, а не об этих нищенских трех фунтах в неделю»[12]. Вероятно, Энгельс имел в виду политическое значение стачечной борьбы, то, о чем он писал в «Положении рабочего класса в Англии»: «Стачки являются военной школой, в которой рабочие подготовляются к великой борьбе, ставшей уже неизбежной...»[13] В это время Энгельс еще недооценивал экономическое значение стачек. К его пониманию классики научного социализма придут в 60-е гг.

Содержание эксцерптных тетрадей Энгельса весьма разнообразно. Оно показывает, насколько глубоко, обстоятельно и разнопланово собирался Энгельс осветить социально-экономическое и политическое развитие Англии в задуманном труде. Проделанные в Манчестере исследования подтверждали основные выводы Энгельса о тенденциях и перспективах развития буржуазного общества, которые он сформулировал в прежних статьях и в книге «Положение рабочего класса в Англии».

Подведем некоторые итоги. Манчестерские эксцерптные тетради Маркса и Энгельса представляют собой важный источник для изучения процесса формирования и развития марксизма. Изучение английской буржуазной политической экономии, обогащенное непосредственными наблюдениями капиталистической действительности в двух крупнейших центрах Британской империи — Манчестере и Лондоне, подтверждали вывод Маркса, что развитие экономической теории самым тесным образом «связано с действительным движением общества, или является лишь его теоретическим выражением»[131].

Одним из важных итогов интенсивных научных занятий Маркса в Манчестере была первая попытка выделить в английской буржуазной политической экономии научное направление во главе со Смитом. Вскоре после возвращения из Англии Маркс формулирует этот вывод в черновом наброске работы о книге немецкого экономиста Ф. Листа «Национальная система политической экономии». По словам Маркса, заслуга этих «первых, научных глашатаев» буржуазной политической экономии состояла в том, что они цинично выдали «тайну «богатства» и сделали «невозможными все иллюзии относительно его природы, тенденции и движения»[132].

Развивая этот вывод в работе «Нищета философии», Маркс сделал следующий шаг в разработке научной периодизации истории развития английской буржуазной политической экономии. Он приходит к более правильному пониманию места в ней учения Рикардо. «Рикардо,— писал Маркс,— глава целой школы, господствующей в Англии со времени Реставрации. Учение Рикардо строго, безжалостно резюмирует точку зрения всей английской

буржуазии, которая, в свою очередь, является воплощением современной буржуазии»[133].

Почерпнутый Марксом и Энгельсом в Манчестере богатейший материал по экономической и социальной истории Англии, о развитии английского капитализма, торговли, мануфактуры и фабричной промышленности, формировании мирового рынка, формах и методах конкурентной борьбы на разных этапах развития капитализма, роли государственной власти в форсировании этого процесса давал возможность углубить понимание неразрывной связи между экономической и политической структурой буржуазного общества, наполнить эту идею конкретным содержанием, что способствовало более глубокому обоснованию материалистического понимания исторического процесса. Манчестерские тетради Маркса и Энгельса содержали отправные данные для периодизации этапов развития капитализма, предпринятой впервые в «Немецкой идеологии»[134].

Проделанные в Манчестере исследования позволили основоположникам научного социализма глубже проникнуть в сущность производственных отношений буржуазного общества, основанного на эксплуатации труда наемных рабочих. Собранный уникальный материал по истории формирования пролетариата и истории его борьбы за свое существование ставил на реальную почву выводы Маркса и Энгельса о всемирно-исторической роли рабочего класса.

Задуманным ближайшим планам классиков научного социализма — созданию «Критики политики и политической экономии» Маркса и социальной истории Англии Энгельса — не суждено было осуществиться. Однако найденный и изученный в Манчестере материал, наряду с материалами уже существовавших Парижских и Брюссельских тетрадей, не остался без применения. Хотя в произведениях Энгельса отсутствуют прямые упоминания книг и авторов, изученных им во время пребывания в Манчестере летом 1845 г., однако в совместно с Марксом написанной «Немецкой идеологии» содержится ряд ссылок на Идена и Эйкина, чьи работы законспектированы Энгельсом и на основе его конспектов изучены и Марксом. Свои манчестерские эксцерпты Маркс, наряду с манчестерскими выписками Энгельса, довольно широко использовал на всех этапах дальнейшей научной деятельности и прежде всего при создании произведений социально-экономического характера. Начиная с написанных в 40-е гг. «Нищеты философии» и «Наемного труда и капитала» вплоть до создания во второй половине 60-х гг. черновых рукописей «Капитала», Маркс неоднократно обращался к собственным и энгельсовским Манчестерским тетрадям. Об этом свидетельствуют его многочисленные отчеркивания на полях, подчеркивания в тексте и зачеркивания (гашения)

использованных мест, а также небольшие замечания, сделанные им чернилами, черным и коричневым карандашами.

Особенно интенсивно использовал Маркс эти материалы в рукописях 1857—1858 и 1861—1863 гг., а также в I томе «Капитала». При этом эксцерпты Энгельса из книги Идена послужили ему одним из главных источников для создания 24-й главы «Так называемое первоначальное накопление» I тома «Капитала» [135].

Форма использования Марксом манчестерских эксцерптов весьма разнообразна. Это и точное воспроизведение в более поздних работах цитат, записанных в Манчестерских тетрадях, и перевод их на немецкий язык, и отредактированный перевод цитат, сделанный им уже в эксцерптных тетрадях, и обобщения, составленные на основе нескольких выписок из книги. При этом иногда собственные обобщения и резюме тех или иных положений книг, законспектированных в Манчестерских тетрадях, Маркс ошибочно приписывал в более поздних произведениях их авторам. Как правило, он указывал авторов и книги, откуда черпал те или иные факты. Однако подчас Маркс заимствовал из Манчестерских тетрадей Энгельса фактический материал, не указывая источник. Это прежде всего относится к эксцерпту книги Идена [136]. Таким образом, Манчестерские тетради Маркса и Энгельса составили ту источниковую базу, к которой основоположники марксизма неоднократно обращались на протяжении всей своей последующей научной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Marx/Engels Gesamtausgabe (MEGA [2]). Bd. IV/4. Berlin, 1988. Остальные четыре тетради К. Маркса этого цикла составят содержание тома МЭГА [2]. IV/5.

[2] Marx/Engels Gesamtausgabe (MEGA[1]). 1. Abt. Bd. 6. Moskau; Leningrad, 1932. S. 597—618; Bd. 4. Moskau; Leningrad, 1933. S. 501—515.

[3] *Розенберг Д. И.* Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. М., 1954. С. 207—208; *Малыш А. И.* Формирование марксистской политической экономии. М., 1966. С. 136—138; Карл Маркс. Биография. М., 1968. С. 91—97; Фридрих Энгельс. Биография. М., 1970. С. 64—65.

[4] *Rubel M.* Les cahiers de lecture de Karl Marx // International Review of Social History. Vol. 2. 1957.

[5] *Herre G.* Verelendung und Proletariat bei Karl Marx. Düsseldorf, 1973. S. 134—141.

[6] Ibid. S. 141—146, 149—154; См.: MEGA [2]. IV/4. S. 237—246; MEGA [2]. IV/5. S. 7—60.

[7] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 220.

[8] Там же. Т. 27. С. 400.

[9] Там же. Т. 2. С. 238.

[10] Там же. Т. 27. С. 16.

[11] MEGA [2]. III/1. S. 465, 469.

[12] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 259.

[13] MEGA [2]. III/1. S. 465.

[14] Trier'sche Zeitung. 1845. 16.VII.
[15] ЦПА ИМЛ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2.
[16] The New Moral World. 1844. 20.I.
[17] The New Moral World. 1841. 18.XII.
[18] Такие библиотеки, выдававшие книги на дом, были очень распространены в Англии в середине прошлого века.
[19] MEGA [2]. IV/4. S. 407—408 und S. 558—563.
[20] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 132.
[21] MEGA [2]. IV/4. S. 121—145, 146—167, 460—472, 511—528.
[22] MEGA [2]. IV/2. S. 332—386, 392—427, 473—479.
[23] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 524.
[24] Там же. Т. 27. С. 400.
[25] MEGA [2]. IV/4. S. 20.
[26] Ibid. S. 51.
[27] Ibid. S. 22.
[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26, ч. I. С. 363—364; Т. 20. С. 241—242.
[29] MEGA [2]. IV/4. S. 8.
[30] Ibid. S. 46.
[31] Ibid. S. 13.
[32] Ibid. S. 46, 48.
[33] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 282.
[34] Там же. Т. 26, ч. III. С. 109.
[35] Там же.
[36] MEGA [2]. IV/4. S. 237.
[37] MEGA [2]. IV/2. S. 447.
[38] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 109.
[39] MEGA [2]. IV/4. S. 276.
[40] Ibid.
[41] Ibid. S. 347.
[42] Ibid. S. 269.
[43] Ibid. S. 97.
[44] Ibid. S. 258.
[45] Ibid.
[46] Ibid. S. 203.
[47] MEGA [2]. IV/7 und IV/8.
[48] MEGA [2]. IV/4. S. 232.
[49] Ibid. S. 231.
[50] Ibid. S. 215—216, 217, 219.
[51] Ibid. S. 465.
[52] Ibid. S. 465, 468—469.
[53] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 561—562; Т. 2. С. 317—324, 515.
[54] MEGA [2]. IV/4. S. 121—122.
[55] Ibid. S. 295, 298.
[56] Ibid. S. 298.
[57] Ibid.
[58] Ibid.
[59] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 72—85.
[60] MEGA [2]. IV/4. S. 175—179.
[61] Ibid. S. 279.
[62] Ibid. S. 103.
[63] Ibid. S. 102—103.
[64] Ibid. S. 346.
[65] Ibid. S. 93.
[66] Ibid. S. 78.
[67] Ibid. S. 270.
[68] Ibid.

[69] Ibid. S. 302—328.
[70] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. II. С. 250.
[71] Там же. Т. 23. С. 770.
[72] MEGA [2]. IV/4. S. 238, 239.
[73] Ibid. S. 240.
[74] Ibid.
[75] Ibid. S. 245.
[76] Ibid. S. 241.
[77] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 238.
[78] MEGA [2]. IV/4. S. 365.
[79] Ibid. S. 367.
[80] Ibid. S. 363.
[81] Ibid. S. 380.
[82] Ibid. S. 376.
[83] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 361.
[84] Там же. Т. 23. С. 743—744.
[85] См. там же. Т. 1. С. 608—615; Т. 2. С. 245—257.
[86] MEGA [2]. IV/4. S. 439, 441—444, 457—459.
[87] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 248.
[88] MEGA [2]. IV/4. S. 431—436, 439—452; в «Положении рабочего класса в Англии» Энгельс говорит лишь о 15 городах.
[89] MEGA [2]. IV/4. S. 431, 433—436.
[90] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 248.
[91] Там же. Т. 1. С. 641.
[92] MEGA [2]. IV/4. S. 380.
[93] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 747.
[94] MEGA [2]. IV/4. S. 389.
[95] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 507.
[96] MEGA [2]. IV/4. S. 420.
[97] Ibid. S. 435.
[98] Ibid. S. 427.
[99] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 614—615. Упоминания об этой румфордской похлебке содержатся в «Немецкой идеологии» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 224, 261), а также в рукописи 1861—1863 гг. (Там же. Т. 47. С. 44.)
[100] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 640.
[101] MEGA [2]. IV/4. S. 382.
[102] Ibid. S. 383.
[103] Ibid. S. 416, 394.
[104] Ibid. S. 371.
[105] Ibid. S. 372, 373, 374.
[106] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 634.
[107] MEGA [2]. IV/4. S. 532.
[108] Ibid. S. 536, 537.
[109] Ibid. S. 535.
[110] Ibid. S. 535—537.
[111] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 439.
[112] MEGA [2]. IV/4. S. 397—400, 501.
[113] Ibid. S. 398—399.
[114] Ibid. S. 418.
[115] Ibid. S. 501.
[116] Ibid. S. 360.
[117] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 493.
[118] MEGA [2]. IV/4. S. 375.
[119] Ibid. S. 432.
[120] Ibid. S. 499.
[121] Ibid. S. 497.

Ibid. S. 493, 494.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 438.
MEGA [2]. IV/4. S. 532.
Ibid. S. 443, 457.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 439.
MEGA [2]. IV/4. S. 538—540.
Ibid. S. 538.
Ibid.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 448.
Там же. Т. 42. С. 230—231.
Там же. С. 229, 230.
Там же. Т. 4. С. 82.
Там же. Т. 3. С. 50—61.
Там же. Т. 23. С. 725—773.
См. текстологический аппарат к MEGA [2]. IV/4.

И. Н. Шиканян

Ф. ЭНГЕЛЬС И «L'ATELIER»
(Об авторстве одной статьи)

Поводом к данному исследованию послужила публикация в сборнике трирского Дома-музея К. Маркса за 1986 г. анонимной статьи «Чартистская агитация в Англии». Ее автором публикаторы назвали Ф. Энгельса [1]. Статья была обнаружена в январском номере за 1848 г. французского журнала «L'Atelier, organe spécial de la classe laborieuse, rédigé par des ouvriers exclusivement» [2].

Нас заинтересовала эта малоизученная страница публицистической деятельности молодого Энгельса, так как биографические источники данного периода скудны, о его связях с «L'Atelier» известно немного и к тому же этот рабочий печатный орган незаслуженно обойден вниманием в советской историографии.

При подготовке публикации статьи «Чартистская агитация в Англии» на русском языке как статьи Энгельса была проведена научная экспертиза, породившая некоторые сомнения в правильности трирской версии. Желая привлечь внимание марксоведов к статье из «L'Atelier», мы публикуем вначале ее полный текст в переводе с французского с нашими комментариями:

«Чартистская агитация в Англии

Демократическая агитация в Англии, одно время отодвинутая на второй план корыстной буржуазной лигой фритредеров, снова набирает прежнюю силу и сегодня активно овладевает общественным мнением по другую сторону Ла-Манша. Этот факт не может не дать о себе знать; цель, которую преследуют чартисты, совершенно отличается от того, к чему стремятся сторонники свободы торговли; английских демократов не интересует, поставят ли их промышленники за границу на несколько кип хлопка и тонн железа больше; их скорее интересует, сможет ли английский народ, находящийся столько веков под гнетом ненасытной аристократии, освободиться от этого состояния нищеты и деградации, в которое его ввергли хозяева.

Именно для того, чтобы достичь этого, чартисты создали массовую ассоциацию, поставившую перед собой цель добиться всяческих улучшений, всех гарантий и всех прав, провозглашенных шестьдесят лет назад французской нацией.

Составленные в этом духе петиции, под которыми стоят подписи нескольких миллионов, уже были представлены парламенту; до сих пор они постоянно отвергались наследственными и денежными аристократами, составляющими большинство в обеих палатах. Чартисты, число которых постоянно растет и которые без сомнения хотят использовать все средства примирения, прежде чем призвать к применению силы, не отчаиваются и продолжают выступать за конституцию — Хартию, которая, призывая весь народ к выборам, была бы первым шагом на пути к социальным реформам. С этой целью, пользуясь правом ассоциаций, они постоянно проводят собрания во всех сколько-нибудь значительных местностях. Ассоциация, руководимая комитетом, имеет свою официальную газету (The Northern Star), агентов, которые ездят во все концы страны, популярных ораторов, способных убедить каждого; она имеет своих представителей даже в палате общин *. Будущее принадлежит идеям, распространяемым ею; ее настойчивость и ее энергия приблизят то время, когда они будут осуществлены: в этом можно не сомневаться. Но ассоциация желает большего, она поняла, что ее миссия относится не только к будущему, и она постоянно озабочена тем, как облегчить тяготы повседневной жизни, если вообще не покончить с ними. За эту задачу она взялась наряду с уже решенной. Она ставит своей целью уничтожить пагубное влияние конкуренции среди рабочих; и действуя решительно на практике, она создала Земельное общество для покупки земель, которые затем она распределяет среди безработных; таким путем она хочет улучшить положение промышленных рабочих и вернуть сельскому хозяйству руки, которых ему не хватает. Этот проект был встречен с таким одобрением, что подписка на покупку земель достигает 50 000 франков в неделю. Со своей стороны мы уверены, что, если эта попытка увенчается успехом, чартисты — владельцы части земель — смогут добиться гораздо легче тех реформ, которых они требуют. Та же уверенность воодушевляет ассоциацию; она также только что направила в палату общин две петиции, требуя проведения мер, способных облегчить осуществление ее планов: первая из них требует освободить от уплаты гербовых сборов сделки Земельного общества и освободить от тяжелых налогов используемые им строительные материалы; другая петиция с требованием, чтобы необработанные земли, являющиеся

---

* Имеется в виду Т. С. Данкомб (1796—1861), буржуазный радикал, принимавший в 40-е гг. XIX в. участие в чартистском движении. *Ред.*

собственностью приходов и вот уже тридцать лет продающиеся крупным собственникам большими участками, были проданы или сданы в аренду местным рабочим небольшими участками на льготных условиях.

Как видно, чартисты не пренебрегают никакими средствами для достижения своей цели — освобождения народа; таким образом они стали силой, с которой старые английские партии обязаны считаться. То, что составляет, в частности, силу и мощь их ассоциации — это не только истинность и справедливость реформ, за которые они выступают, а то, что они прекрасно сумели применить на практике пословицу, которую каждый человек, имеющий убеждения, не должен забывать: «Помоги себе сам, и небо тебе поможет». Итак, когда же мы перестанем подражать нашим соседям, перенимая у них только смешные стороны?

Наконец, чартисты только что на многочисленном митинге, проведенном в Лондоне, составили окончательный текст национальной петиции, резюмирующей чаяния и стремления демократической партии Англии, петиции, которая тотчас же будет внесена в парламент, как только она обойдет всю страну. Мы считаем, что лучше всего можно завершить это краткое изложение нынешнего положения чартистов, предложив нашим читателям следующий отрывок из речи, произнесенной на этом собрании одним из самых авторитетных ораторов чартистской ассоциации *. Это любопытный пример проявления чувств, испытываемых народом в отношении известных институтов Англии, так превозносимых некоторыми во Франции.

«Вся наша социальная и политическая система есть не что иное, как чудовищное нагромождение лжи и мошенничества, служащих для выгоды бесстыдных тунеядцев и обманщиков.

Взгляните на церковь. Архиепископы и епископы загребают огромное жалованье, оставляя викариям — этим труженикам церкви — лишь несколько фунтов в год. Миллионы вымогаются у народа в виде десятины; эта десятина первоначально предназначалась главным образом для содержания храмов и для поддержки бедных; в настоящее время для этих целей существуют специальные налоги, а всю десятину церковь целиком кладет себе в карман. Не является ли церковь, спрашиваю я вас, организованным мошенником? (Аплодисменты.)

Взгляните на нашу палату общин. В ней представлены не народные массы, а аристократия и буржуазия; шесть седьмых взрослого мужского населения нашей страны обрекает она на политическое рабство, отказывая ему в избирательном праве. Не является ли эта палата узаконенным мошенничеством? (Взрыв аплодисментов.)

* — Дж. Дж. Гарни (1817—1897), лидер левого крыла чартизма. *Ред.*

Взгляните на этих достопочтенных лордов, которые, не обращая никакого внимания на вопль отчаяния целой страны, хладнокровно ожидают на своих ежедневных вечерних заседаниях, когда палата общин пришлет им проект исключительного закона. Найдется ли среди вас кто-нибудь, кто мог бы показать мне, в чем состоит польза от подобного приюта для неизлечимых, кто осмелился бы выступить с защитой этого наследственного мошенничества? (Аплодисменты.)

Само собой разумеется, что уважение к монархии, этому славному доказательству мудрости наших предков, позволяет мне лишь в самых лояльных выражениях отзываться о такой интересной особе, как королева Виктория, которая регулярно каждый год разрешается от бремени тронной речью и августейшим младенцем. (Смех.) Речь мы только что получили, младенца же, если верить газетам, мы получим в марте будущего года. Ее величество милостиво соблаговолила проявить весьма большое участие к страданиям своего народа, она восхищается его терпением и обещает ему нового ребенка. Увы! В этом отношении она никогда не дает обещаний понапрасну! (Взрыв смеха.) Затем у нас есть принц Альберт, который изобретает новые фасоны шляп, откармливает свиней, является помимо этого выдающимся фельдмаршалом и за все эти услуги получает вознаграждение в размере 30 000 фунтов стерл. в год. О, нет, граждане, нет, монархия — это не мошенничество. (Смех и аплодисменты.)»

Атрибуция статьи обосновывается западными исследователями рядом текстуальных совпадений с работой Энгельса «Чартистская агитация», которая 30 декабря 1847 г. была помещена в другой французской газете «La Réforme» и авторство которой не вызывает сомнения [3].

Сравнительный анализ французских текстов этих двух статей выявил полностью идентичный фрагмент речи Дж. Дж. Гарни и дословно совпадающие изложения двух чартистских петиций — относительно свободных приходских земель и финансовых операций Земельного общества. Идентичность отмеченных фрагментов может объяснить то обстоятельство, что указанные сведения были заимствованы в обоих случаях из одного и того же источника — «The Northern Star» от 25 декабря 1847 г. Взаимоотношения Энгельса с этой чартистской газетой хорошо известны. Ее материалы Энгельс использовал в своей публицистической деятельности начиная с мая — июня 1843 г. [4] Осенью того же года он посетил ее редакцию в Лидсе, где познакомился с Дж. Дж. Гарни, одним из редакторов газеты, а с апреля 1844 г. стал официальным корреспондентом «The Northern Star» [5].

Важным аргументом в пользу авторства Энгельса, по мнению публикаторов, является следующий факт. 25 октября 1847 г. Энгельс принес в редакцию «L'Atelier» (вероятно, это был его первый визит) статью «Хозяева и рабочие в Англии». Необходимость в ней возникла в связи с тем, что в октябрьский номер «L'Atelier» попала заметка, перепечатанная из органа буржуазных республиканцев «La Presse». Ее автор писал о существовании «полной гармонии между трудом и капиталом» в Англии. Необходимость публично разоблачить это утверждение и рассказать об истинных взаимоотношениях между английскими рабочими и фабрикантами привела Энгельса в редакцию «L'Atelier». О результатах визита он написал Марксу: «Затем я был еще в «Atelier». Я принес поправку к статье об английских рабочих в прошлом номере. Эта поправка также будет напечатана [6]. Эти господа были очень любезны. Я рассказал им кучу анекдотов об английских рабочих и т. д. Они убедительно приглашали меня сотрудничать, однако я пойду на это лишь в крайнем случае. Подумай только, главный редактор находит, что было бы очень хорошо, если бы английские рабочие послали адрес французским рабочим с предложением выступить против движения в пользу свободы торговли и за организацию труда в национальном масштабе. Какое героическое самопожертвование! Но с этим планом он провалился даже среди своей собственной публики» [7]. Перечисляя вопросы, которые обсуждались в беседе с главным редактором «L'Atelier», Энгельс, как видим, выделил отношение рабочего класса к фритредерам. Именно этим сюжетом открывается анонимная статья, что косвенно также может подтвердить ее принадлежность перу Энгельса.

Мы вполне разделяем весомость приведенных выше аргументов западных исследователей в пользу авторства Энгельса. К ним мы бы добавили еще один довод. Оценка деятельности Земельного общества, данная анонимным автором, вполне сопоставима с мнением Энгельса, высказанным им в статье «Аграрная программа чартистов»:

Ф. Энгельс. Аграрная программа чартистов (опубликована в «La Réforme» 1 ноября 1847 г.)	*«Чартистская агитация в Англии»* («L'Atelier», январь 1848 г.)
«Года два тому назад рабочие-чартисты основали ассоциацию, целью которой является приобретение земель и распределение их в виде маленьких ферм между членами этого общества.	«Она (т. е. чартистская ассоциация.— *И. Ш.*) ставит своей целью уничтожить пагубное влияние конкуренции среди рабочих; и действуя решительно на практике, она создала Земель-

Этим способом надеются уменьшить чрезмерную конкуренцию, существующую между промышленными рабочими, устранив с рынка труда часть этих рабочих и создав совершенно новый и демократический по самому существу своему класс мелких земледельцев»[8].

ное общество для покупки земель, которые затем она распределяет среди безработных; таким путем она хочет улучшить положение промышленных рабочих и вернуть сельскому хозяйству руки, которых ему не хватает».

Анализируемая анонимная статья, как нетрудно заметить, не является теоретической, она носит обзорный характер; сам автор определил ее как «краткое изложение нынешнего положения чартистов». И написана она с общедемократических, а не с коммунистических позиций, впрочем, как и статьи Энгельса в «La Réforme». Ее автор дает представление о двух социальных силах-антиподах, борющихся в Англии. На одном полюсе — «ненасытная аристократия», буржуазная лига фритредеров, «промышленники», «наследственные и денежные аристократы» в парламенте, церковь, королева, на другом — чартисты, «английские демократы», «народ», выступающий против «нищеты и деградации», навязанных им «хозяевами». Автор не скрывает своих симпатий. Самыми лучшими качествами он наделяет чартистов: их ораторы способны убедить каждого, будущее принадлежит идеям чартистской ассоциации, требования английских демократов истинны и справедливы. Напротив, представители господствующих классов названы «ненасытными» и «корыстными». По-видимому, не случайно автор привел фрагмент речи Гарни с блестящей критикой всей сословной верхушки английского общества. В это время во Франции набирало силу оппозиционное антимонархическое движение, имевшее широкую социальную базу. Его участники выступали за ограничение безраздельного господства банкиров в палате депутатов и в самом правительстве, а в последние месяцы предреволюционного 1847 г. демократические силы организовали банкетную кампанию в пользу всеобщего избирательного права.

Содержание анонимной статьи не противоречит взглядам Энгельса на чартистскую агитацию, которые он излагал осенью 47 г. на страницах французской демократической газеты «La forme». Правда, в отличие от автора «L'Atelier», назвавшего ртистскую агитацию демократическим движением, Энгельс сал о чартизме как о движении рабочего класса[9]; и лишь однаж в противовес буржуазным радикалам, охарактеризовал чарстов как «искренних демократов, демократов без задней мысли»[10].

Появление статьи в «L'Atelier» вписывается в биохронику Энгельса: с конца декабря 1847 г. до конца января 1848 г. он нахо-

дился в Париже. Однако от окончательного признания принадлежности этой статьи Энгельсу нас все же удерживает одно обстоятельство, которое западные исследователи оставили в тени — это нежелание Энгельса писать для «L'Atelier». Напомним, что он признавался в этом Марксу в письме, которое цитировалось выше.

Находясь осенью 1847 г. в Париже, Энгельс ищет сближения с французскими демократами. Его выбор останавливается на мелкобуржуазных республиканцах, группировавшихся вокруг «La Réforme». Кроме того, он выражает также желание сотрудничать с «La Revue indépendante», журналом, выходившим под редакцией утопического социалиста Пьера Леру [11]. И что-то явно удерживает Энгельса от установления более тесных контактов с «L'Atelier». Мы не располагаем, к сожалению, никакими детальными оценками Энгельса деятельности этого органа [12]. Известно лишь, что в 1846 г. он уже являлся его читателем. В отчете Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету, направленному в августе 1846 г., Энгельс охарактеризовал «L'Atelier» как представителя народной печати, как представителя рабочей прессы [13]. Для Энгельса, находившегося в то время в Париже, не осталось незамеченным, что журнал освещал преимущественно деятельность рабочих — сторонников Бюше, «партия которого, по уверению французов, насчитывает до 1000 человек...» [14] Эта тысяча представляла собой лишь незначительную часть рабочего сословия Франции [15].

К сожалению, сам журнал до сих пор специально не изучался советскими историками и его идейно-политическое «лицо» известно лишь в самых общих чертах. Мы попытались собрать и обобщить имеющиеся на сей счет мнения в исторической литературе.

Блестящий знаток журнала французский исследователь А. Кювилье отмечал, что «L'Atelier» был создан рабочими, близко стоявшими к интеллигентам бюшеистской школы, для распространения среди рабочих идей последователя Сен-Симона Филиппа Бюше, и его издатели не скрывали своих намерений [16].

Первая редакционная коллегия «L'Atelier» (1840) состояла преимущественно из квалифицированных ремесленников (ювелиры, резчики по дереву, портные, шляпники), чье материальное положение выгодно выделяло их из пролетарской среды [17]. Среди 75 редакторов, сменивших друг друга в течение десятилетнего существования журнала, 26 человек были типографами, остальные принадлежали к ювелирам, механикам, бухгалтерам, портным и плотникам [18].

Основатели журнала изложили свои теоретические позиции в проспекте, выпущенном в сентябре 1840 г. В нем говорилось: «Организационный комитет сознает, что начало улучшения нашего будущего коренится в нравственном принципе, сформулированном

в девизе наших отцов — СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО, ЕДИНСТВО. Из него проистекает политический принцип суверенитета народа и принцип промышленной ассоциации. Таким образом, наше издание будет выступать за избирательную реформу, единственный путь, доступный ныне для реализации народного суверенитета, и за промышленную ассоциацию — единственное средство для достижения самого справедливого распределения продуктов труда» [19]. Решительно отмежевываясь от коммунистических идей, журнал причислял себя к реформистскому направлению, заявляя, что он является «врагом всякого грабежа, насилия, что он будет призывать к применению силы, только когда исчерпают себя средства примирения» [20].

При чтении «L'Atelier» создается впечатление, что журнал ориентировался на читателей из привилегированных слоев, по-видимому, именно в них он видел своих потенциальных подписчиков; он апеллировал к состоятельным гражданам, старался довести именно до их сведения требования рабочих, которые, впрочем, понимались весьма специфически. «L'Atelier» не способствовал консолидации широких рабочих слоев [21], он скорее выражал мнение вполне состоятельных ремесленников, не собирающихся расставаться с собственностью. Так, в 1844 г. «L'Atelier» нарисовал довольно противоречивый портрет рабочего — своего современника, которого, по-видимому, считал идеальным примером для подражания: «Революционный рабочий отказался ныне от участия в тайных обществах, от заговоров и бунтов, чтобы с помощью народной прессы воспитать общественное мнение, недостаточно представляющее себе цель этих восстаний. Хотят ли знать эти идеи? ...Рабочий не хочет быть... «сыном Вольтера», но единственно желает быть «сыном французского народа, сыном людей 1789, 1792, 1793 гг.»; он — «социалист», но при этом не настроен враждебно ни по отношению к религии, ни к отечеству, ни к семье, ни «даже» к собственности; эти идеи он хочет пропагандировать мирно, чтобы влиятельные люди не сопротивлялись и прислушивались бы к его требованиям» [22].

Французский исследователь Ж. Вейль, изучавший состав республиканской оппозиции в период июльской монархии, образно называл «L'Atelier» «реформатором-моралистом» [23]. Журнал считал одной из своих задач «развивать у рабочих чувство собственного достоинства», учил их «понимать свое назначение как производителей», призывал рабочих проникнуться сознанием своего достоинства и своих политических прав; побуждал рабочих «к последовательному завоеванию орудий труда посредством свободных и добровольных ассоциаций», считал важным, чтобы «духовные интересы преобладали над материальными» [24]. Благородные цели «L'Atelier» находились в явном противоречии с реальной жизнью французского наемного рабочего, в течение 12—16 часов подвергавшегося

эксплуатации на капиталистическом предприятии и проводившего свой «досуг» в антисанитарных казармах [25]. «Ательисты» не принимали существующий социальный порядок, но выдвигаемые ими рецепты его преобразования в конечном счете преследовали цель превратить рабочих из наемных трудящихся в мелких собственников [26].

Тираж «L'Atelier» с момента его появления год от года вплоть до революции 1848—1849 гг. демонстрировал падение к нему читательского интереса: его среднемесячный тираж в 1840 г. составил 100 экземпляров, через пять лет, в 1845 г.,— 700 экземпляров, к 1846 г. упал до 500 [27].

В 1847 г. «L'Atelier» с энтузиазмом приветствовал банкетную кампанию за расширение избирательного права во Франции, что сблизило его с «La Réforme».

Судьба этого журнала в условиях действия сентябрьских законов о печати (1835), дававших полную свободу слова лишь монархической прессе, не была безмятежной: в 1844 г. был конфискован месячный тираж и гарант «L'Atelier» отдан под суд, в 1846 г. притеснения усилились, на журнал был наложен штраф, внимание к нему со стороны министерства Гизо возросло. Поводом к репрессиям служили выступления «L'Atelier» с разоблачениями коррупции и политических махинаций в правительственных кругах.

«L'Atelier» проявлял интерес к демократическим движениям в других странах. В октябре 1842 г. журнал обратился с воззванием к чартистам [28]. Их ответ был опубликован там же через три месяца [29]. Обширную статью о чартистском движении журнал поместил в июне 1844 г. Она содержала перевод с английского шести требований Народной хартии и пространные выдержки из выступлений чартистских деятелей [30]. Время от времени сведения об английских рабочих вплетались в другие корреспонденции, специальных статей на английские темы до января 1848 г. было две — в апреле 1846 и в октябре 1847 г. Кто являлся их авторами, остается невыясненным, так как все корреспонденции, за редким исключением, публиковались анонимно. Фамилии авторов умалчивались не по конспиративным соображениям. Объясняя сложившуюся традицию, «L'Atelier» писал: «Если статьи в нашем издании никогда не подписывались, то это происходило потому, что в результате вторжения в текст членов выборного комитета, под чьим влиянием они составлялись, они часто изменялись; в результате этих вторжений статьи принимали коллективный характер, который в наших глазах и в глазах публики должен иметь бесконечно больший вес, чем если бы они являлись выражением личного мнения» [31].

Имея теперь представление о направлении журнала, можно высказать предположение, что «L'Atelier» не устраивал Энгельса своей открытой неприязнью к коммунистическим идеям, уважитель-

ным отношением к собственности, своими «рецептами» переустройства социальных отношений, а также небольшим тиражом, который отражал слабый интерес к нему французских рабочих. Эти существенные особенности бюшеистского органа печати не могли превратить его в объект первостепенного внимания Энгельса — публициста. В связи с этим документально зафиксированное в октябрьском письме Энгельса нежелание сотрудничать с «L'Atelier» вызывает необходимость проведения более тщательной экспертизы текста анонимной статьи и поиска того повода или, словами Энгельса, того «крайнего случая», который повлиял на изменение его решения в отношении журнала.

На наш взгляд, в анонимной статье имеется по крайней мере два концептуальных несоответствия с другими работами Энгельса этого периода. Нам представляется, что в теоретическом аспекте анализируемая корреспонденция несколько уступает упоминавшейся уже «поправке», где Энгельс более четко фокусирует внимание читателей (а ведь «поправка» адресовалась тем же читателям «L'Atelier») на главном классовом противнике рабочих — буржуазии.

Ф. Энгельс. Хозяева и рабочие в Англии	*Анонимная статья из «L'Atelier»*
«...ни в одной стране мира вы не найдете людей, более искренне преданных демократическим принципам, исполненных более твердой решимости сбросить иго эксплуататоров — капиталистов, под гнетом (le joug.— *И. Ш.*) которого они теперь изнывают, чем именно эти рабочие хлопчатобумажных фабрик Ланкашира» [32].	«...английских демократов... скорее интересует, сможет ли английский народ, находящийся столько веков под гнетом (pressuré.— *И. Ш.*) ненасытной аристократии, освободиться от этого состояния нищеты и деградации, в которое его ввергли хозяева».

Как видим, у Энгельса ланкаширские рабочие полны решимости сбросить иго эксплуататоров-капиталистов; у анонимного автора — английский народ хочет освободиться от гнета ненасытной аристократии. Точка зрения корреспондента «L'Atelier» не полностью согласуется с высказываниями Энгельса по вопросу об отношении рабочего класса к буржуазному требованию свободы торговли. В работах «Протекционизм или система свободы торговли» (июнь 1847 г.) и «Брюссельский конгресс по вопросу свободы торговли» (сентябрь 1847 г.) Энгельс доказывал, что лишь на первый взгляд рабочему безразлично, будут ли решающие эконо-

мические позиции принадлежать сторонникам покровительственной системы торговли или фритредерам. Введение свободы торговли ведет к обострению конкуренции между рабочими и к падению их заработной платы. Только с победой фритредеров национальная буржуазия приходит к неограниченному господству, и рабочий класс оказывается один на один с классом-угнетателем, что в конечном итоге облегчит его классовую борьбу. Углубляя антагонизм между рабочими и капиталистами, система свободы торговли способствует более быстрому созреванию предпосылок для ниспровержения капиталистического строя. Итак, Энгельс подходил к вопросу конкретно-исторически. Анонимный автор скорее всего высказал точку зрения самих рабочих. Он утверждает, что английским чартистам безразличны успехи их фритредеров, что цели этих двух общественных сил противоположны.

Отношение к фритредерству обсуждалось на страницах «L'Atelier» еще в октябре 1847 г. в связи с брюссельским конгрессом экономистов. И высказанная по этому поводу журналом позиция, на наш взгляд, созвучна мнению анонимного корреспондента. «На самом деле,— писал «L'Atelier»,— не от свободы торговли зависит справедливое распределение продуктов труда. Эксплуатация одного класса другим будет продолжаться, пока есть класс владельцев орудий производства и класс, который располагает только своими руками» [33].

Необъяснимым является то обстоятельство, что в статье из «L'Atelier» не назван ни один чартистский лидер, хотя описана успешная деятельность Земельного общества, которым руководил О'Коннор, приведена обширная цитата из выступления Гарни и упомянуто, что в парламенте имелся представитель чартистов — таковым был Томас Данкомб. Между тем Энгельс с одобрением относился к их деятельности, а его корреспонденции в «La Réforme» и в «The Northern Star» изобиловали фамилиями ведущих чартистов и руководителей республиканского движения во Франции. Такое перекрестное знакомство читателей-демократов разных европейских стран с деятелями рабочего движения отвечало задачам публицистики Энгельса в 40-х гг.— наладить обмен идеями и опытом между пролетарскими и демократическими кругами Англии и континента.

Привлекают внимание также некоторые лингвистические несоответствия. В анонимной статье чартистская Народная хартия названа «une charte», что не характерно для Энгельса. В других статьях Энгельс калькировал по-французски ее английское название: «The People's Charter» — «La charte du peuple» [34].

Проведенный нами по пяти энгельсовским статьям в «La Réforme» тест на частотность употребления им слов «ouvrier» и «travailleur» в значении «рабочий» дал следующий результат. В полити-

ческом словаре Энгельса во франкоязычных статьях наиболее употребимым для обозначения лексемы «рабочий» является «ouvrier». Было зафиксировано 24 таких употребления против трех раз «travailleur». Напротив, автор анонимной статьи в «L'Atelier» отдает предпочтение слову «travailleur» (2 употребления) против одного — «ouvrier».

При публикации в ноябре 1847 г. поправки Энгельса «Хозяева и рабочие в Англии» редакция «L'Atelier», не раскрывая фамилии автора, сочла все же необходимым представить своим читателям корреспондента-иностранца. В редакционном примечании перед поправкой было написано: «Один немецкий рабочий, который длительное время жил в Англии, пишет нам относительно нашей статьи, опубликованной в прошлом месяце, следующее письмо...» [35] По-видимому, иностранные авторы были для журнала неординарным событием. В отличие от поправки анонимная статья напечатана вполне традиционно, без каких-либо комментариев.

В статье обыгрывается выражение: «Помоги себе сам, и небо тебе поможет». Публикаторы трирского сборника высказали предположение о том, что это девиз какого-то французского социалистического общества или рабочего клуба, но не смогли подтвердить это. На основе мемуаров французского рабочего деятеля М. Надо мы установили, что так называлось бланкистское общество, существовавшее во Франции в 30-е гг. XIX в. [36] Мог ли знать это Энгельс? [37] Данное выражение впервые встречается в баснях Лафонтена и с XVII в. получило широкое хождение, став, по существу, крылатым [38]. Поэтому его использование в анонимной статье не может, как нам представляется, влиять на установление авторства.

Поставленные нами вопросы пока, к сожалению, остаются без ответов. В одном мы можем не сомневаться. Автор статьи — не чартист. По крайней мере дважды он дал понять читателю, что не принадлежит к чартистской партии [39].

Безусловно, визит Энгельса в редакцию «L'Atelier» пробудил у ее издателей интерес к английскому рабочему движению. Вслед за поправкой Энгельса в декабрьском номере была помещена заметка «О так называемом уважении законности английским народом». В ней содержалось утверждение, что «чартисты, несмотря на свою страстность, добиваются успеха своего дела легальными путями». Не является ли в таком случае анализируемая нами анонимная статья продолжением этой темы?

Мы высказали здесь ряд соображений главным образом с целью привлечь внимание исследователей, занимающихся «ранним» Энгельсом, к интересной проблеме — его контактам с французским бюшеистским журналом «L'Atelier». Непредвзятый анализ всех аргументов «за» и «против» авторства Энгельса не привел нас

к какому-либо определенному выводу. Видимо, при атрибуции статьи нужно учитывать вероятность интенсивного вмешательства редакторов «L'Atelier» в авторский текст Энгельса, как, впрочем, нельзя исключать и такую возможность, как удачное компилирование редакцией журнала статей Энгельса на английские сюжеты, написанных им для «La Réforme». В случае более обстоятельного обоснования авторства Энгельса обнаруженная западными публикаторами статья войдет в соответствующий том Полного собрания сочинений на языках оригинала (МЭГА [2]). Но для этого, как нам представляется, потребуется более солидная экспертиза текста.

Любопытна дальнейшая судьба анонимной статьи, которую удалось проследить западным публикаторам.

«Чартистская агитация в Англии» привлекла внимание голландского радикального публициста А. Я. Э. Э. ван Беверфоорде. Он перепечатал ее со ссылкой на источник в газете «Le Courrier Batave et Asmodée» (№ 15, 13 февраля 1848 г.) и в переводе с французского на голландский в газете «De Burger» (№ 34, 23 февраля 1848 г.). Обе газеты выходили в Гааге раз в неделю под его редакцией [40]. 7 ноября 1847 г. Беверфоорде был среди тех 63 демократов, кто приехал в Брюссель, чтобы учредить Демократическую ассоциацию [41]. Здесь его политическая судьба пересеклась с Энгельсом, который вместе с Марксом принял деятельное участие в создании новой международной организации. Однако знакомство с Энгельсом, по-видимому, не имело дальнейшего развития, по крайней мере, биограф Беверфоорде об этом умалчивает. В конце 1847 — начале 1848 г. «Le Courrier Batave» начал выступать за «союз либералов и католиков, основанный на демократическом принципе» [42]. Вероятно, именно этой идее мы обязаны вниманию, проявленному Беверфоорде к близкому ему по духу печатному органу бюшеистов «L'Atelier».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Unbekanntes von Friedrich Engels und Karl Marx. Th. I. 1840—1874. Hrsg. von B. Andréas, J. Grandjonc, H. Pelger. N 33. Trier, 1986. S. 33—35.

[2] «L'Atelier» («Мастерская») — французский ежемесячный журнал, орган ремесленников и рабочих, находившихся под влиянием идей буржуазного республиканца и христианского социалиста Ф. Бюше; выходил в Париже с 1840 по 1850 г. под разными названиями: с сентября 1840 по сентябрь 1844 г.— «L'Atelier, organe des intérêts moraux et matériels des ouvriers» («Мастерская, орган, выражающий нравственные и материальные интересы рабочих»); с октября 1844 по февраль 1848 г.— «L'Atelier, organe spécial de la classe laborieuse, rédigé par des ouvriers exclusivement» («Мастерская, специальный орган трудящегося класса, редактируемый исключительно рабочими»); с 27 февраля 1848 по июль 1850 г.— «L'Atelier, organe spécial des ouvriers, rédigé par des ouvriers exclusivement» («Мастерская, специальный орган рабочих, редактируемый исключительно рабочими»). С 12 марта по 20 июня 1848 г. выходил еженедельно. В состав редакции входили переизбираемые каждые три месяца представители рабочих. Девизом журнала был

лозунг: «Свобода, равенство, братство, единство», эпиграфом служили слова Сен-Поля: «Тот, кто не хочет работать, не должен есть».

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 388—390; MEGA [1]. Abt. I. Bd. 6. S. 571—573.

[4] См.: *Шиканян И.* Ф. Энгельс и чартистская газета «The Northern Star» (1843—1848) // Из истории социальных движений и общественной мысли. М., 1981.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 182; MEGA [2]. I/3. S. 706—708.

[6] Поправка была напечатана в ноябрьском номере «L'Atelier» за 1847 г. (См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 289—290.)

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 27. С. 95.

[8] Там же. Т. 4. С. 340.

[9] См. там же. Т. 2. С. 451; Т. 4. С. 340.

[10] Там же. Т. 4. С. 343.

[11] См. там же. Т. 27. С. 93.

[12] Резко отрицательную характеристику сторонникам Бюше дал в 1875 г. Маркс. В «Критике Готской программы» он осудил взгляды Лассаля, считавшего, «будто с помощью государственных субсидий можно так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу». Далее Маркс писал, что сходный рецепт с расчетом на государственную помощь еще «при Луи-Филиппе прописал Бюше *в противовес* французским социалистам» и этот рецепт «был принят реакционными рабочими из «L'Atelier». Подобного рода идеи, продолжал Маркс, «идут вспять от точки зрения классового движения к точке зрения сектантского движения» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 25—26).

[13] Там же. Т. 27. С. 36.

[14] Там же.

[15] Во Франции к концу 40-х гг. XIX в. работников крупной промышленности вместе с членами их семей было 2,5 млн, число занятых в мелкотоварном производстве насчитывало 3,8 млн человек. (См.: *Кожокин Е. М.* Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 г. М., 1985. С. 136.)

[16] *Cuvillier A.* Un journal d'ouvriers: «L'Atelier». Paris, 1954. P. 50.

[17] См.: *Кожокин Е. М.* Цит. соч. С. 146.

[18] *Cuvillier A.* Op. cit. P. 52.

[19] Цит. по кн.: *Cuvillier A.* Op. cit. P. 20.

[20] Ibid. P. 23. По-видимому, летом 1841 г. в редакции «L'Atelier» произошел раскол, в результате которого рабочие-коммунисты, ранее примкнувшие к нему, покинули этот журнал.

[21] La presse ouvrière. 1819—1850. Paris, 1966. P. 133.

[22] Цит. по кн.: *Cuvillier A.* Op. cit. P. 27—28.

[23] См.: *Ж. Вейль.* История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г. М., 1906. С. 182.

[24] Все эти задачи были перечислены в одном из последних номеров «L'Atelier» за 1850 г. (*Cuvillier A.* Op. cit. P. 44.)

[25] См.: *Кожокин Е. М.* Цит. соч. С. 146.

[26] См.: *Иоаннисян А. Р.* Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг. М., 1983. С. 242.

[27] La presse ouvrière... P. 133.

[28] L'Atelier. 1842. 30.X. N 2.

[29] Ibid. 1843. 30.I. N 5.

[30] Правда, фамилии чартистов были напечатаны с ошибками. L'Atelier. . VI. N 9.

[31] Цит. по кн.: *Cuvillier A.* Op. cit. P. 49.

[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 289.

[33] L'Atelier. 1847. X. N 4.

[34] MEGA [1]. Abt. I. Bd. 6. S. 328, 336, 571. Других вариантов у Энгельса в это мы не обнаружили.

[35] L'Atelier. 1847.XI. N 2.

[36] *Nadaud M.* Mémoires de Léonard ancien garçon maçon. Paris, 1977. P. 257.

[37] В Собрании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса не зафиксировано употребление Энгельсом этого крылатого выражения. Маркс привел эти слова в одной из работ 1855 г. (См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 11. С. 171.)

[38] *Dupre P.* Encyclopedie des Citations. Paris, 1959. P. 27. Выражение, фактически превратившееся в пословицу, цитировалось в письме П. А. Катенина Н. И. Бахтину от 4 июля 1831 г. (См.: *Бабкин А. М., Шендецов В. В.* Словарь иноязычных выражений и слов. М., Л., 1966. С. 44.)

[39] Ср.: «Со своей стороны мы уверены, что, если эта попытка увенчается успехом, чартисты... смогут добиться гораздо легче тех реформ, которых они требуют». «Итак, когда же мы перестанем подражать нашим соседям, перенимая у них только смешные стороны?»

[40] Unbekanntes von Friedrich Engels und Karl Marx... S. 36.

[41] Ibid. S. 37; *Robijns M. J. F.* Radicalen in Nederland (1840—1851). Leiden, 1967. S. 42.

[42] *Robijns M. J. F.* Op. cit. S. 229.

О. А. Хорева

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О ЧЕХИИ

В предлагаемой статье предпринята попытка рассмотреть всю совокупность сведений о чешских землях Австрийской империи, которыми располагал молодой Ф. Энгельс. В ней рассмотрена информация о Чехии, содержащаяся в статьях, набросках и письмах Энгельса с 1839 до февраля 1848 г., проанализированы в хронологическом порядке все, даже мелкие замечания Энгельса о Чехии, сделанные им до начала революции 1848 г., выявлены также сведения, которыми безусловно располагал Энгельс по вопросам национально-политической борьбы в 1848—1849 гг. в этом регионе.

В специальной исторической литературе высказывались мнения, что Энгельс не располагал достаточной информацией о Чехии или располагал односторонней [1], или, наконец, что и той, которой располагал, «хватило бы» на «правильную» оценку [2]. Однако ни одно из этих мнений не подкреплено анализом литературно-эпистолярного наследия Энгельса за период до начала революции 1848—1849 гг.

За сто сорок лет, отделяющих нас от описываемых событий, резко изменилась политическая карта мира. Чрезвычайно существенные преобразования происходили и в центре Европы, где они затрагивали не только общественно-политические институты, но и национально-территориальную организацию жизни. После первой мировой войны на просторах не существующей ныне Австрийской империи возникли суверенные государства, одним из которых стала Чехословакия (1918) с проживавшими в ее границах, как главными этническими группами, чехами, словаками и немцами. Для чехов это означало обретение через 300 лет вновь своей государственности. Как до, так и после распада империи Габсбургов в чешских землях происходили сложные, порой драматические национально-политические процессы. После второй мировой войны на основе решений Потсдамской конференции за пределы Чехословакии были выселены немцы, оказавшие поддержку фашистским оккупантам.

Сегодня население чешских земель является практически однородным в национальном отношении.

Современный топоним «Чехия» относится к территории в рамках Чешской Социалистической Республики, которая объединяет такие историко-географические районы (чешские земли), как собственно Чехия, затем Моравия, Силезия (чешская). В XIX в. земли современной Чехии не были единой административной единицей. В середине XIX в. в Чехии было примерно в два раза больше населения, чем в Моравии и Силезии, вместе взятых.

Национально-политические процессы в чешских землях долгое время протекали незаметно для внешнего мира. Эта ситуация находила свое лингвистическое отражение. Очень медленно в самой стране и за рубежом происходило, в частности, переосмысление прежних этнонимов. Для 40-х гг. XIX в. характерно двойственное употребление имени Böhme — и как этникона для обозначения всякого жителя королевства Богемия, и как этнонима, синонима имени чех. Соответственно в прилагательное «böhmisch» в середине XIX в. мог вкладываться различный, этнический или территориальный, смысл. Место прежнего обозначения «славяне Чехии», «славяне Моравии» занимает более часто употребляемое слово «чех» (Czech(e) или Tscheche). После этих предварительных замечаний познакомимся с «портретом Чехии» в австрийской энциклопедии середины 30-х гг. XIX в.

Королевство Богемия — одна из составных частей многонациональной империи Габсбургов. Его история уходит в седую древность. Сказания донесли имена древних князей Чеха, Крока, дочери последнего волшебницы Либуше и зятя Пржемысла, правившего в VIII в. Своей цивилизацией чехи обязаны немецким переселенцам [3], которым чешские короли выдавали охранные грамоты на занятия разнообразными промыслами... Энциклопедия содержала современные статистические сведения о населении. В королевстве было 3 млн 828 тыс. жителей; в том числе около 4 тыс.— духовенство, 2 тыс.— дворянство, 3,5 тыс.— чиновники и знать, 43,5 тыс.— занятые в промышленности (Industriellen) и 133 тыс.— занятые в сельском хозяйстве (Bauern). Немалая доля текста уделялась вопросу о народностях (Völkerstämme), живших в стране. Главной народностью назывались славяне. Авторы рубрики в энциклопедии характеризовали их как «любителей музыки и пения» и отмечали их природный здравый смысл и память [4]. Численность немцев в королевстве определялась в 900 тыс., евреев — в 3600 семей. Язык простого народа — это «славянский язык в форме богемского диалекта», распространенный преимущественно на селе среди низших и средних слоев. В энциклопедии сообщалось, что почти каждый представитель высших кругов говорит по-чешски, но в торговых делах, в образованных и ученых кругах утверждается

как главенствующий немецкий язык. По данным энциклопедии, в королевстве насчитывалось около 200 чешских литераторов, поставляющих и оригинальные произведения, и переводы. Указывалось, что особенно развита чешская поэзия, а ее древний памятник обнаружен примерно 15 лет назад В. Ганкой в Краледворской рукописи. В энциклопедии можно было найти указания на численность работников по отдельным отраслям промышленности в Чехии, а также в дочерних предметных и именных рубриках [5], много других сведений.

Таким образом, немцы были, по данным энциклопедии, второй по численности этнической группой в составе населения. Это надо подчеркнуть, так как именно этот объективный факт в совокупности с сильными культурно-политическими и экономическими позициями немецкого населения существенно влиял на представления о чешских землях западноевропейца того времени. Между тем нынешняя национальная однородность Чехии часто проецируется современным читателем на Чехию XIX в. Тогда взгляды немецких обществоведов и мыслителей XIX в. на Чехию этого же времени сопоставляются с мнимой этнической картиной Чехии или с численно правильной, но правильной, так сказать, механически [6].

Самые ранние упоминания Энгельсом чешских реалий встречаются в переписке 18-летнего Энгельса с гимназическими друзьями, с которыми он разлучился из-за отъезда из родительского дома в Бремен для изучения коммерческого дела.

Весной 1839 г. молодой Энгельс, находясь в Бремене, переписывался со школьными друзьями братьями Гребер. Эта переписка отражает интенсивную умственную жизнь юноши, широкий круг его гуманитарных интересов. В одном из писем он сообщил братьям свой критический отзыв об австрийской поэтической школе, назвав в числе прочих не импонировавших ему поэтов и пражского немецкого литератора К. Э. Эберта: «К. Эберт совершенно обогемился...» [7] В указанном письме от 8—9 апреля Энгельс назвал имя поэта в первый и последний раз. Несмотря на это, а также на сверхлаконизм отзыва, данное упоминание представляется чрезвычайно содержательным. После предпринятого нами воссоздания биографии этого забытого поэта стало ясно: в одном слове — обогемился — Энгельс суммировал творческую биографию пражского (37-летнего в тот момент) поэта, начинавшего с банальной салонной лирики и прославившегося затем созданием произведений на сюжеты из чешской национальной истории и мифологии [8].

Осенью того же года Энгельс снова обстоятельно затрагивает вопросы литературы в письме к В. Греберу. Он сообщал другу: «Я... не только основательно знакомлюсь со всей мировой литературой, я втихомолку воздвигаю себе из новелл и стихов памятник славы, который, если только дыхание цензуры не превратит бли-

стающей стали в отвратительную ржавчину, озарит своим ярким, юным блеском все немецкие государства, за исключением Австрии... У меня теперь зарождается великолепнейший сюжет... Я хочу показать в «новелле-сказке» или в чем-нибудь подобном современные чаяния, обнаружившиеся уже в средние века... Вот «Фауст», вот «Вечный жид», вот «Дикий охотник» — три типа предчувствуемой свободы духа, которые легко можно связать друг с другом и соединить с Яном Гусом» [9]. Энгельс подчеркивает исключительность Австрии среди немецких государств, имея в виду, очевидно, особые цензурные преграды, воздвигаемые меттерниховским режимом. Любопытно также включение им фигуры чешского церковного реформатора Яна Гуса в один ряд с «типами предчувствуемой свободы духа».

В переписке Энгельса 1839 г. мы дважды находим упоминание Чехии, точнее, персоналий из чешской истории и современности. И если самым первым по времени было упоминание его современника, пражского немецкого поэта Эберта, то второе имя, появляющееся у Энгельса,— это крупная фигура средневековья, чех по национальности Ян Гус. В то время в чешских землях работало немало и других немецких писателей, но в эпистолярном наследии Энгельса оказался зафиксирован именно Эберт, который, родившись в начале века (1801), создал себе имя в 30-е гг. в Чехии и за границей сочинениями на чешские национальные сюжеты и имел успех в чешской и немецкой национальной среде. Энгельс, видимо, неплохо знал произведения Эберта, который ярко воплотил в своей дальнейшей судьбе сложности и порой мучительность процесса формирования буржуазной культуры в двунациональной стране, с его тенденцией к образованию взаимно враждебных национальных движений.

Что подразумевал Энгельс под этим неологизмом «обогемился»? То ли просто обращение к темам далекой истории края, видя в этом идеализацию прошлого? То ли он смутно почувствовал как «странность» то новое, что было в творчестве Эберта, когда романтическая разработка немцем чешских исторических сюжетов в 30-е гг. оказывалась созвучной активизации процесса формирования чешской национальной культуры нового времени?

В 1840 г. Энгельс принял участие в альманахе «Альбом в честь Гутенберга» [10]. Это издание включало введение с описанием жизни И. Гутенберга и истории книгопечатания, раздел со стихами и статьями 58 немецких авторов, а также раздел с 62 публикациями на 46 языках и диалектах. Они группировались по языковым семьям. Возможно, Энгельс обратил внимание на стихотворение В. Ганки, опубликованное по принципам данного издания: на чешском языке и в немецком переводе. Филолог из Праги, в ту пору библиотекарь местного Национального музея, был известен как первооткры-

ватель древнечешских литературных памятников, в которых излагались примерно те же мифологические сюжеты, что вдохновляли «обогемившегося» Эберта.

Особенностью семи высказываний Энгельса о рабочих волнениях в Богемии летом 1844 г. является их беглость и та особая краткость, с которой обычно говорят о хорошо известных событиях. Первый раз Энгельс упомянул об этих волнениях в Богемии через полгода после событий. В газете «The New Moral World» от 13 декабря 1844 г. Энгельс публикует статью «Быстрые успехи коммунизма в Германии», где от имени своих политических сторонников выражает надежду «в скором времени найти опору в рабочем классе, который... уже пробужден от своего летаргического сна нуждой, угнетением и безработицей, а также волнениями в промышленных округах Силезии и Богемии» [11]. Очевидно, известия о событиях в Богемии запаздывали по сравнению с вестями из Силезии. Во всяком случае в статье «Дальнейшие подробности о волнениях в Силезии», опубликованной в газете «The Northern Star» 29 июня 1844 г., Энгельс писал только о силезских рабочих, а Богемия фигурировала здесь в курьезном контексте. Энгельс подчеркивал бескорыстие силезских рабочих, которым разгром контор и фабрик был нужен для выражения своего социального протеста, а не как средство поживы, что было предоставлено «контрабандистам и браконьерам из Богемии» [12].

Выступая в Эльберфельде 8 февраля 1845 г., Энгельс заявил, что «и *необразованный* пролетариат тоже не склонен оставаться в своем теперешнем положении; доказательство мы видели даже в Германии, на примере силезских и богемских волнений, а о других странах и говорить нечего» [13]. В другом выступлении, 15 февраля, Энгельс обращал внимание слушателей на «современное социальное положение Германии. Что у нас много нищеты, это знают все. Силезия и Богемия сами заявили о себе» [14]. В «Эльберфельдских речах» впервые четко конкретизирован характер волнений в Богемии — это выступления пролетариата. Дальнейшее уточнение находим в работе «Положение рабочего класса в Англии». Если в предисловии к этой книге просто говорится, что опасность, угрожающая Германии, вскрыта «волнениями в Силезии и Богемии» [15], то в конце работы он указывает, что речь идет о волнениях «ситцепечатников в Богемии в июне 1844 г.», которые Энгельс представляет в качестве типичной модели первых рабочих выступлений. «Рабочий *класс* впервые выступил против буржуазии тогда, когда он силой воспротивился введению машин... позже последовало множество восстаний, вызванных введением машин, которые протекали почти в точности так, как волнения ситцепечатников в Богемии в июне 1844 г.: рабочие ломали машины и разрушали фабрики» [16].

Следующие высказывания Энгельса о Чехии отделяются от первых интервалом примерно в полтора года. В статье Энгельса «Немецкий социализм в стихах и прозе», написанной в конце 1846 — начале 1847 г., находим в связи с критикой поэта К. Бека следующее сравнение Гейне и названного поэта: «Первый вызывает в бюргере возмущение своей дерзостью, второй, в котором бюргер видит родственную душу, действует на него успокаивающе. Пражское восстание дало ему, впрочем, возможность воспроизводить кое-что совсем в другом роде, чем этот фарс» [17].

Очень существенно высказывание Энгельса в статье «Удовлетворенное» большинство», опубликованной в «The Northern Star» 8 января 1848 г. Заявляя об «отчаянной борьбе между трудом и капиталом», Энгельс утверждает, что действительность этого исторического факта «засвидетельствована гибелью пролетариев, расстрелянных в Лионе, в Престоне, в Лангенбилау, в Праге» [18]. Эта статья свидетельствует об углублении знаний Энгельса о развитии событий в регионе. Обратим внимание на то обстоятельство, что первый общественный класс, упомянутый Энгельсом применительно к Богемии,— пролетариат. В этом отразились и личные мировоззренческие приоритеты молодого мыслителя, и объективная реальность — Чехия была районом бурного развития промышленности и активного формирования рабочего класса. Богемию, входившую в состав Австрийской империи, Энгельс мыслил как часть германских земель. В данном случае он следовал, очевидно, глубоко укоренившейся традиции, которую «подпитывали» явления новейшего порядка — в промышленных сферах экономики Богемии главные позиции занимали буржуа немецкой национальности. Имели значение и надстроечные факторы — активное бытование немецкого языка в области науки, культуры и художественного творчества, существование местной немецкой интеллигенции, удовлетворявшей потребности разнообразных немецкоязычных слоев общества — дворянства, мелкой и крупной буржуазии, чиновничества.

Не менее интересны свидетельства информированности Энгельса о Чехии в период 1846—1847 гг. В незавершенной работе Энгельса «Истинные социалисты» [19] мы находим страницы, относящиеся к анализу творчества двух австрийских поэтов — уроженцев Чехии А. Мейснера и М. Гартмана. Разделив литературных представителей «истинного социализма» на три группы (вестфальскую, берлинскую и саксонскую), Энгельс отнес к саксонской литераторов Земмига, Шлюсселя и пражан Мейснера и Гартмана. Последних двух авторов Энгельс рассматривает вначале в паре, затем анализирует отдельно творчество Мейснера. На этих страницах немало явных и косвенных фактов осведомленности Энгельса в интересующей нас теме. Особенно показательным является то, что

Энгельс привлекает не только те произведения Мейснера, которые были подписаны полным именем (сборник «Стихотворения» и поэму «Жижка»), но и его заметку из журнала «Die Grenzboten», подписанную ателонимом A....d. Прочтение Энгельсом такой подписи позволило нам высказать предположение, что Энгельс или хорошо знал журнал «Die Grenzboten», частыми авторами которого были Мейснер и Гартман, или следил в тот период за жизнью и творчеством «антигероев» своей рукописи, получая информацию в какой-то мере и о выславшей этих «крамольных» поэтов стране — Австрийской империи и их «малой родине» [20].

В рукописи «Истинные социалисты» Энгельс задался целью проанализировать и идейно разгромить произведения литераторов этого направления. Полемическая задача определила сатирический и даже порой саркастический стиль его текста. В лице Мейснера и Гартмана Энгельс, читавший более старшего пражанина Эберта, познакомился с молодыми представителями немецкой литературы Богемии. Почти ровесники, поэты здесь родились, получили (в разной степени) образование, создали первые поэтические произведения, имевшие успех и тут же запрещенные австрийской цензурой. У Мейснера это были сборник «Стихотворения» и поэма «Жижка», у Гартмана — поэтический сборник «Чаша и меч». Вынужденные покинуть родину, они уехали в Лейпциг, не только крупный книгоиздательский центр, но и центр притяжения австрийских оппозиционных литераторов. Оба на ряд лет связали свои творческие интересы с издававшимся здесь журналом «Die Grenzboten», ориентированным на отражение проблем Австрийской империи, особенно ее чешских земель. В 1847 г., когда журнал читал Энгельс, его тираж быстро увеличивался: если к началу 1847 г. он составлял 1300 экземпляров, то к началу 1848 г.— уже 4000 [21]. Гартман поселился в Лейпциге, близко общаясь с редактором журнала уроженцем Праги И. Курандой (1811—1884), а Мейснер стал парижским корреспондентом этого журнала и жил в Париже в 1846—1847 гг., т. е. в то же время, что и Энгельс.

Поэма Мейснера «Жижка» состояла из 25 Песен, хронологически последовательно раскрывавших тему начального этапа гуситского революционного движения — гуситских войн. Поэт описывал реальные исторические события и подлинных исторических лиц. Вот названия некоторых Песен: «Король Вацлав» (2-я), «Крестовый поход» (16-я), «Адамиты» (19-я), «Смерть Жижки» (25-я) [22]. Конкретно-историческое ядро обрамляли энергично-бравурные Вступление и Заключение. Мейснер заявлял, что собирается рассказать о вечной борьбе угнетенных с тиранами на примере одной исторической битвы:

«Как на борьбу с насилием тиранским
Восстал народ — весь целиком герой».

Подводя итоги истории жизни Яна Жижки, Мейснер сделал широкое обобщение судеб всей страны. Историческую ситуацию Чехии он оценил как «похороны великого народа», сегодняшние представители которого в массе отреклись от гусизма как ереси [23].

В Заключении Мейснер, замечая, что после таких роковых испытаний не мог бы возродиться ни один народ в мире, все же предсказывает, что

> «Придет пора, где этот край восстанет
> В последний раз на трудную борьбу.
>
> И разрешит борения успех,
> Кто здесь хозяин — немец или чех» [24].

Мнения Энгельса по поводу прогнозов Мейснера мы не знаем. В тексте незавершенной рукописи Энгельс назвал поэму Мейснера «просто скучной».

Обратимся теперь к мыслям Энгельса об австрийских делах, высказанным им в конце 1847 — начале 1848 г. В это время Энгельс сохранял негативное отношение к австрийскому государству. В опубликованной 14 ноября 1847 г. статье Энгельс писал: теперь «Австрия пала ниже, стала грязнее, презреннее и ненавистнее, чем когда-либо» [25]. 30 ноября 1847 г. Энгельс выступил на заседании лондонского Просветительного общества немецких рабочих. Согласно Протокольной записи выступления Энгельс заявил: «*Австрия*, этот европейский Китай, единственная страна, внутренние порядки которой не были поколеблены французской революцией... уступила силе пара... В результате возвысилась мелкая буржуазия и свергла высшее дворянство... На последнем заседании богемского сейма буржуазия отказала... в утверждении налогов на сумму в 50 000 гульденов» [26].

В обзоре общественно-политического развития западноевропейских стран Энгельс активно применяет разработанное им и Марксом материалистическое понимание истории. Используя пущенное в ход Л. Берне крылатое словцо о «европейском Китае», Энгельс акцентирует внимание на новых моментах имперской действительности — развитии капиталистической промышленности. Особенно интересна осведомленность Энгельса о таком факте, как конфликт в богемском сословном сейме 1847 г.

Спор чешского сословного сейма с правительством обострился в канун 1848 г. и возбуждал внимание в других районах Габсбургской монархии и за границей. Сословная оппозиция в Чехии вызывала опасения венского правительства настойчивым использованием ею права на разрешение налогов и требованием назначать чиновников только из рядов местных помещиков. Она отрицала тезис правительства о том, что права сословий вытекают лишь из свободной воли самодержца и, следовательно, могут быть в любой

момент нарушены. Ее позиция была изложена в документе «Выведение правовой непрерывности конституционных прав и свобод чешских сословий» от 18 февраля 1847 г. [27]

Упомянутый Энгельсом факт отказа в одобрении налогов имел место в августе 1847 г. Хотя решение о налогах все же было принято венским правительством, активность чешской сословной оппозиции имела значение, так как при этом критиковался абсолютистский режим, а также использовались некоторые парламентские формы и методы. Однако пока не удалось установить, на сообщениях каких газет основана осведомленность Энгельса о ситуации в богемском сейме. Думается, что ее источниками были не политические брошюры, посвященные конфликту, а пресса, поскольку Энгельс откликнулся на августовское событие уже в ноябре того же года.

Выступление Энгельса (в его «австрийской части») по времени и содержанию примыкает к последовавшей через два месяца статье «Начало конца Австрии». За полтора месяца до начала революции в империи Энгельс указывает на кризисную ситуацию: «Лоскутная, составленная из унаследованных и наворованных клочков, австрийская монархия, эта организованная путаница из десятка языков и наций, это бессистемное нагромождение самых противоречивых обычаев и законов, начинает, наконец, распадаться» [28]. В этой статье, специально посвященной Австрийской империи, Энгельс немалое внимание уделяет географическому и историческому аспектам в характеристике Австрии. Первый выражается в упоминании, например, о «богемских и моравских горах», «скалистых горных преградах Богемии» как «основе существования австрийского варварства». Второй — в обширном экскурсе в историю Центральной Европы в средние века и выводе — «дюжина народностей (населявших Австрию.— *О. X.*)... держалась вместе в силу общего им всем отвращения к цивилизации» [29].

Обращаясь к современности, Энгельс выступает уже как материалист. Он называет главной пружиной назревающих событий «пар», т. е. развитие капиталистической экономики. Этот процесс захватывает различные районы «лоскутной монархии»: в Богемии развилась хлопчатобумажная промышленность, в Ломбардии — машинное шелкопрядение. Далее Энгельс повторяет прозвучавший в его выступлении 30 ноября факт: «В Богемии сословия отказывают в 50 000 гульденов налога; Австрии хотелось бы их взыскать, однако ее войска ей так необходимы в Альпах, что впервые за все время своего существования она видит себя вынужденной уступить сословиям и отказаться от 50 000 гульденов!» [30]

Если в Протокольной записи факт неразрешения налогов связан исключительно с буржуазией, то в статье речь идет о сословиях. Обращает на себя внимание фигурирование Богемии в рамках

Австрии, в то время как Италия, согласно Протокольной записи, предстает более самостоятельной.

Энгельс акцентировал внимание на «рабстве Польши, Богемии и Италии» под австрийским флагом [31]. О каком рабстве Богемии — социальном или национальном — шла речь? Включение Богемии в один ряд с Польшей и Италией еще не разрешает сомнений в пользу национального, так как если в представлениях об Италии и Польше в XIX в. в основном счастливо совпадали географический и национальный моменты, то не так было с Богемией. Лишь заключительные строки статьи не оставляют сомнений в четком видении Энгельсом национального состава Богемии. Энгельс пишет: «У нас есть все основания надеяться, что именно немцы сокрушат господство Австрии и устранят препятствия, стоящие на пути к свободе славян и итальянцев» [32].

Итак, освобождение славян придет от немцев. Славянское население Австрии не предстает мысленному взору Энгельса в качестве самостоятельного субъекта борьбы за свободу. Между тем высказывается точка зрения, что в этой статье выразилось сочувственное отношение Энгельса «к борьбе за независимость всех угнетенных народов австрийской монархии» [33]. Но, во-первых, не «все угнетенные народы» боролись «за независимость»: в чешском национальном движении и до 1848 г., и в период революции лозунг независимости не выдвигал никто — ни либералы, ни радикалы. Во-вторых, Энгельс не говорил ничего о борьбе угнетенных народов и поэтому не мог выражать к ней сочувствие. Однако в этой спорной, на наш взгляд, интерпретации имеется и рациональное зерно. В такой неадекватной форме подмечена одна черта в рассуждениях Энгельса: в статье «Начало конца Австрии» он поставил в один ряд народы разного типа, с разными типами национальных движений. К одному типу можно отнести этносы, до недавнего (по отношению к середине XIX в.) времени имевшие этнически одинаковые с народными массами господствующие (прежде всего, феодальные) классы, представители которых в условиях национального упадка выступали носителями памяти о прежней национальной государственности и субъектами борьбы за нее (это относится к полякам, венграм, итальянцам). Ко второму типу — соответственно этносы, не имевшие в социальной структуре общества господствующих классов, органически проникнутых национальным сознанием. В данном случае — это чехи, этнос нового времени, формирующийся из чешского крестьянства на основе бурного развития в Богемии капиталистических отношений в условиях 200-летнего перерыва в государственности. Точнее было бы, очевидно, сказать, что в этой статье Энгельс призывает немецкий народ в лице передовой немецкой общественности выступить в качестве освободителя угнетенных народов Австрийской империи

путем разрушения этого государства. Новым и важным в статье «Начало конца Австрии» было включение в ряд народов, стремящихся к свободе, также и славян Австрии, в частности, Богемии. Но это новое еще не фиксировало специфического характера социальной структуры чешского народа. Это «объединение разнородного» длилось недолго: революция в империи началась через полтора месяца после формулирования Энгельсом цитированных мыслей.

На предыдущих страницах были перечислены несомненные знания Энгельса о Чехии в период до 1848 г. Не приходится сомневаться, что на самом деле круг его сведений был гораздо шире. Обратим внимание на некоторые источники информации о Чехии, которые могли встретиться молодому Энгельсу. Реальными каналами страноведческих знаний для той эпохи были, естественно, печатные издания: энциклопедические словари, периодика, публицистические брошюры, беллетристика, учебники, научные работы, «книжки для народа» и т. д.

Хронологически первым в ряду сведений Энгельса о Чехии было упоминание имени пражского немецкого поэта Эберта. Дело тут было не только в литературных склонностях и интересах Энгельса, но и в популярности чешской темы в немецкоязычной художественной литературе той эпохи, особенно в исторической беллетристике [34]. Рамки небольшой статьи не позволяют привести те известные нам факты бытования в немецкой литературе чешской темы, которые могли быть доступны Марксу или Энгельсу. Ограничимся одним — стихами пражского поэта Гартмана, которые использовались Энгельсом для задуманного анализа поэзии «истинного социализма». Мы имеем в виду сборник Гартмана «Чаша и меч» [35], в котором выделяется цикл «Чешские элегии».

В некоторых из них в поэтической форме выражались размышления поэта о современном дне страны и ее двунационального населения. Сочувствуя историческому упадку некогда могучей Чехии, Гартман выражал неверие в возможность возрождения. В подтексте этих стихов было осуждение чешского национально-культурного движения как бесплодных, бесперспективных усилий.

Одним из характерных информационных каналов тех лет — в направлении из Австрийской империи в другие страны — была центральноевропейская публицистика, процветавшая накануне 1848 г. в форме политических брошюр. Анонимные и называвшие себя авторы оперативно откликались на важные политические события. Существовали, например, брошюры о рабочих волнениях в Чехии в 1844 г., о сословной оппозиции в богемском ландтаге, т. е. о тех просах, о которых Энгельс был информирован по оставшимся названными источникам. В одной из статей цикла «Революция контрреволюция в Германии» (1851) Энгельс давал пространную рактеристику этому явлению: «Приблизительно в это самое время,

в 1843 или 1844 г., в Германии было положено начало особому виду литературы, явившемуся отголоском этих перемен. Несколько австрийских писателей — беллетристов, литературных критиков, плохих поэтов,— обладавших, без исключения, весьма посредственным талантом, но одаренных той особой предприимчивостью, которая характерна для еврейской расы, обосновались в Лейпциге и других немецких городах за пределами Австрии, и здесь, вне досягаемости Меттерниха, они выпустили ряд книг и брошюр об австрийских делах. Как сами они, так и их издатели повели «бойкую торговлю» этим товаром. Вся Германия жаждала проникнуть в тайны политики европейского Китая... Конечно, тайны, разоблачаемые в этих изданиях, не имели большого значения, а планы реформ, высиженные их благомыслящими авторами, носили отпечаток невинности, граничившей с политической девственностью... Административные реформы, расширение прав провинциальных сословных собраний, разрешение ввоза иностранных книг и газет и смягчение цензуры — дальше этого не шли в своих верноподданнических и скромных пожеланиях эти добрые австрийцы» [36].

В Лейпциге, обоснованно названном Энгельсом одним из центров «предмартовской» публицистики, выходил также журнал «Die Grenzboten», о котором знали Маркс и Энгельс. Он был сориентирован на австрийские проблемы и публиковал немало материалов из чешских земель. На страницах популярной «Augsburger Allgemeine Zeitung», которую Маркс и Энгельс читали, обсуждались австрийские оппозиционные брошюрки, изредка появлялись также статьи о новых тенденциях в общественной жизни Богемии.

Выше были упомянуты сведения о Чехии, накопленные Энгельсом до 1848 г., и кратко охарактеризованы основные источники его информации. Чтобы лучше оттенить сущность этого периода в познании Энгельсом данной страны, уделим некоторое внимание последовавшему этапу революции 1848—1849 гг.

Важным итогом революции 1848—1849 гг. в Центральной Европе было вхождение в орбиту активного общественного развития ряда регионов, до этого не привлекавших к себе внимания передовой общественности, и известная ломка некоторых устоявшихся представлений в области межнациональных отношений.

Революционное движение захватило в 1848 г. и чешские земли. Вначале события здесь отразились на страницах хроники в ежедневной прессе Австрии и Германии. Благодаря обсуждениям бурного развития событий в Чехии, которые состоялись на нескольких политических форумах 1848 г. [37] и в прессе, они вошли в умы и сознание современников. Итак, в 1848 г. чешские земли находились в качественно новой ситуации общественного развития, что повы-

шало внимание к ним со стороны центральноевропейской общественности [38].

В период революции, после провозглашения свободы печати, в чешских землях появились новые органы прессы, большими тиражами расходились листовки и брошюры, т. е. складывались благоприятные возможности получения информации о стране и протекавших в ней новых процессах. Указанные обстоятельства нашли отражение на страницах издававшейся Марксом и Энгельсом в Кёльне газеты «Neue Rheinische Zeitung». В ней систематически перепечатывались сведения из других газет об общественно-политических событиях в Чехии. Редакция получала некоторое время оригинальные корреспонденции из Праги. Чешско-немецкий конфликт отразился в материалах, присылаемых собственным корреспондентом газеты в Вене Мюллером-Теллерингом. «Neue Rheinische Zeitung» опубликовала также несколько статей Энгельса, полностью или частично посвященных как актуальным событиям в Чехии, так и ее глобальным перспективам. В этих статьях были, несомненно, использованы те знания о Чехии, которые накопил Энгельс до революции 1848 г.

В Центральной Европе в 40-х гг. XIX в. существовали известные каналы информации о чешских землях. Особые — лингвистические — возможности информации были у немецких литераторов Чехии, в первую очередь у молодых «политических поэтов» Богемии. Однако до революции 1848 г. местная немецкая литература не стала действенным средством познания инонационального для Германии мира, а новая общественная группа Богемии, чешская мелкая буржуазия, заявила о себе только в период революционного движения 1848—1849 гг. До этого она не принимала участия в формировании в центральноевропейской общественной мысли образа страны и своего народа. Неудовлетворенность в чешских литературных кругах отставанием зарубежного общественного мнения от новой национально-политической ситуации в стране в силу ряда исторических причин не переросла в деятельность, не привела к выходу на международный простор.

Какой же в итоге могла рисоваться Энгельсу национальная ситуация в чешских землях? Национальный состав населения был известен, процесс развития капитализма в феодально-абсолютистской стране — виден, а формирование на этой основе новой жизнеспособной общественной группы — чешской буржуазии — оставалось, видимо, в тени.

Однажды Маркс написал о П. Ж. Прудоне, что он «абстрагиется как раз от того специфического различия, в котором вся суть дела» [39]. Центральноевропейское общественное сознание не только абстрагировалось, сколько, скорее, еще не фиксировало особенностей внутреннего развития этой страны. Первый этап фор-

мирования у Энгельса представлений о Чехии пришелся на тот исторический период, когда специфика ситуации в стране для лиц в положении наблюдателей была еще неясна.

Итак, в 1839 — начале 1848 г. Чехия входила в круг земель, о которых Энгельс был в определенной мере осведомлен и которые привлекали его внимание. Энгельс подметил развитие в Габсбургской империи производительных сил, характерных для капиталистического общества. Он уделил значительное внимание рабочим волнениям лета 1844 г. в Чехии, распространению идей «истинного социализма», а также выступлениям сословной оппозиции против абсолютистского правительства.

Представления Энгельса о Чехии до революции 1848 г. вряд ли формировались целенаправленно, что можно объяснить отсутствием потребности в этом в центральноевропейском общественном сознании; некоторая неясность этих представлений носила не индивидуальный, а общественный характер. Она отражала неразвитость исторической действительности (в частности, отсутствие общественного опыта открытого межнационального конфликта, который только и мог явно определить и сиюминутное состояние, и направление развития) и слабость самого чешского национального движения.

Таким образом, десятилетие до революции 1848 г. можно рассматривать как начальный период в процессе формирования у Энгельса представлений о Чехии. Упомянутые высказывания Энгельса о Чехии позволяют в определенной мере представить его отношение к этой стране и отдельным сторонам ее жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Petr J.* Slavistické zájmy K. Marxe a F. Engelse. Praha, 1976. S. 19.

[2] *Klopčic F.* F. Engels und K. Marx über die geschichtslosen slawischen Nationen // Internationale Tagung der Historiker der Arbeiterbewegung: Sonderkonferenz «Marxismus und Gesellschaftswissenschaft». Linz, 1983.

[3] Österreichische National-Encyklopädie von Gräffler und Czikann. Wien, 1835. Bd. 1. S. 329.

[4] Ibid. S. 337.

[5] См. рубрики: «Выставка богемской промышленности», «Богемский музей», «Патриотический музей», «Консерватория музыки в Праге», «Добнер», «Добровский» и др.

[6] Ср. *Мыльников А. С.* Культура чешского Возрождения. Л., 1982. С. 22.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 41. С. 374.

[8] *Хорева О. А.* Два литератора из Чехии (уточнение характеристик) // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1984; *Хорева О. А.* История и современность в жизни и творчестве пражского немецкого поэта К. Э. Эберта (1801—1882) / Советское славяноведение, 1989. № 2.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 41. С. 431—432.

[10] Gutenbergs-Album. Braunschweig; London; Philadelphia, 1840.

[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 519.
[12] Там же. Т. 42. С. 202, 204.
[13] Там же. Т. 2. С. 544.
[14] Там же. С. 546.
[15] Там же. С. 240.
[16] Там же. С. 439.
[17] Там же. Т. 4. С. 217—218.
[18] Там же. С. 393—394.
[19] Там же. Т. 3. С. 566—575.
[20] *Хорева О. А.* Энгельс об Альфреде Мейснере (1847) // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. Вып. 2. М., 1986. С. 163—171.
[21] *Koszyk K.* Deutsche Presse im 19. Jahrhundert. Berlin, 1966. S. 103.
[22] Поэма Мейснера была переведена на русский язык В. Г. Бенедиктовым и почти полностью опубликована петербургским журналом (за исключением Вступления, Заключения и главы «За́вой»). См.: Литературная библиотека. 1867. Номера журнала за февраль, март (первые книги), апрель (кн. 1 и 2), май (кн. 2). Указанные неопубликованные части увидели свет только в недавнем издании сочинений переводчика поэмы. См.: *Бенедиктов В. Г.* Стихотворения. Л., 1983. С. 626—640.
[23] *Бенедиктов В. Г.* Стихотворения. Л., 1983. С. 635.
[24] Там же. С. 639.
[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 356.
[26] Там же. Т. 42. С. 446—447.
[27] Přehled dějin Československa. D. 1/2 [1526—1848]. Praha, 1982. S. 512—513.
[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 471.
[29] Там же. С. 472, 473.
[30] Там же. С. 476.
[31] См. там же. С. 477.
[32] Там же. С. 478.
[33] История марксизма-ленинизма. М., 1986. С. 324.
[34] *Kraus A.* Stará historie česká v německé literatuře. Praha, 1902. S. 448.
[35] *Hartmann M.* Kelch und Schwert. Leipzig, 1845.
[36] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 34—35.
[37] Пражское Июньское восстание и чешско-немецкие национальные противоречия обсуждались во Франкфуртском Национальном собрании, в венском рейхстаге, на двух съездах «Союзов немцев Чехии» (теплицком — август 1848 г. и хебском — ноябрь 1848 г.).
[38] См. подробно: *Klíma A.* Češi a Němci v revoluci 1848—1849. Praha, 1988.
[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. I. С. 214.

С. В. Пчелин

СТАНОВЛЕНИЕ «ЛЕВОГО» ТЕЧЕНИЯ В СДПГ И ЕГО ПЕЧАТНОГО ОРГАНА «FREIHEIT»

Первые годы действия закона против социалистов в Германии, введенного осенью 1878 г., стали годами сурового испытания для немецкой социал-демократии. Закон поставил Социал-демократическую партию Германии в нелегальное положение; были запрещены все организации партии, массовые рабочие организации, социалистическая и рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература. Часть социал-демократических руководителей оказалась неподготовленной к действиям в изменившейся внутриполитической обстановке. Их растерянность и пассивность в первые месяцы после введения закона вызвали недовольство в рядах германской социал-демократии, желание активных действий против бисмарковских постановлений. В этой сложной для социал-демократов обстановке активизируется внутрипартийное течение, объединившее наиболее радикально настроенных членов партии и возглавленное известным партийным функционером И. Мостом [1]. По мере своей деятельности группа Моста постепенно, но неуклонно переходила на все более авантюристические позиции и в конце концов стала серьезной угрозой идейно-политическому и организационному единству социал-демократической партии.

В данной статье мы попытаемся исследовать процесс перехода Моста и его единомышленников с социал-демократических на ультралевые, приближающиеся к анархизму позиции на основе анализа материалов газеты «Freiheit», а также рассмотреть отношение Маркса и Энгельса к этому направлению. Будут исследованы история создания «Freiheit», ее распространение, деятельность на разных этапах существования этого печатного органа, степень его влияния на социал-демократов в Германии и некоторых других европейских странах, борьба Социал-демократической партии Германии против «Freiheit».

Сведения о деятельности группы Моста и газеты «Freiheit» можно найти у Ф. Меринга и А. Бебеля [2], в опубликованных историками из ГДР Д. Фрике и Р. Кнааком обзорах берлинской политической полиции о состоянии социал-демократического и анархистского движений в период с 1878 по 1889 г. [3], а также в биографиях Моста, написанных немецкими историками Р. Рокером и Д. Кюном [4]. Краткие сведения встречаются в трудах, посвященных истории СДПГ, ее международным связям, а также периоду действия закона против социалистов в Германии [5]. Однако до сих пор многие стороны интересующей нас темы не освещены историками.

Рост влияния Социал-демократической партии Германии в 70-е гг. XIX в. (так, на выборах 1877 г. социалисты получили на 140 тыс. голосов больше по сравнению с выборами 1874 г.) [6], возрастающая активность рабочих в борьбе за свои социально-экономические и политические права обеспокоили правящие классы. Первыми начали контрдействия предприниматели тяжелой промышленности. «Нельзя только лишь угрожать и предупреждать, необходимо действовать»,— высказало свое мнение руководство фирмы Круппа и в апреле 1877 г. уволило 128 рабочих на основании того, что они являются членами СДПГ. Лозунгом предпринимателей стали слова: «Работу не получит ни один социал-демократ» [7]. Бисмарк поддержал предпринимателей в их стремлении подавить в стране рабочее и демократическое движение. Для этого необходимо было прежде всего расправиться с авангардом этого движения — Социал-демократической партией Германии. Поводом для начала репрессий против социал-демократии послужили два покушения на императора Вильгельма I в мае — июне 1878 г., которые были совершены безработным жестянщиком Э. Г. Хеделём и анархистом К. Э. Нобилингом. И хотя ни тот ни другой не принадлежали к социал-демократической партии, 19 октября 1878 г. консервативным большинством рейхстага был принят «закон против вредных и опасных устремлений социал-демократии» [8]. В течение 3—4 недель были закрыты все партийные газеты. Попытки выпустить вместо запрещенных новые издания под другими названиями закончились неудачей.

Введение исключительного закона вызвало растерянность у ряда руководителей партии. 18 октября 1878 г., т. е. еще до принятия закона, Центральный избирательный комитет в Гамбурге, выполнявший функции Правления партии, несмотря на протесты Бебеля и В. Либкнехта, объявил о самороспуске и призвал последовать его примеру местные партийные организации [9]. В этой сложной для партии обстановке некоторая часть ее членов, готовых ради получения возможности легальной деятельности пожертвовать революционными принципами, попыталась приспособить партию к бисмарковскому режиму. Об этом говорит, например, воз-

звание к членам партии 67 социал-демократов, в том числе И. Ауэра [10] и Ф. Фриче [11], высланных из Берлина и окрестностей после введения закона против социалистов. В нем, в частности, говорилось: «Никаких насилий, уважайте законы, в их рамках защищайте свои права!..» «Будьте спокойны! Пусть наши враги неистовствуют и клевещут, не обращайте на них внимания. Давайте отпор тем, кто захочет склонить Вас к созданию тайных объединений...» «Твердо придерживайтесь лозунга... «Соблюдение нами законности повергнет нашего врага» [12]. Даже такой признанный революционный лидер социал-демократии, как В. Либкнехт, не смог сразу оценить всю опасность сложившейся в партии ситуации. 17 марта 1879 г. в рейхстаге он заявил, что «социал-демократия как партия реформ будет соблюдать исключительный закон» [13].

Наиболее отчетливо рост «миролюбивых» настроений в партии, примиренческого отношения к ним со стороны ее руководства проявился в организации издания за границей так необходимого в то время нового центрального печатного органа партии. В редакционный состав этого органа должны были войти по предложению руководства партии реформист К. Хёхберг [14] и бывшие дюрингианцы Э. Бернштейн [15] и К. А. Шрамм [16]. Политическую позицию этого трио характеризует их статья, опубликованная в начале сентября 1879 г. в первом номере издаваемого Хёхбергом в Цюрихе журнала «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». Авторы осуждали в ней прошлую революционную деятельность социал-демократии, обвиняли партию в том, что «несоблюдением умеренности» она навлекла на себя исключительный закон, призывали к раболепному подчинению бисмарковскому полицейскому режиму и осуждали борьбу партии с буржуазией, заявляя о необходимости вовлекать буржуа в партийные ряды, предоставлять руководящие посты буржуазной интеллигенции ввиду недостаточного образования у рабочих [17].

Против оппортунизма и примиренческого отношения к нему со стороны немецкого социал-демократического руководства выступили Маркс и Энгельс. В «Циркулярном письме», написанном ими в середине сентября 1879 г. в связи с вышеизложенными событиями и адресованном на имя Бебеля, Либкнехта, Бракке и других партийных лидеров, авторы с гневом говорили о той политике, которую испугавшиеся представители мелкой буржуазии стремились навязать партии, ставя под угрозу ее пролетарский революционный характер: «Вместо решительной политической оппозиции — всеобщее посредничество; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху — смиренная покорность и признание, что кара заслужена» [18]. Эта критика помогла

Бебелю, Либкнехту, Бракке трезво оценить выступления цюрихской тройки и привела их к мысли отказаться от сотрудничества с ними. Вопрос создания нового печатного органа, который смог бы заменить запрещенные издания, был решен в первые месяцы действия закона против социалистов другими партийными деятелями — К. Гиршем [19] в Брюсселе (газета «Laterne») [20] и Мостом в Лондоне («Freiheit»).

Высланный из Берлина в конце 1878 г. вместе с рядом других социал-демократов Мост приступает к изданию своей газеты по поручению и с помощью Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне, основанного еще в феврале 1840 г.

Первый номер «Freiheit» с подзаголовком «Социал-демократический орган» появился 4 января 1879 г. Газета выходила в Лондоне до 1882 г., затем в 1882 г.— в Швейцарии и с 1882 по 1908 г.— в Нью-Йорке. Помимо Моста, возглавившего редакцию, в ее состав вошли Ф. Ауманн, В. Гофманн [21], А. Бенк, И. Неве [22], Л. Вебер, Ф. И. Эрхарт [23] и Г. Ули. Газета выходила один раз в неделю, по пятницам вечером, с выходной датой следующего дня. В передовой первого номера «Freiheit» были объяснены причины появления газеты и ее задачи. «В связи с тем, что при существующем положении вещей в Германии, где социал-демократия не в состоянии достойным образом ответить в печати на действия более чем реакционного полицейского режима, назрела необходимость исправить сложившуюся ситуацию». В этой же статье отмечалось, что газета «Freiheit» «предназначается для немецких товарищей, готовых на ее страницах обрушиться с резкой критикой на бисмарковское правительство и защищать республиканские и социалистические принципы» [24]. Чтобы подчеркнуть приверженность нового печатного органа социал-демократическим принципам, в № 2 газеты была опубликована программа Социал-демократической партии Германии, принятая в 1875 г. в Готе [25], которая, по редакционному замечанию, «является также и программой нашей газеты» [26]. На первой странице газеты помещались обычно статьи, посвященные тем или иным политическим или экономическим вопросам. На остальных трех страницах материалы публиковались по постоянным рубрикам: в еженедельных «Обозрениях» комментировались важнейшие события недели, сообщалось о состоянии рабочего движения в европейских странах; в «корреспонденциях» рассказывалось о преследованиях социал-демократов в Германии, различного рода бесчинствах со стороны полиции и властей. В литературном отделе публиковались статьи культурно-исторического содержания, биографические заметки, материалы из революционной истории.

На первом этапе существования «Freiheit», рамки которого будут определены ниже, ее содержание в общем соответствовало

заявлениям, сделанным в первых номерах. Подтверждением этому являются следующие основные статьи, опубликованные в этот период: «Основополагающие идеи социализма», «Наши политические требования», «Социальные реформы», «Социализм — историческая необходимость», в которых газета популяризировала и пропагандировала пусть и несовершенные, а зачастую и просто ошибочные, подвергшиеся в свое время резкой критике со стороны Маркса и Энгельса [27] положения Готской программы. Но тем не менее эти положения были официально приняты съездом, и «Freiheit» как социал-демократический орган публиковала статьи, соответствующие духу программы. Они были посвящены вопросам управления через посредство народа, устранения политического и социального неравенства, вопросу о прямом всеобщем избирательном праве и т. д. На последующую пропаганду отказа от легальной деятельности и переход к вооруженным столкновениям, террористическим актам и т. д. не было никакого намека. Наоборот, подчеркивалось, что «социалисты должны вести пропаганду мирным образом», «что победа социализма возможна лишь тогда, когда социалистические идеи глубоко укоренятся в народе» и что «применение оружия возможно лишь при условии полного гарантирования победы» [28].

Как уже отмечалось выше, «Freiheit» была создана с целью заменить по мере сил и возможностей запрещенные в Германии социал-демократические печатные издания. Поэтому проблема пересылки и распространения газеты играла немаловажную роль. В самом Лондоне ее можно было купить в экспедиционном отделе редакции, в помещениях трех секций Просветительного общества немецких рабочих, а также по одиннадцати домашним адресам членов редколлегии и Просветительного общества (Эйхерта, Ракова, Бюлова и др.) [29].

Первые доставленные в Германию номера «Freiheit» были запрещены. В четвертом номере газеты появилось сообщение, что, после того как берлинскими и гамбургскими полицейскими властями были арестованы первые три номера, Бисмарк издал указ о запрете газеты в целом на всей территории Германии [30].

Чтобы ввести полицию в заблуждение, постоянно изменялось название каждого номера из предназначенного специально для доставки в Германию газетного тиража. «Freiheit» меняла свое название на «Ankar», «Avantgarde», «Bismarck», «Deutschland», «Eulenburg», «Festzeitung», «Forckenbeck», «Gerechtigkeit», «Hammer», «Hunger», «Lehmann», «Madai», «Mahnruf», «März», «Meneteckel», «Mission», «Rebell», «Revolutionär», «Soldatenfreund», «Stephan», «Tessendorf», «Volksgericht», «Weihnachtsmann» и т. д. [31] Изменения названия газеты делались из расчета, что немецкие полицейские чиновники и таможенные власти, знающие о запрещении «Freiheit»

в Германии и просматривающие в первую очередь заголовки газет, не обратят внимание на их содержание, особенно если они носят такие названия, как «Бисмарк», «Март» или «Дед Мороз».

Номера газеты пересылались непосредственно из Лондона в Германию сначала бандеролью, затем в почтовых конвертах и, наконец, снова бандеролью в виде вкладыша к любой из английских газет. Предназначенный для Германии тираж переправлялся также в багаже членов экспедиции газеты или других доверенных лиц через Бельгию, Голландию, Данию и уже в Германии рассылался через посредников абонентам. Наиболее часто такие поездки, по сведениям берлинской полиции [32], совершали Эрхарт, Ф. Кауфман [33], Ф. Р. Мильке [34], К. Ульрих [35].

Каково было отношение к появлению «Freiheit» Маркса и Энгельса? Как восприняли газету в Германии и за ее пределами? Оценки Маркса и Энгельса были неоднозначны и менялись в зависимости от содержания газеты. Прекрасно понимая всю важность скорейшего создания нового печатного органа Социал-демократической партии Германии, они отнеслись к появлению «Freiheit» положительно. Тем не менее они считали себя не вправе публично поддерживать Моста и его газету [36], так как знали его как человека, который, по словам Маркса, «точно флюгер, поворачивается то в одну, то в другую сторону при малейшей перемене ветра» [37]. Сам Мост в своем письме в Цюрих от 3 февраля 1879 г. подчеркивал, что он проводит много времени у Маркса и Энгельса и что теперь они вполне одобряют и поддерживают его деятельность в «Freiheit» [38]. В этом случае Мост, вероятно, несколько преувеличивал данную Марксом и Энгельсом оценку его деятельности, чтобы таким образом придать газете бóльшую значимость. Общую с Марксом позицию в отношении мостовской «Freiheit» Энгельс изложил в письмах И. Ф. Беккеру от 30 января и В. Либкнехту от 1 марта 1879 г. В первом письме Энгельс отмечал: «Мост издает здесь теперь газетку «Freiheit» для Коммунистического общества рабочих, которая пока хорошо расходится. Мы желаем ему всяческого успеха, но, само собой разумеется, не имеем к этому никакого отношения и не несем никакой ответственности за ее содержание». «Газетка Моста, по-видимому, имеет успех; Мост время от времени показывается, но не часто. Мы, конечно, не можем брать на себя никакой ответственности за содержание этой газетки. Но мы ей, разумеется, желаем успеха, как и всему, что делается в надлежащем направлении, хотя и с помощью таких несовершенных средств» [39],— писал он во втором письме.

О подобном отношении к деятельности Моста свидетельствуют и письма Маркса. 19 сентября 1879 г. он писал Ф. А. Зорге: «Что касается Моста и компании, то мы относимся к ним «пассивно», то есть не поддерживаем с ними никаких отношений, хотя сам

Мост время от времени бывает у меня»[40]. Маркс опровергает и противоположное предположение о его негативном отношении к деятельности Моста: «Г-н Любек лжет, говоря, будто бы мы с Энгельсом опубликовали какое-то *«заявление»* против Моста или «Freiheit»[41].

Пока Мост и его «Freiheit» придерживались социал-демократических позиций, Маркс и Энгельс сохраняли по отношению к газете своего рода нейтралитет. В это время наибольшую угрозу, по их мнению, представляла собой деятельность некоторых партийных функционеров, а также примиренческое отношение к ней со стороны руководства партии. Мост в своей газете резко критиковал эти явления, тем самым внося пусть незначительный, но все же определенный вклад в дело борьбы с оппортунистическими настроениями в германской социал-демократии.

«Freiheit» в отличие от лояльно настроенных социалистов отмечала, что малейшая видимость признания сложившегося положения, когда партия лишена возможности действовать исходя из своих принципов, когда запрещена даже чисто профсоюзная агитация и жестоко подавляется любой свободолюбивый порыв, окажет с течением времени разлагающее воздействие на самих же членов партии[42]. Можно признать, что высказывание «Freiheit» на этот счет в общем обосновано. Однако необходимо отметить, что оно, как и многие другие, носит слишком категоричный характер. В сложных условиях повседневной борьбы с бисмарковским режимом вряд ли было целесообразным всегда и везде выступать с открытым забралом и бояться сделать даже «малейшую видимость признания сложившегося положения».

Но любые отступления из тактических соображений имеют свои границы и поведение перешедшей их части партийных функционеров, которая проявила покорность принятым Бисмарком мерам против социал-демократов, не осталось без внимания на страницах «Freiheit»: «Некоторые личности, которые раньше занимали в партии ведущее положение, проявили по отношению к закону против социалистов величайшую покорность... Закон предписывает приглушить социалистический голос. И наши бравые ораторы моментально замолкают или из тактических соображений даже подпевают нашим врагам. Закон взвалил на партию ярмо, под которым она должна согнуться, так как не имеет сил его сбросить. Чтобы не оказаться под его бременем, те добропорядочные «выдающиеся личности» легли плашмя на живот — опять же из соображений чистой тактики!.. Запрещены печатные органы, и бывшие «партийные руководители» собирают все остатки своего влияния и действуют в духе Бисмарка и его приспешников — разъезжают по Германии и рассылают свои письменные указания во все ее уголки,

чтобы отвратить товарищей не только от поддержки, но и от чтения зарубежной прессы. И все это во имя святой тактики» [43]. Статья, из которой взята приведенная цитата, написана в резкой форме, на грани оскорблений. Правда, конкретно не называется ни один из «бывших партийных руководителей».

В своих публикациях «Freiheit» настойчиво призывала обратить серьезное внимание на действия оппортунистических элементов, которые могут привести к развалу партии [44]. В сентябре 1879 г. в газете появляется статья под заголовком «Сплачивайте ряды!». «Партия переживает кризис,— говорится в ней.— По этому поводу мы уже заявляли, что считаем поворот партии вправо или такое положение дел, при котором происходит процесс пусть даже временного размывания социал-демократических принципов, чрезвычайно опасными и вредными и требуем последовательной и твердой позиции партии. Любую оппортунистическую политику мы отвергаем, так как убеждены, что она обернется для нас злом» [45]. В этой статье резко критикуются высказывания некоторых социал-демократических функционеров (их фамилии не называются) по поводу невозможности проведения в настоящее время в Германии открытой революционной пропаганды и подчеркивается, что социал-демократия не должна ставить решение этой своей важнейшей задачи в зависимость от запретов или разрешений властей и полиции и ждать лучших времен.

Вскоре Мост стал обвинять в оппортунизме всех без разбора, становясь в позу борца-одиночки. При этом он и его сторонники старались предать скандальную окраску любым действиям и высказываниям тех или иных лидеров социал-демократии, являющихся, по их мнению, оппортунистическими. Так, например, в майском номере «Freiheit» появляется заметка, рассказывающая о ходе предвыборных дебатов в рейхстаге, во время которых Либкнехту не раз приходилось отбиваться от грубых нападок со стороны политических противников. Но, как считает «Freiheit», у него не было никаких оснований с возмущением отмежевываться от таких лестных эпитетов (которыми, по мнению газеты, «мог бы гордиться каждый социал-демократ»), как «проповедник переворотов и цареубийств», «предводитель разрушающей партии, воспитывающей злодеев-убийц нашего кайзера». И кара за это, как комментирует «Freiheit», последовала тут же. Один из противников Либкнехта, «пресмыкающийся журналист» Дернбург, заявил, что если бы другие социал-демократы выступали «также воздержанно и порядочно, как Либкнехт, то с ними можно было бы общаться». «Удостоиться похвалы от Дернбурга,— продолжает свои комментарии «Freiheit»,— поистине самое худшее, что может случиться» [46]. Согласиться с такими «лестными» эпитетами мог бы только сумасшедший или террорист. Однако похвала Дернбурга и отказ Либкнехта

от столь сомнительной славы послужили «Freiheit» поводом для критики последнего.

Примерно в таком же духе преподносится читателю сообщение английского корреспондента в Лейпциге для газеты «Scotsman», перепечатанное на страницах «Freiheit». По словам корреспондента, он беседовал с вождями социал-демократической партии, в частности с Бебелем, и при этом привел сравнительную характеристику Моста, с которым он встречался раньше, и Бебеля: «Оба они революционны, оба в общем и целом недовольны современным политическим и социальным устройством. Но разница между ними такая же, как между 1793 годом во Франции и 1832 годом [47]. Как меня заверил Бебель, его партия возлагает надежды на объединение в конечном счете с буржуазией... и он весьма доволен прогрессом, достигнутым в этом направлении за два последних месяца». Из дальнейших бесед с Бебелем, Либкнехтом и другими корреспондент делает вывод, что социал-демократическое руководство в Лейпциге является приверженцем революции, средства свершения которой дают полное право назвать ее реформой [48].

Судя по комментарию «Freiheit», корреспонденция была воспринята газетой с иронией, тем не менее опровержения не было сделано. Более того, в редакционном замечании «Freiheit» говорилось о том, что просто невероятно, что названные вожди партии надеются таким образом прийти к социализму. В результате складывалось впечатление, что Мост — поборник самых активных и решительных действий, а Бебель, Либкнехт и другие руководители СДПГ — реформисты, пытающиеся завоевать благосклонность буржуазии. Для этого подойдет и информация весьма сомнительного характера.

Нападкам со стороны «Freiheit» очень часто подвергалась также социал-демократическая фракция в рейхстаге. В номере от 24 мая 1879 г. в разделе «Социально-политическое обозрение» Мост и его сторонники выступили с резкой критикой позиции депутатов социал-демократической фракции по вопросу о покровительственных пошлинах [49]. Один из депутатов, М. Кайзер [50], поддержал в своей речи введение покровительственных пошлин, служащих интересам крупных промышленников и юнкеров и ложившихся новым бременем на плечи трудящихся. «Freiheit» отмечала, что М. Кайзер затушевывает классовые противоречия между буржуазией и пролетариатом, говоря об общих государственных интересах; такая позиция представителя социал-демократии является предательской и позорит честь рабочей партии [51]. Эта статья была по своей сути справедливой, но форма ее подачи — совершенно неприемлема.

Маркс и Энгельс не могли согласиться с такого рода выступлениями «Freiheit». В своем письме секретарю Просветительного

общества немецких рабочих в Лондоне от 16 июня 1879 г. Энгельс пишет: «Орган Общества, «Freiheit», счел уместным публично выступить против позиции социал-демократических депутатов в рейхстаге. Несмотря на то, что в рейхстаге со стороны отдельных наших представителей были сделаны заявления, которые я также считаю неуместными (что̀ я не преминул высказать частным образом в надлежащем месте), я все же ни в коем случае не соглашусь с тем способом критики, который избрала «Freiheit», а тем более с тем, что *такого* рода критику считают возможным вести *публично*» [52]. С этой же точки зрения высказал свое мнение и Маркс в письме Ф. А. Зорге от 19 сентября: «Мы ставим Мосту в вину не то, что он *подвергает критике партийное руководство в Германии,* а, во-первых, то, что он устраивает *публичный скандал,* вместо того чтобы, как это делаем мы, написать об этом, то есть сообщить этим людям свое мнение в *письме*; и, во-вторых, то, что он пользуется этим только как предлогом, чтобы выдвинуть себя на передний план...» [53]

В своих оценках деятельности Моста и его единомышленников Маркс и Энгельс исходили прежде всего из того обстоятельства, что в условиях исключительного закона против социалистов резкая публичная критика будет приносить делу сплочения партии и выработке новой тактики действий лишь вред.

А каково было отношение к основанию «Freiheit» и начальному периоду деятельности газеты со стороны руководства СДПГ и рядовых ее членов? Если судить по высказываниям Ф. Меринга из его «Истории германской социал-демократии», то «руководящие партийные круги в Германии вообще знать не хотели обеих газет. Главное внимание этих кругов было направлено на то, чтобы мудрой сдержанностью обезоружить противоестественную ненависть к социал-демократии, привитую нейтральным слоям нации, и они опасались, как бы резкий и беспощадный язык зарубежных газет не дал ей новой пищи. «Бисмарк живет покушениями,— говорили они,— и будет вынужден капитулировать, раз только этот провиант у него истощится» [54].

В своем выступлении в рейхстаге Либкнехт заявил, что «был бы трусом, если бы стал формально отрекаться от писаний зарубежных товарищей, но партия не имеет с этими писаниями ничего общего, и он может сказать, что многие из влиятельнейших ее членов не одобряли основания «Freiheit» и «Laterne»... Причиной негативного отношения к ним являлось, по словам Либкнехта, то, что «резкие высказывания, которые можно ожидать от этих газет, усугубят и без того наше тяжелое положение в Германии» [55].

Оценка отношения руководства партии к зарубежным газетам, данная Мерингом и Либкнехтом, носит, конечно, общий характер,

не содержит конкретных сведений и фактов (выступал ли кто-либо из партийных функционеров в поддержку «Freiheit» и «Laterne»? Кто именно и с какими аргументами?). Тем не менее можно сделать вывод, что большинство руководства считало преждевременным в тот момент приступать к выпуску за рубежом партийного печатного органа в связи с возможностью новых преследований.

В среде рядовых членов партии появление и деятельность «Freiheit» на первом этапе ее существования были встречены с одобрением. И хотя большинство из них осуждало самовольное учреждение Мостом своего печатного органа, то, что он не поставил в известность и предварительно не договорился с руководством партии об издании газеты, среди них было широко распространено мнение, что Мост сделал то, что должны были сделать признанные вожди партии [56].

О популярности «Freiheit» в первые месяцы после ее появления свидетельствует широкое распространение газеты в Германии и некоторых других европейских странах. К концу первого года издания газеты Мост с удовлетворением отмечал, что не хватает еще двухсот абонентов, чтобы предназначенный для Германии тираж полностью совпал с числом подписчиков [57].

К сожалению, трудно точно установить тираж «Freiheit», так как он менялся в зависимости от политических, финансовых и других обстоятельств. Но тот факт, что только в одном Гамбурге при проведенных в мае — июне 1879 г. домашних обысках было конфисковано 663 экземпляра газеты [58], говорит о том, что ее тираж достигал нескольких тысяч. По полицейским сведениям, во многих городах Германии (Берлине, Альтоне, Франкфурте-на-Майне и др.) образованы тайные общества по получению, изучению и распространению материалов, публикуемых во «Freiheit» и других запрещенных изданиях [59]. Из этих же донесений становится ясно, что значительная часть тиража попадала в конце концов в руки полиции, но тем не менее сохранившиеся экземпляры проходили через сотни рук. «Несколько побывавших в обращении экземпляров газеты,— пишет в своих мемуарах Мост,— как большая редкость были посланы мне; они были совершенно захватаны и зачитаны буквально до дыр» [60].

Довольно большую популярность завоевала «Freiheit» и за пределами Германии, в частности в Австрии. Это было вызвано тем, что самороспуск Центрального избирательного комитета партии в октябре 1878 г. и призывы цюрихской тройки к превращению социал-демократии в мелкобуржуазную реформистскую партию вызвали в Австрии у значительного числа партийных функционеров и рядовых членов партии большое возмущение. Это было одной из причин того, что «Freiheit» получала вначале даже большее одоб-

рение со стороны австрийских рабочих, чем «Sozialdemokrat»[61] — центральный орган германской социал-демократии[62].

Широкое распространение «Freiheit» в Австрии отмечается также в обзоре социал-демократического движения в Германии и за рубежом в первой половине 1880 г. за подписью берлинского полицей-президента Г. фон Мадаи. «Как показали проведенные в Вене, Праге, Граце и других городах, а также в Галиции многочисленные обыски,— докладывает он министру внутренних дел Пруссии Б. Ойленбургу,— сюда тайно ввозится и распространяется сравнительно большое количество мостовской «Freiheit» и связанных с ней листовок...»[63]

Во Франции Мост также нашел поддержку эмигрировавших немецких социал-демократов, проживавших в Париже. Они были объединены в два кружка, члены которых констатировали во время посещения их Мостом в июле 1879 г., что они стоят на позициях «Freiheit» и оказывают ей денежную поддержку[64]. Немецкие эмигранты в Бельгии, по сведениям Мадаи, «полностью стоят на позициях мостовской «Freiheit». Они провозгласили ее своим официальным органом и оказывают всяческое содействие для пересылки в Германию[65].

После нескольких месяцев существования «Freiheit» содержание газеты начало постепенно, но неуклонно меняться в сторону крайне левых взглядов. Немалую роль в этом процессе сыграли знакомство и сближение Моста с такими людьми, как И. Неве, В. Дав и А. Рейнсдорф. Идейный сторонник анархизма Неве стоял у истоков создания «Freiheit», организовывал доставку газеты через Бельгию в Германию и отвечал за сбор и распределение денежных средств. С Давом[66] Мост познакомился в 1879 г. в Париже, и вскоре он стал одним из немногих его друзей в Лондоне[67]. С Рейнсдорфом[68], с которым Мост был знаком ранее, он сблизился во время поездки в Швейцарию (Фрейбург) в мае 1880 г. Тесное общение с ними не могло не повлиять на идейную эволюцию Моста и, соответственно, газеты. В конце апреля 1879 г. появляется «Обращение к немецким социалистам», в котором ставилась под сомнение необходимость продолжать легальные методы борьбы, вести парламентскую деятельность («Давайте подумаем, может ли парламентаризм германского рейхстага принести какую-либо пользу социалистам, если последние не могут говорить то, что они хотят, и то, что является их обязанностью»), содержались призывы отказа от любого рода сотрудничества с другими партиями в решении каких бы то ни было вопросов («Каждый компромисс социалистов с другими партиями мы рассматриваем как безнадежное и вредное для нас дело») и предлагалось перейти исключительно на нелегальную работу: «...партии, которая не может больше открыто говорить и действовать, остается одно — путь тайной агитации»[69]. «Пропо-

ведуйте ненависть, злобную ненависть к богачам, помещикам и священникам, князьям и правительственным чиновникам, а также ненависть к парламентским и подобного рода болтунам...» — писал в своих воззваниях Мост [70]. Необходимость прекращения любой легальной деятельности и перехода к вооруженной борьбе Мост объяснял тем, что все «конституции и законы современного общества не могут быть инструментами освобождения рабочих, так как они созданы как раз против них» [71]. Исходя из этого правильного по своей сути утверждения, Мост приходит к выводу, не имеющему под собой какой-либо реальной основы и не учитывающему реальной обстановки в стране.

Борьба Моста против отдельных функционеров германской социал-демократии превращалась в борьбу с партией в целом. Так, в статье «Германская социал-демократия и ее пресса» партия подверглась резким нападкам редакции «Freiheit». Она обвинялась в том, что под ее руководством партийная печать «превратилась в суррогат», в «индифферентные органы» [72]. (Данная оценка уровня социал-демократической печати относится к последнему периоду ее существования до принятия закона против социалистов.) Мост и его сторонники стали противопоставлять себя партии, создавая угрозу ее раскола. Название одной из статей подобного рода говорит само за себя: «Новая» и «старая» партия», в которой ее автор пишет: «В то время, когда остатки старой партии барахтаются в болоте, развивается новая (тайная) партия, обладающая силой» [73]. Под «старой» партией Мост подразумевает СДПГ, а «новой» называет группирующихся под его руководством единомышленников. Содержание «Freiheit» наполнилось трескучими «революционными» фразами, создававшими иллюзии скорой революции. По мнению Моста, «в истории нового времени неоднократно складывались ситуации, когда власть можно было взять голыми руками. Но революционеры спали! И чтобы не повторить этой глупости, необходимо быть постоянно начеку» [74]. Указывалось даже время свершения грядущей революции: «Все предзнаменования указывают на то, что в следующем десятилетии для немецкого пролетариата наступит час избавления» [75]. Основной задачей в деятельности «Freiheit» на данном этапе является, выражаясь словами Моста, необходимость «взбудоражить умы немецких рабочих, подтолкнуть их к активным действиям» [76], то есть как можно скорее форсировать события и приступить к вооруженной борьбе.

В газете все чаще стали публиковаться статьи, призывающие к организации открытых столкновений с властями, приветствовавшие террористические акты Хеделя и Нобилинга, выступающие за подготовку восстания [77]. При этом Мост рекомендовал рабочим, рассчитывая, что его советы приведут к быстрому и полному успеху восстания: «Готовьтесь к решающей борьбе... Для этого мы

должны объединяться в сплоченные кружки и вооружаться. Мы рекомендуем рабочим не заговорщические игры, а действенную организацию, если она будет состоять из 10—20 проверенных и известных друг другу товарищей и обходиться без каких-либо членских списков, уставов и т. д., которые могут дать основания для преследований. Когда эти свободно образованные группы будут энергично распространять революционные идеи при помощи устной и печатной пропаганды, когда каждый, наконец, запасется хорошим оружием... когда 4 тысячи таким образом организованных и вооруженных социалистов соберутся в Берлине и такое же число в индустриальных городах, подготовят народное восстание и в критический момент поднимутся на борьбу, которую наверняка поддержат 100 тысяч народных борцов, тогда народное восстание будет непобедимо и сопротивление бесполезно» [78].

Пропаганда, которую развернул Мост на страницах «Freiheit», дискредитировала партию, пагубно влияла на умы немецких рабочих, приводила их на крайне левые позиции, что таило в себе опасность возникновения и роста анархических настроений, а в конечном счете уничтожения партии.

Маркс и Энгельс сразу осознали опасность политики Моста, ведущей к деморализации партии, к отрыву ее от масс. «Freiheit»,— пишет Энгельс,— трещит без умолку о революции огнем и мечом... При этом истории в рейхстаге страшно преувеличиваются и используются как предлог для того, чтобы взорвать партию и создать новую» [79]. Маркс и Энгельс решительно отмежевались от Моста и его единомышленников и опровергли слухи, распространяемые самим Мостом, будто бы его группа пользуется их поддержкой. «Если при этом, как мы слышали, Мост распространяет слухи о том, будто бы мы поддерживаем его,— пишет Энгельс,— то он лжет. Он больше у нас не показывался с тех пор, как начал играть эту роль» [80]. В многочисленных письмах к деятелям международного рабочего движения Маркс и Энгельс высказали резко негативное отношение к занятой Мостом позиции. Характеризуя содержание «Freiheit» в этот период, Маркс отмечает, что в ней нет ничего революционного, а только одни революционные фразы [81]. Позднее, после смерти Маркса, Энгельс вспоминает: «Мы... перестали подписываться на его газету, потому что в ней «решительно вовсе уж ничего» не было» [82].

Чтобы выработать единую тактику и стратегию партии для борьбы против бисмарковского режима, решить назревшие организационные вопросы, необходимо было создать собственный заграничный орган печати, вокруг которого сплотилась бы германская социал-демократия и который стал бы противовесом «Freiheit».

Критика Маркса и Энгельса помогла Бебелю, Либкнехту и другим партийным лидерам более трезво оценить сложившуюся обстановку, преодолеть колебания и найти правильную линию в деятельности партии. С конца сентября 1879 г. в Швейцарии начал выходить новый печатный орган партии газета «Sozialdemokrat», которая повела активное наступление на мостовскую «Freiheit». Ни одно выступление или заявление Моста в газете не оставались без внимания «Sozialdemokrat», который вскрывал ошибочность позиции Моста и его сторонников, чреватой для партии самыми серьезными последствиями. Особенно энергично эта борьба развернулась в первой половине 1880 г.[83] 27 июня 1880 г. «Sozialdemokrat» сообщил читателям о поездке Моста по Швейцарии, его выступлении в Цюрихе и резко отрицательном отношении к нему собравшихся, которые говорили такие нелицеприятные для него вещи и в такой убедительной форме, что «он был полностью ошеломлен и, несмотря на свои известные ораторские способности, не смог сказать ни слова в оправдание»[84].

В этом же номере газеты был приведен ответ на заявление Моста по поводу сбора партией денежных средств в помощь пострадавшим от бисмарковского закона социал-демократам и членам их семей. Во «Freiheit» было написано[85], что эти сборы являются надувательством и что попрошайничество под этим предлогом весьма доходное дело, так как нет никаких отчетов[86]. «Это высказывание,— пишет «Sozialdemokrat»,— можно расценить не иначе как циничную подлость и венец всех предыдущих низостей... Сам г-н Мост во «Freiheit» не собрал до сих пор ни одного пфеннига для жертв закона против социалистов. Он признает лишь сборы на свои особые цели, которым служит «Freiheit». Но этого недостаточно, и он пытается бросить тень на прилагаемые партией усилия по сбору денежных средств»[87], тем самым сорвать это благородное мероприятие, а в конечном счете приостановить растущее влияние СДПГ.

Маркс и Энгельс поддержали политику руководства социал-демократии в отношении «Freiheit». На состоявшемся в Видене (Швейцария) в августе 1880 г. партийном съезде Мост за свою антипартийную деятельность подавляющим большинством голосов был исключен из рядов партии. «Sozialdemokrat» был объявлен единственным официальным партийным органом. В сообщении, сделанном Бебелем на съезде, было отмечено, что газеты, издаваемые и редактируемые некоторыми членами партии, не могут соответствовать духу партии и должны считаться чисто частным предприятием[88].

Итоги Виденского съезда, прошедшего под знаком борьбы против левацких отклонений в партии, в частности против деятельности Моста, с удовлетворением были встречены Марксом и Энгельсом. Мост, пытавшийся сделать «Freiheit» центральным печат-

ным органом партии, после появления в свет «Sozialdemokrat» и решений Виденского съезда продолжал тем не менее издание своей газеты. Ее подзаголовок, звучавший до № 34 за 1880 г. как «Социал-демократический орган», был заменен с 28 августа 1880 г. на «Орган немецких социал-революционеров», а с № 41 за 1882 г. «Freiheit» стала выходить с подзаголовком «Орган революционных социалистов».

Активная борьба против «Freiheit» — проводника идей и рупора Моста и его единомышленников — развернулась также и в самом Просветительном обществе немецких рабочих в Лондоне, по поручению и с помощью которого Мост начал издание «Freiheit». Мост в мемуарах, посвященных истории газеты, пишет, что требования покончить с «Freiheit» раздавались в обществе от собрания к собранию все чаще и настойчивее [89]. В марте 1880 г. 87 социал-демократов, членов Просветительного общества во главе с Г. Раковым опубликовали в виде листовки протест против политики, проводимой редакцией «Freiheit», в частности:

«1. Против бесполезного и вредного для партии провоцирования вооруженной борьбы для достижения наших целей.

2. Против настойчивого прославления террористов и террористических актов.

3. Против систематической клеветы и очернения как социал-демократических вождей, так и партии в целом» [90].

Раков и ряд членов Просветительного общества требовали, чтобы «Freiheit» или снова встала на социал-демократические позиции, или прекратила свое существование. Но поскольку большинство в Просветительном обществе находилось еще под влиянием Моста, они вышли из его состава и образовали собственный союз, который стал центром германских социал-демократов в Лондоне. «Sozialdemokrat» они объявили своим печатным органом.

Переход «Freiheit» на крайне левые позиции вызвал возмущение не только среди социал-демократов Германии, но и социалистов других стран. Например, австрийский наборщик И. Шварцингер, выступая в мае 1880 г. в Цюрихе (за три месяца до Виденского съезда) на собрании 250 социалистов из Германии, Франции, Польши и России, резко критиковал взгляды Моста. Шварцингер высказался за принятие резолюции, гласившей, что «Freiheit» «должна немедленно прекратить свои нападки на германскую социал-демократию, в противном случае ее сторонники будут считаться выбывшими из партии» [91]. Это предложение было поддержано всеми участниками собрания.

Борьба против проводимой «Freiheit» политики не могла не сказаться на ее распространении в Германии и ее влиянии на немецких рабочих и ремесленников, кому, по мысли Моста, в основном и предназначалась эта газета. О численности приверженцев Мос-

та и подписчиков его газеты в этот период можно судить по полицейским и судебным документам, а также по письмам его доверенных лиц, находившихся в Германии. Так, в мае 1881 г. в Лейпциге состоялся процесс против 15 человек, в основном ремесленников. Они обвинялись в распространении запрещенной литературы и деятельности по образованию групп, которые после ожидавшегося вскоре начала революции должны были составить ядро революционной армии. Изъятая литература состояла из номеров «Freiheit» и брошюры Моста «Taktik contra «Freiheit» [92]. Как выяснилось в ходе процесса, на скамье подсудимых оказались чуть ли не все сторонники Моста в Лейпциге. Соратник Моста К. Шнайдт сообщает в своем письме из Франкфурта сведения о таком же незначительном количестве оставшихся единомышленников Моста: «Во Франкфурте 16 абонентов» [93].

Итак, с идейно-политической точки зрения историю существования и деятельности «Freiheit» на данном этапе можно разделить как бы на два периода. Первый — соблюдение «Freiheit» в своей деятельности программных принципов СДПГ. Мост писал «Freiheit» в этот период, по словам Меринга, «теми же чернилами, которыми раньше писались «Volksstaat» и «Vorwärts» [94]— легальные газеты социал-демократической партии до издания закона о социалистах. «Freiheit» непрерывно настаивала на революционной тактике в том смысле, в каком велась агитация до бисмарковских репрессий. Характерной чертой второго периода стал переход Моста и его сторонников на крайне левые позиции. Провести четкую грань между этими двумя периодами сложно, так как переход от одного к другому произошел не сразу. Первым симптомом стало «Обращение к немецким социалистам», появившееся во «Freiheit» 26 апреля 1879 г., но в общем и целом газета еще оставалась на позициях, не противоречивших интересам партии. Лишь с течением времени, особенно с конца 1879 — начала 1880 г. становится все более заметным то, что материалы «Freiheit» приобретают весьма резкую критическую направленность по отношению к социал-демократическим лидерам и к партии в целом, создают угрозу ее раскола. Они начинают изобиловать призывами к отказу от легальных методов борьбы и, наконец, к организации тайных союзов с целью подготовки вооруженного восстания.

Если попытаться выявить основные причины, которые привели к организации и усилению левацких элементов в СДПГ, вставших на близкие к анархизму позиции и пытавшихся противопоставить себя партийному руководству, то, исходя из анализа имеющегося материала, можно сделать два вывода:

1) Этими причинами стали меры, направленные бисмарковским режимом на подавление рабочего движения в стране и ослабление его авангарда — социал-демократической партии;

2) К этому вели шатания, отсутствие единства в партийном руководстве, в выработке тактики и стратегии борьбы с законом против социалистов, рост оппортунистических настроений.

Питательной средой для появления этого революционаризма стали неустойчивость проникших в партию мелкобуржуазных элементов, влияние непролетарской идеологии. Не случайно многие выразители левацких настроений, в первую очередь Мост, оказались сторонниками Дюринга.

В. И. Ленин характеризовал мелкобуржуазную революционность как революционность, «которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует, которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы» [95]. Кроме того, необходимо отметить, что на эволюцию взглядов Моста и соответственно «Freiheit» оказали влияние такие известные сторонники анархизма, как Дав, Рейнсдорф, Неве. Влияние это было, по всей видимости, довольно значительным. Не случайно Ф. Энгельс писал в 1883 г., что «к его [Моста] анархизму и к его анархистской тактике мы относились с таким же презрением, как и к *людям, у которых он тому и другому научился*» [96] (курсив наш.— *С. П.*).

Наиболее выдержанное и стойкое крыло германской социал-демократии во главе с Бебелем и Либкнехтом при деятельной помощи Маркса и Энгельса сумело с честью выйти из трудного положения, сложившегося в первые месяцы после введения бисмарковского закона. Попытка группы Моста доказать несостоятельность партийного руководства продолжать борьбу в условиях действия закона против социалистов и противопоставить политике «смирения и пассивности» свои авантюристические методы борьбы потерпела крах. Мост и его газета «Freiheit» сошли с политической арены и перестали оказывать какое-либо влияние на социал-демократию и рабочий класс Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Мост* Иоханн (1846—1906). Родился в Аугсбурге, по профессии переплетчик. В 60-е гг. примкнул к социалистическому движению. Состоял членом Просветительного общества рабочих в Швейцарии. С 1868 по 1870 г. принимал активное участие в австрийском рабочем движении. Как один из инициаторов рабочей демонстрации в Вене был в декабре 1869 г. арестован и приговорен к тюремному заключению. После выхода из тюрьмы в 1871 г. по амнистии активно занимался агитацией и пропагандой социалистических идей в Австрии и Германии. Был редактором газет «Chemnitzer Freie Presse», «Süddeutsche Volkszeitung», «Berliner Freie Presse». Депутат рейхстага с 1874 по 1878 г. В 1873 г. Мост опубликовал популярное изложение «Капитала» Маркса под названием «Kapital und Arbeit», которое содержало серьезные ошибки и неточности. (Второе издание работы вышло в свет в 1876 г. с многочисленными изменениями и поправками Маркса.) Существенное влияние на развитие мировоззрения Моста в эти годы оказали взгляды мелкобуржуазного

вульгарного философа и экономиста Е. Дюринга. После вступления в силу закона против социалистов Мост в 1878 г. эмигрировал в Англию. С 1882 г. жил в США.

[2] *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. М., 1923. Т. 1—4; *Бебель А.* Из моей жизни. М., 1963.

[3] Übersichten der Berliner politischen Polizei über die allgemeine Lage der sozialistischen und anarchistischen Bewegung 1878—1913 // Dokumente aus geheimen Archiven. Bearb. von D. Fricke und R. Knaack. Weimar, 1983. Bd. I.

[4] *Rocker R.* Johann Most. Das Leben eines Rebellen. Berlin, 1925; *Most J.* Ein Sozialist in Deutschland. Hrsg. von D. Kühn. München, 1974. См. также: *Schneidt K.* Die Hintermänner der Sozialdemokratie. Berlin, 1890.

[5] Geschichte der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. Berlin, 1988. Bd. I; *Hellfaier K.* Die deutsche Sozialdemokratie während des Sozialistengesetzes 1878—1890. Berlin, 1958; Das Sozialistengesetz 1878—1890. Berlin, 1980; Internationale Stellung und internationale Beziehungen der deutschen Sozialdemokratie 1871—1895/96. Berlin, 1982.

[6] Geschichte der Sozialistischen Einheitspartei... S. 342.

[7] Ibid. S. 354.

[8] *Hellfaier K.* Op. cit.

[9] Das Sozialistengesetz... S. 59.

[10] *Ауэр* Игнатц (1846—1907) — шорник, один из руководителей германской социал-демократической партии, с середины 90-х гг.— один из лидеров реформизма.

[11] *Фриче* Фридрих (1825—1905) — рабочий табачной фабрики, журналист, один из основателей Всеобщего германского рабочего союза, член Международного Товарищества Рабочих. В 1881 г. эмигрировал в США.

[12] Geschichte der Sozialistischen Einheitspartei... S. 359.

[13] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des deutschen Reichstags. Berlin, 1879. 4/II. Bd. I. S. 443.

[14] *Хёхберг* Карл (1853—1885) — немецкий социал-реформист, сын богатого купца; в 1876 г. примкнул к социал-демократической партии, основал и финансировал ряд газет и журналов реформистского направления.

[15] *Бернштейн* Эдуард (1850—1932) — немецкий социал-демократ, публицист, редактор газеты «Sozialdemokrat» (1881—1890); во второй половине 90-х гг. выступил с открытой ревизией марксизма с реформистских позиций; один из лидеров оппортунистического крыла германской социал-демократии и II Интернационала.

[16] *Шрамм* Карл Август — немецкий социал-демократ, реформист; выступал с критикой марксизма; в 80-х гг. вышел из партии.

[17] Rückblicke auf die sozialistische Bewegung in Deutschland // Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1879. H. 1.

[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 172.

[19] *Гирш* Карл (1841—1900) — журналист, один из основателей СДПГ, член Международного Товарищества Рабочих, после 1872 г. парижский корреспондент немецкой социал-демократической прессы, в 1878—1879 гг. издатель и редактор «Laterne».

[20] «Laterne» — еженедельная газета, выходившая с 15 декабря 1878 по 29 июня 1879 г. в Брюсселе. Газета последовательно отстаивала позиции революционной части рабочего класса по актуальным вопросам классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, решительно отмежевывалась от путчистской, леворадикальной тактики, которая пропагандировалась «Freiheit», а также выступала с острой критикой оппортунистического поведения некоторых социал-демократических депутатов в рейхстаге, например Макса Кайзера.

[21] *Гофман* Вильгельм — немецкий рабочий, эмигрировавший в Лондон.

[22] *Неве* Иоханн (1846—1896) — столяр, один из лидеров анархистского движения. Был организатором доставки «Freiheit» через Бельгию в Германию.

[23] *Эрхардт* Франц Йозеф (1853—1908) — обойщик, с 1878 по 1879 г.— секретарь Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне, сторонник Моста.

Впоследствии известный баварский социал-демократ, член рейхстага в 1898—1908 гг. (Сведениями об остальных членах редакции автор не располагает.)

[24] Freiheit. 1879. 4. I.

[25] В мае 1875 г. в Готе состоялся объединительный съезд двух немецких рабочих партий — эйзенахцев и лассальянцев, на котором были подведены итоги обсуждения проекта программы объединенной социал-демократической рабочей партии Германии. Проект, несмотря на резкую критику со стороны Маркса и Энгельса, был принят на съезде и в дальнейшем стал известен под названием Готской программы.

[26] Freiheit. 1879. 11.I.

[27] Freiheit. 1879. 10.I, 18.I, 22.I, 8.II, 15.II, 1.III, 8.III, 22.III. См. работу Маркса «Критика Готской программы» и письмо Ф. Энгельса А. Бебелю от 18—28 марта 1875 г.// *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 1—32.

[28] Freiheit. 1879. 8.II.

[29] Ibid. 21.VI.

[30] Ibid. 25.I.

[31] Der Staatsanwalt am 28. Februar 1879 an Staats-und Justiz-Minister Dr. Leanhardt// ZStA Merseburg, Acta des Justiz-Ministeriums, Lit. Z, Nr. 156, 1879.

[32] Dokumente aus geheimen Archiven... S. 24.

[33] *Кауфман* Фридрих — немецкий анархист, за распространение «Freiheit» был приговорен в Ганновере к 4 годам тюремного заключения.

[34] *Мильке* Фридрих Роберт (1844—?) — наборщик, известный берлинский социал-демократ, после высылки из Берлина в декабре 1879 г. эмигрировал в Лондон, где стал членом Просветительного общества немецких рабочих. Занимал ультралевые позиции.

[35] *Ульрих* Карл (1853—1933) — слесарь, известный гессенский социал-демократ; в 1875—1878 гг.— редактор газеты «Neue Offenbacher Tages-Zeitung»; в 1878—1890 гг.— эмигрант в Лондоне; в 1919—1928 гг. гессенский министр-президент; член рейхстага в 1890—1903, 1907—1918, 1919—1930 гг.

[36] После выхода в свет первых номеров «Freiheit» Мост обратился к Марксу и Энгельсу с просьбой оказать редакции газеты материальную и литературную помощь. См.: *Most J.* Op. cit. S. 142.

[37] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 325.

[38] *Бебель А.* Цит. соч. С. 627.

[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 285, 286.

[40] Там же. С. 324.

[41] Там же.

[42] Freiheit. 1879. 26.IV.

[43] Ibid. 17.V.

[44] Необходимо заметить, что призывы к единению и сплочению партийных рядов иногда соседствовали с материалами прямо противоположными по своему смыслу. Резко критикуя оппортунистов, Мост в то же время старался выдвинуться на передний план и противопоставить себя и своих сторонников руководству партии в целом.

[45] Freiheit. 1879. 13.IX.

[46] Ibid. 24.V.

[47] В 1793 г. во Франции в результате народного восстания была установлена революционно-демократическая якобинская диктатура, явившаяся высшим этапом французской революции.

В 1832 г. в Англии был принят закон о парламентской реформе. В результате его введения было уничтожено 56 «гнилых местечек» и для 30 других уменьшено число депутатов с двух до одного. Освободившиеся места были распределены между рядом городов и деревенских округов. Как в городах, так и в сельских местностях был унифицирован избирательный ценз.

[48] Freiheit. 1879. 6.IX.

[49] Ibid. 24.V.

[50] *Кайзер* Макс (1853—1888) — немецкий социал-демократ, журналист, член рейхстага (1878—1884), принадлежал к правому крылу социал-демократической фракции.

[51] Freiheit. 1879. 24.V.

[52] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 294.

[53] Там же. С. 325.

[54] *Меринг Ф.* Цит. соч. Т. 4. С. 172.

[55] Stenographische Berichte... S. 443.

[56] *Schneidt K.* Op. cit. S. 23.

[57] Freiheit. 1879. 6.XII.

[58] Dokumente aus geheimen Archiven... S. 24.

[59] Ibid. S. 37—38.

[60] *Most J.* Op. cit. S. 133.

[61] «Sozialdemokrat» выходил с 28 сентября 1879 (пробный номер) до 22 сентября 1888 г. в Цюрихе и с 1 октября 1888 до 27 сентября 1890 г. в Лондоне. До 1880 г. редактором газеты был Г. фон Фольмар, а с января 1881 г.— Э. Бернштейн.

[62] Об этом см.: Internationale Stellung und internationale Beziehungen der deutschen Sozialdemokratie... S. 93.

[63] Dokumente aus geheimen Archiven... S. 60.

[64] Ibid. S. 42.

[65] Ibid. S. 43.

[66] *Дав* Виктор (1845—1922) — голландский анархист, по профессии журналист; один из руководителей тайного Альянса, член Бельгийского федерального совета Интернационала, делегат Гаагского конгресса (1872), принадлежал к анархистскому меньшинству конгресса; участник революционных событий в Испании в 1873 г.; был тесно связан с М. Бакуниным.

[67] *Most J.* Op. cit. S. 134.

[68] *Рейнсдорф* Август (1849—1885) — наборщик, лидер анархизма в Германии, в 1880 г. планировал во время своего пребывания в Берлине насильственные акции против рейхстага, в 1885 г. был казнен.

[69] Freiheit. 1879. 26.IV.

[70] Ibid. 1880. 24.I.

[71] Ibid. 31.VII.

[72] Ibid. 1879. 6.XII.

[73] Ibid. 28.VI.

[74] Ibid. 4.X.

[75] Ibid. 6.XII.

[76] Ibid. 4.X.

[77] Ibid. 1880. 17.VII, 2., 9.X.

[78] Ibid. 31.VII.

[79] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 299.

[80] Там же.

[81] Там же. С. 325.

[82] Там же. Т. 19. С. 360.

[83] См.: Sozialdemokrat. 1880. 23.V, 30.V, 27.VI, 4.VII, 25.VII, 8.VIII, 22.VIII.

[84] Ibid. 27.VI.

[85] Freiheit. 1880. 21.VI.

[86] Необходимо отметить, что последний отчет о собранной сумме денег был опубликован в предыдущем номере «Sozialdemokrat» (1880. 20. VI), т. е. примерно в тот же день, когда шла верстка «Freiheit» с «обличающим» и «разоблачающим» заявлением Моста. В этом отчете подробно расписано, сколько, какими организациями и в результате каких мероприятий собрано денег, приведена итоговая цифра — 15 579 марок 50 пфеннигов.

[87] Sozialdemokrat. 1880. 27.VI.

[88] Die Kongresse der sozialistischen Arbeiterpartei Deutschland unter dem Sozialistengesetz. Leipzig, 1980. Teil 2. S. 14.

[89] Мемуары Моста были опубликованы во «Freiheit» с 20 июня по 3 октября 1896 г.

[90] ЦПА ИМЛ. Ф. 458. III. 5099. Листовка: Protest von Mitgliedern des Kommunistischen Arbeiter-Bildungs-Vereines in London.

[91] Internationale Stellung und internationale Beziehungen... S. 93.

[92] *Most J.* Op. cit. S. 136.

[93] Ibid. S. 137.

[94] *Меринг Ф.* Цит. соч. С. 139.

[95] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 14.

[96] Ф. Ван-Паттен, секретарь Центрального рабочего союза в Нью-Йорке, обратился 2 апреля 1883 г. к Энгельсу с просьбой осветить отношения Маркса и Энгельса к Мосту. Энгельс написал ответ, который он приводит в статье «К смерти Карла Маркса». См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 360.

Г. И. Кострюкова

УЧАСТИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА И ЕГО СОРАТНИКОВ В СОЗДАНИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ В АНГЛИИ В НАЧАЛЕ 90-х гг. XIX ВЕКА

Тема данной статьи непосредственно связана с исследованием одной из важнейших проблем истории марксизма, рабочего и социалистического движения XIX в.— становлением пролетарских партий в отдельных странах и изучением роли в этом процессе К. Маркса, Ф. Энгельса и их соратников. Решение данной проблемы в той или иной стране зависело от конкретно-исторических условий данного государства, характера и уровня развития рабочего и социалистического движения. Эти особенности определяли и подход Маркса и Энгельса к формам и методам борьбы за сплочение революционных сил, пропаганду идей научного социализма, подготовку предпосылок для создания самостоятельной пролетарской партии.

Британское рабочее движение в силу объективных причин — специфических черт экономического и политического развития Великобритании, позднее по сравнению со многими европейскими странами, лишь к 1893 г., подошло к созданию своей политической партии.

В 1893 г. в Англии была создана Независимая рабочая партия, появление которой стало важной вехой в развитии британского рабочего движения. История ее возникновения в общем исследована советскими и зарубежными историками, но как правило вне их внимания оставалось участие в этом процессе Энгельса и группы социалистов, объединенных в Блумсберийское социалистическое общество.

Организация рабочей партии была результатом качественных сдвигов в пролетарском движении Великобритании, которые происходили в конце 80 и особенно в начале 90-х гг. В ее создании участвовали и представители «новых тред-юнионов», объединявших тысячи малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих, различные социалистические группы и общества, появившиеся

в предыдущем десятилетии, местные рабочие партии и группа социалистов, руководимая Энгельсом.

Начало 90-х гг. было временем самого непосредственного участия Энгельса в рабочем и социалистическом движении Англии, и его деятельность в 1890—1893 гг. можно проследить буквально день за днем. Эта страница биографии Энгельса не отражена в должной степени в исторической литературе в нашей стране и за ее пределами [1].

* * *

Как отмечалось, ведущей силой массового рабочего движения конца 80 — начала 90-х гг. являлись «новые тред-юнионы». В письмах и работах Энгельса этих лет дана обстоятельная характеристика новых союзов, их молодых лидеров. Энгельс рассматривал их выступления как качественный скачок в развитии британского рабочего движения последних десятилетий. По мнению Энгельса, развернувшееся широкое стачечное движение с главным требованием введения 8-часового рабочего дня, а также социалистические, хотя и не осознанные, устремления многих руководителей «новых тред-юнионов», создавали благоприятные условия для политического объединения рабочих и пропаганды социалистических идей [2].

В «новых тред-юнионах» вели пропаганду молодые британские марксисты, группировавшиеся вокруг Энгельса — Эл. Маркс-Эвелинг, Эд. Эвелинг, Б. Бакс, Дж. Макдональд и др. [3] Центральным пунктом их деятельности стало выдвинутое самими рабочими требование введения 8-часового рабочего дня. В условиях подъема массового рабочего движения пропаганда законодательного введения 8-часового рабочего дня должна была способствовать объединению сотен тысяч членов «новых тред-юнионов» и выведению их на путь самостоятельного политического движения, на путь создания массовой рабочей партии.

Это требование выдвигали во второй половине 80-х гг. различные социалистические и рабочие организации. Оно вошло в программу образованной в 1888 г. Шотландской рабочей партии. Ее основатель К. Гарди писал в марте 1889 г. Энгельсу: «Агитация за 8-часовой рабочий день мистера Грехема за шесть месяцев привела здесь к бóльшему успеху, чем СДФ могла бы достичь за шесть или даже шестьдесят лет» [4].

Борьбе за сокращение рабочего дня, имевшей в английском рабочем движении весьма глубокие и прочные корни, Маркс и Энгельс придавали особое значение, считая ее той формой экономической борьбы, которая должна перерасти в борьбу политическую. «...Всякое движение,— отмечал Маркс,— в котором рабо-

чий класс противостоит как *класс* господствующим классам и стремится победить их путем давления извне, есть политическое движение... Движение, имеющее целью заставить издать *закон* о восьмичасовом рабочем дне и т. д., есть *политическое* движение» [5].

С середины 80-х гг. требование законодательного введения 8-часового рабочего дня, которому британские социалисты придавали особое значение, рассматривая борьбу за этот билль как средство «раскачки» политически инертных масс, приобщения их к политическим выступлениям, стало все более привлекать рабочих. Это требование пропагандировалось в радикальных рабочих клубах, на митингах и в прессе. С целью проведения его в жизнь создавались рабочие объединения [6]. О росте его популярности свидетельствует и тот факт, что обсуждению этого требования стали уделять внимание на каждом своем конгрессе и старые тред-юнионы. Однако предлагаемое лидерами старых профессиональных союзов решение принципиально отличалось от пропагандируемого социалистами сокращения рабочего времени законодательным путем. По убеждению руководителей старых союзов, введение 8-часового рабочего дня должно было осуществляться на основе «свободного соглашения» рабочих с хозяевами, что мотивировалось правом каждого рабочего по своему желанию работать более 8 часов, чтобы получать сверхурочную оплату. Но фактически это вело к тому, что любой предприниматель, в любое время мог расторгнуть подобное соглашение, как это и произошло в 70-х гг., когда шахтеры добились установления через «свободный договор» 9-часового рабочего дня.

Огромным стимулом в борьбе за 8-часовой рабочий день явилась резолюция учредительного Парижского конгресса II Интернационала 1889 г., предполагающая повсеместное выступление 1 мая 1890 г. рабочих разных стран под этим лозунгом. Для английских рабочих это постановление имело особый смысл — оно должно было содействовать политическому сплочению их внутри страны и приобщению к международному рабочему и социалистическому движению, установлению интернациональных связей. Особая сложность подготовки майской демонстрации в Англии заключалась, однако, в том, что не существовало ни одной пролетарской организации, которая могла бы стать единым руководящим центром [7].

Инициатива по организации манифестации принадлежала Энгельсу и его сторонникам — членам Блумсберийского социалистического общества и одного из крупнейших «новых тред-юнионов» Союза рабочих газовых предприятий и чернорабочих. Они обратились к рабочим организациям с призывом прислать делегатов на конференцию, посвященную рассмотрению вопроса

о подготовке первомайской демонстрации [8]. На первой конференции 16 марта 1890 г. присутствовало 75 делегатов, на следующей, 6 апреля,— 94. Большинство их высказалось за первое воскресенье мая (т. е. 4 мая), как дату проведения демонстрации, для проведения организационной работы был избран Центральный комитет [9].

Важнейшей задачей комитета являлось разъяснение рабочим необходимости осуществления сокращения рабочего времени именно законодательным путем. Это требование постоянно пропагандировала газета «The People's Press» — орган «новых тред-юнионов», подробно информируя о работе Центрального комитета, о различных мероприятиях, связанных с борьбой за 8-часовой рабочий день. Работа комитета, как писала позднее Эл. Маркс-Эвелинг, осложнялась тем, что «крупнейшая социалистическая организация — Социал-демократическая федерация — была настроена враждебно по отношению к демонстрации» [10]. Большой вклад в подготовку демонстрации внесли Эл. Маркс-Эвелинг и Эвелинг, за что со страниц «The People's Press» им была высказана благодарность [11].

Письма Энгельса этих дней свидетельствуют о его непосредственном участии в подготовке демонстрации. Он поддерживал тесную связь с членами комитета, возлагая большие надежды на предстоящие события. 30 апреля 1890 г. Энгельс писал Ф. А. Зорге: «Я убежден, что *после 4 мая* движение здесь приобретет совершенно иной характер...» [12]

В апреле 1890 г. образовался еще один центр во главе с Лондонским советом тред-юнионов. «Что-то вынудило эту организацию, даже и против ее воли, приступить к действию...» — отметил впоследствии Эвелинг [13]. По-видимому, руководители старых союзов попытались взять подготовку в свои руки, с тем чтобы перенести центр тяжести с требования закона о 8-часовом рабочем дне на соглашения с предпринимателями на каждом отдельном предприятии. Им удалось увлечь за собой часть организаций, в том числе и некоторые «новые тред-юнионы».

Состоявшаяся 4 мая манифестация не была единой. Были приняты две различные резолюции. Однако даже буржуазная пресса признала, что бóльшая часть собравшихся в Гайд-парке поддерживала Центральный комитет [14]. Среди выступавших на его трибунах были многие лидеры «новых тред-юнионов», считавшие необходимым добиваться парламентского закона о 8-часовом рабочем дне [15].

На одной из трибун находились Энгельс, Эвелинг, Р. Б. Каннингем-Грехем, Б. Шоу и приглашенные иностранные гости — П. Лафарг, С. М. Степняк-Кравчинский. Эвелинг, открывая митинг, обратил внимание на различие требований Центрального

комитета и Совета тред-юнионов, отметив, что эта демонстрация организована в связи с решением международного конгресса в Париже, что достижение 8-часового рабочего дня явится лишь первым шагом к дальнейшим изменениям в положении рабочего класса. Поль Лафарг говорил об интернациональном сплочении рабочих разных стран с требованием введения 8-часового рабочего дня. Степняк в своей речи отметил большой интерес к демонстрации недавно включившихся в движение русских рабочих, их солидарность с имеющим большую историю борьбы английским пролетариатом, поддержку требования сокращения рабочего дня [16].

Успех демонстрации свидетельствовал о происходящих сдвигах в английском рабочем движении [17]. Социалист Каннингем-Грехем в своей статье о майской демонстрации писал: «Из этого митинга должно что-то вырасти — партия, которая будет продолжать поддерживать идею, устремления тружеников» [18].

23 мая 1890 г. «Arbeiter-Zeitung» (Вена) опубликовала статью Энгельса «4 мая в Лондоне» о первом, по оценке автора, международном действии борющегося английского рабочего класса. Энгельс подчеркнул, «что 4 мая 1890 г. *английский пролетариат*, проснувшись от сорокалетней зимней спячки, *снова включился в движение своего класса»* [19]. В истории подготовки демонстрации Энгельс выделил: организационную деятельность ЦК по подготовке выступления рабочих, принципиальное отличие постановки вопроса о сокращении рабочего времени до 8 часов «старыми тред-юнионами» от требования введения 8-часового рабочего дня в обязательном порядке парламентским актом; сектантскую позицию СДФ, выступившей вместе с Лондонским советом тред-юнионов, несмотря на то что требование о законодательном установлении 8-часового рабочего дня входило в ее программу [20].

Главным результатом, по убеждению Энгельса, являлись два момента: вступление английских рабочих в самостоятельное массовое политическое движение, а также их включение в интернациональное движение [21].

Энгельс приходит к выводу о том, что настало время перейти к непосредственной практической деятельности по подготовке организации пролетарской партии, ибо теперь сложились условия для создания опорного пункта для последующего объединения рабочих в самостоятельную политическую партию. Он полагал, что политическое объединение должно произойти на основе программы, отвечающей интересам самых широких слоев рабочего класса. Таким требованием в первую очередь безусловно являлось требование законодательного установления 8-часового рабочего дня. Именно этот лозунг мог стать платформой для сплочения и развития самостоятельного политического движения. «Для англи-

чан...— считал Энгельс,— это путь к социалистическому движению» [22].

Энгельс понимает, что его прежняя позиция, сформулированная в 1881 г. в статьях в «The Labour Standard» [23], уже не соответствует изменившейся действительности. Тогда он был убежден, что рабочая партия может формироваться на основе старых чартистских требований. Но избирательная реформа 1884 г. фактически уже подвела Англию к осуществлению этого пункта Народной хартии, как и ряда других ее положений. Эта платформа теперь не отвечала основным требованиям рабочего класса.

Энгельс понимал, что на пути организации самостоятельной рабочей партии стоят огромные трудности. Предстояло преодолеть традиционное представление рабочих о незыблемости двухпартийной системы в Англии, преодолеть многолетнее влияние буржуазной идеологии, реформистского мировоззрения. Серьезной помехой являлась также раздробленность социалистического движения, а также влияние Фабианского общества с его установкой на «пропитывание» правящих классов социалистическими идеями [24].

Учитывая реальную обстановку, специфику и традиции английского рабочего движения, Энгельс полагал, что в Англии (как и в некоторых других странах — например, в США) первоначальное объединение различных отрядов «в одну национальную рабочую армию» возможно «с временной программой, хотя бы и несовершенной, лишь бы только действительно программой рабочего класса...» [25].

Через несколько дней после демонстрации Энгельс изложил свой план А. Бебелю: «Теперь все дело в том,— писал он,— чтобы сохранить комитет, организовавший наш митинг... и сделать этот комитет ядром движения здесь. Этому будет положено начало сегодня же вечером» [26].

В тот же день, 9 мая, состоялось заседание Центрального комитета. Его председатель, Эвелинг, предложил не прекращать деятельность комитета «до того момента, пока не будет создана организация, представляющая собой передовую рабочую партию Великобритании, по меньшей мере в вопросе о законодательном установлении 8-часового рабочего дня» [27]. Избранной комиссии из 5 человек (в их числе Эвелинг и лидер одного из новых союзов У. Торн) поручили подготовить проект программы и устава для рассмотрения на следующем заседании комитета.

На другой день, 10 мая, Энгельс сообщил Лауре Лафарг: комитет «предложит всем другим профессиональным, политическим и социалистическим обществам выделить своих делегатов и, постепенно расширяясь, превратится в центральный орган борьбы не только за закон о 8-часовом рабочем дне, но и... за остальные парижские решения и так далее» [28].

Мысли Энгельса получили отражение в проекте программы создаваемой организации, опубликованном 31 мая в «The People's Press»[29]. В преамбуле излагались краткая история подготовки и проведения майской демонстрации, решения Парижского конгресса II Интернационала и его постановления в области рабочего законодательства. Подчеркивалось международное значение этих мероприятий; деятельность английских рабочих рассматривалась в русле общей борьбы пролетариата всех стран.

Характер создаваемой организации нашел отражение и в предлагаемом названии новой организации: Legal Eight Hours and International Labour League. Внесение в название идеи интернационализма выделяло ее из ряда других социалистических и рабочих организаций Англии[30].

Лига должна была объединить «все bonâ fide объединения рабочего класса, приглашаемые к вступлению, если они разделяют ее цели», говорилось в проекте программы. Согласно существовавшей в Англии традиции допускалось и коллективное и индивидуальное членство. Руководство должно было осуществляться центральным, местными и окружными комитетами.

Целью Лиги провозглашалась борьба «за достижение 8-часового рабочего дня и других законодательных мер, направленных на полное освобождение рабочих».

Проект программы Лиги включал следующие требования: 1) введение билля о 8-часовом рабочем дне, 2) проведение в жизнь резолюций Парижского конгресса, не нашедших еще отражения в английском законодательстве, 3) другие меры, ведущие к освобождению рабочего класса, «по согласованию время от времени с входящими в организацию членами», 4) образование рабочей партии, независимой от старых политических партий.

В целом программа формулировала те требования, которые выдвигались самими рабочими. Она указывала на ближайшие задачи и перспективу развития, давая возможность расширения, дополнения ее новыми и более далеко идущими требованиями. В то же время осторожность формулировок объяснялась стремлением не оттолкнуть тех, кто еще не был подготовлен к восприятию социалистических идей.

В более позднем варианте программы требование создания самостоятельной рабочей партии выдвигалось уже на первый план; были определены следующие требования:

Создание самостоятельной рабочей партии. Достижение при помощи просвещения, агитации и организации:

1) Билля о законодательном 8-часовом рабочем дне.

2) Запрещения труда детей, не достигших 14 лет; сокращения рабочего дня до 6 часов для подростков от 11 до 14 лет.

3) Непрерывного отдыха для всех рабочих не менее 36 часов в неделю.

4) Запрещения потогонной системы.

5) Обязательной регистрации и инспекции всех фабрик, включая те, которые используют наемный труд, оплачиваемыми государством инспекторами, половина которых выбирается рабочими.

6) Оплаты государством расходов по выборам членов парламента и всех муниципальных, местных и административных органов.

7) Других мер, ведущих к освобождению рабочего класса, по согласованию время от времени с членами организации.

Пункт 7, а также провозглашение целью Лиги создание самостоятельной рабочей партии отчетливо указывали на перспективу ее дальнейшей деятельности. Указанные в проекте средства осуществления программы «образование, агитация и организация» предполагали чтение лекций, распространение литературы по политическим и социальным вопросам, организацию митингов, выдвижение рабочих кандидатов на парламентских и муниципальных выборах и выборах в различные местные советы.

В конце мая программу «новой рабочей партии» одобрило Блумсберийское социалистическое общество, о чем сообщила «The People's Press» [31]. А 22 июня состоялось первое широкое обсуждение проекта на собрании представителей различных организаций, созванном Центральным комитетом [32].

Учредительная конференция Лиги состоялась 13 июля 1890 г., в годовщину Парижского международного конгресса 1889 г. «The People's Press» сообщала о ней под заголовком: «Пролетарии на конференции — Образование политической рабочей партии» [33]. 70 делегатов конференции представляли Либеральную и радикальную федерацию столицы, объединявшую радикальные клубы Херн Хилла, Милдмей, Чисвика, Вулвича и Ист-Фенсбери, либеральный клуб Фулхэма, лондонский Патриотический клуб и Шотландскую рабочую партию. Были представлены также «новые тред-юнионы»: тред-юнионы рабочих газовых предприятий и чернорабочих, железнодорожников, женщин, служащих, кузнецов, цементных рабочих, фотографов, Национальная федерация всех отраслей и профессий. После более чем 3-часового обсуждения делегаты одобрили и приняли проект программы и устава, название новой организации. Ее официальным органом стала «The People's Press». До выборов Центрального комитета руководство осуществлялось временным исполнительным комитетом, секретарями которого были избраны Эвелинг и рабочий-газовщик Мак Копли; в комитет также вошли Эл. Маркс-Эвелинг, У. Торн, Ш. Максуэлл, П. Курран и другие.

Создание Лиги, ее программа, ориентация на необходимость связи с международным социалистическим движением дают в из-

вестной мере представление о том, как мыслил Энгельс направление, в котором в данных условиях должна была вестись работа по созданию в Англии самостоятельной рабочей партии, опирающейся на массы рабочих.

Лига строилась на широкой основе, как массовая организация. Ее руководство, стремясь вовлечь в объединение новых членов, пропагандировало цели и задачи Лиги на собраниях рабочих организаций, призывая к вступлению в нее [34].

Для активной агитации и пропаганды Эл. Маркс-Эвелинг, Эвелинг использовали свою поездку в Ливерпуль на очередной конгресс тред-юнионов. «Мы здесь преимущественно для того, чтобы привлечь внимание к Лиге за законодательное установление 8-часового рабочего дня,— писала Эл. Маркс-Эвелинг К. Каутскому 1 сентября 1890 г.,— и потому, что должно состояться много очень важных встреч и должна быть проделана большая важная работа» [35]. В ливерпульских газетах от имени Лиги было опубликовано письмо, призывавшее рабочие организации к вступлению в нее, разъяснявшее ее цели и задачи, принципы деятельности. В результате встреч и бесед с делегатами «удалось получить многочисленные заверения о консультациях с организациями по поводу необходимости вступления в Лигу»,— сообщалось впоследствии на специальном заседании Исполнительного комитета Лиги [36].

Ливерпульский конгресс тред-юнионов 1890 г. был самым представительным из всех созывавшихся ранее: присутствовало 457 аккредитованных делегатов (в 1889 г. на конгрессе в Данди — 211 делегатов), представлявших почти полтора миллиона человек (в 1889 г.— 885 055) [37]. Участие в нем делегатов «новых тред-юнионов», в частности их известных лидеров — Дж. Бернса, Т. Манна, Б. Тиллета, У. Торна и других,— обусловило острый характер обсуждений, в первую очередь о законодательном введении 8-часового рабочего дня. Впервые в истории английского рабочего движения 193 голосами против 155 конгресс принял резолюцию, требующую законодательного введения 8-часового рабочего дня [38]. За нее голосовали и представители ряда старых союзов: плотников, каменщиков, механиков и др. [39] Наказ поддержать требование законодательного сокращения рабочего дня был дан делегатам Лондонского совета тред-юнионов [40].

Особое значение имели также решения о целесообразности участия тред-юнионов в деятельности международных рабочих объединений и о принятии приглашения на Брюссельский международный социалистический конгресс, что, по словам Эл. Маркс-Эвелинг, свидетельствовало о «немалом росте идеи интернационального характера рабочего движения со времени старого Интернационала» [41].

Была, таким образом, открыта новая страница развития британского профессионального движения, чему в решающей степени способствовало руководство «новых тред-юнионов», поддерживаемое социалистами из Блумсберийского общества.

В отчете о Ливерпульском конгрессе, опубликованном в журнале «Time», Эл. Маркс-Эвелинг писала об успехах «нового юнионизма», вдохнувшего в британское профессиональное движение новую жизнь. Результатом этого, полагала она, должно стать осознание английским рабочим классом необходимости «организации рабочей партии, отличающейся от всех старых политических партий и противостоящей им» [42].

Но и после конгресса Лиге пришлось сталкиваться в своей агитационной деятельности с большими трудностями. С одной стороны, против решения о законе о 8-часовом рабочем дне выступали многие лидеры старых союзов, объединяемые Лондонским советом тред-юнионов. В то же время письма рабочих, регулярно публиковавшиеся на страницах «The People's Press», показывали, что многие из них еще плохо понимают необходимость именно законодательного введения 8-часового рабочего дня. Представителям Лиги приходилось не раз встречаться с рабочими организациями [43]. Они неустанно разъясняли значение требования сокращения рабочего времени, вводимого государственным законом. Этой теме посвящались лекции и дискуссии, в том числе и на страницах «The People's Press» [44].

* * *

Лига борьбы за законодательное установление 8-часового рабочего дня и международную солидарность труда была, по существу, единственной в это время в Англии политической рабочей организацией, ставившей своей задачей установление контактов с социалистами других стран. Эту идею активно проводили в жизнь близкие к Энгельсу руководители Лиги. Вскоре после учредительной конференции Лиги «The People's Press» опубликовала приветственное письмо от имени временного комитета аналогичной организации, созданной во Франции [45]. Газета, редактором которой с августа 1890 г. стал один из основателей Шотландской рабочей партии Ш. Максуэлл, регулярно помещала информацию о событиях и проблемах международного рабочего и социалистического движения, печатала обзоры зарубежной рабочей прессы. В декабре 1890 — январе 1891 г. редакция «The People's Press» познакомила читателей с серией статей австрийского социалиста А. Шёя «Рабочее движение в Германии», в которых получила отражение деятельность Маркса и Энгельса.

С установлением связей и контактов с рабочим и социалистическим движением на континенте Лига, по мысли Энгельса и его

соратников, должна была послужить связующим звеном между набиравшим силу английским социалистическим движением и европейскими социалистическими партиями. Они считали необходимым направить «новый юнионизм» не только в русло политической борьбы за независимую рабочую партию, но и на путь интернационального сплочения, что способствовало бы проникновению в него боевого духа континентального движения.

Намечая тактическую линию своих сторонников в связи с подготовкой Брюссельского конгресса II Интернационала, Энгельс в сентябре 1890 г. в статье «Международный рабочий конгресс 1891 года» оптимистически писал о «новых тред-юнионах»: «Мы уже пустили среди них корни; достаточно будет контакта с французскими коллективистами и с немцами, чтобы решительно приблизить их к нам...» [46] В письме П. Лафаргу в это же время он подчеркивал: «Дело идет о решающей возможности — может быть последней, которая предоставится нам в ближайшие пять — десять лет,— образовать союз французов, немцев и англичан. Если мы ее упустим, то не удивляйтесь, когда здесь движение всецело пойдет по руслу Социал-демократической федерации и поссибилистов» [47].

Инициатива созыва нового международного конгресса сначала оказалась в руках реформистских лидеров бельгийской Рабочей партии [48]. Они послали соответствующее приглашение очередному конгрессу английских тред-юнионов в Ливерпуле. Возникшая ситуация могла привести к тому, что уже имело место в 1889 г.— к созыву двух параллельных конгрессов. Энгельс полагал, что в этом случае англичане поехали бы на конгресс, созываемый бельгийскими и французскими поссибилистами. Это грозило тем, что «энтузиазм новообращенных» был бы использован для отрыва их от революционного крыла международного социалистического движения [49]. В то же время Энгельс считал нецелесообразным после принятия приглашения англичанами созыв отдельного конгресса, тем более что обстановка, сложившаяся в международном рабочем движении, благоприятствовала революционному направлению. Своевременная оценка положения и перспектив, продуманная тактика и необходимые организационные меры решили благоприятный исход дела.

Руководство Лиги установило связи с европейскими социалистами. В октябре 1890 г. Эл. Маркс-Эвелинг представляла Лигу на съездах Французской рабочей партии в Лилле и немецкой социал-демократической рабочей партии в Галле, а Эвелинг — на конгрессе французских тред-юнионов в Кале. «The People's Press», сообщая о рассматривавшихся в Лилле, Галле и Кале вопросах и принятых там решениях, выделила как наиболее важные и имеющие международное значение резолюции о 8-часовом рабочем дне и прове-

дении майской демонстрации 1891 г.[50] В публикациях подчеркивалась социалистическая направленность французских съездов, их позитивное значение для развития рабочего движения в противовес съездам поссибилистов в Шательро и Париже. Эл. Маркс-Эвелинг в своем сообщении отметила интернациональное значение съезда немецких социал-демократов, которые «стоят во главе движения рабочего класса своего времени»[51].

Энгельс способствовал установлению личных контактов лидеров «новых тред-юнионов» с руководителями европейского социалистического движения. В ноябре 1890 г. у Эл. Маркс-Эвелинг, на Ченсери Лейн, встретились приехавшие на празднование 70-летия Энгельса руководители германской социал-демократии А. Бебель, В. Либкнехт, П. Зингер с представителями Союза рабочих газовых предприятий и чернорабочих, а также некоторых других союзов и организаций — Торном, Бернсом, редактором «The People's Press» Максуэллом и социалистом — членом парламента Каннингемом-Грехемом[52].

Здесь было решено закрепить интернациональные связи и для этого выделить в каждой стране секретаря по международным связям, что должно было содействовать установлению отношений солидарности между профессиональными и социалистическими организациями. Письма, сообщавшие об этом, были разосланы в страны Европы и США от имени Национального союза рабочих газовых предприятий и чернорабочих Великобритании и Ирландии. В марте 1891 г. в письме руководителю Американской федерации труда (АФТ) Самюэлю Гомперсу Эл. Маркс-Эвелинг и Торн писали, что на это предложение откликнулось 10 стран, и что в большинстве из них уже назначены секретари. Эту работу предполагалось «продолжить и расширить на международном конгрессе в Брюсселе в августе этого года»[53].

Энгельс и Эл. Маркс-Эвелинг обращали внимание и русских социалистов, находившихся в Лондоне, на события в английском рабочем движении. В 1892 г. на трибуне в Гайд-парке присутствовали С. М. Степняк-Кравчинский и Ф. Волховский, бежавший из ссылки и в 1890 г. перебравшийся в Лондон. В мае 1893 г. по просьбе Эл. Маркс-Эвелинг к английским рабочим с приветственным письмом обратились Г. В. Плеханов и В. И. Засулич, призывая их поддерживать движение за 8-часовой рабочий день и передавая поздравления от русских социал-демократов[54].

Руководство Лиги открыто заявило о своей солидарности с широко развернувшимся в Ирландии движением за гомруль. «Мы всем сердцем и безоговорочно за самоуправление Ирландии»,— отмечалось в одной из редакционных статей «The People's Press», озаглавленной «Достаточно ли гомруля? — Обращение к ирландцам»[55]. В ней звучал призыв к ирландским рабочим не только бо-

роться за национальную независимость, но и присоединиться к борьбе английского пролетариата и рабочего класса других стран против системы социального неравенства, социального и экономического угнетения. Особенно активно действовал в этом отношении Союз рабочих газовых предприятий и чернорабочих, отделения которого существовали в различных районах Ирландии. В декабре 1890 г. секретарь Лиги Дж. Копсей, принявший участие в дискуссии на страницах «The People's Press» о 8-часовом рабочем дне, отмечал, что в Ирландии насчитывается 40 отделений Союза газовых рабочих и что самыми крупными и успешными демонстрациями в Ирландии были выступления с требованием закона о 8-часовом рабочем дне [56].

Лига и после 1890 г. уделяла основное внимание организации ежегодных майских демонстраций. Они сыграли значительную роль в политическом сплочении рабочих, подготовив тем самым почву для создания их самостоятельной партии.

Организационный комитет Лиги не оставлял попытки устранения продолжавшихся разногласий с Лондонским советом тред-юнионов, существовавших, несмотря на решение Ливерпульского конгресса тред-юнионов 1890 г. о законодательном установлении 8-часового рабочего дня. В 1891 г. удалось добиться, в отличие от прошлой демонстрации, создания объединенного комитета из представителей Лиги и Лондонского совета тред-юнионов для подготовки демонстрации. (Первоначально в работе комитета принимали участие и представители СДФ, вышедшей затем из него и организовавшей 3 мая свой митинг [57].)

4 мая 1891 г., открывая митинг, Эвелинг начал с обзора развития борьбы за 8-часовой рабочий день. Он оценивал движение за законодательное сокращение рабочего времени как шаг к полному освобождению рабочего класса [58]. На этой же трибуне выступил и только что вернувшийся из поездки в Париж Каннингем-Грехем, который рассказал о больших успехах движения за 8-часовой рабочий день. «Ни одно движение за такой же промежуток времени,— заявил он,— не приобрело столь гигантского размаха, как это, и никогда в истории человечества не существовало движения, которое, как это, сплотило и объединило бы различные народы» [59].

Одну из самых больших аудиторий собрала трибуна Союза рабочих газовых предприятий и чернорабочих, где в заключение выступила Эл. Маркс-Эвелинг. Она обратила внимание на предстоящую большую трудную работу, которая должна привести к тому, чтобы в мае следующего года рабочие пришли бы не требовать, а праздновать завоевание 8-часового рабочего дня [60].

Самым главным, наряду с созданием объединенного комитета, назвал Энгельс в письме Л. Лафарг тот факт, что принятая участ-

никами демонстрации резолюция «прошла в той форме, в какой предложили ее наши люди» [61]. Эта резолюция, составленная Центральным комитетом в 1890 г., включала, подчеркнул Эвелинг, важнейшее слово «законодательный» [62]. Участники демонстрации 1891 г. единодушно высказались за парламентское решение об установлении 8-часового рабочего дня. «То, что Эвелинг сумел заставить сделать Шиптона (секретаря Лондонского совета тред-юнионов.— *Г. К.*), является большой победой, это вселяет надежду»,— писал Энгельсу П. Лафарг [63]. Помимо Лондона демонстрации прошли в Норвиче, Ньюкасле, Четеме, Ливерпуле, Дублине, Лидсе [64].

В выступлении на Брюссельском международном социалистическом конгрессе в августе 1891 г. Эл. Маркс-Эвелинг отмечала, что своим успехом это мероприятие во многом обязано Лиге борьбы за законодательное установление 8-часового рабочего дня [65].

Успешное проведение майской демонстрации 1891 г. еще более способствовало пропаганде международной пролетарской солидарности. В августе этого же года представители Лиги борьбы за 8-часовой рабочий день вошли в состоявшую из 23 человек английскую делегацию на Брюссельском конгрессе II Интернационала [66]. Для конгресса Эл. Маркс-Эвелинг подготовила от имени Союза рабочих газовых предприятий и чернорабочих, Лиги борьбы за законодательное установление 8-часового рабочего дня и международную солидарность труда, Блумсберийского социалистического общества и Рабочей лиги Баттерси уже упоминавшийся обширный доклад.

В нем большое внимание было уделено характеристике «нового юнионизма», движению за законодательное установление 8-часового рабочего дня и самой Лиге — ее целям, задачам, проведенной работе. Эл. Маркс-Эвелинг отметила, что Лига «за короткое время своего существования объединила около 30—40 рабочих организаций, помимо индивидуальных членов» [67].

Доклад Эл. Маркс-Эвелинг был отпечатан в виде брошюры, на второй странице которой публиковалась программа Лиги и условия членства, дополненные призывом ко всем сторонникам закона о 8-часовом рабочем дне вступать в организацию. В докладе особо подчеркивалось, что Лига признает интернационализм рабочего движения.

Доклад Эл. Маркс-Эвелинг анализировал новые тенденции в развитии английского рабочего движения с 1889 г. и намечал его дальнейшие перспективы как движения социалистического и интернационалистского. В заключение отмечалось, что успехи в развитии английского рабочего движения, хотя и не идут в сравнение с достижениями на континенте, все же «являются предвестниками создания рабочей партии, независимой от других политических партий».

С большой долей уверенности можно предположить, что план доклада и его основные положения обсуждались Эл. Маркс-Эвелинг с Энгельсом, что в нем содержались и его мысли, в первую очередь о необходимости создания самостоятельной рабочей партии.

Энгельс, оценивая итоги Брюссельского конгресса как тактическую победу марксистов, особое значение придавал его решению о необходимости и значении профессиональных организаций рабочих. Он считал, что это широко открывало «двери для английских тред-юнионов», свидетельствуя о правильно понятой обстановке [68].

«...Формулировки, связавшие тред-юнионы с классовой борьбой и уничтожением наемного труда,— писал он П. Лафаргу,— показывают, что с нашей стороны уступки сделано не было» [69]. Точка зрения Энгельса, оценка брюссельских решений по данному вопросу еще раз подчеркивают характер его тактической линии: добиваться создания в Англии подлинно рабочей партии, стоящей на позициях интернационализма и имеющей прочные корни в массовом тред-юнионистском движении.

В 1892 г. первомайские манифестации достигли еще большего размаха по сравнению с предыдущими. «Times» отмечала, что в Гайд-парке собралось едва ли не самое большое вообще число людей [70].

Организационный комитет Лиги вновь обратился с предложением о сотрудничестве к Лондонскому совету тред-юнионов, но встретил на этот раз отказ. Совет в качестве предлога обвинил Лигу в неуплате ее доли расходов [71] и заявил о намерении действовать самостоятельно. Это была очередная попытка изолировать Лигу, взять руководство движением в свои руки. Поэтому Энгельс и его соратники обратили внимание на новый подход лидеров тред-юнионов к проблеме сокращения рабочего дня [72].

Незадолго до демонстрации стало известно, что совершенно в ином ключе может прозвучать и идея ее международного характера. «The Daily Chronicle» 11 апреля и «The Workman's Times» опубликовали письмо члена СДФ А. Смита секретарю Лондонского совета тред-юнионов Дж. Шиптону о переговорах с лидерами французских поссибилистов о приглашении их представителей на майскую демонстрацию в Лондон. Это шло вразрез с политикой Лиги борьбы за законодательное установление 8-часового рабочего дня и теми отношениями международной солидарности рабочих, пропаганду которых она вела. Эл. Маркс-Эвелинг, предварительно обсудив этот вопрос с Энгельсом, писала Полю и Лауре Лафарг, насколько важно в данной ситуации показать с их помощью передовым английским рабочим, не доверяющим Лондонскому совету, что, помимо сотрудничающих с ним поссибилистов, во Франции существует другая, «единственно сто́ящая» Французская рабочая партия и насколько важно установление дружеских отношений

именно с ней [73]. По совету Энгельса, руководство Лиги обратилось к П. Лафаргу с настоятельной просьбой прислать представителя на майский митинг, а также немедленно ответить на публикацию в английских газетах [74].

«Не давайте поссибилистам опередить вас в качестве представителей Франции,— писал Энгельс Л. Лафарг.— Но пусть это будет сделано *официально*» [75]. Эл. Маркс-Эвелинг считала, что «противопоставление французских поссибилистов английским марксистам» было хитрой уловкой лидера СДФ Гайндмана, использовавшего неведение англичан в области рабочего движения за рубежом [76].

Все же совет тред-юнионов в конце концов согласился на сотрудничество с организационным комитетом Лиги. Единство удалось сохранить. «То, что, как предполагали, должно было обернуться нашим поражением здесь, закончилось настоящим триумфом»,— сообщал Энгельс по поводу состоявшейся 1 мая 1892 г. демонстрации [77]. Трибуны комитета Лиги привлекли большую аудиторию, это подтверждали и сообщения прессы [78] и напечатанная в «Daily Graphic» гравюра с изображением трибуны № 14, на которой под председательством Эвелинга, открывшего митинг приветствиями из разных стран Европы, собрались гости, представлявшие Россию, Польшу, Францию, Германию, Австрию, Испанию.

Демонстрация явилась еще одним свидетельством роста политической направленности английского рабочего движения [79].

* * *

Результаты движения за введение законодательным путем 8-часового рабочего дня, подводившие рабочих к пониманию необходимости независимого политического действия, явственно сказались во время парламентских выборов 1892 г., когда впервые в английский парламент были избраны рабочие, выдвинувшие свою собственную программу, отличающуюся от программ буржуазных партий. Самостоятельное политическое выступление рабочих в период выборов значительно ускорило процесс образования их партии.

По мере приближения избирательной кампании обсуждение требования 8-часового рабочего дня занимало все большее место на страницах прессы, в повестке дня различных встреч, собраний и митингов. Этот вопрос стал самым животрепещущим для парламентских кандидатов. В ходе предвыборной кампании именно отношение к этому требованию в значительной мере предопределяло ее исход для того или иного кандидата. Примером может служить провал известного либерала Дж. Морли в Ньюкасле и тред-юниониста Г. Бродхарста в Вест-Ноттингеме, бывших ранее членами парламента от Либеральной партии. Выступавший против

закона о 8-часовом рабочем дне для шахтеров Г. Бродхарст потерпел поражение от другого либерала. И значительная часть избранных кандидатов — членов парламента, не поддержавших требование 8-часового рабочего дня, получили по сравнению с прошлыми выборами меньшее число голосов. А популярность сторонников этого требования, как и количество поданных за них голосов, возросли [30].

Обстоятельный анализ хода и итогов парламентских выборов дали в своей статье, опубликованной в немецком социалистическом журнале «Die Neue Zeit», Эл. Маркс-Эвелинг и Эвелинг [31]. В ней красной нитью проходит главная мысль о «совершенно новой роли» рабочего класса, явившейся отличительной чертой выборов 1892 г., разнящей их с предыдущими парламентскими кампаниями. «Впервые,— отмечали авторы,— прямо было провозглашено, что рабочим как классу также нечего ждать от либералов, как и от тори». Фактически это свидетельствовало о происходящей в сознании рабочих переоценке традиционной двухпартийной системы. Именно под этим углом зрения рассматривались в статье итоги и значение выборов — как большой успех социалистического движения, как следствие развития «нового юнионизма», «являющегося, по своему существу, хотя часто неосознанно, социалистическим движением» [32]. Надо, однако, заметить, что эта оценка «нового юнионизма» все же являлась определенным преувеличением.

Вывод авторов заключался в следующем: усилия передовых рабочих были направлены на то, чтобы ни либералы, ни консерваторы не получили решающего большинства. Авторы полагали, что в данной ситуации даже небольшая группа действительно рабочих — членов парламента, могла бы добиться определенных реформ в интересах рабочего класса.

Подтверждая ход своих рассуждений рядом примеров и конкретных фактов, авторы отмечали, что впервые рабочие кандидаты выдвигались на основе самостоятельных пролетарских программ. Трое независимых кандидатов, рабочие Бернс, Кейр Гарди и Дж. Х. Уилсон, получили значительное большинство голосов. Те же, кто пошел на сделку с либералами, за небольшим исключением не были избраны.

Ход и результаты парламентских выборов, указывалось в статье, отразили важнейшую сторону борьбы английских рабочих — движение за законодательное введение 8-часового рабочего дня. Роль его, подчеркивали Эвелинги, была «гораздо значительнее, чем могло показаться на первый взгляд». Фактически выборы 1892 г. в Англии прошли под лозунгом, выдвинутым в 1889 г. Международным социалистическим рабочим конгрессом в Париже. Это явилось прекрасным доказательством роста числа сторонников законода-

тельного сокращения рабочего дня, доказательством интернационального характера рабочего движения, результатом успешной большой и нелегкой работы, проведенной английскими социалистами [83].

Основной вывод статьи заключался в том, что самостоятельное выступление рабочих свидетельствовало о наличии необходимых предпосылок для создания самостоятельной рабочей партии.

Энгельс, внимательно следивший за ходом выборов, также оценивал их как результат большого шага вперед, сделанного за последнее время рабочим движением Великобритании. Об этом он писал в предисловии к немецкому изданию «Положения рабочего класса в Англии»: «Парламентские выборы, закончившиеся несколько дней тому назад, нагляднейшим образом показали обеим официальным партиям... что им придется отныне считаться с существованием третьей партии, партии рабочей». Хотя эта «партия еще только складывается: отдельным ее элементам приходится еще освобождаться от всевозможных унаследованных предрассудков», но «объединяющий инстинкт» настолько велик, что «привел к неслыханным до сих пор в Англии результатам выборов»,— заключал Энгельс [84].

В письме Бебелю 23 июля 1892 г., упоминая рассказ Эл. Маркс-Эвелинг о вызванном итогами парламентских выборов энтузиазме рабочих Ист-Энда, Энгельс подчеркнул значение сказанного газетой «The Workman's Times»: «единственное, что сейчас нужно,— это независимая рабочая партия» [85].

Нараставшее стремление рабочих к созданию своей политической организации практически проявилось во второй половине 1892 г. К этому времени центр борьбы прочно переместился из Лондона на промышленный Север страны, где создавались и крепли рабочие организации и их печатные органы, агитирующие за выход рабочего класса на политическую арену в качестве самостоятельной и независимой от старых партий силы. Здесь радикальные настроения были сильны и в отделениях Фабианского общества, выгодно отличаясь от позиции лондонского руководства с его политикой «пропитывания». Создание рабочей партии поддерживали здесь и отделения СДФ, вопреки их лидерам. Но в целом позиция лондонского руководства, как Фабианского общества, так и СДФ — этих крупных социалистических организаций, неизбежно усиливала влияние Либеральной партии, сказывалась специфика лондонской обстановки: преобладание старых традиционных видов промышленного производства, наличие большого числа мелких предприятий обусловили сохранение значительной прослойки мелкой буржуазии и обслуживающего персонала. Появление совета Лондонского графства создало в 1889 г. предпосылки успеха сотрудничества либералов и радикально настроенных рабочих, совместно

решавших задачи социального развития столицы, добиваясь муниципальных реформ [86].

В то же время в 1892 г. уже испытывало явные трудности движение самих «новых тред-юнионов» [87]. В отличие от союзов, существовавших многие десятки лет, «новые тред-юнионы» не имели ни достаточного опыта организации, ни материальных средств, ни квалификации, которая могла бы заставить владельца предприятия дорожить их рабочей силой. Стачки все более приобретали оборонительный характер, лидерам «новых тред-юнионов» с трудом удавалось сохранить имеющиеся позиции. Характерно, что в Лондоне союзы были намного слабее, чем в провинциальных промышленных районах [88].

Эти факторы послужили объективной причиной того, что не удалось достаточно широко развернуть деятельность Лиги борьбы за законодательное установление 8-часового рабочего дня, которая оставалась преимущественно лондонской организацией. Входившие в нее общества, клубы, тред-юнионы, сосредоточив внимание на повседневных, насущных вопросах, недостаточно уделяли внимания ее программному требованию — организации рабочей партии.

Движение за создание Независимой рабочей партии наиболее прочные корни имело в рабочей среде западного Йоркшира с его большим чартистским прошлым. Именно здесь значительный размах приобрело движение за 8-часовой рабочий день, чему способствовала социалистическая пропаганда. Здесь действовала в течение многих лет группа пропагандистов — социалистов и тред-юнионистов, среди которых особо выделяется фигура Тома Мэгайра — члена Социалистической лиги, сторонника создания рабочей партии, поддерживавшего связи с близкими к Энгельсу Дж. Л. Магоном, Торном, Каннингемом-Грехемом, У. Моррисом [89]. В ноябре 1892 г. Мэгайр писал: «...Эта новая партия поднимает голову по всему Северу. Она захватила людей, как в свое время чартистское движение. И она создается народом — в этом секрет ее будущего успеха. Тенденция ее всюду социалистическая...» [90]

На создание рабочих союзов в Йоркшире оказал влияние пример «Рабочего союза» Магона, свою роль сыграла пропаганда социалистов различных направлений и течений социалистической мысли [91].

К апрелю 1892 г. политические рабочие организации, носящие названия рабочих союзов или партий, существовали в Брэдфорде, Колн Вэлей, Суинтоне, Пендлбери, Манчестере, Ньюкасле [92]. Успеху движения способствовал выход независимых рабочих газет, особенно таких, как «The Clarion», издававшейся с 1892 г. Р. Блечфордом в Манчестере, и «The Workman's Times» Дж. Берджеса [93], развернувшего в апреле 1892 г. широкую кампанию за организацию Независимой рабочей партии в национальном мас-

штабе путем объединения создававшихся на местах ее отделений. Такие отделения возникли к лету 1892 г. в Плимуте, Стаффорде, Мэнсфилде, Болтоне, Гулле, Ливерпуле, Бирмингеме и др. городах. Список организаций пополнялся до конца года [94]. 13 июня на собрании в Демократическом клубе было основано лондонское отделение рабочей партии. Было очевидно, что тенденция создания рабочей партии охватила массы «снизу» и что большую роль сыграло теперь уже политическое движение за закон о 8-часовом рабочем дне.

Важную роль играли в этом процессе социалисты — члены Блумсберийского общества, в первую очередь Эд. Эвелинг, находившийся в это время в постоянном контакте с Энгельсом. Можно предположить, что многие его устные и письменные выступления выражали и точку зрения Энгельса. Примером может служить статья Эвелинга, опубликованная весной 1892 г. в «The Clarion» [95], в которой он с марксистских позиций выступил с критикой ошибочных взглядов Р. Блечфорда по вопросам тактики Независимой рабочей партии. Блечфорд и его газета заявляли об отмежевании от такой партии, которая не воздерживается от голосования за кандидата либеральной или консервативной партии, как бы радикален он ни был. На данном этапе такая позиция означала бы лишение избирательных прав сторонников независимой рабочей партии в большинстве округов.

Обосновывая свою точку зрения, Эвелинг обратился к «Манифесту Коммунистической партии»; он сослался на слова Маркса и Энгельса из предисловия к изданию «Манифеста» 1872 г. о том, что как ни сильно изменились условия с 1848 г., «развитые в нем общие основные положения остаются в целом совершенно правильными». Эвелинг подробно остановился на разделе «Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям». Опираясь на сказанное авторами «Манифеста», он показал, что тактика партии должна зависеть от времени и особенностей развития отдельной страны. Подчеркивая, что рабочая партия должна противостоять буржуазным партиям и использовать все возможности избирательной кампании в своих интересах, Эвелинг отмечал, что там, где не баллотируется ее кандидат, надо действовать сообразно обстановке.

О том, что Эвелинг советовался с Энгельсом по поводу публикации статьи, свидетельствует одно из писем Энгельса начала 1893 г. относительно тактической линии Независимой рабочей партии в предвыборной борьбе. Он отмечал, что «при известных обстоятельствах добивался от англичан» определенной политики в этом вопросе [96]. Статья Эвелинга в значительной мере была посвящена именно этой теме.

Эвелинг знакомил читателей с опытом наиболее сильных социалистических партий. Так, осенью и зимой 1892 г. в «The Workman's

Times» публиковалась серия статей Эвелинга по вопросам международного рабочего движения [97]. В них, в частности, он обращал внимание на опыт немецких социалистов. Эти публикации несли важную информацию будущим членам новой партии в Англии, учитывая их неосведомленность и в области теории, и по вопросам рабочего движения на континенте.

Первые практические шаги по созданию рабочей партии Энгельс счел преждевременными, высказав сомнение по отношению к лицам, возглавившим этот процесс (речь шла о Берджессе и К. Гарди). По мнению Энгельса, в условиях не преодоленного еще раскола существовала опасность возникновения еще одной секты, подобной Социал-демократической федерации. Поэтому он рекомендовал К. Каутскому и А. Бебелю пока воздержаться от провозглашения в печати будущей организации «действительно независимой рабочей партией, подлинной и единственной». «Посмотрим еще, что из нее выйдет»,— писал он [98].

Влияние Энгельса в большей или меньшей степени испытывали многие деятели британского рабочего движения, принимавшие активное участие в организации рабочей партии, в их числе и лидер Шотландской рабочей партии, а впоследствии один из руководителей Независимой рабочей партии Гарди. Общение с Энгельсом, Эл. Маркс-Эвелинг и Эвелингом, а также с представителями революционного крыла европейского социалистического движения сыграло важнейшую роль в укреплении его убеждения о необходимости создания Независимой рабочей партии, хотя социалистические воззрения Гарди оставались весьма далекими от научного социализма [99].

Одним из активных подготовителей учредительной конференции НРП являлся Ш. Максуэлл, секретарь лондонского Демократического клуба и созданного летом 1892 г. лондонского отделения Независимой рабочей партии. Накануне образования рабочей партии, 15 декабря 1892 г., Максуэлл в письме Энгельсу высказал убеждение, что эта партия должна вести деятельность, во многих отношениях аналогичную с деятельностью немецких социал-демократов. Максуэлл отметил, выражая мнение ряда социалистов, что большую помощь мог бы оказать опубликованный в «The Workman's Times» материал «об успехах, политике и принципах Германской социал-демократической партии». В заключение он писал, что редактор газеты с удовольствием согласится на любой объем публикации, который Энгельс счел бы необходимым [100]. Это письмо свидетельствует об уважении к авторитету Энгельса и об определенной направленности передовых представителей движения.

Мы не располагаем данными о реакции Энгельса на это обращение. Его имя не появилось на страницах газеты Берджесса. Однако 7 января 1893 г. «The Workman's Times» сообщила об имевшей боль-

шой успех лекции «Социализм дома и за рубежом», прочитанной Элеонорой Маркс, указав, что слушатели «были удивлены уровнем рабочего движения в Германии» [101]. Возможно, что эта лекция являлась своего рода ответом на просьбу Максуэлла.

Учредительная конференция НРП, как и предполагалось, состоялась 13—14 января 1893 г. в Брэдфорде. На ней присутствовало около 120 делегатов [102], представлявших 80 местных отделений Независимой рабочей партии, 9 отделений Шотландской рабочей партии, несколько тред-юнионистских организаций, ряд отделений СДФ и Фабианского общества. Лигу борьбы за законодательное установление 8-часового рабочего дня представлял Эвелинг, одновременно вместе с Дж. Райтом являясь делегатом и от Блумсберийского социалистического общества. Половину делегатов составляли представители районов Северной Англии.

В самом начале работы конференции были подвергнуты сомнению и поставлены на обсуждение полномочия трех делегатов: Эвелинга и двух представителей лондонского руководства фабианцев Шоу и де Маттоса. Полномочия Эвелинга утвердили единогласно, в то время как обсуждение и голосование выявили сильную оппозицию участию в конференции представителей Фабианского общества [103]. Выступавшие отмечали, что фабианцы не раз заявляли о своем отмежевании от создаваемой партии, поэтому делегаты Общества не должны принимать участие в конференции. Полномочия Шоу и де Маттоса были утверждены большинством всего в два голоса, 49 голосами против 47.

Противодействие левого крыла делегатов участию в конференции лондонских фабианцев имело под собой все основания. В октябре 1892 г. «The Workman's Times» опубликовала письмо Шоу, в котором он выступал против целесообразности идеи создания рабочей партии. 7 января 1893 г. газета опубликовала статью «Пропитывание против независимости» (Permeation versus Independence) [104].

Позицию руководства Фабианского общества наглядно демонстрирует письмо Шоу Дж. Пизу от 11 января 1893 г., накануне созыва учредительной конференции. Шоу, отправлявшийся вскоре в Брэдфорд, писал: «Мое нынешнее намерение — бескомпромиссно придерживаться «пропитывания», нецентрализованной локальной организации рабочей партии, приведения провинции к лондонскому уровню вытеснением либерализма прогрессивизмом» [105]. Выступая на конференции, Шоу заявил, что Фабианское общество должно оставаться вне рабочей партии с тем, чтобы «удерживать ее на верном пути...» [106] 28 января 1893 г. «The Workman's Times» сообщила о попытке Шоу собрать перед конференцией представителей провинциальных отделений Фабианского общества с целью «охладить пыл» сторонников создания партии [107].

На конференции еще раз подтвердился тот факт, на который не раз обращал внимание Энгельс: провинциальные делегаты Фабианского общества не разделяли точку зрения своего лондонского руководства. Так, Дж. Секстон из Ливерпуля выразил удивление по поводу заявлений Шоу. Представлявшая одно из отделений (Jarrow-on-Tyne) М. Рейнольдс отметила, что ее организация полностью за присоединение к рабочей партии. (За первые годы существования НРП большое число отделений Фабианского общества вступило в Независимую рабочую партию. Их общее количество уменьшилось с 72 в 1893 до 18 в 1896 г.[108])

Отношение к НРП ярко отразило сектантскую позицию СДФ. Ее руководство продолжало утверждать, что «для рабочей партии нет основы вне социал-демократии» [109]. В создавшихся условиях подобная тактика препятствовала сплочению английского рабочего движения. И в дальнейшем руководство СДФ неоднократно отвергало предложения НРП об объединении социалистических сил [110]. При этом рядовые члены организаций, секции СДФ и НРП нередко действовали совместно вопреки решениям их лидеров.

О готовности Лиги борьбы за законодательное установление 8-часового рабочего дня вступить в создаваемую партию заявил на брэдфордской конференции Эвелинг [111].

Обсуждение вопроса о названии партии — социалистическая или рабочая — выявило наличие на конференции с первого же дня ее работы двух направлений: социалистического и реформистского. Так, лидер союза докеров Б. Тиллет, обвиняя социалистов в говорильне, громких призывах к «кровавой революции» и в то же время в трусости, заявил, что считает «английский тред-юнионизм лучшим видом социализма», примером организации и борьбы за «экономическое спасение», что он отказывается от рабочей партии, названной социалистической [112].

Интересно выступление возразившего Тиллету члена Шотландской рабочей партии Ч. Робертсона, спросившего: «Не считает ли м-р Тиллет болтуном и Карла Маркса, на учении которого Рабочая партия основывает значительную часть своих убеждений?» Он отверг также утверждения Тиллета о трусости «членов красной революционной партии на континенте», подчеркнув, напротив, их готовность к самопожертвованию ради принципов. Другой делегат, Г. С. Кристи из Ноттингема заявил, что считает себя «хорошим социалистом», однако поскольку новая партия хочет завоевать на свою сторону большинство рабочих страны, надо учесть, что все они не социалисты.

В результате дискуссии большинство делегатов отклонило предложение назвать партию социалистической [113].

В первый день работы конференции обсуждался вопрос о целях создаваемой партии. Почти единогласно получило одобрение требо-

вание введения «коллективной собственности на средства производства, распределения и обмена» [114]. На это обратил внимание Энгельс: «Независимая рабочая партия...— писал он,— включила в свою программу «обобществление средств производства» и... *является,* следовательно, социалистической, хотя и не афиширует этого названия...» [115] Наметив социалистические цели, делегаты конференции, в то же время, почти единогласно высказались за название Независимая рабочая партия, отказавшись назвать ее социалистической. Это решение обосновывалось необходимостью обращения к широким массам рабочих, «не понимающих социализма» и «не являющихся социалистами» [116].

Эдуард Эвелинг, один из шести членов комитета, избранного на конференции для выработки проекта программы новой партии, представил его собравшимся на второй день работы. В проекте были учтены пожелания различных организаций и отдавалось предпочтение социальным вопросам перед политическими.

Программа включала требования запрещения сверхурочной и сдельной работы, детского труда; законодательного установления 8-часового рабочего дня; социального обеспечения больных, инвалидов, престарелых, вдов и сирот; свободного начального, среднего и высшего образования.

Во втором, политическом, разделе говорилось о «расширении избирательных прав и демократизации системы государственного управления». Такой общей формулировкой после обсуждения были заменены предусмотренные проектом требования всеобщего избирательного права, оплаты предвыборных расходов, сокращения срока полномочий палаты общин, ликвидации монархии и палаты лордов, референдума. Эта замена, безусловно, была уступкой правым элементам, она отражала нечеткость политических устремлений даже наиболее радикально настроенных делегатов. Эвелинг безрезультатно пытался провести первоначальный вариант политической программы на следующей конференции в 1894 г.[117]

И программа и выступления ряда рабочих лидеров показали, что на первый план выдвигаются экономические преобразования, при отсутствии ясного понимания путей освобождения рабочих от капиталистического угнетения. К. Гарди, в частности, отмечал, что целью рабочего движения в первую очередь являются не вопросы «реформы политической машины», как бы важны они ни были, а концентрация всех сил на одной проблеме — возвращении трудящимся капитала и земли. Все, что стоит на пути достижения этой цели, продолжал он, должно быть уничтожено [118]. Не получил должного рассмотрения, фактически игнорировался вопрос, каким же образом этого «возвращения» необходимо добиваться, как преодолевать сопротивление имущих классов. В целом программа отражала противоречивые позиции делегатов, их слабость в теоретических вопросах.

Некоторую ясность в понимание большинством делегатов методов решения задачи партии внесла конференция 1894 г. Большинство присутствующих приняло новую редакцию программы, специальный раздел которой — «Методы» — указывал, что осуществление целей партии будет достигнуто путем «представительства народа в палате общин людьми, разделяющими цель партии и непреклонно придерживающимися ее политики, отраженной в программе и уставе, федерацией всех организаций Великобритании и Ирландии, стремящихся к реализации цели партии путем независимого представительства рабочего класса во всех законодательных, государственных и административных учреждениях, и пропаганды средствами литературы и публичных собраний» [119].

При обсуждении на учредительной конференции вопроса о членстве в партии была принята поправка Эвелинга, гласившая: «лица, выступающие против принципов партии, не могут стать ее членами» [120].

По сути дела, этот пункт не мог быть осуществлен на практике, поскольку даже организаторы партии, не говоря о рядовых членах, с самого начала по-разному понимали ее принципы.

Конференция приняла резолюцию, предложенную лондонским отделением партии, о выработке обращения к рабочим Великобритании, включающего в себя принятые решения, отмечающего интернациональный характер рабочего вопроса, содержащего братский привет пролетариату всех стран, а также сообщение о том, что Независимая рабочая партия будет представлена на Международном социалистическом рабочем конгрессе в Цюрихе в 1893 г.[121]

Секретарем новой партии был избран Ш. Максуэлл. Эвелинг вошел в Национальный административный совет.

Создание НРП явилось закономерным итогом развития британского рабочего и социалистического движения последней трети XIX в. и важнейшим событием в политической истории страны. Впервые была создана в национальном масштабе самостоятельная рабочая партия и нарушена традиционная двухпартийная система.

Через 4 дня после конференции, 18 января в письме Ф. А. Зорге Энгельс выразил свое отношение к ее решениям, к самому факту создания партии. Он приветствовал создание новой организации, появившейся в «критический момент», когда ни СДФ, ни Фабианское общество, претендующие на руководство рабочим движением, «не в состоянии были в силу своего сектантского образа действий поглотить бурный приток социалистических сил из провинций».

Энгельс обращал внимание на то, что центр тяжести НРП находился в северных промышленных районах, «а не в средоточии клик — Лондоне». Он отмечал, что «в своей *массе* члены этой партии определенно очень хороши... и программа в основном совпадает с нашей...» Энгельс надеялся, что НРП сможет «отвоевать массы»

у СДФ и в провинции у фабианцев и тем самым добьется единства в рабочем движении, но только в том случае, если удастся обуздать карьеристские устремления и интриги, «а в тактике не будет допущено слишком больших извращений...» [122].

О том, что образование НРП явилось определенным этапом, шагом вперед в развитии английского рабочего и социалистического движения, писал Эвелинг в статье в «New-Yorker Volkszeitung», посвященной данному событию [123]. Суммируя ход событий последних лет, приведших к брэдфордской конференции, характерной чертой которых являлось осознание лучшими рабочими не только в социалистических организациях, но и в тред-юнионах необходимости создания своей самостоятельной партии, он отмечал особую роль агитационной и пропагандистской, организаторской деятельности Шотландской рабочей партии и Лиги борьбы за законодательное установление 8-часового рабочего дня, подчеркнул большие заслуги многих рядовых членов Социал-демократической федерации, которым была обязана успехом первая конференция новой рабочей партии, а также вклад «The Workman's Times» в дело ее создания.

С первых дней существования НРП заняла интернационалистскую позицию. На заседании ее Исполнительного комитета 18 марта 1893 г. Эвелинг в числе других был избран делегатом на международный Цюрихский конгресс. Энгельс, сообщая Каутскому об этом первом после конференции заседании, отмечал, что «принятые решения вполне удовлетворительны» [124].

Первые месяцы деятельности НРП убедили Энгельса в том, что партия может развиваться и действовать в нужном направлении. Он с одобрением отозвался о ее тактической линии на проходивших в феврале выборах в Ланкашире и Йоркшире. Энгельс предполагал, что НРП либо вберет в себя СДФ и Фабианское общество, либо заставит их «пойти дальше», и надеялся, что рабочие, втянувшиеся, наконец, в движение и составлявшие основу новой партии, смогут, даже вопреки воле своих лидеров, преодолеть неизбежные трудности [125]. О значении создания в Англии рабочей партии Энгельс сказал на вечере, посвященном годовщине Парижской коммуны. Оглядываясь на путь, пройденный британскими рабочими, он отметил большие изменения, происшедшие в английском рабочем движении со времени принятия в сентябре 1871 г. Лондонской конференцией I Интернационала решения о необходимости создания в каждой стране самостоятельной политической партии рабочего класса; образование НРП и есть фактически осуществление в Англии данного решения. При этом Энгельс подчеркнул большую роль движения «новых тред-юнионов». Он выразил надежду, что новая организация «должна будет поглотить все другие партии» [126]. (Надо отметить, что выступление Энгельса вызвало негативную реакцию руководства СДФ [127].)

Эти мысли Энгельса прозвучали в отчете Цюрихскому международному конгрессу (август 1893 г.), составленном Эл. Маркс-Эвелинг от имени Союза работников газовых предприятий и чернорабочих, Лиги борьбы за законодательное установление 8-часового рабочего дня, Блумсберийского социалистического общества и Рабочей лиги Баттерси. В нем подчеркивалось, что образование НРП свидетельствовало о развитии классового самосознания английских рабочих, отмечалось, что в Великобритании при наличии ряда социалистических организаций, ставящих одинаковые цели, пока еще отсутствует единая рабочая партия. Объединение их в «огромную, мощную, неодолимую британскую рабочую партию» выдвигалось как очередная насущная задача [128].

Однако проблема объединения социалистических организаций так и оставалась нерешенной на протяжении 90-х гг., несмотря на явную тенденцию объединения, идущую «снизу». Неоднократно предпринимавшиеся попытки не увенчались успехом из-за сопротивления руководящей верхушки и не отвечавшей интересам масс политики руководства: фабианских лидеров, занимавшего сектантскую позицию руководства СДФ и постепенно перешедших на оппортунистические позиции лидеров НРП [129].

В марте 1894 г. Энгельс писал руководителю Социалистической партии Испании П. Иглесиасу: «Здесь движение развивается довольно медленно. В рабочих массах, бесспорно, есть сильная тяга к социализму. Но исторические условия в Англии таковы, что эта тяга со стороны масс порождает в среде вождей множество различных, взаимно перекрещивающихся и даже враждующих между собой течений» [130].

В 1894 г. Эвелинг уже не был избран в административный совет НРП. Осенью 1894 г. прекратила выходить «The Workman's Times», которая предоставляла возможность социалистам, в частности Эл. Маркс-Эвелинг и Эвелингу, пропагандировать свои взгляды.

И все же тяга к социализму оставалась. Сменивший Максуэлла на посту секретаря партии Т. Манн (занимал его до 1896 г.) в выпущенной в октябре 1894 г. брошюре «К чему стремится Независимая рабочая партия» подчеркивал, цитируя К. Маркса, идентичность целей СДФ и НРП [131]. Добившись на конгрессе НРП в 1895 г. принятия решения о том, что партия должна взять на себя инициативу по созданию единой социалистической партии Англии [132], он пытался реализовать эту задачу. Но ни СДФ, ни Фабианское общество на объединение не пошли. Теоретическая неуверенность самого Манна и боязнь раскола не позволили ему повести решительную борьбу с набирающим силу реформизмом в НРП.

Сыграли роль и объективные условия. НРП конституировалась на завершающем этапе периода экономической депрессии в Англии. И ей не удалось по-настоящему вобрать в себя прежний дух

«новых тред-юнионов», фактически потерявших свою боевитость. Кардиффский конгресс тред-юнионов 1895 г., где одержали верх лидеры старых союзов, не подтвердил резолюцию об обобществлении средств производства, подвергся нападкам здесь и принцип независимого рабочего представительства. Принятый новый устав закрывал доступ в БКТ прогрессивно настроенным деятелям [133].

Незадолго до смерти, в марте 1895 г., Энгельс подвел определенный итог. «Сущность здешнего движения в следующем,— писал он,— в массах неуклонно продолжается инстинктивное движение вперед, вероятно, сохраняется тенденция; но как только дело доходит до того, чтобы дать сознательное выражение этому инстинкту и этой стихийной тенденции, то по вине сектантских лидеров это происходит в такой глупой и ограниченной форме...» [134] И все же Элеонора Маркс была права, когда она в написанном в это время очерке истории английского рабочего движения отмечала, что Независимая рабочая партия, наряду с СДФ, «неустанно выполняла свою ценную работу» [135].

Независимую рабочую партию Г. Поллит справедливо характеризовал как первую социалистическую группировку в Англии, «которая действительно имела свои корни в движении рабочего класса» [136]. В первой половине 90-х гг., на решающем отрезке нового этапа развития классовой борьбы британских рабочих важную роль сыграло непосредственное участие в ней Энгельса и его единомышленников-социалистов. Движение за законодательное установление 8-часового рабочего дня, в организацию которого они внесли столь значительный вклад, стимулировало оформление растущего стремления рабочих к политическому объединению.

Огромное значение имела деятельность Энгельса и его соратников, созданной ими Лиги по пропаганде идеи пролетарского интернационализма, по налаживанию контактов и связей английского рабочего и социалистического движения с передовыми отрядами международного движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Участия Энгельса в рабочем движении этих лет касались некоторые советские и зарубежные историки, но в том аспекте, который был необходим для их исследований (см.: *Виноградов В. Н.* У истоков лейбористской партии (1889—1900). М., 1965; *Тартаковский Б. Г.* Фридрих Энгельс — советник и учитель международного пролетариата (1875—1895). М., 1966; *Ватутин А. Б.* Блумсберийское социалистическое общество. Роль британских марксистов в его деятельности. Помощь Энгельса в их борьбе за основы пролетарской партии (1885—1892) // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об издании их произведений. М., 1986. Вып. 2).

В зарубежной историографии имеется обстоятельное исследование — монография немецкого (ГДР) историка З. Бюнгера «Friedrich Engels und die britische socialistische Bewegung. 1881—1895» (Berlin, 1962).

Фактический материал содержат также биографии Элеоноры Маркс: *Tsuzuki Ch.* The Life of Eleanor Marx 1855—1898. A socialist Tragedy. Oxford, 1967, *Kapp Y.* Eleanor Marx. London, 1976.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 218, 241, 269, 295, 297.

[3] См. подробнее: *Ватутин А. Б.* Пропагандистская и организационная деятельность британских марксистов под руководством Энгельса во второй половине 80-х гг. XIX века. Диссертация. М., 1982.

[4] См., напр., К. Гарди — Ф. Энгельсу, 21 мая 1889 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4923.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 33. С. 282.

[6] См.: *Вебб С., Кокс Х.* 8-ми часовой рабочiй день. М., 1893. С. 25.

[7] Подготовка и ход демонстрации 4 мая 1890 г. достаточно полно освещены в работе Виноградова В. Н. «У истоков лейбористской партии». Мы остановимся на основных наиболее важных моментах, необходимых для данной темы, и дополним эту историю не упоминавшимися ранее фактами.

[8] The People's Press. 1890. 12.IV.

[9] Ibid.; *Aveling E.* Zur Geschichte der Maidemonstration für den gesetzlichen Achtstundentag in England //Die Neue Zeit. 1895—1896, N 31. S. 138; The People's Press. 1890. 19.IV.

[10] Report from Great Britain and Ireland to the Delegates of the Brussels International Congress, 1891. P. 9.

[11] The People's Press. 1890. 3.V.

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 339.

[13] *Aveling E.* Op. cit. S. 138.

[14] The Times. 1890. 5.V.

[15] The People's Press. 1890. 10.V.

[16] Ibid.

[17] По некоторым подсчетам в ней участвовало 500 тыс. рабочих. См.: *Виноградов В. Н.* Цит. соч. С. 113.

[18] The People's Press. 1890. 10.V.

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 64.

[20] Три отделения СДФ еще в апреле 1890 г. высказались в поддержку Центрального комитета (см. *Kapp Y.* Op. cit. P. 377). А во время митинга на двух платформах СДФ была также принята резолюция о законодательном введении 8-часового рабочего дня.— *Aveling E.* Op. cit. S. 139.

[21] См. письма Ф. Энгельса Ф. А. Зорге 30 апреля 1890, А. Бебелю 9 мая 1890 и Л. Лафарг 10 мая 1890 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 336—345.

[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 49.

[23] См. там же. Т. 19. С. 255—291.

[24] См. *Кострюкова Г. И.* Ф. Энгельс о фабианском социализме // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об изданиях их произведений. М., 1986. Вып. 2.

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 352.

[26] Там же. Т. 37. С. 342.

[27] The People's Press. 1890. 17.V.

[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 345. Имелись в виду решения конгресса 1889 г.

[29] The People's Press. 1890. 31.V.

[30] Во 2-м издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса это название переведено как «Лига борьбы за законодательное установление 8-часового рабочего дня и Международная рабочая лига», в русском переводе книги английских историков А. Л. Мортона и Дж. Тейта «История английского рабочего движения» — «Лига борьбы за установление законом 8-часового рабочего дня и освобождение труда». Мы считаем возможным такой вариант, на наш взгляд более точно передающий смысл: «Лига борьбы за законодательное установление 8-часового рабочего дня и международную солидарность труда».

[31] The People's Press. 1890. 31.V., 7.VI.

[32] Ibid., 28.VI.

[33] Ibid., 19.VII.
[34] Ibid., 9.VIII.
[35] Э. Маркс — К. Каутскому, 1 сентября 1890 // ЦПА ИМЛ. Ф. 8. Д. 459.
[36] The People's Press. 1890. 20.IX.
[37] *Roberts B. C.* The Trades Union Congress. 1868—1921. London, 1958. P. 126.
[38] Report of the Twenty — Third Annual Trades Union Congress... P. 53.
[39] *Webb S. and B.* The History of Trade Unionism 1666—1820. London, 1894. P. 394.
[40] London Trades Council 1860—1950. London, 1950. P. 77.
[41] *Marx E.* The Liverpool Congress // Time. 1890. July to December. V.II. P. 1097.
[42] Ibid.
[43] The People's Press. 1890. 13.XII; 1891. 10.I.
[44] Ibid. 6.XII, 13.XII, 20.XII.
[45] Ibid. 2.VIII.
[46] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 79.
[47] Там же. Т. 37. С. 385.
[48] См. подробнее: *Тартаковский Б. Г.* Фридрих Энгельс — советник и учитель международного пролетариата. С. 258—267.
[49] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 385.
[50] The People's Press. 1890. 18.X, 25.X, 1.XI.
[51] Ibid. 1.XI.
[52] «The People's Press» напечатала 6 декабря статью Каннингема-Грехема об этой встрече.
[53] Письмо Исполнительного комитета Союза рабочих газовых предприятий и чернорабочих за подписью Эл. Маркс-Эвелинг и У. Торна С. Гомперсу 26 марта 1891 // ЦПА ИМЛ. Ф. 8. Д. 103; Об установлении контактов с АФТ см.: *Тартаковский Б. Г.* Цит. соч. С. 276—279.
[54] Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934. Сб. I. С. 268.
[55] The People's Press. 1890. 13.XII.
[56] Ibid. 20.XII.
[57] Justice. 1891. 3.V.
[58] The Times. 1891.4.V.
[59] Ibid.
[60] Ibid.
[61] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 81.
[62] *Aveling Ed.* Op. cit. S. 140.
[63] 7.V.1891 Friedrich Engels, Paul et Laura Lafargue Correspondance. Paris, 1959. V.III. P. 51.
[64] Бывший лидер революционных чартистов Дж. Гарни писал: «Большое число участников, единство, абсолютное отсутствие беспорядка являлись замечательным свидетельством будущего успеха идеи 8-часового рабочего дня». Newcastle Weekly Chronicle 1891.9.V. Цит. по: *Duffy A. E. P.* The Eight Hours Day Movement in Britain 1886—1892 // The Manchester School of Economic and Social Studies. 1968. September N 3.Vol.XXXVI.
[65] Report from Great Britain and Ireland... P. 10.
[66] Congrès International ouvrier socialiste tenu à Bruxelles du 16 au 23 août 1891. Rapport. Bruxelles. 1893. P. 15.
[67] Report from Great Britain and Ireland... P. 10.
[68] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 127, 128.
[69] Там же. С. 128.
[70] The Times. 1892. 1.V.
[71] London Trades Council 1850—1950. L., 1950. P. 82.
[72] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 283, 487.
[73] Там же. С. 487—488; Эл. Маркс-Эвелинг — Л. Лафарг, 15 апреля 1892 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 8. Д. 332.
[74] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 282, 488—489.

[75] Там же. С. 282.
[76] Эл. Маркс-Эвелинг — Л. Лафарг, 30 мая 1892 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 8. Д. 333.
[77] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 288.
[78] Times. 1892. 2.V.
[79] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 289.
[80] См.: *Mather W.* Labour and the Hours of Labour // The Contemporary Review. V.LXII. November 1892. P. 608—610.
[81] Die Neue Zeit. 1891—1892. 2 Band. S. 596—603.
[82] Ibid. S. 596.
[83] Ibid. S. 601.
[84] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 340.
[85] Там же. Т. 38. С. 348.
[86] *Pelling H.* The Origins of the Labour Party 1880—1960. Oxford, 1965. P. 91—92.
[87] *Cronin I. E.* Strikes and Power in Britain 1870—1920 // Industrial Conflict. Papers presented to the Forth British-Dutch Conference on Labour History. Amsterdam, 1988. P. 24. Автор отмечает, однако, что несмотря на наступление предпринимателей численность профсоюзов в 90-х гг. оставалась относительно стабильной и рабочим удалось сохранить более значительную часть завоеваний «нового юнионизма» по сравнению с 70-ми гг.— с потерей преимуществ, достигнутых в результате стачечной волны 1871—1873 гг.
[88] *Thompson P.* Liberals, Radicals and Labour in London 1880—1900 Past and Present 1964, April N 27. P. 85—86, 89.
[89] *Thompson E. P.* Homage to Tom Maguire // Essays in Labour History. L., 1960.
[90] *T. Maguire*: a Remembrance. Цит. по: *Thompson E. P.* William Morris. Romantic to Revolutionary. L., 1955. P. 697.
[91] *Thompson E. P.* Op. cit. P. 278, 287—292.
[92] *Clayton J.* The Rise and Decline of Socialism in Great Britain 1884—1924. London, 1926. P. 71.
[93] Дж. Берджесс — в прошлом вязальщик из Ланкашира, сторонник независимого рабочего представительства.
[94] *Pelling H.* Op. cit. P. 110.
[95] The Clarion. 1892. 18.III. Цит. по: *Kapp Y.* Eleanor Marx. London, 1976. V. II. P. 528—530.
[96] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 11—12.
[97] The Workman's Times. 1892. 15, 22, 29.X; 26.XI; 3, 10.XII. Цит. по: *Tsuzuki Ch.* The Life of Eleanor Marx. Oxford, 1967. P. 229.
[98] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 407—408, 404—405.
[99] Это отмечают и английские исследователи. См.: *Pelling H.* Op. cit. P. 71; *Williams F.* Fifty Year's March. London, 1949. P. 95.
[100] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 5467. Надо заметить, что исследователи не обратили внимания на письмо Максуэлла, о нем лишь вскользь упоминалось в работе В. Н. Виноградова «У истоков лейбористской партии» (с. 244).
[101] Цит. по: *Tsuzuki Ch.* Op. cit. P. 229.
[102] The Independent Labour Party. Report of the First General Conference. Glasgow, 1893. P. 1.
[103] ILP. Report... P. 2.
[104] Цит. по: *Duffy A. E. P.* Differing Politics and Personal Rivalries in the Independent Labour Party // Victorian Studies. September 1962. Vol. VI. No. 1. P. 52.
[105] Fabian Society Collection. Цит. по: *Pelling H.* Op. cit. P. 123—124.
[106] ILP. Report... P. 6.
[107] См.: *Duffy A. E. P.* Op. cit. P. 52.
[108] *Pelling H.* Op. cit. P. 148.
[109] Justice 1893. 14.I.
[110] *Pelling H.* Op. cit. P. 153, 174—178; *Thompson E. P.* Op. cit. P. 699—702.
[111] ILP. Report... P. 10, 7. Впоследствии, однако, Совет НРП на заседании в Манчестере отклонил это предложение, мотивируя тем, что в состав Лиги входили ради-

кальные клубы, а это могло наложить нежелательный отпечаток на независимый характер партии (*Pelling H*. Op. cit. P. 148).

[112] ILP. Report... P. 3.

[113] Ibid.

[114] Ibid. P. 4.

[115] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. Т. 39. С. 242.

[116] ILP. Report... P. 3. И впоследствии все предложения об изменении названия отклонялись.

[117] Minutes of the Second Annual Conference of the Independent Labour Party. Manchester, 1894. P. 8.

[118] ILP. Report... P. 6.

[119] Minutes of the Second Annual Conference of the Independent Labour Party. P. 13.

[120] ILP. Report... P. 13.

[121] Ibid. P. 16.

[122] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. Т. 39. С. 6—8.

[123] New-Yorker Volkszeitung. 1893. 5.II.

[124] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. Т. 39. С. 50.

[125] Там же. С. 48, 50.

[126] Там же. Т. 45. С. 490.

[127] См.: Justice. 1893. 1.IV.

[128] Bericht an den Internationalen socialistischen Arbeiterkongress. Zürich 1893 aus Grossbritannien und Ireland. S. 1, 7—8.

[129] См. подробнее: *Кертман Л. Е*. Из истории борьбы за единую социалистическую партию в Англии в 90-х гг. XIX в. // Вопросы истории международного рабочего движения. Ученые записки. Пермь, 1963. № 110. С. 37—39.

[130] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. Т. 39. С. 194.

[131] *Манн Т*. Memoirs. P. 129.

[132] ILP. Report of the Third Annual Conference. Glasgow, 1895. P. 19.

[133] Однако в 1898 г. очередной конгресс тред-юнионов принял резолюцию об «оказании моральной и финансовой поддержки социалистическим партиям рабочего класса». Report of the Thirty First Annual Trade Union Congress. L., 1898. P. 70.

[134] *Маркс К., Энгельс Ф*. Соч. Т. 39. С. 360—361.

[135] *Марксъ Э*. Классовое рабочее движеніе въ Англіи. С.-Петербургъ. 1906. С. 46.

[136] *Поллит Г*. Марксизм и рабочее движение в Великобритании. М., 1960. С. 88.

Т. В. Чикилева

«ARBEITERINNEN-ZEITUNG» И ЕЕ СВЯЗИ С Ф. ЭНГЕЛЬСОМ

В данной статье речь пойдет о создании в начале 90-х гг. XIX в. в Вене социал-демократической газеты австрийских женщин «Arbeiterinnen-Zeitung». Энгельс был хорошо информирован об этом событии и одобрительно отнесся к нему.

В исторической литературе сведений об этой газете практически нет. Между тем она заслуживает пристального внимания историков, занимающихся рабочим движением конца XIX в., и может стать темой специального исследования. Материала для ее изучения достаточно. Прежде всего, сохранились почти все номера «Arbeiterinnen-Zeitung» за 1892—1896 гг. Большим подспорьем в разработке указанной темы может служить также орган австрийских социал-демократов «Arbeiter-Zeitung» за те же годы, из которого фактически вышла новая газета австрийских работниц. Те, кто создавал «Arbeiterinnen-Zeitung», сотрудничали, как правило, в обеих газетах.

В начале 90-х гг. XIX в. Энгельс проявлял значительный интерес к рабочему движению в Австрии, которое он тогда поддерживал. У него были тесные отношения со многими деятелями этого движения, центр которого находился в Вене. Он близко знал руководителя социал-демократии Австрии Виктора Адлера, регулярно с ним переписывался. Личным секретарем, а также посредником Энгельса в связях с Австрией была в то время австрийская социалистка Луиза Каутская. Энгельс систематически сотрудничал в издававшейся с 1889 г. Адлером газете «Arbeiter-Zeitung», активно содействовал ее превращению в ежедневный печатный орган [1]. В феврале 1892 г. Энгельс сообщил Адлеру о своем решении переводить весь свой гонорар за работы, напечатанные в издательстве Дица, в партийную кассу австрийских социал-демократов [2].

По мнению Энгельса, к осени 1891 г. австрийское рабочее движение «приобретает все большее значение» [3]. Он вместе с А. Бебелем побывал в сентябре 1893 г. в Вене, где встречался с австрийскими

рабочими. Их движение, как писал по возвращении Энгельс, превзошло его самые смелые надежды. «Наши там — сила, и это сознают как они сами, так и их противники» [4]. Энгельс отмечал тогда «единство цели, отличную организацию, энтузиазм, неистощимый юмор, вытекающий из уверенности в победе», свойственные, по его мнению, австрийскому пролетариату [5]. Он считал передовой существовавшую с января 1889 г. австрийскую рабочую партию, «у которой есть программа и тактика, которая знает, чего она хочет и как ей этого добиться» [6]. Им высоко оценивались в то время потенциальные возможности рабочего движения в Австрии, обусловленные особенностями ее экономического и политического развития: застоем политической жизни в среде имущих классов, бурно развивавшейся, но использовавшей большей частью отсталые производительные силы промышленностью, что делало Австрию, как писала «Arbeiter-Zeitung», «экономически отсталой страной» Европы [7]. Он считал, что для австрийского пролетариата это экономическое и политическое «положение так благоприятствует быстрым успехам, как ни в одной стране, даже в Германии, где развитие хотя и идет более быстрыми темпами и партия сильнее, но зато и сопротивление гораздо упорнее» [8].

Австрийские социал-демократы в начале 90-х гг. уделяли особое внимание вовлечению в свои ряды работниц. Их третий партийный съезд (5—9 июня 1892 г.), где присутствовали 113 делегатов, отметил, что социал-демократическое женское движение достигло в Австрии больших успехов. Его центр был в Вене, которую представляли на съезде 23 женщины из 39 ее делегатов [9]. Съезд отметил также активность «Arbeiterinnen-Zeitung» с тиражом в то время 2000 экземпляров. Она была тогда приложением к газете «Arbeiter-Zeitung». Делегатки Вены предложили сделать ее самостоятельным партийным органом. Их предложение было принято съездом [10].

В августе 1893 г. на третьем Международном социалистическом рабочем конгрессе в Цюрихе Социал-демократическая рабочая партия Австрии в своем отчете отметила, что тираж «Arbeiterinnen-Zeitung» стал более 4000 экземпляров. Такое положение с газетой работниц партия назвала на конгрессе «хорошим признаком нашего успеха» [11].

Социал-демократки Австрии многое сделали в начале 90-х гг. для вовлечения работниц в профсоюзы. В докладе партии на втором Международном социалистическом рабочем конгрессе в Брюсселе (16—22 августа 1891 г.) говорилось, что австрийские профсоюзы «вовлекают в свои ряды женщин, занятых в промышленности, участвующих в рабочем движении; они не только принимают работниц, но делают все возможное, чтобы их привлечь и организовать» [12]. Как отметил партийный съезд, деятельницы социал-демократического женского движения активно и успешно работали в пролетар-

ских организациях. Австрийские работницы, активистки газеты «Arbeiterinnen-Zeitung» Адельгейда Дворжак, Мария Грубингер, Виктория Кофлер и Мария Краза вели в то время большую агитационно-пропагандистскую работу как в создаваемых с 1889 г. в Вене и других местах Австрии постоянных организациях работниц в виде «образовательных союзов», так и на многих рабочих собраниях. Объявления и отчеты о них в начале 90-х гг. были широко представлены в «Arbeiter-Zeitung» и «Arbeiterinnen-Zeitung». На этих собраниях обсуждались следующие вопросы: экономическое положение женщин и их требования, женщины и политические права, пресса и народное образование, эмансипация женщин, безработица среди женщин и ее последствия, политическое бесправие женщин, всеобщее равное и прямое избирательное право и положение женщин, женский вопрос с позиции пролетариата и другие.

Съезд подчеркнул, что главной задачей социал-демократического женского движения было укрепление его пролетарского характера, отмежевание от буржуазного движения за «эмансипацию женщин». Съезд принял решение обеспечить равенство членов партии — женщин, провозгласив его «в программе, организации и агитации» [13]. Делегатка съезда от Вены А. Дворжак писала об этом в передовой статье «Arbeiterinnen-Zeitung» 17 июня 1892 г.: «Полное равноправие женщины с мужчиной, само собой разумеющееся в нашей партии, теперь нашло и свое формальное выражение в партийной программе, где ко всем выдвинутым в ней требованиям добавлены слова: «Без различия пола». Делегатки от Вены решительно выступили на съезде против классово обособленного буржуазного женского движения за равноправие, потому что «весь пролетариат должен бороться плечом к плечу, без различия национальности и пола, но с учетом того особого положения, которое женщина занимает доныне».

В письме к Ф. А. Зорге от 7 октября 1893 г. Энгельс очень высоко оценил достижения венских работниц в их классовой борьбе [14].

Идею создания «Arbeiterinnen-Zeitung» выдвинула австрийская социал-демократка В. Кофлер в мае 1891 г., и тогда же «на заседании, где присутствовало 3 делегатки от женщин и 10 представителей различных профсоюзов, создание газеты было в принципе решено» [15].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники (номера газеты, письма Энгельса) свидетельствуют, что осенью 1891 г. была сформирована редакция «Arbeiterinnen-Zeitung». В ней за подбор материала отвечал Адлер, а заполнять эту «ненасытную», по словам Энгельса, газету «доброкачественным материалом» помогали Лаура Лафарг, Элеонора Маркс-Эвелинг и Луиза Каутская [16], которые были опытными журналистками, регулярно сотрудничавшими как в «Arbeiterinnen-Zeitung», так и в «Arbeiter-Zeitung». К 1 октября того же года ими были написаны для первых номеров «Arbeiterinnen-

Zeitung» программные передовые статьи, которые, как предполагал Энгельс, «вызовут сенсацию среди поборниц женских прав в Германии и Австрии, ибо по-настоящему этот вопрос никогда еще так прямо не ставился и никто так прямо на него не отвечал...» [17]. Имелись в виду статьи Л. Лафарг «Приветствие из Франции», Л. Каутской «Сила женщин» и Эл. Маркс-Эвелинг «Как нам следует организоваться?» [18]. Эти женщины составляли, по определению Энгельса, «главный штаб» по подготовке первых номеров «Arbeiterinnen-Zeitung» [19]. Руководила этим «штабом» Л. Каутская, являвшаяся, по свидетельству Энгельса, создательницей «Arbeiterinnen-Zeitung» [20].

Письмо Энгельса П. Лафаргу во Францию от 19 мая 1892 г. свидетельствует, что в начале 90-х гг. XIX в. действовала телефонная связь между Англией и Францией. Энгельс писал из Лондона: «Луиза выражает пожелание, чтобы Лаура продиктовала ей по телефону статью для Вены» [21]. Таким образом, кроме почты существовала и более оперативная связь между постоянной корреспонденткой «Arbeiterinnen-Zeitung» во Франции Л. Лафарг и своего рода зарубежным пресс-центром газеты в лондонской квартире Энгельса, включавшим Л. Каутскую и Эл. Маркс-Эвелинг. Их корреспонденции из Англии для «Arbeiterinnen-Zeitung» Л. Каутская регулярно пересылала в Вену по почте, а также, видимо, лично привозила туда во время своих нередких поездок в Австрию, где она участвовала в партийных мероприятиях, выступала на рабочих собраниях. Она была одной из руководительниц движения венских работниц. Энгельс отметил осенью 1893 г. после своей поездки в Австрию, что в Вене «женщины... работают очень упорно, в значительной степени благодаря Луизе» [22]. Как показывает анализ газеты, у нее были только эти три постоянные зарубежные корреспондентки, вся остальная зарубежная информация, как правило, бралась из других печатных органов.

Из ряда писем Энгельса Л. Лафарг за первую половину 1892 г. [23] видно, что Л. Каутская настойчиво добивалась от Л. Лафарг материалов для первых номеров «Arbeiterinnen-Zeitung». Л. Каутская смогла и как журналистка, и как организатор обеспечить качественную подготовку основных материалов первых номеров «Arbeiterinnen-Zeitung», которой необходимо было достойно заявить о себе. Первые три номера этой газеты небольшого формата были невелики по объему — всего четыре полосы, с четвертого номера и до конца 1892 г. газета выходила на шести полосах, а с третьего номера за 1893 г.— на восьми полосах.

Первый номер «Arbeiterinnen-Zeitung» сначала предполагалось выпустить в октябре 1891 г. Вероятно, из-за судебного процесса Адлера в Богемии, а также из-за недостатка средств в то время [24], газета стала выходить только с 1 января 1892 г. два раза в месяц.

Однако Энгельс еще до октября 1891 г. смог ознакомиться с основными материалами первых номеров газеты. Он писал Бебелю 1 октября того же года: эта газета «проводит с огромной энергией» точку зрения, что не существует какого-то особого женского движения, что речь может идти лишь о движении, составляющем «просто женскую сторону рабочего движения». «...За венской газетой,— подчеркнул Энгельс,— останется та слава, что она первая из всех женских газет восприняла эту точку зрения и защищала ее» [25].

Эл. Маркс-Эвелинг в упомянутой выше передовой статье «Как нам следует организоваться?» отдала должное австрийским работницам, которые «показали, что умеют организовываться». Она назвала первыми и самыми трудными шагами в этом направлении участие их делегатки в Международном социалистическом рабочем конгрессе в Брюсселе, создание газеты «Arbeiterinnen-Zeitung».

На Брюссельском конгрессе венских работниц представляла по поручению Энгельса Л. Каутская [26]. 20 августа 1891 г. делегатки всех представленных там женских организаций собрались, чтобы обсудить возможность соглашения между ними. Л. Каутская вместе с В. Друккер из Голландии, Э. Ирер и О. Бадер из Германии, А. Кулишовой из Италии [27] добились включения в повестку дня отсутствовавшего в ней вопроса о женщинах, который обсуждался в последний день работы конгресса 22 августа. Выступая по этому вопросу, делегаты конгресса подчеркнули, что социалисты хотят освобождения всего человечества, как женщин, так и мужчин. На голосование примерно 400 делегатов была поставлена резолюция, получившая поддержку бюро конгресса: «Конгресс предлагает социалистическим и рабочим партиям всех стран энергично утверждать в своих программах полное равенство обоих полов и требовать прежде всего уничтожения всех законов, ставящих женщину вне гражданского и государственного права». Эта резолюция была принята лишь при 3 воздержавшихся [28].

Эл. Маркс-Эвелинг, которая также была делегатом Брюссельского конгресса, отметила в вышеупомянутой статье большое значение этой резолюции. Она подчеркнула полное отмежевание конгресса от буржуазного движения за равноправие женщин. Конгресс указал на различие между партией «поборниц прав женщин», признающих не классовую борьбу, а лишь борьбу полов среди тех, кто принадлежит к имущим классам, и требующих для себя прав, не устраняющих бесправие их сестер из рабочего класса, и настоящей партией женщин — социалистической партией, которая кладет в основу неблагоприятного положения работниц экономические причины и требует от них бороться вместе с мужчинами их класса против общего врага: мужчин и женщин капиталистического класса.

В статье сказано, что для практического осуществления брюссельской резолюции недостаточно констатировать наличие классо-

вой борьбы. Рабочим следует учиться, какие позиции захватывать в ходе этой борьбы и как удерживать уже полученные преимущества. Работницы прежде всего должны организоваться, но не как «женщины», а как пролетариат; не как конкуренты женского пола для работающих мужчин, а как их товарищи в борьбе, т. е. организоваться для начала как члены профессионального союза. Такое объединение явится средством для достижения окончательной цели — эмансипации рабочего класса. В профессиональном союзе женщины, равно как и мужчины, смогут осознать, какую силу составляет объединение *всех рабочих*.

Ссылаясь на опыт английского профсоюзного движения, Э. Маркс-Эвелинг сформулировала следующие выводы: «1) везде, где работницы организуются, их положение становится лучше (т. е. зарплата выше, рабочее время короче, условия труда улучшаются); 2) мужчинам, как и женщинам, выгодно, чтобы последние организовывались и отвоевывали справедливую заработную плату за равный с мужчинами труд, вместо маленького довеска к общему семейному бюджету; 3) важно — особенно для неквалифицированных рабочих — чтобы мужчины и женщины были членами одного и того же профсоюза, так же, как они являются членами одной и той же партии».

Первоочередной задачей работниц всех стран в статье Л. Лафарг «Привет из Франции» была названа необходимость объединения для борьбы за защиту своих прав, для борьбы вместе со всем рабочим классом против гнета капитала. В статье «Сила женщин» Л. Каутская отметила как «факт наиважнейшего значения» появление нового движения «работниц всех наций, идущих рука об руку с рабочими всех стран». Это движение не должно действовать в ограниченных национальных рамках, его лозунг — освобождение пролетариата всех стран от ига капитала.

Именно Л. Каутской Энгельс поручил еще до выхода в свет первого номера «Arbeiterinnen-Zeitung» следить за распространенным тогда в США движением за равноправие женщин, что было необходимо, по его мнению, в интересах немецкого, австрийского и английского движения работниц [29]. Как отметила «Arbeiterinnen-Zeitung» 7 октября 1892 г., в Соединенных Штатах в то время успехи женского движения, в общем и целом буржуазного, были более существенными, чем в любой другой стране мира [30]. В октябре — ноябре 1891 г. Энгельс в письмах к Ф. А. Зорге, проживавшему в США, обратился с просьбой присылать ему местные газеты или журналы, посвященные этой теме, «отдельные номера какого-либо феминистского органа». Энгельс просил Л. Каутскую «следить в какой-то мере» за американским женским движением и для того, чтобы «тем самым держать в известной мере в курсе» этого движения его самого. В начале января 1892 г. Энгельс передал Зорге просьбу Л. Каут-

ской посылать ей «The Woman's Journal» (Бостон), газету, необходимую «для венской «Arbeiterinnen-Zeitung» [31]. По поручению Энгельса, в приписке к его письму от 30 марта 1892 г., Л. Каутская обратилась к Г. Шлютеру, тоже проживавшему тогда в США, с просьбой снабжать ее информацией «о женском движении в Америке за гражданские права». Она писала, что ей нужен бы был «сжатый, но исчерпывающий очерк исторического развития движения за получение женщинами гражданских прав». Луиза сообщила Шлютеру, что Энгельс получает для нее от Зорге «два наиболее значительных органа феминисток «Woman's Journal» и «Woman's Tribune» [32].

Задача Каутской как корреспондентки «Arbeiterinnen-Zeitung» в данном случае заключалась не только в информации об этом движении, но и в критике некоторых ошибочных позиций влиятельных буржуазных феминисток. Например, 6 мая 1892 г. в «Arbeiterinnen-Zeitung» она выступила на тему «Поборницы женских прав и сокращение рабочего дня для женщин», критикуя одну статью из бостонской газеты «The Woman's Journal». Деятельница, написавшая эту статью, осуждала законодательное сокращение рабочего дня женщин, рассматривая его лишь как причину для увольнения работниц хозяевами предприятий, как покушение на их право и желание зарабатывать «столь много, сколько возможно». Л. Каутская справедливо сочла такую позицию равнозначной призыву: «Да здравствует право работниц на их безграничное угнетение капиталом!». Уже давно доказано, заметила она, что сокращение для женщин рабочего дня на фабриках неизбежно влечет за собой такое же сокращение рабочего дня и для работающих мужчин. Она сослалась на первый том «Капитала», где Маркс цитировал английский фабричный акт от 7 июня 1844 г. о сокращении рабочего дня женщин старше 18 лет, в котором с иронией отмечалось, что не было ни одного случая, когда женщины «жаловались бы на это вторжение в их права» [33].

В выходных данных первого номера «Arbeiterinnen-Zeitung» были указаны «владелицы газеты», упомянутые выше А. Дворжак, М. Грубингер и В. Кофлер. В качестве «издателей» газеты, кроме Адлера, там фигурировали австрийские социал-демократы Р. Покорни и ответственный редактор Л. А. Бретшнайдер.

Анализ первых двадцати двух дошедших до нас номеров «Arbeiterinnen-Zeitung» за 1892 г. (№ 1—14, 16—23) дает представление о первоначальном авторском составе этой газеты. Названы авторы большой части ее публикаций, хотя ряд статей печатался без подписи: редакционные статьи и сообщения, заметки под неизвестными нам инициалами либо псевдонимами. Первые четыре номера газеты — это результат деятельности прежде всего названных выше соратниц Энгельса. Они авторы всех передовых статей, например Л. Каутская — во втором и четвертом номерах. Всего ей принадлежат четыре статьи из первых номеров. Четыре раза в течение года

выступала в газете Л. Лафарг, а Эл. Маркс-Эвелинг и Л. Каутская — по пять раз. В. Кофлер, по инициативе которой возникла «Arbeiterinnen-Zeitung», за год выступила в газете восемь раз, из них дважды — с передовыми статьями. Член редколлегии М. Грубингер — один раз. Больше всего за год выступила на страницах газеты А. Дворжак — десять раз, включая одну передовую статью.

Следует отметить, что фамилия А. Дворжак со второго номера исчезла из выходных данных «Arbeiterinnen-Zeitung» до февраля 1893 г. Причиной этого была, судя по всему, ее большая практическая деятельность, о которой дают полное представление как «Arbeiterinnen-Zeitung», так и «Arbeiter-Zeitung». Там публикуются ее статьи, многочисленные объявления и отчеты о рабочих собраниях в Вене и в других местах Австрии, на которых она выступала, стараясь прежде всего объединить работниц, приобщить их к деятельности социал-демократов. Например, в «Arbeiterinnen-Zeitung» от 26 февраля 1892 г. она со знанием дела рассказала о тяжелом положении работниц на фабриках стекла и наждачной бумаги. Судя по этой статье, подписанной «Бывшая коллега А. Д.», в данной отрасли промышленности ей приходилось работать. Она призвала этих фабричных работниц вступать в образовательные союзы, посещать собрания, читать рабочие газеты, объединяться с их подругами из других отраслей промышленности и вступать в ряды социал-демократической рабочей партии.

Письмо Энгельса Л. Лафарг от 5 декабря 1892 г. свидетельствует о некоторых организационных неувязках в рассылке за границу «Arbeiterinnen-Zeitung». Энгельс объяснял это происходившей тогда «полной передачей газеты женщинам» [34]. Видимо, поездка Каутской в Вену с 24 июля до начала сентября 1892 г. была связана и с подготовкой этой передачи. Энгельс, вместе с Бебелем, также должен был поехать в Вену к концу пребывания там Л. Каутской, затем они втроем должны были отправиться в Берлин, а оттуда — в Лондон. Но из-за состояния здоровья Энгельс отказался от поездки [35].

В выходных данных «Arbeiterinnen-Zeitung» с ее четвертого номера от 17 февраля 1893 г. теперь постоянно были указаны только женщины: В. Кофлер как издательница и А. Дворжак как ответственный редактор. Газета к этому времени приобрела, по определению Энгельса, «здоровый пролетарский характер» и составляла «весьма приятный контраст со всеми остальными женскими газетами» [36].

На страницах «Arbeiterinnen-Zeitung» широко публиковались тогда материалы о женском движении, о классовой борьбе работниц в Вене и по всей Австрии, о задачах работниц в этой борьбе, об их положении и борьбе в других европейских странах и в США.

По австрийским законам о печати газета подвергалась строгой цензуре. Из публикаций нередко изымались отдельные строки и час-

ти текста, некоторые номера были конфискованы. Авторам, писавшим для газеты, не всегда удавалось преодолеть существовавшие цензурные ограничения. Так, 19 апреля 1892 г. Энгельс сообщил Л. Лафарг, что ее статья для «Arbeiterinnen-Zeitung» о «религиозном вмешательстве на фабриках, по-видимому, оказалась чересчур резкой для австрийских законов о печати» [37]. Эта статья так и не появилась в газете.

Активистки «Arbeiterinnen-Zeitung» не ограничивались журналистской деятельностью, они сочетали ее с выступлениями в союзах работниц, на их собраниях. Подробные отчеты об этих собраниях регулярно публиковались в газете. Участвовавшая в них А. Дворжак неоднократно преследовалась за это властями. Она подверглась злобным нападкам либеральной прессы за свое выступление в начале декабря 1892 г. на собрании безработных женщин и девушек. В ее защиту выступила 16 декабря того же года «Arbeiter-Zeitung». 23 ноября 1893 г. суд приговорил А. Дворжак к штрафу и четырехдневному аресту за «оскорбление органов общественной власти», якобы допущенное в ее речи на разогнанном властями 10 сентября собрании прислуги [38].

Подобным преследованиям подвергались и некоторые другие активистки «Arbeiterinnen-Zeitung». Так, М. Краза, входившая в редколлегию газеты с декабря 1893 г., 6 ноября по приговору суда была подвергнута восьмидневному строгому аресту за выступление на собрании женщин 6 августа того же года на тему «Политическое и экономическое положение работниц» [39].

Редакция «Arbeiterinnen-Zeitung» содействовала организации новых объединений работниц. Ответственный редактор газеты А. Дворжак поместила в газете 18 ноября 1893 г. обращение к работницам Вены, в котором сообщалось о создании учебного и дискуссионного клуба «Либертус» для женщин и девушек, состоящих в рабочих и профессиональных организациях. Клуб был создан для политического просвещения его членов с тем, чтобы помочь им обмениваться мнениями по различным вопросам и вести дискуссии. Этот номер «Arbeiterinnen-Zeitung» имел нередкий для газеты редакционный надзаголовок «2-е издание после конфискации». «Конфискована» была передовая статья «Политическая ситуация».

В августе 1893 г. на Международном социалистическом рабочем конгрессе в Цюрихе Энгельс лично познакомился с 24-летней работницей из Вены А. Дворжак, которая, как он полушутливо писал Г. Энгельсу и Л. Лафарг, была «настоящей моей любимицей», «очаровательной во всех отношениях девочкой» [40]. А. Дворжак вместе с Л. Каутской представляли на конгрессе венских работниц.

Письма Энгельса и Л. Каутской после конгресса указывают на продолжение их дружеских и деловых отношений с А. Дворжак. Можно предположить, что Л. Каутская из Цюриха поехала в Авст-

рию вместе с А. Дворжак и, видимо, жила в Вене у нее [41]. Там Каутская выступала на многих рабочих собраниях. Энгельс после пребывания в Австрии в сентябре 1893 г. неизменно упоминал А. Дворжак среди своих австрийских друзей, которым он передавал приветы в письмах к Адлеру [42]. Для «Arbeiterinnen-Zeitung» Энгельс и Л. Каутская с октября 1893 г. помогли организовать через Зорге регулярную отправку газеты «The Woman's Journal» прямо в Вену, на адрес А. Дворжак. Именно ей, как ответственной за подбор материала для газеты, посылала тогда Л. Каутская статьи и заметки [43].

Последнее опубликованное письмо Энгельса Адлеру с упоминанием членов редколлегии «Arbeiterinnen-Zeitung» датируется 17 июля 1894 г. В конце он пишет: «Сердечный привет твоей жене, Адельгейде, Поппу и всем друзьям» [44].

Цюрихский конгресс был в центре внимания «Arbeiterinnen-Zeitung». 7 июля 1893 г. газета разъясняла австрийским работницам необходимость участия их делегатки в данном конгрессе. Было подчеркнуто, что их представительница делегировалась не просто от женщин, а от социал-демократов, партийная организация которых брала на себя все расходы по ее участию в конгрессе наравне с другими делегатами Австрии. Работницы, как обычно, принимали со всеми рабочими посильное материальное участие в пополнении «агитационного фонда» партии, чтобы их страна была «достойно представлена» на конгрессе. 21 июля «Arbeiterinnen-Zeitung» опубликовала повестку дня Цюрихского конгресса.

Накануне конгресса, 4 августа, газета отметила, что на этот раз «Австрия будет представлена сильнее, чем на обоих предыдущих рабочих конгрессах». Более сильным оказалось и представительство работниц. В итоге от Австрии в Цюрихе присутствовали 34 делегата, из них 3 женщины: представительницы венских работниц А. Дворжак, Л. Каутская и Жозефина Скалоуд от чешских работниц [45]. Таким образом, «Arbeiterinnen-Zeitung» имела на конгрессе собственных специальных корреспонденток, обеспечивших ее объективной информацией «из первых рук».

Особое внимание газета уделила пятому пункту повестки дня: «Охрана труда работниц». Резолюция конгресса по этому пункту была составлена Каутской с учетом предложений женщин из рабочих союзов Англии, Франции, Германии, Австрии, Италии и Швейцарии. Л. Каутская неоднократно разъясняла эту резолюцию австрийским работницам на страницах «Arbeiterinnen-Zeitung». Она же являлась основным докладчиком по пятому пункту повестки дня и огласила резолюцию на конгрессе по поручению комиссии, готовившей данный вопрос [46].

В преамбуле резолюции констатировалось непримиримое расхождение позиции социал-демократического движения по вопросу об охране труда работниц с позицией не признающих классовую

борьбу сторонниц буржуазного движения за равноправие женщин. Последние отвергали любое трудовое законодательство в пользу работниц, считая его «покушением на свободу женщины и на равенство ее прав с мужчиной». Таким образом, они не принимали в расчет характер существовавшего общества, основанного на эксплуатации классом капиталистов всех рабочих, как женщин, так и мужчин. В резолюции также говорилось, что они недооценивали особую, очень важную для будущего, роль женщины как матери, воспитательницы детей.

Резолюция предлагала представителям трудящихся всех стран настаивать на законодательной охране труда работниц, требуя соблюдения следующих условий: 1) 8-часовой рабочий день для взрослых женщин и 6-часовой для тех, кто моложе 18 лет; 2) 36-часовая рабочая неделя; 3) запрещение ночного труда; 4) запрещение труда женщин во вредных для их здоровья отраслях производства; 5) запрещение труда беременных женщин на 2 недели до и на 4 недели после родов; 6) назначение в достаточном количестве женщин-инспекторов во всех отраслях промышленности, где заняты женщины; 7) распространение перечисленных выше мер на всех женщин, работающих на фабриках, в мастерских, в магазинах, сельском хозяйстве и надомниц. По свидетельству «Arbeiterinnen-Zeitung», эта резолюция была принята большинством голосов, хотя против нее выступили бельгийские делегатки, считавшие законы по охране труда «ущемляющими права женщин в пользу мужчин»; по их мнению, подобное законодательство способствовало бы «вытеснению» женщин с предприятий и лишению их возможности заработать на жизнь. Они одобряли лишь создание профессиональных и ремесленных школ для женщин, а также так называемых народных кухонь. Однако бельгийские делегатки вместе со всеми поддержали требование равной оплаты равного труда женщин и мужчин.

В поддержку резолюции, как писала «Arbeiterinnen-Zeitung», на конгрессе выступила от Австрии А. Дворжак, разъяснив, что речь идет не о какой-то отдельной охране труда для женщин в ущерб им самим либо мужчинам, а о бесспорно необходимой охране труда женщины как матери в интересах обоих полов, в интересах всего пролетариата. Причем, отметила она, выдвигаемые требования двухнедельного отпуска до и четырехнедельного после родов являются на сегодняшний день лишь необходимым минимумом. В Австрии это уже осуществлено и социал-демократы выступают за шестинедельный отпуск после родов. А. Дворжак подчеркнула, что в резолюции выдвигаются достаточно умеренные требования по этому поводу, так как для достижения скорого успеха именно с них надо начать, например, англичанам, у которых пока нет никаких подобных законодательных актов. Энергично выступила в поддержку этой резолюции и член австрийской делегации Ж. Скалоуд из Праги [47].

Через некоторое время после Цюрихского конгресса Энгельс вместе с Бебелем отправился из Швейцарии в Австрию и в первой половине сентября 1893 г. провел шесть дней в Вене и один день в Праге.

В Вене Энгельсу, по его словам, «пришлось дважды появляться перед «партией» [48]. Он имел в виду торжественный вечер 11 сентября, организованный австрийскими социал-демократами в его честь, и социал-демократическое собрание 14 сентября, посвященное итогам Цюрихского конгресса. По сообщению «Arbeiterinnen-Zeitung» 20 октября 1893 г., это было внушительное собрание представителей и представительниц венского пролетариата. На нем «нескончаемым ликованием» были встречены «почетные гости» Энгельс, Бебель и Л. Каутская, которая с большим успехом выступила по поводу резолюции конгресса об охране труда работниц. «Мы выдвигаем наши требования,— сказала в заключение от имени работниц Л. Каутская,— не в своих особых интересах, а полностью осознавая, что нам следует организоваться, чтобы поддержать борьбу мужской части социал-демократов» [49].

Этими словами Каутская охарактеризовала задачи наиболее передового направления тогдашнего пролетарского женского движения. Его успешно пропагандировала среди австрийских работниц «Arbeiterinnen-Zeitung». Высокий теоретический уровень газеты был с самого начала обеспечен сотрудничеством в ней Л. Каутской, Эл. Маркс-Эвелинг, Л. Лафарг при прямом влиянии Энгельса. Завоевав авторитет среди венских работниц как социал-демократки и сотрудницы «Arbeiterinnen-Zeitung», Л. Каутская и А. Дворжак смогли выйти на международный уровень рабочего движения и отстаивать на конгрессах в Брюсселе и Цюрихе социал-демократические позиции пролетарского женского движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 528; Т. 38. С. 242; Т. 39. С. 226—227, 285, 292—296, 307, 329; Т. 50. С. 398.

[2] См. там же. Т. 38. С. 242.

[3] Там же. С. 189.

[4] Там же. Т. 39. С. 106.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 116.

[7] Arbeiter-Zeitung. 1893. 20.I. См. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 115—116.

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 117.

[9] См.: Arbeiter-Zeitung. 1892. 10.VI.

[10] См.: Arbeiterinnen-Zeitung. 1892. 17.VI; Arbeiter-Zeitung. 1892. 17.VI.

[11] См.: Sozialdemokratische Arbeiterpartei Österreich. Bericht an den Internationalen Socialistischen Arbeiterkongress. Zürich, 1893. S. 4.

[12] См.: Congrès international ouvrier socialiste tenu à Bruxelles du 16 au 23 août 1891. Bruxelles, 1893. P. 216. 24—26 декабря 1893 г. в Вене состоялся первый

австрийский съезд профсоюзов. Там были приведены следующие данные: в различных отраслях промышленности Австрии занято 443 693 человека; организованы в рабочие союзы 31 522 человека, в том числе 659 женщин, из которых 385 — из провинции, из Вены — 274; 308 венских работниц организованы в профессиональные союзы (см. Arbeiterinnen-Zeitung, 1893. 3.XI; 1894. 5.I).

[13] См.: Sozialdemokratische Arbeiterpartei Österreichs. Bericht an den Internationalen Socialistischen Arbeiterkongress. Zürich, 1893. S. 5—6; Arbeiter-Zeitung. 1892. 10.VI; Arbeiterinnen-Zeitung. 1892. 17.VI.

[14] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 113. См. также: С. 100, 106—107.

[15] См. Arbeiterinnen-Zeitung. 1894. 18.V.

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 218.

[17] Там же. С. 145.

[18] *Lafargue L.* Ein Gruß aus Frankreich // Arbeiterinnen-Zeitung. 1892. 1.I; *K[autsky] L.* Die Macht der Frauen. Ibid. 15.I; *Marx-Eveling E.* Wie sollen wir organisieren? Ibid. 5.II. В 38-м томе 2-го издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (с. 145 и примеч. 177) упомянута в качестве такой программной статьи большая корреспонденция из Лондона Л. Каутской «Из Англии» о положении английских работниц в конкретных отраслях промышленности и сфере обслуживания, опубликованная в газете 1 января 1892 г. и помеченная датой «5 декабря». Однако мы считаем, что Энгельс в письме 2 октября 1891 г. имел в виду передовую статью Л. Каутской «Сила женщин». На это указывает, по нашему мнению, как содержание данной статьи, так и логика расположения и оформления всех трех программных статей, помещенных поочередно в первых трех номерах «Arbeiterinnen-Zeitung» без указания даты.

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 215.

[20] Там же. С. 145, 218.

[21] Там же. С. 298.

[22] Там же. Т. 39. С. 104.

[23] См. там же. Т. 38. С. 218, 220, 248, 281, 309.

[24] См. там же. С. 145, 175. См. также Arbeiterinnen-Zeitung. 1894. 18.V.

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 141.

[26] См. там же. С. 117, 121, 143.

[27] См.: Congrès international ouvrier socialiste tenu à Bruxelles du 16 au 23 août 1891. Rapport. Bruxelles, 1893. P. 44, 84—85. Verhandlungen und Beschlüsse des Internationalen Arbeiter-Kongresses zu Brüssel (16.—22. August 1891). Berlin, 1893. S. 32.

[28] Ibid. S. 33. Для Австрии эта резолюция была особенно актуальна, так как в австрийских законах ограничение политических и гражданских прав женщин было обосновано прямым заявлением, что «женщины политически незрелы» (см. Arbeiterinnen-Zeitung. 1893. 20.I; 17.II). Следует отметить, что на Международном социалистическом рабочем конгрессе в Париже (14—21 июля 1889 г.), наряду с резолюцией о необходимости трудового законодательства в пользу женщин, была принята резолюция о том, что «долг рабочих — принять на равных в свои ряды работниц и сделать превалирующим принцип: за равный труд равная оплата для трудящихся обоих полов и без различия национальностей» (см.: Les Congrès Socialistes Internationaux. Ordres du jour et Résolutions. Gand, 1902. P. 64, 65, 66).

[29] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 168.

[30] В 1890 г. в США была создана Национальная ассоциация борьбы за избирательные права американских женщин (National American Woman Suffrage Association). В этой ассоциации объединились две существовавшие с 1869 г. организации: Национальная ассоциация борьбы за избирательные права женщин (National Woman Suffrage Association), которая добивалась принятия поправки о правах женщин к Федеральной конституции, и Ассоциация борьбы за избирательные права женщин (Woman Suffrage Association), выступавшая за предоставление избирательных прав женщинам через соответствующие поправки к конституциям штатов. Благодаря этому движению, статьи об избирательных правах женщин были включены в конституции штатов Вайоминг (1890), Колорадо (1893), Юта (1895).

Борьба за включение в конституции штатов статей об избирательных правах женщин была предварительным этапом движения за принятие соответствующей поправки к Федеральной конституции, своего рода формой оказания давления на Конгресс. Политики стали серьезней относиться к движению за избирательные права женщин. В 1890 г. была также создана Федеральная ассоциация за равноправие женщин (Federal Woman's Equality Association). Она выступала за то, чтобы Конгресс предоставил женщинам право голоса на всех выборах членов палаты представителей и сенаторов.

В том же году появилась Всеобщая федерация женских клубов (General Federation of Women's Club). Клубное движение женщин развивалось в США на протяжении XIX в. (см.: The Encyclopedia Americana. Vol. 29. New-York; Chicago, 1944. P. 448—449, 451, 465—466, 470).

[31] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 215.

[32] Там же. С. 274.

[33] Там же. Т. 23. С. 291.

[34] Там же. Т. 38. С. 463.

[35] См. там же. С. 354, 357, 362, 368, 370, 372, 383.

[36] Там же. Т. 39. С. 28.

[37] Там же. Т. 38. С. 281.

[38] См.: Arbeiterinnen-Zeitung. 1893. 1.XII.

[39] См.: Arbeiterinnen-Zeitung. 1893. 18.XI.

[40] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 97, 100.

[41] См.: Arbeiterinnen-Zeitung. 1893. 1.IX; 20.X.; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 100, 102.

[42] См. там же. С. 118, 172, 231.

[43] См. там же. С. 114, 162, 192.

[44] См. там же. С. 231.

[45] См.: Arbeiter-Zeitung. 1893. 11.VIII.

[46] См.: Arbeiter-Zeitung. 1893. 25.VIII; Arbeiterinnen-Zeitung. 1893. 1.IX.

[47] Ibid.

[48] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 104.

[49] Arbeiter-Zeitung. 1893. 22.IX.

М. Д. Дворкина

«АНТИ-ДЮРИНГ» Ф. ЭНГЕЛЬСА В РОССИИ

Первые издания произведений К. Маркса и Ф. Энгельса появились в России в 60—70-е гг. прошлого столетия, они печатались нелегально в подпольных типографиях на мимеографах и гектографах. Изредка, и, как правило, без упоминания имени авторов, изложения некоторых работ печатались в прогрессивных журналах. Произведения Маркса и Энгельса, издававшиеся в русских эмигрантских типографиях Швейцарии и Англии, тайно, с большими трудностями доставлялись и в Россию [1].

Работа Энгельса «Анти-Дюринг» вышла отдельным изданием летом 1878 г. в Лейпциге и быстро распространилась в Германии и других странах. Большой интерес вызвала она в России. О распространении «Анти-Дюринга» в России написано немного [2]. Поэтому имеет смысл рассмотреть этот вопрос более основательно.

Распространение «Анти-Дюринга» в нашей стране до 1917 г. нельзя считать случайным явлением. В России назревали революционные события, и русские революционеры стремились глубже понять сущность общественных процессов, найти теоретическое обоснование своих целей и своей общественно-политической деятельности. Такое обоснование давал марксизм. В этой работе можно было впервые получить цельное представление об этой теории, о всех трех составных частях марксизма, и неудивительно, что она сразу же привлекла внимание передовых ученых и революционных кругов России.

Следует отметить, что взгляды Дюринга нашли отклик у русской интеллигенции и некоторой части революционно настроенной молодежи [3]. Хотя переводы произведений Дюринга появились в России только в 90-х гг., система его взглядов была известна по изложениям таких русских философов, как А. Козлов, И. Милославский. Отзывы на работы Дюринга появлялись и в русских прог-

рессивных журналах — рецензия П. Л. Лаврова в журнале «Знание» за 1873 г., статья Н. К. Михайловского в том же году в «Отечественных записках». В редакционном примечании к одной из статей в шестом номере журнала «Слово» за 1878 г. отмечались существенные отличия теоретических взглядов Дюринга от взглядов немецких социал-демократов и упоминалось о выступлении Энгельса против него. Н. С. Русанов в 1881 г. в третьем номере журнала «Дело» критиковал Дюринга, используя, по словам автора, аргументацию Энгельса из «Анти-Дюринга».

Энгельсу было известно о большом интересе к его книге в России. В 1884 г. он писал Э. Бернштейну: «...как мне сейчас сообщают со всех сторон, эта вещь произвела совершенно неожиданное для меня впечатление, особенно в России. Стало быть, несмотря на неизбежно скучный характер полемики с незначительным противником, эта попытка дать энциклопедический очерк нашего понимания философских, естественнонаучных и исторических проблем оказала свое действие» [4].

Русская цензура в августе 1878 г. приняла решение запретить распространение немецкого издания «Анти-Дюринга» в России. Цензор К. Виддер 1 августа 1878 г. представил в центральный комитет иностранной цензуры пространный доклад о нежелательности его распространения. Виддер писал: «Разбирая критическое сочинение Е. Дюринга, автор доказывает несообразность его философских учений и особенно резко осмеивает несостоятельность его воззрений на образование коммунистических обществ с целью парализования вредного влияния капиталистов на увеличение пролетариата...» В заключение цензор отметил: «Полагая, что критический разбор сочинений Дюринга, как ученый труд, не подлежит строгости цензуры, я, тем не менее, нахожу неудобным дозволение вышеизложенных воззрений критики, о чем и имею честь представить на усмотрение комитета».

Резолюция на докладе цензора — «Запретить!» [5]

Однако в августе 1879 г. русский читатель познакомился с содержанием «Анти-Дюринга» по рецензии, опубликованной в 15-м номере журнала «Критическое обозрение». Автором рецензии был Н. И. Зибер, неоднократно встречавшийся с Марксом и Энгельсом. Интересно отметить, что у Зибера был экземпляр книги Энгельса, который он получил от М. М. Ковалевского, а тот в свою очередь получил его в подарок от Маркса [6]. В статье Зибера большую часть текста составлял перевод отрывков из «Анти-Дюринга». В ноябре 1879 г. еще один русский журнал — «Слово» — познакомил читателей с этой книгой. В его 11-м номере была опубликована статья «Диалектика в ее применении к науке», подписанная криптонимом «Н. З.». Статья, также принадлежавшая перу Зибера, по существу, представляла собой извлечение из «Анти-Дюринга». Мате-

риал расположен в той же последовательности, как и в книге. Только несколько строк в начале статьи были написаны Зибером, остальные 53 страницы текста составляет почти дословный перевод первого раздела и первых трех глав второго раздела «Анти-Дюринга». Статья, в которой не было прямого упоминания автора книги, открывалась словами: «Под этим заглавием мы предлагаем нашему читателю ряд извлечений из новой книги автора «Lage der arbeitenden Klasse in England», в которой он полемизирует против научно-философских теорий и воззрений Дюринга» [7]. Редакция обещала опубликовать продолжение статьи, но вмешательство цензуры помешало этому. Редактор и издатель за публикацию статьи получили предупреждение. Таким образом, несмотря на цензурные запреты немецкого издания «Анти-Дюринга», благодаря статьям Зибера русский читатель получил первое представление о работе Энгельса.

Есть еще один малоизвестный факт публикации, имеющий непосредственное отношение к «Анти-Дюрингу». В 1897 г. журнал «Научное обозрение» напечатал отрывок из введения к «Анти-Дюрингу» под названием «Диалектика и метафизика». Он был помещен как статья Энгельса, при этом «Анти-Дюринг» не был упомянут [8].

Основным каналом для распространения книги Энгельса в России были нелегальные, подпольные издания. В исторической литературе существуют различные мнения по поводу времени появления первого русского нелегального издания «Анти-Дюринга». Некоторые исследователи полагают, что «Анти-Дюринг» был издан впервые в Москве в 1883—1884 гг. «Обществом переводчиков и издателей» [9]. Основанием для этого вывода является письмо переводчицы и члена «Общества» Евгении Паприц Энгельсу, в котором она просила Энгельса помочь ей приобрести «Анти-Дюринг». Энгельс подарил ей книгу. Но Энгельс послал книгу 26 июня 1884 г., следовательно, начать ее переводить Паприц могла только с июля 1884 г., находясь еще за границей, в то время как основные силы «Общества» были разгромлены царским правительством весной — летом 1884 г. Нам известна лишь одна попытка восстановить издательскую деятельность после разгрома «Общества», она относится к маю 1885 г., когда уцелевшие от ареста члены «Общества» привлекли к работе новые силы, оборудовали подпольную цинкографию и начали печатать «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, но в самый разгар работы они также были арестованы [10].

Имеется свидетельство, что какое-то подпольное издание этой работы было изъято при обыске 27 февраля 1886 г. в Петербурге у М. Теселкина и П. Буткова, хранивших типографию «Партии русских социал-демократов» [11]. Однако ни одного экземпляра этого издания пока не удалось обнаружить.

В настоящее время мы располагаем тремя литографированными экземплярами «Анти-Дюринга» в сокращенном виде, в трех выпусках под названием «Наука и господин Дюринг»: первый выпуск — «Предмет и метод политической экономии»; второй — «Социализм»; третий — «Философия». Некоторые считают, что это и есть издание «Общества переводчиков и издателей». Но эти выпуски являются переводом второго издания книги, вышедшей в Цюрихе в 1886 г. Данное литографированное издание было отпечатано скорее всего в Риге. В 1890—1891 гг. в рижском Политехническом училище существовало два нелегальных студенческих кружка. Один был народовольческим, но его руководитель С. О. Горбачевский поддерживал связь с социал-демократами, в его кружке изучалась народовольческая и марксистская литература. Другой назывался «Кружком марксистов» и руководили им В. А. Горбачев и В. Д. Ульрих. Горбачев дважды привлекался к дознанию по делам о революционных кружках.

«Кружок марксистов», в который входили студенты С. Воронин, А. Власов, В. Дьяков, Н. Иванов, Н. Концович, А. Михайловский и другие, имел связи с подпольными кружками Москвы, Петербурга, Харькова, Варшавы, Кавказа. Свидетельство принадлежности упомянутого издания рижскому кружку мы находим в книге Л. Меньщикова «Охрана и революция» [12]. Существовала договоренность рижан об обмене экземплярами с Петербургом и Москвой. Один из трех сохранившихся экземпляров был обнаружен полицией при обыске у члена Петербургской социал-демократической организации М. И. Бруснева, студента лесного института Н. Сивохина. На экземпляре книги имеется штемпельная печать «Книжная агентура партии «Пролетариата» с изображением братского рукопожатия. Эта печать свидетельствует о связях рижан не только с организацией Бруснева, но и с польскими революционными кружками.

Согласно полицейским данным, «Кружок марксистов» организовался в 1890 г., а книга была изъята при аресте в июне 1892 г. Очевидно, она была литографирована в 1891 г. Возможно, что переводил книгу Ульрих, известный революционным кружкам как хороший переводчик с немецкого. В последующие годы его многочисленные переводы способствовали распространению марксистских идей в России [13]. Следует отметить, что сокращения текстов в рижском издании «Анти-Дюринга» сделаны в основном за счет исключения из текста обширных цитат из сочинений Дюринга, а не текста самого Энгельса. Перевод точен и выгодно отличается от переводов ряда более поздних русских изданий.

Примечателен и такой факт: в 1895 г. полиция обнаружила при обыске гектографированную брошюру объемом в 54 страницы под названием «Теория насилия», которая представляет

собой сокращенный перевод 2—4 глав второй части «Анти-Дюринга». Библиотека Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС располагает этим экземпляром, который является перепечаткой рижского издания. Это подтверждается не только полным совпадением текста, но и совпадением опечаток. Издание снабжено введением, которое отсутствовало в рижском издании.

Учитывая редкость этого издания (сохранилось в единственном экземпляре), приведем введение полностью. «Предлагаемый отрывок из сочинений Энгельса является, между прочим, прекрасным опровержением теорий наших народовольцев — политиков. Не заговоры, не убийства царей или жандармов, а тем более — не «сходки, демонстрации, петиции, тенденциозные адресы» (см. «Народовольческую программу», март 1892 г.) и другие деяния «интеллигентного меньшинства, неспособного больше ждать» — избавят Россию от деспотизма политического и экономического. Эклектическое идеальничанье народовольцев меркнет перед идеями научного социализма, возвестившего строго определенный, истинно революционный, социал-демократический лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» «Коммунизм увлек за собою рабочие массы и не осилят его ни паны, ни царь, ни французские радикалы, ни немецкие полицейские» (Плеханов)». В конце текста брошюры помещен «Список важнейших сочинений, переведенных на русский язык и оригинальных, выражающих сущность идей научного социализма». В первом разделе списка рекомендованы: «Манифест Коммунистической партии», «Развитие социализма», «Наука и господин Дюринг» (с указанием, что переведена только часть работы). Во втором разделе названы статьи, «имеющие более практический характер и значение». Среди них статьи Г. В. Плеханова, В. Либкнехта, «Сборник речей петербургских рабочих 1 мая 1890 года», журнал «Социал-демократ» и другие работы. Предисловие и перечень рекомендуемых книг и статей свидетельствуют о марксистских симпатиях и антинародническом направлении издателей. Это позволяет предположить, что брошюра издана социал-демократическим кружком. По-видимому, брошюра вышла в конце 1892 или в самом начале 1893 г., так как все рекомендуемые книги и статьи были изданы до 1893 г., хотя сама брошюра обнаружена при обыске в 1895 г.

Удалось установить еще одну попытку издать нелегально в России полный текст «Анти-Дюринга». В «Обзоре важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи по государственным преступлениям, за 1895 и 1896 гг.» указано, что при аресте членов «Московского Рабочего Союза», входивших в группу А. Орлова, были обнаружены различные революционные издания, мимеографы и 497 листов сочинения Энгельса, оттис-

нутых на мимеографе. Хотя и не указано, какое именно сочинение было отобрано, но по числу страниц есть основание полагать, что речь могла идти об «Анти-Дюринге». К сожалению, это издание затерялось в недрах Департамента полиции и пока не обнаружено. Есть свидетельство о распространении переводов «Анти-Дюринга» в революционной среде и в рукописном виде.

В 1894 г. в Штутгарте вышло третье издание книги Энгельса, и Комитет иностранной цензуры в России вновь принял решение о запрещении этого издания. Цензор А. Копылов в докладе для Комитета писал: «Сочинение это в первом издании было запрещено у нас по докладу покойного цензора Виддера. Просмотрев настоящее издание, я нашел в нем те же места, на которые обращал внимание г. Виддер, и полагаю, что нет повода к отмене решения. Главная причина цензурной меры вызывается особенно страницами 286 и 306, где доказывается неминуемость социалистического переворота в силу ненормального экономического быта общества, созданного нынешним производством... Задача ученых специалистов в настоящее время заключается единственно в том, чтобы ускорить наступление кризиса, просвещая пролетариев и склоняя их к единству действий. Вообще нужно сказать, что сочинение, несмотря на свою полемическую цель и характер, «может заменить вполне социалистический катехизис». Резолюция на этом докладе, как и следовало ожидать,— «Остаться при прежнем решении» [14].

В ноябре 1892 г. русский эмигрант Г. Ф. Львович писал из Швейцарии в Петербург своим товарищам по ссылке (он был выслан в Петропавловск в 1883 г. за организацию ученического кружка в Подольской духовной семинарии): «Только что до моего сведения дошло, что на днях с большой помпой началось издание сочинений знаменитого Евгения Дюринга в русском переводе. Что уже вышло, что готовится — не знаю. Но я знаю, что еще в дни моей молодости с Дюрингом много носились радикальные юнцы, отрывки из него усердно распространялись, и, между прочим, один мой хороший знакомый, покойный Н. Ф. Омиров работал над переводом Соч[инений] Дюринга. Тогда это было делом довольно гадательным, как, начальство позволит ли издание или нет? Нынче, как видите, времена переменились. Дюринг тоже одобряется. Этого можно было ожидать. Но гораздо раньше переменились взгляды на Дюринга у немцев. Когда еще у нас носились с ним, как с писаной торбой, в Германии вышла резкая критика дюринговских взглядов. Это книга Engels'a «Ниспровержение науки господином Евгением Дюрингом». Это произведение Энгельса приобрело со временем большое значение как одно из основополагающих (grundlagend) для материалистического толкования истории... Я давно прицеливался перевести всю эту книгу на русский язык, но остано-

вился затем, что и сам же Дюринг нашей публике неизвестен. Нынче эта преграда устранена и мне страшно хотелось бы, хотя я и болен, взяться за эту работу. Не поможете ли Вы мне относительно издания? Нельзя ли издать книжку «своими» средствами? Сколько бы это стоило? В ней листов 15—20 цензурных (по 30 000 букв). Я гол как сокол, но на это дело может быть [собрал] несколько денег.— Книгу бы отпечатать на самой гнусной серой бумаге и пустить в продажу возможно дешевле. А как цензура? Есть ли возможность обойти ее?» [15] Очевидно, из-за цензурного запрета это издание не увидело свет. Львович после возвращения из Швейцарии много сделал для пропаганды марксизма как издатель и переводчик в 1903—1907 гг.

В середине 90-х гг. были предприняты первые попытки легального издания «Анти-Дюринга» в России. Одним из инициаторов этого был Плеханов. В письме к Энгельсу от мая — июня 1895 г. он писал: «Не разрешите ли Вы нам перевести Ваши книги «Положение рабочего класса в Англии» и «Переворот в науке, произведенный господином Дюрингом»? Это для издания в России. Только... там цензура, и она не особенно любезна в настоящий момент — наоборот» [16]. Но план Плеханова был подхвачен. В 1896 г. В. Д. Бонч-Бруевич, живший в то время в эмиграции в Швейцарии, организовал группу переводчиков из своих друзей. Их силами было переведено более 50 книг. Среди них были произведения Маркса и Энгельса, в том числе и «Анти-Дюринг». Однако все эти переводы остались в рукописях. Об этом свидетельствует полицейский документ: «Значительное количество материала доставляет этим издателям проживающий в Швейцарии (в Цюрихе) эмигрировавший из России Владимир Бонч-Бруевич. Так, им были уже доставлены Семенову в начале текущего года рукописи: «Капитал» Родбертуса, «Энгельс против Дюринга», Де-Граф «Социология», Кроль «Поземельная собственность на острове Ява», «18 брюмера» Маркса». При этом предлагалось «принять соответствующие меры к возможно внимательному и строгому цензурному просмотру народных книг и популярных сочинений, выпускаемых в свет при содействии поименованных издателей» [17].

Таким образом, до конца XIX в. все попытки издать в России «Анти-Дюринг» легально заканчивались неудачей. И только в 1904 г. появилось первое легальное издание этого произведения Энгельса. Книга вышла под названием «Философия. Политическая экономия. Социализм. (Переворот в науке, произвед. Дюрингом)» в издательстве В. И. Яковенко. Перевод был сделан с 3-го немецкого издания и включал предисловия автора к изданиям 1878, 1886 и 1894 гг.

Отпечатанный без предварительной цензуры тираж книги был

представлен в цензурный комитет. Но отношение царской цензуры в 1904 г. к произведению Энгельса не изменилось. Цензор отметил отдельные места и страницы, которые, по его мнению, не могли быть дозволены, обратив особое внимание на критику христианской религии и нравственности, изложение главных идей научного социализма, обоснование его неизбежного торжества. Рассмотрев доклад цензора, Петербургский цензурный комитет признал, что распространение книги принесет «особый вред» обществу. Цензурный комитет нашел, что книга Энгельса «написана с практической целью служения интересам социалистической партии и представляет краткое, но вполне ясное и доступное массе читателей изложение главных оснований учения Маркса и его доводов о неизбежности изменения общественного строя на началах социалистических» [18]. Издатель вынужден был согласиться с требованиями цензуры и сделать изъятия. Книга вышла в свет в изуродованном виде. Из-за многочисленных изъятий предложений, абзацев и целых страниц текст на некоторых страницах сгущен или разрежен. О цензурных изъятиях можно судить и по обозначению страниц. Так, на одной странице нумерация обозначена 123—124, на другой — 402—412 и т. д. В результате этого, а также из-за плохого качества перевода, сделанного Ю. Цедербаумом (Мартовым), русский читатель не получил полного представления о книге Энгельса. Не случайно после выхода в 1905 г. второго издания книги в том же переводе ежемесячный московский журнал «Правда» опубликовал «Письмо в редакцию» за подписью «Читатель», в котором резко критиковались и издатель, и переводчик книги. Автор письма, личность которого не удалось установить, отмечал: «Все почитатели памяти Энгельса могли бы, конечно, только радоваться, что главное его сочинение, представляющее один из важнейших и лучших трудов по теории марксизма и переведенное почти на все культурные языки [19], увидело, наконец, свет и на русском языке». Затем он продолжал: «...книга, которая и без того, пройдя через «геенну огненную» цензуры (уже после напечатания) и испытав на себе всю прелесть «независящих обстоятельств», потерпела страшные аварии, переведена и издана в высшей степени небрежно: она так и пестрит различными пропусками как отдельных слов, так и целых предложений, даже страниц, неправильностями, ошибками, опечатками и т. д.».

Автор письма пишет: «Невольно напрашивается мысль, что если гг. переводчик и издатель задались специальной целью представить публике великое творение Энгельса в чрезвычайно искаженном виде, то они не могли бы придумать ничего лучше, чем издать настоящий «перевод» в настоящем виде». Считая этот перевод злостной карикатурой на сочинение Энгельса, автор заключает: «...тем, кто пожелает познакомиться не с карикатурным, а с действи-

тельным Энгельсом, придется по-прежнему обращаться к оригиналу или же... подождать лучших дней» [20].

Важно отметить, что текст перевода рижского «Кружка марксистов» гораздо точнее передает содержание труда Энгельса, чем перевод Мартова. В 1907 г. в предисловии к русскому изданию перевода писем Маркса Кугельману В. И. Ленин обратил внимание на низкое качество перевода «Анти-Дюринга» и охарактеризовал его так: «...прямо плохой перевод, с ошибками» [21]. И все же, несмотря на недостатки, появление в России в 1904 г. полного текста «Анти-Дюринга» было значительным явлением, и в этом несомненная заслуга Яковенко.

Потребность в книге Энгельса в эти годы была столь велика, что менее чем через два месяца после первого издания понадобилось второе, которое вышло в 1905 г. тиражом в 3100 экз., в 1906 г. увидело свет третье издание тиражом 5000 экз., а в 1907 г.— четвертое — тиражом в 3100 экз.

В издании 1907 г. Яковенко учел критические отзывы о предыдущих изданиях. Книга вышла в серии «Социалистическая библиотека», перевод был, как указано на титульном листе, исправлен и проверен по подлиннику. В том же 1907 г. в Петербурге в переводе Н. Я. Брука вышло еще одно полное издание «Анти-Дюринга» тиражом в 4000 экз.

Появление в России на протяжении трех лет пяти легальных изданий работы Энгельса связано с первой русской революцией. Ленин писал: «Именно в этот период, с 1905 по 1907 год, в России распространена такая масса серьезной, теоретической с.-д. литературы,— главным образом, переводной,— которая еще принесет плоды» [22]. Предварительная цензура была формально отменена в России только в апреле 1906 г., но уже с начала революции цензоры были вынуждены разрешать печатать работы Маркса и Энгельса, хотя и со значительными изъятиями. После поражения первой русской революции вплоть до 1917 г. цензура не пропустила более ни одного издания «Анти-Дюринга». Удалось установить еще одну попытку издать книгу Энгельса в годы первой русской революции. В воспоминаниях Н. А. Семашко есть прямое указание на перевод им «Анти-Дюринга»: «Я кроме того перевел тогда «Anti-Dühring» Энгельса для издательства «Знание», что помогло мне материально в тюремном сидении». К тому же, из письма Семашко Плеханову от 16 февраля 1907 г. ясно, что перевод должен был выйти в 1907 г. Семашко писал: «Теоретически я владею 2 языками — французским и немецким, с немецкого перевел, в компании с другими, Филиповича (политическую экономию) и «Anti-Dühring'a» (скоро будет издан «Знанием»)» [23]. Действительно, на обложках книг, вышедших в издании «Знание», под № 202 значится «Теория научного социализма (Anti-Dühring)» Энгельса. Но и это издание не увидело свет.

К 1906 г. относится первая попытка издания собраний сочинений Маркса и Энгельса на русском языке. В Петербурге в 1906 г. была объявлена подписка на журнал «Всеобщая библиотека. Двухнедельный иллюстрированный литературно-политический журнал». Редактор-издатель В. Врублевский. Каждый номер журнала должен был состоять из нескольких переводных сочинений. Всего должно было выйти 24 тома. Но вышло только 18. В объявлении было указано, что редакция среди других авторов выпустит и собрание сочинений Маркса и собрание сочинений Энгельса. Очевидно, эти собрания должны были составляться из опубликованных в журнале в виде отдельных сброшюрованных изданий произведений Маркса и Энгельса. Врублевскому удалось издать произведения Маркса и Энгельса под следующими названиями: «Введение к критике философии права Гегеля», «Гражданская война», «Классовая борьба», «Либералы у власти», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Революция и контрреволюция в Германии», «Социализм научный и утопический». Но ему не удалось осуществить полностью свою программу; очевидно, он разорился, так как никаких сведений о цензурных преследованиях мы не обнаружили. В «Книжном вестнике» № 26 за 1907 г. помещено письмо подписчика этого журнала из Ровен с жалобой на невыполнение Врублевским условий подписки.

Кроме этой попытки издать собрание сочинений Маркса и Энгельса, нам известна еще одна. С августа 1907 г. на обложке каждого номера ежемесячника «Всемирный вестник» появлялось объявление о подписке на 1908 г. В качестве бесплатных приложений подписчикам в 1908 г. были обещаны полные собрания сочинений: Ф. Лассаля — 140 листов, 2246 страниц; В. Зомбарта — 183 листа, 2928 страниц; Ф. Энгельса — 126 листов, 2016 страниц; К. Каутского — 219 листов, 3054 страницы; К. Маркса — 519 листов, 8304 страницы. Вполне естественно, что это стало возможным после того, как в ходе первой российской революции был издан ряд отдельных работ основоположников марксизма, интерес к которым в это время возрос необычайно.

Какова судьба этого начинания и что, собственно, имелось в виду? «Всемирный вестник», или «Вестник всемирной истории», начал выходить в декабре 1899 г. в Петербурге. Его издателем и редактором был С. С. Сухонин. Среди сотрудников журнала — М. М. Ковалевский, М. А. Рейснер, Н. И. Стороженко и др. В 1890 г. в качестве бесплатных приложений журнал предлагал своим подписчикам исторические романы, беллетризованные биографии, библиотеку избранных сочинений по истории народов. Сухонин, рекламируя свое издание, писал, что это «первое в России общедоступное ежемесячное иллюстрированное историческое издание,

посвященное ознакомлению русского общества с общим ходом истории с точки зрения идеала прогресса». С 1901 г. издатель расширил тематику и включил в свою программу «всю область живой, творческой человеческой мысли», тем самым ставилась цель «указать, как вырабатывался в нынешнем человечестве идеал прогрессивной деятельности, воплощающий в себе все приобретения культурной жизни» [24]. В 1902 г. Сухонин, который в это время был во Франции, собирался опубликовать серию статей под названием «Письма из-за границы». Увидела свет статья, посвященная деятельности Русской высшей школы общественных наук. Однако продолжения не последовало: «Письма» были запрещены цензурой. Только в ноябре 1905 г. в статье «Дозволено цензурой» Сухонин рассказал о цензурных мытарствах, связанных с изданием журнала: «Сто лет просил народ о даровании ему человеческих прав и сто лет жестоко платил за свои просьбы. Начиная с пяти мучеников, повешенных 13 июля 1826 г., и до последних дней, рекой лилась кровь лучших сынов его» [25].

В 1907 г. «Всемирный вестник» предполагал знакомить русских читателей с нелегальной литературой, т. е. сочинениями, изданными за границей и запрещенными русской цензурой. Журнал издал сочинения А. Н. Радищева, Дж. Кеннена, Т. Кампанеллы, А. Бебеля и др. В этом же году в качестве особой премии журнал бесплатно выдал своим подписчикам «Классовую борьбу во Франции» и «Разоблачения кёльнского процесса коммунистов» Маркса.

Что же из задуманного удалось реализовать в следующем году? В 1908 г. журнал стал выходить еженедельно, однако появилось лишь 9 его номеров. Второй и десятый номера были изъяты цензурой. Из объявленных приложений нам удалось обнаружить только 6 томов сочинений Ф. Лассаля (год издания: 1908). На обложках красного цвета — вновь объявления о выпуске указанных сочинений. Однако после изъятия десятого номера Сухонин был привлечен к ответственности, а журнал его прекратил существование. В «Книжном вестнике» было опубликовано письмо Сухонина, объяснявшее причину прекращения выхода «Всемирного вестника» и его приложений. Вот это письмо: «Милостивый государь! Последний номер «Всемирного вестника» состоял из очередной книжки журнала и приложения к нему,— другой — соч. Карла Маркса «Парижская коммуна». Санкт-петербургский комитет по делам печати, не найдя ни одной статьи в журнале, которую бы можно было инкриминировать, тем не менее номер арестовал, точно так же арестовал и приложение к нему, возбудив против меня за приложение обвинение по п. 1 ст. 129 ул[ожения] о нак[азаниях], несмотря на то, что сочинение, явившееся приложением, в свое время было рассмотрено цензурой, и оно около двух лет свободно продается в книжных магазинах. Не видя возможности при таких условиях исполнять свои обязатель-

ства перед подписчиками так, как то я делал в течение $7^1/_2$ лет, издавая и редактируя «Всемирный вестник», я вынужден приостановить издание» [26].

Так закончилась первая попытка издать в России собрание сочинений Маркса (планировалось примерно 18—20 книг) и Энгельса (примерно 6—8 книг). Изучение имеющихся в нашем распоряжении бесплатных приложений к журналу показывает, что Сухонин использовал для них имеющиеся русские издания. И в данном случае скорее всего речь шла о переиздании уже имевшихся переводов работ и писем Маркса и Энгельса. Этому не противоречит и проведенный нами подсчет объема изданных к этому времени в России произведений основоположников научного социализма.

Мы мало знаем о дальнейшей судьбе Сухонина. Неизвестно, чем он занимался в последующие годы и когда умер. Но ясно, что это был прогрессивный публицист. Его желание ознакомить русского читателя со всеми переведенными на родной язык и разбросанными по отдельным изданиям и различным журналам произведениями Маркса и Энгельса представляет значительный интерес. Задуманные Врублевским и Сухониным издания могли бы стать первыми собраниями сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См. подробнее об издании и распространении произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в книге: Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса: История публикации и изучения в СССР. М., 1969.

2 См.: *Шульгин В.* «Анти-Дюринг» в России 70-х гг. // Звенья. 1950. VIII. С. 594—625; Красный архив. 1935. С. 12—16; *Володин А.* «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и общественная мысль России XIX в. М., 1978.

3 Подробнее см.: *Володин А. И.* «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и общественная мысль России в XIX веке. М., 1978.

4 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 118—119.

5 Историк-марксист. 1935. Кн. 8—9. С. 65.

6 Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 66.

7 Слово. 1879. № 11. С. 117—169.

8 Научное обозрение. 1897. № 5. С. 1—7.

9 *Николаевский Н. И.* Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 4. 1926. С. 363—365.

10 *Самедов В. Ю.* Е. Э. Паприц и Московское общество переводчиков и издателей // История СССР. 1970. № 1. С. 110.

11 *Сергиевский Н. Л.* Партия русских социал-демократов. М.; Л. 1929. С. 119.

12 *Меньщиков Л.* Охрана и революция. М., 1925, ч. I. С. 155.

13 *Володин А. И.* Необоснованное предположение // Вопросы истории КПСС. 1962. № 2. С. 152.

14 Историк-марксист. 1935. № 8—9.

15 ЦПА ИМЛ. Ф. 588. Оп. 6. Д. 2628.

16 К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 737.

17 *Голубева О.* В. Д. Бонч-Бруевич — издатель. М., 1972. С. 14.

18 Историк-марксист. 1935. Кн. 8—9.

[19] Это преувеличение, так как к этому времени «Анти-Дюринг» был переведен только на французский язык.

[20] Правда. 1905. № 9—10. С. 153—155.

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 373. Очевидно, Ленин пользовался третьим изданием (1906), так как он назвал фамилию переводчика, а указана она только на обложке третьего издания, предыдущие издания вышли без указания фамилии переводчика.

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 292.

[23] *Семашко Н. А.* Клочки воспоминаний. М., 1930. С. 58.

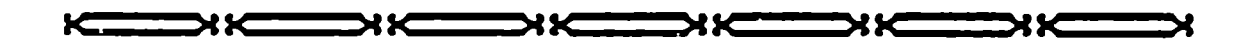
[24] Всемирный вестник. 1900. № 11. С. 1.

[25] Всемирный вестник. 1905. № 11.

[26] Книжный вестник. 1908. № 18—19. С. 135—136.

ДИСКУССИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

А. Э. Штекли

О ПОНЯТИИ «АСКЕТИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ»

Непривычность словосочетания, вынесенного в заголовок, может сразу же вызвать решительный отпор. Читатели, знакомые с «Анти-Дюрингом» и «Развитием социализма от утопии к науке», без труда уличат автора в неточности: там ведь речь идет об «аскетически суровом, спартанском коммунизме» [1]. Но мы хотим сделать предметом рассуждений именно «аскетический коммунизм». И право на это нам дает подлинник [2]. Нас совершенно не смущает то обстоятельство, что советские историки, философы и экономисты, пишущие о различных утопически-коммунистических учениях, понятием «аскетический коммунизм» обычно не пользуются. Так или иначе, но, насколько нам известно, не существует ни одной теоретической статьи, посвященной «аскетическому коммунизму». Справедливости ради заметим, что и «смягченному» его варианту («аскетически суровому, спартанскому коммунизму») в этом отношении повезло не больше. Его избегают и наши энциклопедии [3], и учебные пособия [4], и специальные работы [5]. Иногда говорят просто о «спартанском коммунизме» [6].

Все это, на наш взгляд, не способствует уяснению концепции Ф. Энгельса и разрешению вопроса о том, почему в «Анти-Дюринге» появилось понятие «аскетический коммунизм» и строки, его характеризующие. Многие исследователи оперируют, при всей своей кажущейся определенности, весьма расплывчатым термином: «грубоуравнительный (или казарменный) коммунизм», который будто бы появляется в самые различные эпохи человеческой истории, не признавая ни временны́х, ни территориальных границ,— в Древнем Китае или Передней Азии, в средневековых монастырях Европы и еретических движениях, среди мятежных крестьян и замышляющих заговоры плебеев, в революционных событиях первой половины XIX в. и на страницах рабочих листков — вплоть до наших дней [7]. Такое понимание «грубоуравнительного (казарменного) коммунизма», приобретшего чуть ли не «надысторическую» значимость [8], де-

лает ненужной всякую попытку отыскать грань между вековечными уравнительными тенденциями обездоленных и «грубым» пролетарским коммунизмом.

Безбрежной интерпретации «грубоуравнительного коммунизма» надо противопоставить конкретные исследования. Мы, к примеру, глубоко убеждены, что Г. Бабёф, да и некоторые его пылкие приверженцы 30—40-х гг. XIX столетия, как бы их подчас ни превозносили в советской историографии [9], никогда не достигли идейного уровня своих предшественников, Морелли и Г. Мабли, на коих любили ссылаться [10].

Кроме того, если мы действительно хотим прояснить, как складывалось представление Энгельса о развитии социалистической мысли, то должны тщательно проанализировать все, что связано с «аскетическим коммунизмом».

Само это понятие появилось в рукописи не сразу. Даже из примечания к начальному абзацу «Анти-Дюринга», где предварительный набросок воспроизведен почти целиком, видно, что Энгельс по ходу работы существенно изменил свою оценку роли, сыгранной Морелли и Мабли в истории утопического социализма [11].

Среди подготовительных материалов к произведениям Маркса и Энгельса не так уж много текстов, которые позволяют историкам, изучающим их наследие, с достаточной степенью надежности наблюдать зарождение той или иной концепции. Черновой набросок «Введения» к «Анти-Дюрингу», столь важный для всех, кого интересует эволюция взглядов Энгельса на историю социализма, принадлежит к числу именно таких текстов. Однако надо, к сожалению, признать, что его изучение находится еще на начальной стадии, предложенные нами толкования если кое-что и уточнили [12], то темы, разумеется, далеко не исчерпали.

Долгие раздумья над соотношением между черновым наброском «Введения» и его чистовой редакцией все больше убеждают в том, насколько сложна поднятая проблема. Новая публикация перевода подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» [13] делает уместным еще раз вернуться к тем неясностям, которые по-прежнему подстерегают читателя [14].

В чистовой редакции Энгельс писал о том, что революционные выступления еще не созревшего класса (позже он назовет его «*пред*-пролетариатом») проходили наряду [15] с соответствующими теоретическими выступлениями: «...таковы в XVI и XVII веках утопические изображения идеального общественного строя, а в XVIII веке — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)». Энгельс тут же развивает свою мысль: «Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение каждой отдельной личности; доказывалась необходимость уничтожения не только классо-

вых привилегий, но и самих классовых различий. Аскетически суровый, спартанский коммунизм был первой формой проявления нового учения» [16].

Но что подразумевается под «новым учением»? Естественно, «социализм утопический». Вчитываемся в первый абзац «Введения», однако такого выражения там нет, зато находим: новая теория — это «социализм». Мы могли бы испытать удовлетворение, если бы не пробежали глазами помещенный под строкою текст, из которого явствует, что с Морелли и Мабли начинался «современный социализм». Будто для того, чтобы еще больше увеличить наше недоумение, Энгельс выделил эти слова курсивом.

«Современный социализм,— мы внимательно перечитываем начало чистового варианта «Введения»,— по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, наемными рабочими и буржуа, а с другой — царящей в производстве анархии. Но по своей теоретической форме он выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века. Как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в экономических фактах» [17]. Ниже Энгельс пишет о том, как великие люди просвещали во Франции умы для приближавшейся революции [18].

В процитированном отрывке наряду с «современным социализмом» упомянут и просто «социализм». Из контекста нетрудно понять, что последний — это утопический социализм, развивавший принципы французского Просвещения. На смену социализму утопическому пришел, значит, «современный социализм»? Отсюда уж совсем легко заключить, что «современный социализм» это и есть «социализм научный».

Ничто не нарушило бы естественной логичности такого вывода, если бы не черновая запись Энгельса, воспроизведенная в виде примечания на той же странице: «*Современный социализм*, хотя он по существу дела возник из наблюдения существующих в обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, рабочими и эксплуататорами, но по своей теоретической форме он выступает сначала как более последовательное, дальнейшее развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века,— ведь первые представители этого социализма, Морелли и Мабли, также принадлежали к числу просветителей» [19].

Как тут не испытать затруднения? Чистовая редакция позволяет думать, что «современный социализм» развился из социализма утопического, а в черновике говорилось о другом: Морелли и Мабли

были, оказывается, первыми представителями современного социализма. Обращение к предметному указателю лишь усиливает наши сомнения: Энгельс на первой странице «Введения» под «современным социализмом» имел в виду «научный коммунизм» [20].

Согласимся, что к такому выводу можно прийти, основываясь лишь на переводе чистового варианта. Но ведь на этой же странице еще раз упомянут «современный социализм», и это перечеркивает допустимость подобного предположения. Неужели в двух вариантах текста Энгельс вкладывал в одно и то же понятие «современный социализм» столь различное содержание? Хотя разбираемый отрывок при подготовке к печати и был подвергнут существенной правке, у нас нет оснований полагать, будто за короткий промежуток времени между записью первоначального наброска и окончательной редакцией (т. е. во второй половине 1876 г.) автор «Анти-Дюринга» в корне переосмыслил само понятие «современный социализм».

Стремление найти объяснение такой трактовки текста, данной в «Предметном указателе», оказалось не безрезультатным. Нам удалось обнаружить, что в основе возникшей текстологической неразберихи лежит произвольная конъектура, допущенная в русском тексте переводчиком или редактором, которая к тому же совершенно не была оговорена [21]. «Автор» конъектуры, скорее всего из убеждения, что «современный социализм» есть синоним «научного социализма», поставил просто «социализм» там, где в подлиннике было «он» (т. е. «современный социализм») [22]. И никто из редакторов, несмотря на многочисленные переиздания «Анти-Дюринга», не обратил внимания на то, что сделанная при переводе чистового варианта конъектура, находясь на одной странице с черновым наброском, порождала недоуменный вопрос относительно различного содержания самого понятия «современный социализм» в двух редакциях текста.

Однако мы очень бы упростили проблему, если бы ограничились пожеланием убрать ненужную конъектуру и впредь не печатать этот отрывок в заведомо неточном переводе. Главная сложность в ином: чем объяснить, что в черновом наброске Морелли и Мабли фигурировали как первые представители «современного социализма», а в чистовой редакции они этот статус утратили? Мы пытались как-то «сгладить» резкость действительного изменения [23], но на этом поприще, признаться, успеха не достигли: смысл очевидной перемены яснее не стал. Пусть речь идет не о каком-либо умалении роли Морелли и Мабли в истории общественной мысли, а лишь об уточнении исходных формулировок, но это очень важное уточнение!

Работая над «Введением», Энгельс внес радикальную поправку: Морелли и Мабли, бывшие в черновике «первыми представителями современного социализма», теперь как создатели «уже прямо коммунистических теорий» превратились, стало быть, в родоначаль-

ников «аскетического коммунизма» (если вообще не в его глашатаев эпохи Просвещения). Но почему?

Среди советских историков нередки случаи, когда упомянутое Энгельсом в переписке с Марксом желание выпустить немецкий перевод Морелли одним из первых [24] в замышляемой «Библиотеке выдающихся иностранных социалистов» [25] использовалось для слишком обязывающих выводов. Мы тоже не избежали такого упрощения. Поэтому необходимо со всей откровенностью сказать, что эти издательские наметки 1845 г. нельзя класть в основу каких-либо теоретических построений.

Более того, сама мысль, возможно мимолетная, об исключительном месте Морелли и Мабли в истории «современного социализма», отраженная в черновом наброске, появилась у Энгельса, вероятней всего, как воспоминание о тех давних издательских планах [26]. Однако это не должно создать у читателя впечатление, будто автор «Анти-Дюринга» в процессе работы над книгой остался на позициях тридцатилетней давности. Черновик показывает, с чего начал Энгельс свои размышления об истоках утопического социализма.

Тем более необходимо проявлять осмотрительность при ссылках на высказывания Маркса и Энгельса о желательности перевода трудов Морелли и Мабли: это как-никак суждения февраля — марта 1845 г., когда их взгляды на историю социализма не очень-то отличались от воззрений некоторых других «философских коммунистов». Еще предстоит потратить много труда, чтобы выяснить в деталях, как постепенно выкристаллизовались те представления о различных видах социализма, которые нашли выражение на страницах «Коммунистического манифеста».

Очерк истории социалистической мысли, написанный Энгельсом для «Анти-Дюринга» и опубликованный затем также в виде брошюры «Развитие социализма от утопии к науке», как это и ни грустно констатировать, среди многих наших обществоведов должного признания не получил, хотя ссылались и ссылаются на него буквально на каждом шагу. Время от времени вспыхивали дискуссии о предмете и методе изучения утопического социализма [27], а также публиковались полемические работы, тем не менее некоторые важные теоретические положения Энгельса пристального исследовательского внимания так и не встретили.

К ним принадлежит проблема «аскетического коммунизма»: разноголосица царит и относительно того, когда он возник (называют его обычно «ранним утопическим коммунизмом») — в начале XVI или в середине XVIII в.,— кто его представители, как долго он просуществовал. А главное, какова его роль в истории социалистических идей, был ли он ее предысторией, начальным этапом, «первой формой» или же вообще к собственно утопическому социализму и коммунизму причастность имеет лишь косвенную?

Отметим, что характеристика, данная Энгельсом «аскетическому коммунизму», употреблялась — к месту или не к месту — несравненно чаще, чем само понятие. Его настойчиво избегали, даже когда пользовались относящейся к нему цитатой — в усеченном, естественно, виде [28].

Как высоко мы бы по праву ни ценили Энгельса в качестве историка социалистических идей [29], все-таки следует признать, что его и Маркса интерес к этому предмету диктовался прежде всего ходом политической и идеологической борьбы. Для исследователей-марксистов, изучающих теоретические аспекты истории утопического социализма, наиболее важны, как известно, соответствующие страницы «Манифеста Коммунистической партии» и «Анти-Дюринга». Не приходится подчеркивать, что оба эти произведения были созданы в решающие периоды пролетарского движения.

Когда псевдосоциалистические доктрины Дюринга, в том числе и его самонадеянные суждения о социалистах-утопистах, стали причинять реальный вред партии немецких рабочих, Энгельс был вынужден среди прочего противопоставить им марксистскую концепцию развития социализма.

Между «Коммунистическим манифестом» и «Анти-Дюрингом» лежало тридцатилетие, целая эпоха — революция 1848—1849 гг., раскол в Союзе коммунистов, наступление реакции, становление I Интернационала, развитие массового рабочего движения, Парижская коммуна — менялись не только названия партий, менялись подчас и сами понятия. Пролетарское движение, тридцать лет назад называвшееся коммунистическим, именовалось теперь социалистическим [30].

Исследователю, не учитывающему этих изменений, происшедших в третьей четверти XIX в., грозит серьезная опасность: он может легко утратить представление об исторической обусловленности понятий и в любом призыве к «общности» узрит если не сам «социализм», то его «элементы».

Итак, перед Энгельсом, делающим черновые наброски к «Анти-Дюрингу», сложная задача — написать очерк развития социализма. Казалось бы, в чем сложность? Ведь он — один из создателей «Коммунистического манифеста», где четко определены основные положения. Собственно социалистические и коммунистические системы — это системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д. Все они были созданы на заре XIX столетия. С них начинается история собственно утопического социализма и коммунизма. Предшествующие, да и современные им учения, проповедовавшие всеобщий аскетизм и грубую уравнительность, были по своему содержанию реакционными [31].

Пусть в этих суровых словах отразилась напряженная обстановка, царившая в пролетарском движении накануне создания «Мани-

феста», когда революционная нетерпеливость сторонников «совершенного равенства» сказывалась также в пренебрежении к «образованным», к их сложным теориям. Однако в основе несогласия Маркса и Энгельса с призывами установить как можно скорее поголовное поравнение лежали глубокие причины. Грубый, неосмысленный коммунизм был еще далеко не изжит. Работая над «Экономическо-философскими рукописями 1844 года», Маркс уже видел угрозу, которую тот собой представлял [32].

И пожалуй, ничто так хорошо не покажет нам истоки неприязни к нему творцов «Манифеста», как слова, взятые из тех же «Рукописей»: «Этот коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь *иным* способом удовлетворяет. Всякая частная собственность как таковая ощущает — *по крайней мере* по отношению к *более богатой* частной собственности — зависть и жажду нивелирования, так что эти последние составляют даже сущность конкуренции».

Маркс дает нам здесь надежный ключ к пониманию тех строк «Манифеста», которые появятся три с половиной — четыре года спустя, где речь пойдет о литературе, проповедующей всеобщий аскетизм и грубую уравнительность: «Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. У него — *определенная ограниченная* мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее» [33].

Вряд ли бы мы рискнули утверждать, что в то время к грубым коммунистам, Бабёфу и его последователям, Энгельс относился более терпимо, чем Маркс: трудно сравнивать строки из опубликованной статьи [34] с записями, сделанными для самого себя. Но одно несомненно: оба они, высоко ценя Морелли и Мабли, полагали, что хронологический перечень авторов, произведения которых следует включить в задуманную «Библиотеку выдающихся иностранных социалистов», естественно начать именно с них. Особый интерес к Морелли, возможно, был связан с тем, что трудами Вильгарделя лишь недавно «Кодекс природы» был впервые издан под собственным именем его создателя [35] и стал пользоваться большой популярностью [36].

Слова чернового наброска о Морелли и Мабли как «первых представителях» современного социализма мы можем пока объяснить,

повторим, лишь тем, что Энгельс невольно вспомнил о планах несостоявшейся «Библиотеки», однако вскоре заметил несоответствие этих слов с изложенным в «Коммунистическом манифесте».

Черновик нуждался в правке — так у «французских аскетических коммунистов», современников Сен-Симона, первоначальной редакции появились духовные предтечи в лице Морелли и Мабли, появилось и само понятие «аскетический коммунизм».

Мы прежде уже писали о том, что в представлении Энгельса, на наш взгляд, оба эти выдающихся мыслителя эпохи Просвещения положили начало «аскетическому коммунизму». Но позволим себе высказать некоторые дополнительные наблюдения. Предлагая вместо «аскетически суровый, спартанский коммунизм» переводить «аскетический, опиравшийся на Спарту коммунизм», мы стремились как можно точнее передать смысл подлинника. Большой интерес Мабли к Спарте очевиден, но относительно Морелли необходимы уточнения. Он действительно упоминал Ликурга и спартанцев, но совсем не как пример для подражания. Идеальное государство, описанное в «Кодексе природы», со Спартой все-таки имеет мало общего. Там нет ни военного воспитания, ни военной службы, ни особой суровости нравов. Да и с аскетизмом не лучше. Трудно назвать аскетическим образ жизни людей, которые видят смысл своего существования в счастье, понимаемом как беспрепятственное удовлетворение всех естественных желаний [37]. Ограничения, налагаемые на граждан как из моральных установок, так и из экономических соображений [38], придают, конечно же, обществу некоторые аскетические черты, но не делают их доминирующими.

Так что же, Энгельс, выходит, излишне сгустил краски? Объяснение, вероятнее всего, в другом: теории Морелли и Мабли лишь положили начало «аскетическому коммунизму», Бабёф и его последователи развили его. Призывы к умеренности, еще достаточно мягкие у просветителей, превратились среди бабувистов в непреложные требования: «республика равных» поражает одержимостью насилием, своим возведенным в закон свирепым аскетизмом, спартанско-палочной дисциплиной и полным пренебрежением к человеческой личности [39].

Если давно высказанный нами тезис о том, что «аскетический коммунизм» включает в себя и учения бабувистов, правомерен, тогда удается вполне удовлетворительно объяснить еще одно загадочное исправление, сделанное Энгельсом. Готовя текст «Развития социализма от утопии к науке», он пополнил разбираемую фразу несколькими словами (мы выделяем их здесь курсивом): «Аскетически суровый, спартанский коммунизм, *запрещавший всякое наслаждение жизнью,* был первой формой проявления нового учения» [40]. Сравнив эту вставку с предыдущим дополнением, когда вместо «движение Томаса Мюнцера» появилось «движение анабаптистов и То-

маса Мюнцера», и зная мнение Энгельса о плебейском и пролетарском аскетизме [41], можно было бы решить, что как раз «добавленные» анабаптисты явились причиной второй вставки. Однако это предположение наталкивается на непреодолимые трудности [42]. Вероятней иное: именно возвращение мысли Энгельса к «французским аскетическим коммунистам» XIX в. с их ставшей анахронизмом проповедью плебейско-пролетарского аскетизма и подсказало необходимость нового дополнения: «Аскетический коммунизм... запрещавший всякое наслаждение жизнью...».

Этот тезис можно подкрепить еще одним, хотя и косвенным доводом, который, однако, очень хорошо показывает, какие чувства вызывали идеи Бабёфа у молодых «философских коммунистов» Германии. Мозес Гесс, в ту пору один из ближайших единомышленников Маркса и Энгельса, отметив, что в лице Бабёфа коммунизм обрел «лишь свою первую, грубейшую форму» («Gestalt» [43]), писал: «Эта первая форма коммунизма вышла непосредственно из санкюлотизма. Равенство, которое имел в виду Бабёф, было поэтому равенством санкюлотов [44], равенством бедности. Богатство, роскошь, искусства и науки должны были быть упразднены, города — разрушены; руссоистское представление о «естественном состоянии» было призраком, который будоражил тогда умы. Великое поприще индустрии оставалось для этого коммунизма еще «terra incognita». Это был абстрактнейший коммунизм, равенство должно было быть достигнуто путем отрицания, посредством умерщвления всякой радости (Lust). Это был монашеский, христианский коммунизм, но без загробной жизни, без надежды на лучшее будущее. Лишь естественные потребности признавались как действительные, но, конечно, тоже только из нужды. Если бы можно было представить себе человека лишенным тела, то отвергли бы и тело. Но поскольку сделать этого нельзя, позволили сохранить земледелие как средство, служащее удовлетворению телесных потребностей. Эта самая убогая форма («ärmste Gestalt») коммунизма не могла продлить свою жизнь в теории, ибо сама отрицала всякую науку; она требовала немедленного практического осуществления. Однако действительность достигла уже значительно более высокой ступени [развития], чем это естественное состояние, посему он (такой коммунизм.— *А. Ш.*) также потерпел поражение» [45].

Гесс и в дальнейшем высказывался против грубого коммунизма, сводящего все к материальным потребностям, когда равенство понимается лишь как поголовное поравнение. Гибельность подобных начинаний он видел в том, что такого рода «нивелирование» ввело бы монашеский (или лучше сказать — монастырский) коммунизм, а люди, лишенные возможности жить и работать так, как им хочется, вместе со свободой утрачивают не только инициативу, но и жизнерадостность [46]. Тут невольно приходит на ум дополнение, внесенное

Энгельсом в характеристику «аскетического коммунизма» как «запрещавшего всякое наслаждение жизнью».

Такое, выходящее за пределы XVIII в., понимание «аскетического коммунизма» прекрасно согласовывается с двумя первыми абзацами третьей главы III раздела «Манифеста», названной «Критически-утопический социализм и коммунизм» [47]. Почему авторы «Манифеста» не захотели говорить здесь о литературе, выражавшей требования пролетариата, вроде сочинений Бабёфа? Помня, сколь напряженными были отношения Маркса и Энгельса со многими приверженцами примитивного «рабочего» или «портняжного коммунизма», опиравшегося на воспоминания о Бабёфе, нетрудно предположить, что это «нежелание говорить» о подобного рода сочинениях объяснялось тактическими соображениями.

Однако такая догадка вряд ли правильна: суть дела не в «нежелании говорить» (свое суждение о революционной литературе, сопровождавшей первые движения пролетариата, они как раз с предельной откровенностью высказали, назвав ее неизбежно реакционной по своему содержанию), а в том, что *здесь*, в главе «Критически-утопический социализм и коммунизм», они, авторы «Манифеста», не говорят о такого рода литературе, поскольку тут это неуместно, глава посвящена другой теме. Иными словами, революционная литература (сочинения Бабёфа и т. д.), проповедовавшая всеобщий аскетизм и грубую уравнительность, к *критически-утопическому коммунизму* не относится.

Тогда что же она все-таки собой представляет? И хотя в дальнейшем суровость оценки, данная в «Манифесте», несколько смягчалась, вопрос по-прежнему оставался открытым. Упомянув в черновом наброске Морелли и Мабли как первых представителей современного социализма, Энгельс, по всей вероятности, вскоре заметил, что это вступает в противоречие с «Манифестом». Чистовая редакция была дополнена вставкой об «аскетическом коммунизме».

Сделал это Энгельс, разумеется, не только из стремления в своем очерке истории социализма держаться «Манифеста», но и из желания прояснить вопрос, остававшийся без ответа: куда отнести сочинения Бабёфа и его последователей, в которых проповедовался всеобщий аскетизм и грубая уравнительность? Связь между понятием «аскетический коммунизм» и соответствующими строками «Манифеста», на наш взгляд, очевидна. А это служит еще одним доводом в пользу выдвинутого нами тезиса: «аскетический коммунизм», основанный на теориях Морелли и Мабли, ими вовсе не исчерпывается: он существовал и до того, как появились первые труды «основателей социализма», Сен-Симона, Фурье и Оуэна, и тогда, когда критически-утопический социализм переживал свой расцвет. Отношение «аскетического коммунизма» к последнему определено Энгельсом весьма четко: «аскетический коммунизм» был

первой формой проявления нового учения. Но никакого социализма до возникновения систем Сен-Симона, Фурье и Оуэна мир не знал: им предшествовал лишь «аскетический коммунизм», но не в качестве «первой формы» социализма, а лишь в качестве его «первой формы проявления» [48].

Говоря о «первой форме проявления», надо иметь в виду не одну лишь хронологическую последовательность: «первая форма проявления» может прекрасно развиваться наряду с «подлинной формой», а может, случается, ее и пережить. Существование систем Сен-Симона и Фурье не помешало «возрождению» идей бабувистов. Подобные примеры мы находим не только на французской земле. В Китае Мао Цзэдуна обрела для себя благодатную почву «первая форма проявления» социализма, да и в Париже кое-кто из «новых левых», презрев полтора века развития социалистической мысли, вернулся к пресловутым «истокам».

Итак, коль скоро в черновом наброске под «французскими аскетическими коммунистами» Энгельс подразумевал сторонников стихийного, грубого «рабочего коммунизма», возникшего под влиянием Бабёфа и его последователей, которые взросли на доктринах Морелли и Мабли, то правомерен вывод, что именно последние, по Энгельсу, были в конечном итоге теми, кто философски обосновал необходимость упразднения всех классовых различий, создав «уже прямо коммунистические теории».

Как мы давно и настойчиво доказываем, Энгельс не принимал расширительного толкования социализма. Пестрый набор различных учений, который Каутский выдавал за «историю социализма», Энгельс расценивал лишь как его «предысторию».

Но чем объяснить «изменение статуса» Морелли и Мабли в чистовой редакции? Речь идет не о каком-либо умалении их роли в истории общественной мысли, а об уточнении исходных формулировок. Если возникновение утопического коммунизма и социализма связано с появлением на исторической сцене пролетариата в результате промышленного переворота, то предшествующие коммунистические представления, уходящие своими корнями в более раннюю эпоху, нуждаются в четком теоретическом осмыслении. Это еще не утопический коммунизм в буквальном смысле слова. Энгельс не хочет называть теории Морелли и Мабли «грубым коммунизмом», ибо «грубый коммунизм» — прежде всего идеи Бабёфа и, в еще большей мере,— бабувистов. В эпоху, когда существует уже крупное машинное производство, призывы к всеобщему аскетизму и грубой уравнительности — дань, зачастую неосознанная, прошлому [49].

Энгельс соблюдает принцип историзма: если «грубые коммунисты» 40-х гг. XIX столетия во многом реакционны, это не значит, что Морелли и Мабли, на авторитет которых они нередко ссылались, еще «грубее». Напротив, Энгельс видит в их теориях примечательное

достижение, одну из вершин социальной мысли века Просвещения: «Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение каждой отдельной личности; доказывалась необходимость уничтожения не только классовых привилегий, но и самих классовых различий» [50].

Мы сказали бы очень мало, если бы в идеях Морелли и Мабли увидели лишь основу для выработки плебейско-пролетарского представления о равенстве как сути «уравнительного коммунизма». Влияние их было значительно шире и многообразнее. Не исключено, к примеру, что своим «притяжением по страсти» Фурье был обязан «Кодексу природы».

Появление теорий Морелли и Мабли знаменовало собой скачок в развитии общественной мысли. Главное отличие «аскетического коммунизма» от других, даже самых радикальных учений об общности имуществ, в том, что лишь теперь призыв к упразднению всех классовых различий избавляется от своей сугубо религиозной формы, от аргументации, всецело опиравшейся на первоначальное христианство [51]. Разумеется, это не означало решительного отказа от религии или от ссылок на евангельские наставления. Необходимость равенства при строе «общности» впервые обосновывается доводами рационалистической моральной философии. И делается это с таким блеском, что Морелли и Мабли по праву занимают теперь почетное место среди писателей Просвещения.

Их идеи оказали сильное влияние на Бабёфа и его последователей, а также на формирование французского и немецкого «рабочего коммунизма», на широкую и успешную пропаганду столь привлекательных тогда принципов «общности». «Аскетический коммунизм» был первой формой проявления социализма, нового учения, опиравшегося на идеи французского Просвещения. Именно на идеи Просвещения, а не на социальные доктрины гуманистов Возрождения или радикальных деятелей Реформации. Морелли и Мабли заложили теоретический фундамент «аскетического коммунизма». Однако роль его в истории была двойственной. Если при своем появлении на свет «аскетический коммунизм» воплотил в себе и развил многие лучшие достижения просветителей, то в дальнейшем под пером Бабёфа и его нетерпеливых приверженцев он, все больше отставая от жизни, отчетливей и отчетливей обнаруживал за революционной фразой свое реакционное содержание. «Аскетический коммунизм», утратив свои философские корни и связь с породившей его культурой Просвещения, к концу 30 — началу 40-х гг. XIX столетия превратился в «грубый, неосмысленный коммунизм».

Цель настоящей статьи лишь в одном — привлечь внимание исследователей к понятию «аскетический коммунизм», поскольку в нашей научной литературе оно либо несколько приглаживается, либо изменяется до неузнаваемости. Дело не в том, величать ли, к

примеру, Морелли «чистейшим выразителем рационалистического социализма»[52] или теоретиком «аскетического коммунизма», и даже не в оценке его роли в истории социалистических представлений. Если мы действительно хотим разобраться, как углублялись взгляды Энгельса на развитие социализма, нам необходимо тщательно проанализировать строки, посвященные Морелли и Мабли в обеих дошедших до нас редакциях «Введения» к «Анти-Дюрингу».

Нам уже приходилось немало ломать голову над тем, к кому именно относить слова, характеризующие «аскетический коммунизм». Но, выстраивая в один ряд Томаса Мора, анабаптистов, Мюнцера, Кампанеллу, левеллеров, Морелли, Мабли, Бабёфа, мы вольно или невольно отступаем от сказанного Энгельсом: он недаром различал «самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата» и происходившие наряду с ними соответствующие теоретические выступления[53]. Если мы примем такое уточнение, то число последних ограничится «утопическими изображениями идеального общественного строя» (в данном случае — «Утопией» и «Городом Солнца») и «уже прямо коммунистическими теориями» Морелли и Мабли. Под определение «аскетического коммунизма» ни Томас Мор, ни Кампанелла не подходят: и дело здесь не столько в «антиаскетическом» мироощущении[54], сколько в сохранении привилегий у утопийцев[55] и торжестве принципа иерархии у соляриев[56]. Следовательно, учения Томаса Мора и Кампанеллы, в отличие от теорий Морелли и Мабли, к «уже прямо коммунистическим» причислены быть не могут.

Стремление привлечь больше внимания к «аскетическому коммунизму» диктуется прежде всего тем, что правильное его осмысление позволяет четче увидеть проведенную Энгельсом в чистовой редакции «Введения» к «Анти-Дюрингу» линию разграничения между собственно социализмом и первой формой его проявления.

Кроме того, само возникновение этого отрывка, родившегося из краткого упоминания о «французских аскетических коммунистах», современниках Сен-Симона, служит, что не менее важно, хорошим, на наш взгляд, объяснением причины, в силу которой был изменен черновой вариант: текст наброска надлежало привести в соответствие с теми абзацами «Коммунистического манифеста», где осуждалась реакционная по своему содержанию проповедь всеобщего аскетизма и грубой уравнительности. Со своей стороны, появление такого разъясняющего пассажа в чистовой редакции отлично дополняло соответствующие абзацы «Манифеста» и способствовало их правильному пониманию.

Энгельс отграничивал «аскетический коммунизм» от собственно утопического коммунизма. Пусть между возникновением первого и созданием второго лежало целых полстолетия, но ведь и

тот и другой выступали за «общность», провозглашали разрушающую роль собственности и требовали ее отмены. Не слишком ли зыбка здесь грань, чтобы читатель смог увидеть принципиальное их различие?

Но ориентир существует вполне надежный. Хотя определенная трудность, конечно, сохраняется, и связано это с этимологией самого понятия: слово «Kommunismus» употребляли нередко как синоним слова «communauté» [57]. В XIX в. считалось вполне естественным, если речь шла о «коммунизме Платона» или «коммунизме ранних христиан». Да и сейчас, когда, к примеру, Э. Суртц, большой знаток творчества Мора, пишет «communism of women», это вовсе не «коммунизм женщин», не какое-то особое, женское, представление о коммунизме, а «общность женщин» [58] (или, как у нас принято неправильно переводить,— «общность жен»).

Однако и сделанная оговорка не очень-то выручает. Если Морелли и Мабли проповедовали «аскетический коммунизм», а Оуэн, к примеру, уже собственно коммунизм (с непременным у нас добавлением «утопический»), то, согласимся, разграничение может здесь казаться искусственным, и куда легче рассуждать о всех этих мыслителях просто как об «утопических коммунистах» или «утопических социалистах».

Но от такой «простоты» ясности в теоретическом отношении не прибавится. Надо сразу подчеркнуть, что Маркс и Энгельс, говоря о социализме и коммунизме, имели в виду не какой-то конгломерат идей, а прежде всего реальное, исторически уже существовавшее движение, совершенно определенный этап классовой борьбы в наиболее экономически развитых странах Европы. «Социалистическая и коммунистическая литература Франции,— сказано в «Манифесте»,— возникшая под гнетом господствующей буржуазии», является «литературным выражением борьбы против этого господства» [59].

Исторический рубеж ясно определен: говорится не вообще о борьбе против буржуазии, а о борьбе против гнета, установившегося в результате завоеванного ею господства. Нельзя забывать и четко сформулированную мысль: коммунизм как учение является отрицанием не собственности вообще, а отрицанием буржуазной частной собственности [60]. Посему и речи Платона, и филиппики ряда отцов церкви, и проповеди средневековых еретиков подобно рассуждениям Томаса Мора, Кампанеллы, Уинстэнли, Морелли и Мабли — это все еще не коммунизм в буквальном смысле слова.

Было бы неправомерно, если, включая имена Морелли и Мабли в длинную череду их предшественников, обличавших пагубность собственности, мы в настоящей статье, хотя бы в общих чертах, не попытались бы понять, чтó из реально содеянного ими давало Энгельсу возможность особо выделить этих творцов «уже прямо

коммунистических теорий». Тем более, что проблема нашими исследователями даже не поставлена. Она, разумеется, заслуживает специальной работы, поэтому здесь, на примере Морелли, мы выскажем лишь предварительные соображения.

Знакомство с тем, как толкуют творчество Морелли в советской историографии, не может не вызвать чувства обиды за этого глубокого мыслителя. В нем видят обычно одного из представителей «уравнительного» или даже «грубоуравнительного коммунизма», хотя подобные уничижительные для Морелли ярлыки им совсем не заслужены. «Грубый коммунизм», в основе которого лежит, по Марксу, стремление к поголовному, примитивному поравнению, к всеобщему нивелированию, придуман не Морелли, это порождение скороспелого политического прожектерства Бабёфа и его последователей. Справедливости ради признаем, что создатель того или иного учения не несет ответственности за то, какой деформации подвергается оно в руках его рьяных, но недалеких приверженцев.

Перечень несправедливостей, которые претерпел Морелли под пером наших исследователей, может быть увенчан мыслью, по признанию ее автора, парадоксальной: написал «Кодекс природы», дескать, не Морелли, о жизни коего почти ничего не известно, а Дешан, скрывшийся под таким псевдонимом [61]!

Однако высказана эта мысль отнюдь не из любви к парадоксам. Служить она должна заранее сконструированной схеме: развитие коммунистических представлений во Франции шло в едином русле, и как бы ни отличался «Кодекс природы» от «Истинной системы», истоки у них одни — народные. Мелье — мнимый Морелли — Дешан — Бабёф: линия проведена прямая, но, на наш взгляд, неубеждающая.

На основе этой главной посылки покоится вывод: «утопический социализм во Франции в течение XVIII в. не носил гетерогенного характера» [62]. Трудно с этим согласиться, как и с достаточно распространенным тезисом о народных истоках утопического социализма вообще. Между Верасом, Мелье и Морелли больше непримиримых несходств, чем подобия — истоки их учений различны.

Мы очень многого не поймем в «Кодексе природы», если будем видеть в нем лишь порождение одной только французской национальной культуры. Надо сразу сказать, что наиболее значительные произведения утопического социализма, как и предшествующие им важнейшие социальные утопии, вроде «Золотой книжечки» Томаса Мора или «Города Солнца» Кампанеллы, не только в силу своего влияния приобрели интернациональный характер, они и родились на широком поле общеевропейской культуры.

Нам чужда позиция историков, которые чуть ли не каждую мысль, высказанную великими утопистами, рассматривают как заимствование и старательно ищут ее «литературные источники»,

будто имеют дело не с крупными и оригинальными мыслителями, а с беспомощными компиляторами, единственно что умеющими, так это мастерить себе наряд из чужих перьев.

Но тем не менее было бы глупо отрицать важность исследования даже не столько круга чтения изучаемого автора или степень его образованности, сколько того общего кладезя европейской общественной мысли, из которого он прямо или косвенно черпал те или иные суждения, приобщаясь к многовековому культурному наследию.

Дело, очевидно, не в поиске как таковом «литературных источников» отдельных мыслей, высказанных Морелли, а в четком осознании того, что он, даже возводя утопическое здание, жил в мире выработанных до него представлений и, естественно, подходившие ему строительные камни клал в стену, а другие обтесывал по собственному замыслу.

Не стоило бы тратить усилий, дабы просто выявить влияние Мора или Кампанеллы на Морелли. Сопоставление их оказывается плодотворным в том случае, когда обращение к более ранним утопистам дает возможность прояснить существенные детали «Кодекса природы», без чего все его здание имеет несколько расплывчатые очертания.

Однако сейчас нас интересует иное: не преемственность традиции, а отход от нее, даже разрыв с ней. Изречение Платона, гласившее: государство может благоденствовать лишь в том случае, если философы будут царями или цари философами, вдохновлявшее многие поколения политических писателей античности, средневековья и Возрождения, своеобразно преломившееся в «Утопии» и «Городе Солнца», было, пусть не сразу, преодолено Морелли. И если главной отличительной чертой «аскетического коммунизма» стало, по Энгельсу, требование уничтожить сами классовые различия, а не только привилегии, то теория Морелли нагляднейший сему пример. Утопийцы всех должностных лиц, кроме низших, избирали из «разряда ученых», у соляриев положение каждого магистрата в «управленческой пирамиде» прямо зависело от его знаний, заслуг и талантов.

Ничего подобного нет в «Кодексе природы». Морелли чужд и гуманистический пиетет Мора к истинно ученым мужам как наилучшим правителям и натурфилософский «сциентизм» Кампанеллы. Он вообще противник «правления философов», ибо в какую бы форму его ни облечь, оно так или иначе подрывает идею равенства, поскольку, ставя людей высокообразованных над остальными, по сути, сохраняет привилегии. Совершенные законы, учитывающие подлинные «намерения Природы», глубоко уверен Морелли, не нуждаются в выдвижении на административные посты специально подготовленных лиц. В государстве, где все получают хорошее образова-

ние, каждый гражданин может исполнять функции любого магистрата, сколь бы высоким ни был его ранг. С идеей «правления философов» покончено.

Морелли создал сложную систему государственного устройства, которую мы бы назвали «народовластием без выборов»: должности, временные или пожизненные, замещаются в порядке строго определенной очередности [63]. Его недоверие к выборам объясняется, на наш взгляд, вовсе не боязнью злоупотреблений [64], а скорее — верностью принципу равенства: при выборах, даже самых упорядоченных, кому-то — в ущерб другим — отдается предпочтение, а ведь все граждане в правовом отношении равны, следить же за соблюдением закона может каждый.

Насколько суровому Морелли претит мысль о том, что личные способности или особые заслуги перед обществом должны учитываться при замещении магистратур, показывает один характерный отрывок. В его идеальном государстве граждане обеспечиваются всем необходимым сообразно с потребностями, никакого материального поощрения не существует. Но так Морелли оказывается между Сциллой и Харибдой: если никак не выделять умельцев и изобретателей, принесших стране существенную пользу, то легко приглушить их пыл; с другой стороны, излишние почести, выказываемые отдельным лицам, могут восприниматься остальными как привилегии и ущемление всеобщего равенства. Морелли ищет разумный компромисс и ставит выдвижению отличившихся временну́ю преграду: «В каждой профессии тот, кто сделает какое-нибудь важное открытие, сообщит о нем всем членам своей корпорации; он станет тогда мастером, даже не достигнув установленного возраста (26 лет.— *А. Ш.)*, и будет назначен старшиною корпорации на следующий год». Добавим: лишь на один этот год. «Нарушение очереди,— читаем дальше текст закона,— будет допускаемо только в этом случае; затем она будет восстановлена опять» [65].

Сравнение «Кодекса природы» с «Утопией» и «Городом Солнца» позволяет выявить особенности Морелли, которые возвышают его над предшественниками. Причем в отдельных высказанных им положениях можно увидеть скрытую полемику с Томасом Мором.

Начнем не с самого главного, а с того, что сразу же бросается в глаза. Известно, что к физическому труду утопийцы относились безо всякого энтузиазма, это было для них «телесное рабство», отдавать дань которому приходилось в силу необходимости. И если они стремились быстро и хорошо выполнить полагающийся «урок», то лишь для того, чтобы выгадать побольше времени для «духовной свободы» и умственных занятий. Ко многим работам они относились как недостойным свободного человека и перепоручали их рабам — обращенным в рабство собственным преступникам или злодеям, купленным за границей. Много было в Утопии и бед-

няков-иноземцев, привлеченных хорошими условиями жизни. Звались они «добровольными рабами».

В государстве Морелли нет ни каторжных работ, ни невольников. Каждый гражданин вносит свой вклад в общее благо соответственно своим силам, талантам и возрасту, в зависимости от этого определены и его обязанности. Но начиная с сорока лет, он становится «добровольным работником» и трудится по собственному усмотрению, где и как захочет [66]. У Томаса Мора — «добровольные рабы», у Морелли — «добровольные работники».

Самое большое отличие между «Утопией» и «Кодексом природы», если не считать отказа Морелли от «правления философов», а их разделяли почти два с половиной века европейской истории, именно в отношении к труду. Граждане в государстве Морелли работают с радостью, коллективный труд окрашен в праздничные тона, работают они, сознавая, что творят благое дело, ибо Природа предназначила человека творить добро.

Надо думать, что отход от представления о физическом труде как «телесном рабстве», характерного для многих гуманистов эпохи Возрождения, не личная заслуга Морелли: французская культура уже основательно впитала в себя трудовую этику протестантов. Утопийцы жестоко карали своих преступников каторгой, и Мор находил вполне нравственным, что государство, сохранив им жизнь, извлекало из этого выгоду — эксплуатировало их [67]. Тезис о том, будто Мор ратовал за трудовое перевоспитание злодеев,— выдумка в немалой степени тех услужливых крючкотворов, кто хотел авторитетом Мора (тогда в нем видели «основоположника утопического коммунизма») подкрепить Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [68], принудительные работы и складывавшуюся систему исправительно-трудовых лагерей.

Помня о подлинной позиции Мора, мы с тем большим удивлением прочтем у Морелли, что в справедливом обществе труд не может служить наказанием. Напротив, преступников там карают строгим заточением и лишением всякой возможности работать! Даже обслуживать самих себя. Им прислуживают специально присланные с воли молодые люди [69]. Действительно, Морелли по сравнению с Мором — человек совершенно нового мироощущения. Труд — великое благо и счастье, и негоже применять его в качестве наказания.

Но не будем особенно идеализировать Морелли. Два с половиной века в развитии Европы принесли с собой не только достижения трудовой этики протестантов, они отмечены были ужасающе жестокими религиозными войнами, гонениями, духовной цензурой, индексами запрещенных книг. Читая «Утопию», мы восхищаемся широтой взглядов ее автора, поразительной для того времени терпимостью. Веришь, что утопийцы в умственных занятиях неуто-

мимы. Познанию открыты беспредельные просторы. Нельзя только оскорблять чужие верования. Какое блестящее начало для взлета социальной мысли! То-то ли, казалось, еще будет через два с половиной века.

Морелли нас озадачивает. В его государстве все получают хорошее образование, моральная философия процветает, изобретатели поощряются, естественнонаучные знания множатся, но вместе с тем приняты специальные «Законы о научных занятиях, долженствующие помешать блужданиям человеческого ума и всяким трансцендентным мечтаниям» [70]. Гуманитарные науки и искусство поставлены в жесткие рамки. «Будет существовать своего рода кодекс всех наук, где к метафизике и морали никогда не будет добавляться ничего выходящего за границы, предписанные законами; вновь заноситься туда будут только открытия в области физики, математики и механики, подтвержденные опытом и рассуждением» [71].

Нет надобности подчеркивать опасность подобной тенденции не только для развития культуры, но и общества в целом. Здесь широта Мора оказалась для Морелли недостижимой. И пока трудно решить, в чем главная причина этого — в тяжком опыте предшествующих столетий, силой приучавших людей к единомыслию, или в характерной для многих утопистов убежденности, что их рецепты спасения человечества — верх совершенства и не нуждаются ни в каком дополнении.

Не хочется заканчивать на этой ноте. Историки, бездумно повторяющие, что Морелли был представителем «грубоуравнительного коммунизма», или, как писали у нас в 30-е гг., «уравниловского коммунизма», не хотят видеть главного: он никогда не призывал ни к поголовному нивелированию, ни к примитивной уравниловке. Его учение о равенстве весьма самобытно: люди имеют одинаковые права на все земные блага, но они от природы неравны. Поэтому бессмысленно пытаться сгладить это неравенство. Мудрость законодателей в том, чтобы употребить его на общую пользу. Совокупность различий создаст в конечном итоге такую гармонию, которая обеспечит счастливую жизнь всем. Но для этого, не устает повторять Морелли, людям необходима прежде всего истинная моральная философия, способная победить в человеке чрезмерное себялюбие и пагубную привычку к собственности. В гражданах надо сызмальства воспитывать наипервейшее нравственное начало, чувство «общинности» (sociabilité) [72]. Кстати, это слово, как и socialité, этимологически принадлежит к предшественникам понятия «социализм» [73].

Мы могли бы продолжить сопоставление «Кодекса природы» с более ранними утопиями и добавить еще много любопытных деталей, но, думается, и сказанного достаточно, чтобы убедиться, сколь

велики преимущества Морелли по сравнению с предшественниками и каким малоизученным остается в нашей стране творчество одного из самых светлых умов эпохи Просвещения. Теории Морелли и Мабли не следует причислять к учениям «грубоуравнительного (или казарменного) коммунизма».

Завершая статью, отметим, что «аскетический коммунизм» прочно занял свое место в понятийном аппарате Энгельса-историка: при переизданиях и переводах обеих работ ни само понятие, ни слова, характеризующие его суть, никакой дальнейшей правке не подверглись. Правда, позже у Энгельса появился термин Gleichheitskommunismus, который, на наш взгляд, неудачно передают как *«уравнительный* коммунизм»[74]. Сразу приходят на ум слова «Манифеста» о революционной литературе, проповедовавшей всеобщий аскетизм и грубую уравнительность (rohe Gleichmacherei). Ассоциация была бы бесспорной, да мешают сомнения в точности широко распространенного перевода: Gleichheitskommunismus так же отличается от Gleichmacherei, как просто «равенство» от «уравниловки».

В свое время Д. Б. Рязанов предлагал передавать Gleichheitskommunismus как «коммунизм равенства»[75], но услышан не был. Нельзя ради некой стилистической гладкости жертвовать смыслом понятия: сторонники этого «коммунизма равенства», по Энгельсу, отличались не тем, что хотели подвергнуть всех поголовному нивелированию, постричь под одну гребенку (хотя, конечно, грешили излишней охотой к «регламентации»), а тем, что в требовании общности имуществ видели необходимое следствие изначального равенства людей.

Вряд ли надо специально подчеркивать, сколь плодотворным может оказаться конкретное, сопоставительное изучение «аскетического коммунизма» и «коммунизма равенства». Представляют ли они собой в идейном отношении разные фазы одного и того же явления или расходятся по существу? Давно пора поинтересоваться и «законнорожденностью» самого понятия «грубоуравнительный коммунизм», все чаще мелькающего на страницах наших изданий,— этой странной помеси «грубого коммунизма» с коммунизмом «уравнительным». Коль скоро здесь налицо теоретический вклад советских авторов, то стоит поразмыслить, в какой степени согласуется он с суждениями Маркса и Энгельса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 18; Т. 19. С. 191. При переработке трех глав «Анти-Дюринга» для самостоятельного издания здесь в текст было внесено небольшое дополнение. См. также: Т. 19. С. 566—567; Т. 20. С. 665.

[2] *Engels F.* Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. M.; L., 1935. Далее: Anti-Dühring. S. 21: «Neben diesen revolutionären Schilderhebungen einer noch

unfertigen Klasse gingen entsprechende theoretische Manifestationen her; im 16. und 17. Jahrhundert utopische Schilderungen idealer Gesellschaftszustände, im 18. schon direkt kommunistische Theorien (Morelly und Mably). Die Forderung der Gleichheit wurde nicht mehr auf die politischen Rechte beschränkt, sie sollte sich auch auf die gesellschaftliche Lage der einzelnen erstrecken; nicht bloß die Klassenprivilegien sollten aufgehoben werden, sondern die Klassenunterschiede selbst. Ein asketischer, an Sparta anknüpfender Kommunismus war so die erste Erscheinungsform der neuen Lehre».

[3] Мы говорим именно об анализе самого понятия, хотя в статье о Мабли и было сказано, что его коммунизм — это аскетический коммунизм. Ср.: Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964. С. 272—274, 504—505; Т. 5. М., 1979. С. 292; Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965. Стлб. 875—876; Т. 9. М., 1966. Стлб. 691—692; Т. 14. М., 1973. Стлб. 902. Вместе с тем в «Истории философии» (Т. 2. М., 1941. С. 338) было лишь отмечено, что «учения Мабли и Морелли имели аскетический оттенок и проповедовали мелкобуржуазную уравнительность».

[4] Ср.: *Кан С. Б.* История социалистических идей (до возникновения марксизма). Курс лекций. М., 1963; М., 1967. Изд. 2-е. С. 38—51; *Застенкер Н. Е.* Очерки истории социалистической мысли. М., 1985. С. 151—163.

[5] Ср.: *Волгин В. П.* История социалистических идей. Часть первая. М.; Л., 1928. С. 205—220; *Он же.* Французский утопический коммунизм. М., 1960. С. 34—48, 52—56; *Сафронов С. С.* Политические и социальные идеи Мабли // Из истории социально-политических идей. М., 1955. С. 238—264.

[6] См.: *Застенкер Н. Е.* Цит. соч. С. 53. Автор произвольно использует это место из «Анти-Дюринга», утверждая, что там «говорится о «спартанском коммунизме» как первой форме проявления нового учения».

[7] См.: *Арзамасцев А. М.* Казарменный «коммунизм»: Критический очерк. М., 1974; *Суперфин Л. Г.* Критика К. Марксом и Ф. Энгельсом концепции грубоуравнительного коммунизма. (Экономический аспект.) М., 1975, и др.

[8] См.: *Штекли А. Э.* Равенство и свобода: К изучению понятия «казарменный коммунизм» // История социалистических учений. 1989. М., 1989.

[9] См.: *Волгин В. П.* Очерки по истории социализма. М.; Л., 1935. Здесь, в статье «От Бабёфа к Марксу», он писал: «В истории революционного коммунизма предшественником марксизма по прямой линии является бабувизм» (с. 407). В этой же книге Волгин фактически отлучил Сен-Симона от утопического социализма (с. 231).

[10] См.: *Буонарроти Ф.* Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабёфа. Т. I. М.; Л., 1948. С. 12, 14, 64, 67; Т. II. С 52, 218.

[11] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 16. Текст подлинника см.: Anti-Dühring. S. 396—397.

[12] См.: *Штекли А. Э.* Энгельс о начальном этапе утопического социализма // Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. М., 1982. С. 115—143; *Он же.* Подготовительные работы к «Анти-Дюрингу» и вопрос о начале утопического социализма // История социалистических учений. 1985. М., 1985. С. 29—44.

[13] См.: Новый документ Фридриха Энгельса // Коммунист. 1986. № 18. С. 3—7. Подготовлен к печати Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Этот набросок «Введения» к «Анти-Дюрингу» вошел также в состав недавно изданного 5-го тома Избранных сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в девяти томах. М., 1986. С. 631—635, 727, 728.

[14] См.: *Штекли А. Э.* К публикации нового документа Фридриха Энгельса // История социалистических учений. 1988. М., 1988. С. 3—11.

[15] О желательных поправках в переводе см.: *Штекли А. Э.* Энгельс о начальном этапе утопического социализма. С. 116—120.

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 18.

[17] Там же. С. 16.

[18] Там же. С. 16—17.

[19] Там же. С. 16. Для сравнения приводим текст подлинника. Anti-Dühring. S. 396—397: «Der moderne Sozialismus, sosehr er auch der Sache nach entstanden ist aus

der Anschauung der in der vorgefundenen Gesellschaft bestehenden Klassengegensätze von Besitzenden und Besitzlosen, Arbeitern und Ausbeutern, erscheint doch in seiner theoretischen Form zunächst als eine konsequentere, weitergetriebene Fortführung der von den großen französischen Aufklärern des 18. Jahrhunderts aufgestellten Grundsätze, wie denn seine ersten Vertreter Morelly und Mably, auch zu diesen gehörten».

[20] См.: Предметный указатель ко второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (1—39 тома). Часть первая. М., 1978. С. 362.

[21] См.: *Штекли А. Э.* К публикации нового документа Фридриха Энгельса. С. 5—6, 8—9; *Он же.* Подготовительные работы к «Анти-Дюрингу»... С. 40.

[22] Anti-Dühring. S. 396; *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т. Т. 5. С. 631: «Как всякая новая теория, *современный социализм* (курсив наш.— *А. Ш.*) должен был исходить прежде всего из имеющегося идейного материала, хотя корни его лежали в материальных фактах». Неточный перевод чернового наброска наконец исправлен, однако читатель вряд ли испытает удовлетворение, убедившись, что чистовая редакция (фактически тот же текст!) печатается и здесь (с. 13, 303) в прежнем переводе — с неоправданной и неоговоренной конъектурой.

[23] См.: *Штекли А. Э.* Подготовительные работы к «Анти-Дюрингу»... С. 37—40.

[24] В. П. Волгин допустил ошибку, когда писал, будто Энгельс хотел публиковать Морелли «в первую очередь, раньше Фурье и Оуэна». См.: *Волгин В. П.* Коммунистическая теория Морелли // Морелли. Кодекс Природы, или Истинный дух ее законов. М.; Л., 1947. С. 42.

[25] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 27. С. 24, 25, 27; Т. 42. С. 259; Т. 37. С. 97.

[26] Все, что касается этого неосуществленного замысла, заслуживает глубокого изучения. Давняя статья Ренаты Меркель не отражает современного состояния источников: *Merkel R.* Die von Marx und Engels geplante Bibliothek utopischer Sozialisten// Beiträge zur Geschichte. 1966. Heft 5. S. 860—867. С другой стороны, подготовители соответствующего тома МЭГА придали этому плану такое значение, с которым трудно согласиться: «Дабы распространять идеи *научного коммунизма* (курсив наш.— *А. Ш.*), Маркс и Энгельс хотели издать на немецком языке важнейшие произведения французского утопического социализма и коммунизма с подробными критическими комментариями» (*Marx K., Engels F.* Gesamtausgabe (MEGA). Dritte Abt. Briefwechsel. Bd. 1. Berlin, 1975. S. 25*).

[27] См., например: История общественной мысли. Современные проблемы. М., 1972. С. 431—474; *Штекли А. Э.* Энгельс и изучение «Истории социализма в отдельных очерках» (1895) // История социалистических учений. М., 1981. С. 61—86.

[28] Специалист, изучающий «Утопию», разумеется, не причислит ее к произведениям «аскетического коммунизма», но соблазн частично процитировать высказывание Энгельса преодолеть трудно. См.: *Осиновский И. Н.* Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М., 1978. С. 5.

[29] См.: *Гольман Л. И.* Фридрих Энгельс — историк социалистической мысли // История социалистических учений. Вопросы историографии. М., 1977. С. 5—36; *Ильин В. Н.* О средневековом «социализме»: К критике концепции К. Каутского // История социалистических учений. 1986. М., 1986. С. 229—250.

[30] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 366—367.

[31] См. там же. Т. 4. С. 455.

[32] См. там же. Т. 42. С. 114—117.

[33] Там же. С. 114—115.

[34] См. там же. Т. 1. С. 527: «...коммунизм того времени сам по себе был весьма примитивным и поверхностным...» Подлинник позволяет несколько уточнить перевод и восстановить прилагательное «грубый» там, где оно утратилось: «...Тогдашний коммунизм сам по себе был весьма грубого и поверхностного сорта...» (MEGA ^{2}. I/3. S. 496: «...the then communism itself was of a very rough and superficial kind...»).

[35] В советской историографии из-за неточности, допущенной В. П. Волгиным, прочно утвердилось ошибочное мнение о первом, осуществленном Вильгарделем в 1841 г. переиздании «Кодекса природы» (см.: *Морелли.* Цит. соч. С. 5, 252). Эту ошибку Волгин повторял неоднократно. См. также: *Застенкер Н. Е.* Цит. соч.

С. 151; *Кучеренко Г. С.* Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии. XVI — первая половина XIX в. М., 1981. С. 271. Ссылка на: *Morelly*. Code de la Nature. Réimpression complète, augmentée des fragments importants de la «Basiliade», avec l'analyse raisonnée du système social de Morelly. Par François Villegardelle. Paris, 1841. На самом же деле этому изданию предшествовало другое: *Morelly*. Code de la Nature. Ouvrage attribué à *Diderot*. Avec une notice sur Morelly. Par François Villegardelle. Paris, 1840. «Философская энциклопедия» его тоже не знает (Т. 3. С. 505).

[36] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 531—532.

[37] *Морелли*. Цит. соч. С. 123; *Morelly*. Op. cit. P. 96.

[38] Там же. С. 205—206, 216. Op. cit. P. 161, 154.

[39] См.: *Буонарроти Ф.* Цит. соч. Т. II. С. 303—321.

[40] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 191.

[41] См. там же. Т. 7. С. 377—378.

[42] См.: *Штекли А. Э.* «Родоначальник утопического коммунизма» и «проблески коммунистических идей». С. 48—49.

[43] «Gestalt» — «форма», «облик», «вид». Мы отмечаем это, чтобы предупредить читателя: «*первая форма*» коммунизма (Gestalt) вовсе не синоним «*первой формы проявления*» социализма.

[44] Интересно, что в новой литературе все чаще пишут о расплывчатом характере слова «санкюлот». См., например: *Собуль А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966.

[45] *Heß M.* Philosophische und sozialistische Schriften. 1837—1850. B., 1980. S. 205.

[46] Ibid. S. 214, 224.

[47] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 455.

[48] Стоит вспомнить слова Маркса из «Экономическо-философских рукописей 1844 года»: «...первое положительное упразднение частной собственности, *грубый* коммунизм, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности*» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 116). Маркс и Энгельс неоднократно указывали на необходимость делать различие между первой эмпирической формой проявления чего-либо и самой основой (см. там же. Т. 20. С. 208; Т. 23. С. 157, 414). Форма проявления, отмечал Маркс, иногда скрывает истинное отношение и создает «видимость отношения прямо противоположного» (там же. Т. 23. С. 414).

[49] См. там же. Т. 7. С. 377—378.

[50] Там же. Т. 20. С. 18.

[51] См. там же. С. 108.

[52] См.: *Волгин В. П.* Коммунистическая теория Морелли. С. 7.

[53] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 17—18.

[54] Недавно эту тему прекрасно разработал О. Ф. Кудрявцев. См.: *Кудрявцев О. Ф.* Ренессансная апология наслаждения (К прочтению некоторых мест «Утопии» Томаса Мора) // История социалистических учений. 1986. М., 1986. С. 197—228.

[55] См.: *Штекли А. Э.* «Утопия» Томаса Мора: труд и распределение // Из истории социальных движений и общественной мысли. М., 1981. С. 179—204.

[56] См.: *Штекли А. Э.* «Город Солнца»: утопия и наука. М., 1978. С. 208—224 и др.

[57] *Müller H.* Ursprung und Geschichte des Wortes «Sozialismus» und seiner Verwandten. Hannover, 1967. S. 108—111.

[58] *Surtz E.* Prais of Pleasure. Cambridge; Massachusetts, 1957. P. 191.

[59] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 451.

[60] См. там же. С. 438.

[61] См.: *Поршнев Б. Ф.* Мелье, Морелли, Дешан // Век Просвещения. Москва; Париж, 1970. С. 214—215.

[62] См.: *Поршнев Б. Ф.* Цит. соч. С. 214. Свое несогласие с его точкой зрения на предложенную «генетическую цепь» выразил Лейст. См.: *Лейст О. Э.* Политическая идеология утопических социалистов Франции в XVIII веке. М., 1972. С. 12.

[63] См.: *Морелли*. Цит. соч. С. 212, 214; *Morelly*. Op. cit. P. 159—160.

[64] Ср.: *Лейст О. Э.* Цит. соч. С. 38.
[65] *Морелли.* Цит. соч. С. 213; *Morelly.* Op. cit. P. 159.
[66] См. там же. С. 214; Op. cit. P. 160.
[67] См.: *Штекли А. Э.* «Утопия» Томаса Мора: труд и распределение. С. 180—191.
[68] См.: *Гернет М. Н.* От Томаса Мора до У. К. // Проблемы преступности. Вып. третий. М., 1928. С. 17—22.
[69] *Морелли.* Указ. соч. С. 239—240; *Morelly.* Op. cit. P. 177.
[70] Там же. С. 233; Op. cit. P. 173.
[71] Там же. С. 236; Op. cit. P. 174.
[72] *Morelly.* Op. cit. P. 54.
[73] *Müller H.* Op. cit. P. 73—82.
[74] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 215—216.
[75] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Коммунистический манифест. С введением и примечаниями Д. Рязанова. М.; Л., 1930. С. 8.

Е. П. Кандель

К ВОПРОСУ О ВЗГЛЯДАХ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

В период перестройки особенно остро встал вопрос о современной концепции социалистического общества. В связи с этим возрастает интерес к взглядам Маркса и Энгельса. Их высказывания о социализме были проанализированы в работах Г. А. Багатурия, Р. Длубека, Р. Меркель [1]. Затрагивались они в той или иной мере и в работах Г. Л. Смирнова, П. Н. Федосеева, П. Ф. Юдина и других авторов [2]. Однако многие вопросы до сих пор не исследованы. В данной статье будут затронуты те стороны этой проблемы, которые находятся в настоящее время в центре внимания советских обществоведов [3]. Главное внимание будет уделено взглядам Энгельса. Но эти взгляды нельзя отделить от взглядов Маркса. Поэтому и его работы будут также широко использованы в статье.

Прежде всего ответим на вопрос: ставили ли перед собой Маркс и Энгельс задачу разработать модель социализма, его детальную концепцию, как считают некоторые исследователи [4]. На наш взгляд, они никогда этого не делали. В отличие от утопистов, Маркс и Энгельс отвергали всякие попытки вычертить окончательный план будущего общества. В «Манифесте Коммунистической партии» они критиковали утопистов за то, что те стремились к организации общества по придуманному рецепту, за их мечты об осуществлении общественных утопий [5]. В письме английскому социалисту Э. Пизу Энгельс утверждал, что его и Маркса взгляды на будущее некапиталистическое общество являются точными выводами из исторических фактов и процессов «и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической и практической ценности» [6].

Когда К. Каутский, посылая в 1881 г. Энгельсу свою книгу «Влияние прироста народонаселения на прогресс общества», попросил его сделать критические замечания, в частности по вопросу о борьбе будущего общества против угрозы перенаселения, Энгельс ответил, что люди в будущем обществе сами решат, какие им следует

принять меры. «Я не считаю себя призванным к тому, чтобы предлагать им что-либо или давать им соответствующие советы. Эти люди, во всяком случае, будут не глупее нас с Вами» [7]. Когда другой немецкий социал-демократ — К. Шмидт сообщил Энгельсу о своем намерении теоретически разработать вопрос о переходных этапах к коммунистическому обществу, Энгельс посоветовал не торопиться с этим. Он писал 1 июля 1891 г.: «...это самый трудный вопрос из всех, какие только существуют, так как условия беспрерывно меняются. Например, каждый новый трест изменяет их, и каждое десятилетие совершенно перемещаются пункты, которые следует атаковать» [8]. В работе «К жилищному вопросу» в ответ на упрек Мюльбергера о том, что Энгельс практически не занимается разрешением жилищного вопроса, он пишет: «Но мне, в самом деле, и в голову не приходит разрешать так называемый жилищный вопрос, точно так же, как я не стал бы заниматься деталями разрешения еще более важного продовольственного вопроса. Меня вполне удовлетворяет, если я могу сказать, что производство нашего современного общества достаточно велико, чтобы прокормить всех членов общества, и что имеется достаточно домов, чтобы уже теперь можно было предоставить трудящимся массам вместительное и здоровое пристанище. А мудрствования о том, как станет будущее общество регулировать распределение пищи и жилищ, ведут прямо в область утопий» [9]. Вполне определенно высказывается Энгельс на этот счет и в интервью с корреспондентом французской газеты «Le Figaro» 11 мая 1893 года: «...мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы. Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намека на них не найдете у нас» [10].

Поэтому претензии некоторых авторов на то, чтобы рассматривать самые общие теоретические положения Маркса и Энгельса о будущем обществе как конкретные предначертания, на наш взгляд, необоснованны.

При рассмотрении вопроса о развитии взглядов Маркса и Энгельса на коммунистическую формацию и ее социалистическую фазу нельзя абстрагироваться от такой кардинальной проблемы, как наличие в этом развитии двух этапов, которые существенно отличаются друг от друга. На первом этапе (1844—1848), несмотря на научную критику утопического коммунизма, все же еще ощущается сильное влияние, особенно на Энгельса, отдельных воззрений Ш. Фурье и Р. Оуэна на формирование представлений о будущем бесклассовом обществе. Наглядный пример этому — «Принципы коммунизма» Энгельса [11]. В «Манифесте Коммунистической партии», прошедшем через окончательную редакцию Маркса, уже наблюдается более критическое отношение к отдельным предложениям Фурье и Кабе [12]. Недостаточное развитие эко-

номической теории у Маркса и Энгельса в этот период и отсутствие исторического опыта не позволяют им выдвинуть более зрелую, научную концепцию будущего общества и путей его формирования. Для них в 40-х гг. еще характерна переоценка степени зрелости развития капитализма в Англии и Франции, позволявшая им заключить, что в этих странах уже созрели материальные условия для победы социалистической революции. Исторический опыт показал, что подобный взгляд был ошибочен, о чем писал Энгельс в 1895 г. во введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» [13].

Общим для Маркса и Энгельса в 40-х гг. было то, что они в своих произведениях, в частности в «Принципах коммунизма» и в «Коммунистическом манифесте», отстаивали максимальную централизацию индустрии, транспорта, кредита и национального банка в руках государства [14]. В тогдашних исторических условиях, когда многие европейские страны не преодолели еще полуфеодальные отношения, экономическую и политическую раздробленность, Маркс и Энгельс полагали, что пролетариат заинтересован в максимальной централизации всех экономических и политических сил в руках государства. Только при этих условиях, считали они, пролетариат может выполнить свою ведущую роль в рамках своей страны, своего народа [15]. Вопросы демократического самоуправления и использования его пролетариатом основоположники марксизма еще не ставили. Они полагали, что, когда пролетариат придет к политическому господству, то он создаст правительство по образцу строго централизованной, революционной якобинской диктатуры. Лишь в 60—80-х гг. Энгельс внес некоторые коррективы в решение вопроса о взаимоотношении централизации и самоуправления и о необходимости борьбы пролетарской партии за самоуправление. Естественно, что в 40—50-х гг. концепция будущего общества у основоположников марксизма носила несколько чрезмерно государственный и централизаторский характер [16].

Появление «Капитала» в 1867 г. знаменует начало нового этапа в развитии марксистской науки и в формировании научной концепции будущего бесклассового общества. Если в 40-х и начале 50-х гг. появление нового, бесклассового общества рассматривалось преимущественно как результат сознательной революционной деятельности пролетариата и его коммунистической партии, то на втором этапе основное внимание Маркс и Энгельс уделяют анализу экономических условий формирования коммунистического общества в недрах капиталистического строя. Если в произведениях 40-х гг. общественная собственность выступала преимущественно как государственная, то в III томе «Капитала» Маркс обращает внимание на кооперативную собственность. «Кооперативные фаб-

рики самих рабочих,— пишет он,— являются, в пределах старой формы, первой брешью в этой форме... В пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом, хотя вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т. е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда. Они показывают, как на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих им общественных форм производства с естественной необходимостью из одного способа производства возникает и развивается новый способ производства» [17]. На основе учета опыта развития акционерного производства и рабочей кооперации Маркс делает новые научные выводы о путях перехода от капитализма к социалистическому обществу, которые сложились в новых исторических условиях последней трети XIX в.

В таких произведениях Маркса и Энгельса, как «Капитал», «Теории прибавочной стоимости», «Критика Готской программы», «К жилищному вопросу», «Анти-Дюринг», а также в многочисленных их письмах даны наиболее общие контуры будущего, бесклассового общества, прослежены возможные фазы его вызревания и указаны пути его становления. Эти взгляды опираются на разработанную Марксом экономическую теорию. Со всей определенностью ими был поставлен вопрос о значении самоуправления как необходимого звена в вызревании будущего социалистического общества. Конечно, исходные положения о коммунистической формации, сформулированные ими в 40 — начале 50-х гг., не утратили и теперь своего научного значения. Наоборот, идеи о путях преодоления эксплуатации человека человеком, об устранении антагонистических классов и национальной розни, о ликвидации социальных причин, порождающих братоубийственные войны между народами — все эти идеи дают наглядное представление о тех наиболее общих контурах будущего общества, намеченных Марксом и Энгельсом.

Маркс и Энгельс решительно выступали против абсолютизации своих теоретических выводов, подчеркивая, что они ограничены определенными временными и географическими рамками. Выступая по завершении Гаагского конгресса (1872) Первого Интернационала на рабочем собрании в Амстердаме, Маркс, в частности, говорил: «...мы никогда не утверждали, что добиваться этой цели (социального переустройства общества.— *Е. К.*) надо повсюду одинаковыми средствами. Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными сред-

ствами». Для большинства же стран Европейского континента, полагал Маркс, рычагом социальной революции должна послужить сила, «именно к силе придется на время прибегнуть, для того чтобы окончательно установить господство труда» [18].

Рассмотрим более конкретно взгляды классиков марксизма на основные особенности социалистического общества как первой фазы коммунистической формации. В «Критике Готской программы» указанную проблему Маркс освещает в связи с критикой лассалевского требования о предоставлении каждому члену общества «неурезанного трудового дохода». Этим можно объяснить, почему он не затрагивает другие, весьма существенные вопросы развития социалистического общества. Маркс ставит вопрос о первой фазе коммунизма не конкретно-исторически, применительно к определенной стране или группе стран, а абстрактно-теоретически [19]. Такая постановка вопроса была вполне оправдана, так как отсутствовал еще эмпирический материал для разработки конкретной модели. Но тогда следует сделать вывод, что Маркс не мог осветить все стороны формирования социалистического общества. Он абстрагируется и от вопроса о возможности еще сохранения капиталистического окружения, мирового рынка и его воздействия на страну, строящую социализм, от существования товарно-денежных отношений, от действия закона стоимости, от существования государства.

Чтобы яснее представить поставленную теоретическую проблему, сопоставим концепцию первой фазы коммунизма со взглядами Маркса и Энгельса на переходный период от капитализма к коммунизму. Наиболее полно эти воззрения изложены в «Принципах коммунизма» [20] и «Манифесте Коммунистической партии» [21]. Указывая, что первым шагом рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии, Маркс и Энгельс писали: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» [22]. На наш взгляд, из сказанного ясно, что переходный период — процесс довольно длительный. Ведь предстоит осуществить указанные переходные мероприятия «шаг за шагом». Значит, наряду с социалистическим производством будет еще долгое время существовать капиталистическое и мелкотоварное. А в 60—80-х гг. они считали, что социалистическое производство будет представлено не только в форме государственной, но и кооперативной. Об этом достаточно ясно сформулировано в «Гражданской войне во Франции» и в конспекте Маркса книги М. Бакунина «Государственность и анархия» [23]. В письме к А. Бебелю 20—23 января

1886 г. Энгельс писал: «А что при переходе к полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство,— в этом Маркс и я никогда не сомневались. Но дело должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время и государство — сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом» [24].

Можно подумать, будто Маркс и Энгельс полагали, что кооперативная собственность будет являться лишь одним из видов общегосударственной социалистической собственности. Однако такое мнение ошибочно. Правда, основоположники марксизма были сторонниками национализации земли. Но ведь другие средства производства уже будут принадлежать кооперативам. Земля, принадлежащая мелким и средним крестьянам, вступающим в кооперативы, тоже будет являться кооперативной собственностью, а не государственной. В «Гражданской войне во Франции» Маркс с большой похвалой отзывается о таком мероприятии Парижской коммуны, как передача ею рабочим товариществам мастерских и фабрик, владельцы которых бежали. Он видел в этой мере социалистическую тенденцию Коммуны. Маркс писал, что «если кооперативное производство не должно оставаться пустым звуком или обманом, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если объединенные кооперативные товарищества организуют национальное производство по общему плану, взяв тем самым руководство им в свои руки и прекратив постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве,— не будет ли это... коммунизмом, «возможным» коммунизмом» [25].

Таким образом, при социализме, по мнению Маркса, наряду с общегосударственной социалистической собственностью должны были продолжать функционировать кооперативная социалистическая собственность и мелкотоварная частная собственность (мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства, кустари, мелкие лавочники). Но если существуют эти различные экономические формы собственности, то средством их общения будут по необходимости являться рыночные меновые отношения, а следовательно, на этой стадии еще будут существовать стоимость и денежная система.

Каков вклад Энгельса в разработку концепции социалистического общества как первой фазы коммунистического общества? Положений Маркса на этот счет в «Критике Готской программы» Энгельс, как нам известно, нигде не касается. Но так как ему были хорошо знакомы эти положения Маркса, а он нигде не выражал

свое несогласие с ними, то следует полагать, что он с ними был согласен.

Энгельс утверждал, что социалистическое общество следует рассматривать как нечто развивающееся, в котором прогресс в развитии производительных сил неизбежно вызывает существенные изменения в способе распределения. Он, в частности, высмеял тех молодых немецких марксистов, которые организовали дискуссию о распределении продуктов в социалистическом обществе, о том, будет ли оно происходить соответственно количеству труда или иначе. И хотя к вопросу подошли строго материалистически, но «никому не пришло в голову, что ведь способ распределения существенным образом зависит от того, какое количество продуктов подлежит распределению, и что это количество, конечно, меняется в зависимости от прогресса производства и организации общества, а следовательно, должен меняться и способ распределения». Энгельс упрекает участников дискуссии в том, что они «рассматривают «социалистическое общество» не как что-то постоянно меняющееся и прогрессирующее, а как нечто стабильное, раз навсегда установленное... Но если рассуждать здраво, то можно все-таки: 1) попытаться отыскать способ распределения, с которого будет начато, и 2) постараться найти общую тенденцию дальнейшего развития» [26].

Примечательно, что Энгельс здесь не ссылается на положение Маркса из «Критики Готской программы» о том, что следует начать с распределения по труду с тем, чтобы на высшей фазе коммунизма перейти к распределению по потребностям. Но, вероятно, мысль Энгельса двигалась в этом же направлении. Важно то, что социалистическое общество в своем развитии к зрелому коммунистическому обществу пройдет ряд стадий. Это положение Энгельс развивает и в письме к О. Бенигку в августе 1890 г. [27] Он пишет: «Так называемое «социалистическое общество» не является, по моему мнению, какой-то раз навсегда данной вещью, а как всякий другой общественный строй его следует рассматривать как подверженное постоянным изменениям и преобразованиям». Решающее отличие социалистического общества от капиталистического Энгельс видит в организации производства на основе общественной собственности. Из этого письма видно, что Энгельс — сторонник постепенного осуществления социалистических преобразований общества, при которых следует избегать всяких эксцессов, и если отдельные слои трудящихся (например — батраки) рискнут прибегнуть к ним, то в этом повинны господствующие классы, которые довели их до такого одичания [28]. Это убедительно показывает, насколько принципиально отличаются теоретические положения Энгельса от сталинской «модели социализма» с ее командно-насильственными методами, стремлением осуществить социалистические

преобразования в самые короткие сроки, невзирая на экономическую отсталость страны.

В письме к Бенигку Энгельс касается и некоторых других мероприятий, ведущих к социалистическим преобразованиям, в частности, организации кооперативных товариществ бывших батраков, которым пролетарское государство передает в аренду землю, конфискованную у крупных землевладельцев [29].

Начиная с 70-х гг., Энгельс неоднократно ставил вопрос о кооперировании крестьянства. В 1894 г. им была написана работа «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». В ней всесторонне разработана политика и тактика пролетарской партии по крестьянскому вопросу. От имени социалистов Энгельс заявил: «Мы же стоим решительно на стороне мелкого крестьянина; мы предпримем все в пределах возможного, чтобы сделать его участь более сносной, чтобы облегчить ему переход к товариществу, если он на это решается, и даже дать ему отсрочку для размышления на своей парцелле, если он не может еще принять такого решения. Мы сделаем это не только потому, что рассматриваем живущего своим трудом мелкого крестьянина как возможное пополнение наших рядов, но и в непосредственных интересах партии... Нам незачем ждать... до тех пор, пока... последний мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин падут жертвой крупного капиталистического производства» [30].

Следовательно, Энгельс не рассматривал мелкое крестьянство как «последний капиталистический класс», который следует поскорее пролетаризировать. Он, как и Маркс, видел в нем ближайшего союзника рабочего класса. Перевод мелких крестьян на рельсы социалистической кооперации Энгельс считал длительным процессом, требующим от пролетарского государства терпения и дружеского внимания. Этот подход принципиально отличается от сталинских методов сплошной коллективизации крестьянства и ликвидации кулачества как класса.

Энгельс пишет и о политике по отношению к среднему крестьянству. Он указывает, что последнее по своим интересам и взглядам не отличается сколько-нибудь существенно от мелких крестьян и в условиях капитализма ему грозит разорение от конкуренции. «Против этого упадка мы ничего поделать не можем, разве только порекомендовать и здесь объединение их хозяйств в товарищества, в которых можно было бы все больше и больше устранять эксплуатацию наемного труда и которые можно было бы постепенно превратить в обладающие равными правами и обязанностями составные части великого общенационального производственного товарищества» [31]. Ту же политику Энгельс рекомендует проводить и по отношению к крупным крестьянам. И здесь он считает излишним прибегать к экспроприации. «От насильственной экспроприации, ве-

роятно, мы и тут откажемся, но сможем, впрочем, рассчитывать на то, что экономическое развитие научит уму-разуму и эти упрямые головы» [32],— писал он.

Совсем иначе определяет Энгельс политику пролетарского государства по отношению к крупным землевладельцам, ведущим капиталистические предприятия. Оно должно будет экспроприировать крупных земледельцев, точно так же, как и промышленных фабрикантов: «Произойдет ли эта экспроприация с выкупом или без него, будет зависеть большей частью не от нас, а от тех обстоятельств, при которых мы придем к власти, а также, в частности, и от поведения самих господ крупных землевладельцев» [33]. Маркс и Энгельс не считали недопустимым выкуп этих предприятий, если обстоятельства это позволяют. Маркс, как отмечает Энгельс, часто говорил, что «для нас было бы всего дешевле, если бы мы могли откупиться от всей этой банды» [34].

Говоря о работе Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», мы не собираемся апологетизировать каждое утверждение, высказанное в этом произведении. Энгельс, как и Маркс, считал неизбежным поглощение мелкого производства крупным, капиталистическим, а следовательно, неизбежность разорения мелкого крестьянина и мелкого ремесленника. Эта мысль красноречиво обосновывается и в данном труде. Однако Энгельс, как и Маркс, ошибался в определении темпа этого процесса. Они полагали, что это поглощение произойдет в самые ближайшие годы. Отсюда категоричные указания Энгельса насчет того, что социалистические партии не должны включать в свои программы положения о необходимости защиты мелкого крестьянина и его мелкой собственности, так как эта задача непосильна для рабочих партий и будет являться неисполнимым обещанием, обманом [35]. Однако жизнь показала, что, хотя процесс вымывания мелкого производства идет непрерывно и удельный вес мелкого крестьянства в развитых капиталистических странах резко сократился, все же оно продолжает существовать как фактор общественной жизни.

В 1850 г. Маркс и Энгельс в мартовском Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов отстаивали ту мысль, что во время революции рабочие должны требовать, чтобы конфискованная феодальная собственность осталась государственным достоянием и была предоставлена для коллективного пользования ассоциированному сельскохозяйственному пролетариату [36]. Они возражали против передачи этих поместий крестьянам в форме свободной собственности, полагая, что указанная мера укрепит частную собственность и затруднит переход к общественному производству в сельском хозяйстве [37]. Данную позицию Энгельс занимал до конца своей жизни. Некоторые западноевропейские марксисты придали этому положению Маркса и Энгельса догматический характер.

Хотелось бы высказаться по вопросу о том, были ли Маркс и Энгельс «государственниками», стремились ли они сосредоточить в руках государства все производство, а всех граждан превратить в рабочих и служащих, работающих на государство. Это обвинение против Маркса и Энгельса одним из первых выдвинул в свое время М. А. Бакунин. В книге «Государственность и анархия» (1873) он писал: «Мы уже высказывали наше глубокое отвращение к теории Лассаля и Маркса, рекомендующей работникам, если не как последний идеал, то, по крайней мере, как ближайшую главную цель,— *основание «народного государства»,* которое, по их объяснению, будет не что иное, как пролетариат, *«возведенный на степень господствующего сословия».* Спрашивается, если пролетариат будет господствующим, то над кем он будет господствовать? «Значит»... останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому «государству». И далее он продолжает: «Например, «крестьянская чернь»... как известно не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом» [38].

Отвечая на эти обвинения, Маркс в своем конспекте данной книги пишет, что, покуда существуют другие классы, в особенности буржуазия, которые будут оказывать сопротивление пролетариату, пришедшему к власти, он должен будет применять меры насилия, правительственные меры для преодоления сопротивления и для преобразования прежних экономических условий. В тех странах, где крестьянство составляет более или менее значительное большинство, там пролетарское государство должно принять меры, в результате которых значительно улучшится его положение и, следовательно, привлекут его на сторону революции. Для того чтобы пролетариат имел какие-либо шансы на победу, он должен сделать для крестьян «по меньшей мере столько же, сколько французская буржуазия во время своей революции сделала для тогдашнего французского крестьянина» [39].

На наш взгляд, обвинения Бакунина неосновательны. Обратимся хотя бы к письму Энгельса Бебелю от 18—28 марта 1875 г. В нем отмечалось: «Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле слова. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собой распускается [sich auflöst] и исчезает» [40]. Аналогичная критика указанного требования была дана Марксом в «Критике Готской программы» [41].

Известно также, как резко критиковали Маркс и Энгельс программное положение Лассаля об организации среди рабочих и ремесленников производственных ассоциаций (кооперативов) с государственной помощью [42]. Они полагали, что чем скорее немецкие рабочие будут освобождены от рабской привычки к государственной опеке, тем больше выиграет революционное пролетарское движение. Маркс и Энгельс осуждали всякое заигрывание с так называемым «государственным социализмом», идеи которого пропагандировали Родбертус и его сторонники [43]. Маркс и Энгельс отнюдь не были приверженцами концентрации всей социалистической собственности в руках государства. Об этом свидетельствуют «Гражданская война во Франции» Маркса [44] и «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Энгельса [45], а также его письмо к Бебелю, от 20—23 января 1886 г. [46]

Энгельс, как и Маркс, постоянно подчеркивал, что с переходом к социализму государство начинает отмирать. Они считали, что социализм без демократии невозможен. Еще в 40-х гг. Энгельс в «Принципах коммунизма», отвечая на вопрос о том, каков будет ход пролетарской революции, писал: «Прежде всего, она создает демократический строй и тем самым, прямо или косвенно, политическое господство пролетариата» [47]. Далее он отмечал, что «демократия была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно, как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата» [48]. Примерно в тех же словах обосновывается необходимость завоевания демократии в «Манифесте Коммунистической партии» [49].

В 40-е гг. Маркс и Энгельс сравнительно мало писали о самоуправлении при социализме. Однако в «Манифесте Коммунистической партии» сформулировано положение, которое выражает взгляды на социалистическое самоуправление, высказанные ими в 70—90-х гг.: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [50].

Маркс, как и Энгельс, видел пример рабочего самоуправления в системе рабочей кооперации, которую он называет «республиканской и благотворной системой ассоциации свободных и равных производителей» [51]. Работа Маркса «Гражданская война во Франции» составляет важный этап в разработке идеи об использовании рабочим классом системы народного самоуправления как орудия революционного преобразования буржуазного общества. «Если бы коммунальный строй установился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место

самоуправлению производителей и в провинции... Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни... Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства» [52]. Из приведенного высказывания видно, что Маркс и Энгельс не были сторонниками сверхцентрализации, как подчас их изображают некоторые авторы. В то же время основоположники марксизма понимали, что в эпоху индустриального общества самоуправление должно гармонически сочетаться с централизацией экономических сил, с укреплением крупного индустриального производства, поставленного на службу всего общества.

Идеи социалистического самоуправления отстаивал и Энгельс. В письме голландскому социалисту Д. Ньювенгейсу в феврале 1886 г. он, говоря о его стране, не знавшей настоящего абсолютизма и сохранявшей еще «остатки местного и провинциального самоуправления», писал: «Это большое преимущество для развития национального характера, а также и для последующего развития; произведя сравнительно немного изменений, трудящийся [народ] мог бы установить здесь свободное самоуправление, которое должно быть нашим лучшим орудием при преобразовании способа производства» [53]. Нет никакого сомнения в том, что Энгельс имеет в виду социалистическое самоуправление. Это не единственное высказывание Энгельса по данному вопросу.

Критикуя предварительный проект Эрфуртской программы германской социал-демократии, Энгельс предложил руководству этой партии включить в программу следующее положение: «Полное самоуправление в провинции, округе и общине через чиновников, избранных на основании всеобщего избирательного права. Отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством» [54]. Это положение Энгельса Ленин неоднократно цитировал и предлагал включить в программу большевистской партии [55]. Маркс и Энгельс набросали лишь исходные положения о самоуправлении трудящихся, получившие дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина.

Развитие и укрепление социалистической демократии и социалистического самоуправления народа неразрывно связаны с проблемой полного устранения всех форм отчуждения тружеников социалистического общества от управления экономической, социальной и политической сфер жизни общества. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года», в «Святом семействе», «Немецкой идеологии» и в других произведениях основоположники марксизма доказывали, что отчуждение трудящегося человека от управления всеми сферами производства и общественной жизни, характерное для буржуазного общества, может быть полностью устранено лишь с победой социалистической революции, ликвида-

цией буржуазной частной собственности и с исчезновением антагонистических классов [56].

Одной из основных задач пролетарского государства основоположники марксизма считали устранение отчуждения народа от управления производством и другими сферами общественно-политической деятельности. Энгельс писал, что пролетариат установит «такой строй, который предоставит каждому члену общества возможность участвовать не только в производстве, но и в распределении и управлении общественными богатствами...» [57]. Трудящиеся начинают сознательно планировать и управлять своим общественным производством. Они становятся господами своих собственных отношений. «Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей»,— писал Энгельс в своей брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» [58].

Большое внимание Энгельс уделяет политике, которую должно будет осуществлять правительство рабочего класса. В этой связи особый интерес представляет работа Энгельса «К жилищному вопросу». В ней, в частности, рассматривается политика этого правительства при решении жилищного вопроса, кооперировании мелкого крестьянства и создании крупного сельскохозяйственного производства, организованного по последнему слову науки и техники. Вместе с тем Энгельс разрабатывает один из кардинальных теоретических вопросов — о путях преодоления противоположности между городом и деревней.

Энгельс полемизирует с немецким социалистом А. Мюльбергером, утверждавшим, что стремление уничтожить противоположность между городом и деревней, противоположность, которая является естественной и возникла исторически, есть не что иное, как утопия. Эту противоположность следует не уничтожить, а надо лишь «найти такие политические и социальные формы, в которых она была бы безвредна, даже плодотворна. Таким путем можно достигнуть мирного соглашения, постепенного уравновешения интересов» [59].

Энгельс показывает, что, если стоять на такой позиции, можно прийти к выводу, что также утопично стремление уничтожить противоположность между капиталистом и наемным рабочим, объявив, что она «естественная» и «исторически возникшая» [60]. Уничтожение противоположности между городом и деревней, доказывает Энгельс, с каждым днем все более становится практическим требованием как промышленного, так и сельскохозяйственного производства. «Никто не требовал этого настоятельнее, чем Либих в своих сочинениях по агрохимии, в которых он всегда выдвигал первым требованием, чтобы человек возвращал земле то, что он от нее получает, и где доказывается, что этому препятствует лишь существова-

ние городов, в особенности крупных городов»[61]. Энгельс показывает, что такие города, как Лондон, Берлин, задыхаются от нечистот, которые грозят отравить население этих крупных городов. Он решительно выступал против сверхурбанизации, доказывая, что она приносит огромный вред здоровью городского населения. Желая более ярко выразить свою мысль, Энгельс писал, что «современные крупные города будут устранены только с уничтожением капиталистического способа производства, а как только начнется это уничтожение,— вопрос встанет уже не о том, чтобы предоставить каждому рабочему домик в неотъемлемую собственность, а о делах совсем иного рода»[62].

Не будет преувеличением, если мы скажем, что Энгельс был одним из первых, кто поставил вопросы экологии. Достаточно вспомнить его книгу «Положение рабочего класса в Англии», написанную в 1844—1845 гг. Эти проблемы он освещал и в работе «К жилищному вопросу». И решение их Энгельс видел в социалистическом преобразовании общества, в устранении противоположности между городом и деревней. «Только возможно более равномерное распределение населения по всей стране, только тесная внутренняя связь промышленного и земледельческого производства наряду с необходимым для этого расширением средств сообщения,— конечно, при условии уничтожения капиталистического способа производства,— в состоянии вырвать сельское население из изолированности и отупения, в которых оно почти неизменно прозябает в течение тысячелетий»,— писал он[63].

Вопросам кооперирования сельского хозяйства Энгельс уделяет большое внимание и в своей работе «К жилищному вопросу». Однако здесь он рассматривает не рабочую кооперацию, а сельскохозяйственную и, главное, под углом зрения того, как соединить крестьянское земледелие с современной высокоразвитой техникой, резко повышающей продуктивность сельского хозяйства. Он указывает, что существующее еще в Германии крупное землевладение «предоставит нам желаемую основу для того, чтобы при помощи ассоциированных работников повести земледелие в крупном масштабе, при котором только и возможно применение всех современных вспомогательных средств, машин и т. п., и тем самым наглядно показать мелким крестьянам преимущества крупного хозяйства на началах ассоциации. Датские социалисты, опередившие в этом отношении всех других, давно уже осознали это»[64].

Маркс и Энгельс подчеркивали, что крестьянин должен прийти в кооперацию «хозяйственным путем», то есть в силу его экономических интересов, а не в результате насилия и государственного приказа. Экономические интересы, выгода крестьян — вот что должно определять развитие кооперативного движения. Такова основная мысль Маркса и Энгельса.

Описывая будущий процесс социалистических преобразований, Энгельс никогда не догматизировал ту или иную форму этих преобразований, будь то насильственная экспроприация буржуазной собственности или постепенный ее выкуп, по частям. Полемизируя с Мюльбергером, он писал: «Вообще вопрос вовсе не в том, захватит ли пролетариат, достигнув власти, орудия производства, сырые материалы и жизненные средства путем простого насилия, заплатит ли он тотчас же вознаграждение за это, или выкупит постепенно эту собственность небольшими частичными платежами. Пытаться ответить на этот вопрос заранее и относительно всех возможных случаев — значило бы фабриковать утопии, а это я предоставляю делать другим» [65].

Было бы неверно утверждать, что Энгельс совершенно не видел возможности сохранения на неопределенное время и несоциалистических государств. Об этом он писал и в 1845 г., когда только начинал теоретическую разработку коммунистических воззрений и в 1882 г. [66] Энгельс утверждал, что коль скоро будет проведена социалистическая реорганизация Европы и Северной Америки, то «это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности... Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы» [67]. Однако Энгельс рассматривал социалистическую реорганизацию Европы и США как более или менее одновременный процесс и в своем теоретическом анализе совершенно абстрагировался от возможности длительного сосуществования социалистических и капиталистических государств. Это, несомненно, было его ошибкой. Он полагал также, что социалистические революции победят, когда капиталистические страны достигнут самого высокого уровня развития производительных сил. Энгельс с восторгом пишет о происходящей в 80-х гг. «электротехнической революции», которая явится мощным рычагом для устранения противоположности между городом и деревней и настолько ускорит развитие производительных сил, что они станут уже недоступными управлению со стороны буржуазии [68].

При таком высоком уровне развития производительных сил, полагал Энгельс, исчезает всякий предлог для дальнейшего функционирования господствующего класса. Дальнейшее существование этого класса, отмечает он, «становится все большим препятствием развитию производительной силы промышленности и точно так же — развитию науки, искусства, а в особенности культурных форм общения» [69].

Энгельс считал, что социалистическое производство позволит и

в городе, и особенно в деревне широко применить новейшую технику и современные вспомогательные средства, последние достижения науки [70]. Энгельс резко полемизировал с Дюрингом, который в своих планах социалистического переустройства общества допускал нигилизм к наследию мировой культуры, вульгарно-позитивистский подход к вопросам преподавания естествознания и общественных наук, к проблемам культуры и искусства. Энгельс также решительно отметал казарменно-прусские методы борьбы с религией, которых придерживался Дюринг, полагавший, что религию при социализме можно просто запретить в приказном порядке. Энгельс считал, что судьба религии, как и других форм общественного сознания, будет зависеть в конечном счете от развития новых коммунистических производственных отношений [71].

Энгельс прекрасно понимал, что рабочий класс не сможет создать новое общество без привлечения на сторону социалистической революции людей культуры, представителей интеллигенции. В письме к О. Бенигку в августе 1890 г. Энгельс отмечает: «Конечно, нам не хватает еще техников, агрономов, инженеров, химиков, архитекторов и т. д., но на худой конец мы можем купить их для себя так же, как это делают капиталисты, а если несколько предателей — которые наверняка окажутся в этом обществе — будут наказаны как следует в назидание другим, то они поймут, что в их же интересах не обкрадывать нас больше» [72]. Об этом же Энгельс писал А. Бебелю [73].

С особым вниманием относился Энгельс к молодой интеллигенции из среды социалистов. Обращаясь в 1893 г. к международному конгрессу студентов-социалистов, он писал, что из их рядов должен выйти «тот пролетариат умственного труда, который призван плечом к плечу и в одних рядах со своими братьями-рабочими, занятыми физическим трудом, сыграть значительную роль в надвигающейся революции. ...Для освобождения рабочего класса понадобятся... врачи, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты, ибо дело идет о том, чтобы овладеть управлением не только политической машиной, но и всем общественным производством, а тут уж нужны будут отнюдь не звонкие фразы, а солидные знания» [74].

Новая обстановка требует нового прочтения произведений классиков марксизма, тщательной выверки известных положений, старых теоретических представлений в свете новых общественных реальностей.

Пример творческого подхода к марксистской теории, основные положения которой были высказаны 140—100 лет тому назад, в совершенно иной исторической обстановке, дал Ленин еще в 1899 г. Решительно выступая против ревизиониста Э. Бернштейна и его русских сторонников, он заявил: «Мы стоим всецело на почве теории

Маркса», но в то же время писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» [75].

Известно, что положение Маркса и Энгельса о росте абсолютного и относительного обнищания рабочего класса как предпосылке победы социалистической революции в развитых странах капитализма стало догмой, которая не отражает реальных отношений, существующих в настоящее время. Новая историческая обстановка выдвигает необходимость по-новому поставить вопрос о путях и методах перехода этих стран к социалистическому общественному строю. В существенных коррективах нуждаются воззрения классиков марксизма о структуре и преобразующей роли пролетариата. Если обратиться к реальной картине положения современного рабочего класса развитых капиталистических стран, то можно установить, что она уже не соответствует тому изображению, которое дано в произведениях Маркса и Энгельса. Устарело положение, распространенное среди многих советских обществоведов, о том, что будто позиции капитализма постоянно и непрерывно сужаются. Достаточно обратиться к современному капиталистическому миру, чтобы убедиться в неправильности такого представления. Долгое время Маркс и Энгельс полагали, что плановое начало характерно только для социалистического производства. Однако уже в 70-х гг., в «Анти-Дюринге» Энгельс должен был признать, что в трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое капиталистическое производство капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Плановое начало начинает брать верх, правда, сначала к выгоде капиталистов [76]. Энгельс несколько преувеличивал значение планового, сознательного начала и недооценивал роль стихийных экономических процессов, которые при социализме полностью не могут быть преодолены. Современный опыт свидетельствует, что планирующие государственные органы никогда не могут целиком овладеть всем многообразием современного социалистического производства и осуществить безупречное сознательное его регулирование.

При анализе некоторых основных закономерностей социалистического общества Маркс и Энгельс рассматривали более высокую ступень развития этого общества, чем та первоначальная, которая существует у нас. Согласно их концепции, в социалистическом обществе прекращает действовать закон стоимости и совершенно исчезают товарно-денежные отношения. Такую точку зрения защищал Энгельс в «Анти-Дюринге». Однако в нашей стране, в силу исторически сложившихся общественных отношений, необходимо

развивать хозрасчетный социализм с присущими ему товарно-денежными отношениями, исходные теоретические положения которого разработал Ленин в 1921—1922 гг. Естественно, что указанные положения Маркса и Энгельса о социализме нуждаются в определенных коррективах.

Бесспорна характеристика книги Энгельса «Анти-Дюринг» как энциклопедии марксистских знаний. В ней изложены и развиты краеугольные положения диалектико-материалистического мировоззрения, марксистской политической экономии и научного коммунизма. В ней также дана глубокая и обоснованная критика эклектических, метафизических, незрелых социалистических представлений Дюринга. Однако если обратиться к непосредственной полемике Энгельса с Дюрингом по вопросу о социалистическом обществе, то следует признать, что спор происходит на несопоставимых плоскостях. Дюринг рассматривает складывание социалистического общества в условиях, когда вокруг еще существуют несоциалистические страны, продолжают существовать товарно-денежные отношения, даже конкуренция между коммунами, и сохраняется еще государство. Энгельс же анализирует совершенно иную, более высокую ступень развития социалистического общества, непосредственно смыкающуюся с полным коммунизмом, когда уже не существует товарно-денежных отношений, не действует закон стоимости, а государство, по-видимому, отмерло. А как общество дошло до этой высокой ступени развития? У Энгельса мы не находим ответа на этот вопрос. При первом взгляде может показаться, что «модель» Дюринга ближе нашему историческому опыту, чем более абстрактные представления Энгельса, вытекающие из глубокого анализа противоречий крупного капиталистического производства. Общие выводы Энгельса правильны, но его представление, что социалистическая революция начнется лишь после того, как капитализм максимально разовьет производительные силы и до конца исчерпает свои прогрессивные возможности, причем эта революция, по его мнению, произойдет более или менее одновременно во всех развитых капиталистических странах, ограничило анализ Энгельса контуров социалистического общества.

В «Анти-Дюринге» Энгельс доказывал, что победа социализма невозможна без устранения старого разделения труда, хотя бы между руководимыми и руководителями, между различными классами. Однако его взгляд, будто при социализме отпадает пожизненное закрепление профессий (тачечник, сапожник и т. п.) за тружениками этого общества, пока не нашел подтверждения в практике современного высокотехнического производства.

Практика строительства нового общества в СССР, в других социалистических странах, требует дальнейшей разработки теории

социализма, иного подхода к некоторым положениям марксизма. Такова потребность любой науки, от которой не может уклониться и марксизм. Но вместе с тем необходимо обратить внимание и на другой процесс, когда отдельные проблемы марксистской теории подверглись в 30—50-е гг., в период культа Сталина, определенной деформации. Приведем один типичный пример. В эти годы непререкаемой догмой стало положение о том, что в недрах капитализма созревают только предпосылки социализма, а не элементы будущей социалистической революции, социалистического преобразования общества. Родоначальником этой догмы был Сталин, по существу не принявший марксистско-ленинской концепции о естественноисторическом характере перехода от капитализма к коммунизму. Он утверждал, что пролетарская революция начинается «при отсутствии, или почти при отсутствии готовых форм социалистического уклада». В дальнейшем Сталин отбросил слово «почти» [77]. В учебнике политэкономии, вышедшем в 1954 г., уже говорится о полном отсутствии до пролетарской революции каких-либо готовых форм или элементов для социалистического базиса [78]. Если под термином «предпосылки» понимаются предварительные условия, то «элементы» означают уже начало самого процесса. Наряду с термином «предпосылки социализма» Маркс и Энгельс часто писали «элементы социалистической революции», «элементы социализма», которые вызревают еще в недрах капитализма.

В «Экономических рукописях 1857—1858 годов» Маркс, говоря о капитализме, пишет: «Если бы в этом обществе, как оно есть, не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им отношения общения, необходимые для бесклассового общества, то все попытки взрыва были бы донкихотством...» [79] В «Гражданской войне во Франции» Маркс писал, что рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, «а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества» [80]. В конце XXIV главы первого тома «Капитала» говорится, что капиталистическое производство само порождает свое отрицание, «само создало элементы нового экономического строя, дав одновременно величайший толчок росту производительных сил общественного труда и полному развитию каждого индивидуального производителя» [81]. Из сопоставления с другими произведениями Маркса видно, что под «элементами нового общества» Маркс понимал современную крупную промышленность и революционный рабочий класс. Уже в 50-х гг. Маркс рассматривал крупную промышленность как реальную основу нового общества. Аналогичных взглядов придерживался и Энгельс.

Указанное выше место из «Капитала» Маркс приводит в своем письме в редакцию «Отечественных записок» и делает критическое

замечание в адрес Н. К. Михайловского. Он упрекает его в том, что последний обязательно хочет «превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются,— для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека» [82]. Маркс решительно возражал против того, чтобы конкретный научный анализ подменялся абстрактной историко-философской теорией, которой пользуются в виде универсальной отмычки.

Это положение марксизма приобретает особую актуальность в нашу эпоху, когда экономические и исторические условия существенно изменились по сравнению с эпохой Маркса и Энгельса. Новая обстановка диктует и новые подходы. Однако краеугольные положения марксистско-ленинской теории должны оставаться основой научного анализа новой исторической обстановки. Концепция социального нуждается в творческом развитии [83].

В письме Инессе Арманд от 30 января 1917 г. Ленин отмечал: «Перечитывал «Zur Wohnungsfrage» Энгельса с предисловием 1887 г. Знаете? Прелесть! Я все еще «влюблен» в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить» [84]. Эти слова Ленина особенно важны в наше время. Новая историческая обстановка, складывающаяся в настоящее время как в социалистических странах, так и во всем мире, требует нового, творческого подхода к теоретическому наследию классиков марксизма, решительного осуждения любых попыток догматизации отдельных его положений, утративших теперь свое теоретическое значение. Однако творческий подход к революционной науке не должен стать предлогом для нигилистического отношения к основополагающим принципам марксизма, к творчеству и деятельности Маркса и Энгельса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Багатурия Г. А.* Контуры грядущего. Энгельс о коммунистическом обществе. М., 1972; *Dlubeck R., Merkel R.* Marx und Engels über die sozialistische und kommunistische Gesellschaft. Berlin, 1981.

[2] *Федосеев П. Н.* Развитие производственных отношений при переходе от социализма к коммунизму // Коммунист. 1958. № 9; *Он же.* Коммунизм и философия. М., 1962; *Юдин П.* От социализма к коммунизму: Сборник статей. М., 1962; *Смирнов Г.* Формирование коммунистических общественных отношений. М., 1962; *Бурлацкий Ф.* Коммунизм и государство. М., 1963.

[3] См.: *Ципко А. С.* Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11—12; 1989. № 1—2; *Лацис О.* Термидор считать брюмером. История одной поправки // Знание. 1989. № 5; *Клямкин И.* Еще раз об истоках сталинизма // Политическое образование. 1989. № 9; *Симония Н.* Сталинизм против социализма // Вопросы философии. 1989. № 7, и другие. Указанная серия статей Ципко вызывает наше критическое отношение в силу ряда причин. Мы не согласны с его попыткой отождествить сталинскую модель социализма с концепцией становления коммунистической формации у Маркса и Энгельса, с изображением Сталина как марксиста, который придерживался представлений о социализме, которые-де были типичны для марксистов того времени. При этом автор абстрагируется от того факта, что Сталин отошел от ленинской концепции социализма. Мы здесь не входим в обстоятельное рассмотрение указанных публикаций Ципко, так как они уже были подвергнуты критике в статьях Г. Смирнова, О. Лациса, И. Клямкина, Н. Симония и других.

[4] См.: *Киселев В.* Сколько моделей социализма было в СССР // Иного не дано. Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему. М., 1988.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 455—457. Т. 3. С. 34.

[6] Там же. Т. 36. С. 364.

[7] Там же. Т. 35. С. 124.

[8] Там же. Т. 38. С. 108.

[9] Там же. Т. 18. С. 281—282.

[10] Там же. Т. 22. С. 563.

[11] Там же. Т. 4. С. 332—333.

[12] Там же. С. 446—447, 455—457.

[13] Там же. Т. 22. С. 535.

[14] Там же. Т. 4. С. 332—333, 446—447.

[15] Там же. С. 355; Т. 7. С. 265—266.

[16] Там же. Т. 7. С. 266.

[17] Там же. Т. 25, ч. 1. С. 483—484.

[18] Там же. Т. 18. С. 154.

[19] Там же. Т. 19. С. 13—21; Т. 23. С. 10.

[20] Там же. Т. 4. С. 332—333.

[21] Там же. С. 446—447.

[22] Там же. С. 446.

[23] Там же. Т. 17. С. 346—347, 351; Т. 18. С. 616, 617; Т. 19. С. 280.

[24] Там же. Т. 36. С. 361.

[25] Там же. Т. 17. С. 346—347, 351.

[26] Там же. Т. 37. С. 370—371.

[27] Там же. С. 380.

[28] Там же. С. 381.

[29] Там же.

[30] Там же. Т. 22. С. 520.

[31] Там же. С. 522—523.

[32] Там же. С. 523.

[33] Там же.

[34] Там же.

[35] Там же. С. 511—513, 517—521.

[36] Там же. Т. 7. С. 265.

[37] Там же. С. 265—266.
[38] Там же. Т. 18. С. 611.
[39] Там же. С. 611—612.
[40] Там же. Т. 19. С. 5.
[41] Там же. С. 26—28.
[42] Там же. С. 25—26.
[43] Там же. Т. 36. С. 78—79, 96—97; Т. 38. С. 437—438.
[44] Там же. Т. 17. С. 346—347.
[45] Там же. Т. 22. С. 518—520.
[46] Там же. Т. 36. С. 361.
[47] Там же. Т. 4. С. 332.
[48] Там же.
[49] Там же. С. 446.
[50] Там же. С. 447.
[51] Там же. Т. 16. С. 9, 199.
[52] Там же. Т. 17. С. 343—344.
[53] Там же. Т. 36. С. 368, 369.
[54] Там же. Т. 22. С. 240.
[55] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 220; Т. 33. С. 73—74.
[56] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 31—34, 70—71, 75—78, 440—441; Т. 25, ч. I. С. 290; Т. 26, ч. II. С. 326—327.
[57] Там же. Т. 19. С. 113.
[58] Там же. С. 227—230.
[59] Там же. Т. 18. С. 276.
[60] Там же. С. 275—276.
[61] Там же. С. 276.
[62] Там же. С. 238—239.
[63] Там же. С. 276—277.
[64] Там же. С. 281.
[65] Там же. С. 278—279.
[66] Там же. Т. 2. С. 539; Т. 35. С. 298.
[67] Там же. Т. 35. С. 298.
[68] Там же. С. 374.
[69] Там же. Т. 18. С. 216.
[70] Там же. С. 281; Т. 19. С. 225—226.
[71] Там же. Т. 20. С. 328—330.
[72] Там же. Т. 37. С. 380.
[73] Там же. Т. 38. С. 163—164, 184—185.
[74] Там же. Т. 22. С. 432.
[75] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 182, 184.
[76] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 221.
[77] *Симония Н. А.* Цит. соч. С. 29.
[78] Там же.
[79] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. I. С. 102—103.
[80] Там же. Т. 17. С. 347.

[81] Там же. Т. 19. С. 120.

[82] Там же.

[83] Одним из примеров такой разработки концепции социалистического общества является серия статей «К современной концепции социализма», опубликованных в газете «Правда» 14, 16 и 17 июля 1989 г.

[84] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 378.

П. С. Савкин

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КЛАССИФИКАЦИИ НАУК В «ДИАЛЕКТИКЕ ПРИРОДЫ» Ф. ЭНГЕЛЬСА

Наиболее существенные идеи в области классификации наук Энгельс сформулировал в своем труде «Анти-Дюринг» в разделе «Мораль и право. Вечные истины» [1]. Именно здесь он наметил главные контуры основного ряда общей системы наук, и, основываясь на принципах исторического материализма, высказал важные соображения о структуре, последовательности обществознания [2]. В данной статье речь пойдет о том, что сделал Энгельс для классификации наук в своих рукописях «Диалектики природы», о не совсем верных, на наш взгляд, высказываниях ряда исследователей по этому вопросу.

Классификация наук является основой информатики, иерархических библиографических систем, планирования науки и разработки структуры научных и образовательных учреждений и т. д., следовательно, обладает научным и практическим значением. Имея свой философский аспект, опираясь на идейные достижения диалектического и исторического материализма и прежде всего на материалистическую диалектику, учение об общественно-экономической формации, базисе и надстройке, теорию отражения, она в то же время способствует их дальнейшему развитию. Но как бы ни было велико значение классификации наук, нельзя делать из данной проблемы философии и науковедения чрезмерные обобщения. Нельзя также преувеличивать то внимание, которое этой проблеме уделяли основоположники марксизма. В связи с этим хотелось бы поставить под сомнение точку зрения академика Б. М. Кедрова о том, что классификация наук была «особой страстью» Энгельса или что Маркс совершил «синтез всех наук», что этот синтез имел «огромное значение» для развития классификации наук [3]. Кедров утверждал, что Энгельс работал над системой познания очень длительное время; даже не только весь тот период жизни, когда он готовил рукописи «Диалектики природы», т. е. с 1873 по 1886 г., но и в 60-х гг. (подготовительные этапы) [4]. Во второй главе 1-го тома

«Классификации наук», озаглавленной «Создание и развитие Энгельсом марксистской классификации наук», Кедров, в частности, отмечал: «Проблема классификации наук встала *в центре* внимания Энгельса с самого начала его работы над «Диалектикой природы». Основная идея классификации родилась у него в неразрывной связи с первым замыслом этого произведения, точнее сказать, она и составила собой этот замысел. В дальнейшем с этой идеей была тесно связана выработка общего плана «Диалектики природы» и все ее изложение. На различных этапах работы Энгельса над «Диалектикой природы» проблема классификации наук решалась по-разному» [5]. Кедров намечает следующие вехи работы Энгельса:

1. Подготовка Энгельсом естественнонаучных основ марксистской классификации наук. Вопросы клеточной теории и теории превращения энергии (1858).

2. Исследование вопросов дарвинизма и новой атомистики (1859—1867).

3. Формулировка общей идеи классификации наук. Открытие нового обоснования классификации наук (май 1873 г.).

4. Первые шаги Энгельса в разработке сделанного открытия в создании ряда: механика — физика — химия — биология (1873—1874).

5. Дальнейшая разработка классификации наук. Совпадение логического с историческим (в познании). Вывод ряда: математика — механика — физика — химия — геология — биология — медицина (1874—1875).

6. Дальнейшее развитие Энгельсом теории классификации наук. Совпадение логического с историческим (в природе). Создание последовательности наук как основы «Диалектики природы». Математика — механика — физика — химия — биология — теория антропогенеза (1875—1876).

7. Исследование вопроса об усложнении форм движения материи и их носителей. Создание ряда: математика — астрономия — механика — физика — химия — геология — биология — история (1878).

8. Применение регрессивного ряда деления носителей форм движения материи к классификации наук (1879).

9. Усложнение общего ряда классификации наук «эфирными частицами» (1880—1885).

10. Учет в классификации наук раздвоения линии развития природы и в связи с этим составление ряда наук как основы «Диалектики природы». Математика — механика — биология — физика — химия — физика эфира (1885).

11. Признание Энгельсом устарелости его конкретных разработок по классификации наук (1886) [6].

Кедров увидел 11 этапов в работе Энгельса над классификацией наук, вероятно, по аналогии с 11 пунктами основного плана «Диалектики природы» [7].

Все это деление не отражает сути процесса и не дает точного представления о том, как Энгельс работал над «Диалектикой природы» и какое место в этих рукописях заняла классификация наук. Не вызывает сомнений, что он проявил в какой-то момент большой интерес к этой теоретической задаче. Однако классификации наук как таковой здесь, вопреки мнению Кедрова, почти нет.

Прежде чем изложить нашу точку зрения, отметим воздействие идеи о «стержневом характере классификации наук» для «Диалектики природы» на некоторые другие работы советских философов. В предисловии к 20 тому второго издания Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, в котором опубликованы труды Энгельса «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы», подготовитель тома Г. А. Багатурия, солидаризируясь с Кедровым, полагает, что «стержневой идеей «Диалектики природы» является классификация форм движения материи и соответственно этому классификация наук, изучающих эти формы движения» [8]. В третьем издании Большой Советской Энциклопедии в статье Багатурия «Диалектика природы» дается близкое, хотя и несколько отличное суждение. Он пишет: «Центральной идеей основной (второй) части «Диалектики природы» является классификация форм движения материи и соответственно этому классификация наук, изучающих эти формы движения» [9]. Правомерно возникает вопрос, является ли вторая часть основной в «Диалектике природы» и действительно ли классификация наук, изучающих формы движения материи, является центральной, стержневой идеей во всей книге или во второй ее части, т. е. справедливы ли положения по данному вопросу, выдвинутые Кедровым и Багатурия.

На эти вопросы можно дать ответ, лишь исходя из анализа общего плана «Диалектики природы», который Энгельс разработал во второй половине 1878 г. Подвергнем анализу общий план «Диалектики природы» [10]. Изложим содержание первых двух пунктов плана и воспроизведем третий и четвертый пункты. В первом пункте Энгельс намеревался изложить вопрос о неограниченном прогрессе естествознания в целом, благодаря которому метафизическая концепция стала невозможной. Следует отметить, что замечательное по глубине содержания и по стилю введение к «Диалектике природы» было написано Энгельсом в 1876 г. и приводится в незавершенной книге [11]. Во введении перед нами яркая картина исторического развития естествознания — удивительный революционный, творческий процесс созидания, который начался в эпоху Возрождения. Далее наступил период накопления, собирания фактов (XVII—XVIII вв.) при господстве метафизического метода мышле-

ния. С 30—40-х гг. XIX в. начинается время великих открытий и достижений, подтверждавших существование диалектико-материалистических связей в природе, несмотря на то что естествоиспытатели, совершившие эти открытия, придерживались в целом ряде случаев консервативных взглядов, были часто метафизичны.

Во втором пункте плана Энгельс собирался проанализировать теоретическое развитие естествознания в Германии со времени Гегеля и показать сложность процесса осознания учеными сути диалектики [12]. Приведем теперь третий и четвертый разделы плана в том виде, как они были сформулированы Энгельсом.

«3. Диалектика как наука о всеобщей связи. Главные законы: превращение количества и качества — взаимное проникновение полярных противоположностей и превращение их друг в друга, когда они доведены до крайности,— развитие путем противоречия, или отрицание отрицания,— спиральная форма развития.

4. Связь наук. Математика, механика, физика, химия, биология. Сен-Симон (Конт) и Гегель» [13].

Анализируя третий и четвертый пункты плана, легко понять, что ни формы движения материи, ни классификация наук не являются центральными или стержневыми для них идеями, поскольку третий пункт полностью посвящен диалектике как науке о всеобщей связи и ее главных законах, отражающих сущность природы и общества, а четвертый пункт — «связи наук» естествознания. А связь наук не равнозначна понятию классификации наук, точнее — это различные вещи. Классификация наук значительно более широкое понятие, она покоится на многих принципах и взаимоотношениях наук, не только на их связях, но и на различиях, да и связи эти чрезвычайно разнокачественны. Следует подчеркнуть, что без учета как различий, так и объединяющего сходства, никакая классификация вообще (наук, объектов, явлений, мыслительных сущностей) невозможна.

Установленная последовательность наук естествознания, по Энгельсу, должна отражать в самых общих приближенных чертах генетическое развитие природы, причем *для него главным в этом вопросе было стремление доказать, что диалектическим взаимосвязям гигантских совокупностей макро- и микрообъектов в природе, бесчисленным невероятно сложным и простым процессам в системах этих материальных объектов соответствует связь наук, изучающих и отражающих данные объекты и процессы, и эти всеобщие закономерности должны быть раскрыты диалектическим мышлением.* Хотя в четвертом пункте плана приведена последовательность наук естествознания, но это еще не значит, что здесь выражена классификация наук. И Энгельс ее так и не называет. Он всегда стремился к адекватности понятий и отражаемого ими содержания. О том, что четвертый пункт в своем главном содер-

жании не посвящен, или почти не посвящен, классификации наук, говорит и то обстоятельство, что наряду с Сен-Симоном (Контом) Энгельс назвал в своем плане и Гегеля. Гегель, как известно, не создавал классификации наук, его систему знания выводят из логики произведений, хотя он и пытался обобщить в своих трудах достигнутый уровень естествознания и взаимосвязь наук. Поэтому в «Анти-Дюринге» Энгельс подчеркивал, что в первую четверть XIX в. за задачу подвести теоретический итог бурному развитию естествознания, огромному накопленному материалу, большим достижениям взялись два гениальных человека — Сен-Симон (он начал, но не закончил) и Гегель [14]. Не исключено, конечно, что, раскрывая вопрос о связи наук как отражении связей объектов и процессов материального мира, Энгельс намеревался высказать свое мнение и о классификации наук, в том числе дать разбор и критику построений в этой области Конта. Итак, во всех четырех вышеприведенных пунктах (первая часть книги) классификация наук не является центральной, стержневой идеей. Следует подчеркнуть, что в довольно подробном наброске общего плана «Диалектики природы» классификации наук, как и формы движения материи, не приводятся вообще, так как Энгельс был строг и точен в использовании понятий. В частности, для Энгельса формы движения материи были руководящей нитью для анализа общего процесса развития материальной природы и прежде всего ее неорганической части. Однако уже в области химии Энгельс предпочитал говорить не о химической форме движения материи, а о процессах сродства, соединения, химического действия, химической энергии, химического процесса [15].

Теперь рассмотрим вторую часть плана «Диалектики природы», начиная с пятого пункта.

«5. Aperçus об отдельных науках и их диалектическом содержании:

1) математика: диалектические вспомогательные средства и обороты.— Математическое бесконечное имеет место в действительности;

2) механика неба — теперь вся она рассматривается как некоторый процесс.— Механика...;

3) физика — переходы молекулярных движений друг в друга. Клаузиус и Лошмидт;

4) химия: теория, энергия;

5) биология. Дарвинизм. Необходимость и случайность.

6. Границы познания. Дюбуа-Реймон и Негели.— Гельмгольц. Кант, Юм.

7. Механическая теория. Геккель.

8. Душа пластидулы — Геккель и Негели.

9. Наука и преподавание — Вирхов.

10. Клеточное государство — Вирхов.

11. Дарвинистская политика и дарвинистское учение об обществе — Геккель и Шмидт. Дифференциация человека благодаря *труду [Arbeit]*.— Применение политической экономии к естествознанию. Понятие *«работы» [«Arbeit»]* у Гельмгольца («Популярные доклады», вып. II)» [16].

Анализ 6—11 пунктов плана показывает, что во второй его части трудно найти проблему классификации наук [17]. Не имеют отношения многие пункты плана второй части и к формам движения материи, например, 6, 8, 9—11 пункты [18].

Пятый пункт близок к указанным категориям (но не всегда в главном), во-первых, в смысле расположения материала (математика — механика — физика — химия — биология); во-вторых, в ряде подпунктов, особенно в третьем, Энгельс мог развить представления о *формах движения*. Классификация наук не «просвечивается» почти во всех разделах плана второй части.

Все это дает основание считать, что классификация наук не является «стержнем», центральной идеей «Диалектики природы», как ее первой, так и второй части. Отметим также, что по замыслу Энгельса вторая часть в приведенном плане книги не является главной, поскольку в первых пяти разделах концентрируются такие наиболее фундаментальные вопросы, как законы диалектики, спиралевидная форма развития, история естествознания, обзор важнейших естественных наук, в то время как в последующих — более частные, так что и в этом Багатурия допустил неточность.

Из всего изложенного можно сделать следующие выводы. Классификации наук Энгельс уделил внимание в период с 1873 по 1878 г., при подготовке «Анти-Дюринга», а также при формулировании ряда фрагментов для «Диалектики природы», написанных в это время. После выхода в свет «Анти-Дюринга» Энгельс к этому вопросу, на наш взгляд, не возвращался. Среди многих десятков статей, которые опубликовал Энгельс после издания своего полемического труда, ни одна не была посвящена системам наук и вообще в них это понятие даже не упоминается.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 85—96.

[2] См.: *Савкин П. С.* Ф. Энгельс и классификация наук // Философские науки. 1989. № 4. С. 109—115.

[3] *Кедров Б. М.* Классификация наук. М., 1961. Т. 1. С. 298—302, 303—381.

[4] Там же. С. 306—364, 365—366, 367—381.

[5] Там же. С. 317.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 13; см. также: *Кедров Б. М.* Классификация наук. Т. 1. С. 362—363.

[7] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 343.

[8] Там же. С. XVII.

[9] Большая Советская Энциклопедия. М., 1972. 3-е изд. Т. 8. С. 230; см. также: Философская энциклопедия. Т. 1. С. 479 (статья Б. М. Кедрова).

[10] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 343.

[11] См. там же. С. 345—363.

[12] См. там же. С. 343.

[13] Там же.

[14] См. там же. С. 23.

[15] См. там же. С. 440, 442, 450, 454 и др.

[16] Там же. С. 343.

[17] См. там же.

[18] См. там же.

ПУБЛИКАЦИИ

ДВЕ РУКОПИСИ Ф. ЭНГЕЛЬСА О ПАНСЛАВИЗМЕ *

В. А. Смирнова

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Публикуемые ниже рукописи Энгельса «Германия и славянство» и «Панславизм», хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС [1], отражают первоначальный этап работы над широко задуманным трудом по проблемам истории, литературы, языка, культуры славянских народов и их роли в истории Европы. Замысел этого труда был связан с исследованиями Маркса и Энгельса по истории международных отношений и дипломатии, с выработкой подхода к нерешенным в ходе революции 1848—1849 гг. проблемам объединения Германии, к национальному вопросу в Восточной Европе, в том числе и к судьбам славян, находившихся под властью Оттоманской и Австрийской империй, к идейному и политическому течению панславизма. Эти проблемы приобрели особенную важность в связи с обострением так называемого восточного вопроса, противоречий великих держав на Ближнем Востоке и начавшейся в 1853 г. Крымской войной.

Выступление Маркса и Энгельса против панславистских идей было направлено, с одной стороны, против царского самодержавия, которое, по выражению В. И. Ленина, служило «оплотом всей европейской реакции» [2], с другой стороны, против попыток противопоставления славян как «народов будущего» народам Западной Европы. Для Маркса и Энгельса панславизм являлся одним из проявлений национализма, который давал возможность использовать искреннее стремление народов к национальной независимости силами, чуждыми интересам этих народов. И с этой точки зрения критика Энгельсом панславизма имеет более широкое значение, позволяя расширить представления о его и Маркса взглядах на демагогическую политику бонапартизма в области национальных отношений. Противоречивость национального движения славян,

---

* Настоящая публикация является одной из последних работ ведущего научного сотрудника Отдела К. Маркса и Ф. Энгельса Валентины Акимовны Смирновой. В ее лице советское марксоведение потеряло крупного ученого, внесшего большой вклад в развитие этой отрасли обществоведения. *Ред.*

идеологии панславизма они видели в том, что, с одной стороны, она выражала стремление славянских народов к самостоятельности, а с другой — в ходе революции 1848 —1849 гг. была использована в интересах царизма и Австрийской монархии для подавления революции. Именно поэтому в контексте тогдашней исторической обстановки Маркс и Энгельс рассматривали панславизм во всех его оттенках как идеологию, объективно противопоставлявшую национально-освободительные движения славян борьбе рабочего класса за свое освобождение и ведущую к разъединению революционных сил.

Первые исследования Энгельсом проблем истории, языка, культуры славянских народов относятся к началу 50-х гг. XIX в.[3] За два-три года его занятия настолько продвинулись вперед, что 8 декабря 1854 г. Маркс счел возможным попросить его написать брошюру о «Германцах и славянах»[4].

Пройдя несколько этапов[5], эта работа в конечном счете вылилась в серию статей «Панславизм», над которыми Энгельс работал в первой половине 1856 г.[6]

Постоянно наблюдая за ходом исследований Энгельса, помогая ему в подборе литературы и занимаясь историей Швеции и Дунайских княжеств[7], Маркс задумал и частично осуществил в 1856—1857 гг. самостоятельную работу «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», посвященную истории русско-английских дипломатических отношений и отчасти истории русского государства. При этом в 5-й главе он использовал целиком одну из статей серии «Панславизм»[8].

В ходе исследований Маркса и Энгельса возникали проблемы, требовавшие специальной разработки. Поставив в «Разоблачениях» задачу критики ряда сочинений западных авторов[9], Маркс выполнил ее отчасти, начав в январе 1857 г. писать работу «Брошюры Б. Бауэра о коллизии с Россией», в которой подверг критике взгляды этого немецкого философа[10]. Работа не была завершена.

Вопросы внешней политики и объединения Италии и Германии вновь привлекли внимание Маркса и Энгельса в связи с франко-итало-австрийской войной 1859 г. В июле 1859 г. Маркс намеревался в газете «Das Volk» «вкратце изложить роль России в этой трагикомедии и одновременно разделаться с Бонапартом»[11]. Эти проблемы рассматриваются ими в «Господине Фогте», «По и Рейн», «Савойя, Ницца и Рейн» и в некоторых других работах.

Исследования были продолжены в первой половине 60-х гг. и их результаты нашли отражение в незавершенном труде по истории Польши[12], «Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих» Маркса, в работах Энгельса «Военный вопрос и немецкая рабочая партия», «Какое дело рабочему классу до Польши?» и некоторых других[13]. Только совокупность этих произведений

дает возможность рассмотреть в целом развитие внешнеполитической концепции Маркса и Энгельса и их взглядов на роль славян в историческом развитии Европы [14].

Поскольку серия статей Энгельса о панславизме утрачена, особое значение приобретают две небольшие рукописи Энгельса: «Германия и славянство» и «Панславизм». Содержание этих рукописей в полной мере до сих пор не стало достоянием исследователей.

По-видимому, первым, кто держал их в руках, был Д. Б. Рязанов. Он собирался публиковать рукописи с обширным комментарием, без которого, по его словам, они были бы «мало понятны» [15]. Намерение это не было осуществлено. Вслед за Рязановым рукописи изучал в Архиве германской социал-демократии немецкий ученый, биограф Энгельса Густав Майер, довольно подробно изложивший их содержание [16]. Майер отнес начало работы Энгельса к декабрю 1854 г., что породило неточность в датировке рукописей у других исследователей, которые стали считать декабрь 1854 г. временем их создания. Майер ошибочно расценил две статьи «Германия и панславизм» в «Neue Oder-Zeitung» как начало серии статей «Панславизм» для «New-York Tribune» [17]. Три автора, упоминавшие о рукописях позднее, Ст. Шванн, X. Краузе и М. Рюбель, знакомились с их содержанием по работе Майера, поэтому их суждения о документе, который они не видели, требуют серьезной корректировки [18]. Из советских исследователей рукописи упоминала, не рассматривая их специально, Н. С. Румянцева. Серьезные соображения о ходе работы над рукописью и по датировке высказала И. П. Особова [19]. Исследователь из ГДР X. Штраус датирует время создания «Германии и славянства» началом 1855 г., а работу над «Панславизмом» относит к декабрю 1855 — январю 1856 г. [20]

Еще в начале 70-х гг. рукописи были подготовлены к печати в составе 44 дополнительного тома второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке в Секторе произведений К. Маркса и Ф. Энгельса и тогда же произведено первое уточнение датировки. При подготовке настоящей публикации работа по датировке рукописей выполнена на основе анализа всей совокупности данных.

* * *

Обе рукописи: «Германия и славянство» и «Панславизм» носят черновой характер с относительно небольшим числом зачеркиваний, знаков вставок и переносов текста. Набросок «Германия и славянство» сделан Энгельсом на половине большого листа голубой бумаги. На второй половине листа (края разрыва обеих половинок точно подходят друг к другу) Энгельс составил, надо полагать, почти одновременно, конспект книги Штраля (см. приме-

чание 1, здесь и далее в тексте вводной статьи ссылки на примечания к рукописям Энгельса). «Германия и славянство» разделена автором на три не равные по объему части. Первая часть (или раздел) содержит несколько смысловых блоков, выделенных Энгельсом либо цифрами, либо разделительными черточками, либо буквами латинского и греческого алфавита. Окончательно структура рукописи, видимо, Энгельсом не была определена: так, он дважды повторяет римскую цифру «I», дважды вводит разделительную черту и пр. Он дает и условные названия темам, намеченным к рассмотрению: историческое введение, вопрос о границах, происхождение, господин Герцен, мощь России и др. Энгельс определяет здесь общие методологические установки, принципиальные подходы к решению вопроса и главное внимание уделяет критике герценовской концепции социализма. Во второй части сформулирована лишь тема: «Остальные славяне или вопрос о границах» и выделены три пункта: южные славяне, чехи и словаки, поляки. Третья часть — заключение.

Рукопись «Панславизм» содержит шесть листов белой бумаги разного формата, различной по плотности, некоторые листы с водяными знаками (см. примечание 44). С рукописью был сложен вместе и листок бумаги с выписками о численности славян (см. примечание 60). В «Панславизме» определены 14 основных разделов: общее введение, общий обзор, история панславизма (разделы I—V, VII, X); разделы VI, XIV посвящены критике его теоретического обоснования; в VII, VIII, IX разделах дается история Польши, западных и южных славян; в разделах XI—XIII речь идет о России. В разделах VII—IX раскрывается содержание II части наброска «Германия и славянство», а в разделах XI—XIII — третий пункт его первой части — «мощь России».

Прежде чем перейти к характеристике содержания этих рукописей, необходимо выяснить два момента: найти соотношение между ними, а также попытаться установить, когда оба наброска были созданы Энгельсом.

Рукопись «Германия и славянство», по-видимому, была написана Энгельсом ранее «Панславизма», так как в последнем содержится отсылка к «Германии и славянству», к тому месту, где дается подробная критика взглядов Герцена. Во всяком случае, независимо от даты создания первого и второго наброска при работе над «Панславизмом» Энгельс держал в руках «Германию и славянство», и обе рукописи представляют единый замысел и связаны между собой и тематически, и композиционно.

Датировка рукописей крайне сложна, поскольку в источниках нет прямых указаний о времени работы Энгельса над ними. Чтобы высказать самые общие предположения о датировке рукописей, следует сначала определить, к какому этапу работы над пробле-

мами панславизма их можно отнести: к моменту зарождения замысла, т. е. к декабрю 1854 г., к январю—марту 1855 г., к апрелю 1855 г., когда Энгельс написал статьи для «Neue Oder-Zeitung», к маю—августу 1855 г., когда велись переговоры об издании брошюры в Германии, или ко времени его работы над серией статей «Панславизм» для «New-York Tribune» в первой половине 1856 г.

Замысел работы о Германии и славянах возник в декабре 1854 г. В конце того же месяца и в начале января 1855 г. Маркс и Энгельс имели возможность обсудить свои планы во время пребывания последнего в Лондоне. Однако декабрь 1854 г. исключается, так как в «Германии и славянстве» содержится прямое указание на 1855 г.; Энгельс пишет о войне 1853—1855 гг. Если бы рукопись создавалась в 1854 или в 1856 г., то датировка была бы иной. Вопрос далее заключается в том, можно ли в пределах указанного Энгельсом 1855 г. найти более точные сведения о времени создания «Германии и славянства»?

Косвенные данные позволяют утверждать, что в январе—марте 1855 г. Энгельс над этой рукописью еще не работал. Помимо более обстоятельных доказательств, о которых мы скажем ниже, следует обратить внимание на следующий фрагмент из рукописи «Германия и славянство»: «Таково все русское дворянство. Главное — импонировать. Параллели: Брадфорд, населенный одними лишь коммивояжерами» [21]. Эта фраза, уничижительный смысл которой долгое время не удавалось расшифровать, нашла, как нам кажется, свое объяснение в письмах Дронке Энгельсу за февраль—март 1855 г., в которых живописуется среда дельцов этого города. И, видимо, это сравнение пришло на ум Энгельсу, связанному с этим городом и делами фирмы своего отца, именно под влиянием писем Дронке [22]. И тогда допустимо предположение, что рукопись «Германия и славянство» могла быть написана только после марта 1855 г.

В апреле 1855 г. Энгельсом были созданы две статьи о панславизме для «Neue Oder-Zeitung». Написанные в разгар Крымской войны, они несли на себе явный отпечаток «злобы дня» [23]. Этот подход, в общем, присущ и рукописям, но изложение в них принимает более академический характер. Содержание рукописей теоретически богаче, а тематически несравненно шире газетных статей. Из всего комплекса вопросов, затронутых в рукописях, в «Neue Oder-Zeitung» рассматривается лишь проблема австрославизма, современного состояния славянских народов (численность, расселение, смешение языков и пр.) и роль России в панславистской агитации. Отдельные аспекты этих проблем обозначены в рукописях с большей широтой. В них формулируется и круг проблем, о которых в «Neue Oder-Zeitung» содержится лишь глухой намек: «Мы в данном случае,— писал в газете Энгельс,— не говорили ни о поляках, которые, к их чести, большей частью враждебны панславизму,

ни о мнимо демократической или социалистической форме панславизма, которая в сущности отличается лишь одной своей фразеологией и лицемерием от обычного, откровенного русского панславизма. Так же мало говорили мы о представителях немецкой спекулятивной философии»[24]. Именно эти сюжеты получили широкое освещение в рукописях, особенно в «Германии и славянстве».

Маркс рассматривал статьи в «Neue Oder-Zeitung» лишь как начало большой работы о панславизме, как своего рода заявку на эту тему, считая их *«началом* полемики против *панславизма»*[25].

В пользу предположения, что статьи в «Neue Oder-Zeitung» написаны в разное время с рукописями «Германия и славянство» и «Панславизм», говорит и несовпадение приводимых Энгельсом данных[26]. Более широкая постановка вопросов и их богатство по сравнению со статьями в «Neue Oder-Zeitung» дают возможность предположить, что статьи для бреславльской газеты созданы раньше рукописей. Если принять во внимание, что в «Германии и славянстве» Энгельс, вероятно, пользовался вторым французским изданием книги Герцена «Le peuple russe et le socialisme. Lettre à monsieur J. Michelet», которое было выпущено в свет в мае — июне 1855 г.[27], то станет очевидно, что ни «Германия и славянство», ни «Панславизм» в апреле не могли быть написаны. К этому следует добавить, что в первой редакции «Панславизма» использован статистический отчет Петермана, который вышел в свет в марте 1855 г. (см. примечание 65) и был получен Энгельсом для работы не ранее июня.

Судя по письму Маркса Энгельсу от 16 мая 1855 г., во время пребывания Маркса в Манчестере (между 18 апреля и 6 мая) окончательно был разработан конкретный план издания в Германии работы Энгельса о панславизме. Маркс начал переговоры о ней с редактором «Neue Oder-Zeitung» Эльснером в том же месяце после возвращения в Лондон[28]. В июне Эльснер сообщил о полной неудаче своих попыток и посоветовал обратиться к немецкому книгоиздателю А. Дункеру[29]. Связь с последним через Г. Веерта попытался установить Энгельс, пославший свои предложения в Гамбург 13 августа 1855 г.[30] Вполне логично предположить, что, формулируя предложения издателю, Энгельс и набросал для себя на немецком языке первые тезисы будущей работы, то есть рукописи «Германия и славянство» и первую редакцию «Панславизма».

Веерт вступил в переговоры не только с Дункером, но и с главой другой авторитетной книгоиздательской фирмы Германии И. Ю. Кампе. Однако переговоры в августе закончились безрезультатно[31]. Причину отказа последнего издателя Веерт объяснял тем, что, по его мнению, Кампе издает какую-то вещь Герцена. Предположение Веерта было справедливым — в это время в издательстве Гофмана и Кампе выходил в свет немецкий перевод книги Герцена «Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера»[32]. Вряд ли по-

сле отказа двух издателей переговоры о публикации брошюры Энгельса в Германии возобновлялись.

Могли ли рукописи быть созданы летом 1855 г. именно в связи с этими переговорами? Мы склонны ответить на этот вопрос положительно, опираясь прежде всего на круг источников Энгельса. Из писем Маркса Энгельсу за май — июнь 1855 г. создается впечатление, что в мае, после возвращения Маркса в Лондон, Энгельс начинает или продолжает подбирать источники по панславизму. Ему, в частности, потребовались книги Б. Бауэра [33] и статистический отчет Петермана, который по ошибке был увезен Марксом в Лондон. Энгельс получил эти работы в Манчестере не ранее июня [34]. Книга Бауэра широко использована в рукописи «Германия и славянство», и закономерно предположение, что раньше июня эта рукопись не могла быть написана. В то же время вряд ли Энгельс работал над этим наброском позже августа [35], так как к концу этого месяца стало ясно, что издать в Германии брошюру не удастся. И тогда создание «Германии и славянства» следует отнести к июню — августу 1855 г.

Дата возможного окончания работы над «Германией и славянством» находит еще одно косвенное подтверждение. В октябре 1855 г. вышло английское издание «Тюрьмы и ссылки» под названием «My exile in Siberia». 29 ноября в «Morning Advertiser» появилась заметка, обвиняющая Герцена в том, что он сознательно ввел в заблуждение читателей, сказав в заголовке о ссылке в Сибирь, в которой он на самом деле не был. Герцен, протестовавший еще 23 октября против произвольного изменения заголовка в немецком и английском изданиях по сравнению с названием русского издания «Тюрьмы и ссылки» [36], был вовлечен в полемику, о которой Маркс сообщал Энгельсу [37]. Трудно предположить, что Энгельс не использовал бы такую возможность развенчать своего оппонента, сорвав с его головы «корону мученика» — это еще одно косвенное свидетельство того, что рукопись «Германия и славянство» не могла быть создана после августа 1855 г.

Как же датировать «Панславизм»? Ответ может дать прежде всего сама рукопись. Внимательный анализ бумаги, чернил и почерка (вернее, пера) в немалой степени проясняет вопрос [38]. Нам представляется, что есть основание говорить о двух стадиях работы над рукописью «Панславизм» (или двух редакциях): первая из них относится к первоначальному плану издания немецкой брошюры о панславизме и непосредственно связана с «Германией и славянством» прямой отсылкой; вторая сделана в момент работы над статьями для «New-York Tribune». Рукопись в окончательном виде содержит 6 листов бумаги разного формата и разного качества (см. примечание 44). Первая редакция содержала три листа белой бумаги, однотипной с бумагой «Германии и славянства» и отличаю-

щейся от нее лишь цветом. В эту рукопись входили: разделы I, II, III, IV, VI (до текста «к 1»), XI, XII, XIV, а также заключение к VIII разделу. Возможно, что два первых листа первой редакции (I—VIII, XI—XII разделы) составляли двойной лист [39]. На обороте второго листа Энгельсом были сделаны выписки о численности населения юго-восточной Европы, а также дан набросок образца русской денежной расписки (см. примечание 63). Текст этих трех листов и можно было бы назвать первоначальной редакцией наброска «Панславизм». Чернила и перо (почерк) указанного на этих листах текста идентичны с таковыми в «Германии и славянстве». Если при этом учесть, что обе рукописи немецкоязычные и, вероятно, являлись подготовительными материалами к брошюре, предназначенной для немецкого читателя, то тогда дата создания этой части рукописи «Панславизм» укладывается в те же временные границы, что и «Германия и славянство».

Но в рукописи есть еще и иной пласт, который с уверенностью следует отнести к истории создания Энгельсом серии из пятнадцати статей о панславизме для «New-York Tribune», над которой он работал в первой половине 1856 г. [40]

Разрабатывая планы издания работы Энгельса в Германии, Маркс лелеял надежду заставить во что бы то ни стало выступить против панславизма и «Трибуну» [41]. Летом и осенью 1855 г. он вел переговоры с редакцией об общих проблемах своего сотрудничества в газете, которые завершились успешно к декабрю [42]. Только после этого Энгельс, по-видимому, и вернулся к своим наброскам. Здесь рукопись дает ответ на многие вопросы. Во-первых, Энгельс только на этой, второй стадии разбивает материал на разделы, обозначая их римскими цифрами [43], и таким образом по-иному организовывает материал. В текст первого листа между разделами он, кроме того, «втискивает» разделительные линии [44]. Первоначально же между текстами III и IV разделов не было даже абзаца. Теперь Энгельс между строчками, первая из которых кончается словом «третья», а следующая начинается словом «эпоха», проводит разделительную черту, на полях ставит римскую цифру «IV» и стрелкой указывает, что это относится к слову «эпоха», т. е. соответственно IV раздел должен начинаться словами «Третья эпоха».

Энгельс существенно дополняет раздел VI, дописывая два абзаца («к 1» и «к 2») теми же чернилами и тем же пером, которыми проведено деление рукописи на разделы. На обороте первого листа он пишет заново VII и VIII разделы и оставляет чистой последнюю четверть этого листа. Мы увидим далее, что это было сделано не случайно. Таким образом был создан первый лист новой редакции «Панславизма». Вслед за этим на листе плотной белой бумаги с водяными знаками он теми же чернилами пишет разделы IX и X. Они составили второй лист новой редакции (см. примечание 56).

Завершив работу над X разделом, Энгельс обращается ко второму листу первоначальной рукописи. На первой четверти листа был написан текст «Заключения». Эту четвертушку Энгельс отрывает с явным намерением отнести текст на оставшуюся свободной последнюю четверть оборота первого листа, так как по содержанию данный текст является заключением VIII раздела «Польша». При этом он повреждает запись на обороте (см. примечание 55).

Текст, оставшийся на трех четвертях первоначального второго листа, Энгельс разбивает на XI и XII разделы и проводит между ними разделительную линию. Первоначально материал о России был на этой странице организован по-другому, у него было четыре пункта, которые сохранились и при новом замысле (см. с. 314—315). Так был сформирован третий лист рукописи новой редакции. В конце раздела XII у Энгельса была написана фраза «13. Manifest destiny: возрождение Европы или возрождение северной Азии», которую он воспроизвел на следующем листе. Причем текст этой фразы относится по времени к первой стадии работы над рукописью, а число «13», вероятно, написано позднее.

Далее Энгельс заново пишет раздел XIII (Manifest destiny) на плотной белой бумаге, однотипной со вторым листом второй редакции. Так появляется четвертый лист новой редакции «Панславизма» (см. примечание 64).

И наконец, третий лист первоначальной рукописи, помечаемый Энгельсом как XIV раздел, становится пятым листом новой редакции (см. примечание 67).

Если принять во внимание то обстоятельство, что число статей в серии «Панславизм» в «New-York Tribune» практически совпадает с количеством разделов в наброске «Панславизм» [45], что статья IX серии трактовала сюжет о южных славянах [46] и ту же тему Энгельс затрагивает в разделе IX наброска, то можно с достаточным основанием предположить, что вторая редакция рукописи «Панславизм» явилась планом (проспектом, тезисами) написанной им большой серии статей об этом сюжете. Это подтверждается еще одним существенным обстоятельством. В письме к Энгельсу 9 апреля 1857 г. Маркс сообщал о том, что он дословно использовал одну из статей Энгельса из серии «Панславизм» в пятой главе своей работы «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» [47]. Сопоставление текстов показывает, что первая часть этой главы по содержанию во многом соответствует разделам XI и XII рукописи «Панславизм».

Существенным для датировки второго этапа работы над тезисами «Панславизма» и создания окончательного второго варианта этой рукописи является фраза из первого добавления к VI разделу: «Теперь, в периоды перемирия и усталости, она (идея возрожде-

ния.—*В. С.*) всплывает прямо в форме восточного вопроса» [48]. Посмотрим, какие реальные события стояли за этой фразой.

Взятие русскими войсками Карса 25 ноября 1855 г. явилось последней значительной военной операцией в ходе Крымской войны. 16 января 1856 г. русский канцлер Нессельроде и чрезвычайный посол Австрии Эстергази подписали в Петербурге протокол, согласно которому Россия принимала предложенные ей условия как основу для мирных переговоров.

Через два дня после этого Энгельс писал в статье «Европейская война»: «В то же время стало известно, что Россия приняла австрийские предложения как основу для переговоров, и хотя это далеко еще не решает вопроса о мире, но все же открывает возможность окончания войны. Таким образом, возможно, что новой кампании не будет...» [49] Следовательно, Энгельс в январе 1856 г. воспринимает ситуацию если и не как официальное перемирие, то как затишье, отсутствие военных действий. 1 февраля подписанный в Петербурге протокол был принят в Вене послами Англии, Франции, Австрии, Оттоманской порты и получил обязательную силу предварительных условий мира [50]. Этот акт воспринимался современниками как официальный акт перемирия. О перемирии пишет Маркс 8 февраля в статье «Англо-американский конфликт.— Положение во Франции»: «Тем временем, умело используя *перемирие* (курсив наш.—*В. С.*) и другие возможности, какие могут ей представиться в ходе дела, Россия, сосредоточив свои вооруженные силы во всех важнейших пунктах, возможно, захочет продолжать войну» [51]. Хотя официально перемирие было подписано на Парижском конгрессе 26 февраля 1856 г., фактически современники вели отсчет от 1 февраля. И наконец, что имел в виду Энгельс, когда он говорил о «восточном вопросе»?

Маркс и Энгельс рассматривали так называемый восточный вопрос как сложное переплетение интересов европейских держав в их борьбе за утверждение своего влияния на Ближнем Востоке и Балканах с национально-освободительными движениями народов Балканского полуострова против турецкого ига. В ходе Крымской войны проблема национальной независимости народов, находящихся под турецким гнетом, не была решена. Когда Энгельс в добавлении к VI разделу «Панславизма» говорит, что идея «Старой Европы и Молодой России» всплывает «прямо в форме восточного вопроса», то, по-видимому, он имеет в виду начавшуюся 9 января 1856 г. в Константинополе конференцию с участием представителей Англии, Франции, Турции, Австрии по вопросу о судьбе Дунайских княжеств, а также опубликованный 18 февраля 1856 г. султанский рескрипт (Хатт- и хумаюн) о внутренних реформах в Оттоманской империи, в котором, в частности, большое внимание уделялось правам и привилегиям христианских

общин. Эти факты позволяют отнести дополнения к рукописи «Панславизм» (его вторую редакцию) скорее всего к февралю 1856 г.

Таким образом, наиболее вероятной датой создания рукописи «Германия и славянство» следует считать июнь — август 1855 г. Возможно предложить и более точную датировку: поскольку 13 августа Энгельс отослал свои предложения в Германию, то позже этой даты в 1855 г. к сюжету о панславизме он вряд ли обращался. Рукопись «Панславизм» была написана, по-видимому, в два приема: в июне — августе 1855 г. и добавления к ней (вторая и окончательная редакция) — в феврале 1856 г. Она не могла быть создана позже февраля 1856 г., так как в конце февраля в круг источников Энгельса по данной проблеме вводятся новые материалы, которые не нашли никакого упоминания в данной рукописи [52].

* * *

При характеристике публикуемых рукописей Энгельса следует иметь в виду их черновой, незаконченный характер. Текст набросков, содержащих и определенные противоречия, и неточности, позволяет проследить, как формируется мысль автора, но он не дает возможности предвидеть, предсказать его окончательный вывод. Нельзя также абсолютизировать то или иное положение. Рукопись «Панславизм», например, обрывается на незаконченной фразе, которая показывает, что Энгельс только-только подвел свое изложение к выводам. Именно поэтому следует еще раз подчеркнуть, что рассматривать данную работу Энгельса необходимо в общем контексте изучения Марксом и Энгельсом проблем внешней политики и национально-освободительных движений. В вводной статье к публикации рукописей нет возможности в равной степени осветить все затронутые Энгельсом проблемы. Давая их общий обзор, мы преимущественное внимание уделяем критике Энгельсом концепции «русского социализма» А. И. Герцена.

Рукописи Энгельса создавались в обстановке идейной борьбы вокруг вопроса о роли России в судьбах Европы, поток литературы о России и русских, о славянах, о панславизме периодически набирал силу после событий 1812—1815, 1828—1829, 1830, 1849 гг. и во время Крымской войны. Об опасности, грозящей Европе со стороны царизма, писали представители демократического лагеря. В то же время поражение революции 1848—1849 гг. и идейное банкротство мелкобуржуазной демократии заставило приверженцев самых разных политических взглядов (Карлейль, Прудон, Гуровский, Бауэр, Кердеруа, Дитцель и др.) возлагать надежды в будущем развитии Европы на Россию. Эти представления, особенно после смерти Николая I, встретили понимание и за океаном в редакции «New-York

Tribune». Начавшееся в России движение за освобождение крестьян и ее протекционистская политика стали использоваться как один из аргументов в борьбе северян с южанами, защитниками рабства и сторонниками свободы торговли [53].

Важное место в этих дискуссиях занимали споры вокруг работ А. И. Герцена первой половины 50-х гг. Изложенная в них концепция «русского социализма» закладывала теоретический фундамент народничества. Герцен стремился познакомить передовую общественную мысль Европы с историей России, исканиями ее творческой мысли, показать, какая пропасть лежит между самодержавием и русским народом. Говоря словами самого Герцена, его книги «сделали много шума» в Европе, их «хвалили и бранили с ожесточением» [54].

Маркс и Энгельс не могли пройти мимо этих дискуссий, они должны были заявить о своей позиции и определить свое отношение к концепции Герцена. Известно, что в 50-х гг. (как и позже) Маркс и Энгельс внимательно следили за общественной деятельностью Герцена [55]. Рукописи «Германия и славянство» и «Панславизм» существенно дополняют данные о круге чтения Маркса и Энгельса «из Герцена». К моменту работы над набросками Энгельс был знаком со следующими работами Герцена: «С того берега»; «О развитии революционных идей в России»; «Русский народ и социализм. Письмо Мишле»; «Старый мир и Россия. Письма Линтону»; второй частью «Былого и дум» — «Тюрьма и ссылка». Возможно, Энгельс читал герценовское «Письмо к редактору «Kölnische Zeitung», помещенное в этой газете 22 июня 1854 г. Воззвание Герцена «Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше», опубликованное 21 апреля 1854 г. в «Daily News», он держал в руках в тот же день [56]. 14 июня 1853 г. Маркс сообщил Энгельсу о статье Герцена «Русская демократическая типография в Лондоне» из газеты «Leader» от 11 июня, в мае 1855 г. о намерении Герцена издавать «Полярную звезду» [57], а в декабре того же года о полемике в английской прессе вокруг работы Герцена «My exile in Siberia» и открытом письме Герцена издателю «Globe» [58]. В феврале 1855 г. при подготовке к международному митингу демократов Маркс получил в руки письмо Герцена Международному комитету и переслал его Энгельсу [59]. Он отправил ему также и № 48 «People's Paper» от 3 марта 1855 г. с текстом герценовского «Выступления на международном митинге демократов» и сообщил о статье «Der Russe Herzen» в № 63 «Allgemeine Zeitung» от 4 марта того же года [60], в которой рассказывалось о Вольной русской типографии в Лондоне. Из этого видно, сколь широким было знакомство основоположников научного социализма с кругом работ и идеями Герцена в период работы Энгельса над проблемами панславизма.

В своей публицистике тех лет Маркс и Энгельс уделяли много внимания панславизму и роли славян в революции 1848—1849 гг. Их точка зрения в самой общей форме сводилась к следующему: если национально-освободительное движение выступает в качестве союзника революционных сил, тогда оно прогрессивно, если оно идет на союз с реакционными европейскими государствами, тогда оно враг революционных народов. И с этой точки зрения движению славян (кроме поляков) в 1848—1849 гг. ими был вынесен обвинительный приговор [61]. Эта точка зрения во многом совпадала с позицией широких кругов демократов.

В рукописях 1855 г. позиция Энгельса приобретает более определенно выраженный классовый характер. С точки зрения пролетарской партии Энгельс исключает всякое шовинистическое предпочтение одного народа другому. Он подчеркивает враждебность подлинно революционной партии не только к панславизму, но и к тевтономании (пангерманизму), т. е. к любой националистической идеологии (см. с. 304).

Исходя из конкретной исторической действительности, которая диктовала необходимость создания единой демократической Германии, объединенной Италии и самостоятельной Венгрии, Энгельс писал: «В то время как в Германии борьба за внутреннее единство и территорию для национального движения совпадает с классовой борьбой, так что самая решительная партия является вместе с тем и самой национальной, у славян же — наоборот. Все проявления панславизма на деле до сих пор были реакционны».

Энгельс ставит острые вопросы сосуществования славян, немцев, венгров и других национальностей, рассматривая их и в теоретическом и практическом планах, включая проблемы государственных границ. Считая возможным демократический путь объединения Германии, он категорически выступает против включения в ее состав «частей чужих территорий, отвлекающих ее от собственных интересов и впутывающих ее в чужие раздоры...». Энгельс имеет в виду, в частности, экспансию Пруссии на Восток, захват польских земель [62]. Он подчеркивает, что выступает не против славян вообще, которые «очень желательны, если хотят развиваться рядом с нами», но против националистических панславистских стремлений противопоставить славян другим народам. Энгельс значительно раздвигает хронологические рамки своего анализа, делая экскурс во многие области тысячелетнего развития славян и их борьбы с экспансией немцев, рассматривая при этом судьбы отдельных славянских народов, их территориальное расселение, численность населения. В рукописях присутствует твердое понимание того, что историю славян нужно изучать в неразрывной связи с исторической, географической, этнографической средой, в тесном взаимодействии с соседними народами — венграми, немцами, турка-

ми и пр., в контексте государственных образований, в которых они жили века.

Как и в работах периода революции («Демократический панславизм», «Война в Венгрии» и др.) Энгельс и в 1855—1856 гг. убежден в нежизнеспособности малых славянских народов, чехов, словаков, болгар, черногорцев и в своих оценках национально-освободительных движений пользуется критериями 1848—1849 гг. Хотя эти критерии вступают в известное противоречие с выдвинутым им самим тезисом о том, что «современные условия производства содержат в себе свое собственное развитие».

Трудно переоценить значение рукописей для исследования истории возникновения и развития взглядов основоположников научного социализма на роль России и русского революционного движения в общей освободительной борьбе международного пролетариата. Впервые в этих рукописях Энгельс говорит о колоссальных возможностях русского народа, его «огромной способности к развитию и ассимилированию» [63], о цивилизаторской миссии России на Юге и Востоке, оценивая при этом освоение земель Украины и Южной России как великую заслугу русских. При этом Энгельс подчеркивает, что в отличие от завоевания европейцами Америки и Австралии при освоении новых земель русские не истребили «языческие племена».

Хотя Энгельс большое внимание уделяет в набросках характеристике отдельных славянских народов: их численности, истории, перспектив развития и пр., главное, что занимает его, особенно в рукописи «Германия и славянство», это опровержение теоретических постулатов панславизма. Считая, что идеология панславизма отражает реальное движение, Энгельс делает вывод: на современной стадии происходит размежевание партий на реакционный и либеральный, республиканский, социалистический панславизм, «приукрашенный всеми новейшими европейскими фразами». Под «социалистическим панславизмом», как явствует из содержания рукописей, Энгельс имел в виду прежде всего концепцию «русского социализма» Герцена, которая и стала в его рукописях главным объектом критики.

Изучение рукописей Энгельса показывает, что многое в его анализе герценовских идей продиктовано исходной позицией: он не делает различия между идеологическими и политическими концепциями панславизма, официальной теорией народности, славянофильства и взглядами Герцена. Хотя Энгельс и называет герценовскую теорию «Старой Европы и Молодой России» и социалистических институтов России теоретическим обоснованием панславизма, но, в сущности, рассматривает ее не как теоретический поиск, а как такую сумму взглядов, которая имеет лишь утилитарную, прагматическую цель. Он ставит знак равенства между взглядами

Герцена и завоевательной политикой русского царизма. И с этой точки зрения критика Энгельсом Герцена лежит в общем русле критики взглядов последнего лагерем европейских демократов.

Наиболее неприемлема для Маркса и Энгельса была герценовская концепция «Старой Европы и Молодой России». Мотивируя отказ от участия в митинге Международного комитета демократов, Маркс писал Энгельсу 13 февраля 1855 г.: «...я не хочу никогда и нигде фигурировать рядом с Герценом, так как не придерживаюсь мнения, будто старая Европа должна быть обновлена русской кровью» [64].

Критика Энгельса определяется не только задачами сиюминутной политической борьбы и в этом ее отличие от общедемократического подхода. Энгельс противопоставляет герценовским абстрактным иррациональным взглядам о старости и молодости народов положение научного социализма о зависимости судеб народа от развития производительных сил общества. Критерием молодости народа Энгельс выдвигает его участие в социальном прогрессе, а преимущества западной цивилизации перед Россией на современном ему этапе исторического развития видит в выходе на арену мировой истории рабочего класса.

Позиция Энгельса приводит его к необходимости исследования экономического развития самой России. Он обращает внимание на бурное развитие Юга страны, прямо связывая его с промышленным подъемом Европы, и на его социальные последствия. Он пишет: «промышленное развитие уже началось и в России, и, таким образом, в самой России завелась эта червоточина, и где...». На этом рукопись обрывается, но зачеркнутые слова позволяют проследить, как формируется мысль Энгельса; сначала он пишет: «...в-пятых, борьба классов», затем вычеркивает эти слова и записывает приведенную выше фразу о промышленном развитии.

Второй тезис Герцена, подвергшийся наибольшей критике Энгельса, это роль русской крестьянской общины в социальном развитии России и ее якобы коммунистический характер. Интерес к мыслям Герцена о русской общине как исконной носительнице коммунистической идеи и основы будущего социального возрождения России и Европы возник у Энгельса еще до начала работы над проблемами панславизма. 18 марта 1852 г., сообщая Марксу о своих занятиях русским языком, он пишет о старом панславистском приеме «превращать древнеславянскую общинную собственность в коммунизм и изображать русских крестьян прирожденными коммунистами...» [65] Через год, в апреле 1853 г., Энгельс замечает, что Герцен «по-гегелевски сконструировал демократически-социально-коммунистически-прудонистскую русскую республику...» [66]

В набросках 1855—1856 гг. Энгельс выделяет два момента. Во-первых, он обвиняет Герцена в заимствовании этой идеи у прус-

ского реакционного писателя Гакстгаузена, автора капитального трехтомного исследования по истории общины; во-вторых, обращает внимание на то, что общинная собственность на землю ведет к «мертвящей устойчивости», а «дополнением общинной демократии является царизм».

Однако, несмотря на то, что Энгельс верно нащупывает уязвимые места герценовской концепции, его критика упрощает, в известной мере даже вульгаризует взгляды русского мыслителя. Животворную силу общины Герцен видит в том, что земля, предоставляемая в надел каждому из ее членов, обеспечивает его социальную защищенность. Этот момент Энгельс полностью игнорирует. Община автономна в своих внутренних делах и каждый из ее членов имеет право голоса в их решении. «Уничтожить сельскую общину,— пишет Герцен,— в России невозможно, если только правительство не решится сослать или казнить несколько миллионов человек» [67]. Для Герцена общинное землепользование — это средство уберечь крестьянина от разорения, «язвы пролетариатства», он рассматривает его как альтернативу буржуазной частной собственности.

Вместе с тем Герцен видит отрицательные последствия общинного устройства русского народного бытия. Община не сумела спасти крестьянство от крепостничества и произвола самодержавной власти. Она подчинила себе личность, лишила ее инициативы, а без свободы личности ничто не может быть устойчивым. В этом Герцен принципиально расходится с Гакстгаузеном. «Гакстгаузен,— пишет Герцен,— действительно уловил животворящий принцип русского народа; но по своей врожденной склонности ко всему патриархальному и вследствие полного отсутствия критического дара он не заметил, что именно отрицательная сторона общинной жизни и вызвала петербургскую реакцию. Если бы в общине не было полного поглощения личности, то самодержавие, о котором с таким справедливым ужасом говорит Кюстин, не могло б образоваться» [68].

Обвинения Энгельсом Герцена в заимствовании у Гакстгаузена были беспочвенными, он не знал, что раздумья Герцена о судьбах России были связаны прежде всего со спорами западников и славянофилов, с интересом славянофильской мысли к российской «общинной жизни» и французской социалистической утопической литературе [69]. Интерес самого Гакстгаузена к русской общине возник в результате знакомства его в Москве с кружком славянофилов. И Гакстгаузен, и Герцен, который встречал прусского барона в московских гостиных, присутствовали при одних и тех же спорах в Москве в 1843—1844 гг., но вынесли из них диаметрально противоположные убеждения. Для Гакстгаузена русская община — оплот против революционных идей Запада. «Так как каждый русский,— пишет Гакстгаузен,— принадлежит к какой-нибудь общине, и как

члену общины ему дано право на соразмерную долю земли, то в России нет пролетариев от рождения. Во всех остальных странах Европы провозвестники социальной революции подстрекают против государства и собственности.— Отмена наследственного права, уравнительное разделение земли — это их пробный камень. В России подобная революция невозможна, так как эти утопии европейских революционеров, полностью укоренившиеся в народной жизни, там налицо» [70].

Если для Гакстгаузена «утопии европейских революционеров» в России уже «налицо», то Герцен, напротив, говорит о необходимости социальной революции для России. Он рассматривает историческую роль общины в контексте развития европейской общественной мысли. Именно появление социалистических учений в Европе (для Герцена они представлены именами Сен-Симона, Фурье и Прудона [71]), по его мысли, придало ценность общине, открыло перспективу ее развития в будущем. Община, по утверждению Герцена, оказалась элементом, соответствующим революционной идее Европы (общая собственность, равенство в распределении, демократизм). Но община не решила проблему личности, она «не в силах ни защитить себя от произвола, ни освободить своих людей» [72]. В общине запечатлены черты грубоуравнительного, казарменного коммунизма. Не случайно Герцен производит точное терминологическое различие между общинным коммунизмом («сельским коммунизмом», «традиционным и национальным коммунизмом» [73]) и социалистическими идеями Запада. Задача русского освободительного движения «русского социализма», по Герцену, заключается в том, чтобы найти способ «развить личность крестьянина без утраты общинного начала» [74]. Путь к достижению этой цели лежит через социальную революцию [75].

Смысл этой революции, ее содержание Герцен видит в освобождении крестьян с землей. В противном случае «общинное начало — великая основа славянской жизни — было бы поражено насмерть» [76], и в России появилось бы миллионов двадцать пролетариев. Герцен утверждает, что Россия может избежать повторения опыта социального развития Европы через капитализм, и на вопрос, «должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития» [77], отвечает отрицательно.

В этом тезисе Герцена, на наш взгляд, итог его споров с соотечественниками, но не только с ними. Герцен вступает здесь в полемику с неким анонимным идейным противником. В статье «Русское крепостничество», опубликованной в 1853 г. в «Leader», Герцен писал, что есть рационалистически мыслящие люди, которые порадовались бы «образованию пролетариата, так как видели бы в нем источник революционного развития; но разве достаточно быть пролетарием, для того чтобы сделаться революционером?» [78] Нет

ли в числе этих «рационалистически мыслящих» оппонентов Герцена Маркса и Энгельса? Для такого допущения есть все основания. Герцен не мог не знать о «Немецко-французском ежегоднике», в котором была опубликована статья Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение» [79]. В 1850—1851 гг. он получал обширную информацию о деятельности и взглядах Маркса и Энгельса, в частности о «Нищете философии» Маркса [80], а стало быть, он знал положение Маркса о всемирно-исторической роли пролетариата. Герцен в известной мере разделяет идею об исторической миссии пролетариата (только работник может спасти старый мир), но он, в отличие от Маркса, не верит в исторически предопределенную его победу, страшится его поражения [81]. Для Энгельса одно это исключало возможность иного подхода к русскому мыслителю, кроме как к идейному противнику.

Известное упрощение вносит Энгельс и в тезис Герцена о «Старой Европе и Молодой России». Это положение воспринимается Энгельсом без того существенного уточнения, которое делает его автор. Когда Герцен говорит, что Европа обречена на гибель, он имеет в виду гибель старого социального и политического устройства европейского общества. «Разумеется, не *народы* погибнут,— погибнут *государства*, погибнут учреждения, римские, христианские, феодальные и умеренно-парламентарные, монархические или республиканские — все равно» [82]. И Герцен, при всем его неверии в способность Европы к возрождению, ищет союзника именно в ней: «Социализм,— пишет он,— объединяет европейских революционеров с революционерами славянскими» [83]. Он считает, что ни одна из сторон не даст полного решения и нужно объединение их усилий: «Европа предлагает решение ущербное и отвлеченное. Россия — другое решение, ущербное и дикое. Революция даст синтез этих решений» [84]. И этот синтез он видит в союзе двух сил Запада и Востока: «Человек будущего в России — *мужик*, точно так же как во Франции — работник» [85]. В сущности, Герцен выдвигает идею союза рабочего класса Запада и крестьянской России, сколь бы утопичной и химерической эта идея ни была в 1851 г., сколь мифологичным ни было бы и его представление о русском крестьянстве. «Будущее России никогда не было так тесно связано с будущим Европы, как в настоящее время... Петербург — это новый Рим, Рим мирового рабства, столица абсолютизма; вот почему русский император братается с австрийским и помогает ему угнетать славян. Принцип его власти не национален, абсолютизм более космополитичен, чем революция... Надежды и стремления революционной России совпадают с надеждами и стремлениями революционной Европы и предрекают их союз в будущем. Национальный элемент, привносимый Россией,— это свежесть молодости и природное тяготение к социалистическим установлениям... Революционная Европа не может быть

побеждена императорской Россией. Она спасет Россию от ужасного кризиса и спасется сама от России» [86].

Для Энгельса, исходящего из иных теоретических посылок и опирающегося на иной социальный опыт, не могла быть приемлемой идея равного партнерства столь разных социальных сил. После открытия всемирно-освободительной роли пролетариата и после опыта революций 1848—1849 гг., в которых мелкобуржуазная демократия обнаружила свою политическую несостоятельность, для Маркса и Энгельса важно было лишь полное признание гегемонии пролетариата, и многомерная мысль Герцена сознательно или бессознательно в рукописях Энгельса упрощена. Концепция создателя «русского социализма», конечно, уязвима, в ней больше пророческого видения, чем серьезного исторического и особенно экономического анализа внутреннего положения России. Но это была живая ищущая мысль, пытающаяся дать ответ на острые проблемы современности, сопоставить теоретический поиск Запада и России, найти пути преодоления своей «духовной драмы».

Несмотря на резкую уничижительную критику Герцена, преодоление его концепции оставило заметный след в развитии марксовых идей. Работы Герцена вводили в круг проблем действительного, реального социального движения в громадной стране. В четкую картину расстановки политических сил в Европе (царская Россия как противник буржуазно-демократических революций в Европе, завершения объединения Германии и Италии, союзник всех реакционных режимов Европы), которую подтвердил опыт 1848—1849 гг., необходимо было вносить существенные уточнения.

Герцен ознакомил Европу с существованием двух Россий — императорской и народной, официальной и безгласной. Царская Россия в представлении современников перестает быть монолитом, темной, враждебной и грозной силой на Востоке европейского континента, приходит понимание назревания в ней грандиозного социального конфликта. Энгельс еще в апреле 1853 г., именно тогда, когда в его руках достаточно долгое время находилась книга Герцена «О развитии революционных идей в России» пишет Вейдемейеру о том, что «дворянско-буржуазная революция в Петербурге с последующей гражданской войной внутри страны вполне возможна» [87]. Конечно, Россия остается «солидным противником» будущей революции [88], и задача изучения официальной России, ее военной мощи, исторической миссии и судьбы, царизма («дабы знать, каким противником он может обернуться») [89] выдвигается как одна из очень важных. Но в работах Маркса и Энгельса в последующие десятилетия все больше и больше места будут занимать проблемы внутреннего социального развития России, роли общины и артели как «продолжения общины на путях промышленного развития» и многие другие. А «риторический», по оценке Энгельса 1855 г., вопрос

Герцена о том, «должна ли Россия пройти все состояния буржуазного общества?», будет предметом многократных обсуждений со стороны Маркса, Энгельса и русских революционеров.

Бесспорно, что Маркс и Энгельс впоследствии признали первостепенную, жизненную важность вопроса об общине для судеб русского революционного движения и будущего России [90]. До самого последнего произведения о России («Послесловие к работе «О социальном вопросе в России») Энгельс (а до 1883 г. вместе с Марксом) решает этот «герценовский» вопрос: сможет ли община «послужить исходным пунктом народного движения, которое, перескочив через весь капиталистический период, сразу преобразует русский крестьянский коммунизм в современную социалистическую общую собственность на все средства производства, обогатив его всеми техническими достижениями капиталистической эры?» [91].

Мы не разбираем здесь сущности взглядов Маркса и Энгельса на данную проблему, а лишь констатируем, что впервые серьезное внимание на роль русского общинного землевладения, перспективы буржуазно-демократической революции в России они обратили в середине 50-х гг. XIX в. в связи с работами А. И. Герцена. И в данных рукописях сделана первая попытка осмыслить эти проблемы. Результат этой попытки, несмотря на ряд верных замечаний (Энгельс бесспорно прав в критике обоих принципиальных тезисов Герцена, имевших идеалистический и, в известной степени, умозрительный характер), в целом носил негативный характер. «Крестьянский социализм» Герцена, который находился «у истоков народнической, «крестьянской демократии», во многом определившей освободительное движение в России во второй половине XIX в.» [92] был оценен Энгельсом лишь как форма реакционного панславизма.

Главная причина столь неадекватного суждения заключалась в столкновении двух социальных реальностей, обретших свое самосознание в теориях этих мыслителей. Работы Герцена выходили за рамки концепции последовательной смены формаций, ставили перед Марксом и Энгельсом новые вопросы, решить которые сразу с уровня своих исследований 40-х гг. они не могли. Преодоление Герценом его «духовной драмы» на путях создания «русского социализма» ставило новые проблемы перед основоположниками марксизма. Если раньше Маркс и Энгельс рассматривали развитие общества «по вертикали», то теперь мировой исторический процесс как бы перешел в горизонтальную плоскость; различные стадии в развитии общества, которые в теории и в историческом развитии Европы (особенно четко в Англии) сменяли друг друга последовательно, теперь на практике оказались существующими одновременно. Необходимо было выявить и определить социальный и политический потенциал этих фаз общественного развития, их соотношение с классическим образцом Запада. Это была проблема, по введенному

М. Гефтером определению, «схватки разнонаправленных развитий» [93]. В этом глубинная суть конфликта Маркса, Энгельса и Герцена, удивительная глухота первых к голосу русского социалиста.

Как уже говорилось, здесь невозможно проанализировать и раскрыть все теоретическое богатство рукописей Энгельса. В частности, очевидна необходимость не только в полной мере выявить весь круг источников Энгельса, установить, из каких работ сделан ряд его выписок по проблемам истории славян, но и определить научную ценность для своего времени использованных им публикаций. Среди частных, но важных источниковедческих проблем — вопрос и о том, в какой мере на оценке герценовских взглядов сказалось критическое отношение Маркса и Энгельса к воззрениям Бакунина на русское общинное землепользование, к его представлениям о русской социальной революции, а также славянской федерации. Необходимо соотнести также проблему изучения Энгельсом русской общины с его интересом к истории земельной собственности на Востоке и у германцев уже на этой ранней стадии его исследований.

Серьезной и аргументированной критике подлежат взгляды Энгельса на судьбы малых славянских народов, его убеждение в отсутствии перспектив их самостоятельного развития и будущего. Очевидно, что ошибка Энгельса во многом определялась его методологическим подходом — выдвижением единственного критерия, носящего заведомо преходящий характер — позиции того или другого народа в революции 1848 г. Реальный ход истории не подтвердил этих представлений. В этом смысле герценовская оценка сложности исторического процесса, где исчезает абстрактное человечество, а появляются вершители этого процесса — конкретные народы, оказалась провидческой. Герцен был убежден в том, что национальные особенности еще долго будут играть важную роль: «Не рано ли так опрометчиво толковать о солидарности народов,— писал он,— о братстве, и не будет ли всякое насильственное прикрытие вражды одним лицемерным перемирием?» [94]

Предстоит изучить, в какой мере точка зрения Энгельса зависела от существующих теорий об исторических и неисторических народностях, а в какой — от реальной обстановки и его концепции стратегических задач социальной революции в Европе. Среди других проблем возникает вопрос и о сочетании национального и интернационального факторов в демократическом и рабочем движениях, о том, насколько опыт столкновения национальных интересов в ходе революции 1848—1849 гг. и конкретное изучение истории славянских народов определили дальнейшую позицию Маркса и Энгельса в национальном вопросе, в отношении к бонапартистскому «принципу национальностей» и пр. Почему такое

большое место в рукописях уделено проблеме границ между немцами и славянами, между немцами и французами, вообще проблеме границ, в какой мере это диктовалось конкретной исторической обстановкой и в какой — поисками принципов решения данного вопроса?

Сложность в изучении представлений Энгельса о панславизме заключается и в том, что современная славистика не только покоится на принципиально иной документальной основе, но сами ее представления и терминология не адекватны понятийному аппарату Энгельса. Советские слависты четко отделяют друг от друга понятия австрославизма, славянофильства, панславизма и теории официальной народности, считают ненаучными понятия демократического, либерального, республиканского, социалистического панславизма, которыми оперировал Энгельс. Тем более в критическом разборе нуждаются те параллели, которые в той или иной мере он проводит между идеей солидарности всех славянских и других народов в борьбе против царизма и европейской реакции, с реакционной идеей панславизма, противопоставлявшей славян остальным народам. Есть также ряд других моментов в рукописях Энгельса, которые нуждаются в специальном изучении.

Главное же значение рукописей «Германия и славянство» и «Панславизм», на наш взгляд, заключается в том, что в них зафиксированы первые шаги Маркса и Энгельса к определению их отношения к феномену «русского социализма».

* * *

Публикация подготовлена: текст — В. А. Смирновой и Б. Г. Тартаковским; примечания — В. А. Смирновой при участии Т. Л. Вильке.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 888, 892.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 14.

[3] См.: *Румянцева Н. С.* Изучение Ф. Энгельсом русской истории и русской культуры в 50-х годах XIX в. // Энгельс и проблемы истории: Сборник статей. М., 1970. С. 259—282.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 351. Замысел такого труда возник у Маркса еще раньше, в сентябре 1853 г., когда он обратил внимание Энгельса на необходимость выступить против статей панславистского характера в «New-York Tribune» (см. там же. С. 244).

[5] К числу промежуточных работ принадлежат, в частности, две статьи Энгельса о панславизме для «Neue Oder-Zeitung» (апрель 1855 г.). (См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 11. С. 202—208.) Вариант этих статей, сильно искаженный редакцией, опубликован также в «New-York Tribune» в мае 1855 г. под заглавиями «Борьба в Европе» и «Уязвимое место Австрии».

[6] Эти статьи предназначались для «New-York Tribune», но были возвращены редакцией Марксу (см.: *Rjasanoff N.* Vorbemerkung // Der Kampf: Sozialdemokratische Monatsschrift. Fünfter Bd. Wien, 1912. S. 5). Статьи до сих пор не разысканы, как не разысканы (за исключением одного) все письма Энгельса за 1855 г. Известно только то, что в руках Маркса статьи о панславизме оставались по крайней мере до февраля 1857 г.

[7] Д. Б. Рязанов ставит в прямую зависимость интерес Маркса к этим темам от проблем панславизма (см.: *Рязанов Д. Б.* К. Маркс и «Нью-Йоркская Трибуна» // Рязанов Д. Б. Очерки по истории марксизма. Ч. 1. М., 1928. С. 145—146).

[8] См. об этом ниже.

[9] См.: Вопросы истории. 1989. № 3. С. 7.

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 44. С. 261—273.

[11] Там же. Т. 29. С. 372.

[12] Эта работа, подготовленная Марксом в 1863—1864 гг. во время восстания в Польше, содержит наброски брошюры «Германия и Польша», тезисы его выступлений в Генеральном Совете I Интернационала в конце 1864 — начале 1865 г., заметки, выписки и другие материалы. Рукописи Маркса о Польше опубликованы в издании: Архив Маркса и Энгельса. Т. 14. М., 1973.

[13] Отдельные выводы формулировались Марксом и Энгельсом в их публицистике 50—60-х гг.

[14] Мы не относим к ним публицистические работы Маркса и Энгельса по этой проблематике в «Neue Rheinische Zeitung» (например, статью Энгельса «Демократический панславизм»). По нашему мнению, они должны рассматриваться отдельно. Последующий этап в развитии взглядов Маркса и Энгельса, связанный с изменившейся исторической обстановкой и выходом на историческую арену в России революционного движения, здесь также не затрагивается.

[15] Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1852 bis 1862. Zweiter Bd. Stuttgart, 1917. S. 520.

[16] *Mayer G.* Friedrich Engels. Eine Biographie. Bd. II. Haag, 1934. S. 54—60.

[17] Ibid. S. 54. Эта идея, по-видимому, заимствована Майером у Рязанова, соответствующее место из предисловия которого к изданию: Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1852 bis 1862. Stuttgart, 1917. Erster Bd. S. XLII—XLIII, XLV давало возможность понять это именно так. Подобная точка зрения ошибочна, работа над серией «Панславизм» велась Энгельсом в первой половине 1856 г.

[18] *Schwann St.* Korespondencje Karola Marksa do wrocławskiej «Neue Oder-Zeitung». Poznań, 1958. S. 103; *Krause H.* Marx und Engels und zeitgenössische Rußland. Gießen, 1958 // Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe II. Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas. Bd. I. S. 45, 83—84, 90; *Rubel M.* Die russische Kommune: Kritik eines Mythos. München, 1972. S. 299—300, 373—374.

[19] *Румянцева Н. С.* Цит. соч. С. 274—275, 280; *Особова И. П.* О рукописях Энгельса «Германия и славянство» и «Панславизм» // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. Вып. 5. М., 1989.

[20] *Strauß H.* Karl Marx, Friedrich Engels und das zeitgenösissche Rußland zwischen 1848/49 und 1857. Berlin, 1988. S. 104, 113, 117.

[21] См. с. 307.

[22] Э. Дронке — Ф. Энгельсу. 4 или 11 февраля, между 4 или 11 и 16 февраля, 16 февраля, 26 февраля, 1 марта, 2 марта 1855 г., а также письмо Т. Делиуса Ф. Энгельсу от 28 марта 1855 г. (MEGA [2]. III/7. S. 433—435, 439—441, 443—444, 446).

[23] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 11. С. 202—208.

[24] Там же. С. 208.

[25] Там же. Т. 28. С. 523.

[26] В «Neue Oder-Zeitung» — общая численность славян 70 млн, чехов — 6 млн (там же. Т. 11. С. 203); в рукописи «Панславизм» соответственно — 80 и 7 млн.

[27] См.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1851—1858. М., 1975. С. 244.

[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 372.

[29] Там же. С. 375.

[30] См.: Г. Веерт — Ф. Энгельсу. 24 августа 1855 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 772. Письмо Энгельса не разыскано.

[31] Там же. X. Штраус считает, что уже в мае (а не в августе) стало окончательно ясно, что брошюру в Германии издать не удастся. (*Strauß H.* Op. cit. S. 104.)

[32] Aus den Memoiren eines Russen. Im Staatsgefängniß und in Sibirien, von Alexander Herzen (см.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1851—1858. С. 255, 257).

[33] Речь идет либо о брошюре «Le Russie et L'Angleterre», либо о работе «Rußland und das Germanenthum», содержание которой он резюмирует в наброске «Германия и славянство».

[34] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 372, 374.

[35] Даже позже 13 августа, когда он послал свои предложения в Гамбург.

[36] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 12. С. 301—302.

[37] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 385.

[38] Первой обратила внимание на разновременность создания «Панславизма» И. П. Особова в выступлении при обсуждении данной рукописи 7 апреля 1989 г.

[39] Судить с определенностью трудно, так как при реставрации рукописи края листов утратили первоначальную конфигурацию.

[40] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 29. С. 3, 46. 26 мая 1856 г. работа над «Панславизмом», начатая в январе, еще не была завершена.

[41] См. там же. Т. 28. С. 373.

[42] Там же. С. 384, 386, 387; Ч. Дана — К. Марксу. 20 ноября 1855 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5 Д. 797.

[43] Эти цифры за исключением I—III написаны другими чернилами и другим пером.

[44] На следующем вновь написанном листе разделы IX и X расположены в соответствии уже с новым замыслом «вольготно».

[45] В рукописи «Панславизм» 14 разделов. Дана отсылает Марксу 15 статей серии «Панславизм» (см.: Ч. Дана — К. Марксу. 29 августа 1856 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 851).

[46] На экземпляре статей Энгельса, которые редакция газеты вернула Марксу, содержались замечания Гуровского (так считал, во всяком случае, Маркс), среди которых к статье IX был сделан заголовок «Южные славяне» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 29. С. 82—83).

[47] См. там же. С. 99; Вопросы истории. 1989. № 4. С. 11—13.

[48] На важность этой фразы для датировки рукописей впервые обратила внимание И. П. Особова (см. примечание 38 к данной статье).

[49] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 11. С. 620; см. также Т. 29. С. 5.

[50] New-York Daily Tribune. 1856. 25.II. P. 6. C. 6 (Signing of the peace protocol).

[51] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 11. С. 623.

[52] Там же. Т. 29. С. 12—14, 16—17, 23.

[53] Эта тема развита в: *Рязанов Д. Б.* К. Маркс и «Нью-йоркская трибуна» // Рязанов Д. Б. Очерки по истории марксизма. М., 1923. С. 139—140, 144.

[54] См.: *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 6. С. 9.

[55] См., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 124; Т. 29. С. 43.

[56] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 290.

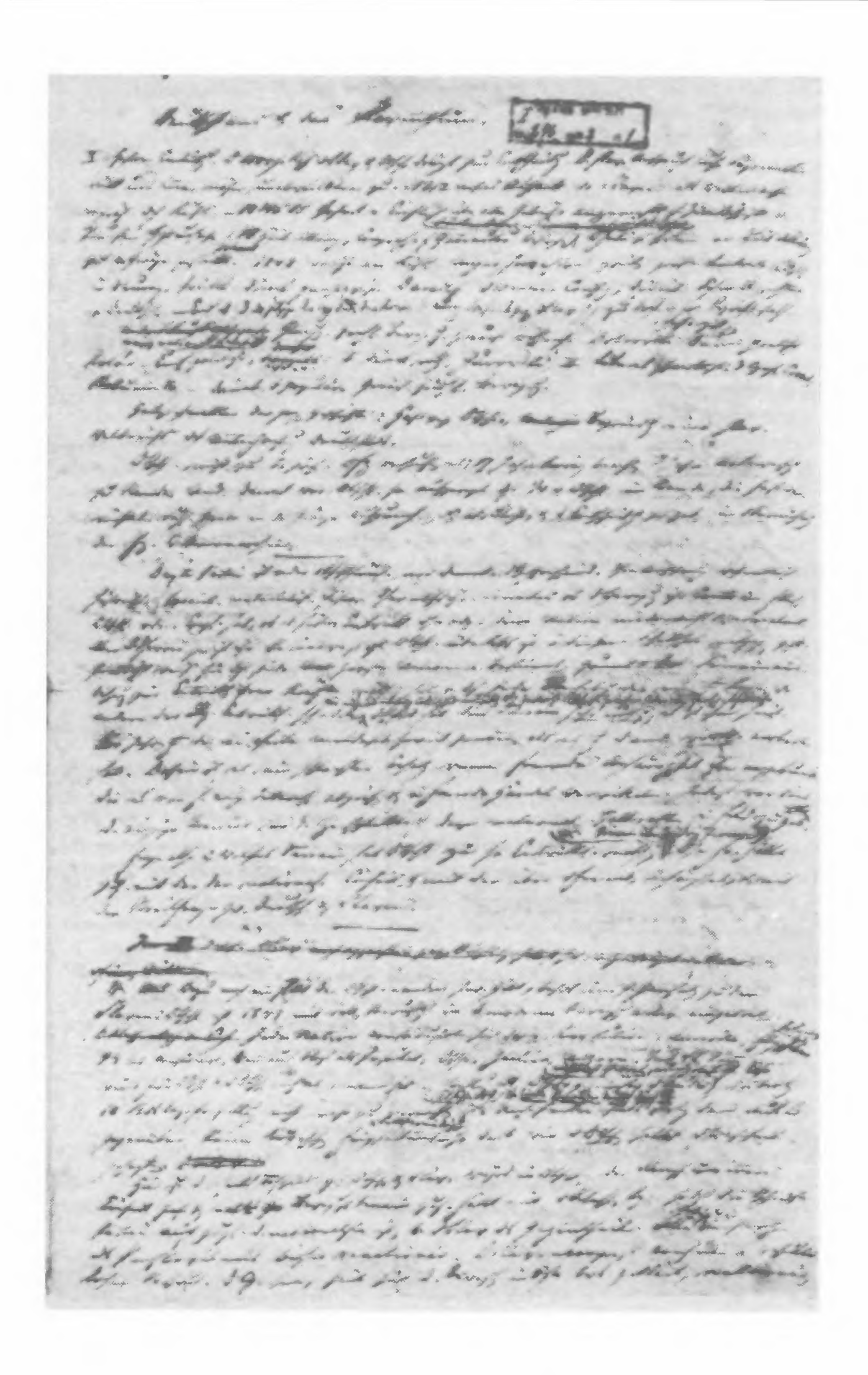
[57] Там же. С. 226, 373. Информацию о предстоящем издании «Полярной звезды» Маркс почерпнул из № 130 «Allgemeine Zeitung» 10 мая 1855 г.

[58] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 385.

[59] Там же. С. 363.

[60] Там же. С. 366, 368; Летопись 1851—1858. С. 229.

[61] См., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 6. С. 300—301.
[62] Там же. Т. 5. С. 354—355.
[63] Впервые эту идею Энгельс развивал еще в письме Марксу от 23 мая 1851 г. (см. там же. Т. 27. С. 241).
[64] Там же. Т. 28. С. 364.
[65] Там же. С. 31.
[66] Там же. С. 487.
[67] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 6. С. 203.
[68] Там же. С. 199.
[69] *Дмитриев С. С.* Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 89—90; *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России: 1783—1883 гг. М., 1986. С. 145—146, 151—153; *Хомяков А. С.* О сельской общине // Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1914. С. 459—468; *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 23. С. 419.
[70] *Haxthausen A.* Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands. Erster Theil. Hannover, 1847. S. XII.
[71] См.: *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 7. С. 241—242.
[72] Там же. С. 168.
[73] Там же. С. 325; Т. 12. С. 193.
[74] Там же. Т. 12. С. 112.
[75] См. там же. Т. 7. С. 168, 325.
[76] Там же. Т. 12. С. 43.
[77] Там же. С. 186.
[78] Там же. С. 44.
[79] См.: *Шульгин В.* К вопросу о проникновении марксизма в Россию в 40—60-х годах XIX века // Историк-марксист. 1939. № 5—6. С. 168—169.
[80] См.: *Смирнова В. А.* Некоторые источники информации Герцена о К. Марксе и Ф. Энгельсе (1850—1851) // Литературное наследство. Т. 96: Герцен и Запад. М., 1985. С. 643—662.
[81] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 12. С. 176, 177.
[82] Там же. С. 167. В письме Якоби от 24 апреля 1850 г. Герцен говорит о смерти социальной формации (см. там же. Т. 24. С. 36).
[83] Там же. Т. 12. С. 195.
[84] Там же. С. 190.
[85] Там же. Т. 7. С. 326.
[86] Там же. С. 255, 257.
[87] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 487.
[88] Там же. С. 488.
[89] Там же. Т. 44. С. 192.
[90] См. там же. Т. 22. С. 451.
[91] Там же. С. 443.
[92] *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Цит. соч. С. 158.
[93] См.: *Гефтер М.* Россия и Маркс // Коммунист. 1988. № 18. С. 98.
[94] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 10. С. 93.

Первая страница рукописи
Ф. Энгельса «Германия и славянство»

Ф. Энгельс

ГЕРМАНИЯ И СЛАВЯНСТВО [1]

1. Историческое введение. Тысячелетняя борьба славян и немцев требует разрешения. Все ближе и все неизбежнее надвигается на нас славянское притязание на первенство. В 1812 г.— первое выступление славян как великой державы в лице России.— И немедленно в 1814 и 15 гг. она приобрела чрезмерное влияние (главная причина — благонадежность Пруссии). Священный союз, конгрессы (Шатобриан подкуплен [2]) *. Июль и Польша [3] поставили предел Священному союзу, 1848 г. предопределяет русское вторжение в Венгрию [4], второе крупное вступление России в европейскую политику — прямо панславистское. Затем Венская конференция — прямо третейский судья Германии [5]. Наконец, номер третий — теперешняя война [6], которая может превратиться в войну европейского Запада против славян.

Одновременно панславистское движение. Сперва научное — Добровский, Шафарик; затем поэтическое — Коллар [7], наивно национальное и элегическое. Наконец, политическое, двоякого рода: I — прямо русское, Гуровский [8]; II — либерально-фантастическое: чехи, хорваты, Бакунин [9] и т. д.— наряду с этим популярное греко-югославянское движение.

Определяющий характер всего движения: ненависть к Германии, основание славянской мировой державы путем порабощения Германии.

Германию нельзя поработить. Французы пытались это сделать: семнадцатилетняя война привела к трехлетнему подчинению [10]. Но вслед за тем Германия была приведена в такое возбуждение, что четвертая часть страны оказалась способной встретить на границе и сменить почти уничтоженные русские войска и сыграть решающую роль в ликвидации французской мировой империи [11].

* Далее в рукописи Энгельса вычеркнута фраза: «Турецкая война — внутренняя слабость России». *Ред.*

Крайняя партия не является ни тевтономанской, ни демократически-германофобской. Ее воззрения, по существу, историчны и даже материалистически-историчны. Теоретически ей совершенно безразлично, будет ли центр движения во Франции, Германии или Англии, будет ли та или другая нация сметена и сокрушена историческим развитием. Но теория отнюдь не указывает этой партии на то, что Германия пережила себя и идет навстречу подобной судьбе. Практически ей известно, что всякая большая нация нуждается в определенных размерах своей территории для развития своих сил и что всякое освобождение одной за счет другой наносит ущерб общему развитию. Мы должны либо развиваться в Германии, либо совсем не развиваться. Эльзас, Греция под римским владычеством — хрестоматийные примеры *. Германия *очень нуждается* в этой территории; в течение последних 500 лет у нее отняли с одной стороны по крайней мере столько же, сколько она *действительно* завоевала с другой. Зато навязывание ей частей чужих территорий, отвлекающих ее от собственных интересов и впутывающих ее в чужие раздоры, является плохим вознаграждением. Между тем, в условиях раздробленности это являлось единственным способом дать национальным силам поле деятельности **.

К этому еще одно соображение, которое придает Германии несколько иной интерес, в особенности в противовес славянам: в 1848 г. Германия с полным сознанием активно вступила в современное движение ***. Каждая нация конституируется посредством революции: Америка, Франция, Польша 1794 год [12]. 1848 год конституировал, хотя бы только как постулат, Германию, Италию, Венгрию. С 1848 г. можно снова выступать в пользу Германии и немцев; можно в качестве немца в противовес загранице иметь точку зрения не только теоретическую, но и политическую ****, и ее больше нельзя уничтожить, несмотря на восстановление десятка бундестагов [13]. (Эльзасцы 1849 года [14].) *Левый берег Рейна* [стал] *немецким благодаря 1848 году* *****. Наша партия всегда сохраняла гордость по отношению к другим странам, без трусости и самоуничиже-

---

* Две последние фразы вписаны между строк. *Ред.*

** Следующий ниже текст («К этому еще одно соображение...» до слов: «...связывая с этим политико-теологические разглагольствования и пустое мудрствование, и это — «критика») в рукописи Энгельса помещен в конце первой и начале второй страницы рукописи, после вычеркнутой фразы: «В IX столетии славяне еще агрессивны по отношению к Германии, хотя их самих уже теснили авары и финские народности» (см. с. 306). Однако сделанная Энгельсом в рукописи пометка относит его к данному месту наброска. *Ред.*

*** Далее Энгельс вычеркнул слова: «классовая борьба и единство». *Ред.*

**** Слова «не только теоретическую, но и политическую» вписаны между строк. *Ред.*

***** Две последние фразы вписаны между строк. *Ред.*

ния Руге [15], хотя *самим немцам* мы всегда говорили голую правду [16].

Здесь и есть существенная разница между немцами и славянами. В то время как в Германии борьба за внутреннее единство и территорию для национального движения совпадает с классовой борьбой, так что самая решительная партия является вместе с тем и самой национальной, у славян же — наоборот. Все проявления панславизма на деле до сих пор были реакционны. Неопределенный по характеру славянский съезд — безрезультатная попытка [17]. С тех пор как движение в Австрии как-то определилось, чехи реакционны, тоже и словаки, и южные славяне, даже панславистски настроенная часть поляков. Немцы и мадьяры были в Австрии *побеждены* *. Славяне — *обмануты.* Представители царизма à la Гуровский не проронили ни слова.

В последнее же время [возник] русский панславизм, который прямо видит в славянах народ будущего, призванный воплотить западноевропейские теории: фактически истинно славянский народ, русские и сербы уже осуществили это: не русские должны учиться у Запада, а Запад — у русских. Это очень безобидно, но наряду с этим развивается идея, что Запад стар, одряхлел, пережил себя, славянство же молодо и полно сил; отсюда следует, что славянство покорит Европу и из Константинополя, своей столицы, введет тысячелетнее царство русской общины и артели [18].

Ирония в том, что отец этой небылицы — архиреакционер Гакстгаузен [19]. От него узнал Герцен о ней и о своем русском отечестве [20], а у них обоих переписывает это Б. Бауэр, связывая с этим политико-теологические разглагольствования и пустое мудрствование, и это — «критика» [21].

Спрашивается, таким образом: в какой территории нуждается Германия для своего развития. (Сравни Гримм об остальных германцах [22].) **

Итак, здесь встает вопрос о границах. Франция, как и во всем, хорошо округлена и нуждается в присоединении чужого лишь в незначительной мере. Поэтому Франция примерно приближается почти к пределам своей территории,— вопреки стратегическим соображениям левый берег Рейна не усиливает, а скорее ослабляет ее; немецкое население составляет там 6—7 миллионов человек. С Италией также ясно: ей совершенно достаточно своего, поселения за пределами страны [Colonien] она теряет. Германия же должна накладывать заплаты на всех своих границах. В конце концов, на

* Эта фраза вписана между строк. *Ред.*

** Фраза в скобках вписана Энгельсом между строк и сделанная к ней пометка относит к этому месту следующий ниже текст («Итак, здесь встает вопрос о границах...» до слов «...сразу же не захотят говорить по-русски»), который помещен на второй странице рукописи. *Ред.*

Западе, Севере и Юге еще не так сложно, но на Востоке путаница языков со славянами! Здесь именно и начинаются трудности, и здесь именно в то же время выявляется опасность для Германии. По скромному расчету западная граница славянского государства идет от Померании до гор Фихтель и оттуда к Триесту. $^2/_5$ Германии растворяются в Панславии, и бранденбуржцы и саксонцы опять заговорят по-лужицко-сорбски [23], а силезцы — по-польски, если они сразу же не захотят говорить по-русски.

Этот вопрос совпадает с вопросом о национальном единстве и частях чужих территорий, а также со спорным вопросом между немцами и славянами *.

---

1. До вопроса о границах возникает вопрос о независимости. Немецкие реакционеры, которые чтут Россию как свой оплот и дрожат перед историческим движением, недовольные непризнанные критики, которые à tout prix ** хотят отличаться от массы [24], честолюбиво-тщеславные русские и панслависты, которые недоброжелательны к немцам из-за оказываемого этими последними, несмотря на всю раздробленность и взаимную нейтрализацию, неустранимого влияния на историю и особенно на славян, ставят этот вопрос о независимости, и на него надо ответить. Итак, прежде всего *русские*; если мы справимся с ними, то остальных славян мы легко поставим на место.

1. Происхождение. Сравни старого Шлёцера [25], Гакстгаузена, аристократически-бюрократическую курицу, которая высидела утят и видит теперь, как они ot odnovo berega otstali k drugomu ne pristali ***, он же верит в импозантно-спокойную Россию: sizu u morja i zdu pogody [26],— но все же убежден, что Россия хочет овладеть лишь своими внутренними областями. Затем Герцен, выступивший в 1849 г. после Гакстгаузена [27], от которого узнал о будущей социалистической миссии России и у которого выудил панславистскую фразу о старой Европе и о молодом славянстве [28]. Заглавия и содержание герценовских трудов: *С того берега* [29]; весь же вопрос о будущности Европы, как и вопрос о будущности России — греков и т. д., поставлен так же, как у Гакстгаузена. Затем и в его описании русской общины и артели (бесстыдство: Герцену вы не верите, Гакстгаузену вы должны верить!!! [30]) нет ничего нового, это чистый Гакстгаузен, добавлены только демократически-социальная фраза и риторический вопрос: должна ли Россия пройти все состояния

*Далее у Энгельса вычеркнуто: «В IX столетии славяне еще агрессивны по отношению к Германии, хотя их самих уже теснили авары и финские народности». Следующий фрагмент текста помещен на второй странице рукописи. *Ред.*

** — Любой ценой. *Ред.*

*** Здесь и дальше латинская транскрипция русского текста дана в соответствии с оригиналом. *Ред.*

буржуазного [общества]? [31]. Наконец, Б. Бауэр — суть «критики» в следующем: так как оба — и реакционер * и soi disant ** революционер *** — говорят о России одно и то же, то это верно, и я списываю у обоих, добавляя в качестве подтверждения свое недовольство Францией, пошлости об империализме и разного рода злобные выпады против неназванных Друзей света [32] и других немецких теологов, включая и папу. Вместе с тем я согласен с г-ном Ледрю-Ролленом по поводу упадка Англии [33].

2. Gospodin Герцен.

a. Чтобы оценить г-на Герцена и уберечься от ложных представлений, необходим экскурс в область русского воспитания, «la plus polyglotte et la moins réligieuse et son caractère d'universalité» **** (Linton, p. 33) [34], и в область русской литературы — «une littérature d'hommes du monde, mit une certaine élégance de bonne compagnie, une noblesse d'images qui distinguent la conversation des gens bien élevés. L'élément grossier et vulgaire qui se rencontre parfois dans la littérature allemande n'a jamais pénétré dans les livres russes!» (p. 56. Idées *****) [35].

D'abord ******. Воспитание. Vide ******* Пушкина, он объясняет, так как Онегин в одном отношении обычный русский (другой — Ленский, геттингенский бурш). Главное — blistatj [36].

Итак: blistatj: дар слова. Русский не беседует, он ловко применяет заученные наизусть фразы — даже звучность его речи без всякой декламации доказывает ее механический характер [37]. Естественно, это не может предотвратить грамматические ошибки и бахвальство. Затем универсальность, за которой невежество. Ученики петербургской гимназии, которые не постигли первых основ элементарных знаний. Всегда ucilisj ponemnogo, čemu nibudj i kak nibudj. Таково все русское дворянство. Главное — импонировать. Параллели: Брадфорд, населенный одними лишь коммивояжерами. Кто позволяет импонировать себе, тот погиб.— Таким образом, во всем дилетантство, которое это доводит до атеизма и коммунизма, и тем самым пускает Европе пыль в глаза; но в России все это рассматривается как игра, теоретическое развлечение. Каковы отдельные лица, такова и нация. Лишь бы импонировать Европе. А за этим — нечистая совесть внутреннего варварства. Сравни Кюстина [38].

* — Гакстгаузен. *Ред.*

** — Так называемый. *Ред.*

*** — Герцен. *Ред.*

**** — «Наиболее многоязычного, наименее религиозного, имеющего свой универсальный характер» (Линтон, с. 33). *Ред.*

***** — «Литература светских людей с известным изяществом, присущим хорошему тону, с благородством образов, отличающим беседу людей воспитанных. Грубость и вульгарность, встречающиеся порой в немецкой литературе, никогда не проникали в русскую книгу!» («Идеи», с. 56). *Ред.*

****** — Прежде всего. *Ред.*

******* — Смотри. *Ред.*

Примером служит г-н Герцен: все, что кроется за blistatj,— явное невежество, ошибки, беззастенчивая чванливость и плагиаты из Гакстгаузена.

b. Революционные панславистские сочинения г-на Герцена.

α. Европа стара — Россия молода. Выше уже указывалось, как «старая» Европа возникла из страха Гакстгаузена. Теперь об этом нужно подробнее. Смешно говорить о молодой России, где ничего не меняется в течение икса лет. Молоды Южная Россия и Сибирь и притом благодаря западной промышленности и потребностям в зерне *. Пусть он осмотрит Ланкашир, вместо того чтобы сидеть взаперти из-за тумана и пр. в Примроуз-хилл [39]. Петербург и Ливерпуль одного возраста; Петербург даже старше и [развитие его] форсировалось, Ливерпуль вырос сам. Манчестер и т. д., où tout sent la chaux bien autrement qu'en Russie **, где строят из дерева [40]. Франция с 1789 г. значительно моложе, чем Россия с 1700 г., с 1848 г. даже Германия моложе. Фраза о старении народов ведет начало еще со времени древней восточной эпохи, продолжавшейся до германцев, когда всегда одной нации принадлежало мировое господство. Со времен германцев по-другому: государства [существуют] *рядом* друг с другом; в особенности с 1500 г. мир стал слишком велик для того, чтобы позволить господствовать над собой. Славяне quite welcome ***, если хотят развиваться рядом с нами, но уж их безумные претензии должны быть уничтожены; против подобных претензий солидарен весь Запад, в особенности если они как до сих пор выступают с реакционных позиций. А так как в лучшем случае они могут представлять лишь свое собственное дело, то у нас им нечего делать.— Промышленность положила конец одряхлению народов. Древние народы погибали из-за своих условий производства, когда последние полностью исчерпывали себя; современные условия производства содержат в себе свое собственное развитие, которое должно пробивать себе дорогу борьбой, но без борьбы ничего не дается, даже и русским; при этом они должны еще сами постоянно ot odnovo berega otstali.— Именно те перипетии, которые мы испытываем и которые по мере втягивания [новых] территорий становятся все грандиознее и повторяются все чаще, именно они доказывают жизненность и молодость Европы. Чем грандиознее и универсальнее кризисы, тем чаще они возникают. Но все связаны общими материальными основами и соответствующим общим сознанием. В России мертвящая устойчивость, прерываемая бессознательными и безуспешными крестьянскими восста-

---

* Слова «и притом благодаря западной промышленности и потребностям в зерне» и в следующей фразе — «вместо того чтобы сидеть взаперти из-за тумана и пр. в Примроуз-хилл» вписаны между строк. *Ред.*

** — Где все пахнет известью совсем иначе, чем в России. *Ред.*

*** — Очень желательны. *Ред.*

ниями, которые повсюду имеют один и тот же характер, но никогда не объединяются.

β. Русская община. Здесь мы отвечаем Гакстгаузену, который знает больше Герцена. Гакстгаузен прав: дополнением общинной демократии является царизм [41]. Сравни — весь Восток без земельной собственности, без промежуточного звена между общиной и государством. Здесь германцы и пенджабцы, областное устройство [Gauverfassung] органический прогресс. Выдавать нечто подобное за коммунизм может только Гакстгаузен, а верить ему в этом может только Герцен — der Ignoramus *.— Artelj — продолжение общины на путях промышленного развития. Разделение прибыли до сих пор еще совсем неясно.

γ. Герценовское отношение к царизму, к «немецкому». Непосредственно примыкает к β.

ε. Панславистское государство г-на Герцена. Константинополь как столица. Здесь о завоевательной позиции, которую следует особенно сопоставить с позицией по отношению к немцам. Его философия истории [42].

3. Мощь России. Турецкая война 1828—1829 годов. Польская война 1831 года. Война 1853—1855 годов. Военное могущество по отношению к Германии. Увеличение плотности населения уменьшает неуязвимость. Сила Германии именно по отношению к России.

II

Остальные славяне или вопрос о границах.— Гибнущие нации

1) Южные славяне — Турция — Истрия — словенцы [43].
2) Чехи и словаки.
3) Поляки.

III

Заключение: чуждые привески — Ломбардия, Венгрия, Галиция. Немецкие интересы на Дунае, неудача Германии. Венгры *должны* блюсти наши интересы, они по-настоящему будут нуждаться в нас, когда станут свободными. Валахия. Дунайская конфедерация.— Вопреки панславизму — неразбериха между славянами, греческая и римская церковь — мирное решение между поляками и малороссами, а также белорусами невозможно **.

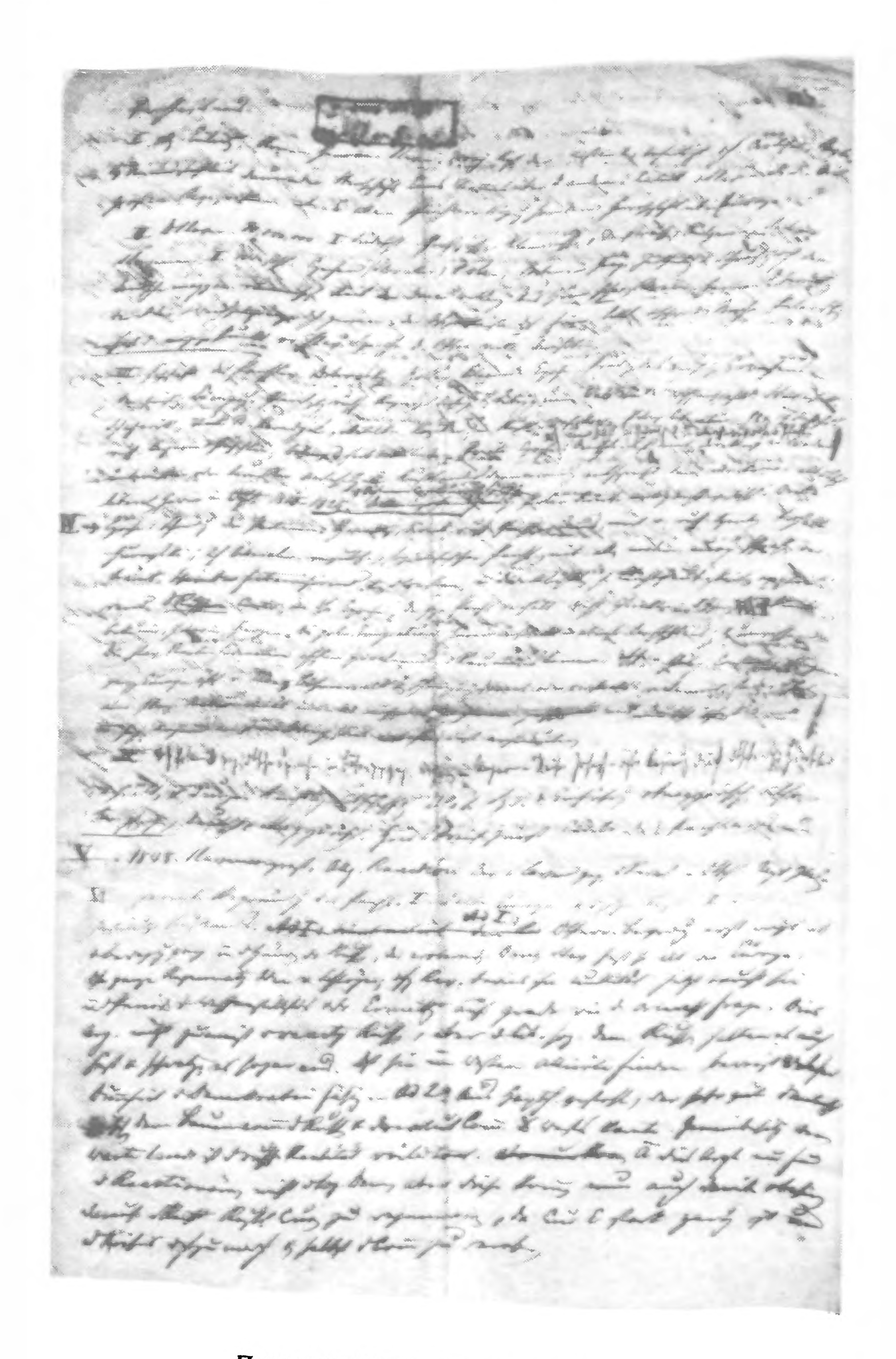
ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 892

Перевод с немецкого
Публикуется впервые

---

* — Невежда. *Ред.*

** На этом рукопись заканчивается: ниже карандашная пометка Энгельса: «Русская литература. Мании покровительства». *Ред.*

Первая страница рукописи Ф. Энгельса «Панславизм»

Ф. Энгельс

ПАНСЛАВИЗМ [44]

I. Общее введение. Романские, германские, славянские народы. Цивилизация, революция и невозможность длительного господства одной народности [45] над другой покончили с продолжавшейся два тысячелетия борьбой между двумя первыми. Выступление славян в качестве третьей великой расы, требующей не только равноправия, но и господства над Европой.

II. Славяне. 80 миллионов: 1. Юго-восточные славяне — великороссы, малороссы, белорусы, болгары, сербы, словенцы. 2. Северо-западные славяне — чехи (словаки), поляки, сорбы [46].— Немецко-мадьярско-румынский клин вдоль Дуная вплоть до Черного моря — причина географического разделения и ослабления; затем нарушение германцами границ по Одеру и Висле, а на побережье Балтийского моря полоса финнов, литовцев и шведов. Петербург почти единственный пункт, где славянский язык действительно выходит к Балтийскому морю.

III. История панславизма. Добровский, Коллар. Элегическая эпоха, проповедь духовного пробуждения и духовного единения. В то же время угрозы и интриги русского правительства. Возникновение научной славистики. Шафарик, Вук Ст. Караджич, Метелко, Копитар [47]; в России — Востоков [48]. Польская литература — XVIII и XIX столетия, русская — Державин и Пушкин [49]; богемские и сербские народные песни. Вторая эпоха *: полемика с немецким языком в Богемии и т. д., с венгерским — в Венгрии. Австрийское правительство императора Иосифа, которое сохранило господствующим немецкий язык, и венгерский рейхстаг. Отмена латинского языка и введение мадьярского [50]. Итак, борьба против немецкого и мадьярского. Поэтому центром панславизма изначально стала Австрия. Ненависть к немцам, между тем как Германия интересовалась славянами теоретически — Вук и ...** попы, с прямым неосознанным или осознанным тяготением к России. Идейная путаница, соизмеримая с хаосом реакционных старонемецких и либеральных идей в Германии в 1810—1825 годах. Чехи становятся центром (и южные славяне), поляки настроены прямо антипанславистски.

---

* Следующий ниже текст («полемика с немецким языком...» до слов «...изначально стала Австрия») в рукописи Энгельса находится на той же странице между IV и V разделами рукописи. Однако сделанная Энгельсом пометка относит его к данному месту. *Ред.*

** В рукописи неразборчивое слово, вероятно, «сербские» или «эти». *Ред.*

IV. Третья эпоха — размежевание партий: 1) реакционный, прямо русский панславизм, поддерживаемый преимущественно русскими агентами. Гуровский; 2) либеральный, республиканский, социалистический панславизм, приукрашенный всеми новейшими европейскими фразами, для видимости братающийся с Западом, в действительности же эксплуатирующий его доверчивость. *Русские* в эту эпоху составляют центр, весь панславизм приобретает русский характер. Ненависть к немцам сохраняется, Бакунин, Головин [51], Герцен. Польская эмиграция впутывается в него — точно так же доверчиво и бессознательно. Федерация славянских государств открыто прокламируется, Присоединительные палаты действуют открыто, претензии на Константинополь, Венгрию, всю Европу к востоку от Эльбы, Богемского леса, Изонцы выдвигаются прямо или завуалированно [52]. В действительности же повсюду на пограничной линии с Германией и почти во всей Венгрии славянская национальность оттеснена (это здесь следует только наметить).

V. 1848 год. Славянский съезд. Всеобщая реакция славян по отношению к революции. Германия, Венгрия и Италия.

VI. Теоретическое обоснование панславизма: I. Старая Европа и молодая Россия. II. Социалистические институты России *.

К 1. Теоретическое обоснование становится возможным лишь тогда, когда движение оказывается целиком в руках русских, в руках завоевателей. Другие славяне почти так же стары, как Европа. Вся эта идея возрождения принадлежит Шлёцеру; французская революция доказала ее ничтожество. Теперь, в периоды перемирия и усталости, она всплывает прямо в форме восточного вопроса [53]. Этот аргумент используют большей частью русские реакционеры, но его твердо придерживаются также и либерально-социально-демократически настроенные русские и даже проговариваются об этом. То обстоятельство, что они находят союзников на Западе, доказывает, на какие глупости способна демократия.

К 2 **. Украдено у Гакстгаузена, который очень хорошо знал различие между крестьянским коммунизмом русских и революционным коммунизмом Запада. Общинная собственность на невозделанные земли — такова русская реальность, voilà tout ***. Но и

---

* После данной фразы следует запись, по-видимому, другим пером и другими, более интенсивными по цвету черными чернилами. Сначала следует зачеркнутая фраза «к 1. Служит естественно пра[вительству]». Теми же чернилами написаны разделы VII и VIII на обороте 1 листа и разделы IX и X на 2 листе. *Ред.*

** Речь идет о пункте II данного раздела «Социалистические институты России». *Ред.*

*** — Вот и все. *Ред.*

это аргумент только для реакционеров, не для социальных демократов; однако эти последние выступают с ним и основывают на нем право России возродить Европу, так как она сама недостаточно сильна, чтобы преодолеть кризис и самой добиться коммунизма.

VII. Панславизм двоякого рода: 1) претендующий только на slovenska země *; 2. претендующий на то, чтобы возродить всю Европу. Но это различие несущественно, в действительности же обе эти разновидности идентичны, а Европа не может допустить ни того, ни другого. Подлинное различие, таким образом, между 1) разными небольшими славянскими народами и их притязаниями, 2) русскими и их большими притязаниями.

К 1) — небольшие народы:

1) О сорбах ** out of the question ***. 2) Чехи 7 000 000 человек с весьма приличной историей, *правда, только у чехов,* то есть у одной трети населения. Главная гордость — XV—XVI столетия, но если Германия допустила ошибку в XV в., то в XVII она все исправила — 30-летняя война была предпринята *за Богемию*[54]. Для чехосл[авянских] земель *государственное существование невозможно.* Общим является только *литературный,* а не народный язык и не исторические традиции. Моравы и словаки всегда были отделены от чехов. Треть населения чехосл[авянских] земель — немцы и венгры. Германия, как и Венгрия, не может допустить образования такого государства, это было бы подобно тому, как если бы немецкие фермеры Пенсильвании захотели объявить себя независимыми. Действительным вопросом является историческая жизнеспособность, а при ее определении решающую роль играет позиция народа в такой революции, как революция 1848 года.

VIII. *Польша.* Польша пала по своей собственной вине. Сейчас около 11 миллионов, но только 7 миллионов составляют компактную массу, часть — поляки из Верхней Силезии и мазуры — уже в течение веков исторически не связаны с Польшей. Остальные в странах со смешанным населением. Однако положение основного ядра благоприятно, оно компактно, занимает такой же выгодный четырехугольник, как и у мадьяр, значительно лучший, чем у чехов. Но так как только семи миллионов недостаточно для основания в Восточной Европе государства, которое не было бы новой Бельгией, то, следовательно, необходима ассимиляция чужих составных частей: способны ли поляки и венгры на это? Польша не только была революционной со времени своего падения, она вынуждена быть революционной постоянно. Крестьянин должен стать свободным, иначе невозможна никакая Польша. В этом заключается гарантия

---

* — Славянские земли. *Ред.*

** — Лужичанах. *Ред.*

*** — Не приходится и говорить. *Ред.*

будущности Польши; с другой стороны, Россия *может* польских крестьян из внутренних рус ...*

Заключение [55]:

1) Будут ли поляки русифицированы благодаря господству России и апатии Запада? Примкнут ли они к панславизму? a) Крестьянина Россия не сможет русифицировать, он, во-первых, крестьянин и раб и только, во-вторых, поляк, b) кучка дворян и буржуа *на селе [im Lande]* могут отправляться ко всем чертям.

2) Как обстоит дело с завоеванием западнорусских и остзейских провинций? Путем освобождения крестьян. Если и русский крестьянин восстанет, il faut voir **, что же сделает западнорусский.

3) Германия — полюбовное соглашение неизбежно [56].

IX. Западные славяне совершенно европеизированы, южные и восточные славяне еще азиаты по своим жизненным условиям, организации, собственности, семье, обычаям и образу мышления. Этот азиатский элемент позднее выявится как основа притязаний на молодость и на живительную силу.

Южные славяне. Насчитывают 11 миллионов. На первый взгляд составляют весьма компактную массу, на самом же деле далеко не так. 1) Три различных языка; болгарский непонятен двум остальным; сербский и словенский очень богаты флексиями, в болгарском их нет. Только в случае, если сербский язык стал бы единственным литературным языком, можно было бы рассчитывать на объединение. 2) Каждая народность имеет свою собственную историю: у словенцев, поделенных между Германией и Венгрией, нет никакой; сербы и болгары жили обособленно, постоянно воевали и призывали на помощь даже недругов своих врагов. 3) Болгары были больше обессилены турецким гнетом, совершенно порабощены и лишены всех претензий; в стране много турецких колонистов; самый заветный идеал болгар — освобождение от иноверного ига при помощи России [57].— Сербы — храбры и воинственны, своей революцией [58] доказали право на будущность, у них в XIV и XV вв. есть прославленные моменты [59]. Усвоение ими теперь западной цивилизации доказывает их право на будущность. Но все это применимо только к свободным сербам, число которых — 950 000 [60], между тем как свыше 4 миллионов либо прямо реакционны, либо апатичны.— Полтора миллиона живет в Турции: один миллион раздавлен, подобно болгарам, а полмиллиона — мусульмане. Черногорцы — настоящие разбойники, грабят не столько турок, сколько крестьян христианского вероисповедания, живущих в окрестностях. У далматинцев другая религия, другой алфавит и другая лите-

---

* Фраза не окончена. *Ред.*

** — Посмотрим. *Ред.*

ратура. 4) Очень велики религиозные различия; среди южных славян — 4 миллиона католиков, 6 миллионов — православных, 700 000 — мусульман; в странах, где попы столь сильны, эти религии не могут мирно уживаться, а мусульмане к тому же прямо враждебны и фанатичны. 5) Затруднения внешнеполитического характера; конечно нужно устранить турецкую империю, а тогда начнется еще борьба с Венгрией из-за Баната и побережья, а с Германией за часть Штирии и Иллирию.

X. Конфликты славян с другими нациями ограничиваются мелкими славянскими народами, а что хотели славяне, показал 1848 год. Во всех западных странах, включая Венгрию и Польшу, основой восстания являлась внутренняя социальная революция, у чехов же и хорватов совсем не так. У них никакой классовой борьбы, всякая подобная попытка считалась государственной изменой.

Славянский съезд. Пражское восстание, венский рейхстаг [61] — повсюду славяне реакционны. Кроме того, почти все граничары [62] хорваты и сербы. Требование отделения от Венгрии Воеводины, в которой сербы даже не составляли большинства.— Невозможность югославянской и чешской реставрации, поскольку к этому причастны Венгрия и Германия.

Поляки и турецкие сербы в другом положении, у них есть будущее [63].

XI. 1) Русские. В основном развитие идет тем же путем, как и у остальных славян. Борьба за естественные границы, в особенности за побережье. Только у русских иные результаты, *успех.*

2) Коренные русские земли: внутренние области верхнего и среднего Дона и Днепра, Двина, Волга. Первоначально побережье только у Петербурга, за которое они боролись с финнами и шведами целое тысячелетие. В конце концов они утвердились здесь, сверх того был действительно русифицирован северный берег Черного моря от Аккермана * до Перекопа и Азовское побережье. Остальное, например, побережье Балтийского и Каспийского морей, только завоевано.

3) Народности: великороссы и малороссы. Первые составляют основу и ядро. Огромная способность к развитию и ассимилированию; доказали это и русификацией варварских пограничных народов, особенно татар. Но они оказались бессильными по отношению к нациям равной или более высокой культуры. Малороссы еще сохраняют свои национальные особенности; там, где они полонизированы, сохраняют польские; поляки и немцы совершенно не поддаются русификации, более того, в немецких остзейских провинциях развилась совершенно особая нация, *балтийская,* которая в силу своей связи с немецкой культурой *управляет Россией.*

---

* Белгород-Днестровского. *Ред.*

Малороссы и белорусы [составляют] одну народность, которая точно так же раздроблена и угнетена славянами — поляками и великороссами, как чехосл[авяне] — немцами и мадьярами. Они никогда не были способны к самостоятельности, но к тому же слишком раздроблены и ополячены, чтобы русские когда-нибудь смогли претендовать на них полностью.

XII. 4) Естественные границы. Даны течением рек, берущих начало внутри страны. Нижний Дон, Днепр, Волга, Нева, Северная Двина безусловно нужны России. Но дальнейшее продвижение на Запад является крайностью, не оправданной никакими материальными интересами. Главный вывоз хлеба коренных русских областей не нуждается ни в Риге, ни в Одессе, оба города представляют собой естественные порты литовско-польской области. У России есть свои гавани на Днепре, Бугском лимане, в Керчи и на Азовском море, в Петербурге и Ревеле *. Сам Петербург, в качестве столицы,— своего рода вызов, должен быть лишь торговым аванпостом. Чем больше будут развиваться пути сообщения, промышленность и культура, тем больше будет возвышаться Москва, а Петербург qua ** столица все меньше будет заслуживать огромных денежных и людских затрат. К тому же он après tout *** не является даже морским городом.

Вывод: Россия на Западе уже перешла свои естественные границы, и с продвижением цивилизации на Восток это обстоятельство будет становиться все более ненужным для свободного развития России, все более угрожающим для Европы. Итак, Россия вынуждена идти либо вперед, либо назад, либо завоевать Пруссию, Галицию, Молдавию и в конце концов Венгрию и гр[еко]-славянский полуостров, либо отказаться от Польши и малороссийской Литвы.

Но это именно тот вопрос, о котором идет речь ****.

XIII. Manifest destiny [64]: возрождение Европы или Азии? Русские хотят первого. I. Прежде всего здесь исключить все философские аргументы — только факты. По сравнению с Россией романская и германская Европа невелика и густо населена. Против 80-ти — 150 миллионов. Impossible *****. Освободительная война против

---

* — Таллинне. *Ред.*

** — Как. *Ред.*

*** — В конечном счете. *Ред.*

**** Далее в конце данной страницы рукописи следует фраза: «13. Manifest destiny: возрождение Европы или возрождение северной Азии», которая почти буквально воспроизводится Энгельсом на следующей странице, как заголовок XIII раздела. *Ред.*

***** — Невыполнимо. *Ред.*

Наполеона. Крымская кампания доказывает, что Россия не может сильно удалиться от своего основного ядра ни к западу, ни к югу. Кроме того, что принесет Россия Европе? Посмотрите на Польшу. Итак, Manifest destiny не здесь.

В Азии, наоборот, нужно много сделать. Именно русские, сами полуварвары, наиболее подходящий народ для того, чтобы иметь дело с настоящими варварами. Татаро-финны быстро ассимилировались. В отличие от Америки и Австралии языческие племена не были истреблены.— То великое, что сделали русские в этом отношении — это колонизация Украины и Южной России. Статистика, сравни Петермана [65].

Особенно важный край — Сибирь. Правда, есть некоторые географические неудобства, но именно они являются условием того, что это огромное пространство может принадлежать России. Ресурсы полезных ископаемых. Позиция на Тихом океане — море будущего. Амур — при необходимости также Маньчжурия — наследственный удел России [Rußlands Erbteil]. И все это можно иметь и удержать без напряжения. Один батальон удержит Амур — сравните с Польшей и скажите, где Destiny России! Польша стоит денег, людей и т. д., ничего не дает. Сибирь приносит доход. Во что обойдется России одна только попытка овладеть Константинополем! Сравни последнюю войну [66].

Если Россия не захочет поступить иначе, то ей par force * покажут, в чем ее Destiny [67].

XIV. Речь шла пока о способности и призвании русских к возрождению Европы на практике. Теперь о притязаниях в теории. Даже они, как говорилось выше **, нерусского происхождения, это результат впечатления, произведенного на Шлёцера бурно поднимающейся Россией Петра Великого и Екатерины по сравнению с деградирующей дворянской Европой и в особенности с Германией, приходящей в упадок в системе мелких государств, косности и Священной римской империи. Французская революция и наполеоновские войны положили конец подобному представлению. В последнее время эти взгляды, первоначально *нейтральные*, подогреваемые трусливыми европейскими реакционерами и дружески настроенной по отношению к правительству русской партией в литературе (московитский панславизм, см. «Идеи» Герцена [68]), прямо реакционны. В этих взглядах честной и теоретически оправданной является только одна сторона: древнерусско-реакционная, которая хотела бы насильно вернуть выродившуюся Европу снова на путь веры и послушания. Впрочем, это, как станет видно позднее, и положено в основу современной социально-

* — Силой. *Ред.*

** См. с. 312. *Ред.*

демократически-панславистской стороной, так что ее нужно рассматривать только как вырождение первой.

Россия молода, Европа стара; Россия едина и сильна, Европа разобщена, разъедена чрезмерной цивилизацией и теоретическими раздорами; Россия религиозна, Европа безбожна; Россия покорна, Европа мятежна. Это вечные коренные идеи, совершенно оправданные для русского или западного реакционера, ибо все, что они чтят, на Западе прогнило, нежизнеспособно, умирает. Тот, кто видит в движении Запада вырождение по сравнению с состоянием России, признанным высшей целью человеческого развития, *должен* считать Европу старой, а современную борьбу — подобной борьбе преторианских императоров или византийских богословов и единственной возможностью освобождения и возрождения — русское завоевание. Для него русское крепостное право, патриархальное хозяйство, общинное землевладение и т. д. и т. д. есть нормальное состояние, а свобода крестьян, современная частная собственность, развитие торговли и промышленности, следовательно,— состояние вырождения. Во всех этих вещах взгляды западных сторонников феодализма и московитских патриотов полностью совпадают. Для них современное движение не имеет никакого смысла и должно завершиться всеобщим опустошением. Но все это доказывает лишь, что они не понимают и не *хотят* понять этого движения. Пример — Гакстгаузен. При этом часто наиболее примечательное состоит в том, что люди, подобные самому Гакстгаузену, принадлежат к бюрократии, которая не раз в свое время как наседка сама высиживала эти революционные утиные яйца и теперь в отчаянии мечется по берегу, когда молодые утки ot odnavo berega otstali. Неподвижность — вот в чем заключаются так называемые молодость, единство, сила, вера и покорность России.

Ad rem *. Во-первых, представление о молодых и старых народах носит совершенно восточный характер. Чем больше Европа вовлекалась в [орбиту] истории, тем больше исчезал этот взгляд. Нации, прежде существовавшие только одна *после* другой, теперь существуют *рядом* друг с другом (см. замечание contra ** Герцена 2bα, где этот вопрос разбирается подробнее) ***. Во-вторых, говоря о юношеской силе, следует сравнить Англию и Россию, развитие каждой из них за 100 лет. В-третьих, величайшее развитие России на юге посредством колонизации прямо обусловлено промышленным подъемом Европы. В-четвертых, с 1500 г. мир стал слишком велик, чтобы допустить «мировые империи» и обновление путем переселения народов. Прямое сухопутное и морское сообщение, мощные средства коммуникации — вот что теперь обновляет народы

* — По существу дела. *Ред.*

** — Против. *Ред.*

*** См. наст. изд., с. 308. *Ред.*

и перемешивает их между собой. В-пятых *, промышленное развитие уже началось и в России, и, таким образом, в самой России завелась эта червоточина, и где...**

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 888

Перевод с немецкого

Публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рукопись «Германия и славянство» написана Энгельсом черными чернилами на четырех страницах двойного листа тонкой голубой бумаги, размер каждого листа 21,1×13,3 см. Этот двойной лист в свою очередь лишь половина большого листа общим размером 42,2×26,6 см, который был Энгельсом разрезан или разорван (линия разрыва неровная) и на второй половине им сделаны выписки из книги Штраля (см. примечание 25).

[2] Священный союз был заключен 26 сентября 1815 г. в Париже Александром I, Францем I и Фридрихом-Вильгельмом III после разгрома наполеоновской империи.

Шатобриан (Chateaubriand) Франсуа Рене, виконт де (1768—1848) — французский писатель, государственный деятель и дипломат. Энгельс имеет в виду позицию Шатобриана, сблизившегося с русским двором во время пребывания русских войск в Париже в 1815 г., на Веронском конгрессе Священного союза в 1822 г. в качестве представителя Франции. Шатобриан активно выступил за интервенцию французских войск в Испанию в поддержку испанского короля Фердинанда VII.

[3] Речь идет об июльской революции 1830 г. во Франции и польском восстании 1830—1831 гг.

[4] 13 августа 1849 г. венгерская революционная армия под командованием А. Гергея капитулировала у Вилагоша перед русскими войсками, введенными в Венгрию по просьбе австрийского правительства.

[5] Речь идет об Ольмюцском соглашении (Оломоуц, Ольмюц расположен в Моравии к северо-востоку от Вены, с октября 1848 г. местопребывание венского двора) между Австрией и Пруссией, которое было подписано 29 ноября 1850 г. при посредничестве Николая I. Пруссия отказывалась от притязаний на главенствующую роль в Германии, соглашалась на восстановление Германского союза (см. примечание 13), а также шла на уступки Австрии в шлезвиг-гольштейнском и гессенском вопросах.

[6] Речь идет о Крымской войне (1853—1856).

[7] *Добровский* (Dobrowski) Йозеф (1753—1829) — чешский ученый и общественный деятель, основатель научной филологии славянских языков; *Шафарик* (Šafařík) Павел Йозеф (1795—1861) — словацкий филолог, историк и археолог, представитель либерального крыла чешского и словацкого национального движения; *Коллар* (Kollar) Ян (1793—1852) — чешский поэт и филолог.

[8] *Гуровский* (Gurowski) Адам, граф (1805—1866) — польский публицист, участник польского восстания 1830—1831 гг., затем перешел на службу царского правительства; в 50-х гг. сотрудничал в газете «New-York Tribune», где, в частности, опубликовал серию статей «Russia as it is» под псевдонимом «Панславист». Панславистские идеи Гуровского, фигуры неоднозначной, в должной мере еще не раскрытой, изложены в его книгах: «La verité sur la Russie» (1835); «La civilisation et la Russie» (1841); «Le panslavisme, son histoire, ses véritables éléments: religieux, sociaux, philosophiques et politiques». Tome premier. Florence, 1848. В отличие от славянофи-

* Далее в рукописи вычеркнуты слова: «Борьба классов». *Ред.*

** На этом рукопись обрывается. *Ред.*

лов, влияние которых он безусловно испытал, будущее России видел не в общине, а в развитии промышленности.

[9] *Бакунин* Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер, один из основателей и теоретиков анархизма и народничества; участник революции 1848—1849 гг. в Германии и славянского съезда в Праге (см. примечание 17). Говоря о панславистских взглядах Бакунина, Энгельс, по-видимому, имеет в виду две работы Бакунина — статью «Statuten der neuen slawischen Politik» («Основы новой славянской политики»), опубликованную в «Slawische Jahrbücher» № 49 в сентябре 1848 г., и брошюру «Aufruf an die Slawen, von einem russischen Patrioten Michael Bakunin. Mitglied des Slawenkongresses in Prag» («Воззвание к славянам русского патриота Михаила Бакунина, члена славянского съезда в Праге»), изданную в Лейпциге в декабре 1849 г. Бакунин развивал идею единства интересов всех славянских народов и объединения их в демократическую федерацию.

[10] Речь идет о войнах Германии с Францией (сначала с республикой, а затем с наполеоновской империей), которые продолжались с перерывами с 1792 по 1815 г. Оценка Энгельсом этих событий не была однозначной. Например, в статье «Демократический панславизм» (1849) он писал: «Мы отнюдь не намерены отрицать позорную роль немцев в позорных войнах 1792—1815 гг. против французской революции...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 6. С. 300).

[11] Это утверждение расходится с тем, что писал Энгельс в 1849 г. в статье «Демократический панславизм»: «Во всяком случае не подлежит сомнению, что среди тех армий, которые своими превосходящими силами оттеснили Наполеона от Одера до Парижа, три четверти составляли славяне, русские или австрийские славяне» (там же. Т. 6. С. 300).

[12] Энгельс имеет в виду национально-освободительное восстание в Польше в 1794 г. под руководством Тадеуша Костюшко.

[13] Намек на восстановление Германского союза, осуществленное после Ольмюцского соглашения (см. примечание 5). Германский союз — объединение германских государств, созданное в июне 1815 г. на Венском конгрессе; в состав Союза сначала входило 39 государств, в том числе 4 вольных города. Союз просуществовал до 1866 г.

[14] По-видимому, Энгельс имеет в виду тесную связь эльзасских демократов с немецкими демократами, а также то обстоятельство, что после подавления баденско-пфальцского восстания многие повстанцы нашли убежище в Эльзасе; осенью 1849 г. группа эльзасских демократов была обвинена в возбуждении гражданской войны и привлечена к судебной ответственности.

[15] *Руге* (Ruge) Арнольд (1802—1880) — немецкий публицист, младогегельянец; в 50-х гг. один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне. С одной стороны, Руге, в сущности, отрицал значение национального вопроса, утверждая, что «революция не может быть социальной, не став денационализированной». С другой — особенно после поражения революции 1848—49 гг., говоря о «презрении к национальной гордости», он заявлял о превосходстве немцев по отношению к русским, венграм, полякам, итальянцам и другим народам.

[16] Энгельс имеет в виду выступления «Neue Rheinische Zeitung» в 1848—1849 гг. против продолжения немецкой буржуазией политики угнетения Гогенцоллернами и Габсбургами других народов. Наиболее ярко позиция газеты нашла отражение в статьях К. Маркса и Ф. Энгельса «Внешняя политика Германии», «Внешняя политика Германии и последние события в Праге», «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте» и др. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 5. С. 160—162, 212—215, 335—388).

[17] Славянский съезд начал свою работу в Праге 2 июня 1848 г.; на съезде обнаружилась борьба двух течений в национальном движении славянских народов в империи Габсбургов. Правое, умеренно-либеральное направление (руководители съезда Ф. Палацкий, П. Й. Шафарик) пытались разрешить национальный вопрос в рамках Габсбургской монархии. Представители левого демократического направления (Сабина, Фрич, Либельт и др.) стремились к совместным действиям с

революционно-демократическими силами в Германии и Венгрии. Работу съезда прервало пражское восстание (см. примечание 61). Часть делегатов, принявших активное участие в восстании, подверглась репрессиям. Оставшиеся в Праге представители умеренно-либерального крыла 16 июля объявили заседания съезда отложенными на неопределенное время.

[18] Утопическая идея Константинополя как столицы объединенных славян, идея славянской демократической федерации, заимствованная Герценом у декабристов и отчасти у Бакунина (см. примечание 9), изложена им в работах «Письмо русского к Мадзини», «Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле» и «Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону». Последняя работа, написанная Герценом в форме писем к английскому публицисту Уильяму Джеймсу Линтону (Linton) (1812—1897), была впервые опубликована в его журнале «The English Republic» (т. III, 1854), затем отдельной книгой, которой и пользовался Энгельс: La Russie et le vieux monde. Lettres à W. Linton, esq. par Alexandre Herzen. Jersey, 1854.

Герцен считал, что «славянский мир ничто другого не желает, как объединения в свободную федерацию». С утверждением славянского государства, по его мнению, стало бы невозможным существование царской России: «Взятие Константинополя явилось бы началом новой России, началом славянской федерации, *демократической и социальной»* (*Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 6. С. 235, 238). Ложные толкования в западноевропейской прессе выдвинутой им идеи демократической славянской федерации вынудили Герцена протестовать против подстановки под понятие славянской федерации «нынешней», т. е. царской России. В письме к редактору «Kölnische Zeitung» он подчеркнул, что символом веры молодой России является «полная независимость Польши, уничтожение петербургской империи и создание славянской федерации» (там же. Т. 12. С. 216).

[19] *Гакстгаузен* (Haxthausen) Август (1792—1866) — прусский чиновник и писатель; Энгельс говорит здесь о его книге: Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands. Th. 1—3. Hannover; Berlin, 1847—1852.

[20] Личное знакомство Герцена с Гакстгаузеном состоялось весной 1843 г. Работу Гакстгаузена Герцен неоднократно подвергал критике, оценивая ее как «очень интересный, но неистово реакционный труд» (*Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 7. С. 260).

[21] «Критика» — прозвище, данное Марксом и Энгельсом (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 3—230) немецкому философу-идеалисту, младогегельянцу Бруно Бауэру.

В начале 50-х гг. XIX в., считая, что западная цивилизация изжила себя, Бауэр в ряде брошюр объявил Россию страной грядущей цивилизации. Ко времени работы над «Германией и славянством» Энгельс был знаком по крайней мере с двумя брошюрами Бауэра: «Rußland und das Germanenthum» и «La Russie et l'Angleterre. Traduit de l'allemand». (Charlottenbourg, 1854), которые ему рекомендовал Маркс 8 декабря 1854 г. (там же. Т. 28. С. 351), а также двумя статьями из «New-York Daily Tribune»: The present impossibility of war. 31. III. 1852 № 34/17; The decline of England 7.IV.1852 № 34/23.

[22] Энгельс говорит здесь о XXVI главе (Die übrigen Oststämme) второго тома работы немецкого филолога и историка культуры Якоба Гримма (Geschichte der deutschen Sprache. Zweite Auflage; Leipzig, 1853, S. 493—504). В ней Гримм на основании работ древних авторов сообщает о расселении восточно-германских племен.

[23] Речь идет об одном из западных славянских языков — верхнелужицком, близком чешскому.

[24] Намек на Б. Бауэра (см. примечание 21).

[25] Данная фраза вписана Энгельсом между строк. Вероятно, он ставит перед собой задачу познакомиться непосредственно со сборником русских летописей, изданным немецким историком и статистиком Августом Людвигом Шлёцером: *Нестор.* Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache, verglichen, übersetzt und

erklärt. Th. 1—2. Göttingen, 1802. Энгельс мог узнать об этой работе из книги: *Strahl Ph.* Geschichte des russischen Staates. Erster Bd. Von den ältesten Zeiten bis zum Einbruche der Tataren. 1224. Hamburg, 1832. Для Штраля книга Шлёцера была одним из основных источников, и он неоднократно на нее ссылается. Энгельс делал выписки из книги Штраля, упоминая в них и «Нестора», как раз во время работы над данным наброском. Это прямо вытекает из того, что выписки сделаны на том же листе голубой бумаги, на которой написана и «Германия и славянство» (см. примечание 1), теми же чернилами и тем же пером. Эти выписки первоначально сложены были вместе с «Германией и славянством», что явствует из сгиба листов. О Шлёцере Энгельс пишет дважды и в рукописи «Панславизм» в разделе XIV, который был создан на первой стадии работы (в первой редакции), т. е. практически почти одновременно с «Германией и славянством». Во второй редакции в добавлении к разделу VI он также упоминается.

[26] Энгельс обыгрывает эпиграф к книге Гакстгаузена (см. примечание 19): «Europa. Отъ одного берега отсталъ, к другому не присталъ (Von einem Ufer abgefahren und noch nicht am andern gelandet!). Россия. Сижу у моря и жду погоды (Ich sitze am Ufer und warte auf den Wind!) (Zwei russische Sprichwörter) (Две русские пословицы)».

[27] Вероятно, Энгельс имеет в виду статью Герцена «La Russie», опубликованную в прудоновской газете «La Voix du Peuple» № 50, 57, 71 от 19 и 26 ноября и 10 декабря 1849 г. за подписью «Русский». Статья была воспроизведена в немецком переводе самого Герцена с русского оригинала в книге «Vom anderen Ufer» («С другого берега») (см. примечание 29).

[28] Гакстгаузен, в частности, писал: «В России, правда, есть и «Молодая Россия» подобно тому, как есть Молодая Европа, Молодая Германия, Молодая Италия и т. п. Это необходимый элемент развития современной культуры, Молодая Россия мечтает о великой славянской мировой державе, восстановлении грекославянской державы в Византии, старом Цареграде, только в народ эти идеи не проникают» (*Haxsthausen.* Op. cit. Th. II, S. 334).

[29] Работа Герцена «Vom anderen Ufer. Aus dem Russischen Manuskript» была отпечатана в Цюрихе осенью 1849 г., но весь тираж был перевезен в Гамбург, где были изготовлены обложка и титульный лист, и книга вышла в свет весной 1850 г. В это издание была включена статья Герцена «Россия» с посвящением «Г[еоргу] Г[ерве]гу» и «Письмо русского к Мадзини».

[30] Фраза, заключенная нами в скобки, вписана между строчек без указания места, к которому она должна относиться. Энгельс обыгрывает здесь иронически следующее место из работы Герцена «Старый мир и Россия» (см. примечание 18): «С каким удивлением слушали наши рассказы о русской общине, о постоянном переделе земли между ее членами, о выборных старостах с их простыми способами управления, о всеобщем голосовании в общинных делах! Иногда нас считали пустыми мечтателями, людьми, свихнувшимися на социализме!.. Но вот является человек, отнюдь не революционно настроенный, и издает три тома о сельской общине в России. Это — Гакстгаузен — католик, пруссак, агроном и монархист, столь крайний, что для него прусский король слишком либерален, а император Николай слишком человеколюбив! Факты, нами указанные, изложены им in extenso» (*Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 12. С. 189).

[31] Энгельс в частности имеет в виду следующую фразу из статьи «Россия»: «...я не вижу причин, почему Россия должна непременно претерпеть все фазы европейского развития, не вижу я также, почему цивилизация будущего должна неизменно подчиняться тем же условиям существования, что и цивилизация прошлого» (там же. Т. 6. С. 205).

[32] *«Друзья света»* — в 40-х гг. XIX в. религиозное течение в Германии, направленное против господствовавшего в официальной протестантской церкви пиетизма; одна из форм проявления недовольства немецкой буржуазии реакционными порядками в Германии. В 1846 г. это движение привело к образованию так называемых свободных общин, выделившихся из официальной протестантской церкви. В 1850 г.

произошло слияние «Друзей света» с другим оппозиционным религиозным течением — «Немецким католицизмом».

[33] Энгельс резюмирует в этом абзаце содержание брошюры Бауэра «Rußland und das Germanenthum», а также его статью «The decline of England» (см. примечание 21).

[34] Энгельс приводит в вольном изложении цитату из работы Герцена «Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону» (см.: *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 12. С. 155, 188).

[35] Книга Герцена «О развитии революционных идей в России» была изучена Энгельсом ранее 12 апреля 1853 г. по первому французскому изданию 1851 г., по экземпляру, принадлежавшему К. Блинду (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 176, 177, 183, 207, 487). В данном случае он приводит с небольшими изменениями цитату из этой работы Герцена по ее второму изданию: Du développement des idées révolutionnaires en Russie par Alexandre Herzen. Londres, 1853. P. 56 (см.: *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 7. С. 60—61, 191).

[36] Энгельс обыгрывает здесь и ниже слово «блистать» из второй строфы первой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина («где, может быть, родились вы, или блистали, мой читатель»). Энгельс изучил «Евгения Онегина» до осени 1851 г., выписав слова и их переводы на немецкий язык к 33 строфам первой главы и сделав перевод 11 строф; осенью 1851 г., он, по-видимому, по памяти воспроизвел в одной из своих рукописей еще раз первые три строфы первой главы романа в стихах Пушкина.

[37] Энгельс позднее неоднократно говорил о русском языке прямо противоположное. В частности, он писал В. Засулич 6 марта 1884 г.: «Как красив русский язык! Все преимущества немецкого без его ужасной грубости» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 106).

[38] Речь идет о книге: *Custine A.* La Russie en 1839. T. 1—4. Bruxelles, 1843.

[39] Энгельс обыгрывает первую фразу из книги Герцена «Тюрьма и ссылка»: «В конце 1852 г. я жил в одном из лондонских захолустий близ Примроз Гиля, отделенный от всего мира далью, туманом и своей волей» (см.: *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 8. С. 10). Энгельс читал эту книгу по-русски по изданию: Тюрьма и ссылка. Лондон, 1854.

[40] Образ России как неоконченного здания, где пахнет известью, проходит через ряд работ Герцена: «Россия», «О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле», «Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону» (см.: *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 6. С. 150, 187; Т. 7. С. 9, 137, 283, 318—319; Т. 12. С. 152, 185—186). По-видимому, в данном случае Энгельс обыгрывает фразу из работы «Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле»: «Напротив того, Россия государство совершенно новое — неоконченное здание, где все еще пахнет свежей известью, где все работает и вырабатывается, где ничто еще не достигло цели, где все изменяется,— часто к худшему, но все-таки изменяется» (*Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 7. С. 283, 318—319). Если это предположение верно, то Энгельс мог пользоваться только отдельным изданием, выпущенным З. Свентославским на Джерси в мае — июне 1855 г.: Le peuple russe et le socialisme. Lettre à Monsieur J. Michelet, professor au Collège de France, par A. Herzen. Seconde éd. [Jercey], 1855. В предисловии к этому изданию и содержится процитированный выше фрагмент.

[41] *Haxthausen.* Op. cit. Bd. 3. S. 138—139, 145—152.

[42] Возможно, Энгельс имеет в виду герценовское положение о том, что германо-латинские народы, создав две истории, два мира — античный и христианский, не могут совершить третьей метаморфозы «в рамках существующих общественных форм, которые находятся в явном противоречии с революционной мыслью» (см.: *Герцен А. И.* О развитии революционных идей в России. Т. 7. С. 144). Эти мысли развивались им и в ряде других работ.

[43] В оригинале «Karantaner» — по названию раннефеодального государства словенцев в VII—XI вв. «Карантания» в бассейне реки Муры и верховьях реки Дравы.

[44] Рукопись наброска «Панславизм» содержит шесть листков разного формата. Листы 1 (21 см×13,6 см), 3 (15,6 см×13,6 см), 5 (21 см×13,8 см) и 6 (5,4 см××13,6 см) написаны на такой же тонкой, но белой бумаге, как и «Германия и славянство», теми же черными чернилами и тем же пером (см. примечание 1). При этом лист 6 был оторван Энгельсом от 3 (см. примечания 55 и 63). Лист 2 (18,3 см × 11,3 см) и лист 4 (18,6 см × 11,4 см) написаны на однотипной плотной белой бумаге с водяными знаками (см. примечания 56 и 64). Четыре листа (1, 2, 4, 5) помечены заголовком «Панславизм», который в настоящей публикации воспроизводится только один раз в заголовке. Отсутствие заголовка на 3-м и 6-м листах объясняется, по-видимому, тем, что листы 3 и 6 первоначально были единым листом, составлявшим вторую половину листа 1. Листы 1, 3 и 6 (когда они еще были единым листом), 5 были сложены вместе, о чем свидетельствует одинаково загнутый правый нижний уголок 1 листа, повторенный в листах 3 и 5. Первый лист содержит I—VIII разделы рукописи, VII и VIII написаны на обороте первого листа.

[45] В оригинале «Stamm», термин, который в 40—50-х гг. XIX в. имел более широкое значение, чем в настоящее время. Он обозначал совокупность людей, имевших общее происхождение. Здесь он переводится в соответствии с фактическим содержанием данного текста.

[46] *Сорбы* — немецкое название лужичан (лужицких сербов).

[47] *Караджич* (Karadžić) Вук Стефанович (1787—1864) — сербский лингвист и фольклорист, основоположник сербского литературного языка; *Метелко* (Metelko) Франц (1789—1860) — словенский ученый, автор грамматики словенского языка; *Копитар* (Kopitar) Варфоломей (1730—1864) — словенский филолог.

[48] *Востоков* Александр Христофорович (1781—1864) — русский филолог, основоположник русской школы славяноведения.

[49] *Державин* Гаврила Романович (1743—1816) — русский поэт. Помимо чтения произведений Пушкина и Грибоедова Энгельс в начале 50-х гг. знакомился с русской литературой также по антологии Дж. Боуринга: Образцы произведений русских поэтов в переводе Дж. Боуринга и т. п. (Specimens of the Russian Poets translated by J. Bowring etc. 2ed. London, 1821).

[50] *Иосиф II* (1741—1790) — соправитель главы Австрийской монархии Марии Терезии (1765—1780), правитель Австрийской монархии (1780—1790), император так называемой Священной Римской империи (1765—1790).

После установления в Венгрии власти Габсбургов (1711) литература на венгерском языке пришла в упадок. В этой области стали господствовать иезуиты, писавшие главным образом по-латыни. В 1784 г. Иосиф II издал закон о введении в качестве официального (вместо латинского) немецкого языка. Утверждение венгерского литературного языка связано с деятельностью просветителей (вторая половина XVIII — начало XIX в.) и подъемом национального движения, созывом в 1790 г. венгерского государственного собрания, которое Энгельс называет рейхстагом. В 1806 г. комитет Пешта принял решение о признании венгерского языка в качестве официального.

[51] *Головин* Иван Гаврилович (1816—1886) — русский либеральный помещик и публицист, эмигрант, авантюрист. В «Былом и думах» Герцен дал отрицательную характеристику его деятельности (см.: *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 11. С. 404—429). Энгельс неправомерно сближал позицию Герцена и Головина (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 487), хотя в сущности расхождения между ними четко обозначились уже в 1853 г.

[52] Пропаганду славянской федерации Энгельс сравнивает с действиями Присоединительных палат (Reunionskammer, Chambres de réunion), учрежденных Людовиком XIV в 1679—1680 гг. в Меце, Брейзахе и Безансоне. Палаты должны были юридически обосновывать права французской короны на ряд земель и городов, в первую очередь, в Эльзасе и Лотарингии.

[53] 1 февраля 1856 г. в Вене были подписаны предварительные условия мира. Говоря о восточном вопросе, Энгельс, по-видимому, имеет в виду начавшуюся

9 января в Константинополе конференцию представителей Англии, Франции, Турции и Австрии по вопросу о судьбе Дунайских княжеств.

[54] Энгельс говорит о гуситских войнах (1419—1437) — национально-освободительной войне чешского народа против немецких феодалов и католической церкви. Движение гуситов (по имени вождя чешской Реформации Яна Гуса), несмотря на поражение, нанесло удар католической церкви, задержало вторичное закрепощение крестьян и оказало огромное влияние на европейскую Реформацию XVI в.

Исходным пунктом общеевропейской Тридцатилетней войны (1618—1648) было чешское восстание 1618—1620 гг. против попыток Габсбургов окончательно подчинить Чехию, сохранявшую некоторую независимость в составе Габсбургской монархии. Поражение восстания привело к утрате на три столетия национальной независимости Чехии.

[55] Данное «Заключение» написано Энгельсом на четвертушке листа (5,4 см × × 13,6 см), который в окончательном варианте рукописи «Панславизм» в ЦПА считается 6-м листом (см. примечание 44). Загадка этого фрагмента состоит в том, что, судя по перу и чернилам, он написан на первой стадии работы над «Панславизмом», а по смыслу относится к разделу VIII «Польша», написанному позже. Явно для этого «Заключения» Энгельс при второй редакции оставил свободной последнюю четверть оборота 1-го листа, но не приклеил к нему оторванную четвертушку. Вторая загадка в том, что текст «Заключения» был написан на первой четверти 2-го листа первоначального варианта (во втором варианте — лист 3) «кверху ногами». Это легко устанавливается не только по совпадению линии отрыва, но и по обороту листа. На оторванной четвертушке был написан следующий текст:

«Польское королевство 4 852 00
400 000
―――――
4 400 000

Малороссия 216 000
200 000».

При отрыве последний «0» в числе 4 852 00 остался на бо́льшей части листа, и при составлении двух фрагментов восстанавливается его подлинная величина «4 852 000» (о записях Энгельса на обороте первоначального 2-го бо́льшего по объему фрагмента см. примечание 63).

[56] Разделы IX и X написаны Энгельсом на 2-м листе (18,3 см × 11,3 см), на плотной белой бумаге с водяными знаками на второй стадии работы над рукописью «Панславизм». Оборот листа чистый.

[57] Болгария находилась под турецким гнетом с конца XIV в. (в 1396 г. пало последнее болгарское — Видинское — царство) до 1878 г.

[58] В 1804 г. в Сербии произошло восстание под руководством Георгия Петровича (Георгия Черного). Существенную поддержку буржуазно-национальной революции сербов оказали успешные действия русской армии на Балканах во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг., в 1811 г. сербы создали свое государственное управление. По Бухарестскому договору 1812 г. Турция должна была предоставить Сербии автономию во внутренних делах. Однако султан, воспользовавшись вторжением наполеоновской армии в Россию, нарушил договор, организовал в 1813 г. карательный поход в Сербию и на время восстановил там свое господство. В результате нового восстания сербов в 1815 г., а также дипломатической помощи России турецкое иго было свергнуто, и после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Турция специальным фирманом султана 1830 г. вынуждена была признать автономию (а фактически независимость) Сербии во главе с Милошем Обреновичем (1780—1860). Об этих событиях Энгельс, вероятно уже в ходе работы над самими статьями о панславизме в первой половине 1856 г. сделал заметки, представляющие собой выписки из пока неустановленной книги.

[59] В XIV в. Сербия переживала экономический и политический подъем; при Стефане Душане (1331—1355) было создано Сербо-греческое царство, в которое

помимо Сербии вошли часть Герцеговины, Черногория, Македония, Албания, Эпир, Фессалия. Однако в 1389 г. в битве с турками на Косовом поле сербы потерпели поражение, а в 1459 г. Сербия была включена в состав Османской империи.

[60] Эта и некоторые приведенные ниже цифры численности славян взяты Энгельсом из книги: Slawen, Russen, Germanen, ihre gegenseitige Verhältnisse in der Gegenwart und Zukunft. Leipzig, 1843, S. 83, 86—90 и др. Название этой книги было выписано Энгельсом в период изучения проблем панславизма. Выписки из нее сделаны им, по-видимому, во время работы над первой редакцией «Панславизма», на той же белой бумаге, теми же чернилами и тем же пером. На обороте листа изображены две мужские головы, однотипные с рисунком на обороте 3-го листа первоначального варианта «Панславизма» (во втором варианте лист 5-й). Эти выписки, судя по сгибам и загнутому углу, хранились вместе с первым вариантом.

[61] Речь идет о восстании в Праге 12—17 июня 1848 г. Оценку восстания см. в статьях Энгельса «Пражское восстание» и «Демократический характер восстания» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 5. С. 83—85, 112—114).

Австрийский (венский) рейхстаг был создан в ходе революции 1848 г. и начал свою работу 22 июля; после разгрома октябрьского восстания и победы контрреволюции рейхстаг был разогнан. Данную ему Энгельсом характеристику см. там же. Т. 8. С. 57—58.

[62] *Граничары* — жители южных областей Австрийской империи (Хорватии, Славонии и Баната, составлявших в XVI—XIX вв. область военной границы), которые за пользование землей обязаны были нести пограничную службу.

[63] Разделы XI и XII написаны на $^3/_4$ листа белой бумаги (15,6 см × 13,6 см), одинаковой с листами 1-м и 5-м. На правой половине листа много смазанных клякс. На обороте этого, в окончательном варианте 3-го листа, первоначально составлявшего единое целое с листом 6-м (см. примечание 44 и 55), Энгельсом были сделаны цифровые подсчеты численности населения Восточной Европы, часть из них осталась на обороте 6-го листа, на обороте данного листа следующие цифры: «5 миллионов венгров, 2 — румын, 2 — сербов, 1 — хорватов, 3 — словенцев, 1 рутенов, 8 — немцев, 4 — чехов, 1 — южных славян», а также следующие колонки цифр:

«4 250 000	«Западная Россия	8 021 000
2 150 000	Галиция	1 221 000
0 900 000		
		6 800 000
7 300 000»		2 200 000
		9 000 000
		11 000 000».

Здесь Энгельс приводит перевод образца русской денежной расписки: «...Расписка. Принято почтовой конторой в... для пересылки в Воронеж для Егора (Георгия) Шмидта один рубль... от Габриэла Шмидта и записано в книге от 30 ноября 1854 г. под № 344.

Получено: почтовый перевод — рублей, 10 копеек, страховой сбор 3 копейки серебром. Почтмейстер, помощник».

[64] «*Manifest destiny*» («Предначертанная миссия») — выражение, широко применявшееся в XIX в. идеологами экспансионистской политики правящих кругов США для ее оправдания. Впервые было употреблено редактором журнала «U. S. Magazine and Democratic Review» Дж. О'Салливеном в этом журнале за июль — август 1845 г., т. XVII. Раздел XIII составляет 4-й лист рукописи, написан на плотной белой бумаге с водяными знаками, однотипной с листом 2 (см. примечание 56). Размер листа 18,6 см × 11,4 см. Оборот чистый.

[65] Речь идет о статистическом обзоре немецкого географа и картографа Августа Петермана результатов переписи населения в России в 1851 г.: Die Bevölkerung Russlands zur Zeit der neuenten Volkszählung im Jahre 1851 nach Peter von Köppen, vom Herausgeber (In: Mitteilungen aus Justus Perthes' geographischer Anstalt über wichtige neue Erforschungen auf dem Gesammtgebiete der Geographie von Dr. A. Petermann. Gotha, 1855, S. 14—22). Первый номер этого издания,

в котором была помещена использованная Энгельсом работа, вышел в свет в третьей декаде марта 1855 г.

[66] Энгельс имеет в виду русско-турецкую войну 1828—1829 гг. О больших потерях русских войск в этой войне Маркс и Энгельс неоднократно писали в статьях 1853—1854 гг.

[67] Раздел XIV «Панславизма» составляет 5-й лист окончательного варианта рукописи. Он написан на листе белой бумаги, однотипной с листами 1 и 3 (в окончательном варианте). Ширина этого листа (21 см × 13,8 см), на 0,2 см больше ширины листов 1-го и 3-го. Это объясняется тем, что данный лист составлял первую половину двойного листа, на второй половине Энгельс сделал подсчеты численности славян и др. народов. Этот двойной лист был им затем разрезан на две части таким образом, что лист 5-й оказался шире листа 1-го и 3-го. На обороте листа небольшой рисунок мужской головы, сделанный явно одновременно с двумя такими же рисунками на обороте листа с выписками (см. примечание 60).

[68] Энгельс ссылается на шестую главу работы Герцена «О развитии революционных идей в России» — «Московский панславизм и русский европеизм».

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ Ф. ЭНГЕЛЬСА

Вниманию читателей предлагаются четыре материала Ф. Энгельса, возникшие в ходе его работы над книгой «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а также при ее переизданиях, и выявленные в ходе подготовки 29 тома первого отдела Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригиналов (МЭГА [2]). В состав тома вошли первое и четвертое, доработанное, издания «Происхождения», вышедшие в свет в 1884 и в конце 1891 г., а также три авторизованных перевода «Происхождения» — итальянский (1885), датский (1888) и французский (1893). В основную часть тома были включены также и четыре публикуемых материала [1].

Два первых документа являются подготовительными записями Энгельса к первому и четвертому изданиям «Происхождения». Они находились среди бумаг Маркса и Энгельса и не были известны читателям [2].

В короткой подготовительной записи к первому изданию «Происхождения» (документ № 1) Энгельс привел периодизацию основных этапов истории человечества, данную в трех первых главах книги Л. Г. Моргана «Древнее общество» [3]. Для обозначения этих этапов Морган применил понятия «дикость», «варварство» и «цивилизация», распространенные с XVIII в. Позднее Энгельс расширил свою запись. В заключении первой главы «Происхождения» он писал: «Пока же мы можем обобщить моргановскую периодизацию таким образом: дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные человеком продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности. Цивилизация — период овладения дальнейшей обработ-

кой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства» [4].

В настоящее время понятия «дикость» и «варварство» уже не употребляются в научной литературе. Однако новейшие исследования подтвердили обоснованность точки зрения Энгельса, что важной вехой развития человечества стал переход от «присвоения готовых продуктов» к производству сельскохозяйственной продукции.

Публикуемый подготовительный материал к четвертому изданию «Происхождения» составлен Энгельсом в середине 1891 г. и содержит наброски предполагаемых изменений во второй главе «Семья» (документ № 2). Потребность внести изменения в четвертое издание «Происхождения» Энгельс обосновал в предисловии к нему, написанном 16 июня 1891 г. Он писал: «Со времени выхода в свет первого издания прошло семь лет, и за эти годы в изучении первобытных форм семьи достигнуты большие успехи. Поэтому необходимо было сделать здесь тщательные исправления и дополнения, тем более, что предлагаемое печатание настоящего текста со стереотипа лишит меня на некоторое время возможности вносить дальнейшие изменения» [5].

В 1936 г. советским исследователем И. Н. Винниковым была опубликована статья о четвертом издании «Происхождения». Он провел глубокий и всесторонний текстологический анализ издания, выявил то новое, что внес Энгельс в это издание, круг новых источников, сравнил тексты первого и четвертого издания. Винников показал, «с какой тщательностью Энгельс переработал текст первого издания и как широко и глубоко он использовал при этом все новейшие достижения этнографической науки» [6]. Автор подсчитал, что Энгельс изменил 199 мест первого издания книги. Среди них было 88 изменений чисто стилистических, 47 незначительных изменений, уточняющих смысл текста, 20 случаев, развивающих положения первого издания, 24 изменения или дополнения принципиального характера, 20 исправлений различных неточностей [7].

По подсчетам исследователя, наибольшее число изменений — 92 — было внесено во вторую главу «Семья» [8]. Публикуемый подготовительный материал Энгельса содержит план изменения содержания именно этой главы. В основе изменений и дополнений, которые вносил Энгельс во вторую главу, лежало изучение им новейшей научной литературы по проблемам происхождения семьи, в частности книг Д. Ф. Мак-Леннана «Первобытный брак», И. Я. Бахофена «Материнское право», М. М. Ковалевского «Очерки происхождения и развития семьи и собственности», Л. Файсона и А. У. Хауитта «Камиларои и курнаи», а также А. Жиро-Телона «Происхождение брака и семьи».

В предисловии к четвертому изданию Энгельс дал общее представление и о том, как шла переработка текста глав первого издания «Происхождения», в том числе и второй главы: «Итак, я внимательно пересмотрел весь текст и сделал ряд добавлений, в которых, надеюсь, в достаточной мере учтено нынешнее состояние науки» [9].

В публикуемой записи Энгельса наглядно отразился этот процесс переработки текста второй главы, метод работы автора. Энгельс указывал соответствующие страницы второй главы первого издания и намечал основные соображения по доработке и уточнению в интересующем его месте. Изменения вносились в два этапа — сначала карандашом, затем чернилами. После использования своих заметок Энгельс перечеркивал их.

В целом ряде случаев в своем подготовительном материале Энгельс намечает новые подходы и повороты мысли. На основе этих записей в четвертом издании в главе «Семья» Энгельс подготовил значительные по объему части текста. Научный интерес представляет запись Энгельса, относящаяся к с. 43 первого издания, где он фиксирует два условия для обеспечения юридического равноправия женщин. В четвертом издании эти наметки были развернуты в содержательные рассуждения о характере современного законодательства, о факторах, обуславливающих неравноправие женщин при капитализме [10]. В ряде других подготовительных записей содержатся исходные идеи для нового текста заключительных страниц главы «Семья» об истории и основных направлениях развития семейных отношений, о положении женщин в современном обществе и в будущем [11]. В ряде случаев на основе подготовительных записей Энгельса в четвертом издании появлялись и меньшие по объему части текста, иногда отдельные предложения и даже отрывочные фразы [12].

Несколько подготовительных записей, в частности на с. 19 и 40, Энгельс так и не использовал в четвертом издании и не перечеркнул их [13]. Эти нереализованные положения дают представление об исследовательской деятельности Энгельса, о том, какие изменения и дополнения он намеревался внести в первое издание «Происхождения».

Следует отметить, что Энгельс, как правило, уничтожал подготовительные материалы к своим работам. Поэтому до нас дошло мало материалов, подобных публикуемым подготовительным заметкам Энгельса к его работе «Происхождение». Тем больший научный интерес представляют эти заметки. Они дают представление о том, как дорабатывал Энгельс II главу «Происхождения», как зарождались некоторые идеи и даже отдельные части гениальной работы Энгельса. Их сравнение с ее окончательным текстом показывает, как развивались, видоизменялись, теоретически обогащались мысли Энгельса в лаборатории его творчества. Не исключе-

но, что при переработке других глав «Происхождения» Энгельс опирался на записи, подобные публикуемому материалу к главе «Семья» и не дошедшие до нас.

Большой научный интерес представляют два других публикуемых документа. Это примечания Энгельса о марке к итальянскому (1885) и датскому (1888) изданиям «Происхождения». Примечания не были включены в немецкие издания книги Энгельса, на основе которых она публиковалась позднее в других странах. Итальянское и датское издания стали библиографической редкостью, поэтому указанные примечания выпали из поля зрения исследователей [14].

Публикуемые примечания о марке Энгельс написал специально для датского и итальянского читателя [15]. Энгельс счел, очевидно, излишним подробно писать о марке в немецких изданиях «Происхождения», поскольку в Германии о ней вышла книга Георга Людвига Маурера [16]. В апреле 1883 г. работу «Марка» опубликовал в Швейцарии сам Энгельс. Она была написана в декабре 1882 г. и появилась как приложение к его брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» [17]. Итальянским и датским читателям работа Энгельса о марке была неизвестна.

Автором примечания о марке в итальянском издании «Происхождения» был, несомненно, Энгельс. Подтверждением этого являются смысловые и текстологические совпадения с его работой «Марка» и, прежде всего, переписка с переводчиком Паскуале Мартиньетти [18]. Последний переслал Энгельсу свой перевод для просмотра в конце марта 1885 г. [19] Энгельс намеревался быстро завершить свою редакционную работу. «Пишу Вам эти несколько строк только для того, чтобы сообщить, что получил перевод и занимаюсь им. Надеюсь вернуть его со своими замечаниями и предложениями через десять — пятнадцать дней. То, что я успел до сих пор прочесть, сделано, по-моему, очень хорошо»,— писал он 11 апреля 1885 г. [20] Однако Энгельс сумел закончить работу лишь около 9 мая. «Я послал Вам заказным перевод вместе с моими замечаниями,— писал Энгельс Мартиньетти 19 мая 1885 г. и добавлял: — Очень жалею, что, не владея достаточно итальянским языком, я не мог лучше сформулировать их; надеюсь все же, что они понятны» [21]. 19 мая Энгельс сообщил Мартиньетти и о пересылке ряда материалов, в том числе примечания о марке, написанных на итальянском языке. «Боюсь,— писал он,— что примечание, касающееся «марки», недостаточно ясно. Полагаю, что следует напечатать только это примечание. Остальное лишь для Вашего сведения. Если это примечание вызовет у Вас какие-либо сомнения, то, пожалуйста, сообщите мне об этом, и я попытаюсь его переделать» [22]. Из письма Мартиньетти от 27 июля 1885 г. видно, что он полностью одобрил текст примечания Энгельса и не собирался вносить в него никакие

смысловые и стилистические изменения [23]. При публикации «Происхождения» Мартиньетти сопроводил примечание Энгельса следующей редакционной пометкой: «Примечание добавлено автором специально для итальянского читателя» [24].

Нет также сомнений, что Энгельс был автором примечания о марке и к датскому изданию «Происхождения». Это подтверждается сопоставлением его работы «Марка» и данного примечания.

27 января 1885 г. датский социал-демократ Герсон Трир обратился к Энгельсу с предложением подготовить датский перевод «Происхождения» [25]. Получив согласие Энгельса, он довольно быстро сделал первую часть перевода и передал его автору в начале марта 1885 г. О получении этой части Энгельс сообщил 8 марта в письме Лауре Лафарг. «Сделано очень прилично»,— отметил он [26]. Однако заключительная часть оказалась у Энгельса лишь 22 марта 1887 г. «Ваши 3 рукописные тетради только что с благодарностью получил, лишь сожалею о том, что до конца этой недели не буду иметь возможности их просмотреть; однако займусь этим, как только пройдет небольшое воспаление глаз, и буду очень рад видеть Вас у себя после Вашего возвращения из Копенгагена»,— писал Энгельс Триру 23 марта 1887 г. [27] Точно неизвестно, когда Энгельс завершил работу над редактированием перевода. Это было сделано до конца 1887 г. Датское издание увидело свет в феврале 1888 г. Примечание о марке к датскому изданию Энгельс мог написать в промежутке между мартом 1885 и декабрем 1887 г. Скорее всего, это произошло на заключительной стадии его редакционной работы, т. е. после мая 1887 г., когда у Энгельса была уже вся рукопись и появились более реальные перспективы издать датский перевод. Энгельс знал датский язык и вполне мог подготовить такое примечание на датском языке [28]. Но нельзя полностью исключить возможность того, что Трир принял какое-то участие в его переводе или в стилистической обработке.

Примечание Энгельса о марке к датскому изданию «Происхождения» по объему значительно больше примечания к итальянскому изданию. Энгельс счел необходимым более обстоятельно рассмотреть вопрос о марке, получившей значительное распространение в Скандинавии и, в частности, в Дании. Учитывая интерес датских читателей, Энгельс в своем примечании затронул вопрос о марковом строе в Скандинавии.

Примечания Энгельса о марке к итальянскому и датскому изданиям «Происхождения» можно рассматривать как два самостоятельных очерка. В основе того и другого примечания лежит упомянутая работа Энгельса «Марка». В определенной мере они являются как бы итальянской и датской вариациями на тему этой работы. Практически все положения «итальянского» примечания можно встретить в работе Энгельса [29].

Если «итальянское» примечание о марке было сделано к VII главе «Род у кельтов и германцев», то «датское» — к III главе «Ирокезский род», где встречалось понятие «германский марковый строй» [30]. Наряду с положениями, содержавшимися уже в работе «Марка» [31], в нем, в отличие от итальянского примечания, есть, на наш взгляд, и некоторые элементы новизны. Это касается, в частности, общей характеристики марки, соображений Энгельса о развитии городов в средние века. Примечание, несомненно, заслуживает пристального внимания исследователей.

В целом четыре публикуемых материала дополняют сложившееся представление о предыстории, характере и методах работы Энгельса над книгой «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — одного из самых оригинальных в теоретическом отношении произведений марксизма.

Публикацию подготовили Я. Г. Рокитянский и А. Ю. Рыбикова.

№ 1

Ф. ЭНГЕЛЬС

Подготовительная заметка
к первому изданию «Происхождения семьи,
частной собственности и государства»

(примерно апрель 1884 г.)

ad Моргана [32]

---

1) Дикость = экстрактивная промышленность [33] — варварство = земледелие и скотоводство [34]: — цивилизация = промышленность [35].

MEGA [2]. I/29. S. 3

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

№ 2

Ф. ЭНГЕЛЬС

Подготовительные записи
к 4-му изданию «Происхождения семьи,
частной собственности и государства»

(середина июня — начало июля 1891 г.)

С. 37. Семья (групповой брак — общие соображения — мужчины еще в его рамках — моногамия еще нигде по-настоящему не осуществлена) [36].

Неупорядоченные половые отношения. Сомнение в их существовании теперь в моде [37]. Встречаются примеры браков между родителями и детьми. Можно ли расценивать их как признак вырождения? С трудом [38].— Животные ничего не доказывают, так как у млекопитающих встречаются все формы, даже у обезьян. Что мы знаем об антропоидах? Отличаются ли сообщения об этом большей критичностью, чем сообщения миссионеров о дикарях? [39]

Род, с. 19.	Именно там перегнута палка. Привести доказательство того, что исключение братьев и сестер из взаимного полового общения возникло стихийно, бессознательно или было вызвано религиозными представлениями [40].
По поводу ирокезского рода	

Пуналуальная семья принимается как классическая форма семьи, так как она наиболее точно соответствует системе родства [41]. Однако бесконечные отклонения были возможны и, конечно же, имелись. Групповой брак модифицируется в соответствии с условиями жизни. Пуналуальная семья наиболее приемлема в больших коммунистических домашних хозяйствах (американские индейцы) [42]. Где они невозможны (Австралия) — там другие формы. Кроки и кумите. Австралийские классы и переход к роду [43].

Затем общие сведения о групповом браке.

С. 27. Существующий еще в Южной Америке [44].

С. 28. Расплата за право на индивидуальный брак. Свобода девушек до своего замужества [45].

С. 29. Авраам [как глава] семейной общины или рода [46].

39. У германцев нет полной моногамии, так как они слишком бедны, нечего наследовать [47].

40. Us cavalhers si jazia [48].

43. Что юридическое равноправие женщины лишь = égalité devant la loi [49] пролетария — без ликвидации экономической зависимости женщины ничего существенного [50].

Мужчины еще в рамках группового брака — 1) Групповой брак. 2) Рабство и полигамия. 3) Проституция и нарушение супружеской верности [51].

А что касается будущего моногамии, чем так восторгаются наши филистеры, об этом можно будет говорить лишь тогда, когда *моногамия* осуществится и для мужчин, когда женщины не должны будут продавать себя, когда вырастет поколение, привыкшее к семейной строгости, и не останется больше никаких проявлений гетеризма. Тогда будет видно. Но тогда и женщины будут освобождены от основных ограничений, от забот о последствиях [52].

С. 188. Обезьяны у Ж[иро-] Т[елона]. 1 изд. [53]. Ревность в семьях животных, у людей групповой брак [54].

Групповой брак — рабство, включающее полигамию,— проституция и нарушение супружеской верности [55].

MEGA [2]. I/29. S. 121—122

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

№ 3

Ф. ЭНГЕЛЬС

Примечание к итальянскому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства»

(конец апреля — начало мая 1885 г.)

Марка на немецком языке обозначает вотчину, которой первоначально совместно владели жители одного села или одной области [56]. Поля и луга были поделены между семейными советами, но в давние времена они подвергались перераспределению (что еще и сегодня имеет место в некоторых селах на Мозеле); часть угодий позднее стала их собственностью, но обработка все время регулировалась общиной [57]. Пастбища, леса и другие невозделанные земли продолжали оставаться общинной собственностью, а в ряде случаев еще и сегодня являются таковыми [58]. Сообщество заинтересованных лиц определяет как способ возделывания полей, так и способ использования общинной земли. Марковый строй является старейшим строем немцев и представляет собой фундамент, на котором были возведены все их институты средневековья [59].

Frederico Engels. L'origine della famiglia, della proprietà privata e dello stato in relazione alle ricerche di Luigi H. Morgan. Benevento, 1885. P. 118 (MEGA [2]. I/29. S. 118)

Перевод с итальянского

На русском языке публикуется впервые

№ 4

Ф. ЭНГЕЛЬС

Примечание к датскому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства»

(между маем и декабрем 1887 г.)

«Марковым» строем в Германии называют древний, сохранившийся благодаря обычному праву строй земельной собственности, при котором остатки древнегерманской общинной собственности на землю сохранились почти до наших дней. Область, которая принад-

лежала какой-либо общине и называлась *маркой*, делилась на три части: 1) собственно село, в котором каждый член общины получал одинаковый надел для дома, сада и двора; 2) поделенная «марка», т. е. земля, предназначенная для пашни и луга; 3) общая, или неподеленная, «марка», т. е. вся остальная земля, леса, пастбища, степи, болота, водоемы, дороги и т. д. [60]

Поделенная марка, в зависимости от местоположения и строения почвы, подразделялась сначала на определенное количество наделов, называемых «конами» [61]. Каждый «кон» делился в свою очередь на столько равных участков, сколько имелось членов марки (т. е. семейных советов). Эти участки распределялись по жребию так, что каждый член марки получал свой участок из каждого «кона», т. е., подобно другим, в равной степени как плохую, так и хорошую землю. Дом и садовый участок еще раньше стали полной собственностью каждого члена общины; марка же, напротив, распределялась заново сначала ежегодно, а позднее каждые 4, 6, 12 лет; однако вскоре и она стала наследуемой и продаваемой собственностью владельца [62]. Только на Рейне постоянно возобновляющийся передел земель сохранился дольше — в Пфальце и в нынешней прусской области южнее Мозеля до нашего столетия — и, вероятно, все еще существует в некоторых селах под названием «подворных общин» [63]. Но даже там, где пашни и луга стали собственностью каждого в отдельности, их обработка должна была осуществляться по совместному плану, предписанному общиной (вся пашня делилась на озимое, яровое и паровое поля), а после уборки урожая, как и под пáром, они были открыты всем членам общины для выгона скота.

Неподеленная, или общая, «марка» была общинной собственностью всех ее членов и использовалась в равной степени всеми для пастбища, откорма свиней желудями, при добывании древесины, во время сенокоса, для охоты, рыболовства и т. д. [64]

Каким должно быть это использование и право каждого в отдельности, какими должны быть обработка и общинное пользование поделенной «маркой», а также все другие проблемы общины, как-то ссоры и нарушения законов марки — это обсуждалось на открытом собрании членов марки и решалось путем голосования. Здесь были равны все члены общины, невзирая на то, кто крепостной, а кто его знатный господин; так это часто случалось и в период позднего средневековья: на собрании марки голос одного имел такой же вес, как голос другого; то была абсолютная демократия [65].

Первоначальные марки охватывали большие дистрикты (целые «округа» [66]), причем каждое село имело свою собственную общину — «марку», в то время как наряду с этим имелась еще и большая община — «марка», принадлежащая всем им. Нечто подобное было в Рейнском округе еще в шестнадцатом-семнадцатом веках. То же

самое имело место и в Скандинавии [67]. Древнешведское право знало сельские альменды, альменды сотни, округа и, наконец, королевские (т. е. собственно народные) альменды, иначе говоря, помимо сельско-общинной земли, зе́мли, принадлежавшие округу, провинции, и, наконец, зе́мли, принадлежавшие королю как представителю всего народа [68]. В Германии еще в четырнадцатом веке на одну «марку» приходилось от шести до двенадцати сел; позднее каждое село, как правило, имело только свою собственную «марку», т. е. прежняя большая общая «марка» была похищена феодалами [69].

На основе «маркового» строя развивался сельский строй, а там, где села становились городами,— городской строй [70]. В таких городах члены марки с самого начала имели исключительное право принимать участие в управлении городскими делами, т. е. делами их собственной марки, в то время как чужие переселенцы, не имевшие никаких прав на «марку», являлись и продолжали оставаться бесправными. Так первоначальная демократия марковой общины превращалась в замкнутую аристократию городских «родов», патрициев. Из переселенцев — иностранцев, ремесленников и т. д. формировался городской плебс, борьба которого за равноправие с привилегированными родами заполнила всю историю городов средневековья [71].

Там, где «марка» усилила власть феодала, поначалу ее преобразование в господский строй заключалось лишь в том, что господин стал постоянным главой собрания марки и получал бо̀льшую часть от использования общей «марки»; законодательство, управление, правосудие в целом оставались у членов общины. Но очень скоро злоупотребление феодалами властью стало подрывать права членов общины, пока в конце концов от них почти ничего или вообще ничего не осталось [72].

«Марковый» строй есть первоначальный строй всех германских племен; наиболее яркое выражение он нашел в Германии, Скандинавии, Англии, Северной Франции; во всех этих странах еще можно отыскать остатки этого строя. Но только в Германии история его была исследована более подробно, а именно Г. Л. Маурером [73].

Friedrich Engels. Familjens, Privatejebdommens og Statens Oprindelse. I Tilstluning til Lewis H. Morgan Undersøgelser. København, 1888. S. 29—30 (MEGA [2]. I/29. S. 119—120)

Перевод с датского

На русском языке публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] MEGA [2]. I/29. S. 3, 118—121.

[2] Оригиналы этих записей хранятся сейчас в Амстердамском международном институте социальной истории.

[3] *Morgan L. H.* Ancient Society. New York; London, 1877. P. 3—45.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 33. См. также примечания 33—35.

[5] Там же. Т. 22. С. 214.

[6] *Винников И. Н.* Четвертое издание книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: Опыт текстологического анализа // Вопросы истории доклассового общества: Сборник статей к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.; Л., 1936. С. 178.

[7] Там же. С. 32—33.

[8] Там же. С. 32.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 214.

[10] Там же. Т. 21. С. 75—77.

[11] Там же. С. 69—70, 75—85.

[12] Ср. документ № 2 и примечания 37, 44, 46, 48, 50, 52, 72.

[13] См. примечания 40 и 48.

[14] Во второе издание Сочинений Маркса и Энгельса на русском языке эти примечания не вошли. Немецкий перевод примечания Энгельса о марке к итальянскому изданию «Происхождения» был опубликован в одном примечании к письму Энгельса П. Мартиньетти от 19 мая 1885 г. в: *Karl Marx, Friedrich Engels.* Werke. Bd. 36. S. 794—795.

[15] *Engels F.* L'origine della famiglia, della propriètà privata e dello stato in relazione alle ricerche di Luigi H. Morgan. Benevento, 1885. P. 118; *Engels F.* Familjins Privatejendommens og Statens Oprindelse. I Tilslutning til Lewis H. Morgan Undersøgelser. Dansk, af Forfatteren gennemgaatt Udgave, besørget af Gerson Trier. København, 1888. S. 29—30.

[16] *Maurer G. L.* Geschichte der Markenverfassung in Deutschland. Erlangen, 1856; Ibid. Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf-und Stadt-Verfassung und der offentlichen Gewalt. München, 1854.

[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 327—345.

[18] Паскуале Мартиньетти (1844—1920) — итальянский социалист, переводчик работ Маркса и Энгельса на итальянский язык. В 1883 г. перевел работу Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке».

[19] См.: П. Мартиньетти — Ф. Энгельсу от 24 марта 1885 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4540.

[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 253.

[21] Там же. С. 272—273.

[22] Там же. С. 273.

[23] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4566.

[24] *Frederico Engels.* L'origine della famiglia, della propriètà privata e dello stato in relazione alle ricerche di Luigi H. Morgan. Benevento, 1885. P. 118 (MEGA. I/29. S. 118).

[25] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4532.

[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 246.

[27] Там же. Т. 50. С. 472.

[28] Подавляющее большинство писем Энгельсу было написано Триром на датском языке (ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4861, 4926, 4930, 4938, 4940, 4945, 5333, 5390).

[29] Ср. примечания 56—59.

[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 96.

[31] Ср. примечания 70—71.

[32] ad Моргана — по поводу Моргана. Имеется в виду книга: *Morgan L. H.* Ancient society, or researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism, to civilization. London, 1877.

[33] Имеются в виду собирание, охота, рыболовство и добывание таких минеральных веществ, как соль и кремень. Понятие «промышленность» применялось во времена Энгельса не только для обозначения крупной промышленности, но и при

рассмотрении хозяйственной деятельности в древнем мире, и в эпоху переселения народов. В «Происхождении» Энгельс отмечал: «Дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные человеком продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 33).

[34] «Варварство,— отмечал Энгельс в «Происхождении»,— период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности» (Там же).

[35] «Цивилизация,— отмечалось в «Происхождении»,— период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства» (Там же).

[36] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 69—70.

[37] «С недавнего времени вошло в моду отрицать эту начальную ступень половой жизни человечества. Хотят избавить человечество от этого «позора». И при этом ссылаются не только на отсутствие какого-либо прямого доказательства, но особенно на пример прочего животного мира»,— отмечал Энгельс в четвертом издании «Происхождения» (Там же. С. 37). Энгельс намечает здесь пути полемики с автором книги: *Letourneau Ch.* L'évolution du mariage et de la famille. Paris, 1888. Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 40.

[38] Там же. С. 40—41. Энгельс опирается в своих рассуждениях на книгу: *Bancroft H. H.* Native Races of the Pacific States of North America. Vol. 1. New York, 1875. P. 117.

[39] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 37—39.

[40] Там же. С. 42—44. Эти положения не были использованы Энгельсом во второй главе четвертого издания «Происхождения».

[41] Там же. С. 45—46.

[42] Там же. С. 46—50, 63.

[43] Там же. С. 47—49. «Кроки и кумите» — обозначение двух классов мужчин в системе брачных отношений в Маунт-Гамбире (Южная Австралия). Сведения об этом Энгельс почерпнул в книге: *Fison L., Howitt A. W.* Kamilaroi and Kurnai. Melbourne; Sydney; Adelaide and Brisbane, 1880. См. подробнее: *Винников И. П.* Цит. соч. С. 153, 154.

[44] В четвертом издании «Происхождения» Энгельс отмечал: «Целиком ли вытеснен теперь в Америке групповой брак парной семьей, должно выявить более тщательное изучение стоящих еще на высшей ступени дикости северо-западных и, в особенности, южноамериканских народов. В рассказах о последних встречаются столь разнообразные примеры свободы половых отношений, что здесь едва ли возможно допустить полное преодоление древнего группового брака» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 53).

[45] В тексте четвертого издания говорилось: «То, что Бахофен изображает как искупление за нарушение древних заповедей богов,— искупление, ценой которого женщина приобретает право на целомудрие,— в действительности только мистическое выражение выкупа, которым женщина откупается от существовавшей в древние времена общности мужей и приобретает право принадлежать только *одному* мужчине. Этот выкуп состоит в ограниченном определенными рамками обычае отдаваться посторонним...» (Там же. С. 54—55).

[46] «Трудно сказать, являлся ли в глазах автора так называемой Первой книги Моисея патриарх Авраам владельцем своих стад в силу собственного права как глава семейной общины или же в силу своего положения фактически наследственного старейшины рода»,— отмечал Энгельс (Там же. С. 57—58).

[47] В четвертом издании отмечалось: «Но наибольший прогресс в развитии единобрачия был достигнут, несомненно, с вступлением на историческую арену германцев и достигнут потому, что у них, вероятно ввиду их бедности, моногамия, по-видимому, в то время еще не вполне развилась из парного брака» (Там же. С. 71).

[48] Us cavalhers si jazia (когда лег рыцарь). Энгельс приводит строку из известного стихотворения, написанного на провансальском языке в первой половине

XIII в. Вероятно, в четвертом издании он хотел конкретизировать свои рассуждения о провансальской любовной поэзии. В первом издании «Происхождения» говорилось: «В своем классическом виде, у провансальцев, рыцарская любовь устремляется на всех парусах к нарушению супружеской верности, и ее поэты воспевают это. Цвет провансальской любовной поэзии составляют «альбы» (albas), по-немецки песни рассвета. Яркими красками изображают они, как рыцарь лежит в постели у своей красотки, чужой жены, а снаружи стоит страж, который возвещает ему о первых признаках наступающего рассвета (alba), чтобы он мог ускользнуть незамеченным; затем следует сцена расставания — кульминационный пункт песни» (Там же. С. 72—73). В заинтересовавшей Энгельса «альбе», в частности, говорилось:

«Когда лег рыцарь
С одним прелестным созданием,
И они многократно целовались, он сказал ей:
«Мое сладкое создание, что я должен делать?
Ведь день уж близок, и ночь уходит...»

По всей вероятности, Энгельс прочел это стихотворение в книге: *Bartsch K.* Geschichte der provenzalischen Literatur. Elberfeld, 1872. S. 115. В четвертом издании «Происхождения», однако, Энгельс это стихотворение не привел.

[49] égalité devant la loi — равенство перед законом.

[50] «...Своеобразный характер господства мужа над женой в современной семье и необходимость установления действительного общественного равенства для обоих, а также способ достижения этого только тогда выступят в полном свете, когда супруги юридически станут вполне равноправными. Тогда обнаружится, что первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству, что, в свою очередь, требует, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества»,— отмечал Энгельс в четвертом издании «Происхождения» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 77).

[51] Там же. С. 75—77.

[52] В четвертом издании «Происхождения» Энгельс отмечал, что будущая форма отношений между полами определится, «когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности,— и точка» (Там же. С. 85).

[53] Там же. С. 38—39. Энгельс имеет в виду: *Giraud-Teulon A.* Les origines du mariage et la famille. Genève; Paris, 1884. P. 188 (примечание 1). См. также письмо Энгельса П. Лафаргу от 29 мая 1891 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 90—91.

[54] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 39—40.

[55] В четвертом издании «Происхождения» Энгельс писал: «Итак, мы имеем три главные формы брака, в общем и целом соответствующие трем главным стадиям развития человечества. Дикости соответствует групповой брак, варварству — парный брак, цивилизации — моногамия, дополняемая нарушением супружеской верности и проституцией» (Там же. С. 77).

[56] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 329—330.

[57] Там же. С. 331—332, 335.

[58] «Необработанная земля, леса и пастбища остаются общинными владениями для совместного пользования»,— отмечалось в работе Энгельса «Марка» (Там же. С. 332).

[59] Там же. С. 336—338.

[60] Там же. С. 332—335.

[61] Здесь Энгельс использовал немецкий термин «Gewanne».

[62] В «Марке» Энгельс писал: «Вся пахотная земля, поля и луга — правда, уже не ежегодно, но все же через каждые 3, 6, 9 или 12 лет — там соединяются в один общий массив и делятся на некоторое число «конов» [«Gewanne»] в зависимости от расположения и качества почвы. Каждый кон в свою очередь делится на столько равных частей в виде длинных узких полос, сколько правомочных членов имеется в общине; эти части распределяются между ними по жребию, так что каждый член общины получает первоначально равную долю в каждом коне, т. е. от каждого участка, отличающегося своим расположением и качеством почвы» (Там же. С. 331).

[63] Здесь Энгельс использовал немецкий термин «Gehöferschaften». В работе «Марка» отмечалось: «Мы и теперь еще можем видеть на Мозеле и в Хохвальде, в так называемых подворных общинах [Gehöferschaften], как это происходит» (Там же).

[64] Там же. С. 332.

[65] Там же. С. 335—336.

[66] Там же. С. 330. Энгельс поясняет употребленный им здесь немецкий термин «Gauen» с помощью датского термина «Herreder».

[67] Там же. С. 330.

[68] Там же. С. 330—331.

[69] «...Еще в «Имперском праве» XIII и XIV столетий значится, что, как правило, марка включает от 6 до 12 сел»,— отмечал Энгельс в «Марке» (Там же. С. 331).

[70] «Сельский строй является исключительно марковым строем самостоятельной сельской марки и переходил в городской строй, как только село превращалось в город, т. е. укреплялось при помощи рвов и стен» (Там же. С. 336).

[71] Там же. С. 336—337.

[72] Там же. С. 337—338.

[73] В начале своей работы «Марка» Энгельс писал: «...я даю краткое историческое описание того древнейшего земельного строя германцев, который сохранился до наших дней, хотя в виде жалких остатков, и который на протяжении всего средневековья служил основой и образцом всякого общественного устройства и пронизывал всю общественную жизнь не только Германии, но и Северной Франции, Англии и Скандинавии. И все же он был столь основательно забыт, что лишь в последнее время Г. Л. Мауреру пришлось снова открывать его действительное значение» (Там же. С. 329).

К ИСТОРИИ ЗАНЯТИЙ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Вниманию читателя предлагается публикация, в которой воспроизводится первая глава (14 страниц) книги А. И. Герцена «Тюрьма и ссылка» с пометками (словарные записи, отчеркивания и подчеркивания) К. Маркса и Ф. Энгельса, сделанными на полях книги и в тексте. Книга «Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера. Лондон — Париж, 1854» явилась частью знаменитого автобиографического произведения Герцена «Былое и думы». Сохранившийся подлинный экземпляр книги с пометками Маркса и Энгельса свидетельствует о том, что они пользовались произведением Герцена для изучения русского языка. Можно не сомневаться, что этот выбор был не случаен, так как известен их интерес к содержанию книги и личности ее автора. После смерти Энгельса книга оказалась в архиве Социал-демократической партии Германии, где находилась до прихода фашистов к власти в 1933 г. В настоящее время она хранится в библиотеке Международного института социальной истории в Амстердаме. Пометки Энгельса имеются на страницах 1—5, пометки Маркса — на страницах 1—183, 187—196 [1].

Следует отметить, что записи Энгельса предшествовали записям Маркса, так как при чтении книги Маркс воспользовался ими, выписывал только такие слова, которые не были помечены и переведены Энгельсом. При этом оба применяли следующий метод: над каждым незнакомым словом или рядом с ним Маркс и Энгельс ставили порядковый номер, а затем записывали на полях перевод этого слова на немецкий или другой язык под соответствующим номером. Во многих случаях над словами ставилось ударение. Маркс часто подчеркивал, а затем выписывал отдельные русские слова печатными буквами, отражая рядом особенности склонения, спряжения или образования этого слова. По характеру и количеству выписанных Марксом слов можно судить о степени его владения русским языком в данный момент. Одновременно с чтением книги Герцена Маркс

изучал русскую грамматику, об этом свидетельствует его тетрадь с упражнениями, заметками, таблицами образования русских глаголов и т. д. [2] Это сказалось вскоре и на выписках Маркса. Он постепенно начинает ориентироваться в корнях слов, словообразовании и словосочетаниях и последние главы книги читал, уже сравнительно редко прибегая к словарю.

Если время работы Маркса над книгой легко установить по имеющимся документам, то определить время чтения книги Энгельсом довольно сложно. Поэтому необходимо выяснить, когда и по какому поводу мог обратиться к книге Энгельс. Первое упоминание о занятиях русским языком содержится в его письме Марксу от 29 января 1851 г. [3] 18 марта 1852 г. Энгельс сообщает Марксу: «Последние две недели я старательно зубрил русский язык и теперь почти покончил с грамматикой, еще 2—3 месяца дадут мне необходимый запас слов...» [4] О дальнейших занятиях русским языком Энгельс писал И. Вейдемейеру 16 апреля 1852 г., Марксу — 7 сентября 1852 г. и снова Вейдемейеру — 12 апреля 1853 г. [5] А еще через год в письме редактору «Daily News» Г. Дж. Линкольну от 30 марта 1854 г. он сообщает о своем более или менее хорошем знакомстве с большинством европейских языков, включая русский [6].

Книга Герцена «Тюрьма и ссылка» вышла в свет в 1854 г., а точнее, вступление к ней было подписано автором 1 мая 1854 г. На основании сохранившихся документов и по утверждению самого Энгельса к этому времени можно говорить уже о его неплохом знании русского языка.

Однако многочисленные словарные записи, сделанные Энгельсом на первых пяти страницах книги Герцена, можно расценивать двояко: или Энгельс ко времени чтения книги успел, как он позднее утверждал, растерять обретенные им знания; или эти словарные записи были им сделаны в качестве образца специально для Маркса, начавшего изучать русский язык.

В первом случае чтение книги Энгельсом можно отнести ко времени между 17 февраля 1863 и 11 апреля 1867 г.; во втором — записи датировать октябрем — ноябрем 1869 г.

Какие основания имеются для этого утверждения?

Если Энгельс читал книгу сразу после ее выхода в свет, на ней было бы гораздо меньше словарных записей, так как по его собственному утверждению он к концу марта 1854 г. уже неплохо владел русским языком. В период между 1854 и 1863 г. наступил, по-видимому, перерыв в занятиях Энгельса русским языком. Об этом имеется следующее свидетельство. 17 февраля 1863 г. в связи с намерением прочитать ряд статей в «Колоколе» Энгельс писал Марксу: «...мне придется основательно позубрить, прежде чем я снова овладею языком» [7]. Не исключено, что именно после этого он обратился к книге Герцена «Тюрьма и ссылка», чтобы использовать

ее в качестве практического пособия для восстановления своих знаний по русскому языку и дальнейшему его изучению.

Из сохранившихся данных видно, что в 1867—1869 гг. Энгельс уже мог работать с русскими источниками. Например, им был сделан перевод на немецкий язык статьи В. П. Безобразова «Шуйско-Ивановская железная дорога», напечатанной в «Московских ведомостях» № 66 23 марта 1867 г. и посланной Энгельсу С. Боркхеймом 11 апреля 1867 г. Позднее в письмах к Энгельсу от 19 января и 26 апреля 1869 г. Боркхейм обращался с просьбой указать литературу о русских железных дорогах, а затем подтверждает получение от Энгельса соответствующих данных о стоимости постройки железных дорог [8].

Таким образом, можно полагать, что в период между 1863 и 1867 г. Энгельс для возобновления своих знаний русского языка начал читать «Тюрьму и ссылку». Но следует считать более вероятным, что, узнав в октябре 1869 г. о начале занятий Маркса русским языком, Энгельс послал ему книгу Герцена, сделав для него подробные словарные записи на первых пяти страницах и познакомив его тем самым со своей методикой работы над переводом. В пользу этой версии говорит именно то обстоятельство, что Энгельс оставил свои записи только на нескольких страницах, явившихся как бы образцом для Маркса.

Время работы Маркса над книгой датируется довольно точно: ноябрь 1869—9 января 1870 г. Известно, что Маркс приступил к изучению русского языка после получения книги В. В. Берви (Н. Флеровского) «Положение рабочего класса в России», которая была послана ему из Петербурга Н. Ф. Даниельсоном 30 сентября (12 октября) 1869 г. и о получении которой Маркс сообщает Энгельсу 23 октября 1869 г. [9]

Именно к этому времени следует отнести начало чтения книги Герцена, которая не могла не интересовать Маркса и по содержанию. Ею он воспользовался для практики в чтении на русском языке, тем более что на полях первых страниц книги была выписана уже часть слов, переведенных Энгельсом. В конце книги на с. 196 имеется запись Маркса: «Finished 9 January 1870» («Закончено 9 января 1870 г.»).

22 января Маркс писал Энгельсу: «Итак, Герцен умер. Как раз примерно в то время, когда я закончил «Тюрьму и т. д.» [10]

Книга содержит физических страниц — 204, формат — 183×113 мм. В сохранившейся части книги отсутствуют обложка, титульный лист и с. III—IV с вступлением автора. Печатный текст имеется на всех страницах книги, кроме страниц 184, 186, 197, 199, 201 и 202. На с. 185 — печатный текст: «Приложение». Изложение заканчивается на с. 196. На с. 198 (с архивной пагинацией «Hrz 197») — оглавление, на с. 200 («Hrz 198») — в середине —

издательский текст: «Лондонъ, вольная русская книгопечатня. 38, Regent Square». Книга в целом состоит из двенадцати глав и приложения.

Страницы книги пожелтели. Текст ее, за исключением обложки, титульного листа и вступления автора, сохранился целиком, но края почти всех страниц потрепаны, местами выкрошены вместе с частью записей Маркса и Энгельса на полях. Исчезнувший текст реконструирован и приводится в квадратных скобках.

Многочисленные пометки и словарные записи Маркса и Энгельса сделаны на русском, немецком, французском, английском, латинском и древнегреческом языках. Для этих записей Маркс использовал черные чернила (темные), простой черный карандаш, красный карандаш. Энгельс — черные чернила более светлого оттенка.

Как уже указывалось, в публикацию включены пометки Маркса и Энгельса, сделанные лишь на страницах первой главы книги Герцена «Тюрьма и ссылка». Маргиналии Маркса к остальным одиннадцати главам носят в основном такой же характер. Каждая из четырнадцати страниц первой главы воспроизводится в публикации вместе с расшифровкой пометок Маркса и Энгельса. Для удобства ориентации расшифровка записей Энгельса дается слева от текста, Маркса — справа. Проставленные над словами ударения были сделаны Марксом или Энгельсом.

Публикацию подготовил Б. М. Рудяк.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] IISG. Amsterdam. Sign. $\frac{R\ 249}{267}$

[2] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2542.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 27. С. 159.

[4] Там же. Т. 28. С. 30.

[5] См. там же. С. 105, 432—433, 486.

[6] См. там же. С. 508—509.

[7] Там же. Т. 30. С. 268.

[8] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1950, 1985.

[9] См.: Маркс, Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 167—168; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 302.

[10] Там же. С. 350.

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС

Пометки и словарные записи на страницах из I главы книги А. И. Герцена «Тюрьма и ссылка»

ЭНГЕЛЬС | МАРКС

1.

Пророчество[1.] *— Арестъ Н.— Пожаръ*[2.] *— Московскій либералъ — М. Ф. Орловъ — Кладбище.*[3.]

1. **Prophezeiung.**
2. **Feuersbrunst.**
3. **Kirchhof.**

...Разъ [1.] весною 1834 года ● пришелъ ● ●

(αὖροξ)

я утромъ къ Вадиму; ни его не было дома, ни его братьевъ и сестеръ. Я взошéлъ[2.] на верхъ, въ небольшую[3.] комнату его и сѣлъ[4.] писать.

1. **ein Mal.**
2. **monter.**
3. **klein (non-major) a minor**
4. **сѣсть sich setzen.**

● *годъ* Jahr

● ● придти приходить.

[ве]сна Frühjahr.

верхъ

[ei]g[en]tlich Dach.

Дверь[1.] тихо[2.] отворúлась[3.] и взошла старушка, мать Вадима; шаги[4.] ея были едва слышны[5.], она подошлá[6.] ус<u>тáло</u>[7.], болѣзненно[8.] къ кресламъ и сказала мнѣ, садясь въ нихъ: Пишите[9.], пишите — я пришла взглянуть[10.] не воротúлся[11.] ли Вадя, дѣти

1. **Thür.**
2. **leise.**
3. **sich öffnen.**
4. **Schritte**
5. **hörbar.**
6. **sich nähern.**
7. **matt, müde.**
8. **kränklich, leidend, schwach**
9. **Écrivez.**
10. **sehen**
11. **-ся zurückkehren.**

12.—13. jenen freien Platz hinab?
14. mir wurde
15. schwermüthig
16. сидъть, sitzen, verweilen
17. stören (eig. mengen, mêler)

пошли́ гуля́ть, внизу́ [12.] такая пустота́ [13.], мнѣ сдѣлалось [14.] грустно [15.] и страшно, я посижу́ [16.] здѣсь, я вамъ не мѣшаю [17.], дѣлайте своё дѣло.

18. nachdenklich.
19. gewöhnlich
20. Abglanz, Reflex
21. hinausgetragen
22. war sichtbar

1. vergangen.
2. verdächtig, argwöhnisch.
3. Furchtsamkeit.
4. zukünftig.
5. Mißtrauen
6. übrig bleiben
7. groß
8. häufig.
9. Leiden.

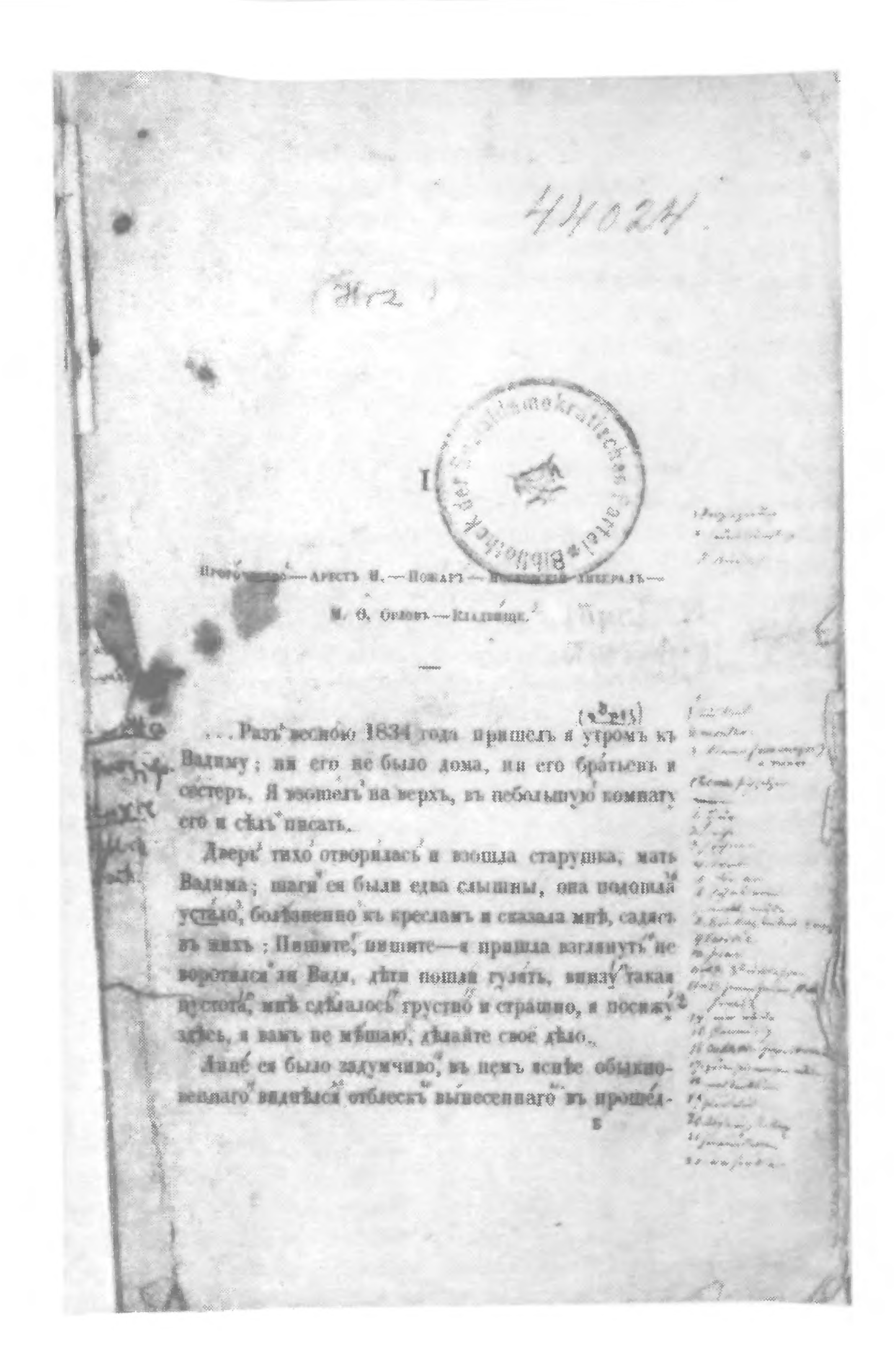
Лицé ея было задумчиво [18.], въ немъ яснѣе обыкновеннаго [19.] виднѣлся [22.] отблескъ [20.] вы́несеннаго [21.] въ прошéдшемъ [1.] и та подозрительная [2.] робость [3.] къ будущему [4.], то недовѣрiе [5.] къ жизни, которое всегда ● остаётся [6.] послѣ большихъ [7.], долгихъ и многочисленныхъ [8.] бѣдствiй [9.].

● toujours

---

1. sich begeben, einem zukommen.
2. im Übermaß leiden, erdulden.
3. hinzufügen.
4. schütteln mit etwas.
5. spüren, riechen, empfinden, *wittern*.

Мы разговорились. Она разсказывала что-то о Сибири.— Много, много пришлось [1.] мнѣ перестрадать [2.], что то еще придется увидѣть, прибавила [3.] она, качая [4.] головой — хорошаго ничего не чуетъ [5.] сердце.

I

Предсказаніе — Арестъ Н. — Пожаръ — Московскій либералъ — М. Ѳ. Орловъ — Кладбище.

—

...Разъ весною 1834 года пришелъ я утромъ къ Вадиму; ни его не было дома, ни его братьевъ и сестеръ. Я взошелъ на верхъ, въ небольшую комнату его и сѣлъ писать.

Дверь тихо отворилась и взошла старушка, мать Вадима; шаги ея были едва слышны, она подошла устало, болѣзненно къ кресламъ и сказала мнѣ, садясь въ нихъ: Пишите, пишите — я пришла взглянуть не воротился ли Вадя, дѣти пошли гулять, внизу такая пустота, мнѣ сдѣлалось грустно и страшно, я посижу здѣсь, я вамъ не мѣшаю, дѣлайте свое дѣло.

Лице ея было задумчиво, въ немъ яснѣе обыкновеннаго видѣлся отблескъ вынесеннаго въ прошед-

в

Пометки К. Маркса и Ф. Энгельса
на книге А. И. Герцена «Тюрьма и ссылка»

---

1. 2. manches Mal
3. verwegen, kühn.
4. werden
5. blässer
6. leise, langsam
7. seufzen
8. weggehen

Я вспомнилъ какъ старушка, иной[1] разъ[2] слушая наши смѣлые[3] разказы и демагогическiе разговоры, станови́лась[4] блѣднѣе[5], тихо[6] вздыха́ла[7], уходи́ла[8] въ другую комнату, и долго не говорила ни слова.

---

1. fortfahren, fortsetzen
[2]. aufrichtig, gerade
3. Weg
4. Verderben.
5. zu Grunde richten, unglücklich machen.
6. in der That.
7. rollen, fließen.
8. hager
9. Wange

— Вы, продолжа́ла[1] она, и ваши друзья́, вы идете вѣрной[2] доро́гой[3] къ ги́бели[4]. Погуби́те[5] вы Вадю, себя и всѣхъ; я вѣдь[6] и васъ люблю какъ сына. Слеза кати́лась[7] по исхуда́лой[8] щекѣ[9].

---

1. nehmen
2. sich bemühen
3. lächeln.
4. hinzufügen.
5. se fâcher.
6. verstimmt, gereizt, afficirt
7. begreifen.

■ für euch gibt es keinen andern (Weg) und gäbe es einen, so wäret Ihr alle nicht diejenigen die Ihr seid.

Я молчалъ. Она взя́ла[1] мою руку и, стара́ясь[2] улыбну́ться[3], приба́вила[4]: Не сердитесь[5], у меня нервы растро́ены[6]; я всё понимаю[7], идите вашей дорогой, для васъ нѣтъ другой, а еслибъ была, вы всѣ были бы не тѣ ■ Я знаю это, но не могу переси-

8. bezwingen.
9. Furcht.
10. ertragen.
11. es fehlt an... (deest)
12. ansehen — (voyez, prenez garde)
13. empfindlich werden.
14. überreden
15. eilig
16. abwischen
17. bittend.
18. arm, unglücklich
19. wie! sollte es sein?
20. stehn — dafür stehn — aufwiegen.
21. eilig, rasch.
22. sich erfüllen.
23. zum Glück.

лить[8.] страхъ[9.], я такъ много перенесла[10.] несчастій, что на новыя недостаётъ[11.] силъ. Смотрите[12.], вы ни слова не говорите Вадѣ объ этомъ, онъ огорчится[13.], будетъ меня уговоривать[14.] ... вотъ онъ, прибáвила старушка поспѣшно утирая[16.] слезы и прося́[17.] еще разъ взглядомъ ● чтобъ я молчалъ.

● вз[г]ля[дъ] regard coup d'[oeil]

Бѣдная[18.] мать! Святая, великая женщина! Неужéли[19.] это не стоитъ[20.] корнелевскаго «qu'il mourût!» Пророчество ея скоро[21.] сбылось[22.]; посчастію[23.] на

3

1. Gelegenheit.
2. vorbeigehen.
3. Familie.
4. lernen, kennenlernen, sich gewöhnen.

первый случай[1.], гроза пронеслась[2.] надъ головой ея семьи[3.], но много набралась[4.] бѣдная горя и страху.

[г]ope Elend

---

1. was gibts.
2. fragen
3. aufspringen
4. betasten.
5. ankommen, kommen.
6. durch, während

— Какъ взяли?[1.] спрáшивалъ[2.] я, вскочивъ[3.] съ постѣли и щупая[4.] голову чтобъ знать, сплю я или нѣтъ.
— Полицмейстеръ прiѣзжáлъ[5.] ночью, часа черезъ[6.] два послѣ того какъ вы ушли отъ насъ, съ кварталь-

7. ergreifen, saisiren.
8. Papiere
9. den Herrn (accus.)
10. habe fortgebracht.
11. Veranlassung
12. erfinden.
13. nur, so eben.
14. ankommen, kommen

нымъ и казаками, забрáлъ[7.] бумáги[8.] и бáрина[9.] увéзъ[10.].

Это былъ камердинеръ Н. Я не могъ понять какой пóводъ[11.] вы́думала[12.] полиція, въ послѣднее время всё было тихо. Н. только[13.] за день пріѣхалъ[14.] .....и отчего же его взяли, а меня нѣтъ?

---

1. faltend.
2. es geht nicht an
3. sich anziehen, ankleiden
4. bestimmt.
5. Ziel.
6. fallen, part. pr. act.
7. selten
8. ja selbst.
9. j'eus mal au coeur.
10. quälen
11. Ohnmacht.

Сложа[1.] руки нельзя́[2.] было оставаться[a)], я одѣлся[3.], и вышелъ изъ дому безъ опредѣленной[4.] цѣли[5.] Это было первое несчастіе падавшее[6.] на мою голову. Я любилъ Н. страстно, какъ рѣдко[7.] любятъ другъ друга даже[8.] въ юности. Мнѣ было скверно[9.], меня му́чило[10.] мое безсиліе[11.].

[a)] ergeben werden.

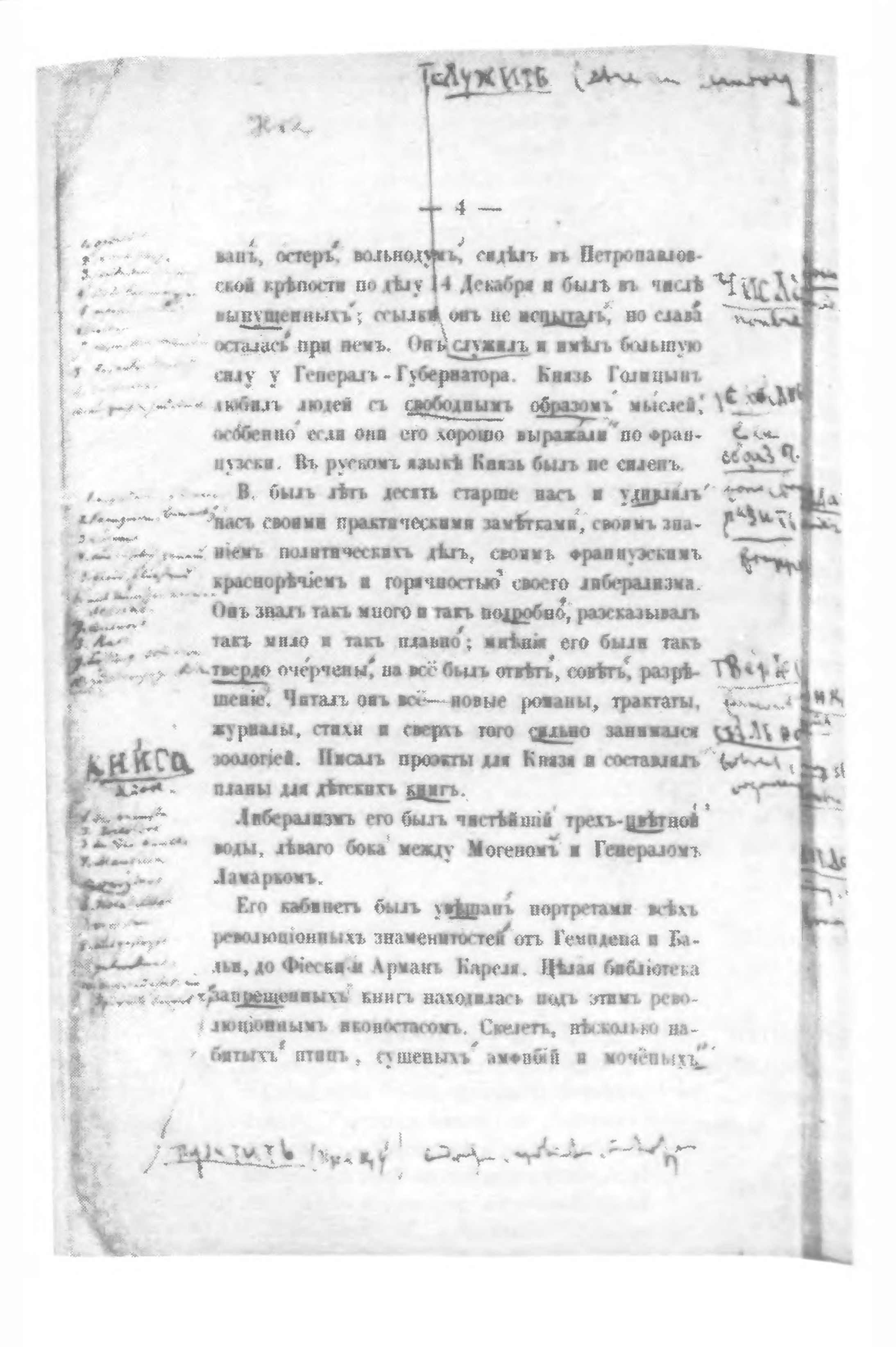
1. herumirren
2. gesellschaftlich
3. Stellung.
4. stellen, setzen, bringen.
5. Möglichkeit.
6. vielleicht.
7. Hülfe, Beistand.
8. сѣсть sich setzen.
9. galoppiren.

Бродя́[1.] по улицамъ, мнѣ наконецъ пришелъ въ голову одинъ пріятель, котораго общественное[2.] положеніе[3.] ставило[4.] въ возможность[5.] узнать въ чемъ дѣло, а можетъ[6.] и помочь[7.]. Онъ жилъ страшно далёко, на дачѣ за Воронцовскимъ полемъ; я сѣлъ[8.] на перваго извощика и поскакалъ[9.] къ нему. Это былъ часъ седьмой утра.

---

1. anderthalb.

Года за полтора́[1.] передъ тѣмъ, по-

— 4 —

ванъ, остеръ, вольнодумъ, сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 Декабря и былъ въ числѣ выпущенныхъ; ссылки онъ не испыталъ, но слава осталась при немъ. Онъ служилъ и имѣлъ большую силу у Генералъ-Губернатора. Князь Голицынъ любилъ людей съ свободнымъ образомъ мыслей, особенно если они его хорошо выражали по французски. Въ русскомъ языкѣ Князь былъ не силенъ.

В. былъ лѣтъ десять старше насъ и удивлялъ насъ своими практическими замѣтками, своимъ знаніемъ политическихъ дѣлъ, своимъ французскимъ краснорѣчіемъ и горячностью своего либерализма. Онъ зналъ такъ много и такъ подробно, разсказывалъ такъ мило и такъ плавно; мнѣнія его были такъ твердо очерчены, на всё былъ отвѣтъ, совѣтъ, разрѣшеніе. Читалъ онъ всё — новые романы, трактаты, журналы, стихи и сверхъ того сильно занимался зоологіей. Писалъ проэкты для Князя и составлялъ планы для дѣтскихъ книгъ.

Либерализмъ его былъ чистѣйшій трехъ-цвѣтной воды, лѣваго бока между Могеномъ и Генераломъ Ламаркомъ.

Его кабинетъ былъ увѣшанъ портретами всѣхъ революціонныхъ знаменитостей отъ Гемпдена и Бальи, до Фіески и Арманъ Кареля. Цѣлая библіотека запрещенныхъ книгъ находилась подъ этимъ революціоннымъ иконостасомъ. Скелетъ, нѣсколько набитыхъ птицъ, сушеныхъ амфибій и мочёныхъ

Пометки К. Маркса и Ф. Энгельса на книге А. И. Герцена «Тюрьма и ссылка»

2. in seiner Art.
3. erzogen werden

знакомились мы съ В.-В. былъ своего рода [2] левъ въ Москвѣ. Онъ воспитывался [3] въ Парижѣ, былъ богатъ, ● уменъ, образо-

● riche

4

1. gebildet.
2. witzig, scharf.
3. freidenkend, freisinnig
4. aus der Haft entlassen.
5. erfahren, erdulden.
6. bleiben
7. Form, Art, manière
8. Gedanke, Meinung.
9. besonders
10. aussprechen, sich ausdrücken

ванъ [1], óстеръ [2], вольнодумъ [3], сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 Декабря и былъ въ числѣ выпущенныхъ [4]; ссылки онъ не испыталъ [5], но слава осталась [6] при немъ. Онъ служилъ ● и имѣлъ большую силу у Генералъ-Губернатора. Князь Голицынъ любилъ людей съ свободнымъ образомъ [7] мыслей [8], осóбенно [9] если они его хорошо выражáли [10] по французски. Въ рускомъ языкѣ Князь былъ не силенъ.

числó nombre
● *служить* (être au service)
свободны[й] liber
образъ forme, fi[gure]
разить frapp[er]

1. erstaunen, étonner.
2. Kennzeichen, Bemerkung?
3. Wärme.
4. ausführlich, genau.
5. gleich, fließend.
6. mit Umrissen versehen dessiné.
7. Antwort.
8. Rath.
9. Lösung, solution.
10. zusammensetzen, bilden

В. былъ лѣтъ десять старше насъ и удивля́лъ [1] насъ своими практическими замѣтками [2], своимъ знаніемъ политическихъ дѣлъ, своимъ французскимъ краснорѣчіемъ и горячностью [3] своего либерализма. Онъ зналъ такъ много и такъ подробно [4], разсказывалъ такъ мило и такъ плавно [5]; мнѣнія его были такъ твердо очéрчены [6], на всё былъ отвѣтъ [7], совѣтъ [8], разрѣшеніе [9]. Читалъ онъ всё — новые романы, трактаты, журналы, стихи и сверхъ того сильно занимался зоологіей. Писалъ проэкты для Князя и составлялъ [10] планы для дѣтскихъ книгъ.

твéрдо fermement

си́льно fortement vigoureus[ement]
книга Livre.

1. der reinste
2. tricolore
3. du côté gauche.
4. Mauguin.
5. verziert.
6. Notabilität.
7. verboten.
8. ausgestopft.
9. getrocknet.
10. angefeuchtet, im Spiritus bewahrt?

Либерализмъ его былъ чистѣйшій [1.] трехъ-цвѣтной [2.] воды, лѣваго бока [3.] между Могеномъ [4.] и Генераломъ Ламаркомъ.

Его кабинетъ былъ увѣшанъ [5.] портретами всѣхъ революціонныхъ знаменитостей [6.] отъ Гемпдена и Бальи, до Фіески (!) и Арманъ Кареля. Цѣлая библіотека запрещенныхъ [7.] ● книгъ находилась подъ этимъ революціоннымъ иконостасомъ. Скелетъ, нѣсколько набитыхъ [8.] птицъ, сушеныхъ [9.] амфибій и мочёныхъ [10.]

● ***претить (прещу)*** **bedrohen, verbieten, untersagen.**

5

1. Eingeweide.
2. auf etwas werfen
3. sérieux
4. Anschauung, contemplation.
5.
6. erhitzend.

внутренностей [1.] — набрасывали [2.] серьезный [3.] колоритъ думы и созерцанія [4.] ● на слишкомъ [5.] горячительный характеръ кабинета.

Мы съ завистью посматривали на его опытность и знаніе людей; его тонкая ироническая манера возражать имѣла на насъ большое вліяніе. Мы на него смотрѣли какъ на *дѣлового* революціонера, какъ на государственнаго человѣка in spe.

Я не засталъ В. дома. Онъ съ вечера уѣхалъ въ городъ для свиданія съ Княземъ, его камердинеръ сказалъ, что онъ непремѣнно будетъ часа черезъ полтора домой. Я остался ждать.

Дача занимаемая В. была превосходна. Кабинетъ, въ которомъ я дожидался былъ обширенъ, высокъ и au rez-de chausée, огромная дверь вела на терасу и въ садъ. День былъ жаркій, изъ сада пахло деревьями и цвѣтами, дѣти играли передъ домомъ, звонко смѣясь. Богатство, довольство, просторъ [1)], солнце и тѣнь, цвѣты и зелень ... а въ тюрьмѣ-то узко [2)], душно [3)] темно [4)]. Не знаю, долго ли я сидѣлъ погруженный въ горькія мысли, какъ вдругъ камердинеръ съ какимъ то страннымъ

●**ad 4)** ***зръ[т]ь [д]ума, мы,*** **[pe]nsée, idee.**

[св]иданіе **[r]endez-vous**

пах[н]уть **sentir bon ou mauvais.**

[зв]онко ***laut***

1) ***Geräumigkeit***

[2)] ***eng***

3) ***dämpfig***

[4)] ***[s]ombre.***

одушевленіемъ[5] позвалъ меня съ терасы.

— Что такое? спросилъ я.

— Да пожалуйте сюда, взгляните.

Я вышелъ, не желая его обидѣть, на терасу — и обомлѣлъ[a]. Цѣлый полукругъ домовъ пылалъ, точно будто всѣ они загорѣлись въ одно время. Пожаръ разростался съ невѣроятной скоростью.

[оду]шевленіе [Begeiste]rung, Beseelung, [Au]fregung.

a) *млѣть* betäubt werden, erstarren, in Ohnmacht fallen.

6

Я остался на терасѣ; зрѣлище[a] разрушенія и дикой силы было мнѣ по душѣ. Камердинеръ смотрѣл съ какимъ-то нервнымъ удовольствіемъ на пожаръ, приговоривая: Славно забираетъ — вотъ и этотъ домъ на право загорится, непремѣнно загорится.

a) *зрѣть* sehn.

Пожаръ имѣетъ въ себѣ что-то революціонное, онъ смѣется надъ собственностью, нивелируетъ состоянія. Камердинеръ инстинктомъ понялъ это.

Черезъ полчаса времени, четверть[1] небосклона покрылась[2] дымомъ[3], краснымъ внизу и сѣрочернымъ сверху. Въ этотъ день выгорѣло Лефортово. Это было начало тѣхъ зажигательствъ, ● которыя продолжались мѣсяцевъ пять — объ нихъ мы еще будемъ говорить.

1) *Viertel Kreis* (Provinz)

2) *покрыт[ь]* couvrir

3) *дымъ* Rauch.

● *жечь* *[с]жигат[ь]* (brennen)

Наконецъ пріѣхалъ и В. Онъ былъ въ ударѣ, милъ, привѣтливъ[4], разсказалъ мнѣ о пожарѣ мимо котораго ѣхалъ, объ общемъ говорѣ что это поджегъ и полушутя прибавилъ: Пугачевщина-съ, вотъ посмотрите и мы съ вами не уйдемъ, посадятъ насъ на колъ.

4) *affable*

— Прежде нежели[5] посадятъ насъ на колъ, отвѣчалъ я, боюсь чтобъ не посадили на цѣпь. Знаете ли вы, что сегодня ночью полиція взяла Н.?

5) *que*

— Полиція? Что вы говорите?

— Я за этимъ къ вамъ пріѣхалъ. Надобно[6] что нибудь сдѣлать, съѣздите къ Князю, узнайте въ чемъ дѣло, попросите мнѣ дозволенье его увидѣть.

6) *nécessa[ire]*

Не получая отвѣта, я взглянулъ на В., но вмѣсто[7]

7) *au lieu d[e]*

— 7 —

его, былъ его старшій братъ, съ посоловѣлымъ лицомъ, съ опустившимися чертами ... онъ ахалъ и безпокоился.

— Что съ вами?

— Вѣдь вотъ я вамъ говорилъ, всегда говорилъ, до чего это доведетъ ... да, да, этого надобно было ждать, прошу покорно — ни тѣломъ, ни душой невиноватъ, а и меня пожалуй посадятъ — эдакъ шутить нельзя, я знаю что такое казематы.

— Поѣдете вы къ Князю?

— Помилуйте, за чѣмъ же это; я вамъ совѣтую дружески, и не говорите объ И., живите какъ можно тише, а то худо будетъ. Вы не знаете какъ эти дѣла опасны — мой искренній совѣтъ, держите себя въ сторонѣ; тормашитесь какъ хотите, И. не поможете, а сами попадетесь. Вотъ оно самовластье, — какія права, какая защита, есть что ли адвокаты, судьи?

На этотъ разъ я не былъ расположенъ слушать его смѣлыя мнѣнія и рѣзкія сужденія. Я взялъ шляпу и уѣхалъ.

Дома я засталъ всё въ волненіи. Уже отецъ мой былъ сердитъ на меня, за взятіе И., уже Сенаторъ былъ на лицо, рылся въ моихъ книгахъ, отбиралъ по его мнѣнію опасныя и былъ недоволенъ.

На столѣ я нашелъ записку отъ Генерала Орлова, онъ звалъ меня обѣдать. Не можетъ ли онъ чего нибудь сдѣлать? Опытъ съ Вѣхою меня не проучилъ, но всё же — попытка не шутка и спросъ не бѣда.

Пометки К. Маркса на книге А. И. Герцена «Тюрьма и ссылка»

7

его, былъ его старшій братъ, съ посоловѣлым ● лицомъ, съ опустившимися чертами[1] ... онъ ахалъ и безпокоился.

— Что съ вами?

— Вѣдь вотъ я вамъ говорилъ, всегда говорилъ, до чего это доведетъ ... да, да, этого надобно было ждать[2], прошу покорно[3] — ни тѣломъ, ни душой невиноватъ[4], а и меня пожалуй[5] посадятъ — эдакъ шутить[6] нельзя, я знаю что такое казематы.

— Поѣдите вы къ Князю?

— Помилуйте, за чѣмъ же это; я вамъ совѣтую дружески, и не говорите объ Н., живите какъ можно тише, а то худо[7] будетъ. Вы не знаете какъ эти дѣла опасны — мой искренній[8] совѣтъ, держите себя въ сторонѣ; тормашитесь какъ хотите, Н. не поможете, а сами попадетесь. Вотъ оно самовластье,— какія права, какая защита, есть что ли адвокаты, судьи?

● соловый isabelle[n] farbig
1) *чертà* trait.
2) *attendre*
3) *humblement*
4) an Leib und Seele unschuldig
[5)] ich bitte Sie, [f]aites [-]moi la grâce.
6) *scherzen.*
7) übel, bös.
[8]) redlich, aufrichtig

На этотъ разъ я не былъ расположенъ слушать его смѣлыя[9] мнѣнія и рѣзкія[10] сужденія[11]. Я взялъ шляпу и уѣхалъ.

Дома я засталъ всё въ волненіи. Уже отецъ мой былъ сердить на меня, за взятіе Н., уже Сенаторъ былъ на лице, рылся въ моихъ книгахъ, отбиралъ по его мнѣнію опасныя и былъ недоволенъ.

На столѣ я нашелъ записку отъ Генерала Орлова, онъ звалъ меня обѣдать. Не можетъ ли онъ чего нибудь сдѣлать? Опытъ съ В. хотя[12] меня и проучилъ[13], но всё же — попытка не шутка ● и спросъ[14] не бѣда[15].

9) *kühn*
10) schneidend.
11) Tadel.
12) *quoique,* bien que
13) *belehrte*
● *raillerie*
14) *Frage, Erlaubniß.*
15) *malheur.*

8

Михаилъ Федоровичъ Орловъ былъ одинъ изъ основателей знаменитаго Союза Благоденствія и если онъ не попалъ[1] въ Сибирь, то это не его вина[2], а его брата, пользующагося[3] особой[5] дружбой[6] Николая и который первый прискакалъ

1) *gerathen, gekommen.*
2) Ursache, Schu[ld]
3) der *benutzte, nützlich v.[on]*
5) *осóба* Person.
6) *дрýжба* amitié.

съ своей Конной Гвардіей на защиту Зимняго Дворца[7] 14 Декабря. Орловъ былъ посланъ въ свои деревни, черезъ нѣсколько лѣтъ ему позволено было поселиться въ Москвѣ. Въ продолженіе[8] уединенной жизни своей въ деревнѣ, онъ занимался политической экономіей и химіей. Первый разъ когда я его встрѣтилъ, онъ толковалъ о новой химической номенклатурѣ. У всѣхъ энергическихъ людей, поздно[9] начинающихъ[10] заниматься какой нибудь наукой, является[11] поползновеніе[12] переставлять мебель и распоряжаться по своему. Номенклатура его была сложнѣе[13] общепринятой французской. Мнѣ хотѣлось обратить его вниманіе и я въ родѣ captatio benevolentiae сталъ доказывать ему что номенклатура его хороша, но что прежняя лучше.

Орловъ поспорилъ — потомъ согласился.

7) *дворец[ъ]* Schloß, pal[ais].
8) *Dauer.*
9) spät, tardivement.
10) *beginne[n], entreprend[re].*
11) *se manifeste*
12) *Versuchu[ng]*
13) zusammengesezter, plus compliquée

Мое кокетство удалось, мы съ тѣхъ поръ[14] были съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Онъ видѣлъ во мнѣ восходящую возможность, я видѣлъ въ немъ ветерана нашихъ мнѣній, друга нашихъ героевъ, благородное явленіе въ нашей жизни.

Бѣдный Орловъ былъ похожъ[15] на льва въ клѣткѣ. Вездѣ стукался онъ въ рѣшетку, нигдѣ не было ему простора, ни дѣла, а жажда[16] дѣятельности его снѣдала[17].

14) Zeit.
15) ähnlich.
16) Durst.
17) *verze[hrte] ih[n]*

9

Послѣ паденія Франціи, я не разъ встрѣчалъ людей этаго рода, людей разлагаемыхъ ● потребностью[1] политической дѣятельности[2] и неимѣющихъ[3] возможности[4] найтиться въ четырехъ стѣнахъ кабинета или семейной жизни. Они не умѣютъ быть одни; въ одиночествѣ на нихъ нападаетъ хандра, они становятся капризны, ссорятся[5] съ послѣдними

● *ложить* (лагать)
1) Bedürfniß.
2) activité.
3) nicht habend.
4) possibilité.
сем[ь]я Familie
[5)] se brouiller.

друзьями, видятъ вездѣ интриги противъ себя и сами интригуютъ чтобъ раскрыть[6] всѣ эти несуществующія ● козни.

6) ouvrir, découvrir.
● nichtexistirende.
(кознъ embache)

Имъ надобна какъ воздухъ[7], сцена и зрители; на сценѣ они дѣйствительно герои и вынесутъ невыносимое[8]. Имъ необ-

7) *Luft*
8) *unerträgliches.*

— 9 —

Послѣ паденія Франціи, я не разъ встрѣчалъ людей этаго рода, людей разлагаемыхъ потребностью политической дѣятельности и неимѣющихъ возможности найтиться въ четырехъ стѣнахъ кабинета или семейной жизни. Они не умѣютъ быть одни; въ одиночествѣ на нихъ нападаетъ хандра, они становятся капризны, ссорятся съ послѣдними друзьями, видятъ вездѣ интриги противъ себя и сами интригуютъ чтобы раскрыть всѣ эти несуществующія козни.

Имъ надобна какъ воздухъ, сцена и зрители; на сценѣ они дѣйствительно герои и выносутъ невыносимое. Имъ необходимъ шумъ, громъ, трескъ, имъ надобно произносить рѣчи, слышать возраженія враговъ, имъ необходимо раздраженіе борьбы, лихорадка опасности — безъ этихъ конфортативовъ они тоскуютъ, вянутъ, опускаются, тяжелѣютъ, рвутся вонъ, дѣлаютъ ошибки. Таковъ Ледрю Ролленъ, который кстати и лицемъ напоминаетъ Орлова, особенно съ тѣхъ поръ какъ отростилъ усы.

Онъ былъ очень хорошъ собой; высокая фигура его, благородная осанка, красивые мужественные черты, совершенно обнаженный черепъ, и все это вмѣстѣ стройно соединенное, сообщали его наружности неотразимую привлекательность. Его бюстъ pendant бюсту А. П. Ермолова, которому его насупленный четвероугольный лобъ, шалашъ сѣдыхъ волосъ и взглядъ пронизывающій даль, придавали

Пометки К. Маркса на книге А. И. Герцена «Тюрьма и ссылка»

ходимъ[9)] шумъ[10)], громъ[11)], трескъ[12)], имъ надобно произносить[13)] рѣчи, слышать возраженія враговъ, имъ необходимо раздраженіе борьбы[14)], лихорадка[15)] опасности[16)] — безъ этихъ конфортативовъ они тоскуютъ[17)], вянутъ[18)], опускаются[19)], тяжелѣютъ[20)], рвутся[21)] вонъ, дѣлаютъ ошибки. Таковъ Ледрю Ролленъ, который кстати и лицемъ напоминаетъ Орлова, особенно съ тѣхъ поръ какъ отростилъ усы[22].

Онъ былъ очень хорошъ собой; высокая фигура его, благородная осанка[23)], красивыя[24)] мужественныя[25)] черты, совершенно[26)] обнаженный[a)] черепъ[27)], и всё это вмѣстѣ стройно[28)] соединенное[29)], сообщали его наружности[30)]

[9])indispensable.
10) Lärm.
11) Donner.
12) Geprassel.
13) prononcer.
[14]) *бор[ь]ба* [l]a lutte, le combat.
15) Fieber.
16) Gefahr.
17) s'inquiéter, se chagriner.
[1]8) vertrocknen, verwelken.
19) erschlaffen, herunterfallen.
20) s'appésantir.
21) sich zerreissen.
стричь scheeren.
22) *усъ* Schnurrbart.
23) Gestalt, Ansehn.
24) schön. charmant.
[25) m]ännlich.
26) vollkommen, vollständig.
a) *обнажать (жит[ь])* entkleiden, ausziehen.
27) Hirnschädel. *черепъ* = *Cranis*
[2]8) gleich, harmonisch.
29) verbunden, vereinigt.

неотразимую привлекательность. ● Его бюстъ pendant бюсту А. П. Ермолова, которому его насупленный[31] четвероугольный лобъ, шалашъ[32] сѣдыхъ волосъ[33] и взглядъ[34] пронизывающій[35] даль[36], придавали[37]

30) apparence, déhors.
отразить wiederlegen, zurückstossen.
● *влечь, влекать.*
31) sauertöpfisch. (avec une mine sombre)
32) Hütte, Strohhütte.
33) Haar.
34) Blick.
35) durchdrängeln.
36) Weite, Ferne.
37) ajouter, joindre.

10

ту красоту[1] вождя[2] состарѣвшагося на полѣ брани, которую любила Марія Кочубей въ Мазепѣ.

Отъ скуки Орловъ не зналъ что начать. Пробывалъ онъ и хрустальную фабрику заводить, на которой дѣлались средневѣковыя[3] стекла[4] съ картинами, обходившіяся ему дороже, нежели онъ ихъ продавалъ, и книгу онъ принимался писать «о кредитѣ» — нѣтъ не туда рвалось сердце, но другаго выхода[5] не было. Левъ былъ осужденъ[6] праздно[7] бродить[8] между Арбатомъ и Басманной, не смѣя даже давать волю своему языку[9].

Смертельно жаль было видѣть Орлова усиливавшагося сдѣлаться ученымъ[10], теоретикомъ. Онъ имѣлъ умъ ясный и блестящій, но вовсе не спекулативный, и тутъ онъ путался въ разныхъ новоизобрѣтенныхъ системахъ на давнознакомые предметы — въ родѣ химической номенклатуры. Всё отвлеченное ему рѣшительно[11] не удавалось, но онъ съ величайшимъ[12] ожесточеніемъ[15] возился съ Метафизикой.

1) Schönheit.
2) Feldherrn.
3) moyen-altrig
4) *стекло́* verre. tableau.
5) sortie.
6) condamé
7) leer. müssig.
8) errer
9) langue.
10) précepteur, enseignant.
11) d'une manière décidée.
12) le plus gr[and]
15) endurcissement de coeur. (soll Erbitterung! heißen)

Неосторожный[16], невоздержный[17] на языкъ, онъ безпрестанно дѣлалъ ошибки; увлекаемый[18] первымъ впечатлѣніемъ, которое у него было рыцарски[19] благородно[20], онъ вдругъ вспоминалъ свое положеніе и сворачивалъ[21] съ полъ-дороги. Эти дипломатическіе контръ марши ему удавались еще меньше Метафизики и номенклатуры; и онъ заступивъ за одну постромку, заступалъ за двѣ, за три, стараясь[22] выправиться[23]. Его бранили за это; люди такъ поверхностны

16) indiscre[t]
17) intempé[ré], (déréglé)
18) fortgeris[sen.]
19) impression.
19) ritterlich.
20) nobleman.
21) umkehren
22) sich bemühn.
23) justifier, redresser, effacer.

11

и невнимательны[1] что они больше смотрятъ[2] на слова нежели на дѣйствія и отдѣльнымъ[3] ошибкамъ[4] даютъ больше вѣса[5] нежели совокупности[a] всего характера. Что тутъ винить съ натянутой[6] Регуловской точки[7] зрѣнія[8] человѣка! надобно винить грустную[9] среду, въ которой всякое благородное чувство[10] передается какъ контрабанда, подъ полой, да затворивши[11] дверь; а сказалъ слово громко — такъ день цѣлой и[12] думаешь скоро ли придетъ полиція...

1) nicht attentif, soigneux.
2) regarder.
3) séparés.
4) Fehlern.
5) *вѣсъ* poids.
a) Gesellschaft, Gemeinschaft
6) tendu (d[a]h[e]r streng)
7) Punkt, Tüpfelchen.
8) Gesicht, Sehkraft, Ansehn.
9) mélancolique, bedauernswerth.
10) Sinn. sensation. Gefühl.
11) *verschlossenen.*
12) и ainsi, de même.

— Обѣдъ былъ большой. Мнѣ пришлось сидѣть возлѣ Генерала Раевскаго, брата жены[1] Орлова. Раевскій былъ тоже

1) beau frère.

въ опалѣ[2] съ 14 Декабря; сынъ знаменитаго Н. Н. Раевскаго, онъ мальчикомъ четырнадцати лѣтъ находился съ своимъ братомъ подъ Бородинымъ возлѣ отца; въ послѣдствіи онъ умеръ отъ ранъ на Кавказѣ. Я разсказалъ ему объ Н. и спросилъ — можетъ ли и захочетъ ли Орловъ что-нибудь сдѣлать?

Лице Раевскаго подернулось[3] облакомъ[4], но это было не выраженіе[5] плаксиваго самосохраненія[6], которое я видѣлъ утромъ, а какая то смѣсь[7] горькихъ воспоминаній и отвращенія[8].

2) Ungnade.
3) überzog sich, se couvrir d'une peau mince.
4) nuage
5) expression.
6) Selbsterhaltungssucht.
[7]) mélange.
8) l'action de détourner, dégout, aversion.

— Тутъ нѣтъ мѣста[1] хотѣть или не хотѣть, отвѣчалъ онъ, только[2] я сомнѣваюсь чтобъ Орловъ могъ много сдѣлать; послѣ обѣда пройдите въ кабинетъ, я его приведу къ вамъ. Такъ вотъ, прибавилъ онъ помолчавъ, и вашъ чередъ пришелъ; этотъ омутъ[3] всѣхъ утянетъ[4].

1) Platz, Ort.
2) only.
3) eigentlich tiefe Stelle im Fluß etc., fig[ürlich] Strudel.
4) trainer derrière soi.

12

Распросивши меня, Орловъ написалъ письмо къ князю Голицыну, прося его свиданья. Князь, сказалъ онъ мнѣ — порядочный человѣкъ, если онъ ничего не сдѣлаетъ, то скажетъ по крайней мѣрѣ правду.

Я на другой день поѣхалъ за отвѣтомъ. Князь Голицынъ сказалъ, что Н. арестованъ по высочайшему повелѣнію[1], что назначена[2] слѣдственная коммисія и что матеріальнымъ поводомъ былъ какой то пиръ[3] 24 Іюня, на которомъ пѣли[4] возмутительныя пѣсни[5]. Я ничего не могъ понять. Въ этотъ день были именины[6] моего отца, я весь день былъ дома и Н. былъ у насъ.

1) ordre.
2) nommé
3) Schmaus, Gastmahl.
4) *петь* chanter.
5) chants.
6) Namensfest.

Съ тяжелымъ[1] сердцемъ оставилъ я Орлова, и ему было не хорошо, когда я ему подалъ руку, онъ всталъ, обнялъ меня, крѣпко прижалъ къ широкой своей груди[2] и поцѣловалъ[3].

Точно[4] будто онъ чувствовалъ[5], что мы разстаемся на долго.

1) lourd, pesant.
2) Brust
3) küssen.
4) genau, gewiss
5) sentir.

— 13 —

кровь струится изъ раны, въ которой торчитъ обломокъ стрѣлы; онъ положилъ молодецкую голову на лапу, онъ стонетъ, его взоръ выражаетъ нестерпимую боль—кругомъ пусто, внизу прудъ, все это задвинуто горами, деревьями, зеленью; прохожіе идутъ не догадываясь, что тутъ умираетъ царственный звѣрь.

Разъ какъ-то, долго сидя на скамьѣ противъ каменнаго страдальца, я вдругъ вспомнилъ мое послѣднее посѣщеніе Орлову...

Ѣхавши отъ Орлова домой мимо оберъ-полицмейстерскаго дома, мнѣ пришло въ голову попросить у него открытое дозволеніе повидаться съ Н.

Я отроду никогда не бывалъ прежде ни у одного полицейскаго лица. Меня заставили долго ждать, наконецъ оберъ-полицмейстеръ вышелъ.

Мой вопросъ его удивилъ.—Какой поводъ заставляетъ васъ просить дозволеніе?

— Н. мой родственникъ.

— Родственникъ? спросилъ онъ, прямо глядя мнѣ въ глаза.

Я не отвѣчалъ, но также прямо смотрѣлъ въ глаза его превосходительства.

— Я не могу вамъ дать позволенія, сказалъ онъ, вашъ родственникъ au secret. Очень жаль.

—Неизвѣстность и бездѣйствіе убивали меня. Почти никого изъ друзей не было въ городѣ, узнать рѣшительно нельзя было ничего. Казалось, полиція забыла или обошла меня. Очень, очень было скучно.

Пометки К. Маркса на книге А. И. Герцена «Тюрьма и ссылка»

Но когда всё небо заволокло сѣрыми тучами и длинная ночь ссылки и тюрьмы приближалась, свѣтлый лучъ сошелъ на меня.

Нѣсколько словъ глубокой симпатіи, сказанныя семнадцатилѣтней дѣвушкой, которую я считалъ ребенкомъ, воскресили меня.

Первый разъ въ моемъ разсказѣ является женскій образъ... и одинъ женскій образъ является во всей моей жизни.

Мимолетныя, юныя, чистыя, весеннія увлеченія, волновавшія душу, поблѣднѣли и исчезли передъ нимъ какъ туманныя картины — новыхъ, другихъ не пришло.

Мы встрѣтились на кладбищѣ. Она стояла опершись на надгробный памятникъ и говорила объ Н. И грусть моя улеглась.

— До завтра — сказала она и подала мнѣ руку, улыбаясь сквозь слезы.

— До завтра — отвѣтилъ я . . . . . и долго смотрѣлъ вслѣдъ за исчезавшимъ образомъ ея.

Это было девятнадцатаго Іюля 1834.

—

Пометки К. Маркса на книге А. И. Герцена «Тюрьма и ссылка»

Я его видѣлъ съ тѣхъ поръ одинъ разъ, ровно[6] черезъ шесть лѣтъ. Онъ угасалъ. ● Болѣзненное[7] выраженіе, задумчивость[8] и какая-то новая угловатость[9] лица поразили меня; онъ былъ печаленъ[10], чувствовалъ свое разрушеніе[11], зналъ разстройство[12] дѣлъ — и невидѣлъ выхода. Мѣсяца черезъ два онъ умеръ; кровь[13] свернулась въ его жилахъ.

6) xxx
● *угасать* verlöschen, ausgehn.
гасить ver-auslöschen.
7) krankhaft.
8) *Tiefsinn.*
9) Eckigkeit
10) abattu.
11) renversement, ruine.
12) dérangement *разстрой-[ство]* Mißlaut.
13) le sang. Adern.

...Въ Люцернѣ есть удивительный памятникъ[1]; онъ сдѣланъ Торвальдсеномъ въ дикой[2] скалѣ[3]. Въ впадинѣ[4] лежитъ умирающій левъ; онъ раненъ[5] на смерть.

1) Monument.
2) *дикый* sauvage, étrange.
3) *скáла* rocher.
4) *впадина* Höhle.
падина Thal.
падать fallen.
5) *раненый* verwundet.

13

кровь струится изъ раны, въ которой торчитъ[1] обломокъ[2] стрѣлы; онъ положилъ[3] молодецкую голову на лапу[4], онъ стонетъ, его взоръ[5] выражаетъ нестерпимую[6] боль[7] —

1) *таршать* sortir, s'avancer.
2) abgebrochnes Stück.
3) *полагать положить* mettre, poser.
[4]) *лáпа* Pfote, Tatze.
5) Blick.
6) *стерпимый* erträglich

кругомъ пусто, внизу прудъ[8], всё это задвинуто[9] горами, деревьями, зеленью; прохожіе[10] идутъ не догадываясь[12], что тутъ умираетъ царственный звѣрь[13].

стерпѣть souffrir patiemment. *терпѣть* leiden.
7) Schmerz.
8) Teich.
[9]) *задвинуть* [v]orstecken, vorschieben.
10) *прожей* passager *прохóдъ* das Hingehn, le passage.
12) conjecturer, opiner.
13) Thier.

Разъ какъ-то, долго сидя на скамьѣ противъ каменнаго[14] страдальца[15], я вдругъ вспомнилъ мое послѣднее посѣщеніе Орлову...

Ѣхавши отъ Орлова домой мимо оберъ-полицмейстерскаго дома, мнѣ пришло въ голову попросить у него открыто дозволеніе[16] повидаться съ Н.

Я отрóду никогда не бывалъ прежде ни у однаго полицейскаго лица. Меня заставили долго ждать, наконецъ оберъ-полицмейстеръ вышелъ.

14) *камень* Stein.
15) *страдалецъ* Martyr.
16) ouvertement.

Мой вопросъ[1] его удивилъ.— Какой поводъ заставляетъ васъ просить дозволеніе?

— Н. мой родственникъ.

— Родственникъ? спросилъ онъ, прямо[2] глядя[3] мнѣ въ глаза.

Я не отвѣчалъ, но также прямо смотрѣлъ въ глаза его превосходительства.

— Я не могу вамъ дать позволенія, сказалъ онъ, вашъ родственникъ au secret. Очень жаль[4].

— Неизвѣстность[5] и бездѣйствіе убивали[6] меня. Почти никого изъ друзей не было въ городѣ, узнать рѣшительно

нельзя было ничего. Казалось, полиція забыла[7] или обошла[8] меня. Очень, очень было скучно[8].

1) Frage.
[2]) droitement, directement.
3) *глядѣть* gucken, regarder. *Excellence.*
4) *жалѣть* bedauern.
5) *incertitude*
6) *убивать* tuer, assassiner.
7) *забывать* oublier.
8) ennuyant.

14

Но когда всё небо заволокло ● сѣрыми[1] тучами[2] и длинная[3] ночь ссылки и тюрьмы приближалась, свѣтлый лучъ сошелъ на меня.

● *заволочь* mit sich fortziehen, zuheilen (von Wunden) *sich umwölken волочь (волочить)* ziehen, schleppen, tragen.
1) grau.
2) orage. schwarze, dunkle Wol[ken]
3) lang.

Нѣсколько словъ глубокой[4] симпатіи, сказанныя семнадцатилѣтней дѣвушкой, которую я считалъ[5] ребенкомъ[6], воскресили меня.

4) tief.
5) zählen.
6) ребе́нокъ, *робёнкъ* Kind.

Первый разъ въ моемъ разсказѣ является женскій образъ ...и одинъ женскій образъ является во всей моей жизни.

Мимолетныя[1], юныя[2], чистыя[3], весеннія[4] увлеченія[5], волновавшія[6] душу, побледнѣли[7], исчезли[8] передъ нимъ какъ туманныя картины — новыхъ, другихъ не пришло.

Мы встрѣтились на кладбищѣ. Она стояла опершись на надгробный памятникъ и говорила объ Н. И грусть[9] моя улеглась[10].

1) vorbeigeflogen.
2) jugendlich.
3) rein, unbefleckt.
4) Frühlings-
5) weg-fortgeschleppt.
6) Wallungen.
7) erblaßt.
8) verschwunden, vergangen.
9) Melancholie.
10) se calmer, s'apaiser.

— До завтра — сказала она и подала мне руку, улыбаясь сквозь слезы[1].

1) *adv.* à travers, par.

— До завтра — отвѣтилъ я ..... и долго смотрѣлъ[1] вслѣдъ за изчезавшимъ[2] образомъ ея.

1) regarder.
2)

Это было девятнадцатого Іюля 1834.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Бальи (Bailly) Жан-Сильвен (1736—1793) — французский астроном; участник Французской буржуазной революции, казнен в 1793 г.

В.— В., *В.*— см. *Зубков* Василий Петрович.

Гемпден (Hampden) Джон (1594—1643) — английский политик; вождь пуританской оппозиции во время буржуазной революции; член Долгого парламента.

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — русский революционный демократ, философ-материалист, писатель и публицист; в 1847 г. эмигрировал во Францию, с 1852 г. жил в Лондоне, где организовал «Вольную русскую типографию» и издавал периодический сборник «Полярная звезда» и газету «Колокол».

Голицын Дмитрий Васильевич, князь (1771—1844) — московский генерал-губернатор (1820—1843).

Ермолов Алексей Петрович (1772—1861) — русский государственный и военный деятель, участвовал в войне 1812—1814 гг., до 1827 г. командовал войсками на Кавказе; был отозван Николаем I из-за связи с декабристами.

Зубков Василий Петрович (1799—1862) — русский юрист, советник Московской гражданской палаты (1824) и криминального суда (1829—1837), затем обер-прокурор сената.

Карел (Carel) Арман (1800—1836) — французский публицист, один из основателей газеты «National».

Ламарк (Lamarque) Жан-Максимилиан, граф (1770—1832) — французский генерал и политик, в период Реставрации и Июльской монархии руководил либеральной оппозицией.

Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin) Александр Огюст (1807—1874) — французский публицист и политический деятель, один из лидеров мелкобуржуазных демократов, редактор газеты «La Réforme»; в феврале — мае 1848 г. министр внутренних дел временного правительства; в 1849 г. эмигрировал в Англию.

Мазепа — литературный образ поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

Мария Кочубей — литературный образ поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

Моген (Mauguin) Франсуа (1785—1854) — французский политический деятель; член палаты депутатов с 1827 г., находился в оппозиции к Луи-Филиппу.

Н.— см. *Огарев* Николай Платонович.

Николай I (1796—1855) — российский царь с 1825 г.

Огарев Николай Платонович (1813—1877) — русский поэт и революционный публицист, близкий друг А. И. Герцена, вместе с ним издавал периодический сборник «Полярная звезда» и газету «Колокол».

Орлов Михаил Федорович (1788—1842) — русский офицер, участник войны 1812 г., декабрист.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — великий русский поэт.

Раевский Николай Николаевич (1771—1829) — русский генерал, участник войны 1812 г., был близок к декабристам.

Раевский Николай Николаевич (1801—1843) — русский генерал, сын предыдущего, друг А. С. Пушкина.

Торвальдсен (Thorvaldsen) Бертель (1768—1844) — датский скульптор, представитель позднего классицизма.

Фиески (Fieschi) Джузеппе (1790—1836) — корсиканец, покушавшийся в 1835 г. на французского короля Луи-Филиппа.

ВЫПИСКИ Ф. ЭНГЕЛЬСА ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Вниманию читателей предлагаются выписки, сделанные Ф. Энгельсом из 1 тома книги немецкого историка Ф. Штраля [1] «История русского государства». Книга была издана в 1832 г. в Гамбурге видными немецкими историками А. Г. Л. Хеереном и Ф. Укертом в составе многотомной истории европейских государств [2].

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится оригинал этого документа — две с половиной страницы рукописного текста, написанного черными чернилами на тонкой голубой бумаге. Энгельс его не датировал. Можно предположить, что выписки были сделаны в период с конца 1854 по весну 1856 г. во время работы над двумя рукописями о панславизме [3]. Сохранившиеся документальные материалы Энгельса: выписки, заметки, черновики и наброски, а также переписка Маркса и Энгельса не дают конкретных данных для более точной датировки этих выписок, и книга Штраля в них не упоминается [4]. Известно, что в конце 1850 г. Энгельс начал интенсивно изучать славянские языки: русский, чешский, сербскохорватский [5]. В марте 1852 г. он сообщал Марксу о том, что к концу года закончит изучение славянских языков [6]. Приобретенные знания Энгельс собирался использовать для разработки сравнительной грамматики славянских языков, однако это намерение осталось неосуществленным [7]. Наибольший интерес Энгельса вызывали русский язык и литература, а также русская история. Так, он прочитал произведения русских классиков. Сохранились его выписки из «Медного всадника» и «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, «Горя от ума» А. С. Грибоедова [8]. Эти произведения позволили Энгельсу лучше познакомиться со многими сторонами русской действительности. Проявляя интерес

к проблемам истории и культуры славянских народов, он внимательно следил за национально-освободительной борьбой славян в Турции и Австрии, политикой царской России, что нашло отражение в его статьях по восточному вопросу и о Крымской войне, написанных в 1853—1856 гг. [9]

В конце 1854 г. Энгельс решил написать работу с критикой панславизма [10]. Он поделился своим замыслом с Марксом, который поддержал эту идею и порекомендовал Энгельсу несколько книг по истории России [11]. Маркс, много работавший в библиотеке Британского музея, помогал ему подбирать необходимую литературу. Энгельс также просил Маркса прислать ту или иную заинтересовавшую его книгу. В письме от 29 февраля 1856 г. Маркс сообщал своему другу, что ему не удалось разыскать заказанные Энгельсом книги: «Славин» чешского филолога Й. Добровского, «Слово о полку Игореве» и «Мировая борьба немцев и славян с конца пятого века» немецкого историка и филолога М. В. Хеффтера. В них речь шла о ранней истории славян. Подробно изложив содержание «Славина» в письме и указав источники и литературу, использованные Добровским, Маркс невысоко оценил эту книгу [12]. Из дальнейшей переписки видно, что Энгельса заинтересовало только «Слово о полку Игореве», отправленное ему Марксом 16 апреля 1856 г. [13] Можно предположить, что Энгельс заказал эти книги после знакомства с «Историей русского государства» Штраля, в которой использованы «Славин» и «Слово о полку Игореве» [14]. Поэтому выписки можно было бы датировать началом 1856 г. Именно в это время Энгельс начал работать над статьями о панславизме для газеты «New-York Tribune». Из сохранившегося плана предполагаемой брошюры Энгельса на эту же тему видно, что выписки из книги Штраля он мог использовать во втором разделе, озаглавленном «Славяне», а также в 9-м пункте, где дается общая характеристика всех этих славян — западных, восточных и южных [15]. Из письма Маркса Энгельсу от 16 февраля 1857 г. также следует, что несохранившиеся статьи Энгельса для «New-York Tribune» имели ту же структуру [16]. Кроме того, содержание выписок Энгельса свидетельствует о его хорошем знании русской истории [17].

Сохранилось несколько библиографических списков, составленных Энгельсом в период работы над статьями о панславизме [18]. Они включают литературу по филологии, истории славян, России, Турции, Сербии, Австрии, Германии, Франции и ряда других стран. В один из списков включена и данная работа Штраля [19].

Можно предположить, что книга Штраля была в библиотеке Энгельса. В каталоге книг библиотеки Германской социал-демократической партии, в состав которой, по завещанию Энгельса, вошла и библиотека его и Маркса, под номерами 9232 и 9233 мы находим два тома «Истории русского государства» Штраля, а также 3-й и 4-й

тома этого издания, написанные после смерти Штраля немецким историком Э. Германом (№ 9234 и 9235). Они вышли в свет в 1846 и 1853 гг. [20]

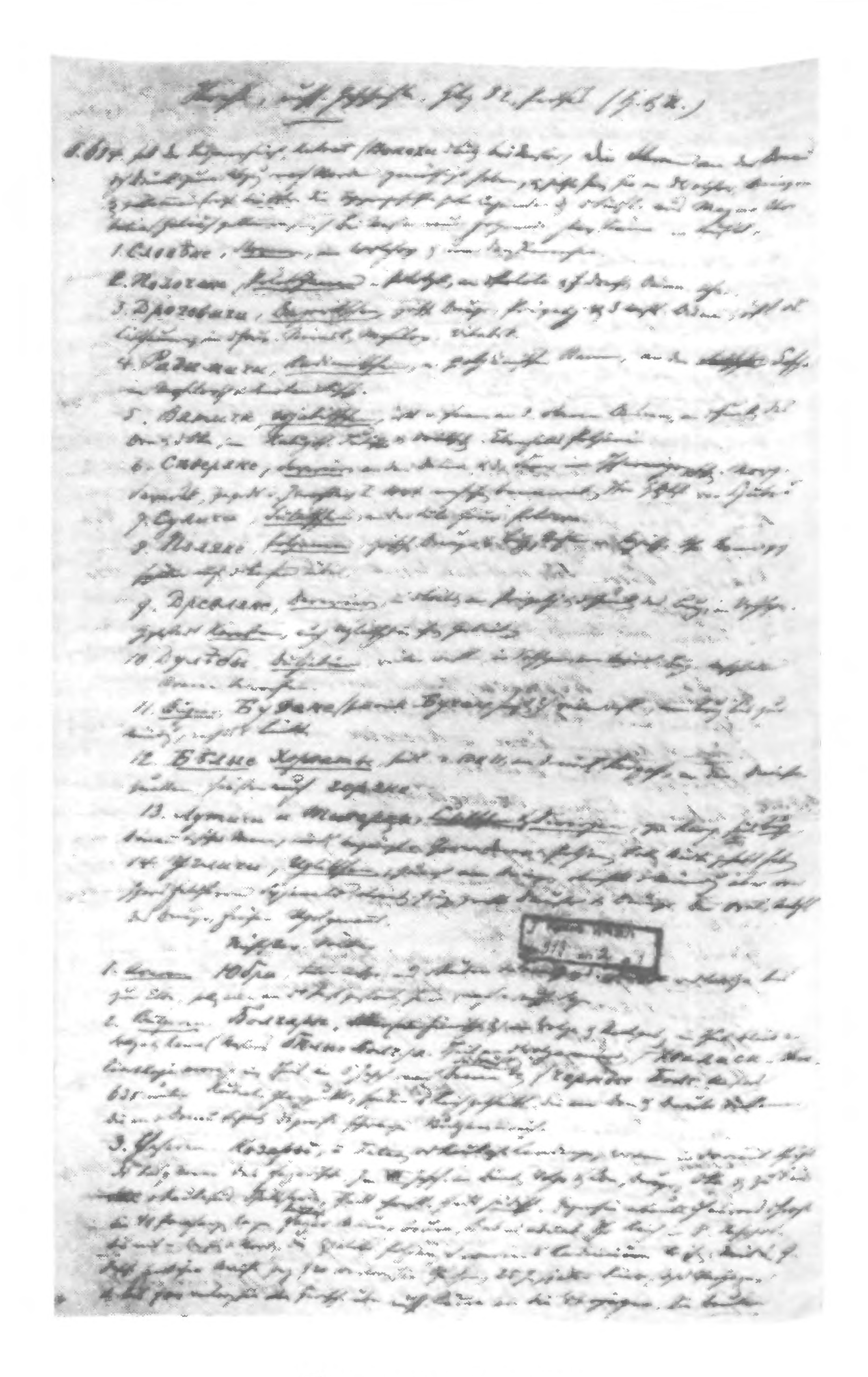
Исследование Штраля основано на большом числе разнообразных источников. Только в главах, законспектированных Энгельсом, их около 100. Среди них большое число работ античных авторов: Геродота, Страбона, Плиния, Тацита, Диодора Сицилийского, Константина Багрянородного и др.; книги Дитмара Мерзебургского, Адама Бременского, Льва Грамматика, Б. Русова, Суздальская хроника, Архангельская хроника, опубликованная в Москве в 1781 г., Софийская хроника, изданная в 1820 г. П. М. Строевым; произведения восточных авторов: Абулфеда, Абулгази, Ал-Бируни, Ибн-Фадлана и др.; труды географов и описания путешественников: Дж. Карпини, Г. Ю. Клапрота, В. Рабруквиса; работы филологов: П. И. Шафарика, М. Д. Чулкова, П. О. Гетце [21]. Штраль хорошо знал и широко использовал исследования историков разных стран. Среди них немецкие историки А. Л. Шлецер, В. Г. Нибур, Ц. Бароний и К. Гарткнох, поляк Я. Длугош, русские историки В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, Н. А. Попов и др. [22] Основным же источником для описания древней истории Руси Штралю послужило изложение Нестора по Лаврентьевской летописи 1377 г., изданной А. И. Мусиным-Пушкиным в 1793 г.

Законспектированные Энгельсом две главы введения «Россия и ее жители с древнейших времен до основания русского государства» (гл. 2 «Славяне», раздел 2 «Распространение славян на Руси» и гл. 3 «Этнографический обзор Руси с 6 по 12 столетие») посвящены истории славянских, тюркских, финских и других племен, живших на территории России; в них указаны места их расселения, важнейшие исторические события. Из выписок видно, что наибольший интерес Энгельс проявлял к вопросам размещения славянских племен на территории Древней Руси, их борьбе с соседями-кочевниками: хазарами, печенегами, половцами. В выписках упоминаются и первые русские князья Олег и Игорь, Изяслав и Святослав Олегович, Владимир Мономах, Ярослав Мудрый, а также Иван Грозный. Публикуемые выписки расширяют наши представления о работе Энгельса с научной литературой, отражают его критическое отношение к изучаемому материалу. Широко используя первоисточники, Энгельс сопоставляет известные ему данные с фактами, приведенными Штралем, порой дополняет и уточняет его. Так, в начале конспекта Энгельс отмечает расхождение в польских и австрийских легендах по вопросу о том, откуда пришли славянские племена на территорию Древней Руси. Особенно много добавлений вносит Энгельс, когда конспектирует разделы о неславянских народах: аварах, печенегах, половцах, болгарах. Наиболее сжато он конспектирует описания северных народностей.

Энгельс исправляет типографские опечатки и ошибки Штраля в написании русских названий таких славянских племен, как белые хорваты, лутичи и тиверцы, угры, заволочьская чудь, кривичи, и других, что свидетельствует не только о хорошем знании им русского языка, но и знакомстве с другими источниками, в первую очередь с «Повестью временных лет». Вероятно, о ней Энгельс узнал из книги немецкого историка А. Л. Шлецера «Нестор. Русские летописи в их подлинном славянском тексте, сопоставленные, переведенные и истолкованные» (Геттинген, 1802). К отдельным местам изложения Штраля Энгельс ставит вопросы, возможно, намереваясь проверить сведения автора по другим источникам. Иногда Энгельс выражает сомнение в достоверности тех или иных фактов. Так, Штраль относит восточнославянское племя кривичей к литовской народности. Энгельс не соглашается с этим и отмечает, что кривичи «возможно славянского происхождения». Название всех славянских и неславянских племен, живших на территории Руси, Энгельс, как и Штраль, дает на немецком и русском языках. Порой Энгельс использует графику чешского алфавита при написании таких букв, как «ц», «ч» и «щ» в именах собственных и польского для обозначения буквы «я». Например, он пишет: Galič, Liubeč, Pečenci, Kleščin-See, Wyčegda, Swjatoslaw Olegovič, Iwan Vasiljewič.

В публикуемых выписках собственные замечания Энгельса воспроизводятся полужирным шрифтом. Слова, написанные им по-русски, отмечаются звездочкой. В вертикальных черточках воспроизводится нумерация рукописных страниц. Добавления к тексту, необходимые для понимания его смысла, даются в фигурных скобках. Слова, подчеркнутые Энгельсом, печатаются курсивом. В квадратных скобках указываются страницы книги Штраля, на которых находится выписанный Энгельсом материал. В примечаниях оговариваются все расхождения с текстом Штраля.

Публикация подготовлена В. Н. Фомичевым под редакцией Н. С. Румянцевой.

Первая страница выписок
Ф. Энгельса из книги Ф. Штраля
«История русского государства»

Ф. Энгельс

ВЫПИСКИ ИЗ КНИГИ Ф. ШТРАЛЯ «ИСТОРИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА»

Штраль, русская история, Гамбург [18] 32, Пертес [23] (Х [еерен] & У [керт]).

Год 634. {Автор} говорит, что болгарский князь Кубрат [24] (Волохи * — болгары у Нестора) вынудил славян на Дунае отступить на север, и теперь пришли они на Волхов, Днепр и т. д. (**сравни у австрийцев противоположная польской легенда** [25]**, что южные славяне пришли из Великой Хорватии (Галич)**). У Нестора только следующие славянские племена на Руси:

1. Словѣне *, *Slovenen*, на Волхове и вокруг Ильмень-озера.
2. Полочане *, *Polotschanen* — Полоцк, на Полоти и на правом берегу Двины.
3. Дреговичи *, *Dregowitschen*, между Днепром, Припятью и Западной Двиной, восточнее литовцев, в Минской, Могилевской, Витебской губ.
4. Радимичи *, *Radimitschen*, племя полян, на Соже, на Могилевщине и Смоленщине. [с. 13].
5. Вятичи *, *Wjatitschen*, восточней от них, в верховьях Десны, у истоков Дона и Оки; в Калужской, Тульской и Орловской {губерниях}. То же поляне.
6. Сѣверяне *, *Sewerier*, на Десне и Сейме [26], на Черниговщине. Новгород-Северский, основанный Ярославом I в 1044 г., получил свое название от них. Их столицей был Любеч.
7. Суличи *, *Sulitschen*, на Суле, Полтавская губ.
8. Поляне *, *Poljanen*, между Днепром и Бугом, основатели Киева. Их имя перешло позднее на ляхов. [с. 14].
9. Древляне *, *Derewir*, в лесах на Припяти и у истоков Буга, на Волыни. Столица *Коростень*, также Овруч [27] на их территории.

10. Дулѣбы *, *Duljebier*, дальше на запад, на Волыни, на Северном Буге. Первоначально подчинялись аварам. [с. 14—15].

11. *Bugier*, буфане * **(вероятно следует называть бугане *?)** [28], дальше на запад, на Буге справа и слева вплоть до устья.

12. *Бѣлые хорваты* *[29], южнее 10-го и 11-го {племени}, в Северных Карпатах, у истоков Днестра, называются также горяне *.

13. Лутичи и тиверцы*[30], *Lutitschen und Tiwerzen*, между Карпатами, *Южным Бугом*, Дунаем и Черным морем, на севере граничат с хорватами, древлянами и полянами. {Автор} говорит, что у них были города.

14. Угличи*, *Uglitschen*, сперва {жили} на Днепре, **выше устья**, но были изгнаны полководцем Игоря Свенельдом. Отошли в междуречье Днестра и Днепра. Орел, приток Днепра, раньше назывался Угол. [с. 15—16].

Неславянские народы [31]

1. *Avaren*, юбри *, **татарского происхождения**, пришедшие **с Кубани и Терека**, господствовали на {территории} от Волги до Эльбы, но, **согласно одной русской саги**, вымерли от чумы.

2. *Bulgaren*, болгары *, татарского **(или финского?)** {происхождения}, на Волге и в Приуралье. Часть осталась на Волге и Каме (у Нестора — **бѣлые болгары** *) [32], часть в устье Волги (**Хвалиск** * — Хвалынское море) [33], часть в 5 столетии {отошла} на юг России, **в Дакию** и т. д. (**черные болгары** * по Нестору), в 635 г. при Кубрате — период расцвета, позднее царство распалось, те, {которые обосновались} на Дону и Днестре, пришли в упадок, а те, что {осели} на Дунае, основали могучее государство черных болгар [с. 23—25].

3. *Chasaren*, козары *[34], тоже татары с Кавказского перешейка, от них, согласно восточным произведениям, Каспийское море — Хазарское. В VII столетии они {обитали} в низовьях Волги и Дона, Днепра, Оки и по обеим сторонам Кавказа. Часть {из них} язычники, часть — христиане, часть {исповедовала} иудаизм. Для защиты от них Хосров Великий [35] построил хазарско-кавказскую стену длиной в 40 фарсангов, Баб-аль-Абваб [36]. Их империя **в 8 столетии** {простиралась} далеко на запад и север, вятичи, поляне, северяне и радимичи под ними. **В 9 столетии упало их могущество, около 820 г.** [37] они потеряли Херсон, **25 лет спустя** — Киев **(из-за варягов)** и к 900 г.[38] они утратили все свое господство над племенами русов, {оно перешло} к варягам. **В период своего расцвета** они построили города — Саркель на Дону, Хацан у Харькова; став однажды оседлыми, они занялись торговлей на Волге и на западе, а также хлебопашеством. Их великий хан **Хахан*** имел резиденцию в Ателе

(Итель, Балангиар, Астрахань), где также проживали и язычники — русы (**торговые люди?**) [с. 25—27].

4. *Petscheneger*, печенеги *, **печенцы. К северу от Каспийского моря**, от устья Волги приблизительно 47 [39] трудных дней пути, на восток вплоть до реки Татас в северо-восточном Туркестане. Между ними и хазарами — пустыня (**между Волгой и рекой Урал?**), населенная тулуссами и узенами — (**куманы**), последние и хазары в 894 г. или 99 г. изгнали печенегов, и эти ушли теперь за Волгу и Дон, вытеснили туркофиннов [40] (венгров) — называемых Sabartoiasphalen[41] — из донско-днепровских степей и **остались там кочевать.** Одна часть венгров {переместилась} таким образом в Дакию[42] (мадьяры), другая — на Кавказ. С 900 г. печенеги господствовали на Черном море от Дона до Дуная. В 966 г. они потеснили хазар дальше на юг. В 915 г. их первый договор с русами (Олег и Игорь), в 968 г. они напали на русов, были разбиты, но постоянно вторгались на Русь, {их} часто призывали борющиеся местные князья; наконец, обессилели, в 1117 г. потерпели тяжелое поражение от куманов[43] и **около 1120 г.** были включены Владимиром Мономахом в состав Руси и рассредоточились {среди его подданных}. {Местечко} Печенки в районе северо-восточного Донца на Украине еще сохранило {их} название. Они были чрезвычайно жестоки [с. 27—29].

5. *Kumanen*, половцы*[44], тоже тюркские кочевники, {жили} по ту сторону {реки} Урал, боролись с печенегами, разбили их с помощью хазар, заняли земли печенегов, **на нижней Волге**, война с хазарами. С 1050 г. [45] они располагались также западнее Нижней Волги и Дона, к северу от Азовского моря. Русы называли их половцами (от плав * — половый, итак немецкое «Falben»?), у византийцев **эгманои**, оусои, **тоуги** [46] и т. д., у арабов — кипцаки или капчаки [47]. В 1055—1230 гг. они постоянно вторгались в Русь и опустошали ее, затем они попали под власть татар, с которыми слились. Сохранившиеся имена куманских князей — все черкесские. **Так не были ли они под властью черкесских князей?** *Кочевники* [с. 29—31].

6. *Burtassen*, буртасы * (Bertaas, Uras, Autas), **между Астраханью и Хорезмом, вдоль северо-восточной части Каспийского моря.**

7. *Jassen und Kossogen* (яссы и косоги)*, **на Кубани и Тереке**, от первых, вероятно, названо Азовское море [с. 31—32].

Восточные народы [48]

8. Die *kamischen Bulgaren*, бѣлые болгары *[49], на Каме и Волге, столица Болгар, **у Казани**, большая торговля с югом, Русью, **Пермью и верхнеуральскими юграми.** С 920 г.— магометане. В 984 г. были быстро завоеваны Владимиром Великим, однако подчинялись непродолжительное время. В 1236 г. [50] были покорены татарами, однако находились под властью собственных князей, позднейшие казанцы.

Они говорили по-татарски. Иван Васильевич IV впервые разрушил их царство.

9. *Ungarn*, угры [51], **югри** *, на Урале. Черные {угры} ушли, белые остались. В 898 г. черные угры {объявились} под Киевом, отсюда направились в Паннонию {и вошли в историю} как мадьяры.— ***Финская*** {народность} [с. 32—34].

Северные {народы} [52]

10. *Lappen*, сумь *, лопяне *, лопары *.

11. *Finnen*, чудь * [53].

12. Вымершие финны: *Wessen* (весы) * [54] на Белом озере; **Заволочье** * [55], *Sawolax*, на реке Онеге, Двине вплоть до Мезени; *Meränen*, меря * [56] у Ростов-озера и Клещин-озера; *Narower*, норова *, на правом берегу Нарвы; *Woten* (вожане) * [57], дальше к востоку вплоть до ижоров или ингров; Karelen, кириаланди*, **от Выборга** к Ладожскому озеру; *Jemen* (ямы) * [58], по-шведски тавасты, в юго-западной **Финляндии**; *Muromen* (мурома)*, в Муроме на Оке — **возможно не финская** {народность}! — *Petschoren* (печора) * на Печоре к северу.— ***Югры*** — 56—67 ° северной широты, северо-западный район Оби, между самоедами и татарами, до Нижнего Иртыша (Пермь и севернее Тобольска), их называли позже вогулами и в настоящий момент переименованы в остяков [с. 34—43].

13. Еще существующие финские племена [59]: *Esten* (чудь) *, в Эстляндии [60], Ингерманландии [61] и Эзеле [62], были отважными пиратами, на них нападали немцы, датчане и русы, Ярослав усмирил их благодаря сооружению крепости Дорпат [63] в 1030 г.; *Liwen* — любь *, еще теперь {сохранились} небольшие остатки в Лифляндии [64] и Курляндии [65] на реке Залис, ингрском [65] побережье и острове Рун; *финляндцы*, раньше также в Вестерботе [67]; *Ischoren* (Ижора) * [68] или ингры, между вотами и рекой Волхов; *Mordwinen*, мордва *, мердины у Иорнанда [69], были покорены Германарихом [70], ранее очень многочисленные, разделены на 3 племени: мокшане на Мокше и Суре, эрзане, рассеянные, и каратаи, почти исчезнувшие.

Permier, пермь *, **Bjarmer**, Beormas, активные и занимающиеся торговлей; *Zyrjanen* [71], зыряне *, дальше к югу на Выме, Сысоле [72], Вычегде, торгующие с восточными народами, проложили зырянскую дорогу в Сибирь [73] [с. 43—48].

Литовские народы [74]:

1. вымершие: *Jatwjagen*, ятвяги *, между Нарвой и истоками Преголя [75], в Белостокской губ., названы немцами ятвинги; *Goljaden*

(голядь *, = **голадь** *[76], **goled**, Галиндия = Восточная Пруссия) в 1058 г. их победил Изяслав и в 1147 г. Святослав Олегович. В Волыни еще {есть} 2 местечка — Голядин и Гола, которые, вероятно, происходят от исчезнувших. *Кривичи*[77], у истоков Волги и Двины — **возможно, славянского** {происхождения}? Всегда были связаны с русской историей, Смоленск — их город был завоеван Олегом в 882 г.

2 живущих племени: *Kuren*, корсь *; на побережье, от Куриш-Гаф[78] до Курляндии.

Летты, литовцы.

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 893

Перевод с немецкого

Публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Штраль* Филипп (1781—1840) — профессор факультета исторических прикладных наук Боннского университета. Его исследования «История учреждения и распространения христианского учения среди народов русского государства» (Галле, 1827), «Образованная Россия» (Лейпциг, 1828), «История русской церкви» (Галле, 1830) выдвинули Штраля в первые ряды немецких историков, изучавших Россию. Именно поэтому его пригласили написать историю русского государства для первого отдела «Всеобщей истории государств». В 1839 г. Штраль опубликовал второй том своего исследования (*Strahl Ph.* Geschichte des russischen Staates. Zweiter Band. Von dem Einbruche der Tataren in Russland bis zum Antritt der Regierung des Grossfürsten Iwan III. Wassiljewitsch I. d. i. von 1224 bis 1505. Hamburg, 1839. XVII. 442 S.). Смерть помешала Штралю завершить начатую работу. Ее продолжил немецкий историк Э. Герман, выпустивший с 1846 по 1866 г. еще 5 томов «Истории русского государства», доведя ее изложение до 1792 г.

[2] Geschichte der europäschen Staaten. Werk 1—41. Herausgegeben von A. H. L. Heeren und F. A. Ukert. Werk 7; *Strahl Ph.* Geschichte des russischen Staates. Erster Band. Von den ältesten Zeiten bis zum Einbruche der Tataren 1224. Hamburg, 1832. XVIII. 480 S. «История европейских государств» составляла I отдел издания (Allgemeine Staatengeschichte. Hrsg. von K. Lamprecht. Bde. 1—3. Hamburg; Gota; Stuttgart, 1829—1934), включавшего около 200 томов.

[3] См. об этом вводную статью В. А. Смирновой к публикации «Две рукописи Ф. Энгельса о панславизме», с. 277—301.

[4] Мы располагаем лишь небольшим количеством писем Энгельса за 1855—1856 гг. Так за 1855 г. сохранилось 37 писем Маркса и лишь одно — Энгельса, за 1856 г.— 29 писем Маркса и 9 писем Энгельса.

[5] См.: *Румянцева Н. С.* Изучение Ф. Энгельсом русской истории и русской культуры в 50-х годах XIX в.// Энгельс и проблемы истории. М., 1970. С. 259—282.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 30.

[7] Там же. Т. 29. С. 477.

[8] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 528—530.

[9] Эти статьи опубликованы в томах 9—11 Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

[10] Первые две статьи Энгельса на эту тему были опубликованы в апреле 1855 г. в бреславльской газете «Neue Oder-Zeitung» под заголовком «Германия и панславизм». Они являлись, по словам Маркса, «началом полемики против панславизма». Большую серию статей на ту же тему Энгельс написал в январе — апреле 1856 г. для

газеты «New-York Daily Tribune», но они не были изданы, а рукописи этих статей не обнаружены (см. подробнее с. 281—287).

[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 351.

[12] Там же. Т. 29. С. 12—14.

[13] Там же. С. 16—17, 23, 34.

[14] *Strahl Ph.* Geschichte des russischen Staates. Bd. 1. S. 10, 20.

[15] См. с. 284.

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 29. С. 82. Материалы выписок Энгельса Маркс использовал в главе 5 своей работы «Разоблачение дипломатической истории XVIII в.», в начале которой речь шла об истории славян и их размещении на территории Руси (см.: *Karl Marx, Frederick Engels.* Collected Works. Vol. 15. P. 88; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 29. С. 99).

[17] Это видно из тех дополнений, которые сделал Энгельс, работая с книгой Штраля.

[18] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 810, 878, 889. Эти списки не датированы Энгельсом, поэтому они не дают дополнительных данных для датировки публикуемых выписок.

[19] Там же. Д. 810.

[20] Bibliothek der socialdemokratischen Partei Deutschlands. Systematischer Katalog. Berlin, September 1906. S. 264.

[21] *Strahl Ph.* Op. cit. S. 3—52.

[22] Ibid. S. 4, 16—19, 22, 25, 26, 30, 37, 41, 46, 49.

[23] *Пертес* Фридрих — владелец типографии в Гамбурге, где была отпечатана книга Штраля.

[24] *Кубрат* (начало — середина VII в.) — болгарский князь, объединивший большую часть болгарских племен и создавший сильное государство. Известен в истории как освободитель болгар из-под власти авар.

[25] Вероятно, Энгельс сравнивал изложенные Штралем сведения из Лаврентьевской летописи с австрийскими легендами по книге «Рукописные источники Богемии и Моравии», изданной чешским историком и собирателем древних литературных памятников по чешской истории и филологии М. Войгтом в Праге в 1774—1783 гг.

[26] У Штраля и Энгельса: «Sem» (Сем).

[27] В выписках Энгельса ошибочно написано: «Uglitsch» (Углич).

[28] Правильно: «бужане».

[29] У Штраля: «Die weissen Chorwaten (бюлые Хорваты *)».

[30] У Штраля: «(Лутитчи и Мивирцы *)».

[31] У Штраля подзаголовок: «Im Süden» (На юге).

[32] У Штраля название белых и черных болгар дается на немецком языке.

[33] У Энгельса: «Chwalinskoje more», у Штраля: «Chwalissische Meer».

[34] У Штраля: «(Козари *)».

[35] Хосров Ануширван I — персидский царь, правил с 631 по 579 г.

[36] Стена была сооружена в период с 562 по 579 г. По сведениям арабского географа Ибн-ал-Факиха ее длина составляла 7 фарсангов (около 40 км). Баб-аль-Абваб — современный Дербент.

[37] В выписках Энгельса ошибочно написано «920». У Штраля: «в первой четверти девятого столетия».

[38] У Штраля нет точной даты. Он указывает, что в середине 9-го столетия они потеряли Киев, «а несколько десятилетий спустя утратили они все свое господство над северянами и частью радимичей».

[39] В выписках Энгельса ошибочно написано: «49».

[40] У Штраля: «тюрков».

[41] Возможно речь идет о племени савардов.

[42] У Штраля нет названия Дакии, а указано, что часть венгров отошла в Молдавию и Семигорье.

[43] У Штраля они названы половцами.

[44] У Штраля: «Die Polowzer (Половцы*)».

[45] У Штраля: «с середины одиннадцатого столетия».
[46] Энгельс пишет название половцев на греческом языке.
[47] У Штраля: «Kaptschat».
[48] У Штраля подзаголовок: «Im Osten» (На востоке).
[49] У Штраля: «(Бѣлые болгаре *)».
[50] У Энгельса ошибочно написано: «1230 г.».
[51] У Штраля: «(Оугри *)».
[52] У Штраля подзаголовок: «Im Norden» (На севере).
[53] У Штраля: «Die Tschuden (Чюдь*)».
[54] У Штраля: «(Весь *)».
[55] У Штраля: «Die Sawolokschen Tschuden (Заволочьская * Чюдь *)».
[56] У Штраля: «Die Meren oder Meränen (Меря *)».
[57] У Штраля: «Die Wot, Wod, Woschen (Вожане *)».
[58] У Штраля: «(Ямь)».
[59] У Штраля: «К еще существующим до сегодняшнего дня чудским народностям относятся:».
[60] Эстляндия — историческое название северной части Эстонии.
[61] Ингерманландия — шведское название Ижорской земли, включавшей оба берега Невы и юго-западное Приладожье.
[62] Эзель — остров в Балтийском море.
[63] Дорпат (Дерпт, Юрьев) — прежнее название г. Тарту в Эстонской ССР.
[64] Лифляндия — историческое название Южной Эстонии и территории Латвии к северу от реки Даугавы (Западной Двины).
[65] Курляндия — историческое название территории Латвии к югу от реки Даугавы (Западной Двины).
[66] У Штраля: an angrischen Strande».
[67] У Штраля: «im Westbottnien» (в Вестботнии). Вестерботен — область в Северной Швеции, простирается вдоль Ботнического залива до р. Торнео.
[68] У Штраля и Энгельса: «(Ужера *)».
[69] *Иордан* (Иорнанд) (род. ок. 500) — готский историк, автор сочинения «О происхождении и истории готов».
[70] Германарих (IV в.) — вождь готов, покоривший народы Прибалтики, а также северные народности и основавший огромное государство готов.
[71] У Штраля: «Die Sirjanen».
[72] У Штраля и Энгельса: «Сычола».
[73] Речь идет о дороге в Сибирь, проложенной зырянами через ущелья и перевалы Уральских гор. Этой дорогой позднее прошли казаки Ермака.
[74] У Штраля: «Die Letten (Литовские * народы * oder Латышское * племя *)».
[75] У Штраля и Энгельса: «Прегеля».
[76] При написании буквы «я» в этом слове Энгельс использует графику кириллицы.
[77] У Штраля: «Крувичи».
[78] Куриш-Гаф (Кургаф, Курляндский) — залив в Балтийском море.

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ Ф. ЭНГЕЛЬСА

Вниманию читателей предлагается черновик письма Ф. Энгельса английскому фабриканту Р. Хэккингу от 26 января 1854 г., а также два письма Хэккинга Энгельсу от 25 и 28 января 1854 г., имеющие непосредственное отношение к упомянутому черновику письма Энгельса. Все три документа были впервые опубликованы в 7-м томе отдела переписки Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригиналов (MEGA[2]) [1]. На русском языке они публикуются впервые. Эти материалы содержат новые сведения о манчестерском периоде жизни Энгельса (1850—1870).

После поражения революции 1848—1849 гг. в Германии Энгельс и Маркс оказались в Лондоне. Однако найти здесь источники существования Энгельс не смог и вынужден был отправиться в Манчестер, где находилась бумагопрядильная фабрика, совладельцем которой был его отец. В середине ноября 1850 г. Энгельс начал работу в торговой конторе фирмы «Эрмен и Энгельс» [2]. Он вел переписку фирмы, занимался приобретением машинного оборудования, постоянно информировал отца о положении дел на фабрике, о возникающих проблемах, о действиях Эрменов и т. д.[3] Работа в конторе продолжалась с 9 до 16 часов, иногда и дольше. Лишь в свободное от службы время Энгельс мог заниматься научной работой и публицистической деятельностью. В частности, он писал по просьбе Маркса по одной-две статьи в неделю для американской прогрессивной газеты «New-York Tribune».

Весной 1854 г. Энгельс предпринял попытку оставить свою конторскую работу и найти литературный заработок в Лондоне в качестве постоянного корреспондента лондонской газеты «Daily News» [4]. Однако эта попытка не увенчалась успехом.

Энгельсу пришлось в конце концов смириться с судьбой. Ведь работа в конторе нужна была и для того, чтобы каким-то образом поддержать находившуюся в очень трудном, иногда в отчаянном материальном положении семью Маркса. Маркс, понимая,

насколько эта работа изматывает Энгельса физически и нравственно, мешает его научным занятиям, называл ее «египетским пленом» [5]. «Страшно подумать об этих двадцати годах такого человека, как он... Я никогда не забуду его ликующего возгласа: «В последний раз!», когда он утром натягивал свои сапоги, чтобы в последний раз отправиться в контору»,— писала позднее дочь Маркса Элеонора [6].

Деятельность Энгельса в Манчестере в 50-х гг. как ученого и публициста достаточно полно освещена в исторической литературе [7]. Гораздо меньше известно о той стороне его жизни в Манчестере, которая была связана с работой в конторе. В ходе этой работы ему доводилось иметь дело с английскими коммерсантами и фабрикантами.

Энгельс всегда тяготился деловыми знакомствами, навязанными ему обстоятельствами. Особенно досаждала ему вынужденная опека над молодыми людьми, приезжавшими для работы в Манчестер по рекомендации родственников и знакомых. Не раз в письмах к Марксу Энгельс жаловался на это досадное обстоятельство: «Ты даже не поверишь, сколько меня осаждает сейчас всякого народа. Молодые люди, рекомендуемые клиентами и ищущие здесь места, агенты или желающие стать таковыми...— все это совершенно беспрерывно, и ты понимаешь, как трудно при этом урвать время для писания»,— писал он однажды [8]. Публикуемый черновик письма Энгельса Р. Хэккингу дает представление об этой стороне жизни Энгельса.

Р. Хэккинг был совладельцем фирмы «Уолкер и Хэккинг». Он проживал в одном из центров текстильной промышленности Англии в городе Бери, в 15 километрах к северу от Манчестера [9]. Название фирмы «Уолкер и Хэккинг» неоднократно встречается в первой половине 50-х гг. в письмах отца Энгельса из Бармена. Фирма «Уолкер и Хэккинг» занималась производством машинного оборудования для текстильной промышленности. Энгельсу приходилось в 1852—1853 гг. иметь дело с этой фирмой и заказывать ей оборудование для манчестерской фабрики отца [10].

Из публикуемых писем видно, что Энгельс приезжал в Бери к Хэккингу. Младший сын Хэккинга Самюэль совершил неблаговидный поступок, ставший причиной публикуемой переписки и заставивший Энгельса написать свое письмо Хэккингу.

Энгельс тщательно отредактировал черновик своего письма. Несколько важных смысловых исправлений приведены под строкой. Одно из них показывает, что Энгельс, будучи по природе человеком чутким, пощадил отцовские чувства Р. Хэккинга и вычеркнул одно предложение с особенно резкой оценкой поведения его сына, в котором Энгельс поставил под сомнение его порядочность. Мы еще раз убеждаемся в умении Энгельса улаживать дела. Четко и не-

3294a

Bury 25th Jany 1854

F. Engels Esq

Dear Sir

I am very sorry (and indeed much pained) to find that you have prevaild upon my youngest son to contract a debt at a Tailor of the name of Mears in King Street —
I do assure you that my son has no means whatever of paying the debt and he

Страница из письма Р. Хэккинга Ф. Энгельсу от 25 января 1854 г.

двусмысленно выражая свою позицию, он смог сделать это тактично, спокойно и обоснованно.

Не только для биографов Маркса и Энгельса, но и для всех, кто интересуется их жизнью и деятельностью, каждый новый источник их биографии представляет большой интерес. Впервые публикуемый черновик письма Энгельса относится к числу таких источников. Он дополняет сложившееся уже представление о его жизни, характере и жизненных принципах.

Публикация подготовлена Н. Н. Волковой и Я. Г. Рокитянским.

ПЕРЕПИСКА ЭНГЕЛЬСА С Р. ХЭККИНГОМ (январь 1854 г.)

№ 1

Р. ХЭККИНГ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ В МАНЧЕСТЕР

Бери, 25 января 1854 г.

Господину
Ф. Энгельсу

Милостивый государь!

Я был по-настоящему расстроен и огорчен, что из-за Вас мой младший сын стал должником портного по фамилии Кин, проживающего на Кинг-стрит.

Я заверяю Вас, что у моего сына нет денег, чтобы уплатить долг. Он же уверяет меня в том, что этот долг сделан по Вашему совету.

Эта новость обеспокоила всю нашу семью. Хотя сумма долга, возможно, и невелика, но у него все же нет средств для того, чтобы уплатить ее.

Настоятельно прошу Вас, чтобы Вы впредь не пытались впутывать его в подобные дела.

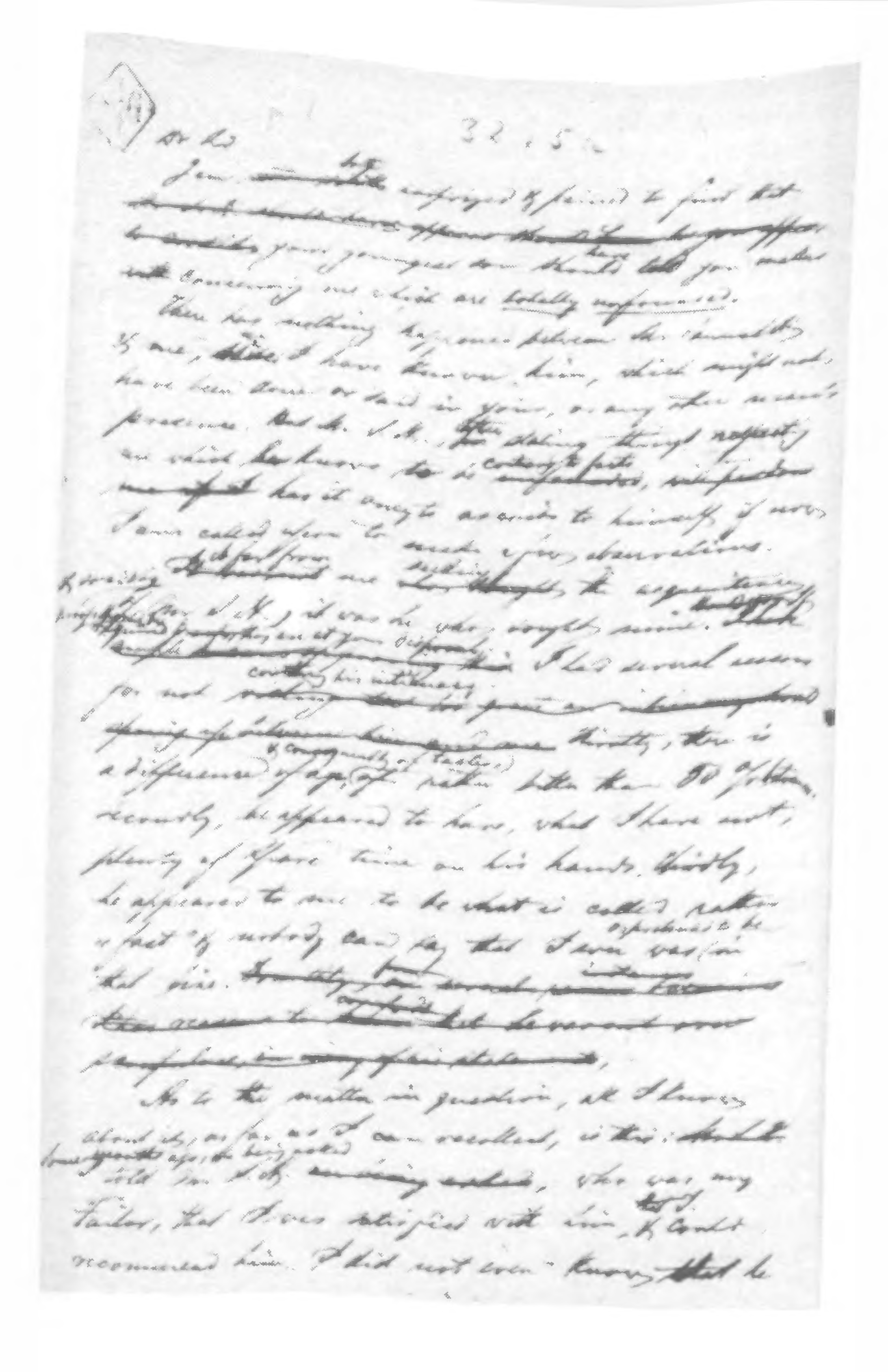
Ваш покорный слуга

Р. Хэккинг

MEGA². III/7. S. 318

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Первая страница черновика письма Ф. Энгельса Р. Хэккингу от 26 января 1854 г.

№ 2

Ф. ЭНГЕЛЬС — Р. ХЭККИНГУ

В БЕРИ

Черновик

Манчестер, 26 января 1854 г. [11]

Милостивый государь!

Я одновременно и удивлен, и огорчен тем, что* Ваш младший сын, не имея на то *совершенно никаких оснований*, впутал меня в рассказ о своем деле.

Между господином Самюэлем Х[эккингом] и мной со времени нашего знакомства не произошло ничего такого, что нужно было бы скрывать от Вас или от кого бы то ни было. Но господин С. Х. сознательно исказил события, к которым я имел отношение. И он должен пенять на себя, если сейчас мне придется изложить некоторые свои соображения по этому поводу.

Я совершенно не искал знакомства с господином С. Х. и его общества. Инициатива исходила от него. Вот Вам доказательства этого. У меня было несколько причин для того, чтобы не набиваться ему в друзья **. Во-первых, у нас большая разница в возрасте (более чем в два раза), а значит — и очень большое различие во вкусах. Во-вторых, у него очень много свободного времени, чего нет у меня. В-третьих, он кажется мне, так сказать, довольно легкомысленным человеком. Обо мне же никто не может сказать, что я когда-либо был таковым или делал вид, что являюсь таковым ***.

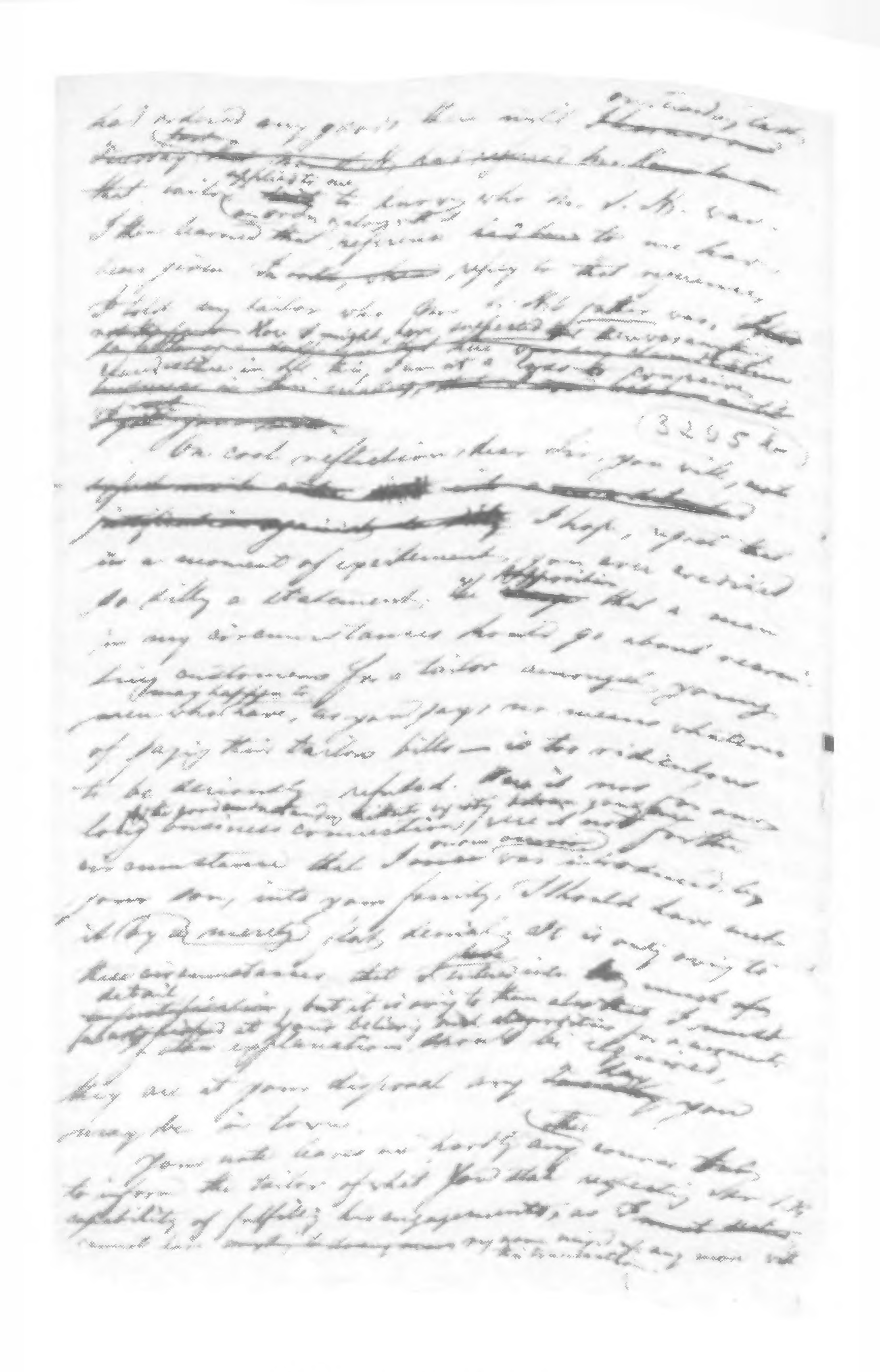
Теперь непосредственно о деле. Все, что я о нем знаю и могу вспомнить, заключается в следующем: несколько месяцев тому назад господин С. Х. спросил меня о портном. Я сказал ему, кто мой портной и что я им доволен и могу этого портного ему рекомендовать. Мне даже не было ничего известно о том, что господин С. Х. у него что-либо заказал, пока в последний вторник [12] этот портной ни спросил меня, кто такой господин С. Х. Тогда я и узнал о самом заказе, а заодно и о том, что при этом господин С. Х. ссылался на меня. В ответ я сказал портному, кто является *отцом* господина С. Х. Мог ли я тогда предполагать, что в этом может быть что-то предосудительное.

Я надеюсь, что после трезвого размышления Вы, милостивый

* После слова «что» Энгельс вычеркнул: «господин С[амюэль] Х[эккинг], как выяснилось, оказался» и затем: «Вы поверили». *Ред.*

** В первом варианте у Энгельса было: «...чтобы его и меня не связывала крепкая дружба». *Ред.*

*** Далее Энгельс вычеркнул следующую фразу: «В-четвертых, судя по некоторым фактам, я могу заключить, что его не заподозришь в излишней порядочности». *Ред.*

**Вторая страница черновика
письма Ф. Энгельса Р. Хэккингу
от 26 января 1854 г.**

Первая страница письма Г. Шлютера Ф. Энгельсу от 26 июля 1884 г.

государь *, будете сожалеть, что, находясь в состоянии возбуждения, Вы могли вообще поверить столь глупому утверждению. Смешно даже предполагать, что человек с таким положением, как я, будет заниматься поисками клиентов для портного среди молодых людей, которые, как Вы сами говорите, не в состоянии оплатить свои счета. Как можно серьезно говорить об этом? Если бы не наши длительные деловые связи и существовавшее до сих пор взаимопонимание между нами, если бы не то обстоятельство, что Ваш сын однажды представил меня Вашей семье, то я бы без лишних слов отмежевался бы от всего этого. Только учитывая наши прежние отношения, я вдаюсь в такие подробности, но одновременно мне приходится удивляться тому, что Вы хотя бы на одно мгновение поверили этому абсурду.

Если понадобятся другие разъяснения, они будут даны Вам в любой день **, когда Вы приедете в город.

После Вашего письма мне не остается ничего другого, как сообщить моему портному о том, что Вы сказали относительно неспособности Вашего сына выполнить свои обязательства перед ним. Я не могу допустить, чтобы меня и дальше впутывали в это дело.

MEGA[2]. III/7. S. 63—64

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

№ 3

Р. ХЭККИНГ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

Бери, 28 января 1854 г.

Милостивый государь!

Ваше любезное письмо от 26 числа пришло очень кстати.

Как это ни тяжело для меня, но я должен признать, что Ваши разъяснения относительно моего сына Самюэля полностью меня убедили. Я разобрался в сути дела и выяснил, что Ваши слова соответствуют действительности и что неверная информация исходила от моего сына. Возможно, я действительно был слишком возбужден в тот момент. Сейчас я об этом сожалею и надеюсь, что те добрые отношения, которые до сих пор существовали между нами, смогут продолжаться.

Я отчитал своего сына Сэма соответствующим образом и надеюсь, что это удержит его в дальнейшем от подобных лживых утверждений.

---

* Далее у Энгельса было «вряд ли стали бы ожидать от меня длинных оправданий по поводу столь глупого». *Ред.*

** Вместо слова «день» у Энгельса ранее было «вторник». *Ред.*

Моя жена очень больна, и этот случай также усилил ее недомогание.

Хочу еще раз повторить, что я совершенно удовлетворен Вашими объяснениями и остаюсь

Вашим покорным слугой
Р. Хэккинг
Господину Ф. Энгельсу
Манчестер

MEGA [2]. III/7. S. 319

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] MEGA [2]. III/7. S. 63—64, 318, 319. Оригиналы этих писем хранятся в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме. IISG — Sign. K 562/K 683; L 2127 / L VIII 625; L 2128 / L VIII 636.

[2] См.: Фридрих Энгельс. Биография / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. С. 190—191, 203—204, 242—243; Friedrich Engels. Eine Biographie. Berlin, 1970. S. 255—261.

[3] См.: *Волкова Н. Н.* Письма отца в адрес Энгельса как источник сведений о манчестерском периоде его жизни (по материалам 7 тома III отдела МЭГА) // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об издании их произведений. М., 1985. С. 116—127.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 283, 285, 288.

[5] Там же. Т. 32. С. 264.

[6] Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 3-е, доп. изд. Ч. 1. М., 1988. С. 131.

[7] См., например: Фридрих Энгельс. Биография. С. 207, 242, 252—275; Friedrich Engels. Eine Biographie. S. 255—364.

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 31. С. 224—225.

[9] Город Бери на берегу реки Роч; вместе с Болтоном, Рочгеймом и Олдемом образовывал «прядильный круг» вокруг Манчестера.

[10] Ср.: Ф. Энгельс (старший) — Ф. Энгельсу. Письма от 16 сентября и 22 ноября 1852 г.; 2 марта 1853 г.; 3 июня 1855 г. (MEGA [2]. III / 6. S. 227, 315, 399; III / 7. S. 455.)

[11] Черновик письма Энгельса не имеет датировки. Дата устанавливается на основе публикуемых писем Хэккинга.

[12] 24 января 1854 г.

ЛЕЙПЦИГСКАЯ НАХОДКА
(Новое письмо Ф. Энгельса)

Не столь часто наследие основоположников научного социализма пополняется вновь найденными документами, принадлежащими их перу. На долю этих исторических источников выпадают порой большие испытания, вполне сравнимые с судьбами людей. Долгий путь в сегодняшний день проделало и публикуемое ниже, впервые на русском языке, письмо Энгельса Вильгельму Либкнехту. Оно было написано 2 января 1886 г. в период действия в Германии исключительного закона против социалистов (1878—1890), запретившего все социал-демократические организации, печать и вынудившего социал-демократов перейти на нелегальную работу, сочетая ее с ограниченными легальными возможностями. Энгельс отправил письмо из Лондона в Борсдорф (местечко под Лейпцигом), где с конца июня 1881 г. как политически неблагонадежные лица жили В. Либкнехт и А. Бебель.

В 1933 г. к моменту прихода к власти в Германии фашистов письмо Энгельса находилось предположительно в архиве газеты «Leipziger Volkszeitung» [1] у лейпцигских социал-демократов, которые в условиях диктатуры Гитлера вынуждены были уйти в подполье. Оно попало на хранение в надежные руки — в семью социал-демократа В. Риля. В начале 80-х гг. нынешнего столетия один из членов этой семьи Вальтер Риль (младший), узнав о подготовке Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригиналов (МЭГА[2]), предпринял тщательное обследование архива своего покойного отца и нашел поистине бесценный документ. В 1983 г., в «год Маркса», В. Риль подарил найденное письмо Институту марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ (Берлин) [2].

Это письмо восполняет пробел в переписке Энгельса с Либкнехтом, которая велась с 1853 по 1894 г. Их диалог представлен 167 сохранившимися до наших дней письмами; 67 из них принадлежат Энгельсу [3]. Публикуемый документ представляет собой изложение двух самостоятельных сюжетов — в первой части письма Энгельс сообщил Либкнехту биографические подробности о недавно

скончавшемся Сигизмунде Боркхейме; вторая часть посвящена отзвукам произошедшего в конце 1884 — середине 1885 г. конфликта внутри Социалистической рабочей партии Германии.

28 декабря 1885 г. Энгельс сообщил Либкнехту о смерти С. Боркхейма и предложил посвятить покойному «небольшой некролог» в «Der Sozialdemokrat» [4]. «Я сам неохотно выступаю в подобных случаях,— писал Энгельс,— а ты можешь это сделать совершенно свободно, и к тому же больше знаешь о его деятельности в Бадене» [5]. Тогда же, 28 декабря, Энгельс сообщил Либкнехту некоторые сведения о Боркхейме. Очевидно, Либкнехту понадобились дополнительные биографические данные и он обратился за разъяснениями к Энгельсу. И хотя письмо Либкнехта не сохранилось, его содержание легко «прочитывается» по найденному в Лейпциге ответу.

Проявляя заботу о воспитании молодых немецких социалистов 80-х гг., Энгельс считал необходимым довести до их сведения примеры героической борьбы старшего поколения. Поэтому, спустя два года после публикации некролога в «Der Sozialdemokrat» он написал более подробную биографию Боркхейма, где ведущее место было отведено его участию в революционных сражениях 1848—1849 гг. [6]

Сигизмунд Людвиг Боркхейм (1825—1885), так же как Энгельс и Либкнехт, был участником революционных событий 1849 г. в Пфальце и Бадене [7], он командовал батареей народного ополчения. Тогда, по-видимому, и началось личное знакомство Боркхейма с Энгельсом. После поражения революции в Германии Боркхейм эмигрировал в Швейцарию, откуда вскоре был выслан, переехал во Францию, снова выслан и в 1851 г. обосновался, наконец, в Лондоне, занявшись коммерцией. По профессии журналист, по убеждениям — революционный демократ, он не принадлежал к числу сторонников коммунистических взглядов Маркса и Энгельса. Однако, будучи горячим противником прусского милитаризма и русского царизма, он неоднократно выступал на страницах демократической прессы [8]. Им был написан популярный очерк о чартистском движении в Англии, посвященный первому массовому политическому движению английских рабочих. При работе над этой брошюрой Боркхейм учел замечания Энгельса о чартизме, специально написанные для него (к сожалению, они не разысканы) [9]. Маркс считал его своим «личным другом» [10].

Во второй части публикуемого письма Энгельс в дружеской форме, но по существу, остро критикует непоследовательность позиции Либкнехта в период внутрипартийного конфликта 1884—1885 гг. [11] Фактически это была вторая попытка оппортунистических элементов (после выступления в печати в 1879 г. так называемой «цюрихской тройки» [12]) направить германскую социал-демократию на путь соглашения с буржуазией. На этот раз острей-

шим образом был поставлен вопрос о возможном существовании в рамках одной партии двух идейных направлений в немецком рабочем движении — революционно-пролетарского и оппортунистического [13]. Между представителями этих двух направлений Социалистической рабочей партии возникли принципиальные разногласия по широкому кругу вопросов: стратегия и тактика рабочего движения, значение парламентской деятельности депутатов-социалистов, роль буржуазного государства и проводимых правительством социальных реформ и др. Конфликт затронул также принципы внутрипартийной дисциплины, вопрос о правах и обязанностях членов партии, ответственность руководства за отстаивание интересов рабочего класса в исключительно сложных условиях действия в Германии закона против социалистов.

В этот период Либкнехт продолжал быть ведущим членом социал-демократической фракции рейхстага, которая, в соответствии с решениями Виденского съезда (1880), осуществляла руководство партией [14]. После выборов в рейхстаг 1884 г., принесших серьезную победу социал-демократам, численность фракции увеличилась вдвое и составила 24 депутата. Успех, выпавший на долю социалистической партии, находящейся на нелегальном положении, усилил в ее рядах реформистское крыло, связывавшее переход к социализму с проведением социальных реформ в рамках существующего капиталистического общества и переоценивавшее значение своего участия в буржуазном парламенте. Теперь большинство фракции составили реформистски настроенные социал-демократы. Ее революционно-пролетарское крыло (в том числе В. Либкнехт и А. Бебель) оказалось в меньшинстве.

В событиях 1884—1885 гг. Либкнехт сыграл противоречивую роль. Первый этап конфликта (ноябрь 1884 — 23 марта 1885 г.) был связан с голосованием в рейхстаге вопроса о пароходных субсидиях. В конце 1884 г. Бисмарк в интересах активизации колониальной политики Германии потребовал от рейхстага утверждения ежегодных субсидий пароходным компаниям для организации регулярных рейдов в Восточную Азию, Австралию и Африку. Это требование правительства вызвало разногласия внутри социал-демократической фракции. Левое крыло во главе с А. Бебелем и В. Либкнехтом без колебаний высказалось против поддержки рабочей партией требования правительства [15].

Большинство фракции (И. Диц, К. Фроме, К. Грилленбергер и др.) намеревалось голосовать за субсидии под предлогом развития международных связей. Критические выступления «Der Sozialdemokrat» против тех социал-демократических депутатов рейхстага, которые при решении вопроса о субсидиях фактически защищали интересы крупной немецкой буржуазии, послужили поводом к углублению конфликта [16]. Его вторая фаза (март —

апрель 1885 г.) переросла в разногласия «между фракцией и редакцией» по вопросу о роли и характере газеты.

В условиях исключительного закона «Der Sozialdemokrat», издававшаяся в Цюрихе и нелегально распространявшаяся в Германии, стала связующим звеном между руководством партии (фракцией) и ее местными организациями. От имени фракции газету курировал комитет, в состав которого вместе с Бебелем и Ф. Фриче вошел Либкнехт. В ходе конфликта правые предприняли попытку установить контроль над редакцией «Der Sozialdemokrat» и в конечном счете захватить в свои руки руководство. Однако, в значительной степени благодаря усилиям Бебеля и главного редактора газеты Э. Бернштейна, их планы не осуществились. Уже на этой второй стадии разногласий проявилась та склонность Либкнехта к компромиссам, которая подвергалась строгой критике его товарищами по партии [17].

Действия Либкнехта, курировавшего газету от имени фракции, по существу, препятствовали развитию внутрипартийного конфликта до логического конца [18]. В статьях, предназначенных для «Der Sozialdemokrat», он старался приглушить излишнюю остроту полемики, что в конечном счете осложняло его коллегам последовательную борьбу с оппортунистами [19].

Причины «лавирования» Либкнехта заключались в том, что он недооценил серьезность оппортунистической опасности и не принял во внимание предостережений Энгельса, что «мелкобуржуазный элемент в партии все более и более берет верх» [20]. Даже на первой стадии конфликта причину разногласий он видел в вопросах тактики, а не в намеренном забвении правыми социалистами классовых интересов партии. Усиление реформизма, столь явное для Бебеля еще в 1884 г. [21], Либкнехт начал осознавать, как отмечается в публикуемом письме Энгельса, лишь к концу 1885 г., когда острота конфликта спала. Правда, уже в мае 1885 г. в частной беседе Либкнехт довольно резко высказывался против отдельных членов правого крыла фракции (особенно Б. Гейзера и В. Блоса) [22]. Энгельс также верно подметил склонность Либкнехта видеть источник идейных столкновений в личных амбициях и самолюбии людей, претендующих на ведущие роли в партии. Именно о таком поверхностном восприятии внутрипартийного конфликта и о последующем «прозрении» Либкнехта свидетельствует фраза Энгельса: «...в прошлом году ты видел внутри фракции лишь личные разногласия, тогда как уже сейчас ты обнаружил тех, кто «пятится назад».

Действительно, Либкнехт сделал свой выбор осенью 1885 г. Осознав, что в ходе конфликта на карту было поставлено не просто организационное единство партии, а прежде всего ее идейная основа — марксистская теория, Либкнехт направил свою критику против высказываний Л. Фирека, В. Газенклевера, В. Блоса, К. Фроме о том,

будто с введением так называемого нормального рабочего дня будут ликвидированы безработица и другие негативные стороны капитализма. В серии статей, используя аргументацию Маркса, Либкнехт, в отличие от правых социал-демократов, предостерегал от переоценки результатов сокращения рабочего дня и доказывал, что лишь с введением коллективной собственности будут ликвидированы безработица и анархия производства [23]. Он также опроверг их утверждения, будто творцом научного социализма является буржуазный экономист Родбертус.

Уроки, извлеченные Либкнехтом в ходе острых идейных разногласий, позволили Энгельсу со свойственной ему прямотой и искренностью выразить уверенность в том, что Либкнехт не изменит революционным принципам рабочей партии.

Публикацию подготовили В. Н. Поспелова и И. Н. Шиканян при участии Е. Н. Кофановой.

Ф. ЭНГЕЛЬС — В. ЛИБКНЕХТУ В БОРСДОРФ ПОД ЛЕЙПЦИГОМ [24]

Лондон, 2 января [18]86 г.

Дорогой Либкнехт!

Жена Боркхейма умерла около 8 лет назад, это для него не было несчастьем — она пила. Его сын *, 19-ти лет, торговый служащий в Дюнкерке. Сам он сначала занимался торговлей в Ливерпуле; в период Крымской войны благодаря одной спекулятивной поездке в Балаклаву с грузом какой-то ерунды сумел заработать разом 15 000 ф. ст. Правда, повторив это предприятие, он потерял их; в это время как раз был заключен мир [25]; стал виноторговцем; обнаружив, что является чуть ли не самым тонким ценителем бордо в Лондоне, стал агентом фирмы по продаже бордо, создал здесь для нее клиентуру; однако проявил неосмотрительность, и когда затем захотел стать Associé **, его выставили за дверь — в его услугах более не нуждались. Не сделав из этого никаких выводов, он еще раз повторил проделку с другой торговой фирмой и с таким же успехом; и опять должен был начать все сначала. Тотчас же снова нашел две хорошие протекции, жил как всегда по-княжески; в Баденвейлере с ним случился апоплексический удар (10 лет назад), полностью парализовавший левую сторону его тела. Тут и выяснилось, что вместо денег у него одни долги — он назанимал денег у всех своих друзей, чтобы иметь возможность вести такую безумную, бесшабашную жизнь. При всем при этом его настолько

* — Ф. Боркхейм. *Ред.*
** — Компаньоном. *Ред.*

любили, что спокойно простили ему все долги, и два торговых дома, для которых он работал, назначили ему пенсию, так что он мог существовать. Его домашняя работница, с которой у него наверняка были весьма интимные забавы, ухаживала за ним до самой его смерти; она смогла устроить меблированные комнаты в Гастингсе[26] и изрядно зарабатывала в сезон. В прошлом году его лишили и последней пенсии. Тогда при участии его деловых друзей — им всем он был должен — мы устроили ему новую вполне достаточную пенсию. Он пребывал в счастливом, веселом и хвастливом состоянии, чувствовал себя героем, как будто на него не обрушилось внезапное ужаснейшее несчастье. Никаких жалоб, неизменно веселый, даже не было заметно каких-либо признаков того, что внезапный удар хоть как-то затронул его. С подобной живучестью я редко сталкивался. Он занялся написанием собственной биографии сначала по-английски, затем по-немецки[27], последняя, вероятно, не совсем завершена. Если ты для этого сможешь отыскать издателя, а также немного денег для парня, у которого жалованье 70 ф. ст.— и это при том, что он воспитан почти как прирожденный аристократ,— то ты сделаешь доброе дело. Адрес: F. Borkheim, aux soins de Messieurs Bourdon 8c C[ie], Dunkerque, France *.

В своих подозрениях относительно тайных нашептываний на твой счет ты заблуждаешься. Единственный добрый друг, который во всяком случае способен к тебе за что-то придираться, который то и дело повторяет: «А кто это тебе сказал», «А кто это тебе сказал»,— зовется Вильгельмом Либкнехтом, и это он нашептывает в своих письмах и печатает в газете «Sozial-Demokrat» и в каких-то прочих немецких газетах. Из этого источника я давным-давно понял, что ты питаешь непреодолимую слабость ко всем тем «образованным» ** элементам, которые лавируют на грани выхода из партии, и пытаешься привлечь их, несмотря на то, что 95% из них нам только вредят; из этого же источника я узнал, что в прошлом году ты видел внутри фракции лишь личные разногласия, тогда как уже сейчас ты обнаружил тех, кто «пятится назад». Этому источнику я обязан также знанием того, что тот же Вильгельм Либкнехт при этом иногда весьма склонен забывать то, что́ писал, если в данный момент это его не устраивает, и рассчитывает на добродушие других людей, ожидая, что они сделают ему то же одолжение, что, к сожалению, не всегда возможно. С твоей манией вылавливать образованные ** элементы и затушевывать все разногласия приходится, однако, примириться, и это делается совершенно спокойно, тем более, что ничего уже не изменишь; только не требуй, чтобы эти разногласия не замечали. Понимая неизбежность этого, я успо-

* Франция, Дюнкерк, гг. Бурдон и К[0] (вручить Ф. Боркхейму). *Ред.*
** В оригинале на берлинском диалекте: «jebildete». *Ред.*

каиваю себя тем легче, что знаю и при каждом удобном случае говорю, что как только во взаимоотношениях борющихся сторон наступит развязка, ты займешь правильную позицию.

Ну, а теперь — с Новым годом!

Твой

Ф. Энгельс

Впервые опубликовано в «Leipziger Volkszeitung» N 218, 15.IX.1983

На русском языке публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская народная газета») — немецкая общедемократическая газета. Основана в 1894 г.

[2] Leipziger Volkszeitung. 1983.15.IX. S. 7; *Gemkow H.* Ein neugefundener Engels-Brief // Marx-Engels-Jahrbuch. Berlin, 1985. Bd. 8. S. 315—320.

[3] *Liebknecht W.* Briefwechsel mit Karl Marx und Friedrich Engels. Hrsg. von G. Eckert. The Hague, 1963.

[4] Некролог был помещен в: Der Sozialdemokrat. 1886.15.I. N 3 под названием «In memoriam!» («В память!»). Имеющиеся в нем фактические неточности В. Либкнехт исправил в следующем номере газеты в заметке «Sigismund Borkheim» (Der Sozialdemokrat. 1886.21.I. N 4). См. также письмо Ф. Энгельса В. Либкнехту от 7 января 1886 г. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 355). Были уточнены дата, год и место рождения С. Боркхейма, годы его учебы и ряд фактов, связанных с событиями 1848 г.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 351.

[6] См.: *Энгельс Ф.* Введение к брошюре Боркхейма «На память ура-патриотам 1806—1807 годов» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 356—361.

[7] О баденско-пфальцском восстании см.: *Ф. Энгельс*. Германская кампания за имперскую конституцию // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 111—207.

[8] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 30. С. 334; Т. 31. С. 301, 468; Т. 32. С. 15, 92, 140, 198—199.

[9] Оригинальный экземпляр брошюры Боркхейма пока не найден. Однако имеются два варианта ее перевода на русский язык: *С. Боркгаймъ*. Движение чартистов. Пер. с нем. И. Вилька. Спб., 1905 и *С. Боркгаймъ*. Чартистское движение в Англии. Пер. с нем. под ред. Н. А. Рожкова. М., 1905. В последнем содержится пространное авторское примечание об использованных источниках, среди которых Боркхейм назвал и «некоторые письменные сообщения, которыми он обязан Фр. Энгельсу» (Там же. С. 4).

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 31. С. 468.

[11] С декабря 1884 до середины июля 1885 г., т. е. за то время, когда происходили идейные столкновения в Социалистической рабочей партии Германии, до нас дошло всего 2 письма Ф. Энгельса В. Либкнехту: *Liebknecht W*. Briefwechsel... S. 284—286.

[12] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Циркулярное письмо А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 161—175.

[13] Подробнее об этих событиях см. переписку деятелей германской социал-демократии в кн.: Im Kampf um den revolutionären Charakter der proletarischen Partei. Briefe führender deutschen Arbeiterfunktionäre. Dezember 1884 bis Juli 1885. Berlin, 1974. Анализ конфликта дан во введении, написанном Урсулой Херрманн.

[14] Решения Виденского съезда см. в: Protokoll des Kongresses der deutschen Sozialdemokratie. Abgehalten auf Schloß Wyden in der Schweiz, vom 20. bis 23.

August 1880. Zürich, 1880. S. 30 // Protokolle der sozialdemokratischen Arbeiterpartei. Bd. II. (Gotha, 1875 — St. Gallen, 1887). Bonn — Bad Godesberg, 1971; *Osterroth F., Schuster D.* Chronik der deutschen Sozialdemokratie. Hannover, 1963. S. 60—61.

[15] *Dominick III R. H.* Wilhelm Liebknecht and the Founding of the German Social Democratic Party. University of North Carolina Press, 1982. P. 310—313.

[16] Позиция Ф. Энгельса по данному вопросу была изложена в его письмах к А. Бебелю и В. Либкнехту (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 222, 223—226).

[17] См.: *Чубинский В.* Вильгельм Либкнехт — солдат революции. М.: Мысль, 1968. С. 146.

[18] О позиции Ф. Энгельса относительно возможного раскола Социалистической рабочей партии Германии см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 135, 287.

[19] См. там же. Т. 36. С. 272, 286, 295. Склонность В. Либкнехта к замалчиванию разногласий критиковалась А. Бебелем в его письмах к Ф. Энгельсу (*August Bebel.* Briefwechsel mit Friedrich Engels. Hrsg. von W. Blumenberg. The Hague, Mounton & S°, 1965. S. 236).

[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 240.

[21] См.: А. Бебель — Г. Шлютеру. 15.XII.1884 // Im Kampf... S. 70.

[22] См.: А. Бебель — Э. Бернштейну. 22.V.1885 // Im Kampf... S. 201.

[23] *Liebknecht W.* Ueber den Normalarbeitstag // Der Sozialdemokrat. 1885. 22., 29.X; 5., 12., 19.XI. N 43—47.

[24] В связи с введением 29 июня 1881 г. в Лейпциге «малого осадного положения» в условиях исключительного закона против социалистов 32 социал-демократа были вынуждены покинуть Лейпциг. В числе их оказались В. Либкнехт и А. Бебель, поселившиеся под Лейпцигом в деревне Борсдорф.

[25] Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг., закончившейся Парижским мирным договором (1856). Россия, воевавшая с коалицией Великобритании, Франции, Турции и Сардинии за господство на Ближнем Востоке, потерпев поражение, была вынуждена признать нейтральность Черного моря и пойти на ликвидацию черноморского военного флота, а также сделать ряд территориальных и других уступок в пользу Турции и западных держав.

[26] Гастингс — курорт на южном побережье Англии.

[27] *Borkheim S.* Erinnerungen eines deutschen Achtundvierzigers // Die Neue Zeit. Stuttgart, 1890. S. 125—139, 204—222, 253—271, 305—325.

ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ Ф. ЭНГЕЛЬСА С ДАТСКИМИ СОЦИАЛИСТАМИ

Вниманию читателя предлагается заметка из датской газеты «Arbejderen», содержащая фрагмент неизвестного, не публиковавшегося на русском языке письма Ф. Энгельса датскому социал-демократу, журналисту А. К. Майеру. Письмо связано с одним из эпизодов истории датской социал-демократии конца 80-х гг. XIX в. Как свидетельствуют письма Энгельса Луи Пио, первые контакты с датскими социалистами установились у Энгельса в начале 70-х гг. [1] Однако в наследии Маркса и Энгельса не так много материалов, связанных с датским рабочим движением. Публикация данного отрывка пополняет сведения о связях Энгельса с датскими социалистическими деятелями. Она позволяет лучше понять его позицию в конце 80-х гг. по вопросу о единстве пролетарской партии, борьбе революционного и реформистского направлений в рабочем движении.

Первая датская рабочая политическая организация возникла в августе 1871 г., когда в Копенгагене была основана секция Первого Интернационала — Международное Рабочее Общество Дании [2]. В 1876 г. был образован на реформистской основе Социал-демократический союз Дании, внутри которого с самого начала боролись реформистское и революционное направления [3]. Борьба между ними усилилась с возвращением в 1888 г. [4] из эмиграции Г. Трира и Н. Петерсена [5]. В эмиграции Трир и Петерсен установили связь с деятелями социалистического движения, в том числе с германскими социал-демократами. У них установились личные контакты и с Энгельсом. Это подтверждается воспоминаниями Петерсена, озаглавленными «Мое возвращение на родину». Он писал: «...прощаясь с Энгельсом в Лондоне, я обещал ему, что буду действовать в интересах революционного социализма так, как учили он и Карл Маркс...» [6]

Вернувшись на родину, Трир и Петерсен вскоре возглавили небольшую группу членов Социал-демократического союза Дании, которая выступала против оппортунистического большинства пар-

тии и в частности против ее многолетнего политического союза с партией сельской буржуазии Венстре [7]. Своей главной целью Трир и Петерсен считали привнесение марксистской теории в датское рабочее движение. Вкладом в пропаганду марксизма в Дании был выполненный Триром перевод работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [8].

С 1 апреля 1889 г. оппозиционное меньшинство партии во главе с Триром и Петерсеном начало издавать в Копенгагене еженедельную газету «Arbejderen» [9]. О существовании этой газеты стало известно Энгельсу, который в письме П. Лафаргу от 2 мая 1889 г. характеризовал ее как «радикально-оппозиционную газету» Петерсена и Трира [10]. Одновременно Трир и Петерсен вели агитацию в местных социал-демократических организациях, направленную против «сторонников реформ», как они называли партийное руководство во главе с П. Кнудсеном.

Размежевание между двумя направлениями в датской социал-демократии становилось все более отчетливым, и во время дебатов в июле 1889 г. по поводу участия датских социалистов в Парижском конгрессе II Интернационала возник вопрос о расколе партии. Поскольку этот вопрос вставал не первый раз, он вызвал серьезное беспокойство в партии. По этому поводу Майер заявил в мае 1889 г. в связи с годовщиной основания Союза обувщиков: «Говорят, что в рабочем движении существуют умеренные и радикальные элементы и что стоит вопрос о расколе. Раскол был бы разрывом с традициями классовой борьбы и преступлением по отношению к наиболее революционному из наших принципов, выдвинутых самым революционным из всех социалистов — Карлом Марксом. Он призывал: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»... Поэтому как бы мы ни назывались — радикалами или умеренными...— мы выступаем против раскола». Речь Майера была опубликована в центральном органе Социал-демократической партии Дании «Sozial-Demokraten» [11].

В ответ на это выступление несколько дней спустя в «Arbejderen» была опубликована анонимная статья под заголовком «Пугало для социал-демократов» (ее автором мог быть Трир или Петерсен). Призыв Майера к единству был назван в статье, «мягко говоря, бессмысленным», ибо, как подчеркивалось далее, «единство — вещь хорошая, но лишь единство на правильной основе» [12]. При этом делалась ссылка на историю германской социал-демократии, а именно: на существование до Готского объединительного съезда 1875 г. двух рабочих партий — эйзенахцев и лассальянцев. Утверждая, что до 1875 г. эйзенахцы не пытались добиться единства с лассальянцами, «Arbejderen» отмечала, что в этом случае «раскол был... средством повести за собой всю партию» [13]. Образование в 1869 г. Эйзенахской партии газета считала тактическим ходом,

позволившим эйзенахцам усилить свое влияние в германском рабочем движении.

В ответной статье Майера, опубликованной в «Arbejderen» 3 июня 1889 г., подчеркивалось, что именно примирение эйзенахцев с лассальянцами на Готском объединительном съезде показало, что для немцев самым главным было единство. Не понимая, видимо, сложного отношения Маркса и Энгельса к организационному объединению эйзенахцев и лассальянцев в 1875 г. и неверно оценивая их практическое участие в руководстве международным рабочим движением, Майер писал: «Маркс и Энгельс, при всех их огромных заслугах [sic] перед социализмом, в отдельных случаях отрицательно относились к практической работе в классовой борьбе. Они были, в частности, против того, что эйзенахцы искали примирения с лассальянцами. Их можно простить, потому что они видели все это на расстоянии. Огромные заслуги во много раз искупают отдельные мелкие человеческие слабости этих двух людей» [14].

Выступление Майера в «Arbejderen», видимо, побудило Энгельса взяться за перо. Фрагмент письма Энгельса был включен редакцией «Arbejderen» в небольшую заметку, напечатанную в № 13 газеты от 24 июня 1889 г. В предлагаемой ниже публикации она приводится целиком, включая редакционное вступление.

Оригинал письма Энгельса не сохранился. По содержанию публикуемого отрывка трудно судить, идет ли речь о личном письме Энгельса Триру или Петерсену или оно было адресовано непосредственно в редакцию газеты. Принадлежность письма Энгельсу можно обосновать на основе следующих косвенных данных.

Заслуживает внимания характер этого документа. В нем содержится прямое обращение Энгельса к Майеру. Употребление в заметке слов «Энгельс пишет», «он говорит», после которых следуют два отрывка, заключенные в кавычки, наводят на мысль, что речь идет о выдержке из неизвестного письма Энгельса. Как уже отмечалось, газета «Arbejderen» была хорошо известна Энгельсу [15]. Нет сомнения в том, что он прочитал статью Майера, поскольку со времени ее публикации 3 июня 1889 г. в № 10 газеты до появления 24 июня 1889 г. ответа прошли три недели — срок достаточный, чтобы этот номер газеты был доставлен из Копенгагена в Лондон. В промежутке между этими датами и было, очевидно, написано Энгельсом данное письмо. Основным доказательством его авторства является сопоставление содержания письма с высказываниями Энгельса по упоминаемым в отрывке проблемам в других его письмах [16].

Публикация подготовлена Ю. А. Васиным.

Перевод с датского выполнен Д. Э. Куниной.

ЗАМЕТКА ИЗ ГАЗЕТЫ «ARBEJDEREN» от 24 июня 1889 г.

«А. К. Майер против Маркса и Энгельса

В «Arbejderen» № 10 г-н Майер пишет, что Маркс и Энгельс, между прочим, были «против стремлений эйзенахцев к примирению с лассальянцами». Энгельс пишет по этому поводу, что утверждения г-на Майера «не соответствуют действительности». Далее он говорит: «Маркс и я отнюдь не были против объединения немецких рабочих фракций, но мы были категорически против спешки и опрометчивости, проявляемых в этом деле некоторыми эйзенахцами, желавшими установить единство немедленно и любой ценой. Если бы последовали нашему совету, единство точно так же было бы достигнуто, но при этом не возникло бы необходимости, в частности, использовать для разработки общей программы такого человека, как Гассельман [17],— того самого Гассельмана, которого вскоре после этого были вынуждены изгнать из партии. За наши «маленькие человеческие слабости» (и большие в равной степени) мы готовы нести ответственность, но только тогда, когда мы действительно в чем-то повинны».

Печатается по тексту книги «Marx i Danmark. Historiske bidrag», 1983. S. 100

На русском языке публикуется впервые

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 33. С. 349—352, 360—361. *Пио* Луи (1841—1894) — деятель датского рабочего и социалистического движения, один из создателей датских секций I Интернационала (1871), редактор газеты «Sozialisten» и основатель Социал-демократической партии Дании (1876).

[2] См.: История Второго Интернационала. Т. 2. М., 1965. С. 71.

[3] Там же; см. также: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 2. М., 1976. С. 238.

[4] *Lahme H. N.* Om splittelse i arbejderbevaegelsen. En diskussion mellem A. C. Meyer, «Arbejderen» og Friedrich Engels, med et fragment af et ukendt Engels-brev // Marx i Danmark. Historiske bidrag. 1983. S. 93.

Трир Герсон (род. 1851) — учитель, один из лидеров левого крыла Социал-демократической партии Дании, переводчик ряда работ Энгельса на датский язык.

Петерсен Нильс Лоренцо (род. 1814) — сторонник В. Вейтлинга; в 40-х гг. активный деятель Лозаннского рабочего союза, член Союза коммунистов и I Интернационала, один из лидеров левого крыла Социал-демократической партии Дании, делегат Международного социалистического рабочего конгресса 1889 г. в Париже.

[5] *Levy J. L., Thing M.* Dansk socialistick teori 1850—1900. København, 1973. S. 198.

[6] *Lahme H. N.* Op. cit. S. 93.

[7] См.: История Второго Интернационала. Т. 2. С. 215.

Венстре (дат. «Venstre» — «Левая») — политическая партия Дании, выражала интересы крупных и средних землевладельцев и фабрикантов пищевой индустрии. В 80-х гг. в партию входило также значительное число мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

[8] *Engels F.* Familjens, Privatejendommens og Statens Oprindelse. I Tilslutning til Lewis H. Morgan Unterføgelser. Dansk, af Forfatteren gennemgaaet Udgave, besørget af Gerson Trier. Kobenhavn, 1888. См. с. 331.

[9] «Arbejderen» — выходила с апреля 1889 по март 1893 г., орган левого крыла Социал-демократической партии Дании.

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 162.

[11] Social-Demokraten. 1889. 15.V. Цит. по: *Lahme H. N.* Op. cit. S. 96.

[12] Arbejderen. № 8. 1889. 20.V. Цит. по: *Lahme H. N.* Op. cit. S. 96—97.

[13] Ibid., S. 97.

[14] Arbejderen. № 10. 1889. 3. VI. Цит. по: *Lahme H. N.* Op. cit. S. 98.

[15] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 162, 198.

[16] Оценка объединения эйзенахцев и лассальянцев в публикуемой заметке очень близка, например, словам Энгельса из его письма Л. Лафарг от 19 октября 1890 г. (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 411). Эти слова перекликаются также с содержанием письма Энгельса А. Бебелю от 18—28 марта 1875 г. (Там же. Т. 19. С. 1—8.) Не случайно, видимо, и то, что в письме Триру от 18 декабря 1889 г. Энгельс обстоятельно разъясняет свою и Маркса позицию относительно тактики пролетарской партии в борьбе за единство в рабочем движении (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 274—277), что непосредственно перекликается с содержанием публикуемого документа.

[17] *Гассельман* Вильгельм (1844—1916) — один из руководителей лассальянского Всеобщего германского рабочего союза. В 1871—1875 гг. редактор «Neuer Social-Demokrat». С 1871 г. член Социалистической рабочей партии Германии. В 1880 г. исключен из партии как анархист.

ПИСЬМА Г. ШЛЮТЕРА Ф. ЭНГЕЛЬСУ (1884—1888)

Публикуемые впервые 28 писем Фридриха Германа Шлютера (1851—1919), активного участника рабочего и социалистического движения Германии и США, в адрес Энгельса за 1884—1888 гг. представляют большой научный интерес. Письма дополняют биографические сведения о деятельности Энгельса в этот период, позволяют уточнить историю публикаций ряда произведений К. Маркса и Ф. Энгельса и их распространения в 80-х гг. XIX в.

В письмах содержится обширный материал, относящийся к истории германской социал-демократии в период исключительного закона против социалистов в Германии. Вместе с ответными письмами Энгельса этих лет, опубликованными в 36 и 37 томах второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, они способствуют воссозданию цельной картины развития рабочего движения в этот период.

До сих пор биография Шлютера мало изучена [1]. Шлютер примкнул к рабочему движению в Соединенных Штатах в 1872 г., где он принимал участие в движении безработных в Чикаго [2]. С 1874 по 1875 г. он был одним из сотрудников еженедельника «Vorbote» — чикагского органа рабочей партии Иллинойса. Вернувшись приблизительно в 1876 г. в Германию, он стал корреспондентом газеты «Vorbote» в Альтоне, затем — экспедитором дрезденской «Volksbote», получившей позднее название «Volkszeitung», а после закрытия газеты — сотрудником «Dresdener Abendzeitung». В это же время Шлютер активно участвует в социалистическом движении.

В 1880 г. Шлютер представлял Дрезденскую социал-демократическую организацию на нелегальном съезде немецких социал-демократов в замке Виден (Швейцария). Здесь по его предложению было принято решение об изменении одного из принципиальных положений Готской программы. Из положения о том, что «германская рабочая партия добивается всеми законными средствами установления свободного государства и социалистического общества», было изъято слово «законными», что придавало этой формули-

ровке иной смысл. На съезде Шлютер выдвинул также предложение об организации в Швейцарии архива германской социал-демократии. Предложение было одобрено съездом и именно Шлютеру было поручено начать осуществление этого решения.

В 1883 г. Шлютер был выслан властями из Дрездена. По предложению А. Бебеля он направился в Цюрих, где с 1880 г. выходил центральный орган партии, еженедельная газета «Der Sozialdemokrat», для организации издания и распространения социал-демократической литературы. В Цюрихе он возглавил партийное издательство «Народная книготорговля» и одновременно занялся собиранием материалов для партийного архива. К этому времени относится начало его переписки с Энгельсом. Шлютер придавал большое значение этой переписке. Он постоянно советовался с Энгельсом по многим вопросам, связанным с издательской деятельностью партии, и неукоснительно следовал его рекомендациям.

Шлютер был одним из инициаторов и основным организатором издания серии книг «Социал-демократическая библиотека», сыгравшей важную роль в распространении идей научного социализма в Германии в период действия исключительного закона против социалистов. В составе этой серии в 1885—1890 гг. вышли в свет 34 брошюры, посвященные теоретическим и актуальным социально-политическим проблемам. В числе авторов опубликованных работ были К. Маркс, Ф. Энгельс, их соратники — А. Бебель, И. Дицген, В. Вольф, П. Лафарг, В. Либкнехт, а также Ф. Лассаль, В. Вейтлинг, Г. Бабёф, С. Боркхейм и др.[3] В этот период переписка Шлютера с Энгельсом стала особенно оживленной. В письме от 13 мая 1885 г. Шлютер лишь коротко информирует Энгельса о готовящемся издании этой серии и просит дать рекомендации по поводу того, какие работы можно было бы включить туда дополнительно. Последующая переписка Энгельса со Шлютером посвящена преимущественно проблемам, связанным с изданием «Социал-демократической библиотеки». Энгельс придавал ей большое значение. Его перу принадлежат предисловия к отдельным работам, выходившим в этой серии, он лично принимал участие в подготовке отдельных брошюр к печати. В этой же серии вышла и работа Шлютера «Чартистское движение в Англии», опубликованная анонимно[4]. В период подготовки этой брошюры Энгельс высказал автору немало критических замечаний. В 1916 г. Шлютер издал в Америке монографию о чартистском движении в Англии[5]. Известно, что В. И. Ленин весьма высоко оценивал эту книгу[6].

Весной 1888 г. вследствие нажима, оказанного германским правительством на швейцарские власти, Шлютер вместе с несколькими руководителями газеты «Sozialdemokrat» и издательства был выслан из Швейцарии. Редакция и издательство продолжили свою деятельность в Лондоне, где газета выходила с октября 1888 по

сентябрь 1890 г. В Лондоне Шлютер находился с мая 1888 по март 1889 г., руководя издательством и работая над пополнением архива Социал-демократической партии Германии.

В марте 1889 г. Шлютер, по причинам личного характера, эмигрировал в США, где сразу же активно включился в социалистическое движение. Он стал сотрудником, а с 1893 г. редактором органа Социалистической рабочей партии Северной Америки — газеты «New Yorker Volkszeitung». На этом посту Шлютер оставался до конца своих дней. Переписка его с Энгельсом продолжалась и после переезда в Соединенные Штаты. Письма Шлютера этого периода заслуживают отдельной публикации.

Публикация подготовлена В. А. Резниковой под редакцией Б. Г. Тартаковского.

№ 1

Хоттинген, 26.7.84.

Дорогой товарищ!

Мы позволили себе при сем направить Вам бандеролью 2 оттиска первого листа Вашей книги [7] для проведения корректуры. Конечно, мы просили бы, если Вам позволит время, немедленно приступить к сверке и отослать нам оттиски по возможности быстрее.

Одновременно сообщаем, что достигли договоренности с местным книготорговцем (Я. Шабелицем) о поставке ему 1000 экземпляров Вашей книги в улучшенном исполнении (особо хорошая бумага) для книжных магазинов. Он же должен будет позаботиться о соответствующих объявлениях в печати — особенно в «Buchhändler-Börsenblatt» — и вообще займется распространением книги через книжные магазины. Разумеется, имеется в виду соответствующее повышение цены, и мы считаем, что с этим согласятся также друг Эде [8] и Каутский, поскольку цена 2 марки в книжном магазине и 80 пфеннигов для рабочих (проще оформленное издание) за книгу объемом 8—9 листов не слишком высока.

Если у Вас будут замечания по оформлению или характеру распространения, просим их сообщить.

С уважением
Volksbuchhandlung
Г. Шлютер

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4496

Публикуется впервые

wurde eine entsprechende Erhöhung des
Preises in Aussicht genommen, u. sind wir
der Meinung, daß der auch Freund Ed. u.
Kautsky zustimmen, daß der Preis von
Mk. 2 – im Buchhandel u. 80 Pf. für Arbei-
ter (geringer ausgestattete Ausgabe) für die
etwa 8 – 9 Bogen starke Schrift nicht zu
hoch gegriffen wäre.

Sollten Sie irgend Abänderungen an der
Ausstattung der Schrift oder an der Art
des Vertriebes haben, so bitten wir um
Ihre Mittheilung.

Hochachtungsvoll
pr. Volksbuchhandlung
H. Schlüter

Вторая страница письма
Г. Шлютера Ф. Энгельсу
от 26 июля 1884 г.

№ 2

Хоттинген, 9.8.84.

Дорогой господин Энгельс! [9]

При сем направляем 3 и 4 корректурные листы Вашей книги. Отсылка 3-го листа была задержана из-за сообщения о Вашем отъезде из Лондона [10] и поэтому осуществляется лишь сейчас.

Как только книга будет готова, я распоряжусь отправить Вам 50 экземпляров, а если Вам потребуется еще, то они, разумеется, будут в Вашем распоряжении.

С целью получения документов и книг М[еждународного] Т[оварищества] Р[абочих] для партийного архива я недавно обратился к Ф. А. Зорге в Хобокен, который со времени моего пребывания в Америке стал моим хорошим другом. Он сообщил мне, что до 1872 года все было в руках Маркса и, по-видимому, должно находиться в его наследии. Документы [18]72—[18]76 гг. у К. Шпейера, который, по мнению Зорге, пока не сможет их передать, поскольку они еще очень тесно связаны с современностью. Может быть, Вы знаете, находится ли все это в наследии Маркса? По поводу своей переписки с Марксом, Вами и другими Зорге хочет сначала связаться с Вами. Могу ли я просить Вас, если возможно, дать согласие на то, что все поступит в архив?!

Молодая американка, изучающая здесь общественно-политические науки [11], просила спросить Вас, не будете ли Вы возражать против перевода на английский язык Вашего «Положения рабочего класса в Англии». Она уже некоторое время работает над ним. Далее: не согласились бы Вы, если возможно, написать предисловие к этому переводу и не хотите ли Вы внести какие-либо изменения. В случае Вашего согласия, эта дама обратится к Вам лично.

С наилучшими приветами Ваш

Г. Шлютер

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4498

Публикуется впервые

№ 3

Хоттинген, 19.IX.84.

Дорогой г-н Энгельс!

При сем посылаю Вам последние листы корректуры [7]. По словам Карла Каутского, Вам может понадобиться Родбертус, «К познанию нашего экономического строя» [12]. Если это верно, то прошу сообщить мне, так как я достал несколько экземпляров этой книги и мог бы один выслать Вам.

Теперь вопрос и просьба. Есть ли у Вас обе появившиеся в книжной торговле речи Маркса о покровительственных пошлинах и свободе торговли? (по-немецки или по-французски) [13]. Считаете ли Вы их переиздание целесообразным и не предоставите ли Вы мне при случае для этого Ваш экземпляр?

В ожидании Вашего дружеского ответа с приветом и уважением

Ваш
Г. Шлютер

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4505

Публикуется впервые

№ 4

Хоттинген — Цюрих, 10.XII.84.

Уважаемый г-н Энгельс!

От дамы [11], о желании которой перевести на английский язык Ваше «Положение рабочего класса» я уже как-то писал Вам раньше, я только что получил для Вас рукопись и письмо, которые при сем Вам пересылаю. Предполагаю, что эта посылка имеет отношение к переводу, но точнее ничего не знаю.

Нельзя ли каким-нибудь образом сделать так, чтобы мы могли выпустить также новое немецкое издание Вашего «Положения рабочего класса»? Как мне сообщили Эде [8] и Каутский, Диц [14] (Штутгарт) уже обращался к Вам по этому поводу, однако, поскольку он, по-видимому, не собирается браться за издание, Вы, наверное, не будете возражать, если я наведу у него справки.

В ожидании Вашего ответа шлю привет

С уважением
Ваш *Г. Шлютер*

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4523

Публикуется впервые

№ 5

Хоттинген — Цюрих, 10 января 1885 г.

Уважаемый господин Энгельс!

Ваше письмо от 1-го сего месяца получил.

И я, и все, с кем я обсуждал это дело, совершенно согласны с Вашим предложением относительно «Анти-Дюринга» [15] и просим сообщить нам, можем ли мы приступить к работе без задержек, или Вы вначале захотите еще раз посмотреть новое издание «Истории...» Дюринга, в котором он отвечает на Вашу критику [16]. Если у Вас нет этой книги, то мы могли бы выслать Вам ее. Во всяком случае, Вы,

по-видимому, остановитесь на этом в Ваших примечаниях и в предисловии?

Теперь просьба. У Вас, наверное, имеется один или, возможно, несколько экземпляров «Revue der Rheinischen Zeitung» [17]. Для меня важно по возможности нейтрализовать влияние массовой литературной похлебки вроде «Права на труд» и т. д. и т. д., которому сейчас подвергаются товарищи в Германии, и я предполагаю, что в названном журнале есть статьи, отдельное издание которых могло бы подействовать в этом направлении. Если бы Вы в течение некоторого времени могли обойтись без этого журнала и выслать его нам, мы были бы Вам очень признательны. Я обращаюсь с этой просьбой лишь после того, как испробовал все возможные пути, чтобы раздобыть это издание. Однако все попытки оказались бесплодными, и даже объявление в «Buchhändler-Börsenblatt» не дало никаких результатов.

Относительно «Положения...» я написал в Лейпциг, чтобы получить определенный ответ от Виганда [18]. Результат я сообщу Вам своевременно.

С наилучшими приветами Ваш
Г. Шлютер

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5
Д. 4527

Публикуется впервые

№ 6

Хоттинген, 20.1.1885.

Дорогой господин Энгельс!

Ваши оба письма [19] мы получили и вскоре начнем набирать «Анти-Дюринг»: корректурные листы мы Вам, конечно, сможем посылать, не так ли?

Вы ошибочно предположили, что я обратился к Виганду по поводу нового издания Вашего «Положения...». Я лишь затребовал несколько экземпляров старого издания с тем, чтобы мы, если они к нам не поступят, смогли бы вообще констатировать, что оно распродано, а это, по-моему, необходимо для оценки юридических отношений между Вами и Вигандом. Во всяком случае это не повредит. Разумеется, я вступлю в переговоры с Дицем, если дело продвинется настолько далеко. Если он захочет издать книгу, то я, естественно, не буду против; главное для меня то, чтобы Ваша работа была вновь издана. Поскольку у Дица больше возможностей, чем у нашей типографии, то в определенном смысле было бы даже желательно, чтобы он взялся за это дело [20].

В связи с загадочными обстоятельствами распространения Вашего «Происхождения...» [21] я немедленно побывал у Шабелица

и узнал там следующее: примерно 8 недель назад лейпцигская таможня конфисковала большое число экземпляров «Происхождения...», которые Шабелиц отправил своему комиссионеру. По истечении трех недель книги ему были возвращены, однако с тех пор комиссионер отказывается распространять «Происхождение...», ссылаясь на то, что у него «из-за этого очень много неприятностей». Тем не менее, как мне сообщил Шабелиц, выполняется каждый заказ, причем бандеролями. Заказы поступают в Лейпциг, и торговый агент пересылает их Шабелицу, который затем отправляет книги бандеролями, правда, только после того, как запросит у заказчика, желательна ли такая отправка книг. Употребление фразы «истребуемое может быть отправлено лишь бандеролью» может вызвать у немецких книготорговцев предположение, что книга запрещена — Шабелиц утверждает, что может употреблять лишь вышеуказанное выражение, поскольку он тоже не заинтересован в том, чтобы говорить, что книга запрещена.

Эти обстоятельства несомненно затрудняют распространение книги, однако против этого вряд ли можно что-то сделать. Прежний комиссионер Шабелица отказался с ним работать, опасаясь неприятностей с властями; и с нынешним, очевидно, дело обстоит не намного лучше. После того, как благодаря закону против социалистов правительство получило оружие, которое оно может направить против господ книготорговцев — на деле же оно еще ни разу не обращало его против несоциалистов,— этот сброд стал настолько трусливым, что, если покупатель не будет достаточно энергично требовать неугодной правительству книги, книготорговец всеми правдами и неправдами будет стараться не заказывать ее. До 1878 г. в Германии через книжные магазины можно было получить любую запрещенную книгу, а теперь ей достаточно даже быть не запрещенной, а лишь «неугодной», и если ее приобретение хоть в какой-то мере сопряжено с малейшими трудностями, то алчущий наживы буржуа становится трусливым мещанином.

Кстати, продажа, в том числе и через книжные магазины, идет хорошо. Естественно, рабочие покупают больше, нежели все другие классы.

В Германии книгу распространяет Диц, он усердно дает объявления в «Neue Welt» и «Neue Zeit» [22] и сообщает, что продажа идет удовлетворительно.

Письмо Эде Вы, наверное, получили, он шлет привет.

Преданный Вам

Г. Шлютер.

Может быть, Вам интересно, что Шабелиц первым из издателей опубликовал «Кёльнский процесс против коммунистов» [23]. Тираж

у него был конфискован, когда в районе Базеля, где Шабелиц тогда жил, книги пытались нелегально переправить через германскую границу.

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4530 — *Публикуется впервые*

№ 7

Хоттинген, 13.V.1885.

Уважаемый господин Энгельс!

В заключительной части издаваемого нами сборника стихотворений «Vorwärts» мы намереваемся опубликовать в качестве приложения небольшую серию таких стихотворений [24], которые играли историческую роль в различных революционных движениях со времени Крестьянской войны, а также в связи с нею. Кроме известных стихотворений такого рода, написанных в новейшее время, у нас нет ничего подходящего, и Эде посоветовал мне обратиться к Вам, чтобы, если возможно, получить некоторые советы.

Итак, мне бы хотелось знать:

1) Было ли в английском чартистском движении стихотворение, имевшее выдающееся общее значение?

2) Известны ли Вам стихотворения подобного рода из различных крестьянских движений XV и XVI веков?

3) Имелось ли в 1848 г. в Германии стихотворение, имевшее общее значение?

Раз уж я начал задавать вопросы, то разрешите спросить еще кое о чем. В ближайшее время мы приступаем к изданию серии книг и брошюр под названием «Социал-демократическая библиотека»; некоторые из них, несомненно, могут заинтересовать и Вас. Например, Суд присяжных против Маркса и Шаппера [25]; Кёльнский процесс против коммунистов [26]; «Силезский миллиард» Вольфа [27] и кое-что еще. Я думаю, под заголовком «Небольшие работы и статьи» Маркса собрать некоторые его труды. К примеру: «Учредительный манифест», «Гаагский отчет», статьи об июньской революции из «Neue Rheinische Zeitung» и т. п. [28] Разумеется, Вы оказали бы большую любезность, если бы подсказали, что еще можно было бы включить в эту статью. Кстати. Статья против Бакунина в «N[eue] Rh[einische] Z[ei]t[un]g» относительно Пражского славянского конгресса написана Марксом [29]? По-видимому, я не ошибаюсь в своем предположении.

Прошу извинить меня за использование Вашего и без того сверхзанятого времени; но я был вынужден это сделать, поскольку кроме Вас мне не у кого больше навести справки.

Заранее очень Вам благодарен. Самые сердечные приветы от Эде и Вашего

Г. Шлютера

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4552

Публикуется впервые

№ 8

Хоттинген, 21.V.1885.

Дорогой господин Энгельс!

Огромное спасибо за Вашу дружескую информацию относительно стихов и др. [30]

Что касается издания «Социал-демократической библиотеки», в особенности небольших статей Маркса, то я руководствуюсь примерно следующей мыслью: много ценных статей потеряно или доступ к ним затруднен, поскольку они появились в газетах, большая часть которых не сохранилась, или в виде листовок, которые в момент их появления также не рассматривались как нечто, достойное сохранения. Другое дело, если подобные небольшие работы издаются в виде брошюр. Каждый, кто интересуется нашей литературой, охотно приобретет такие издания, главное в которых — это их агитационная ценность. Моя идея состоит в том, чтобы собрать в одной или нескольких брошюрах статьи из газет «Vorwärts», «Sozialdemokrat», «Volksstaat», «Neue Rheinische Zeitung», поскольку читатель сохранил к ним интерес. Имеются в виду небольшие статьи как Маркса, так и Ваши, если Вы согласны, а возможно и некоторых других авторов. Разумеется, я совершенно не намереваюсь, издавая эти небольшие вещи, нарушать чьи-либо права. Из работ Маркса я имею в виду лишь те, которые Вы упоминаете сами: «Учредительный манифест», «Гаагский отчет» и т. п.; они, вероятно, уже издавались партийными издательствами. Я бы не хотел включать «Гражданскую войну...», поскольку она одна заполнила бы целый выпуск, а кроме того, еще не распространена. Небольших работ времен Международного Товарищества Рабочих будет, по-видимому, маловато для целого выпуска, поэтому я думаю присоединить к ним статьи из «Neue Rheinische Zeitung». Но Вы вправе сказать: это не годится, и я буду весьма благодарен, если Вы при удобном случае сообщите мне свое мнение о том, что можно было бы включить в сборник из произведений Маркса. Равно как и из Ваших произведений, а также написанных Вами совместно.

У Вас, конечно, нет никаких сомнений относительно издания «Кёльнского суда присяжных». Они скорее могут возникнуть относительно издания «Кёльнского процесса коммунистов», или мы

можем включить и эту работу? Разумеется, нам бы очень хотелось иметь Ваше предисловие к «Суду присяжных» [31]. Эде очень хотелось бы поместить часть выступлений на суде, в первую очередь речь Маркса в разделе фельетонов «Sozialdemokrat», и нам было бы весьма приятно, если бы Вы уже вско́ре могли выслать это предисловие.

Дело с Вашим «Дюрингом» теперь пойдет быстрее, поскольку мы наняли еще одного наборщика.

Имеются еще значительные запасы экземпляров «Развития...» [32]. В Германии печатается такое обилие «речей», что товарищи едва успевают покупать толковую партийную литературу. И все же я надеюсь, что теперь, после закрытия рейхстага, дело снова пойдет лучше. Мысль о печатании главы «Теория» по тексту «Развития...» я считаю очень удачной [33].

Многочисленные приветы и пожелания «веселых праздничных дней»

Ваш

Г. Шлютер

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4554 — *Публикуется впервые*

№ 9

Хоттинген, 24.VI.85.

Дорогой господин Энгельс!

Посылаю Вам сегодня бандеролью «Кёльнский процесс коммунистов». Поскольку я одолжил и свой экземпляр, и находящийся в архиве, то мне пришлось раздобывать еще один, отсюда задержка. «Манифест» [34] и «Наемный труд и капитал» Вы получите. Выписку из счета мы не прилагаем, потому что Вы нам ничего не должны. Наоборот! Что мы должны Вам?!

Мне бы хотелось издать «Отчет о процессе по поводу уклонения от налогов против Маркса, Шаппера и Шнейдера» [18]49-го г. Мы были бы очень признательны, если бы Вы согласились написать предисловие. Как Вы заметили, часть речи Маркса на этом процессе уже была напечатана в «Sozialdemokrat» [25]. Сохранившийся набор я хотел бы использовать при издании брошюры и обращаюсь к Вам с просьбой, если Вам позволяет время, написать это предисловие как можно быстрее. Любезно обещанные Вами примечания к «Процессу коммунистов» можно было бы в этом случае задержать примерно на 6 недель. Поскольку в архиве имеется книга Штибера и Вермута («Коммунистические заговоры XIX столетия»), то мы без труда сможем включить в «Разоблачения» оба обращения центрального комитета к Союзу [35].

Показать июньские бои на основе Ваших и Маркса статей [36] было бы превосходно и весьма целесообразно уже для того, чтобы вновь напомнить массе членов партии о революционном характере нашей партии и стремлениях, цель которых — превращение социал-демократической в «рабочую партию». Осенью я позволю себе напомнить Вам об этом. Столь же целесообразно было бы сейчас новое издание «Силезского миллиарда» В. Вольфа; это показало бы крестьянам намерения помещиков в несколько ином свете.

Теперь еще об одном. Второй том «Капитала» мы пока не получили. Мейснер [37] выдвигает весьма невыгодные условия. Он продает за наличные лишь с 25-процентной скидкой и на 10 экземпляров дает один бесплатный. По заказам до 1 июля он несколько снизил цены — продает экземпляр на 5 марок при номинале 8 марок. Распространение затруднено, поскольку мы не имеем возможности давать скидку. Мы должны к тому же отдельно оплачивать доставку. Я пока выслал деньги на 100 экз. Мне сообщили, что Мейснер за первое издание «Капитала» заплатил Марксу лишь 500 марок. Так ли это?

Не могли бы Вы сообщить мне при случае, сколько еще имеется в запасе фотографий Маркса? Насколько мне известно, этими днями экспедиция «Sozialdemokrat» вышлет Вам финансовый отчет.

Конфликт фракции с редакцией все еще в полном разгаре. На следующей неделе в газете появится заявление Ауэра, Блоса и Грилленбергера [38]. Либкнехт пытается посредничать и замять разногласия. Фроме на одном крупном собрании во Франкфурте потерпел заслуженное поражение. Ему не следовало выступать. Значительная часть товарищей, по-видимому, лишь сейчас начинает понимать, в чем дело. Отовсюду поступают протесты против позиции фракции в вопросе о субсидиях пароходным компаниям и т. д., и точка зрения Либкнехта в вопросе о «диктатуре» наталкивается на решительные возражения.

Эде шлет наилучшие приветы, в ближайшее время он напишет Вам.

Наилучший привет от Вашего

Г. Шлютера

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4564 — *Публикуется впервые*

№ 10

Хоттинген, 29 августа 1885 г.

Дорогой господин Энгельс!

На Ваше письмо от 1 июля отвечаю лишь сегодня. Не хотел Вас тревожить в течение двух жарких месяцев, на что Вы, надеюсь, не обидитесь.

Сегодня я выслал Вам первые 14 пробных чистых листов «Анти-Дюринга». На следующей неделе последуют листы с 15 по 17, а как только поступит остающийся 18 лист корректуры, он тоже пойдет в печать. Корректурные оттиски 19 и 20 листов вышлю Вам в начале недели. Поскольку на этом книга практически заканчивается, то я прошу Вас прислать предисловие и замечания, которые Вы сочтете необходимыми сделать.

«Суд присяжных» Маркса будет также печататься на следующей неделе, и я Вам его немедленно вышлю. Если Вы могли бы затем написать предисловие и примечания к «Процессу коммунистов», я был бы Вам очень признателен, однако в этом не будет большой необходимости до середины сентября и не страшно, если Вы это сделаете даже в конце месяца.

Ваше предложение о том, чтобы в издание «Силезского миллиарда» включить написанную Вами биографию Вольфа из «Neue Welt», по-видимому, невозможно осуществить, поскольку в этой биографии названные статьи приводятся в выдержках. Если бы Вы взяли на себя труд и сделали купюры в биографии, я был бы рад, поскольку я еще раньше собирался просить Вас в качестве предисловия к «Миллиарду» написать что-нибудь о В. Вольфе. Итак, могу ли я выслать Вам соответствующий номер «Neue Welt»?

Не могли бы Вы при случае распорядиться, чтобы нам выслали 50 больших и 100 небольших фотографий Маркса?

Надеюсь, что Вы уже получили сообщение о расследовании деятельности швейцарских анархистов.

Полиграфическое исполнение II тома «Капитала» подвергают критике: там встречаются два различных варианта буквы «а». В набор проскочили даже готические буквы, например, на с. 89.

В качестве курьеза следует упомянуть, что в одной из газет, выходящих в Бреслау, журналист утверждал, будто бы II том состоит из одних лишь математических формул и составлен из 2 (двух) рукописей.

С наилучшим приветом

Ваш

Г. Шлютер

P. S. Вместе с чистыми листами отправил Вам экземпляр «Deutsches Wochenblatt» с заявлением, которое может Вас заинтересовать.

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4583

Публикуется впервые

№ 11

Хоттинген, 26.IX.1885.

Дорогой господин Энгельс!

Получил Ваше письмо и предисловие и др., а также в настоящее время и корректору «Анти-Дюринга».

Вследствие поломки машины наш печатник, к сожалению, очень запаздывает с работой. Из-за этого удалось отпечатать лишь 15 листов Вашего «Анти-Дюринга». Сейчас мы уже в достаточной мере, хотя и не полностью, восполнили ущерб, и дело может пойти быстрее. Как только будут готовы новые листы, я вышлю их Вам.

Как раз перед получением Вашего письма Вам был отослан «Маркс перед судом присяжных». Прошу извинения за то, что не отправлял Вам ни корректурных оттисков, ни чистых листов. Отчасти виноват я, но лишь отчасти. Технический руководитель типографии отправил первый лист (с Вашим предисловием) в печать, не поставив меня в известность. Он об этом забыл. Так как Вы все равно не смогли бы провести всю корректуру, я не стал отсылать Вам и второй лист. Правда, я допустил при этом еще одну ошибку, не отправив Вам чистые листы. Но нет худа без добра, в следующий раз буду внимательнее.

Ранее Вы предлагали приложить к «Процессу коммунистов» два обращения Центрального комитета, опубликованные в книге Штибера и Вермута «Коммунистические заговоры». Первое из них — это, естественно, лондонское, от марта 1850 г., найденное у Нотъюнга и Беккера[39]. Кроме того, у меня имеются еще два, одно датировано июнем 1850 г., «которое поступило к купцу из Лейпцига Хельферу с почтовым штемпелем Кёльна», по замечанию Штибера, и другое, от 1 декабря 1850 г., оба выпущены кёльнским Центральным комитетом. Последнее представляется мне более важным. В первом содержится отчет о положении Союза в различных странах. Не откажите в любезности сообщить мне, какое из них Вы хотели бы видеть включенным в книгу или это должны быть все три [35]. Я мог бы Вам, естественно, выслать книгу Штибера.

В перечислении работ, которые Вы любезно согласились выполнить для нас, я не нашел подборки сообщений и статей об июньской битве из «Neue Rheinische Zeitung» и «Revue der Neue Rheinische Zeitung», а также возможных дополнений к ним. Если Вам все равно, для меня было бы лучше, если бы Вы могли выполнить эту работу до Вашей «Крестьянской войны». «Крестьянская война», вероятно, будет объемнее нынешнего издания и ее невозможно будет включить в «Социал-демократическую библиотеку» [40]. Конечно, это всего лишь мое пожелание; если для Вас важно, чтобы сперва была

издана «Крестьянская война», то, разумеется, для этого нет никаких препятствий.

С наилучшими приветами Ваш

Г. Шлютер

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4591 — *Публикуется впервые*

№ 12

Хоттинген, 16 ноября 1885 г.

Дорогой господин Энгельс!

Я не смог послать Вам чистые листы заключительной части и предисловий к «Анти-Дюрингу», потому что они должны печататься вместе со списком опечаток. Поэтому я позволил себе из остающегося еще раз выслать Вам корректурный оттиск и прошу Вас составить в соответствии с ним список опечаток. Поскольку этот оттиск сделан с уже исправленного набора, то это все равно, не так ли?

По поводу Вашего «Происхождения» Диц уже обращался ко мне [41]. Я, разумеется, вначале захотел узнать Ваше мнение и написал бы Вам, если бы не Вы сами завели разговор об этом деле.

От первого тиража еще осталось более двух тысяч экземпляров, так что сейчас не имело бы смысла запускать новый тираж. Диц все равно продает «Происхождение» и имеет возможность, если несколько форсирует дело, с успехом продвинуть книгу в книжную торговлю. Правильно, что отсюда можно меньше сделать для распространения книги, чем из Германии, потому что все поступающее из Цюриха, как и то, что поставляет Шабелиц, с недоверием рассматривается раболепствующим сбродом книготорговцев. Если Диц захочет взять дело в свои руки и сделать для распространения «Происхождения» больше, чем делал до настоящего времени, то мы, разумеется, охотно пойдем ему навстречу и назначим минимально низкие цены. Об этом я ему напишу. Вместе с тем я хочу еще раз поговорить с Шабелицем и поставить вопрос о том, не сможем ли мы снова направить партию экземпляров торговому агенту в Лейпциг.

Посылку с фотографиями Маркса я получил. Не будете ли Вы столь любезны назвать цену, чтобы я мог Вам выслать деньги?

Сохранилась ли у Вас связь с Эккариусом? Мы хотели бы переиздать его «Опровержение рабочего» и для этого связаться с ним. Поскольку его дела, как мне говорили, обстоят не особенно хорошо, он наверняка охотно согласится немного переработать свое сочинение в том смысле, чтобы устаревшие статистические выкладки заменить новым материалом, за что мы ему, разуме-

ется, заплатим [42]. Вы окажете мне большую услугу, сообщив его адрес.

Вслед за наскоками Фирека на статьи Либкнехта о нормальном рабочем дне в «Sozialdemokrat» [43] Ауэр также выступил с потрясающей передовицей в гамбургской «Bürgerzeitung». Положительный момент в этой истории состоит в том, что Либкнехт лишился своей посреднической роли и теперь обязан определить свою позицию по отношению к тем, кто на него нападает. Это прояснит ситуацию.

Сердечный привет

Ваш

Г. Шлютер

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4600

Публикуется впервые

№ 13

Хоттинген — Цюрих, 26.XI.85.

Дорогой господин Энгельс!

Только что прибыла Ваша рукопись. Большое спасибо и привет.

Ваш *Г. Шлютер*

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4602

Публикуется впервые

№ 14

Хоттинген — Цюрих 2.12.85.

Дорогой господин Энгельс!

Сегодня я выслал Вам два первых экземпляра «Дюринга». На днях будут отправлены посылкой остальные 12 экземпляров, и я прошу Вас сообщить мне, сколько еще экземпляров Вам требуется. Бумага оказалась хуже, чем я думал. Для произведений такого объема, как «Дюринг», она чрезмерно пориста, и я сам собой недоволен, что мы не взяли бумагу несколько лучшего качества. Однако сейчас уже ничего не поделаешь, но, может быть, Вас удовлетворит, что в следующий раз я обещаю исправить это.

С наилучшими приветами

Ваш *Г. Шлютер*

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4603

Публикуется впервые

№ 15

Хоттинген — Цюрих, 15.XII.85.

Дорогой господин Энгельс!

Вы получите «Крестьянскую войну» [44] и остальные экземпляры «Дюринга».

По поводу Эккариуса большое спасибо. Я получил Ваш счет и в ближайшее время оплачу его [45].

Сегодня у меня была г-жа Вишневецкая [11] (бывшая фрейлейн Келли) и просила меня сообщить Вам, что, как ей кажется, она нашла издателя для своего перевода Вашего «Положения рабочего класса». Она просит подумать о предисловии. Через две недели она пришлет Вам всю рукопись.

Смогли ли Вы уже предпринять шаги по поводу нового немецкого издания книги?

Ваш
Г. Шлютер

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4611 — *Публикуется впервые*

№ 16

Хоттинген — Цюрих, 19.XII.85.

Дорогой господин Энгельс!

На днях я просматривал книгу Лотара Бухера «Парламентаризм, каков он есть» [46] и обнаружил следующее примечание при характеристике домашних распрей между Пилем и Пальмерстоном: «Но лорд Пальмерстон, истинный британский министр, отомстил за замечание королевы выступлением против принца-супруга. За 100 гиней и бочонок шерри он нанял бойкого журналиста, который написал брошюру «Пальмерстон, что он сделал?». По своему содержанию эта брошюра была рассчитана на средние классы и соответственно их примитивному пониманию была украшена гравюрами на дереве» и т. п.

Под «бойким журналистом», возможно, имелся в виду Маркс, и я поэтому счел необходимым обратить Ваше внимание на этот ответ Бухера на те удары, которые ему нанес Маркс в 1878 г.[47] Или брошюра под упомянутым названием принадлежит не Марксу? Это едва ли можно предположить. О работе Маркса я знаю лишь из информации на обложке книги «Господин Фогт» и не знаком с ее содержанием, так что не могу судить, имел ли Бухер в виду именно это произведение [48].

Не знаю, сделал ли Бухер это примечание в первом издании своей книги; поскольку у меня нет ее под рукой, то я не могу

это проверить. Я располагаю вторым изданием, вышедшим в свет в 1881 году. Так как я тогда находился в тюрьме, то не знаю, делали ли Маркс и Вы какие-либо заявления по поводу указанного примечания после выхода нового издания. Эде, с которым я говорил об этом, тоже ничего об этой истории не знает, поэтому мы и решили обратить на нее Ваше внимание.

Разумеется, книга в Вашем распоряжении, если Вы захотите, чтобы я Вам ее выслал.

Замечу также, что место, подчеркнутое в примечании, в книге Б. не выделено, это сделано мною.

С наилучшими приветами, так же и от Эде.

Ваш

Г. Шлютер

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4612

Публикуется впервые

№ 17

Хоттинген — Цюрих, 10.III.86.

Дорогой господин Энгельс!

Получил Вашу открытку от 3 сего месяца и заказанное отправил.

Уже довольно давно я дал поручение одному лицу в Лондоне выплатить причитающуюся Вам сумму. По-видимому, тот человек у Вас еще не появлялся?

Мы, конечно, огорчены тем, что Вам пришлось пока приостановить Вашу деятельность для «Volksbuchhandlung» [49], однако с этим ничего не поделаешь, а, с другой стороны, переводы «Капитала», как и дальнейший выпуск в свет немецкого издания, важнее всего остального, так что мы здесь охотно уступаем. Кстати, не читали ли Вы рецензию Лексиса на второй том «Капитала» в «Conradische Jahrbücher» [50]?

Относительно Вашего «Происхождения» и т. д. могу сообщить следующее: 1000 экземпляров отправлено Дицу. Он напечатал к ним новый титульный лист и обозначил их как второе издание. Первоначально Диц писал мне, что хочет включить Вашу книгу в серию научных публикаций, которую намеревается издавать. И вот сегодня я читаю, что он уже объявил об этом как о новом издании в «Buchhändler-Börsenblatt». Если бы он сообщил мне раньше, что хочет представить отправленные ему 1000 экземпляров как новое издание, то я бы вначале спросил бы Вашего согласия. Надеюсь, что эти действия в Ваших интересах: во всяком случае книга сейчас проникнет в круги, в которые она не попала прежде.

Теперь один вопрос! Не могли бы Вы сообщить, представлял ли Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих

ежегодные отчеты каждому из состоявшихся конгрессов и все ли эти отчеты печатались (на каком-нибудь языке). У меня есть некоторые отчеты, например Базельскому и Гаагскому конгрессам, но другие я не мог раздобыть, даже в «Vorbote» [51] содержится не все. Я намерен собрать все отчеты Генерального Совета конгрессам в одном томе и выпустить в нашей «Социал-демократической библиотеке». Было бы очень хорошо, если бы Вы могли информировать меня об этом [52].

В «Rheinische Jahrbücher» Пюттмана за 1846 год я обнаружил работу о чартистском движении, главное содержание которой составляет речь Стефенса. Эта статья подписана инициалами Г. В. (может быть, Георгом Веертом? [53]). Думаю, что немецкому движению пошло бы на пользу, если бы наши рабочие приобрели немного революционного пыла, и, несомненно, рассказ о революционных выступлениях рабочего класса других стран подействует в этом отношении стимулирующе; поэтому мне пришла в голову мысль включить эту речь Стефенса в «Социал-демократическую библиотеку». Однако сама по себе она не имеет достаточной ценности. По моему мнению, ей следует предпослать краткую характеристику чартистского движения вообще. Я бы попросил Вас написать это введение, если бы не знал, что более важные дела без остатка заполняют Ваше время. Короче говоря, я сам написал это введение. При недостатке источников о чартизме, в особенности в немецкой литературе, а из английской у меня ничего нет, я не рискую просто так выступить с этим сочинением перед общественностью; тем более что был вынужден пользоваться немногочисленными немецкими буржуазными и катедер-социалистическими источниками, а им я не вполне доверяю. О чартистском движении так мало известно, что я не могу здесь найти никого, кому мог бы дать эту работу на просмотр. И поэтому обращаюсь к Вам как к единственному сведущему человеку. Можно ли послать Вам рукопись, около двух печатных листов? Могли бы Вы ее просмотреть и сообщить мне Ваше мнение? Я хорошо понимаю, что у Вас очень много работы, и если это совершенно невозможно, то напишите мне об этом откровенно. Но если бы Вы смогли это сделать, то оказали бы мне большую услугу [54].

В заключение еще несколько вопросов. В Вашем «Положении рабочего класса...» указано, что Хартия была составлена в 1835 г. Брентано [55] и другие называют 1838 год. Мне думается, что в Вашей книге осталась невыправленная опечатка. Не так ли? Или в 1835 г. Хартия действительно была составлена в качестве программы? Далее. По-видимому, все равно, Charte или Charter. Встречаются оба написания.

Брентано сообщает, что после 10 апреля 1848 г. переданная в этот день петиция была проверена в Палате общин и что при этом

выяснилось, что значительное число подписей было фальсифицировано и такого их количества, которое было названо, вообще не существовало. Так ли это?

В заключение прошу извинить меня за мои многочисленные вопросы и сообщаю Вам в качестве курьеза, что недавно в Константинополе вышла книга Маркса «Наемный труд и капитал» в переводе на армянский язык.

В ожидании Вашего дружеского ответа остаюсь с наилучшими приветами.

Ваш
Г. Шлютер

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4639 — *Публикуется впервые*

№ 18

Хоттинген, 17.III.86.

Дорогой господин Энгельс!

Большое спасибо за Ваш дружеский ответ и готовность, с которой Вы беретесь просмотреть введение к речи Стефенса [53].

Рукопись прилагаю.

Правда, я уже сейчас уверен, что Ваш карандаш ждет большая работа, так как из Вашего письма вижу, что большая часть использованных мною источников сомнительна. Я прошу не щадить грифеля и устранить все, что не относится к делу. Приношу извинения за то, что не оставил на бумаге места для замечаний, так как уверен, что потребуются существенные изменения, вследствие чего возникнет необходимость переписать работу после Ваших поправок, то сейчас хочу сэкономить на переписывании, надеюсь, Вы не обидетесь на меня за это.

С просмотром можно не спешить. Выберите подходящее для Вас время.

Заранее благодарю.

Остаюсь с наилучшими пожеланиями

Ваш *Г. Шлютер*

Если в ближайшее время наш уполномоченный не выплатит Вам деньги, то я вышлю их Вам непосредственно.

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4641 — *Публикуется впервые*

№ 19

Хоттинген, 8.VI.86.

Дорогой господин Энгельс!

Письмо [56] получено и содержащиеся в нем просьбы выполнены. Парижский адрес был: Drexel, Haryes 8c Co. Но госпожа В.[11] еще здесь.

Я получил из наследия Гесса большое число писем для архива; среди них есть такие, автор которых не назван и имя его не определяется из содержания. В нескольких из них (4 или 5) упоминаетесь Вы и Маркс, и я думаю, что Вы могли бы указать нам автора. Можно ли мне их Вам при случае выслать? Это не к спеху, так же, как и моя попытка написать о чартизме. Пусть это не отрывает Вас от Ваших столь важных работ. Привет от Вашего

Г. Шлютера

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4653

Публикуется впервые

№ 20

Хоттинген, 16.VIII.86.

Дорогой господин Энгельс!

Ваша книжица «К жилищному вопросу» уже почти полностью распродана и я охотно издал бы ее снова. В случае Вашего согласия, я бы напечатал ее в нашей «Социал-демократической библиотеке» [57].

Если Вы считаете, что мы можем перепечатать работу без изменений, то я прошу Вас дать к ней краткое предисловие. Если же, по Вашему мнению, необходима переработка или существенное изменение текста, то я лучше пока подождал бы с новым изданием, чтобы не взваливать сейчас на Вас еще и эту работу.

Вы, конечно, будете так добры, что сообщите мне коротко Ваше мнение.

Может быть, Вы мне напишете также, что Вы думаете о возможности нового издания брошюры «На память ура-патриотам» [58], которая, насколько я знаю, возможно, тоже принадлежит Вам.

Наилучшие приветы от Эде и

Вашего

Г. Шлютера

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4668

Публикуется впервые

№ 21

Хоттинген, 4.11.86.

Дорогой господин Энгельс!

Бебель попросил меня держать Вас в курсе переговоров с И. Ф. Беккером относительно издания его воспоминаний.

Результат на сегодняшний день: мы предложили И. Ф. Беккеру доплачивать к его доходу, который он получает от Вас и нескольких других друзей, столько, чтобы в год сумма составляла 2000 франков. Беккер сам назвал эту сумму достаточной для удовлетворения его потребностей. Мы берем на себя расходы по возможным поездкам, которые окажутся необходимыми, по приобретению документов и т. п., а также по временному найму секретаря. Гонорар за его сочинение будет определен особо и явится предметом более подробного соглашения [59].

Со всем этим Беккер, по-видимому, согласится. Мы предложили ему также сменить место жительства и переехать в Цюрих. Расходы по переезду мы, разумеется, возьмем на себя. Выгоды, которые каждая сторона получает от близости местопребывания для ускорения работы над этим трудом, настолько очевидны, что не нуждаются в более подробном разъяснении, особенно если учитывать возраст Беккера и связанные с ним недуги. Вряд ли Беккер захочет расстаться с Женевой, но мы пока еще ничего не знаем о его намерениях. Если Вы разделяете мое мнение, то очень меня обяжете, если посоветуете ему согласиться с нашим предложением о переезде. Может быть, тогда его будет легче убедить.

Я непременно сообщу Вам о дальнейшем ходе дела.

Теперь о другом.

Не будете ли Вы возражать, если мы издадим три главы «Теории насилия» из Вашего «Дюринга», соответственно изменив их, в виде отдельного выпуска нашей «Социал-демократической библиотеки»? [60] И также Вашу небольшую работу «О социальном вопросе в России», может быть, с включением первой серии Ваших писем из «Volksstaat», касающихся того же предмета? [61]

Я отлично понимаю, что предъявляю чрезмерное требование, навязывая Вам вдобавок ко всему тому, что Вы уже взяли на себя, еще и новые дела. И прошу Вас, если для них нет никакой возможности, совершенно не церемониться, а коротко и ясно написать: я не могу! Во всяком случае попытка не пытка, остаюсь в ожидании Вашего любезного (или нелюбезного) ответа.

С наилучшими приветами

Ваш

Г. Шлютер

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4689

Публикуется впервые

№ 22

Хоттинген, 5.I.87.

Дорогой господин Энгельс! [62]

Прилагаю обе желаемые страницы Вашей рукописи, которые Вы хотели получить.

На Ваше дружеское «Prosit!» мы все сердечно отвечаем и просим также передать наши приветы всем остальным друзьям, находящимся там в данный момент.

От госпожи Бебель я узнал, что с Августом в Цвикау обращаются более или менее прилично, он может ежедневно гулять $1^1/_4$ часа с Ауэром и Фиреком, однако ему разрешено писать только одно письмо в неделю [63].

С наилучшим приветом

Ваш *Г. Шлютер*

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4702

Публикуется впервые

№ 23

Хоттинген, 12.III.87.

Дорогой господин Энгельс! [64]

Прошу извинить меня, что я только сейчас выражаю Вам благодарность за то, что Вы любезно просмотрели рукопись о чартизме. Неотложные издательские дела заставляли меня со дня на день откладывать ответ на Ваше письмо. Я получил также статью Гарни (из «New-Castle Chronicle»). Большое спасибо и за это.

Признаюсь, я в некоторой степени раскаиваюсь, что отважился писать о чартизме. Я сам прекрасно чувствую, чего здесь не хватает, и если Вы считаете, что утверждения катедер-социалистов заслуживают скептической оценки, то я очень хорошо осознаю справедливость этого предостережения. Но что делать? Ведь на немецком языке имеется так мало материалов, на которые можно опереться, да и на английском дело, по-видимому, обстоит не намного лучше. К тому же последние здесь и не получишь.

Не думаете ли Вы, что в интересах нашей литературы мне, может быть, вообще не следует печатать все это?

Одновременно направляю Вам бандероль с газетами. Это прежде всего серия газет, которые, возможно, помогут Вам составить впечатление о формах предвыборной борьбы в Германии. Я выбрал Хейльброн потому, что один тамошний товарищ, Гумпелиус, прислал нам две такие подборки. Крупные газеты не дают такого точного представления о борьбе, как официальные бюллетени. Кроме того, я послал Вам знаменитую карту с диспозицией французских войск и 3) приложил статью Г. В. (Гвидо Вайсс) из «Frankfurter

Zeitung» о Грюне. Эде просил узнать, не подошла бы сейчас статья Маркса о Грюне для опубликования в «Sozialdemokrat» [65], Малон в «Revue Sozialiste» перепечатал статью Маркса о Прудоне [66] и при этом сделал несколько наглых замечаний об отношении Маркса к Грюну.

Теперь еще одно. Из наследия нашего старого Иоганна Филиппа [67] я получил большое количество писем, в том числе несколько от Вас. Я сообщаю об этом, чтобы Вы смогли располагать некоторыми из них, если бы Вам не хотелось, чтобы они стали достоянием общественности. Правда, пока я ведаю архивом, этого можно не опасаться, но не знаю, что будет потом. Конечно, дело это не столь уж важное, однако я счел своим долгом сообщить Вам об этом. В связи с этим припоминаю, что у Вас есть еще полученные от меня письма Вейтлинга и других. Если они Вам больше не нужны, то мне хотелось бы получить их обратно.

В целом результаты выборов нас здесь порадовали [68]. Конечно, было бы лучше, если бы мы получили на несколько мандатов больше, но не говоря уже о росте числа голосов — хорошо и то, что господа парламентарии получили урок. Гейзеру, Блосу и иже с ними такой провал пойдет в высшей степени на пользу.

С наилучшими приветами Ваш *Г. Шлютер*

P. S. То место, которое Вы упоминаете в связи с Ньюпортом (Уэльс) при начале волнений чартистов (Винсент и др.), называется Лланиддес? [69]

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4725

Публикуется впервые

№ 24

Хоттинген, 15.III.87.

Дорогой господин Энгельс!

Направляю Вам сегодня 20 экземпляров «Жилищного вопроса», которые сегодня же поступили ко мне для рассылки. Прошу сообщить, если Вам потребуются дополнительные экземпляры.

Несомненно, я вправе просить Вас пояснить один момент на прилагаемой странице рукописи, который ни я, ни Эде, которому я показал, понять не смогли. Речь идет о примечании на обратной стороне листа, конкретнее о пункте 2 и далее. Нам, в частности, не ясно, почему ущемление деревенской промышленности объясняет озлобление рабочих новым законом о бедных. Будьте столь любезны, черкните несколько строк, чтобы помочь мне разобраться в этом! В случае, если Вы сочтете полезным напечатать работу о чартистах, прошу Вас сообщить, следует ли мне те места рукописи,

которые Вы написали и обозначили примечаниями к странице такой-то и такой-то, дать особо в виде примечаний или Вы позволите мне вставить их в рукопись. Естественно, работа выйдет в свет без указания Вашего имени, если Вы не пожелаете этого.

Не сомневаюсь в том, что Вы возвратите мне приложенную страницу.

Эде передает приветы. Ваш *Г. Шлютер*

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4726 — *Публикуется впервые*

№ 25

Хоттинген, 1.VII.87.

Дорогой господин Энгельс!

К сожалению, вынужден вновь побеспокоить Вас относительно чартистского движения.

В листе, который был отправлен Вам бандеролью, Вы (на с. 32) обнаружите отчеркнутое синим карандашом место, в котором упоминаетесь и Вы. Изложенное там я позаимствовал из Вашего личного примечания и, разумеется, не хотел бы использовать без Вашего согласия. В свое время Эде, который собирался писать Вам, обещал попросить Вашего согласия на это, но, по его словам, забыл это сделать. И вот теперь задним числом я хотел бы получить Ваше разрешение. Если же Вы пожелаете что-либо изменить или свое имя вообще вычеркнуть, то прошу Вас сделать соответствующие пометки в корректурном листе и выслать его мне. В ином случае высылать его не нужно, и я просто прошу в нескольких строках подтвердить свое согласие.

Вам известно, что какой-то глупый мюнхенский полицейский чиновник запретил второе издание Вашего «Переворота Дюринга». Может быть, Вас утешит то, что перевод «Происхождения» [71] на польский язык признан «легальным» и книга распространяется в Польше беспрепятственно. Из Женевы в Варшаву отправлено уже несколько сотен экземпляров. Точно так же обстоит дело с польским переводом книги Маркса «Нищета философии» [72], которая также беспрепятственно распространяется в Польше.

Кстати, еще одно. Писали ли о Вас уже когда-либо стихи? У меня этими днями была рукопись сборника стихотворений, одно из которых касается Вас. Но оно было ужасно плохо, иначе я переписал бы его и послал Вам. Теперь сборник у Шабелица, и он его, вероятно, издаст, так что Вы можете надеяться продолжить жизнь еще и в «песне».

С наилучшими приветами Ваш *Г. Шлютер*

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4762 — *Публикуется впервые*

№ 26

Хоттинген, 30.XII.87.

Дорогой господин Энгельс!

Подтверждаю получение Вашего весьма важного письма от 7 с. м., а также «Ура-патриотов» с введением, за что очень Вам благодарен.

Эде просит Вас разрешить ему опубликовать заключительную часть Вашего введения к «Ура-патриотам» уже сейчас в «Sozialdemokrat». Если не последует возражения с Вашей стороны, то он будет считать, что Вы согласны. Он опасается, что события могут обогнать Ваши рассуждения; отсюда и спешка.

Ваши «небольшие статьи» образуют 23-й выпуск нашей «Социал-демократической библиотеки» и я составлю его в соответствии с Вашими желаниями [74]. В эти дни я перечитал Вашу статью о Фогте [75]. Она доставила мне большое удовольствие. Открывателю плоских и круглых червей придется скорчить неприятную мину.

Указанный Вами лист из работы «Бакунисты за работой» я Вам вышлю в свое время на корректуру.

Как только я раздобуду еще один-два экземпляра «Revue der Neuen Rheinische Zeitung», вышлю его Вам. Правда, сделать это очень трудно. У книготорговцев с недавнего времени вошло в моду потрошить все старые социалистические издания, которые им удается раздобыть. Так, недавно я обнаружил в объявлениях несколько работ Ваших и Маркса, названия которых мне не были известны. Я обнаружил: Энгельс: Поход в Баден; Маркс: 23 июня в Париже [76] и т. д., всего пять или шесть произведений. И наконец, я вижу, что книготорговец разброшюровал некоторые выпуски «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung» и предлагает их, разумеется, он легко сбывает отдельные статьи в качестве самостоятельных изданий. Ваши статьи о Баденском походе стоили 2,50 м. Некоторые из этих статей я приобрел и охотно выслал бы Вам, но они не сделают Ваш экземпляр «Revue» комплектным. Если тем не менее Вы этого хотите, то я их охотно вышлю. Такие штуки проделываются не только с «Revue» и другими хорошими вещами. Книготорговцы разрезают старые журналы 40-х годов и за большие деньги продают статьи о социализме, которые там находят. Недавно на аукционе в Лейпциге цена Вашего «Положения рабочего класса» превысила 15 марок, а в Берне за ту же книгу недавно заплатили 36 франков.

Заговорив сейчас об этих старых партийных изданиях, я вспомнил, что в нашем архиве все еще нет «Святого семейства». Не найдется ли у Вас лишнего экземпляра?

И еще об одном. На праздники я разбирал оставшиеся после нашего старого Иоганна Филиппа бумаги. При этом мне попалось

письмо Беккеру от Нордштерн-Бруна, содержащее нижеприведенный пассаж. Я воспроизвожу его здесь для Вас, потому что не знаю, знакомы ли Вы с этой ложью, и предполагаю, что Вас это дело заинтересует. В письме говорится:

«О К. Марксе рассказал Б. Б. (Бернхард Беккер) нам в мае прошлого года в Лейпциге, что тот за 1000 талеров заложил рукопись своего сочинения о поведении беженцев, которую позже не мог выкупить, и это сделал прусский полицейский советник Штибер. Меня попросили рассказать об этом Лассалю, который мне на это ответил: «Я благодарю Вас, дорогой Брун, за сообщение, но уверяю Вас, что не имею никаких связей с М.».

Это — главное из письма. Упоминается также разговор, в ходе которого Лассаль рекомендовал Мадзини обратиться к Марксу, от чего тот, однако, отказался, поскольку-де Маркс является «разрушительным элементом», который «ничего не создает, а лишь разрушает». Я Вам сообщаю это лишь для того, чтобы Вы это знали. Поскольку письмо сохраняется, может быть, следовало бы приколоть к нему несколько написанных Вами строк, чтобы пригвоздить ложь.

А теперь сердечное поздравление с Новым годом! Пусть он принесет Вам исполнение всех Ваших желаний.

С сердечными приветами Ваш *Г. Шлютер*

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4799 — *Публикуется впервые*

№ 27

Хоттинген, 15.II.1888.

Дорогой господин Энгельс!

Ваше письмо [78] получил и вложенное передал Эде.

В общем было бы достаточно, если бы я получил рукопись «Теории насилия» примерно 27-го м.; т. е. ее начало. Я полностью успею к сроку, если Вы сможете до этого выслать мне 3 первоначальные главы и, может быть, двумя неделями позднее новую часть.

Но если Вы считаете, что по какой-либо причине так будет лучше — будь то из-за политического положения, или ради бережного отношения к Вашим глазам, или из-за недостатка времени — то я прошу Вас коротко сообщить мне об этом, я бы тогда прежде взял бы что-либо другое.

С наилучшим приветом Ваш *Г. Шлютер*

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4813 — *Публикуется впервые*

№ 28

Хоттинген, 10.IV.88.

Дорогой господин Энгельс!

Я позволил себе направить Вам вчера корректуру Вашего введения к «Ура-патриотам» и прошу Вас его просмотреть. Если Вы сочтете необходимым добавить еще несколько строк, то технических трудностей с этим не возникнет, поскольку я не отправлю брошюру в печать — это относится и к ее началу — прежде, чем получу обратно введение; я не упоминаю об этом, чтобы сказать тем самым, что считаю это необходимым.

Читали ли Вы циркуляр о розыске и аресте Техова, который недавно был опубликован в Берлине по поводу его дела о штурме арсенала в 1848 году? «Либеральная эра» начинается весьма забавно.

Вам известно, конечно, что в Федеральный совет в Берне было внесено предложение о нашей высылке из страны; вероятно, в качестве пластыря на раны, нанесенные аферой со шпионами [79]. Пока Федеральный совет все время оттягивал принятие решения по этому делу. Если до следующей пятницы ничего не случится, то, как нам сообщили, дело пока можно будет считать решенным. Из семи отцов конфедерации шесть стоят за высылку. Сопротивляется только один Рюхонне, и он пригрозил настолько энергичными средствами, что, кажется, держит остальных в страхе. Я, однако, считаю, что даже если дело на этот раз действительно заглохнет, мы не сможем надолго удержать свои позиции. Разумеется, многое будет зависеть от положения дел в Германии. В целом швейцарцы вели себя в этой афере не как мужчины и уж совершенно не как «сыновья Телля». «Телец из Ури» все же оказался скотиной.

Сердечный привет Ваш *Г. Шлютер*

ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 4828 — *Публикуется впервые*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сведения биографического характера взяты из следующих работ: *Уроева А. В.* Г. Шлютер и марксистская немецкая печать // Федоровские чтения. 1979. М., 1982; *Fricke D.* Die deutsche Arbeiterbewegung. 1869—1914. Berlin, 1976; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Biographisches Lexikon. Berlin, 1970.

[2] Когда и почему Шлютер оказался в США, установить не удалось.

[3] См.: *Schaaf F.* Die «Sozialdemokratische Bibliothek» der Schweizerischen Volksbuchhandlung in Höttingen—Zürich und der German Cooperative Printing and Publishing Co in London // Marxismus und deutsche Arbeiterbewegung. Berlin, 1970.

[4] Die Chartistenbewegung in England. Zürich, 1887. 56 S. (Sozialdemokratische Bibliothek, N 16).

[5] *Schlüter H.* Die Chartisten-Bewegung in England. N. Y., 1916. 366 S.

[6] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 371.

[7] Имеется в виду первое издание книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

[8] Эдуард Бернштейн.

[9] Ответное письмо Энгельса не сохранилось, как, вероятно, и следующее письмо Шлютера.

[10] Энгельс уехал в начале августа 1884 г. на отдых в Уэртинг (южное побережье Англии), где пробыл до 1 сентября.

[11] Речь идет о Флоренс Келли-Вишневецкой (1859—1932), американской социалистке. Книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» в ее переводе на английский язык с его предисловием вышла в США в 1887 г.

[12] *Rodbertus-Jagetzow J. K.* Zur Erkenntnis unserer Staatswissenschaftlichen Zustände. Neubrandenburg und Fridland, 1842. Эта книга была нужна Энгельсу для работы над предисловием к немецкому изданию работы Маркса «Нищета философии».

[13] Шлютер, по-видимому, имеет в виду подготовленную, но не произнесенную речь Маркса на конгрессе экономистов в Брюсселе в сентябре 1847 г., а также его речь о свободе торговли на собрании брюссельской Демократической ассоциации 9 января 1848 г. Обе речи были опубликованы первоначально на французском языке в Брюсселе, а затем в переводе И. Вейдемейера на немецком языке отдельной брошюрой в 1848 г. Речь о свободе торговли Энгельс включил в качестве приложения в первое немецкое издание работы Маркса «Нищета философии», вышедшее в Штутгарте в 1885 г.

[14] *Диц* Иоганн Генрих Вильгельм (1843—1922) — немецкий книгоиздатель; социал-демократ, основатель социал-демократического издательства.

[15] В письме от 1 января 1885 г. Энгельс предложил Шлютеру подготовить новое издание «Анти-Дюринга».

[16] *Dühring E.* Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus. Dritte, theilweise umgearbeitete Auflage. Leipzig, 1879.

[17] Имеется в виду «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» — журнал, издававшийся Марксом и Энгельсом с декабря 1849 по ноябрь 1850 г.

[18] В лейпцигском издательстве Отто Виганда в 1845 г. вышло первое издание работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Для нового издания этой работы в другом издательстве необходимо было выяснить, сохранил ли Виганд юридические права на эту книгу.

[19] Имеются в виду письма Энгельса Шлютеру от 13 и 17 января 1885 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 233—235.

[20] Второе немецкое издание «Положения рабочего класса в Англии» вышло в издательстве Дица в 1892 г.

[21] 17 января 1885 г. Энгельс писал Шлютеру: «Из Бонна мне сообщают, что «Происхождения семьи и т. д.» нет в продаже; книготорговцы говорят, что издатель сообщил им из Швейцарии, будто книга запрещена... Но, насколько мне известно, официально объявленного запрещения не было...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 235).

[22] «Die Neue Welt. Illustriertes Unterhaltungsblatt für das Volk» — немецкий социалистический журнал, выходил в Лейпциге с 1876 до 1883 г., затем в Штутгарте и Гамбурге до 1919 г.

«Die Neue Zeit» — теоретический журнал германской социал-демократии, выходил в Штутгарте в 1883—1890 гг. ежемесячно, затем еженедельно до 1923 г.

[23] Имеется в виду работа К. Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», изданная в Базеле в январе 1853 г.

[24] Сборник под названием «Vorwärts! Eine Sammlung von Gedichten für das arbeitende Volk» вышел в свет в Цюрихе в 1886 г.

[25] Шлютер имеет в виду процесс против рейнского окружного комитета демократов, состоявшийся в Кёльне в феврале 1849 г. В качестве обвиняемых были привлечены К. Маркс, К. Шаппер и адвокат Шнайдер. Процесс закончился оправданием обвиняемых (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 6. С. 235—247). Речь

Маркса на процессе была опубликована в брошюре «Карл Маркс перед судом присяжных в Кёльне», вышедшей в 1885 г. в Цюрихе в качестве 2-го выпуска «Социал-демократической библиотеки», а до этого напечатана с сокращениями в газете «Der Sozialdemokrat» № 24 и 26, 11 и 25 июня 1885 г.

[26] Речь идет о работе Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов».

[27] Речь идет о серии статей Вильгельма Вольфа, публиковавшейся в 1849 г. в «Neue Rheinische Zeitung» и изданной в 1886 г. отдельной брошюрой в качестве 6-го выпуска «Социал-демократической библиотеки» с предисловием Энгельса.

[28] Издание сборника работ Маркса осуществлено не было.

[29] Речь идет о статье «Демократический панславизм», автором которой был Энгельс.

[30] Имеется в виду письмо Энгельса Шлютеру 15 мая 1885 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 268—270.

[31] Выполняя просьбу Шлютера, Энгельс написал предисловие к брошюре «Карл Маркс перед судом присяжных в Кёльне». В сокращенном виде предисловие было помещено в газете «Sozialdemokrat» № 42, 15 октября 1885 г. (см. также примечание 17).

[32] *Ф. Энгельс.* Развитие социализма от утопии к науке.

[33] Имеются в виду рекомендации по поводу издания «Анти-Дюринга», высказанные Энгельсом в письме Шлютеру 15 мая 1885 г.

[34] *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии.

[35] В упоминаемой книге прусских полицейских чиновников Вермута и Штибера «Коммунистические заговоры девятнадцатого столетия», вышедшей в Берлине в 1853—1854 гг., были полностью напечатаны обращения ЦК к Союзу коммунистов от марта, июня и декабря 1850 г. Первые два обращения были включены Энгельсом в виде приложений в издание «Разоблачений о кёльнском процессе коммунистов», вышедшее в 1885 г. в качестве 4-го выпуска «Социал-демократической библиотеки».

[36] Отдельное издание сборника статей К. Маркса и Ф. Энгельса об июньском восстании парижских рабочих в 1848 г. осуществлено не было.

[37] *Мейснер* Отто Карл (1819—1902) — гамбургский книгоиздатель, в его издательстве вышел «Капитал» и ряд других работ К. Маркса и Ф. Энгельса.

[38] Имеются в виду споры в среде немецких социал-демократов по вопросу о колониальной политике Бисмарка, потребовавшего от рейхстага утверждения ежегодных субсидий пароходным компаниям для организации регулярных рейсов в Восточную Азию, Австралию и Африку. Левое крыло во главе с А. Бебелем и В. Либкнехтом, поддержанное Энгельсом, высказалось против требования правительства. Оппортунистически настроенное большинство фракции намеревалось голосовать за субсидии под предлогом развития международных связей. Центральный орган партии, газета «Der Sozialdemokrat» энергично выступала против позиции большинства фракции. Упоминаемое в письме заявление правых, И. Ауэра, В. Блоса, Б. Гейзера, К. Грилленбергера было опубликовано в газете «Der Sozialdemokrat» 2 июля 1885 г.

[39] Имеется в виду Герман Генрих Беккер.

[40] Новое издание «Крестьянской войны в Германии», которое Энгельс собирался подготовить, осуществлено не было.

[41] 11 ноября 1885 г. Энгельс писал Шлютеру о предложении Дица выпустить новое издание «Происхождения семьи, частной собственности и государства». Второе, стереотипное издание этой работы вышло в издательстве Дица летом 1886 г.

[42] Имеется в виду вышедшая в 1869 г. в Берлине брошюра секретаря Генерального Совета I Интернационала И. Г. Эккариуса «Eines Arbeiters Widerlegung der national-ökonomischen Lehren John Stuart Mill's», которую Шлютер намеревался переиздать в серии «Социал-демократическая библиотека». В соответствии с советом Энгельса (см. письмо Энгельса Шлютеру 7 декабря 1885 г.) книга вышла в 1888 г. без изменений.

[43] Имеется в виду цикл статей В. Либкнехта «О нормальном рабочем дне», публиковавшийся в октябре — ноябре 1885 г. в газете «Sozialdemokrat» № 43—46.

[44] 7 декабря 1885 г. Энгельс обратился к Шлютеру с просьбой выслать 4 экземпляра 3-го издания «Крестьянской войны в Германии».

[45] Имеется в виду счет за фотографии Маркса.

[46] *Bucher L.* Der Parlamentarismus wie er ist. Berlin, 1881.

[47] Шлютер имеет в виду статьи Маркса «Господин Бухер» и «Ответ на «разъяснение» Бухера», написанные в 1878 г., опубликованные тогда в ряде периодических изданий.

[48] Энгельс ответил Шлютеру, что упомянутая брошюра не имеет ничего общего с памфлетом Маркса «Лорд Пальмерстон».

[49] Энгельс на время прекратил сотрудничество в издательстве в связи с редактированием английского перевода I тома «Капитала».

[50] Рецензия немецкого экономиста В. Лексиса была помещена в журнале «Jahrbücher für nationalökonomie und Statistik» (1885. Т. 11).

[51] «Der Vorbote» — ежемесячный журнал, официальный орган немецких секций Интернационала в Швейцарии; издавался на немецком языке с 1866 по 1871 г. под редакцией И. Ф. Беккера. Журнал публиковал документы Интернационала и информировал о деятельности Товарищества в различных странах.

[52] Намерение Шлютера издать отчеты Генерального Совета конгрессам Интернационала осуществлено не было.

[53] Имеется в виду: *W[eerth], G.* Joseph Rainer Stephens, Prediger zu Stalejbridge, und die Bewegung der englischen Arbeiter im Jahre 1839 // Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform Bd. II, 1846.

[54] В связи с этой просьбой Шлютера Энгельс к концу августа 1886 г. составил хронологию чартистского движения, которая, по-видимому, легла в основу работы Шлютера «Чартистское движение в Англии», вышедшей в 1887 г. в серии «Социал-демократическая библиотека» без указания автора. Рукопись этой работы была отредактирована Энгельсом, который внес в нее ряд дополнений. В 1916 г. Шлютер выпустил монографию о чартистском движении в Англии, в предисловии к которой назвал Энгельса «крестным отцом» этого труда.

[55] *Brentano L.* Die englische Chartistenbewegung // Preußische Jahrbücher. Т. 33, выпуски 5—6, май — июнь 1874 г.

[56] Имеется в виду письмо Энгельса Шлютеру от 3 июня 1886 г.

[57] Второе издание работы Энгельса «К жилищному вопросу» вышло в 1887 г. в качестве 13-го выпуска «Социал-демократической библиотеки».

[58] *Borkheim S.* Zur Erinnerung an die deutschen Mordspatrioten. 1806—1807. Leipzig, 1871. Новое издание этой брошюры вышло в 1888 г. в качестве 24-го выпуска «Социал-демократической библиотеки» с введением Энгельса.

[59] План предоставления И. Ф. Беккеру материальной возможности для написания своих воспоминаний, выдвинутый Ф. Энгельсом в письме Бебелю от 8 октября 1886 г., не был реализован ввиду смерти Беккера в декабре 1886 г.

[60] Согласившись с этим предложением Шлютера, Энгельс предложил добавить к указанным главам две главы из раздела о морали и праве («Вечные истины» и «Равенство»). В дальнейшем Энгельс решил дополнить все эти главы четвертой, в которой основные высказанные в них положения были бы конкретизированы на примере истории Германии с 1848 до 1888 г. и проанализированы с точки зрения критики всей бисмарковской политики. Брошюру предполагалось назвать «Роль насилия в истории». Над этой главой Энгельс работал в конце 1887 и в первые месяцы 1888 г., но не закончил ее. Эта незавершенная работа Энгельса, а также некоторые планы и фрагменты были опубликованы только после его смерти.

[61] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 518—536.

[62] Письмо Энгельса, на которое отвечает Шлютер, до нас не дошло, поэтому нельзя установить, о какой рукописи идет речь. В не дошедшем до нас письме Энгельс, очевидно, поздравлял Шлютера и всех сотрудников газеты и издательства с Новым годом, а также сообщал, что у него гостят Поль и Лаура Лафарги и Карл Шарлеммер.

[63] 4 августа 1886 г. саксонский земельный суд во Фрейберге осудил группу руководящих деятелей германской социал-демократии — Ауэра, Бебеля, Дица, Мюллера, Ульриха, Фирека, Фольмара, Фроме и Хейнцеля — на различные сроки тюремного заключения по обвинению в принадлежности к «тайному союзу», якобы ставящему своей целью незаконными средствами препятствовать осуществлению законов и предписаний властей. Бебель находился в заключении в Цвикау с середины ноября 1886 до 14 августа 1887 г.

[64] Шлютер отвечает на не дошедшее до нас письмо, вместе с которым, по-видимому, Энгельс прислал отредактированную им рукопись о чартистском движении (см. примечание 54).

[65] По-видимому, речь идет о «Заметке против Карла Грюна», напечатанной в «Deutsch-Brüsseler Zeitung» 8 апреля 1847 г.

[66] Статья К. Маркса «О Прудоне», опубликованная в № 16 газеты «Der Sozial-Demokrat» за 1865 г.,была напечатана во французском журнале «Revue socialiste», т. 5, № 25 в январе 1887 г. в переводе Б. Малона с его же введением и заключением.

[67] Имеется в виду И. Ф. Беккер.

[68] На выборах в рейхстаг 21 февраля 1887 г. социал-демократы получили 774 тыс. голосов, на 225 тыс. больше, чем на выборах 1884 г. Однако в силу недемократического избирательного закона число социал-демократических депутатов составило после перебаллотировки всего 11 человек.

[69] Имеется в виду, вероятно, Ландидно.

[70] Ответное письмо Энгельса не разыскано.

[71] Имеется в виду польский перевод книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», вышедшей в свет в 1885 г. в Париже.

[72] Польский перевод книги Маркса «Нищета философии» был опубликован в Париже в 1886 г.

[73] Второй раздел введения Энгельса еще до выхода брошюры был напечатан с его согласия в «Sozialdemokrat» (1888. 15 января. № 3) под заголовком «Что предстоит Европе».

[74] 7 декабря 1887 г. Энгельс, отвечая, видимо, на предложение Шлютера издать сборник его статей, согласился с проектом такого издания под названием «Небольшие статьи 1871—1875 гг.» и определил его состав. Однако это издание тогда осуществлено не было; лишь в 1894 г. социал-демократическое издательство «Vorwärts» выпустило сборник работ Энгельса «Статьи на международные темы из газеты «Volksstaat» (1871—1875)», содержание которого почти полностью соответствовало намеченному Энгельсом в письме.

[75] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 17. С. 309—316.

[76] Имеются в виду, вероятно, статья Энгельса «23 июня», напечатанная без подписи в «Neue Rheinische Zeitung» 28 июня 1848 г., и его же работа «Германская кампания за имперскую конституцию» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 5. С. 123—127; Т. 7. С. 111—207.

[77] В ответном письме 10 января 1888 г. Энгельс разъяснял Шлютеру, что упоминаемая в письме бывшего члена Союза коммунистов, редактора гамбургской газеты «Nordstern» Карла Бруна рукопись «Великие мужи эмиграции» принадлежала Марксу и Энгельсу, которые передали ее копию для напечатания венгерскому эмигранту Бандье. Последний оказался полицейским шпионом и продал ее прусскому полицейскому чиновнику Штиберу. Об этой истории Маркс написал в работе «Господин Фогт» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 14. С. 585—586).

[78] Имеется в виду письмо Энгельса от 12 февраля 1888 г., в котором он извещал Шлютера, что не успеет прислать рукопись «Роль насилия в истории» к обещанному сроку.

[79] По настоянию германских властей швейцарский Союзный Совет выслал из Швейцарии в апреле 1888 г. некоторых членов и сотрудников редакции газеты «Der Sozialdemokrat» — Бернштейна, Моттелера, Таушера, Шлютера. Издание газеты было перенесено в Лондон, где она выходила с 1 октября 1888 по 27 сентября 1890 г.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Н. В. Бочарова

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О РОЛИ Ф. ЭНГЕЛЬСА В СОЗДАНИИ МАРКСИЗМА

За последние два десятилетия в общественной мысли Запада возник и утвердился феномен, который определяют как «знаменательное возрождение интереса к марксизму» [1]. Следствием его стало появление большого числа работ немарксистских авторов, где рассматриваются проблемы, связанные с жизнью и деятельностью основоположников марксизма. Рост литературы по теории и истории марксизма особенно интенсивно проходит в англоязычных странах. В начале 80-х гг. «марксология приобрела ранее не существовавшую респектабельность в Соединенных Штатах и Британии» [2]. Ситуация кардинально изменилась на глазах одного поколения. Еще в 50-е гг. марксологические работы исчислялись единицами, а их названия красноречиво отражали общую негативистскую направленность: «Буржуазное общество и его враги», «Германский марксизм и русский коммунизм», «Иллюзия эпохи» и т. д. В настоящее время в литературе о марксизме наряду с подобного рода работами встречаются серьезные и непредвзятые исследования. Обилие изданий по марксизму позволило американскому философу Р. У. Миллеру утверждать, что ныне на Западе «Маркс является всемогущим» [3].

В значительной части работ до середины 70-х гг. основное внимание уделялось К. Марксу. Об Ф. Энгельсе, отмечал в середине 60-х гг. американский историк Ф. Нова, на английском языке существует «чрезвычайно и непростительно мало исследований» [4]. Со второй половины 70-х гг. положение стало меняться. Появились первые биографические и монографические работы о соратнике Маркса, возросло число статей о нем в научной литературе и периодике, были выпущены тематические сборники его произведений [5]. Однако конкретно-исторических работ среди них относительно немного. Это объясняется тем, что большинство западных ав-

торов, расценивая марксизм лишь как метод социального анализа, а не теорию, стремятся прежде всего приложить его к анализу современного мира и меньше внимания уделяют его «историческому пониманию» [6].

Так, в двух биографиях Энгельса, подготовленных англоязычными авторами («Фридрих Энгельс» Д. Маклеллана [7] и «Энгельс» Т. Карвера [8]), главное место занимает интерпретация взглядов Энгельса и лишь бегло излагаются основные этапы его жизни и общественно-политической деятельности. Заметным событием в научном исследовании биографии Энгельса на Западе явилась двухтомная публикация английского профессора экономической истории У. Гендерсона «Жизнь Фридриха Энгельса» [9]. Написанное с объективных позиций и хорошо документально обоснованное, хотя в отдельных моментах и не бесспорное [10], исследование Гендерсона стремится дать правдивую оценку идейного наследия Энгельса. Однако именно это, по-видимому, не устраивает консервативных критиков Маркса и отдельных представителей марксизма на Западе, сетующих, что Гендерсон «уделил недостаточно много внимания полемической литературе об Энгельсе и в весьма незначительной степени под критическим углом зрения проанализировал мысли Энгельса и их место в последующем развитии марксизма» [11]. Вполне объяснимым в этих условиях является утверждение библиографа С. Юбэнкса, что «нормативной» с точки зрения получения фактической информации для большинства англо-американских немарксистских авторов остается биография Энгельса, опубликованная в довоенный период немецким социал-демократом Густавом Майером [12]. Советские биографические работы немарксистскими исследователями, как правило, игнорируются. Исключения делаются по отношению к работе Д. Б. Рязанова, изданной в начале 70-х гг. леворадикальным издательством «Мансли пресс» [13].

Большое внимание уделяется в немарксистской англоязычной литературе роли Энгельса в истории создания марксистской теории и характеру его творческого содружества с Марксом. Диапазон оценок исторической роли Энгельса в этих работах довольно широк. Он колеблется от признания его равноправного творческого содружества с Марксом в создании теории марксизма до резкого отрицания их интеллектуального партнерства вообще. Последняя тенденция является преобладающей. Она присутствует в тех или иных вариантах у авторов, занимающих подчас противоположные политические и методологические позиции. О необходимости «отделения» Маркса от Энгельса пишут, например, Р. Такер и стремившийся критиковать Маркса с позиций «левее марксизма» Э. Гоулднер [14]. Эта тенденция породила многочисленные, весьма устойчивые стереотипы в западной литературе, налагающие отпечаток на позиции

тех авторов, которые хотели бы без предвзятости разобраться в существе вопроса.

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть некоторые аспекты дискуссий вокруг Энгельса, его взглядов, его работ во взаимосвязи с творчеством Маркса и прежде всего выявить наиболее общие оценки, даваемые Энгельсу в современной англо-американской обществоведческой литературе.

Исторические корни противопоставления Энгельса Марксу обнаруживаются в истории марксизма XIX в. Сам Энгельс вынужден был давать отпор измышлениям французских поссибилистов о «противоречиях» во взглядах его и Маркса. Он писал: «Побасенка о злом Энгельсе, соблазнившем доброго Маркса, повторялась с 1844 г. бесчисленное множество раз — вперемежку с другой побасенкой об Ариане-Марксе, совратившем с пути добродетели Ормуза-Энгельса» [15].

В начале XX в. Э. Бернштейн и М. Адлер, теоретик синдикализма А. Лабриола, неогегельянец Б. Кроче, анархист Ж. Сорель выступили с призывом «спасти» Маркса от «энгельсовских упрощений».

Однако большинство современных западных авторов в качестве основоположников концепции о «противоположности» взглядов Маркса и Энгельса называют молодых марксистских философов начала 20-х гг. Д. Лукача и К. Корша [16]. В 1923 г. почти одновременно были опубликованы серия статей Лукача «История и классовое сознание» и книга Корша «Марксизм и философия» [17]. Обе работы выдвигали положение о существенных различиях в понимании диалектики Марксом и Энгельсом.

Необходимо пояснить, что книги Лукача и Корша были реакцией на отход теоретиков II Интернационала от марксизма, выразившийся в отказе от самого революционного в марксистской философии — учения о материалистической диалектике и замене ее эволюционизмом. Лукач и Корш предприняли попытку проанализировать диалектику Гегеля, чтобы показать ее связь с диалектикой марксизма. Однако в то время оба молодых философа методологически не смогли до конца порвать с идеализмом. Лукач утверждал, что Маркс всегда якобы выступал с позиций тождества объекта и субъекта, бытия и мышления. Сознание в этих условиях является творцом действительности, взаимодействие объекта и субъекта составляет суть исторического процесса, по отношению к которому природа лишь застывшее бытие, неподчиненное его законам. Лукач считал, что Энгельс резко разошелся с Марксом, когда поставил вопрос о диалектике как всеобщем мировом законе и распространил ее на понимание природы, выйдя, таким образом, за рамки социологии [18]. Корш, в свою очередь, марксистскую критику метафизического противопоставления бытия и сознания расценил как необходи-

мость их отождествления. Сознание в таком случае выступает не как часть действительности, а равнозначно ей. Корш полагал, что Энгельс в «Анти-Дюринге» и письмах об историческом материализме, признав относительную самостоятельность сознания, сделал уступки метафизическому подходу в ущерб Марксовой диалектике, понимаемой им как тождество бытия и мышления.

Выступив за возрождение диалектики, преданной забвению теоретическими лидерами II Интернационала, Корш и Лукач, по сути, сомкнулись с ними по ряду вопросов. Адлер, например, хотя и с иными целями, также отвергал мысль о всеобщности диалектики, отрицал диалектику природы, ограничивал диалектику областью человеческих отношений [19]. Не случайно аргументация Корша и Лукача была подхвачена неомарксистской литературой 30-х гг., а сам Корш и в политическом плане отошел от коммунистического движения. Лукач пошел иным путем. В зрелые годы он пришел к выводу, что именно материалистическое понимание природы ведет к четкому разграничению буржуазного и пролетарского мировоззрения. В начале 70-х гг., оценивая теоретические поиски начала 20-х гг., в интервью английскому леворадикальному журналу Лукач предупреждал: «Мы пошли в неправильном направлении и было бы полностью ошибочным вновь возрождать эти взгляды» [20]. Однако это заявление, как и все творчество зрелого Лукача, на Западе фактически игнорируются. Лукач фигурирует лишь как автор «Истории и классового сознания», откуда черпаются аргументы для искусственного размежевания основоположников марксизма [21].

Указанная концепция, закрепившись в работах таких авторов, как Г. Маркузе, С. Хук, Л. Колаковский и философов-экзистенциалистов [22], с 60-х гг. стала неотъемлемой частью идейного багажа марксологии. Противопоставление Энгельса Марксу наряду с субъективистским истолкованием «Философско-экономических рукописей 1844 г.» Маркса стало «вечной темой» всей марксологической литературы — от крайне правой до крайне левой. По замечанию советского исследователя Е. П. Канделя оно возведено в своеобразный методологический принцип западной литературы по марксизму [23].

Разграничение и искусственный разрыв общественно-политических взглядов основоположников марксизма приняли крайнюю, доведенную до абсурда форму в работе американского политолога Н. Левина «Трагический обман: Маркс против Энгельса» [24]. Левин объявил трагическим заблуждением сам исторический факт идейной близости и тесного сотрудничества Маркса и Энгельса. Он рисует их идейными и политическими противниками, чьи личностные взаимоотношения строились на основе низменных человеческих побуждений корысти и расчета [25].

Левин стремится представить Маркса и Энгельса носителями двух противоположных тенденций мировой философской мысли. Маркс изображается им как продолжатель гуманистической диалектической линии И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегеля. Энгельсу отказывается не только в понимании гегелевской и Марксовой диалектики, что достаточно традиционно для экзистенциалистско-праксеологической линии современной немарксистской философии, но и в принадлежности к собственно материалистической ветви мировой философии. В статье «Энгельсовская инверсия» Левин классифицирует Энгельса как метафизического материалиста картезианского толка с дуалистическим подходом к решению основного вопроса философии [26].

Другой марксолог, Ф. Бендер, заявляет, что энгельсовский натурализм, ошибочно названный Плехановым «диалектическим материализмом», был глубоко чужд Марксу, выступавшему с позиций некоего «онтологического реализма». Распространение Энгельсом «диалектического материализма» на естествознание якобы противоречило гегелевской традиции различения естественных наук и «науки о человеке», тогда как Маркс всю жизнь придерживался этого разграничения, оставаясь в своем философском творчестве в рамках последней [27].

Концепция картезианских источников (через Спинозу) мировоззрения Энгельса активно разрабатывается американским философом-феноменологом Т. Рокмором [28]. Интерес современной феноменологии к подобной проблематике — еще одно свидетельство тенденции сближения ее с антипозитивистской версией неомарксизма [29]. При этом обоими направлениями с целью противопоставления Энгельсу идет сближение Маркса с антикартезианской линией Д. Вико в теории познания [30]. В философской области между Марксом и Энгельсом устанавливают «эпистемологический разрыв», практическое предназначение которого — поставить под сомнение целостность марксистской теории. Энгельса обвиняют в созерцательном «сциентизме», погружении в догматическую метафизику природы, отрицания активности познания [31].

Из философских работ эти суждения переходят в качестве аксиом в политологическую литературу. Американский марксолог Р. Такер таким образом комментирует развитие Ф. Энгельсом теории марксизма: «Диалектический материализм» как теория природы, отделенной от человеческой истории,— это результат позднего, схоластического периода марксизма, который начался еще при жизни основоположника. Мы видим ее начало в поздних работах Ф. Энгельса. В «Анти-Дюринге» и наборе неоконченных бумаг, опубликованных позднее под заголовком «Диалектика природы», он попытался дополнить Марксов «современный материализм» (как

Энгельс называл его) доктриной диалектики природы, что было смешением Гегеля в его худших сторонах и материализма таких авторов XIX в., как Гаскел»[32].

Определяя отношение Маркса к «Анти-Дюрингу», представитель более молодого поколения академического марксизма Д. Элстер пишет: «Он имел наибольшие основания для проявления дружеской заинтересованности в работе Энгельса и время от времени обращался к ней, но это не дает основания для заключения, что он полностью ее одобрял. Было бы ошибочным думать, что отсутствие активного несогласия означает активное одобрение»[33]. Ф. Бендер делает аналогичное заявление о «марксовом молчании» об «Анти-Дюринге» как форме неприятия энгельсовского натурализма»[34].

Таким образом, в центре критического рассмотрения марксологов при определении исторической роли Энгельса в создании теории марксизма остаются «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы», воплотившие якобы главный «грех» Энгельса перед Марксом — распространение диалектики на природу. Сохраняются призывы освободить марксизм от «тотального мировоззрения», «сциентизма» и метафизики, якобы внесенных в него Энгельсом.

Отлучение Маркса от диалектики природы не отвечает фактам. Еще в докторской диссертации у Маркса намечена проблема связи социальной диалектики с природной[35]. В «Немецкой идеологии» при исследовании антропогенеза был поставлен вопрос о взаимосвязи природных и социальных закономерностей жизни. Для Маркса и Энгельса между природным и социальным нет пропасти. Переписка основоположников марксизма 70 — начала 80-х гг. свидетельствует, что между ними шел постоянный обмен мыслями по вопросам диалектики природы. В письме Марксу от 22 ноября 1882 г. Энгельс сообщал: «Теперь, однако, необходимо поскорее закончить диалектику природы»[36]. Разумеется, фактом остается то положение, что в результате существовавшего между Марксом и Энгельсом разделения труда Энгельсу больше пришлось разрабатывать проблемы объективной диалектики. Однако замыслы Энгельса были хорошо известны Марксу и одобрялись им. Критики Энгельса умалчивают о том, что предметом его философских интересов была и социальная диалектика: он выдвинул ряд важных положений теории познания, дал глубокий анализ социальной диалектики Ж.-Ж. Руссо. Таким образом, противопоставление Марксу Энгельса носит искусственный характер.

Общеизвестен тот факт, что Маркс прервал собственные занятия, чтобы написать для «Анти-Дюринга» десятую, историческую главу отдела «Политическая экономия». Кроме того, он оказал помощь Энгельсу в поисках материала для первой, исторической главы от-

дела «Социализм», а затем ознакомился со всей рукописью в целом [37]. Изложение марксизма в «Анти-Дюринге» в виде системы взглядов было обусловлено характером полемики с «системой» Дюринга. «Всеобъемлющая система моего противника,— вспоминал позднее Энгельс,— давала мне повод изложить в полемике с ним взгляды Маркса и мои на все эти разнообразные предметы, и притом в гораздо более связном виде, чем это приходилось делать когда-либо прежде» [38]. В предисловии к изданию 1885 г. Энгельс отмечал, что «так как излагаемое в настоящей книге миропонимание в значительнейшей своей части было обосновано и развито Марксом и только в самой незначительной части мной, то для нас было чем-то само собой разумеющимся, что это мое сочинение не могло появиться без его ведома» [39].

Еще одним направлением противопоставления Энгельса Марксу является в современной англо-американской марксологии утверждение об Энгельсе-вульгаризаторе и упростителе теории Маркса. Оно базируется на искаженной трактовке истории развития марксистской теории Энгельсом после смерти Маркса. Согласно ей при жизни Маркса на долю Энгельса приходилась роль прилежного ученика и помощника в доработке частных вопросов. Известный марксолог Ю. Каменка считает, например, что Энгельс был «приятным, весьма практичным и во многих отношениях одаренным человеком». Однако он оставался в отношении Маркса почтительным учеником, который «не всегда мог полностью постигнуть всю тонкость и сложность мысли учителя» [40].

Марксолог буржуазно-либерального толка Ш. Авинери более категорично замечает, что происхождение, образование и жизненный опыт Маркса и Энгельса настолько отличны, что было бы неразумным и даже абсурдным принимать во внимание при исследовании Маркса произведения Энгельса [41]. Превосходство Маркса таково, что и в совместно написанных работах основные идеи выдвигались только им, поэтому их вполне можно рассматривать как произведения одного Маркса. Историческая роль Энгельса при этом сводится к вульгаризации многогранной и не всегда завершенной в деталях философской системы Маркса.

Эта группа авторов считает, что Маркс, в отличие от эмпирика Энгельса, был мыслителем вселенского масштаба, который поднимал, но не всегда давал окончательные решения многих кардинальных вопросов. Незавершенностью и противоречиями системы Маркса, как пишет профессор Д. Морган, «воспользовалось первое поколение ортодоксальных марксистов», среди которых ведущую роль играли Ф. Энгельс и К. Каутский. Они начали систематизацию взглядов Маркса и создали то, что называется ныне марксизмом. По мнению Моргана, двадцатилетие после смерти Маркса было

«периодом слабых ортодоксальных доктрин», это был лишь «промежуточный этап между достижениями самого Маркса и Лениным, Лукачом и Грамши»[42]. Творческая, самостоятельная роль Энгельса в разработке теории марксизма, таким образом, полностью игнорируется.

В. И. Ленин, достижения которого в данном случае признаются Морганом, писал: «Для правильной оценки взглядов Маркса безусловно необходимо знакомство с произведениями его ближайшего единомышленника и соратника Фридриха Энгельса. Нельзя понять марксизм и цельно изложить его, не считаясь со всеми сочинениями Энгельса»[43]. Сам Энгельс отмечал: «Я не могу отрицать, что и до и во время моей сорокалетней совместной работы с Марксом принимал известное самостоятельное участие как в обосновании, так и в особенности в разработке теории, о которой идет речь»[44]. Вместе с тем с присущей ему скромностью Энгельс всегда подчеркивал роль Маркса в их содружестве: «Маркс стоял выше, видел дальше... Маркс был гений, мы, в лучшем случае,— таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она по праву носит его имя»[45].

В отличие от Моргана американский философ У. Л. Макбрайд расставляет несколько иные акценты. Он считает, что было бы вызовом здравому смыслу настаивать на утверждении, что Энгельс «не играл никакой активной роли в выработке концепций и аргументов, обнаруживаемых в основных работах, написанных им совместно с Марксом»[46]. Вместе с тем Макбрайд убежден, что «читающая публика конца XIX в. и XX в. знакомилась с марксизмом, в большей части выходящим из-под пера Энгельса»[47]. Его монография «Философия Маркса» посвящена сравнительному анализу произведений Маркса и Энгельса, в результате которого Макбрайд находит «различия не только в акцентах, но и по существу между марксизмом Энгельса и Марксом». Причем, отмечает Макбрайд, «некоторые из этих различий оказали глубокое воздействие на интеллектуальную и политическую историю мира последнего столетия»[48].

Миф об «энгельсизме» получил в западной литературе одно из самых развернутых изложений в работах М. Рубеля. В 80-е гг. Рубель, наряду с И. Фетчером и Д. Лихтгеймом, был одним из наиболее часто цитируемых авторов в работах англоязычных марксологов. Переводы его книг на английский язык неизменно вызывали одобрительные отзывы буржуазной периодики[49].

«Девять тезисов об Энгельсе», составленных Рубелем, стали своеобразной антиэнгельсовской программой, получившей широкий резонанс[50]. Она базируется на исходной посылке о том, что Энгельс, будучи исполнителем интеллектуального завещания Маркса, преднамеренно грубо исказил его. Как заявляет Рубель, созданная

Энгельсом «противоречивая система политических постулатов и концепций с претензией на научность», к которой «ошибочно прикрепили ярлык «марксизм», не имеет ничего общего с действительным ходом мысли Маркса [51]. Отрицание значимости идейного наследия Энгельса привело Рубеля к собственному изданию «Капитала» Маркса, из которого было изъято все, принадлежавшее перу соратника Маркса.

Делом своей жизни сделал Рубель «очищение» системы Маркса от «наслоений Энгельса». Анализ приемов его работы показывает, что все сводится к манипуляциям цитатами, произвольным выхватываниям из контекста тех или иных высказываний Маркса и Энгельса, подтасовке фактов, явным натяжкам и передержкам. Суть метода прочтения Рубелем первоисточников может быть определена как тенденциозная трактовка. Обвинение в недобросовестном отношении к текстам Маркса, которое Рубель предъявляет Энгельсу, скорее применимо к нему самому. Рубель тщательно отбирает из идейного наследия Маркса только то, что укладывается в заранее обозначенную им схему трактовки марксизма как этической доктрины с элементами утопизма в социальном прогнозировании.

Подобный подход к марксизму был в свое время подвергнут критике Энгельсом в работе «Юридический социализм». Односторонняя оценка этой критики послужила основанием для американского историка С. Пирсона в монографии «Марксизм и истоки британского социализма» обвинить Энгельса в создании «системы философского материализма, лишенной идеального и этического содержания» [52].

Методологически подобные трактовки базируются на противопоставлении аксиологического и сциентистского аспектов в марксизме. Но, как отмечают советские исследователи, между ними нет разрыва [53]. Достаточно вспомнить, что «Капитал» Маркса, содержащий впечатляющую этическую критику капитализма, основан на строго научном анализе. А у Энгельса в «Положении рабочего класса в Англии» социологический анализ дополняется яркой этической критикой пороков индустриального капитализма.

В советском марксоведении отмечалось, что оценка марксизма как «морализирующей критики» капитализма особенно характерна для современной англо-американской неомарксистской литературы [54]. Это объясняет особый интерес к публикациям Рубеля. Однако наиболее вдумчивые исследователи из послевоенного поколения неизбежно приходят к пониманию политической тенденциозности Рубеля. Такую эволюцию, например, проделал в своем развитии американский леворадикальный исследователь Х. Дрейпер [55]. Он начинал публиковаться в издаваемых Рубелем «Etudes de Marxologie», но позднее стал освобождаться от многих стереотипов,

созданных этим интерпретатором Маркса. Подготовленная им первая на английском языке биографическая хроника Маркса и Энгельса (1985) отражает достоверные факты, показывающие тесное интеллектуальное сотрудничество основоположников марксизма [56].

Примером объективного и непредвзятого подхода к проблеме может служить и опубликованная в середине 60-х гг. в США книга Ф. Новы «Фридрих Энгельс: его вклад в политическую теорию». В ней автор приходит к заключению, что «Энгельс был гораздо больше, чем младший партнер Карла Маркса» [57]. В этой работе нет обычных рассуждений об «энгельсизме».

Попыткой разобраться без предвзятости в идейном наследии основоположников марксизма является двухтомное исследование американского профессора Р. Ханта «Политические идеи Маркса и Энгельса» [58]. Нельзя не отметить, что взгляды Маркса и Энгельса он рассматривает в единстве и взаимосвязи.

Такие отнюдь не принадлежащие к «ортодоксальному» марксизму (по западной терминологии) биографы Маркса, как американец А. Александер [59] и англичанин М. Эванс [60], также не ставят под сомнение тот факт, что теория марксизма создавалась совместными усилиями двух выдающихся умов XIX в.

Один из первых англоязычных немарксистских биографов Маркса крупный английский историк И. Берлин, чья книга «Карл Маркс. Его жизнь и окружение» на протяжении сорока последних лет выдержала несколько изданий, писал об «уникальной дружбе, свободной от каких-либо следов корыстолюбия, патронажа или зависти» [61].

Объективизм иного рода присутствует в многочисленных работах активного исследователя истории марксизма профессора Д. Маклеллана. Английский политолог объявил своим кредо «отход от крайностей агиографии и диффамации». Его усилия, как неоднократно заявлялось, направлены на то, чтобы дать «разумно сбалансированную картину». Однако если проанализировать работы Маклеллана, то «разумно сбалансированная картина» представляется довольно эклектическим собранием подчас полярно противоположных суждений.

В своей работе «Карл Маркс: его жизнь и мысль» Маклеллан писал о том, что Энгельс был, очевидно, необходим Марксу в финансовом отношении, отрицал соавторство Энгельса в «Манифесте Коммунистической партии», заявлял о «догматизме» стиля Энгельса, чуждом якобы Марксу [62]. В биографии Энгельса, впервые опубликованной в 1977 г., можно отметить удивляющее сочетание реальных исторических фактов, серьезных оценок с самыми расхожими сюжетами мифа об «энгельсизме». В результате получается как бы полупризнание весомости роли Энгельса в создании марксизма.

Так, Маклеллан дает высокую оценку интеллектуальных качеств Энгельса, отмечает его универсальную одаренность и крупный вклад в различные отрасли знания. Он считает, что сорокалетняя дружба привела к пониманию Энгельсом многих тонкостей мысли Маркса, на мышление которого Энгельс, в свою очередь, оказал решающее влияние. Однако вслед за этим заявляется, что «не подлежит сомнению отсутствие какой-либо преемственности между работами Маркса и поздними взглядами Энгельса» [63]. В книге Маклеллан упорядочил выявленные «различия» во взглядах основоположников марксизма, причем не только на природу и естествознание, но и по социологическим и политическим вопросам. Вслед за Авинери Маклеллан считает, что «различия» идут от глубоко отличных условий, характера, воспитания и образования обоих мыслителей в юности. В результате мировоззрение Маркса базировалось на ценностях классической немецкой философии Гегеля, а Энгельс усвоил концепцию развития, свойственную оптимистической философии Просвещения и связанную с технологическими подходами [64]. Как преемник дела Маркса Энгельс получает у Маклеллана двойственную оценку. С одной стороны, английский политолог пишет о том, что Энгельс, долгое время связанный с задачей популяризировать марксистские работы, приобрел быстрый и ясный стиль, позволявший перелагать «тяжелые фразы» Маркса на общедоступный язык. Именно поэтому его работы, где в «упрощенном» виде представлялись идеи Маркса, доходили до широкой публики и способствовали усвоению марксизма в «энгельсовском варианте». С другой стороны, Маклеллан отмечает, что Энгельс сыграл решающую роль в трансформации наследия Маркса во всеохватывающее мировоззрение [65]. Энгельс рисуется одновременно и «упростителем» и «усложнителем» идейного наследия Маркса. В обоих случаях для Маклеллана бесспорно одно — именно Энгельс осуществил оформление марксизма в «жесткую схему» [66].

Исходной посылкой для объяснения роли Энгельса в якобы «произвольном» толковании идей Маркса служит для Маклеллана старая, имеющая хождение со времени Э. Бернштейна и В. Зомбарта версия об отсутствии внутреннего единства выдвинутых Марксом идей, которое якобы нашло отражение в хаотичном состоянии оставленных им рукописей. К этим аргументам активно прибегает Рубель, они фигурируют у самых разных современных авторов — от радикальных философов и политологов до консервативных марксологов школы Ю. Бохенского. В соответствии с этой традицией Маклеллан в сборнике, посвященном 100-летию со дня смерти Маркса, рассуждает о том, что его работа «осталась драматически незавершенной» и это якобы позволило Энгельсу «допустить значительные редакторские вольности» при издании двух томов «Капитала» [67].

Из истории марксизма известно, что именно Энгельс был автором первой работы по политической экономии, давшей толчок Марксу для проведения экономических исследований. Маркс завещал свои экономические рукописи Энгельсу и просил его «что-нибудь сделать» из них. В марксоведческой литературе убедительно показано, что по проблемам создания «Капитала» между Марксом и Энгельсом неизменно существовало единство взглядов [68]. Энгельс принимал самое непосредственное участие в подготовке первого тома «Капитала», а затем активно содействовал его пропаганде [69]. При издании II и III томов великого произведения Маркса Энгельс с присущей ему научной добросовестностью заботился прежде всего о том, чтобы издаваемое им «было настоящим произведением Маркса» [70]. Исторической заслугой Энгельса является разработка принципов научной публикации трудов Маркса, получившей широкое признание в мировой науке.

Идея «двусмысленности» наследия Маркса питает распространенную на Западе концепцию многовариантности марксизма, в соответствии с которой Энгельс дал лишь одну из возможных интерпретаций мыслей Маркса. В аргументацию этой концепции внес свой вклад Маклеллан, посвятив Энгельсу как первому интерпретатору Маркса специальную главу работы «Марксизм после Маркса» [71]. Крен от «сбалансированной картины» в сторону «энгельсизма» здесь еще более очевиден.

Оценка исторической роли Энгельса, данная в работах Маклеллана, характерна для многих представителей «западного марксизма». Под этим термином понимается весьма неоднородное направление западного обществоведения, представители которого объявляют себя приверженцами Маркса. В этом плане вполне реалистическим является следующее замечание Каменки: многие на Западе, называющие себя последователями Маркса, основываются не на позициях Маркса, а на концепциях современной социологии, историографии, философии, политологии, которые пытаются согласовать с марксизмом [72].

К «западному марксизму» причисляет себя направление, именующееся «неортодоксальным неомарксизмом» (в отличие от неомарксизма франкфуртской школы, который считается ими устаревшим). Трактовку исторической роли Энгельса можно проследить на примере материалов «Биографического словаря марксизма», изданного под редакцией профессора американского университета штата Теннесси Р. Гормана [73].

В статье об Энгельсе Горман вначале в полном соответствии с традициями франкфуртской школы пишет о том, что Энгельс, «вульгаризировав марксизм до неоправданной метафизики природы и истории, способствовал его превращению в механистическую теорию познания, эпистемологию, обратившую человеческое начало

в бесполезный продукт автономных законов» [74]. Энгельс оценивается как «наивный и устаревший защитник буржуазной метафизики», а его якобы трагическое искажение марксизма несет прямую ответственность за советские и восточноевропейские «деспотические институты». Однако в отличие от классической «праксеологической линии», по которой Маркс и Энгельс являются представителями двух противоположных философских направлений — антропологического и онтологического — объявляется, что Энгельс «лишь выразил в конкретных терминах те философские принципы, которые были у Маркса в форме гипотез» [75]. «Неортодоксальный неомарксизм» идет на признание наличия примата бытия над сознанием во взглядах обоих основоположников марксизма, не оспаривает участия Маркса в написании главы «Анти-Дюринга» и намекает, что проблематика «Диалектики природы» неоднократно обсуждалась с Марксом. Однако отличие этого направления от влиятельной в 70-е гг. франкфуртской школы и группы «Праксис» незначительно. Неортодоксы неомарксизма не отказываются от рассуждений о «догматизме», унаследованном от Энгельса советской философией. Плеханов, Ленин и Бухарин называются «философскими детьми Энгельса» [76].

Тезис об «энгельсизме», заменившем якобы подлинный марксизм, перешел из марксологии в советологию, где стали обычными рассуждения о том, что советская марксистско-ленинская философия берет свое начало от Энгельса [77]. Западные авторы предлагают терминологическое «уточнение» в виде «энгельсизм-ленинизм» [78]. Оно основывается на утверждении, что Ленин унаследовал только от Энгельса положение о существовании объективных общественных законов и вывод о всеобщих и конкретных закономерностях общественного развития. Маркс произвольно отторгается от этой проблематики утверждением, что его философия представляла лишь учение об освобождении человека, а не науку об объективных законах развития общества. Гуманизм Маркса противопоставляется «сциентизму» Энгельса и Ленина посредством выдвижения критерия практики, которая у Маркса не детерминирована материально, а определяется через самое себя.

Марксоведению еще предстоит исследовать в полном объеме гуманистическое содержание марксизма, которое подчас затушевывалось односторонне трактуемым классовым подходом. При этом методологическое значение характеристики вклада Маркса в формирование марксистского мировоззрения, данной Энгельсом в предисловии к третьему немецкому изданию «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», является основополагающим. «Именно Маркс,— писал Энгельс,— впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской

или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем их столкновение между собой, в свою очередь, обусловливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена» [79].

Среди части левых интеллектуалов на Западе заинтересованность марксизмом проявляется прежде всего в изучении его метода. Они призывают признать марксизм только в качестве метода критического исследования общества, метода подхода к человеческой сущности. В связи с этим им представляется необходимым «освободить» марксизм от «тотального мировоззрения», якобы навязанного ему Энгельсом. В силу такой позиции роль Энгельса в создании марксизма полностью отрицается или замалчивается. К такой постановке вопроса тяготеют многие направления так называемого структуралистского марксизма, ряд политологических школ и независимых философов. Существует много книг по марксизму, где содержится детальный анализ текстов Маркса, а имя Энгельса нигде даже не упомянуто.

Реакцией на это «тотальное замалчивание» стала исследовательская деятельность английского политолога Т. Карвера, специализирующегося на изучении идейного наследия Энгельса. Ставя вопрос о необходимости вернуть Энгельсу подобающее место в истории марксизма, Карвер все же не может избежать стереотипов «энгельсизма». Его монография «Маркс и Энгельс: интеллектуальная взаимосвязь» [80] уже анализировалась в советской литературе [81]. Ее исходные положения были обозначены в биографической работе об Энгельсе, опубликованной ранее. В концептуальном плане Карвер близок к американскому исследователю П. Томасу [82], получившему известность своей книгой «Карл Маркс и анархисты» [83].

Концепция Карвера строится на противоречивой системе доказательств. Он пытается найти третий путь между «Энгельсом-усложнителем» и «Энгельсом-вульгаризатором». Карвер предлагает идею «Энгельса-толкователя». Он считает, что в идейном багаже Маркса Энгельс ухватил лишь одну сторону и пытался показать ее единственно верной [84]. Главную заслугу Энгельса Карвер видит в материалистическом обосновании истории, «путеводная нить» которого была взята Энгельсом из предисловия К. Маркса к «К критике политической экономии» (1859).

Законы, которые Маркс открыл для капитализма, Энгельс распространил на всю человеческую историю, придав им всеобщий характер. При этом он жестко детерминировал все общественное развитие экономическими факторами, чего, как считает Карвер, у

Маркса не было. Антиидеализм Маркса, по мнению Карвера, Энгельс связал с традициями классического материализма, хотя его материалистические позиции не всегда были последовательными (имеются в виду односторонне истолкованные письма об историческом материализме начала 90-х гг.).

Методологические позиции Карвера, непонимание им диалектики приводят к схоластическим рассуждениям о том, был ли Энгельс детерминистом или сторонником «свободной воли». Карвер полагает, что в противовес Марксу, чья философия носила деятельностный характер — ее сердцевиной был 11-й тезис о Фейербахе,— Энгельс был склонен к созерцательности. Его стремление систематизировать марксистские идеи явилось отражением философской тенденции XIX в. к созданию всеобъемлющих систем (Гегель, Дюринг). Объявляя Маркса (а не Энгельса, как принято в большинстве марксологических работ) позитивистом, Карвер одновременно ставит под подозрение участие Маркса в написании «Анти-Дюринга» и одобрении им проблематики этой книги. Карвер также объявляет, что Марксу осталась неизвестной и проблематика «Диалектики природы» [85]. Двойственные оценки даются интеллектуальному содружеству основоположников марксизма. Карвер приводит свидетельства постоянного обмена мыслями между Марксом и Энгельсом, факты их совместной работы, однако при этом Маркс рисуется наставником, который предпочитал не высказываться и не вмешиваться в работу ученика, даже если и был несогласен с ним, из-за финансовой зависимости [86]. Энгельс же, хотя и был издателем «Капитала», так и не смог понять его и «существенно истолковать» [87].

Избежав в какой-то мере крайностей мифа об «энгельсизме», Карвер тем не менее подтвердил его главное положение: «необходимость отделять энгельсовские трактовки от текста Маркса остается первостепенной» [88]. В нарочито туманных выражениях Карвер формулирует вывод, который вполне бы устроил и Левина, и Авинери: «Разногласия о смысле деятельности Энгельса и ее связи с Марксом — это не просто споры о текстах и интеллектуальной биографии, в большей мере речь идет о существенно отличных подходах к общественной науке и политике, которые мы обнаруживаем в их произведениях и судьбах» [89]. Вместе с тем следует отметить, что Карвер принадлежит к тем немногим представителям западного марксоведения, которые стараются обходиться без антисоветской риторики, антиленинизма и дежурных заявлений о связи сталинского догматизма с «энгельсовским вариантом» марксизма.

Встречающиеся в западной литературе рассуждения о «догматизме» Энгельса не соответствуют ни духу его творчества, ни конкретным высказываниям на этот счет. Энгельс многократно предупреж-

дал, что партия или организация, которая превращает «марксизм в окостенелую догму», «сама для себя исключает возможность когда бы то ни было стать чем-либо иным, кроме секты» [90]. Одним из главных принципов марксизма является сочетание новаторства и преемственности. Из этого исходил Энгельс, продолжая теоретическую работу после смерти Маркса. Принцип развития, составляющий основу материалистической диалектики, требовал дальнейшего научного исследования процессов, протекающих в динамично развивающемся мире. Остаться на прежних позициях означало бы свести марксизм к застывшему кодексу постулатов, оторванному от конкретного общественного развития. Продолжив линию на развитие марксизма, Энгельс никогда не считал свои суждения истиной в последней инстанции. Он писал: «Мы, по всей вероятности, находимся еще в самом начале человеческой истории, и поколения, которым придется поправлять нас, будут, надо полагать, гораздо многочисленнее тех поколений, познания которых мы имеем возможность поправлять теперь» [91].

Против забвения роли Энгельса в создании марксизма выступил английский историк социалистической ориентации Г. Стедман Джоунс. Начало его исследовательской деятельности было связано со школой Исторической мастерской, созданной при оксфордском Раскин-колледже в 1967 г. Это было объединение радикальных историков-профессионалов и рабочих, ставившее целью уйти от схем академической науки. Стедман Джоунс был одним из основателей левого научного издания «Хистори уоркшоп джорнэл». Методологию его конкретно-исторических работ по истории рабочего движения можно назвать вполне марксистской [92].

Стедман Джоунс явился автором главы «Энгельс и история марксизма» в первом томе «Истории марксизма» под редакцией Э. Хобсбоума [93]. Английский историк считает неверной дающуюся в западной литературе трактовку связи Маркса и Энгельса как «мастера и ученика, создателя и популяризатора». Он говорит о значительном творческом вкладе Энгельса в развитие марксистской теории не только после смерти Маркса, но и при создании исторического материализма. Стедман Джоунс аргументированно возражает тем марксологам, которые отрицают причастность Маркса к естественнонаучной проблематике «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы» [94].

Большая и наиболее интересная часть очерка Стедмана Джоунса посвящена исследованию формирования диалектико-материалистических взглядов молодого Энгельса. При этом особое внимание привлекает трактовка «английского опыта» Энгельса — его интеллектуального и политического развития в период пребывания в Англии в 1842—1844 гг. Это был важный этап становления

общественно-политических взглядов Энгельса. По определению В. И. Ленина «социалистом Энгельс сделался только в Англии» [95]. Стедман Джоунс показывает, в какой мере непосредственное знакомство Энгельса с тогдашней английской действительностью привело его к важнейшим теоретическим выводам, положенным затем в основу «Немецкой идеологии». Теоретическое усвоение доктрин социалистов-утопистов в сочетании с анализом опыта рабочего и демократического движений наиболее промышленно развитой страны мира подготовили Энгельса к выработке нового взгляда на всемирно-исторический процесс. То, что Энгельс уже был знаком с диалектическим методом Гегеля, подчеркивает английский исследователь, позволило ему преодолеть ограниченность утопических доктрин [96]. Стедман Джоунс обращается к мало исследованной проблеме влияния на Энгельса английской демократической традиции, национальной политической культуры, нашедших отражение в чартистском движении и в радикальной публицистике. Это влияние сказалось в обосновании впоследствии известного положения марксизма о борьбе за демократию как части борьбы за социальное переустройство мира.

В англоязычной литературе были попытки дать анализ влияния на Энгельса национального исторического и политического опыта Британии. В монографии профессора Колумбийского университета С. Маркуса «Энгельс, Манчестер и рабочий класс» ставится проблема воздействия на молодого Энгельса реалий английской действительности. В книге Маркуса приводятся ценные архивные данные по истории промышленного переворота в Великобритании, истории Манчестера, районов города, которые посещал Энгельс. Однако автор рассматривает публицистику молодого Энгельса в рамках викторианской традиции социального критицизма, вызванного эксцессами промышленного переворота. Энгельс предстает лишь как продолжатель романтической антикапиталистической критики Т. Карлейля [97].

Стедман Джоунс предлагает более глубокую трактовку указанных проблем. Он раскрывает качественные отличия социального критицизма раннего Энгельса с позиций романтика Карлейля.

В очерке Стедмана Джоунса присутствуют спорные положения. Например, утверждения о «прогерманской» ориентации Энгельса в 50—60-х гг. XIX в., характеристика отношения Энгельса к крестьянству как «варварскому пережитку» и другие. Английский историк, на наш взгляд, преувеличивает идейное влияние на Энгельса Гегеля [98]. В одной из своих статей Стедман Джоунс проводит мысль о «неспособности» Энгельса мыслить всегда «адекватно новизне исторического материализма как науки», что привело его в итоге к попытке «заполнять пробелы гегелевской философией его

юности»[99]. Заимствовав метод Гегеля, считает исследователь, Энгельс стал невольным пленником его «системы»[100], оформив марксизм по системному принципу. Своим признанием относительной самостоятельности идеологии в письмах об историческом материализме Энгельс также якобы сделал уступку гегелевскому идеализму. В связи с этим Стедман Джоунс рассматривает Энгельса как последнего крупного представителя немецкой классической философии. Такая постановка вопроса базируется на недостаточно четком понимании качественного различия диалектики Гегеля и марксистской диалектики, она размывает грань между марксизмом, означавшим интеллектуальный скачок в истории общественной мысли, и немецким идеализмом. Стедманом Джоунсом предложена, на наш взгляд, еще одна модификация широко распространенного на Западе тезиса о некритическом заимствовании марксизмом гегельянских установок[101].

Исследования марксистских авторов показывают, что Энгельс никогда не был прозелитом гегельянства. Уже в начале 1849 г. его отношение к левому гегельянству было вполне самостоятельным[102]. Создание философии марксизма представляло собой сложный творческий процесс критической переработки и теоретического синтеза гегелевской диалектики и фейербаховского материализма, с преодолением идеализма первой и метафизики второго. Определяя отношение к системе Гегеля, Маркс в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» отмечал, что усвоение гегелевской диалектики сопровождалось пересмотром ее основных принципов в духе прямо противоположном идеализму Гегеля. Энгельс писал: «...наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства»[103]. Все это, конечно, не исключает марксистского положения о немецкой классической философии как теоретическом источнике марксизма.

Анализ англоязычной литературы, посвященной исторической роли Энгельса в создании марксизма, дает основание говорить об усилении в последние годы тенденции на противопоставление общественно-политических взглядов основоположников марксизма. Она развивается на фоне методологических попыток западных интерпретаторов марксизма подменить марксистский материализм идеализмом, оторвать материализм от диалектики, заменить материализм вульгарными его формами, а диалектику — софистическими упражнениями. Субъективистские трактовки учения Маркса реанимируют старые мифы об «энгельсизме», об «ограниченной способности Энгельса к самостоятельному мышлению». Эти попытки искажения исторической роли Энгельса не только не подкрепляются фактами, а прямо противоречат им. Предаются забвению неоднократные высказывания самого Маркса о выдающихся ин-

теллектуальных качествах его друга и значимости для него творческого содружества с Энгельсом. В этом отношении современным защитникам версии об «энгельсизме» стоит напомнить замечание самого Энгельса: «В любой науке неправильные представления (если не говорить о погрешностях наблюдения) являются в конце концов неправильными представлениями о правильных фактах. Факты остаются, даже если имеющиеся о них представления оказываются ложными» [104].

Вместе с тем это не означает, что исключается критический подход к рассмотрению идейного наследия основоположников марксизма. В письме к Г. Триру Энгельс прдчеркивал: «Рабочее движение основано на острейшей критике существующего общества; критика является его жизненной стихией, как же может оно само избежать критики, стремиться запретить споры?» [105] Но марксистская критика, не раз демонстрировавшаяся в работах Маркса и Энгельса, предполагает содержательное отрицание отрицания, а не тенденциозный подбор фактов и тем более их прямое искажение. Ставя вопрос о конструктивной критике, Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «Но как этого достигнуть? Это зависит от особой природы каждого отдельного случая... Этому приходится учиться, как и всему прочему» [106].

Сохранение творческого начала в марксизме предполагает умение видеть и учитывать объективные основы критической аргументации немарксистской литературы. На это обращал внимание А. Грамши в «Тюремных тетрадях» при оценке книги Р. Мондольфо «Исторический материализм Фридриха Энгельса» [107]. Грамши отмечал, что в марксистской литературе не всегда можно выяснить, кому из основоположников принадлежит оригинальная мысль в том или ином вопросе, что рождает различные домыслы идейных противников марксизма [108]. Призыв Грамши различать вклад каждого из основоположников в теорию марксизма сохраняет свое значение для современности. Упрощенные представления по этому вопросу, механистическое понимание процесса развития марксизма без учета объективных диалектических противоречий, недостаточное внимание к личностным характеристикам Маркса и Энгельса в отдельных трудах открывает дорогу для произвола и субъективизма политических противников марксизма. Попытки ревизии марксизма как целостного учения опираются на критику имевшего место догматического подхода и канонизации теоретического наследия классиков марксизма, на стремление увидеть в их работах готовые формулы и окончательные ответы на все вопросы и на все времена, отказ от учета тех изменений, которые претерпевали взгляды Маркса и Энгельса по отдельным вопросам. Недооценка общечеловеческого в марксизме, его гуманистической направленности позволила конструировать искусственные противоречия «этического социализма»

Маркса и «сциентистского» Энгельса. Критическое осмысление этих имевших место явлений открывает для марксоведения новые перспективы исследований, позитивное содержание которых явится ответом на дискуссионные вопросы истории марксизма. При этом, как указывал В. И. Ленин, у Маркса и Энгельса надо учиться. «С этой почвы мы не должны сходить» [109].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Aptheker H.* Marxism and Social Science in US: A Brief Appraisal // Political Affairs. 1983. N 46. P. 21.

[2] *Rauch L.* The Political Animal. Studies in Political Philosophy from Machiavelly to Marx. Amherst, 1981. P. 220.

[3] *Miller R. W.* Marx in Analytic Philosophy: the Story of a Rebirth // Social Science Quarterly. 1983. V. 64. N 4. P. 846.

[4] *Nova F.* Friedrich Engels: His Contribution to Political Theory. New York, 1967. P. IX.

[5] *Eubanks C. L.* Karl Marx and Friedrich Engels. An Analytical Bibliography. 2-nd ed. New York; London, 1984. P. XIII.

[6] *O'Malley J. J.* Marx, Marxism and Method // Varieties of Marxism // Ed. by Sh. Avinery. The Hague, 1977. P. 7.

[7] *Mc Lellan D.* Friedrich Engels. Harmondsworth, 1978.

[8] *Carver T.* Engels. Oxford, 1981.

[9] *Henderson W. O.* The Life of Friedrich Engels. 2 vols. London, 1976.

[10] *Кандель Е. П.* Рецензия на книгу: *Гендерсон В. О.* Жизнь Фридриха Энгельса. Т. 1—2. Лондон, 1976 // Новая и новейшая история. 1978. № 3. С. 190—195.

[11] *Eubanks C. L.* Op. cit. P. XIII.

[12] *Mayer G.* Engels in seiner Frühzeit. 1820—1851. Berlin, 1920; *Idem.* Friedrich Engels: Eine Biographie. Haag, 1934. Имеются два сокращенных английских перевода: *Mayer G.* Friedrich Engels. A Biography/Ed. by R. H. S. Crossman. London, 1939; New York, 1969.

[13] *Riazanov D.* Karl Marx and Friedrich Engels. An Introduction to their Life and Works. New York; London, 1973.

[14] *Gouldner A. W.* The Two Marxisms. Contradictions and Anomalies in the Development of Theory. New York, 1980.

[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 12.

[16] *Feenberg A.* Lukacs, Marx and the Sources of Critical Theory. Totowa, 1981.

[17] Подробный анализ работ см.: *Хевеши М. А.* Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977. С. 83—151.

[18] Там же. С. 108.

[19] *Малинин В. А.* Исторический материализм и социологические концепции начала XX века. М., 1986. С. 124—125.

[20] *Lukacs G.* An Unofficial Interview // New Left Review. 1971. N 68. P. 56.

[21] *Хевеши М.* Дьердь Лукач и его исследование философии Гегеля как теоретического источника марксизма // Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987. С. 12.

[22] Современные зарубежные концепции диалектики: Критические очерки. М., 1987. С. 46—132.

[23] *Кандель Е. П.* К критике буржуазных и ревизионистских концепций о теоретической и революционно-практической деятельности Ф. Энгельса // Вопросы истории КПСС. 1970. № 11. С. 88.

[24] *Levine N.* The Tragic Deception: Marx contra Engels. Oxford; Santa Barbara, 1975.

[25] Критический разбор книги Н. Левина см.: *Гольман Л. И.* Сотрудничество Маркса и Энгельса в разработке исторической науки // Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. М., 1982. С. 8—11.
[26] *Levine N.* The Engelsian Inversion // Studies in Soviet Thought. 1983. V. 25. N 4. P. 307—321.
[27] *Bender F. L.* Marx, Materialism and the Limits of Philosophy // Studies in Soviet Thought. 1983. V. 25. N. 2. P. 79—100.
[28] *Rockmore T.* Fichte, Marx and the German Philosophical Tradition. Carbondale, 1981; *Idem.* On Marxian Epistemology and Phenemenology // Studies in Soviet Thought. 1984. V. 28. N 3. P. 187—199.
[29] Буржуазная социология на исходе XX века: Критика новейших тенденций. М., 1986. С. 26.
[30] *Rockmore T.* Vico, Marx and Anticartesian Theory of Know ledge // Vico and Marx: Affinitics and Contrasts. Atlantic Highlands, 1983. P. 178—191.
[31] *Schneider E.* Engels: On the Scientistic Foundation of Marxism // Studies in Soviet Thought. 1985. V. 30. N 3. P. 247—257.
[32] *Tucker R.* Philosophy and Myth in Karl Marx. 2-nd ed. New York, 1972. P. 184.
[33] *Elster J.* Making Sense of Marx. Cambridge, 1985. P. 42.
[34] *Bender F. L.* Op. cit. P. 95.
[35] См.: *Кузнецов К. Т.* Докторская диссертация Карла Маркса // Вопросы философии. 1958. № 5.
[36] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 35. С. 98.
[37] См.: *Тартаковский Б. Г.* К. Маркс и создание «Анти-Дюринга» // Теория марксизма и рабочее движение XIX в. М., 1978.
[38] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 297.
[39] Там же. Т. 20. С. 9.
[40] *Kamenka E.* Marx, Communism and Anarchism // Political Thinkers/Ed. by D. Muschamp. London, 1986. P. 201.
[41] *Avineri S.* The Social and Political Thought of Karl Marx. Cambridge, 1969. P. 3.
[42] *Morgan D. W.* The «Orthodox» Marxists: First Gegeration of a Tradition // Ideas into Politics, Aspects of European History 1880—1950/Ed. by R. J. Bullen etc. London, 1984. P. 4.
[43] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 93.
[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 300.
[45] Там же. Т. 21. С. 301.
[46] *Mc Bride W. L.* The Philosophy of Marx. London, 1977. P. 44.
[47] Ibid.
[48] Ibid. P. 141—142.
[49] *Stokes C.* Рес. ad op.: Rubel M. On Karl Marx: Five Essays // The American Political Science Review. 1983. N 4. P. 118—119.
[50] *Rubel M.* Friedrich Engels — Marxism's Founding Father: Nine Premises to a Theme // Varietics of Marxism/Ed. by Sh. Avineri. The Hague, 1977. P. 43—52.
[51] *Rubel M.* The «Marx Legend», or Engels, Founder of Marxism // Rubel on Karl Marx: Five Essays/Ed. by O'Malley and K. Algozin. Cambridge etc., 1981. P. 18.
[52] *Pierson S.* Marxism and the Origins of British Socialism. The Struggle for a New Consciousness. Ithaca; London, 1973. P. 63.
[53] *Малинин В. А., Шинкарук В. И.* К. Маркс, Ф. Энгельс и левое гегельянство. Киев, 1986. С. 271.
[54] *Чепуренко А. Ю.* Идейная борьба вокруг «Капитала» сегодня. М., 1988. С. 78.
[55] См. о нем: *Бочарова Н. В.* О публикации в США биографической хроники К. Маркса и Ф. Энгельса // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. Вып. 4. 1988. С. 84—99.
[56] *Draper H.* The Marx — Engels Chronicle. New York, 1985.
[57] *Nova F.* Op. cit. P. I.

[58] *Hunt R. N.* The Political Ideas of Marx and Engels. V. 1—2. Pittsburgh — Ann Arbor, 1974—1984.

[59] *Alehander A.* Karl Marx. The Father of Modern Socialism. New York, 1969.

[60] *Evans M.* Karl Marx. Bloomington; London, 1975.

[61] *Berlin I.* Karl Marx: His Life and Environment. 2-nd. ed. London, 1949. P. 103.

[62] *Mc Lellan D.* Karl Marx: His Life and Thought. New York, 1973. P. 132, 180.

[63] *Mc Lellan D.* Friedrich Engels. P. 98.

[64] Ibid. P. 99.

[65] Ibid. P. 102.

[66] Ibid. P. 103.

[67] *Mc Lellan D.* Introduction // Marx: The First Hundred Years/Ed. by D. Mc Lellan. Oxford, 1983. P. 8.

[68] См. об этом: Очерки по истории «Капитала». М., 1983; *Выгодский В. С.* Ф. Энгельс как исследователь «Капитала» // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 50—87.

[69] *Михайлова М. М.* К истории распространений I тома «Капитала» // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1963. С. 412—443.

[70] *Казьмина И. Г.* Работа Энгельса над подготовкой к изданию третьего тома «Капитала» К. Маркса // Из истории марксизма. М., 1961. С. 376—404.

[71] *Mc Lellan D.* Marxism after Marx. London, 1979. P. 3—87.

[72] *Kamenka E.* Op. cit. P. 202.

[73] Biographical Dictionary of Marxism/Ed by R. A. Gorman. Westport (conn.), 1986.

[74] Ibid. P. 105.

[75] Ibid.

[76] Ibid.

[77] *Scanlan J. P.* Marxism in the USSR. Ithaca, 1985. P. 143.

[78] Ibid. P. 22 n.

[79] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 259.

[80] *Carver T.* Marx and Engels: The Intellectual Relationship. Brighton, 1983.

[81] *Бочарова Н. В.* Год Маркса в англо-американской буржуазной марксологии // Маркс и рабочее движение XIX века. М., 1988. С. 403—405.

[82] *Thomas P.* Marx and Science // Political Studies. 1976. V. XXIV. N 1. P. 1—23.

[83] *Thomas P.* Karl Marx and the Anarchists. London; Boston, 1980.

[84] *Carver T.* Engels. P. 63.

[85] Ibid. P. 75—76.

[86] Ibid. P. 76.

[87] Ibid. P. 77.

[88] Ibid.

[89] Ibid.

[90] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 360.

[91] Там же. Т. 20. С. 87.

[92] *Stedman Jones G.* Languages of Class: Studies in English Working Class History, 1832—1982. Cambridge, 1983.

[93] *Stedman Jones G.* Engels and the History of Marxism // The History of Marxism/Ed. by E. Hobsbourn. V. 1. Marxism in Marx's Days. Brighton, 1982. P. 290—326.

[94] Ibid. P. 295.

[95] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 9.

[96] *Stedman Jones G.* Engels and the History of Marxism. P. 316.

[97] *Marcus S.* Engels, Manchester and the Working Class. New York, 1974. P. 106, 246—247, 256.

[98] *Stedman Jones G.* Engels and the History of Marxism. P. 325.

[99] *Stedman Jones G.* Engels and the End of Classical German Philosophy // New Left Review. 1973. N 79. P. 35.

[100] Ibid. P. 36.

[101] См.: *Розенталь М. М.* Учение Гегеля о диалектических противоречиях и марксизм // Вопросы философии. 1974. № 8. С. 48.

[102] *Малинин В. А., Шинкарук В. И.* Указ. раб. С. 80.

[103] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 371.

[104] Там же. Т. 20. С. 476.

[105] Там же. Т. 37. С. 277.

[106] Там же. Т. 20. С. 145—146.

[107] *Грамши А.* Тюремные тетради // Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Т. 3. М., 1959. С. 78.

[108] Там же.

[109] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 378.

И. Е. Немова, В. Н. Фомичев

ОБЗОР ГАЗЕТНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ИРЛАНДСКОМУ ВОПРОСУ ИЗ АРХИВА Ф. ЭНГЕЛЬСА

Со времени своего пребывания в Англии, т. е. с начала 40-х гг., Ф. Энгельс уделял большое внимание изучению истории Ирландии. Подробная характеристика условий жизни ирландских трудящихся дана им в «Положении рабочего класса в Англии» 1845 г. После выхода в свет этой работы Энгельс продолжал следить за событиями на «Зеленом острове». Экономическое и политическое закабаление Ирландии влекло за собой превращение ее в арену всевозможных социальных бедствий — страшной нищеты населения, периодически повторяющихся голодовок, массовой эмиграции, растущей преступности и т. д.

В сентябре 1869 г. Энгельс вместе со своей женой и младшей дочерью Маркса Элеонорой предпринял поездку по Ирландии. Он отмечает происшедшие по сравнению с 1856 г., когда он совершил свою первую поездку в Ирландию, значительные изменения. Голод 1845—1847 гг., приведший к гибели почти миллион человек, последовавший затем сгон крестьян с земли и интенсивный переход от мелкого земледельческого к крупному пастбищному хозяйству — все это вызвало массовую эмиграцию. Энгельс пишет Марксу 27 сентября 1869 г., что страна «производит впечатление настоящей пустыни, и сразу приходит мысль, что здесь слишком мало народа. Везде признаки военного положения... и везде, везде солдаты» [1].

Для изучения истории Ирландии Энгельс привлекал разнообразные источники: по раннему средневековью — свидетельства античных авторов, анналы, памятники фольклора, правовые документы, английские средневековые хроники и т. д.; по более поздним периодам — исторические материалы, законодательные акты, переписку государственных деятелей, свидетельства современников, памфлеты и мемуары, статистические данные, материалы прессы. В течение второй половины 1869 г. и первой половины 1870 г. Энгельс собрал огромный материал, заполнив 15 обширных тетрадей конспектами и выписками преимущественно по ирландской истории и истории англо-ирландских отношений [2]. На их основе Энгельс и начал писать

книгу, которая осталась неоконченной. Он подготовил полностью только первую главу «Природные условия» и начало второй — «Древняя Ирландия», а также несколько отдельных фрагментов [3].

Материалы выписок Энгельса по истории Ирландии и процесс его работы над книгой достаточно полно проанализированы и отражены в исследованиях советских историков [4]. Однако историки не обратили внимания на такой вид источников, как многочисленные газетные вырезки со статьями и заметками по ирландскому вопросу, собранные Энгельсом в 1869—1870 гг.

Рассматривая периодику как специфический источник, отображающий различные стороны общественной жизни: социальные коллизии и политическую борьбу, духовные устремления различных общественных слоев, идейные конфликты между ними, Маркс и Энгельс часто обращались к материалам прессы. В ряде работ они использовали многочисленные материалы, публиковавшиеся на страницах западноевропейской и американской печати [5].

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится более 600 газетных вырезок из архива Маркса и Энгельса с материалами по истории стран Европы и Америки, рабочему и революционному движению, экономике и финансам, военному делу и внешней политике и другим вопросам. На многих из них есть надписи, пометки, отчеркивания и подчеркивания Маркса и Энгельса. Понимая тенденциозность буржуазной прессы, недостоверность и сомнительность многих фактов, ее крайнюю враждебность к пролетарскому движению, прямую фальсификацию в ряде случаев революционных событий, Маркс и Энгельс в то же время ценили этот источник, поскольку периодическая печать отражала духовную и общественную жизнь изучаемого периода, стремления и помыслы определенных классов и социальных слоев. В своих работах они часто использовали материалы прессы как один из важных источников для уяснения отношения буржуазии к пролетариату, рабочему и национально-освободительному движению, а также для изучения условий существования рабочего класса, предпосылок и характера его борьбы.

* * *

В предлагаемой статье дается краткий обзор содержания собранных Энгельсом 112 газетных вырезок по истории Ирландии, хранящихся в фонде № 1 Центрального партийного архива. Большая часть из них сделана из английских газет «The Manchester Daily Examiner and Times», «The Daily News», «The Pall Mall Gazette», а также из ирландских газет «The Cork Daily Southern Reporter» и «The Irish Times». Коллекция вырезок позволяет представить, какие стороны жизни Ирландии хотел исследовать в своей работе Энгельс. В первую очередь, это ирландский земельный вопрос и

проблема его разрешения. Более ста газетных публикаций, отобранных Энгельсом, раскрывают различные аспекты этой темы. Статьи и заметки о положении мелких фермеров, публикации о митингах и демонстрациях в защиту прав фермеров, о собраниях фермерских клубов и об «аграрных преступлениях» в Ирландии, отчеты о выступлениях английских и ирландских должностных лиц во время выработки нового ирландского законодательства и о парламентских дебатах во время принятия гладстоновских законопроектов, письма в редакции — все эти материалы Энгельс намеревался использовать для написания третьего раздела 4-й главы своей работы под заголовком «Ирландия в составе Соединенного королевства. Период искоренения. 1846—1870».

Фальсификаторский характер английской публицистики особенно сказывался в крайнем приукрашивании деятельности английских колонизаторов в Ирландии, в попытках изобразить их носителями цивилизации и прогресса. При этом старательно затушевывалось подлинное существо английской политики, заключавшееся в грабеже ирландских земель и закабалении ирландского крестьянства. Так, в одной статье из газеты «The Cork Daily Southern Reporter» от 15 сентября 1869 г. корреспондент, сравнивая события 70-летней давности — Уэксфордское восстание 1798 г.[6] — и современное состояние графства, утверждал, что кровопролитие 1798 г. и обнищание 1822 г. сменились благоденствием и процветанием: «Недовольство и нищета существовали в 1822 г., процветание — в 1869. Винегар-хилл был сердцем восстания 1798 г., сегодня же нет более лояльного и довольного населения...» Своим благополучием и местные арендаторы, по мнению автора статьи, обязаны «мудрому и справедливому» правлению графа Портсмута [7].

В другой статье специального корреспондента газеты «Times» по Типперэри, опубликованной в сентябре 1869 г., сообщались данные о среднем размере ферм в Ирландии и отмечалось, что несмотря на процветание отдельных хозяйств большинство ферм находится в «неудовлетворительном состоянии». Плата за сельскохозяйственные работы в последние годы выросла от 4 до 6—10 шиллингов в неделю. В целом «условия жизни сельскохозяйственного рабочего в настоящее время довольно хорошие, он сносно одет и накормлен; огромная эмиграция этого класса, которая продолжалась в этой и других частях графства в течение последних 20 лет, быстро уменьшается и, возможно, скоро исчезнет». Снижается рента, выплачиваемая арендатором землевладельцу. По мнению корреспондента «Times», серьезных причин для конфликтов между фермерами и лендлордами в настоящее время не существует. Случаи выступлений арендаторов против землевладельцев автор связывает с безответственностью и пассивностью большинства лендлордов, мало что делающих для улучшения организации хозяйств. Почти все ново-

введения, признавал автор, это плод усилий самих фермеров, которые, не обладая собственностью на землю, могут быть изгнаны со своего участка в любое время и без компенсации [8].

Мысль о необходимости установления справедливой компенсации за работы, произведенные арендатором, при расторжении аренды высказывает на страницах «The Manchester Daily Examiner and Times» член парламента Гревилл-Ньюджент. Если в Англии, пишет он, действует закон, согласно которому земля и все, что на ней находится, принадлежат лендлорду, который обеспечивает арендатора домом, сельскохозяйственными постройками и всем необходимым для обработки земли, то в Ирландии фермер получает в аренду лишь землю и сам возводит на ней все необходимое для жизни и работы. В Англии при смене арендатора лендлорд по праву возвращает себе свою собственность, в Ирландии — вместе с землей лендлорд забирает при сгоне арендатора построенные им дома, конюшни, загоны, сараи и прочие постройки. Ирландский лендлорд не хочет делать для своих арендаторов то, что делает английский [9]. Другие вырезки содержат материалы о системе взаимоотношений лендлорда и арендаторов в имении лорда Дерби [10], описание положения мелких арендаторов в Уэстпорте [11], графстве Мэйо и Багоре (Ольстер) [12].

Большое впечатление производят яркие, эмоциональные письма ирландского священника Патрика Лавелла. От имени всех обездоленных ирландских фермеров Лавелл гневно протестует против варварского выселения землевладельцем из Мэйо Р. Палмером овдовевшей матери священника Мэри Лавелл с фермы, принадлежавшей этой семье около 50 лет. Старой женщине, нуждавшейся в уходе и помощи, не разрешили жить вместе с дочерью, так как агенты землевладельца категорически возражали против «проживания двух семей» на одной ферме [13]. Письма Лавелла, обличающие бесчеловечность и жестокость английских лендлордов в Ирландии, привлекли внимание дочери Маркса Женни. Одно из них она использовала в своей статье «Аграрные преступления в Ирландии», опубликованной во французской газете «La Marseillaise» 12 апреля 1870 г.[14]

Многочисленные заметки о положении мелких фермеров в различных графствах Ирландии давали Энгельсу необходимый материал для характеристики колонизаторской политики английских завоевателей. Английская официальная пресса извращала историю борьбы ирландцев за независимость. Она сообщала о самых различных формах этой борьбы: от митингов и демонстраций до убийств землевладельцев и поджогов их имений. Энгельс тщательно собирал эти свидетельства. Большая группа газетных вырезок содержит сообщения о выступлениях ирландских фермеров в защиту своих прав.

Статья «Право аренды в Ирландии», опубликованная в «The Manchester Daily Examiner and Times» 30 сентября 1869 г., рассказывала о демонстрации в Мэриборо, в которой участвовали почти 10 тыс. человек. Она прошла под руководством католических священников; на митинге была принята резолюция, частично изложенная в газете. Основные выводы выступавших сводились к следующим положениям: «1. Не может быть ни мира, ни благополучия в Ирландии до тех пор, пока существуют нынешние безжалостные и несправедливые отношения между лендлордом и арендатором. 2. Свободы, мира и прогресса не может быть в Ирландии до тех пор, пока остается неизменной система земельной аренды...» Участники демонстрации потребовали также снижения арендной платы и правовой защиты народа Ирландии [15].

Эта же газета от 1 октября 1869 г. сообщала о митинге фермеров-арендаторов юга Ирландии, проходившем во второй половине сентября 1869 г. в Типперэри. Участники митинга рассмотрели и обсудили проект Устава, предложенный фермерским клубом провинции Манстер и принятый на митинге в Корке 16 сентября 1869 г., и выработанный там же текст обращения к народу Ирландии. Ораторы указывали на то, что ирландский народ был лишен своей земли тем самым английским парламентом, который теперь должен разработать земельную реформу в интересах неимущих ирландцев. «Ирландией нужно управлять в соответствии с ирландскими представлениями и желаниями» — такое требование прозвучало на митинге. Предложения по разрешению аграрного вопроса сводились, в основном, к разработанной в 1850 г. Лигой защиты прав арендаторов «Программе трех «F» («fixity of tenure», «fair rent», «free sale»), требовавшей прочности аренды, справедливой арендной платы и свободной продажи или отчуждения в другой форме участков арендаторами. Выдвигались предложения об организации Лиги ирландских арендаторов, которая объединит всех, кто захочет участвовать в борьбе за права беднейших слоев населения Ирландии [16].

Иная точка зрения была высказана при обсуждении земельного вопроса Советом попечителей бедных Северного Дублина. Признавая выселение арендаторов с земли основой пауперизма в Ирландии и считая своим долгом организовать помощь лишившимся крова, члены Совета тем не менее выступали за достижение компромисса между арендаторами и лендлордами, за «разумное разрешение» земельного вопроса и, в частности, законодательное утверждение «прочности аренды», что способствовало бы укреплению доверия и сотрудничества между классами [17].

Из газетных материалов явствует, что фермерам порой удавалось найти способы воздействия на землевладельцев. Так, на одном из собраний фермерского клуба в Макруме в ноябре 1869 г.

рассматривалось заявление арендаторов члену парламента Дж. Коултхесту, который резко повысил арендную плату. Участники собрания в своей резолюции предложили избирателям, голосовавшим на выборах в парламент за его кандидатуру, отозвать Коултхеста из парламента до истечения срока его полномочий [18].

Энгельса особенно интересовали выступления крестьян, о чем свидетельствуют газетные вырезки, освещающие аграрные волнения в Ирландии. Эти выступления особенно обострились в 1869 — начале 1870 г. Даже в консервативных газетах и журналах, не говоря о прогрессивных, публиковались факты, которые при их критическом анализе проливали свет на различные социальные процессы в Ирландии, несмотря на все старания господствующих классов замолчать и затушевать их либо представить в искаженном виде. В первую очередь это относилось к фактам расправы ирландских арендаторов с лендлордами и управляющими их поместий. Заголовки статей и заметок гласили: «Причины аграрных убийств в Типперэри», «Римский католический архиепископ о преступлениях в Типперэри», «Аграрные преступления в Ирландии», «Расследование убийств в Ирландии», «Господство террора в Ирландии» и др. Авторы ряда статей мрачными красками рисуют положение зажиточных слоев населения и землевладельцев в Ирландии, указывают на близкое к панике состояние лендлордов и их наместников. В статье «Положение в Ирландии» отмечается, что лендлорды настолько напуганы движением, что не осмеливаются расторгнуть договор с арендатором либо уволить слугу [19]. Статьи сообщают о частых случаях убийств и поджогов, о ночных патрулях полиции. В них приводятся и общие цифры аграрных выступлений в Ирландии [20].

Судя по подборке газетных публикаций, внимание Энгельса привлекали не только описания конкретных случаев правонарушений, но и попытки ряда авторов проанализировать причины аграрных волнений. Описывая конкретные случаи преступлений в Уэстмите в сентябре 1869 г., автор одной статьи сделал вывод, что напряженная обстановка во многих графствах Ирландии объясняется бесправием и моральной дезорганизацией населения, безнаказанностью преступников и является прямым следствием бесконечной череды войн и восстаний в этих районах страны в прошлом [21]. В отдельных статьях указывалось на то, что аграрные преступления в Ирландии вызваны тяжелыми условиями жизни мелких фермеров, безвыходностью их положения. Специальный корреспондент «Daily News», путешествовавший по Типперэри и его окрестностям, отмечал, что «аграрные преступления в Ирландии имеют скорее социальный, чем личный характер» [22].

Внимание Энгельса привлекло послание архиепископа Лина к жителям Типперэри, опубликованное в манчестерской газете 19 мая

1869 г. После патетических восклицаний о крови, заливающей графство, после призывов к миролюбию и здравомыслию, Лин писал: «Если мы ищем истинную причину... этих злосчастных убийств, которые могут считаться аграрными, то мы найдем ее частично в неудачных отношениях между лендлордами и арендаторами вследствие законодательных установлений, частично в традициях междоусобной борьбы между лендлордами и арендаторами в Типперэри, относящихся ко временам Кромвелевского соглашения» [23].

Автор статьи «Лендлорд и землевладелец в Типперэри» в качестве одной из причин вражды между лендлордом и арендатором вполне справедливо называет религиозную рознь. «Земельные собственники,— писал он,— за малым исключением, являются протестантами, а арендаторы — почти все католики. Кроме того, большинство земельных собственников абсентеисты, которые редко или никогда не посещают свои владения... По этим причинам растет барьер между классами, связанными с землей». Эта же мысль высказывается еще в одной статье, вырезка из которой сохранилась в архиве Энгельса [24].

В фрагментах к работе «История Ирландии» Энгельса содержится следующий вывод: «Убийства на почве аграрных волнений в Ирландии не могут быть прекращены *по той причине* и *до тех пор,* пока они являются единственным действенным средством против истребления народа лендлордами. Это *помогает*, и потому они продолжаются и будут продолжаться вопреки всем репрессивным законам. В количественном отношении они колеблются, как и все социальные явления, и при известных обстоятельствах могут принять даже характер эпидемии, когда они вызываются даже весьма незначительным поводом. Эпидемию еще можно преодолеть, но не самый недуг» [25]. Позднее Энгельс отмечал, что эта форма социального и национального протеста отличалась «местным, разрозненным характером» и не могла «стать общей формой политической борьбы» [26].

В коллекции газетных вырезок, собранных Энгельсом, есть и материалы о фениях — членах Ирландского республиканского братства. Это семь публикаций об условиях содержания ирландских политических заключенных в английских тюрьмах и о результатах выборов в английскую палату общин в Типперэри. На этих выборах, состоявшихся 25 ноября 1869 г., депутатом от Типперэри был избран один из руководителей фениев и издатель «The Irish People» Джеримая О'Донован Росса, приговоренный четырьмя годами ранее к пожизненному заключению за «мятежные статьи» в этой газете. Автор заметки пытается как-то сгладить ошеломляющее впечатление, произведенное в Англии беспрецедентным избранием политического заключенного в парламент. Он утверждает, что выборы вовсе не были исключительно «фенианскими», избрание

Россы объясняется лишь недостаточной четкостью действий других партий, в частности либеральной [27].

Результаты выборов были, разумеется, аннулированы, но они имели огромный резонанс в прессе. «Выборы в Типперэри — это событие,— писал Энгельс Марксу 29 ноября 1869 г.— Они заставляют фениев отказаться от бесплодного конспирирования и фабрикации мелких путчей ради практической деятельности такого рода, которая, несмотря на кажущуюся легальность, несравненно революционнее всего, совершенного ими со времени их неудачного восстания. Фактически они усваивают образ действий французских рабочих, а это — громадный прогресс, если только дело будет и дальше развиваться в том же направлении. Страх, рожденный у филистеров этим новым оборотом дела и пронизывающий всю либеральную прессу, лучше всего доказывает, что на этот раз они попали в самую точку» [28].

Остальные публикации в подборке материалов о фениях посвящены положению ирландских революционеров, заключенных в английских тюрьмах. Маркс и Энгельс приняли активное участие в развернувшейся в Англии кампании в защиту фениев, подвергавшихся в тюрьмах варварскому обращению.

Дочь Маркса Женни опубликовала 9 марта 1870 г. во французской газете «La Marseillais» письмо О'Донована Россы, где он описывал ужасные условия, в которых содержались заключенные ирландцы. Отмечая успех статьи Ж. Маркс, Энгельс сообщал Марксу, что его «очень интересует дальнейший ход этой истории» [29]. Свидетельством этого интереса являются вырезки из «The Daily News» и «The Daily Telegraph», собранные Энгельсом в марте 1870 г. Они содержат статьи «Заключенные фении и их друзья», «Заключенные фении и положение в Италии», а также заметки об опубликованном Ж. Маркс письме О'Донована Россы.

В одной из вырезок даются комментарии редакции «Daily News» к письму О'Донована Россы. Пытаясь оправдать правительство, редакция заявляла, что с О'Донованом Россой «обращались так, как он того заслуживает», т. е. как с обыкновенным каторжником [30]. Следующая статья, написанная Ж. Маркс вместе с отцом, подвергла эти комментарии, а также публикации других английских газет резкой критике [31]. Газета «Daily News» вновь попыталась смягчить изложенные в статьях Ж. Маркс факты. «Мы вполне осознаем, что вопрос об обращении с политическими заключенными очень щепетилен, но наказание есть наказание и человек, осужденный за призыв к мятежу, вряд ли имеет право жаловаться»,— писала газета [32]. Однако, благодаря публикациям ряда газет, в парламент были сделаны запросы об условиях содержания заключенных фениев. Под давлением общественного мнения была назначена специальная комиссия, инспектировавшая тюрьмы. Факты свирепого обра-

щения с ирландскими заключенными получили широкую огласку, разоблачения левой печати подтвердились, и в 1871 г. значительная часть заключенных была амнистирована.

Проблемы урегулирования положения в Ирландии, изменения ирландского земельного законодательства находились в центре внимания английской и ирландской прессы в 1869—1870 гг. Большая группа статей и заметок из собранной Энгельсом коллекции газетных вырезок включает в себя сообщения о выступлениях английских и ирландских должностных лиц и общественных деятелей по земельному вопросу и многочисленные письма в редакции английских и ирландских газет, содержавшие конкретные предложения по выработке новых земельных законопроектов. Внимание Энгельса привлекли такие статьи, как «Предложения м-ра Брайта по ирландскому земельному вопросу» [33], «М-р Чарлз Бакстон, член парламента, об ирландском земельном вопросе» [34], «М-р Хорсман об Ирландии» [35], «Лорд Лиффорд об ирландском земельном законодательстве» [36], «Речь лорда Харлингтона с ирландской точки зрения» [37] и др.

В них высказываются самые различные мнения. Если один автор, рассматривая публикующиеся в печати предложения по правовому урегулированию ирландского земельного вопроса, отмечал их неизбежную неполноту и предлагал дать возможность арендаторам и землевладельцам самим, без участия посредников и третьих лиц, договориться между собой, то другой полагал, что необходимо «ограничить более строго права лендлордов... и придать силу закона тем установлениям, которые хорошие лендлорды сами признают и которых придерживаются как моральных обязательств» [38]. «Когда закон обеспечит такую же защиту собственности арендатора, какой пользуется лендлорд в отношении своей собственности, тогда и только тогда люди охотно будут исполнять закон»,— писал Гревилл-Ньюджент [39].

Часть авторов выступала за придание силы закона ирландским традиционным установлениям в пользовании землей, например «ольстерскому обычному праву» [40]. В коллекции Энгельса содержится вырезка из газеты с открытым письмом члена парламента Дж. Грея к одному из лидеров оранжистов [41] У. Джонстону, опубликованным 10 декабря 1869 г. в «The Manchester Daily Examiner and Times». Грей призывал его использовать свое влияние для выработки и принятия земельного законодательства, которое удовлетворило бы все слои населения независимо от их вероисповедания. В нем предлагалось разрешить аграрный вопрос путем законодательного признания существовавшего в Ольстере «обычного права». Ссылки на необходимость учитывать этот обычай при выработке нового ирландского законодательства по аграрному вопросу есть и в ряде других статей и заметок [42].

Ирландский земельный вопрос, названный в «The Irish Times» «великим вопросом этих дней, волнующим каждого ирландца» [43], широко и всесторонне обсуждался на страницах английских и ирландских газет. При этом высказывались полярные точки зрения. В отдельных статьях отмечалась необходимость учета и прав землевладельцев. Совет же попечителей бедных Северного Дублина высказывал мнение, что поддержка требований фермеров в ходе обсуждения предстоящего изменения законодательства крайне вредна, так как может породить необоснованные надежды у арендаторов [44].

Среди многочисленных и разнообразных публикаций, посвященных ирландским проблемам, особенно выделяется подборка писем Г. Д. Хаттона из Дублина. Они публиковались в «The Manchester Daily Examiner and Times» осенью 1869 — весной 1870 г. под заголовком «Ирландия: ее земля и люди». Приведенный в них большой фактический материал должен был, по замыслу автора, показать глубокие различия в экономическом и социально-политическом развитии Англии и Ирландии, роль католической церкви в формировании общественного сознания ирландцев, значение основанного на традиционных, привычных представлениях «обычного права» в Ирландии, а также несовместимость самого уклада, образа жизни большинства ирландцев с нормами английского законодательства. Для обоснования своих выводов Хаттон использовал произведения Дж. Милля, Г. Смита и других экономистов, приводил высказывания таких политических деятелей, как Г. Дж. Пальмерстон, У. Ю. Гладстон и Дж. Брайт. Его главные тезисы сводились к следующему: 1. Правильное понимание причин современных противоречий между Англией и Ирландией может быть основано лишь на историческом анализе экономического и социально-политического развития этих стран, на изучении истории их взаимоотношений. 2. Современный ирландский вопрос, этот запутанный клубок иногда неразрешимых противоречий, можно разделить на три различных, но тесно связанных между собой проблемы: вопрос об ирландской церкви, о системе землепользования и об образовании [45]. Именно эти вопросы, по его мнению, и предстояло решить английским законодательным органам. Предпринятая Хаттоном попытка объективного исторического анализа истоков противоречий между Англией и Ирландией, стремление показать историческую обусловленность неудач английского правления на «Зеленом острове», вероятно, и привлекла внимание Энгельса к публикациям его писем.

Большая часть вырезок из английских газет «The Daily News» и «The Manchester Daily Examiner and Times» с 16 февраля по 9 июля 1870 г. содержит статьи и заметки, освещавшие ход парламентских дебатов при обсуждении и принятии английским парламентом таких важнейших законопроектов, как «О демонстрациях

в Ирландии», «О поддержании общественного порядка в Ирландии» и ирландского земельного законопроекта. Энгельс проявлял огромный интерес к этим проблемам и собирал материалы, позволявшие проследить процесс выработки и принятия соответствующих решений.

Первые две газетные вырезки этой группы содержат изложение речи премьер-министра Гладстона на заседании палаты общин 15 февраля 1870 г. О том, что Энгельс внимательно изучал речь Гладстона, свидетельствуют многочисленные подчеркивания и отчеркивания в тексте, нумерация отдельных частей речи, восклицательные и вопросительные знаки, особенно в тех местах, где Гладстон говорит о благотворности вмешательства законодательных органов Англии в ирландские земельные отношения, что якобы стимулировало развитие сельского хозяйства в Ирландии и т. д. Снабженный различными оговорками и ограничениями законопроект, внесенный Гладстоном, по существу, оставлял незыблемыми основы крупного землевладения английских лендлордов в Ирландии; он сохранял для них возможность повышения ренты и сгона арендаторов с земли, если не непосредственно, без всяких предупреждений и без всякой компенсации, как это было раньше, то с помощью определенной судебной процедуры и уплаты небольшого вознаграждения [46].

«Итак, гора-Гладстон благополучно разрешилась от бремени своей ирландской мышью»,— писал Энгельс Марксу 17 февраля 1870 г. Он отметил, что внесенный Гладстоном законопроект «оберегает ирландских лендлордов и в конце концов передает их интересы в испытанные руки ирландских юристов. Тем не менее даже это незначительное ограничение свободы сгонять арендаторов с земли приведет к тому, что прекратится чудовищная эмиграция и приостановится превращение пахотной земли в пастбища». Энгельс подчеркнул, что с помощью такого законопроекта Гладстон не разрешит ирландский земельный вопрос [47].

Другие газетные вырезки отражают процесс обсуждения в парламенте ирландских законопроектов. Собирая материалы прессы с отчетами о парламентских дебатах, Энгельс просил Маркса помочь достать полные тексты законопроекта. «Мне это было бы очень важно, чтобы иметь возможность следить за парламентскими прениями по отдельным статьям»,— писал он. Энгельс отметил, что газеты искажают «до полной бессмыслицы» речь Гладстона и не дают полного представления о ходе дебатов [48]. Марксу только в апреле 1870 г. с большим трудом удалось выполнить просьбу Энгельса. Он послал ему парламентские отчеты; некоторые из них были Энгельсу незнакомы и, по его словам, «пришлись очень кстати» [49].

Энгельса интересовало и состояние промышленности Ирландии. Один материал «The Irish Times» от 11 сентября 1869 г. содержит

обзор развития льняной мануфактуры, составленный на основании отчета фабричного инспектора Бэкера о росте переработки льна в Ирландии за последние 5 лет [50]. Однако приводимые им данные свидетельствовали лишь о временном успехе одной из отраслей промышленного производства в Ирландии. Это отметил и Маркс в наброске своего доклада по ирландскому вопросу [51]. Энгельс в «Истории Ирландии» также писал, что главными виновниками экономической отсталости Ирландии, превращения ее в чисто аграрную, скотоводческую страну являлись английские колонизаторы, которые «грубо растаптывали... почти каждый росток ирландской промышленности, стоило ему только появиться на свет» [52].

Анализ содержания вырезок, собранных Энгельсом, но не использованных им в написанных разделах «Истории Ирландии», позволяет представить в определенной степени, о чем хотел еще написать автор. В целом же этот источник дает представление об истории его работы над ирландской проблематикой, о лаборатории творчества Энгельса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 300.

[2] См.: *Гольман Л. И.* Энгельс — историк. М., 1984. С. 104—106.

[3] Эти работы Ф. Энгельса были впервые опубликованы в 1948 г. в т. X «Архива Маркса и Энгельса» (М., 1948).

[4] См.: *Гольман Л. И.* Ирландский вопрос в I Интернационале и борьба Маркса и Энгельса за принципы пролетарского интернационализма // Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию. М., 1955; *Он же.* Энгельс о проблемах истории Ирландии в XIX в.// Проблемы британской истории. Вып. I. М., 1972; История Ирландии. М., 1982; *Он же.* Энгельс — историк. М., 1984; *Осипова Т. С.* Труды Энгельса по истории Ирландии в советской медиевистике // Энгельс и проблемы истории. М., 1970; *Кунина В. Э.* Карл Маркс и английское рабочее движение. М., 1968; Фридрих Энгельс: Биография/Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 247—352; Т. 9. С. 497—527; и др.

[6] Главными пунктами национально-освободительного восстания 1798 г. были юго-восточные графства Ирландии Уэксфорд, Уиклоу, Килдар, Мит, а также восточная часть провинции Ольстер — графства Антрим и Даун. Большинство повстанцев составляло католическое крестьянство, поддержанное городской беднотой. Руководство борьбой осуществляли в основном буржуазные радикалы.

[7] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7196.

[8] Там же. Д. 7203.

[9] Там же. Д. 7188.

[10] Там же. Д. 7180.

[11] Там же. Д. 7186.

[12] Там же. Д. 7188, 7192, 7194.

[13] Там же. Д. 7185, 7190.

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 629.

[15] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7202.

[16] Там же. Д. 7205.

[17] Там же. Д. 7207.

[18] Там же. Д. 7210.

[19] Там же. Д. 7231.
[20] Там же. Д. 2628.
[21] Там же. Д. 7198.
[22] Там же. Д. 7182.
[23] Там же. Д. 7181.
[24] Там же. Д. 7184, 7203.
[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 524.
[26] Там же. Т. 35. С. 280.
[27] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7211.
[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 328.
[29] Там же. Т. 32. С. 375; Т. 16. С. 612—614.
[30] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2608.
[31] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 615—619.
[32] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2612.
[33] Там же. Д. 7206.
[34] Там же. Д. 7199.
[35] Там же. Д. 7212.
[36] Там же. Д. 7215.
[37] Там же. Д. 7201.
[38] Там же. Д. 7195.
[39] Там же. Д. 7188.
[40] «Обычное право» существовало лишь в Ольстере среди крестьян шотландского и английского происхождения со времени их переселения в эту провинцию в XVI — начале XVII в.; оно защищало до некоторой степени «права арендаторов» (правила о соблюдении лендлордами сроков аренды, более умеренная арендная плата и т. д.). Однако с этим обычаем лендлорды часто не считались.
[41] Оранжисты — члены реакционной террористической организации, созданной в Ирландии в 1795 г. лендлордами и протестантским духовенством для борьбы против национально-освободительного движения ирландского народа. Орден оранжистов систематически занимался натравливанием протестантов на ирландцев-католиков. Свое название орден получил в память Вильгельма III Оранского, подавившего восстание в Ирландии в 1688—1689 гг.
[42] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7209, 7213, 7216, 7217.
[43] Там же. Д. 7189.
[44] Там же. Д. 7207.
[45] Там же. Д. 7176.
[46] Там же. Д. 2588.
[47] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 365.
[48] Там же.
[49] Там же. С. 388.
[50] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7193.
[51] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 471.
[52] Архив Маркса и Энгельса. М., 1948. Т. 10. С. 63.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА И РАБОТЫ ОБ ИХ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ВЫШЕДШИЕ В СССР в 1984—1987 гг.

Библиография подготовлена Л. И. Кцоевой.

ПУБЛИКАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПИСЕМ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА *

Маркс К. [Запись выступления на Лондонской конференции I Интернационала 22 сентября 1871 г. о русском революционном движении] // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1986. Вып. 2. С. 3—4.

Публикация ИМЛ при ЦК КПСС. Подгот. В. Э. Куниной.

Первая публикация и первый перевод на рус. яз.

Маркс К. [Письмо в редакцию «National-Zeitung» в Берлине. Бинген, 31 мая 1849 г.] // Вопр. истории КПСС. 1984. № 5. С. 3—4. Под общ. загл.: Новый документ К. Маркса.

Публикация ИМЛ при ЦК КПСС. Подгот. С. А. Гаврильченко.

Первая публикация и первый перевод на рус. яз.

Маркс К. Революционная Испания. (Статья девятая) // Вопр. истории КПСС. 1985. № 3. С. 4—13. Под общ. загл.: К. Маркс об Испанской революции 1820—1823 гг.

---

* В библиографию включены первые публикации и первые переводы на русский язык произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. *Ред.*

Публикация ИМЛ при ЦК КПСС. Подгот. А. Ю. Зубковым и В. А. Смирновой.
Первый перевод на рус. яз.

Маркс К. Слиток. Завершенная денежная система // Первоначальный вариант «Капитала»: (Экономические рукописи К. Маркса 1857—1859 годов). М.: Политиздат, 1987. С. 363—435.
Публикация ИМЛ при ЦК КПСС. Подгот. А. Ю. Чепуренко под ред. Л. Л. Васиной и Л. Р. Миськевич.
Первый перевод на рус. яз.

Энгельс Ф. Набросок «Введения» к «Анти-Дюрингу» // Коммунист. М., 1985. № 18. С. 3—6. Под общ. загл.: Новый документ Фридриха Энгельса.
Публикация ИМЛ при ЦК КПСС. Подгот. Н. Ю. Колпинским и В. Н. Кузнецовым.
Первый полный перевод на рус. яз.

ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ о К. МАРКСЕ и Ф. ЭНГЕЛЬСЕ

Бауэр Б. К. Марксу. Берлин, 5 июня 1842 г. // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1984. № 6. С. 84.

[Дело «коммерсанта Фридриха Энгельса», заведенное прусской тайной полицией. 1853—1895] // Новая и новейшая история. 1986. № 2. С. 109—116.

Из откликов зарубежной рабочей печати 1895 г. на смерть Ф. Энгельса // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 150—154.

ИЗУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МАРКСИЗМА В. И. ЛЕНИНЫМ

Домнина И. Н. Развитие В. И. Лениным идей К. Маркса о процессе производства рабочей силы // Теоретическое наследие В. И. Ленина и актуальные вопросы политической экономии. М., 1986. С. 72—79.

Закирьянова Г. К. Критика В. И. Лениным субъективного метода в социологии [по конспекту книги К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство» в «Философских тетрадях»] // Методологические проблемы генезиса марксистской философии в контексте работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»: Сб. науч. статей. Алма-Ата, 1987. С. 75—80.

Кудряшова Н. В. Развитие В. И. Лениным идей произведения К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» // Вопросы истории КПСС. 1984. № 5. С. 21—32.

Савицкая Р. М. Ленинский метод изучения и использования трудов К. Маркса и Ф. Энгельса // Вопросы истории КПСС. 1984. № 8. С. 104—117.

Шарапов Ю. П. Изучение В. И. Лениным трудов К. Маркса и Ф. Энгельса // Вопросы истории КПСС. 1984. № 1. С. 116—125.

РАБОТЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Агости Э. Путь Маркса // Агости Э. Революция, интеллигенция, культура: Пер. с исп. М.: Политиздат, 1984. С. 67—90.

Амантаев Б. А., Изотов М. З. Фридрих Энгельс — великий ученый и пролетарский революционер // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1985. № 6. С. 3—10.

Арисменди Р. Карл Маркс — революционер // Марксизм и проблемы социального прогресса: Вопросы идейной борьбы. М.: Наука, 1986. С. 53—61.

Балашова Г. В. Идейное и организационное влияние К. Маркса и Ф. Энгельса на «Немецко-Брюссельскую газету» // Вестн. МГУ. Сер. 10, Журналистика. 1984. № 5. С. 58—65.

Балашова Г. В. «Немецко-Брюссельская газета» и ее сотрудники // Вестн. МГУ. Сер. 10, Журналистика. 1987. № 2. С. 60—68.

Болденкова Г. В. Документы архивов редакций газет, издававшихся под руководством Маркса и Энгельса, как один из источников для изучения их взглядов на партийную печать (1842—1850) // Актуальные вопросы марксоведения (архивоведение, источниковедение). М., 1984. С. 143—158.

Бочарова Н. В. Карл Маркс и Уильям Коббет // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1984. С. 32—59.

Вадковская Л. П. Отклики на «Немецко-французский ежегодник» в немецких газетах 1843—1844 гг. // Вестн. МГУ. Сер. 10, Журналистика. 1984. № 5. С. 50—58.

Валовой Д., Лапшина Г. Встреча, которая длилась сорок лет // Отчизна. 1986. № 3. С. 29—33.

Валовой Д., Лапшина Г. «Не могу я жить в покое...» // Отчизна. 1986. № 2. С. 15—20.

Величанская Л. А. К истории создания критико-полемического конспекта К. Маркса книги М. Бакунина «Государственность и анархия» // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1986. Вып. 2. С. 105—127.

Величанская Л. А. По поводу записной книжки Маркса 1875 года // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1984. С. 210—220.

Волков Г. Карл Маркс: «Филистеры идут на меня» // Волков Г. Три лика культуры. М.: Мол. гвардия, 1986. С. 257—281.

Волков Г. Маркс и Бакунин: Уроки истории // Волков Г. Три лика культуры. М.: Мол. гвардия, 1986. С. 283—311.

Волков Г. Рядом с гением — гений // Волков Г. Три лика культуры. М.: Мол. гвардия, 1986. С. 213—237.

Воробьева О. Б. Письма в адрес К. Маркса и Ф. Энгельса как источник для изучения их жизни и деятельности // Актуальные вопросы марксоведения (архивоведение, источниковедение). М., 1984. С. 112—122.

Воробьева О. Б., Синельникова И. М. Дочери Маркса. 6-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1985. 207 с.

Гвоздович Б. Н., Яли И. А. К характеристике духовной обстановки периода деятельности молодого Маркса: (По поводу впервые публикуемого на русском языке письма Б. Бауэра К. Марксу от 5.06 1842 г.) // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1984. № 6. С. 77—86.

Гемков Г. «Мы прожили не напрасно...»: Биография Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Пер. с нем. М.: Политиздат, 1985. 336 с.

Голованов Л. Истина пламенной жизни: (К 165-летию со дня рождения и 90-летию со дня смерти Фридриха Энгельса) // Коммунист. М., 1985. № 17. С. 50—61.

Далин В. М. Маркс и Верморель // Далин В. М. Из истории социальной мысли во Франции. М.: Наука, 1984. С. 55—103.

Зубков А. Ю. Х. Грили и «The New-York Tribune» (1841—1872 гг.) // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1984. С. 103—147.

Зубков А. Ю. Х. Грили и «Нью-Йорк трибюн» во время гражданской войны и реконструкции // Американский ежегодник, 1985. М.: Наука, 1985. С. 124—142.

История марксизма-ленинизма: Формирование, развитие и распространение марксизма, утверждение его в рабочем движении. 40-е годы XIX века — 1871 год / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1986. 734 с.

Калинина Н. Н. Письма отца в адрес Ф. Энгельса как источник сведений о манчестерском периоде его жизни: (По материалам 7 тома III отдела МЭГА) [1853—1856 гг.] // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об изданиях их произведений. М., 1985. С. 116—127.

Книрим М. Фирма «Эрмен и Энгельс» в Манчестере и Энгельскирхене в XIX ве-

ке // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1986. Вып. 2. С. 128—162.
Лапин Н. И. Молодой Маркс. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1986. 479 с.
Миколайтис Л. «...На место мечтаний поставили науку»: (К 165-летию со дня рождения Фридриха Энгельса) // Коммунист. Вильнюс, 1985. № 11. С. 74—80.
Лисецкий А. Фридрих Энгельс: (К 165-летию со дня рождения и 90-летию со дня смерти) // Коммунист Молдавии. 1985. № 7. С. 48—57.
Михайлов М. И. Великий интернационалист: (К 165-летию со дня рождения Ф. Энгельса) // Дербинов Ю. В., Мусаев А. М. Внутрипартийные отношения — школа коммунистического воспитания. М.: Знание, 1985. С. 58—63.
Намазова А. С. Карл Маркс в Бельгии (1845—1848) // Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции. 1983. М.: Наука, 1985. С. 20—32.
Осипов В. П. Мыслитель, революционер, человек: (К 165-летию со дня рождения Фридриха Энгельса) / О-во «Знание» КазССР. Алма-Ата, 1985. 18 с.
Печерникова И. А. Вечный пример. 3-е изд. М.: Политиздат, 1985. 223 с.
Прошунин Н. Какими они были // Коммунист. М., 1984. № 7. С. 35—46.
Расулов Т. Великий революционер и учитель пролетариата [Ф. Энгельс] // Коммунист Азербайджана. 1985. № 11. С. 105—112.
Рокитянский Я. Г. Загадка одного письма // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1984. С. 196—203.
Рокитянский Я. Г. О редакционных материалах «Vorwärts!» (сентябрь 1844 — январь 1845 г.) // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1987. Вып. 3. С. 106—135.
Рябов Ф. Г., Соколов Ю. В. «Трудиться для человечества...»: (Как работал Карл Маркс). М.: Знание, 1984. 64 с.
Рязанова И. В. Обзор международных откликов на смерть К. Маркса (1883 г.) // Актуальные вопросы марксоведения (архивоведение, источниковедение). М., 1984. С. 159—169.
Соловьева Г. Карл Маркс: Мысль и действие // Партийная жизнь Казахстана. 1984. № 5. С. 66—70.
Степанова Е. А. Фридрих Энгельс: Крат. биогр. очерк. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1985. 238 с.
Тартаковский Б. Г. Фридрих Энгельс под оком прусской тайной полиции: (По неопубликованным материалам ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС) // Новая и новейшая история. 1986. № 2. С. 109—116.
Туленов Ж. Т. Великий мыслитель и революционер [Ф. Энгельс] // Обществ. науки в Узбекистане. 1985. № 11. С. 16—23.
Черненко А. М. Русские современники о Ф. Энгельсе: (К 165-летию со дня рождения и 90-летию со дня смерти) // Вопросы германской истории: Революционные и демократические движения нового и новейшего времени: Межвуз. сб. науч. тр. Днепропетровск, 1986. С. 22—29.
Чикин В. В. Исповедь. М.: Книга, 1987. 295 с.

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС И ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ

Абдигалиева Г. К. Формирование материалистического понимания истории в творчестве Карла Маркса (1843—1846 гг.) // Методологические проблемы генезиса марксистской философии в контексте работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»: Сб. науч. статей. Алма-Ата, 1987. С. 33—42.
Абрамов М. А. Маркс, Лассаль, Гераклит // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 138—148.
Абульханов Р. Ф. К. Маркс о социальной системе производства // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1984. № 6. С. 27—39.
Аимбеков А. К. Маркс и Ф. Энгельс о способе производства и образе жизни в «Немецкой идеологии» // Вестн. АН КазССР. 1984. № 5. С. 23—27.

Акимкин Е. М. Проблема соотношения природного и социального в работе Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1986. № 2. С. 63—68.
Александров В. Б. Историческая реальность и онтология социально-исторического значения в свете Марксова понимания субъективно-объективных отношений // Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 29—40.
Андреев И. Л. Методологические проблемы генезиса феодальной формации в рукописях Ф. Энгельса [«К истории древних германцев» и «Франкский период»] // Вопр. философии. 1985. № 11. С. 21—37.
Андреев И. Л. Открытие Л. Морганом рода и разработка Ф. Энгельсом теории «докапиталистических формаций» // Вопр. философии. 1984. № 11. С. 31—48.
Андреев И. Л. Рукописная страница истории марксизма: (Проблема общины и рода в рукописях К. Маркса 70—80-х гг.). М.: Мысль, 1985. 271 с.
Арзыматов А. А. Марксизм-ленинизм о роли собственности в развитии феодализма // Методологические вопросы материалистического понимания истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса: Сб. науч. тр. Фрунзе, 1986. С. 74—97.
Бабаева Л. Ю. Классики марксизма-ленинизма об интернационализации общественной жизни // Актуальные вопросы гуманитарных наук на современном этапе: (Философия, история, право). Душанбе: Дониш, 1987. С. 23—30.
Баженов В. Д., Граждан В. Д., Французова Н. П. Произведение Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и современные проблемы марксистско-ленинской философии // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1986. № 5. С. 154—160.
Баллаев А. Б. К. Маркс об обыденном сознании // Проблемы философии: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1985. Вып. 64. С. 110—117.
Барг М. А. «Идеальные типы» Макса Вебера и категория «классическое» в марксистском историзме // Вопр. философии. 1986. № 7. С. 100—111.
Башлыков А. М. «Философия истории» Гегеля и формирование мировоззрения К. Маркса и Ф. Энгельса // Диалектика исторического процесса: противоположность материалистического и идеалистического подходов: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. С. 24—29.
Бекбосынова Ж. Б., Перкин В. Г. О методе решения К. Марксом и Ф. Энгельсом проблемы исторического развития в произведении «Святое семейство» // Методологические проблемы генезиса марксистской философии в контексте работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»: Сб. науч. статей. Алма-Ата, 1987. С. 69—75.
Бережной Н. М. Марксистская концепция человека: Анализ основных понятий // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1984. № 5. С. 3—11.
Биневский А. А. Основоположники марксизма-ленинизма о природе и сущности человека // Объективное и субъективное в общественном развитии: К исследованию проблемы человека: Межвуз. сб. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. С. 5—10.
Блюм Р. Н. Проблема революции в ранних работах К. Маркса // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 60—86.
Брайович С. М. О преемственности в развитии марксистско-ленинской философии: Вопросы периодизации // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 42—59.
Булатов М. А. О некоторых малоисследованных аспектах философского наследия К. Маркса // Фiлос. думка. 1984. № 1. С. 11—22. Текст укр.
Бурлак В. Н., Селина Л. Г. Понятие «цивилизация» в трудах основоположников марксизма // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1985. № 2. С. 84—90.
Бутрын С. Проблема взаимосвязи философии и естествознания в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркса и в «Немецкой идеологии» // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1986. № 6. С. 92—101.

Бухалов Ю. Ф., Педан В. П. К вопросу об интерпретации одного из фрагментов «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» К. Маркса // Вестн. Харьк. ун-та. 1986. № 291. С. 89—93.

Вазюлин В. А. Проблемы материалистического понимания истории в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1985. № 2. С. 41—49.

Вазюлин В. А. Система логики Гегеля и система логики в «Капитале» К. Маркса // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1985. № 6. С. 14—24.

Василевскис Э. Целостный подход в Марксовой теории функционирования общественных систем // Научное знание: системный аспект. Вильнюс, 1985. С. 25—37.

Ватин И. В. К. Маркс о тождестве субъективности и практической деятельности // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. 1984. № 1. С. 15—20.

Вилкс А. Роль методологии К. Маркса в процессе разработки принципов теории диалектики // Изв. АН ЛатвССР. 1984. № 4. С. 75—85. Текст лат.

Волков Г. Карл Маркс и проблема человека в условиях научно-технической революции // Волков Г. Три лика культуры. М.: Мол. гвардия, 1986. С. 313—331.

Володин А. И. «Долг чести»: пятнадцатая книга Фридриха Энгельса // Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Приложение: Маркс К. Тезисы о Фейербахе. М.: Книга, 1986. С. 5—60.

Володин А. И. Философское завещание Ф. Энгельса // Вопросы теории и жизнь: Сб. ст. М.: Правда, 1987. Вып. 8. С. 292—298.

Воронович Б. А., Никольский С. А. Классики марксизма-ленинизма о взаимодействии человека и природы // Раздумья о земле. М.: Агропромиздат, 1985. С. 21—41.

Выгодский В. С., Алтынбаев Э. А. К. Маркс о докапиталистических обществах: (К методологии анализа) // Развивающиеся страны в мировой политике: Ежегодник, 1986. М.: Наука, 1987. С. 105—115.

Вяткин Ю. С. К. Маркс и В. И. Ленин о диалектике духовно-практических и теоретического способов освоения мира // История философии и современная идеологическая борьба. Новосибирск, 1984. С. 160—171.

Гавриленко И. Н., Федий Р. И. Значение работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» для критики теории социального действия // Философские проблемы современного естествознания: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1987. Вып. 65. С. 126—133.

Гагаев А. А. Развитие категории «основа» в марксизме-ленинизме и культурно-исторический процесс // Духовная культура социализма и идеология. Саранск, 1984. С. 57—67.

Гаман Е. В. О значении Марксова понимания исторического развития как процесса становления человеческой индивидуальности // Вісн. Київ. ун-ту. Питання філос. наук. 1984. № 16. С. 88—94. Текст укр.

Гирусов Э. В., Тихонова Н. Е. Проблемы взаимодействия общества и природы в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Знание, 1984. 64 с.

Гончар Л. Настольная книга всякого сознательного рабочего: К 100-летию со дня выхода в свет книги Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» // Коммунист Сов. Латвии. 1986. № 2. С. 60—67.

Горячева А. И. Значение категорий «общественное бытие» и «общественное сознание» в философском наследии К. Маркса // Вопросы диалектики развития общественного бытия и сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 134—155.

Горячева А. И. Проблемы развития нации, национальных отношений и национальной психологии в философском наследии К. Маркса // Вопросы диалектики развития общественного бытия и сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 184—207.

Грецкий М. Н. Над чем работают, о чем спорят западноевропейские философы-марксисты // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1986. № 3. С. 109—117.

Грецкий М. Н., Фивейская Л. В. Критика К. Марксом и Ф. Энгельсом социальной

философии М. Штирнера и ее роль в выработке материалистического взгляда на историю // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1985. № 6. С. 24—30.
Гринин В. В. Работа Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» // Семинары по диалектическому материализму: Планы. Литература. Методические советы. 2-е изд., доп. и испр. Минск: Вышэйш. шк., 1986. С. 5—18.
Гуйван П. Н. Проблемы соотношения общественного бытия и сознания в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» К. Маркса // Закономерности формирования общественного сознания. Барнаул, 1984. С. 22—32.
Гуйван П. Н. Становление марксистской концепции человека: (Опыт методол. анализа). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 273 с.
Гумницкий Г. Н. Марксистская диалектика как система. М.: Знание, 1987. 64 с.
Гутник В. П. Принцип историзма в экономической рукописи К. Маркса 1857—1858 гг. // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1986. Вып. 2. С. 187—198.
Гутнова Е. В., Уколова В. И. Проблемы истории феодальной формации в трудах Карла Маркса // Средние века. М.: Наука, 1984. Вып. 47. С. 5—20.
Давыдова Г. А., Левичев Н. А. Понятие цивилизации в социальной философии марксизма. М., 1986. 48 с.
Даненгирш Г., Лакис П. Материалистическая диалектика в трудах Ф. Энгельса // Коммунист Сов. Латвии. 1985. № 11. С. 88—96.
Даргинавичене А. Пути развития общества: К 100-летию выхода в свет труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Коммунист. Вильнюс, 1984. № 11. С. 98—101.
Делокаров К. Х., Оманов Х. К. Маркс и проблема единства знания // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 128—137.
Демченко Л. М. К. Маркс о диалектике предметного вещного и специфически общественного // Методологические вопросы материалистического понимания истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса: Сб. науч. тр. Фрунзе, 1986. С. 97—113.
Демченко Л. М. Методология исследования специфики общественной формы [у К. Маркса] // Методологические и теоретические проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса. М., 1986. С. 23—40.
Дергачева Л. Революционный переворот в философии: (К 140-летию работы К. Маркса «Тезисы о Фейербахе») // Коммунист Молдавии. 1985. № 4. С. 26—32.
Джиджян Р. З. Марксов метод восхождения от абстрактного к конкретному как всеобщий путь теоретического освоения действительности // Вестн. Ереван. ун-та. Обществ. науки. 1984. № 3. С. 95—104.
«Диалектика природы» Ф. Энгельса: Мировоззрение, философия, современность: (Круглый стол философов Киевского госуниверситета им. Т. Г. Шевченко и Института философии АН УССР) // Фiлос. думка. 1984. № 5. С. 47—63; № 6. С. 25—40; 1985. № 1. С. 35—43. Текст укр.
Долудин Б. С. Марксистское понимание роли категории «отношение» в познании // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1984. № 2. С. 14—18.
Дудель С. П. Ф. Энгельс и В. И. Ленин об отражении движения в диалектической логике // Сознание и диалектика познавательной деятельности. Иваново, 1984. С. 42—54.
Дуспулова Д. Г. Некоторые аспекты формирования системной методологии в работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство» // Методологические проблемы генезиса марксистской философии в контексте работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»: Сб. науч. статей. Алма-Ата, 1987. С. 64—69.
Евсеев Н. П. Вопросы многокачественности в трудах Ф. Энгельса // К методологии научного познания. Фрунзе: Илим, 1985. С. 3—8.
Ельмеев В. Я. Некоторые проблемы обоснования материалистического понимания истории в рукописях «Капитала» К. Маркса // Методологические и теоретиче-

ские проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1861— 1863 гг.» К. Маркса. М., 1986. С. 4—12.
Ельмеев В. Я., Пуляев В. Т. К. Маркс о целостности социально-экономической системы как о критерии ее зрелости // Вопросы диалектики развития общественного бытия и сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 20—36.
Ельчанинов В. А., Литвинов М. В. Основоположники марксизма о классовых особенностях исторического сознания // Сознание и личность: Межвуз. сб. Барнаул, 1986. С. 64—75.
Жоль К. К. Марксистская трактовка языка как практического сознания // Филос. науки. 1987. № 11. С. 77—84.
Жучков В. А. Немецкая классическая философия и марксизм: К проблеме преемственности // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 149—168.
Загрийчук И. Д. Проблема самосознания философии в ранних произведениях К. Маркса // Проблемы философии: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1986. Вып. 70. С. 13—20.
Займист Ф. Л., Займист Г. И. Классики марксизма-ленинизма о политическом интересе // Философия и научный коммунизм: Межвуз. сб. Минск: Университетское, 1987. Вып. 14. С. 111—118.
Захаров М. Ю. Проблема сущности политической власти в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса // Методологические вопросы социального познания: Межвуз. тем. сб. науч. тр. Калинин, 1986. С. 20—26.
Зиду Д. Ф. Энгельс о творческом характере марксизма // Коммунист Молдавии. 1986. № 6. С. 62—67.
Зырянов Н. А., Николаев И. В. Понятие «живое созерцание» в работах Гегеля и классиков марксизма-ленинизма // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1985. № 2. С. 75—83.
Иванов В. Д. Возникновение исторического материализма: Логич. аспект. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 157 с.
Иванов В. Д. Становление материалистических взглядов К. Маркса // Проблемы философии: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1984. Вып. 63. С. 23—29.
Иванов Н. А. Проблема единства познавательного и идейно-воспитательного в изучении темы «Возникновение марксистской философии и основные этапы ее развития» // Идеологические функции науки и их реализация в учебном процессе педвуза: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1985. С. 39—50.
Иванов О. Е. О философских основах единства и взаимодействия трех источников и трех составных частей марксизма: (По книге Ф. Энгельса «Анти-Дюринг») // Единство марксизма-ленинизма в его историческом развитии: Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 27—45.
Иванова К. И. Применение Марксом категории единства к исследованию взаимосвязи естественных и гуманитарных наук // Гносеологические и социологические категории: (В истории философии). Ташкент, 1984. С. 88—96.
Иванова К. И. Принцип детерминизма в марксистско-ленинской философии // Принцип детерминизма в науках о природе и обществе: Сб. науч. тр. Ташкент, 1986. С. 5—17.
Иовчук М. Т. Проблема преемственности в развитии марксистской философии и критика плюрализма в философском мировоззрении //Диалектика объективного и субъективного в историческом процессе и социальном познании: Сб. тр. Л.: Наука, 1986. С. 72—86.
Искакова Р. У., Толгамбаева Д. Т. Г. В. Плеханов о теоретических источниках и генезисе философии марксизма // Методологические проблемы генезиса марксистской философии в контексте работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»: Сб. науч. статей. Алма-Ата, 1987. С. 12—20.
Исмагамбетова З. Н. Становление материалистической диалектики революционного действия в работе «Святое семейство» // Методологические проблемы генезиса

марксистской философии в контексте работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»: Сб. науч. статей. Алма-Ата, 1987. С. 49—57.

Каландаришвили В. Фридрих Энгельс об общественном прогрессе // Коммунист Грузии. 1985. № 8. С. 76—80.

Каменский З. А. К. Маркс и некоторые проблемы истории философии как науки // Проблемы марксистско-ленинской методологии истории философии. М.: Наука, 1987. С. 39—51.

Каннике С. Х. Проблема равенства в работах Маркса и Энгельса // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 87—99.

Карагод Л. И. Противоположность подходов Гегеля и Маркса к проблеме развития личности // Диалектика исторического процесса: Противоположность материалистического и идеалистического подходов: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. С. 59—63.

Карамышева Н. В. Ф. Энгельс о практическом применении диалектики как метода познания и преобразования мира [по работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»] // Философские проблемы современного естествознания: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1987. Вып. 65. С. 3—8.

Карпова Н. П. Формирование взглядов К. Маркса на сущность человека и проблема воспитания // Проблемы воспитания личности в истории философской мысли и современность: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1987. С. 48—56.

Карпушин В. А. К. Маркс о культурно-историческом процессе // Культура, человек, и картина мира. М.: Наука, 1987. С. 75—89.

Касымжанова Б. А., Шуляк Л. П. Самоопределение и кристаллизация философской позиции марксизма // Методологические проблемы генезиса марксистской философии в контексте работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»: Сб. науч. статей. Алма-Ата, 1987. С. 3—12.

Келле В. Ж., Мирская Е. З. Социологическое наследие Маркса и Энгельса // Социол. исслед. 1986. № 2. С. 191—193.

Кессиди Ф. Х., Кондзелка В. В. Аристотель в оценке Маркса: Проблема теоретического воспроизведения действительности // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1984. № 1. С. 71—78.

Кестерис А. З. К. Маркс о формировании духовного мира человека как производителя материальных благ // Проблемы философии: Респ. междувед. научн. сб. Киев: Вища шк., 1987. Вып. 73. С. 65—71.

Ким О. Г. К проблеме языкового отчуждения // Методологические проблемы генезиса марксистской философии в контексте работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»: Сб. науч. статей. Алма-Ата, 1987. С. 80—83.

Киссель М. А. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса и логико-методологические проблемы исторического знания // Вопр. истории. 1984. № 5. С. 55—67.

Классен Э. Г. Идеальное: Концепция Карла Маркса. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. 148 с.

Классен Э. Г. Категория «идеальное» в работах К. Маркса // Вопр. философии. 1987. № 10. С. 80—86.

Коган Л. Н. Исследование проблемы отчуждения в экономической рукописи К. Маркса «К критике политической экономии» (1861—1863) // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1984. № 4. С. 12—17.

Козуб Т. А. Марксов анализ отношений господства и подчинения и его методологическое значение // Вестн. Харьк. ун-та. 1984. № 261. С. 38—43.

Коранашвили Г. Образец исследования мировой истории // Коммунист Грузии. 1984. № 9. С. 71—75.

Корнилов С. В. Философия, социология, идеология в речах и выступлениях К. Маркса // Ежегодник Философского общества СССР, 1985. М.: Наука, 1986. С. 243—251.

Корюкаева Н. Е., Протасенко З. М. К проблеме соотношения философской и социальной революции в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса // Вестн. ЛГУ. 1984. № 23. Экономика. Философия. Право. Вып. 4. С. 53—59.

Косолапов Р. И. Из истории старого спора [об «азиатском способе производства»] // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1987. № 6. С. 52—66.

Кошев В. М. Основной принцип философии марксизма: (Из истории и логики становления) // Традиции и инновации в духовной жизни общества: Сб. науч. тр. М., 1986. С. 26—34.

Кошев В. М. Тождество материализма и диалектики в трудах классиков марксизма // Принципы связи материализма и диалектики: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1986. С. 84—91.

Крисаченко В. С., Самарский А. С. Некоторые аспекты формирования диалектико-материалистического миропонимания [по работе Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»] // Философские проблемы современного естествознания: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1987. Вып. 65. С. 12—17.

Куббель Л. Е. «Формы, предшествующие капиталистическому производству» Карла Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации // Сов. этнография. 1987. № 3. С. 3—12.

Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1986. 399 с.

Кукушкина Е. И. Принцип отражения в теории познания марксизма // Методологические проблемы взаимодействия наук в свете решений XXVI съезда КПСС: Межвуз. сб. науч. тр. Элиста, 1984. С. 98—109.

Кулишова Л. Д. Проблема взаимосвязи сущности человека и сущности воспитания в марксистской и буржуазной философии // Философские проблемы теории коммунистического воспитания: Сб. науч. тр. Свердловск, 1985. С. 16—19.

Кулматов Н., Набиев Л. Бессмертное произведение философии марксизма: (К 100-летию работы Фридриха Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии») // Коммунист Таджикистана. 1986. № 5. С. 75—80.

Лавриненко В. Н., Пеньков Е. М. Марксистско-ленинская теория исторического процесса // Ежегодник Философского общества, 1984. М.: Наука, 1984. С. 303—308.

Лакис П. Диалектико-материалистическая концепция истории: (К 100-летию выхода в свет произведения Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства») // Коммунист Сов. Латвии. 1984. № 10. С. 22—29.

Лапин Н. И. О возникновении и развитии марксизма как цельного учения // Историко-философский ежегодник, 1986. М.: Наука, 1986. С. 9—20.

Лапшина Р. Н., Макаров В. Ф. Возникновение философии марксизма // Проблемы диалектического материализма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. С. 21—40.

Ле Хыу Нгиа. О соотношении логического и исторического в марксистском понимании общественного развития // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1984. № 6. С. 126—131.

Лисицына О. О. Ф. Энгельс и некоторые аспекты современных представлений о пространстве и времени // Философские проблемы современного естествознания: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1987. Вып. 65. С. 52—57.

Лойко О. Т. Проблема исследования свойств материи в работах Ф. Энгельса // Соврем. наука и закономерности ее развития. 1984. Вып. 1. С. 109—117.

Лойфман И. Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 111 с.

Ломакович В. А. Критика К. Марксом философии самосознания Б. Бауэра // Методологические проблемы генезиса марксистской философии в контексте работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»: Сб. науч. статей. Алма-Ата, 1987. С. 21—32.

Лощакова С. А. К предыстории формирования марксизма // Вопр. философии. 1987. № 3. С. 66—77.

Лукьященко А. В. Об особенностях социального функционирования человеческой субъективности: (На основе анализа произведений К. Маркса) // Методологические вопросы материалистического понимания истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса: Сб. науч. тр. Фрунзе, 1986. С. 114—128.

Малинин В. А. К вопросу о становлении философского мировоззрения Маркса и Энгельса: Несколько замечаний // Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 5—18.

Малинин В. А. Конкретный историзм против абстрактного антропологизма // Коммунист. М., 1984. № 2. С. 65—74.

Малинин В. А. Философия и современные проблемы человека // Žmogus šiuolaikineje filosofijoje. Vilnius: Mintis, 1984. P. 7—19. Текст лит.

Малинин В. А., Шинкарук В. И. К. Маркс, Ф. Энгельс и левое гегельянство / АН УССР, Ин-т философии. Киев: Наук. думка, 1986. 320 с.

Мальков В. Л. Марксизм-ленинизм о диалектике революции и реформы в процессе становления и развития капиталистической формации // Формации и социально-классовые структуры. М.: Наука, 1985. С. 95—140.

Мальков В. Л. Проблема соотношения революции и реформы в исторических трудах К. Маркса // Марксизм и проблемы социального прогресса: Вопросы идейной борьбы. М.: Наука, 1986. С. 179—193.

Мальцева М. А., Вяят Х.-М. Марксистский историзм — важнейший методологический принцип историко-философского исследования // Вопросы диалектики развития общественного бытия и сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 233—241.

Мануйлов В. И. К вопросу о генетическом методе социального исследования К. Маркса // Некоторые теоретико-методологические проблемы социального познания и практической деятельности: Препринты... М., 1985. С. 13—22.

Мареев С. Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса / АН СССР, Филос. о-во СССР, Ин-т философии. М.: Наука, 1984. 158 с.

Мареев С. Н. Маркс и диалектика исторического и логического в историко-философском процессе // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 169—189.

Мацявичюс И. Создание К. Марксом теории материалистического понимания истории // Коммунист. Вильнюс, 1984. № 1. С. 16—23.

Медведь Л. М. К вопросу о понимании К. Марксом политического опыта // Опыт и его место в социальном познании. Калинин, 1984. С. 46—52.

Мехаева Е. Е. Проблемы становления марксистской концепции детерминизма // Методологические проблемы генезиса марксистской философии в контексте работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»: Сб. науч. статей. Алма-Ата, 1987. С. 57—63.

Милоголов С. В. Формирование теоретических предпосылок марксистского понимания цивилизации // Некоторые теоретико-методологические проблемы социального познания и практической деятельности: Препринты... М., 1985. С. 22—30.

Минкявичюс Я. В. Марксистская философия о человеке // Žmogus šiuolaikineje filosofijoje. Vilnius: Mintis, 1984. P. 20—42. Текст лит.

Мирзоян В. А. Марксова философия труда / АН АрмССР, Ин-т философии и права. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1986. 298 с. Текст арм.

Мирошников В. Г. К. Маркс о совокупном работнике как общесоциологической категории // Социальная активность человека: Философский анализ: Сб. науч. тр. Краснодар: [Изд-во] Кубан. ун-та, 1986. С. 72—114.

Мусаелян Л. А. Концепции развития в марксистской философии и критерии научного изложения материалистической диалектики // Понятие развития и актуальные проблемы теории социального прогресса: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1987. С. 35—41.

Мхитарян Г. Марксистско-ленинская концепция свободы // Лениниян угиов. 1984. № 6. С. 28—34. Текст арм.

Мяги М. Х. Диалектическое противоречие в свете «Капитала» Маркса // Вопросы диалектики развития общественного бытия и сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 50—63.

Нарский И. С. Проблемы отчуждения в трудах К. Маркса // Проблемы научного коммунизма. М.: Мысль, 1984. Вып. 18. С. 39—52.

Некрасов С. Н. Проблема интерпретации: противоположность марксистской и герменевтической методик исследования сознания // Проблема интерпретации в истории науки и философии: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1985. С. 3—13.

Немеребаев А. С. Роль категории противоречия в исторических исследованиях // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1985. № 1. С. 30—36.

Нечипоренко Л. А. Принципы понимания социального конфликта в марксистско-ленинской философии. Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1987. № 6. С. 10—20.

Николаев К. А. Тезисы К. Маркса о Фейербахе и проблемы мирового мировоззрения // Изв. АН ТаджССР. Сер.: философия, экономика, правоведение. 1987. № 2. С. 10—14.

Нобель А. Я. Марксизм-ленинизм о детерминированности развития общественного сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 156—174.

Новиков А. И. Роль историко-философской науки в познании и обосновании единства и целостности марксистско-ленинской теории // Единство марксизма-ленинизма в его историческом развитии: Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 105—113.

Новиков Б. А. К. Маркс о диалектике материального и идеального // Закономерности формирования общественного сознания. Барнаул, 1984. С. 33—40.

Нуреев Р. М. Ф. Энгельс об основах периодизации первобытнообщинного строя // Вестн. МГУ. Сер. 6, Экономика. 1984. № 5. С. 3—13.

Огородников В. П. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин о связи детерминистских представлений с системой мировоззрения // Материалистическое учение К. Маркса и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 22—36.

Ойзерман Т. Роль Энгельса в развитии философии марксизма // Пробл. мира и социализма. 1985. № 12. С. 19—24.

Ойзерман Т. Философский труд непреходящего значения: (К 100-летию работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии») // Коммунист. М., 1986. № 8. С. 109—118.

Олексюк А. В. Воспитательный процесс и творчество в философии марксизма // Проблемы воспитания личности в истории философской мысли и современность: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1987. С. 57—65.

Орлов В. А., Портягин А. П. Диалектика свободы и потребностей от Гегеля к Марксу // Диалектика исторического процесса: Противоположность материалистического и идеалистического подходов: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. С. 50—59.

Осичнюк Е. В., Загороднюк П. А., Доманская М. В. Проблема человека в «Немецкой идеологии» // Проблемы философии: Респ. междувед. научн. сб. Киев: Вища шк., 1986. Вып. 70. С. 3—12.

Павлов Б. С. Производство и воспроизводство человеческого общества как общесоциологические понятия: (Опыт исследования теорет. наследия классиков марксизма-ленинизма) / АН СССР, Урал. науч. центр, Ин-т экономики. Свердловск, 1985. 66 с.

Пампура С. М. Противоположность идеалистического и материалистического монизма в концепциях исторического развития Г. Гегеля и К. Маркса // Диалектика исторического процесса: Противоположность материалистического и идеалистического подходов: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. С. 5—8.

Панченко И. С. К вопросу о принципе партийности в марксистской социологии // Вопросы диалектики развития общественного бытия и сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 208—215.

Перов Ю. В. Вопросы методологии исследования социального субъекта в свете теоретического наследия «Капитала» К. Маркса // Диалектика объективного и субъ-

ективного в историческом процессе и социальном познании: Сб. тр. Л.: Наука, 1986. С. 127—139.

Пигров К. С. К анализу определения творчества: (На основе марксова понимания всеобщего труда) // Наука и творчество: Методол. проблемы: Сб. науч. тр. Ярославль, 1986. С. 31—32.

Пинтс П. А. Марксистская критика социальной теории П.-Ж. Прудона // Вопросы диалектики развития общественного бытия и сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 223—232.

Пинчук Ю. А. Основоположники марксизма-ленинизма об исторической роли народных масс в эпоху феодализма и о категории «народ» // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории... Днепропетровск, 1984. С. 13—21.

Плотников А. М., Назаренко А. Ф. К. Маркс и проблема исходной «клеточки» человеческого мышления в советской литературе // Вестн. ЛГУ. 1984. № 5. Экономика. Философия. Право. Вып. 1. С. 35—40.

Погосян В. А. Проблема метода и логики «Капитала» К. Маркса // Вопр. философии. 1986. № 9. С. 37—48.

Попов М. Я. Гениальное произведение марксизма: (К 100-летию выхода книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства») // Укр. іст. журн. 1984. № 10. С. 135—137. Текст укр.

Потоцкий В. А. К оценке крейцнахских рукописей К. Маркса в открытии материалистического понимания истории // Методологические вопросы материалистического понимания истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса: Сб. науч. тр. Фрунзе, 1986. С. 3—17.

Пржесмицкий В. И. Оперативный логический аппарат, работающий в «Капитале» и «Математических рукописях» К. Маркса // Вопросы диалектической логики, принципы и формы мышления: (Материалы постоянно действующего симпозиума по диалектической логике). М., 1985. С. 70—81.

Проблемы сознания в работах К. Маркса. Вып. 1—4: Материалы I Всесоюз. семинара по проблемам методологии изучения общественного сознания (Звенигород, 1—3 дек. 1985 г.) / АН СССР, Ин-т философии. М., 1987.

Протасенко З. М. Историко-философская концепция марксизма-ленинизма: Возникновение и некоторые вопросы развития / Ленингр. гос. ун-т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 166 с.

Протасенко З. М. О генезисе единства и целостности составных частей марксизма // Единство марксизма-ленинизма в его историческом развитии: Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 3—15.

Радченко З. И. Карл Маркс, наука и социализм // Экономическая теория К. Маркса и ее значение для практики социалистического строительства. М., 1984. С. 165—176.

Расторгуев В. Н. Роль философской концепции К. Маркса в становлении современного стиля научного мышления // Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 40—51.

Расторгуев В. Н. Философская концепция К. Маркса: ее развитие и популяризация в процессе формирования современного стиля мышления // Структура философского знания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. С. 195—198.

Рачков П. А. О составных частях и структуре марксистско-ленинской теории // Предмет и структура общественных наук. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 6—30.

Рудаков С. И. К вопросу о значении метода «Капитала» К. Маркса для дальнейшего исследования противоречия // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1987. № 3. С. 19—27.

Рукавишников А. Б. Марксисты ФРГ о диалектическом единстве источников и составных частей марксизма-ленинизма // Единство марксизма-ленинизма в его историческом развитии: Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 125—133.

Сабуро Я. Философские размышления о развитии человека: К вопросу о теории отчуждения К. Маркса // Японские материалисты: Актуальные проблемы фило-

софской науки и история философской мысли в Японии. М.: Наука, 1985. С. 9—66.
Салов Ю. И., Бондарь А. В. Материалистическое понимание истории как методологическая основа марксистской концепции путей революции // Методологические вопросы материалистического понимания истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса: Сб. науч. тр. Фрунзе, 1986. С. 128—145.
Свидло Н. С. К. Маркс и Ф. Энгельс о социальной детерминации становления и развития материализма и диалектики // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1987. № 5. С. 37—47.
Семенов В. Г. Методология анализа духовно-практических чувств человека в произведениях К. Маркса // Проблемы философии: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1987. Вып. 74. С. 32—40.
Семенов И. Д. Единство исторического и логического в «Капитале» К. Маркса // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 18—26.
Скаржинская В. Д. Марксово понимание «философии труда» // Вопросы диалектики развития общественного бытия и сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 37—49.
Смирнов Г. К. Маркс о личности, условиях ее освобождения и развития // Коммунист. М., 1984. № 13. С. 34—44.
Снежков А. В. Учение Маркса и теоретические вопросы соревнования // Вопросы диалектики развития общественного бытия и сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 73—97.
Сологуб В. И. К. Маркс и Ф. Энгельс о сущности единства человека и природы // Диалектика взаимодействия природы, общества и техники: Материалы науч.-теорет. конф. Дальневост. секции по материалистической диалектике и научн.-техн. революции. Владивосток, 1985. С. 35—38.
Сологуб В. И. Проблема взаимосвязи человека и природы в трудах классиков марксизма // Объективное и субъективное в общественном развитии: К исследованию проблемы человека: Межвуз. сб. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. С. 46—51.
Сорокин А. А. Ф. Энгельс и проблемы историзма мышления // Вопр. философии. 1986. № 4. С. 16—28.
Столович Л. Н. К. Маркс и проблема ценностей // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 111—127.
Суровегина Н. А. Обоснование проблемы активности сознания в трудах К. Маркса //Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 51—62.
Тер-Акопян Н. Б. Историческое значение работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Сов. государство и право. 1984. № 10. С. 16—24.
Тер-Акопян Н. Б. К истории понятия «первичная формация»: (Концепция первобытного общества в произведениях К. Маркса) // Марксизм и проблемы социального прогресса: Вопросы идейной борьбы. М.: Наука, 1986. С. 193—208.
Тер-Акопян Н. Б. К истории термина и понятия «первобытный коммунизм» // История социалистических учений. 1986: Сб. ст. М.: Наука, 1986. С. 3—25.
Тер-Акопян Н. Б. Труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и некоторые вопросы теории исторического процесса // Сов. этнография. 1984. № 4. С. 3—14.
Терентьев В. П. К. Маркс о производстве социальных индивидов // Вестн. Харьк. ун-та, 1984. № 261. С. 67—74.
Тишин А. И. Генезис форм общения и общности людей // Методологические вопросы материалистического понимания истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса: Сб. науч. тр. Фрунзе, 1986. С. 50—74.
Троянский В. А. О значении марксистской монистической концепции деятельности

для медицины // Философские вопросы медицины и биологии: Респ. междувед. сб. Киев: Здоров'я, 1984. Вып. 16. С. 89—96.
Трубицына Т. И. Категория взаимодействия в теоретическом наследии Г. Гегеля и К. Маркса // Диалектика исторического процесса: Противоположность материалистического и идеалистического подходов: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. С. 16—19.
Тухтаров И. Социальная форма движения в классификационной модели Ф. Энгельса // Гносеологические и социологические категории: (В истории философии). Ташкент, 1984. С. 96—101.
Тыминьски Х. О некоторых проблемах развития марксистско-ленинской философии по материалам марксистско-ленинских журналов ПНР // Некоторые философские и социально-политические проблемы марксизма-ленинизма. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 101—104.
Умуркулова Д. Г. К. Маркс о сущности метода восхождения от абстрактного к конкретному // Проблемы методологии познания природных и социальных явлений. М., 1984. С. 33—39.
Устьянцев В. Б. Концепция становления в философском наследии Гегеля и Маркса // Диалектика исторического процесса: Противоположность материалистического и идеалистического подходов: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986. С. 29—40.
Федосеев А. А. История марксистско-ленинской философии: Особенности и традиции // Философские и социологические исследования. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. Вып. 22. С. 3—15.
Федосеев А. А. К. Маркс и материалистическая теория политики // Материалистическое учение К. Маркса и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 120—131.
Федосеев А. А. Проблема единства марксизма-ленинизма в зарубежной марксистской философской литературе // Единство марксизма-ленинизма в его историческом развитии: Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 113—125.
Федосеев П. Н. Великое интернациональное идейное наследие // Марксизм и проблемы социального прогресса: Вопросы идейной борьбы. М.: Наука, 1986. С. 5—20.
Фирстова К. К., Хвошнянская С. М. К. Маркс и современные проблемы типологии личности // Проблемы социального познания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. Вып. 2. С. 65—71.
Фриауф В. А. Марксов способ монистического понимания диалектических противоречий // Тождество противоположностей как методологическая проблема: Сб. науч. тр. Свердловск, 1987. С. 38—46.
Фридерици В. Становление философских взглядов К. Маркса на проблему человека (до 1844 года) // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1984. № 2. С. 135—143.
Хинт М. А. О проблеме человека в наследии К. Маркса // Вопросы диалектики развития общественного бытия и сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 126—133.
Хонходжаева Г. Т. Разработка классиками марксизма диалектико-материалистической концепции развития и ее противоположность метафизике // Гносеологические и социологические категории: (В истории философии). Ташкент, 1984. С. 83—88.
Хярм Т. Ю. К. Маркс о движущих силах общественного прогресса // Вопросы диалектики развития общественного бытия и сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 64—72.
Цанн Кай-Си Ф. В. Категория «образ жизни» в процессе становления марксистской концепции человека // Марксистская концепция человека и образ жизни: Межвуз. сб. науч. тр. Владимир, 1985. С. 3—10.
Цанн Кай-Си Ф. В., Дурилов А. П. Проблема человека в структуре марксистской философии // Марксистский гуманизм и природа человека. Владимир, 1984. С. 3—15.
Чагатаева Ш. Р. Роль «Святого семейства» в генезисе марксистской концепции человека // Методологические проблемы генезиса марксистской философии в

контексте работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»: Сб. науч. статей. Алма-Ата, 1987. С. 42—49.

Чарыева М. Классическое произведение марксизма («Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса) // Туркменистан коммунисти. 1984. № 10. С. 85—89. Текст туркм.

Чекалин В. И. Карл Маркс о семье и перспективах ее развития // Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 127—136.

Чернацкий В. Н. К. Маркс о взаимосвязи философской критики с политикой (по работам 1839—1844 гг.) // Философская критика: Ее особенности и традиции: Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 43—60.

Черник В. Г. Анализ классиками марксизма понятия перехода в науке и его значение для критики буржуазных логико-методологических концепций // Гносеологические и социологические категории: (В истории философии). Ташкент, 1984. С. 115—123.

Чикин С. Я. К 100-летию опубликования работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» // Сов. медицина. 1986. № 5. С. 8—14.

Шарипов И. Ш. Борьба классиков марксизма-ленинизма против фаталистического понимания общественного развития // Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук. 1984. № 3. С. 37—42.

Шароградский В. И. Диалектика становления философской системы марксизма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 184 с.

Шелике В. Ф. К. Маркс и Ф. Энгельс о взаимодействии производства и общения в историческом процессе // Методологические вопросы материалистического понимания истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса: Сб. науч. тр. Фрунзе, 1986. С. 31—50.

Шелике В. Ф. К. Маркс и Ф. Энгельс об источниках социальной революции: (По работам 1844—46 гг.) // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1986. [Т]. 730. Проблемы теории революции и истории революционной мысли: Тр. по философии. С. 9—19.

Шулевский Н. Б. Проблема идеального в «Капитале» К. Маркса // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1985. № 3. С. 46—53.

Юрасова М. Л. Основоположники марксизма о ценностном аспекте социального знания // Социальное познание: Традиции и современность: Межвуз. тем. сб. науч. тр. Калинин, 1987. С. 115—119.

Ющенко Ю. А. К вопросу о сущности и перспективах развития научного знания [по работе Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»] // Философские проблемы современного естествознания: Респ. межвузов. науч. сб. Киев: Вища шк., 1987. Вып. 65. С. 8—12.

Яковлев В. Ключ к пониманию истории общества: (К 100-летию выхода в свет книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства») // Коммунист Киргизстана. 1984. № 10. С. 87—92.

Яценко Л. В. Марксистская концепция труда как методологическая основа познания социальной природы творчества // Интуиция, логика, творчество. М.: Наука, 1987. С. 149—155.

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Аблаев И. М. Экономическое учение К. Маркса и проблема становления единого народнохозяйственного комплекса СССР // Общественные отношения развитого социализма: (Вопросы теории и истории становления и совершенствования). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. С. 54—58.

Агаджанян Г. С. Экономическое учение Карла Маркса и современность: (Учеб.-вспомогат. пособие). Ереван, 1984. 52 с. Текст арм.

Агг А. Мир человека как субъекта производства: Критика К. Марксом концепции человека в буржуазной политической экономии / Пер. с венг. А. Т. Лесенчука. М.: Прогресс, 1984. 199 с.

Аманжолов С. А. Метод «Капитала» К. Маркса и некоторые проблемы исследования категории «хозяйственный механизм развитого социалистического общества» // «Капитал» К. Маркса и актуальные проблемы политической экономии. М., 1985. С. 164—168.

Антонова И. К. Первый набросок учения Маркса о прибыли в рукописи 1857—1858 годов // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1984. С. 22—31.

Асанов В. По поводу одного примечания к «Теориям прибавочной стоимости» К. Маркса // Экон. науки. 1985. № 9. С. 87—88.

Афанасьев В., Гальчинский А. Вопросы методологии стоимостных отношений во втором томе «Капитала» Маркса // Вопр. экономики. 1985. № 5. С. 70—81.

Афанасьев В., Канке В. Марксова концепция двойственности рабочего времени: (Методол. аспекты) // Вопр. экономики. 1985. № 12. С. 58—67.

Бабинцева Н. С. Марксистско-ленинская методология анализа воспроизводства и капиталистический воспроизводственный механизм // Вестн. ЛГУ. Сер. 5, Экономика. 1987. Вып. 1. С. 26—34.

Бабурин В. А. К. Маркс о развитии человека как высшей цели и главной основы социалистического производства // «Капитал» К. Маркса и актуальные проблемы политической экономии. М., 1985. С. 3—13.

Багиров Д. Ступени логического обоснования исходного производственного отношения в «Капитале» К. Маркса // Экон. науки. 1984. № 11. С. 14—22.

Бадалян С. А. Об экономическом учении Карла Маркса: (К 165-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Карла Маркса) // Вопросы политэкономии. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1984. Вып. 4. С. 5—18.

Бегматов А. Бессмертный труд: (К 115-летию выхода в свет русского перевода первого тома «Капитала») // Коммунист Таджикистана. 1987. № 5. С. 75—81.

Беличенко И. И., Клименко В. Г. О переводе экономических терминов «die Teilung» и «die Verteilung» в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса // Теория и практика перевода. 1985. Вып. 12. С. 113—118.

Белоусов В. Д. Метод исследования форм связи производства и личного потребления в «Капитале» К. Маркса. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. 127 с.

Белых А. А. Количественный анализ таблиц дифференциальной ренты К. Маркса и расчет оценок природных ресурсов при социализме // Вестн. ЛГУ. 1985. № 19. Экономика. Вып. 3. С. 117—121.

Бербекова И. Х. Учение К. Маркса об обобществлении и различия в социально-экономических формах агропромышленного производства при капитализме и социализме // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 206—210.

Болдырев И. А. «Итак, этот том готов...»: (К истории создания окончательного варианта I тома «Капитала» К. Маркса). М.: Мысль, 1984. 172 с.

Бузгалин А. В., Колганов А. И. К. Маркс о сознательном характере планомерной организации производства // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 70—79.

Булочникова Л. А. Марксистская концепция обобществления и ее методологическое значение для практики социализма // Экономическая теория К. Маркса и ее значение для практики социалистического строительства. М., 1984. С. 5—27.

Бурачас А. И., Добровольскас А. В. К. Маркс и развитие трудовой теории стоимости // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 55—72.

Валешко М. Методологическое значение трактовки К. Марксом политической экономии как общественной науки // Экон. науки. 1984. № 6. С. 12—21.

Валуев В. Методологическое значение научной критики систем политической экономии в трудах К. Маркса // Материалистическая диалектика и современное научное познание: (Препринты докл. ...). М., 1984. С. 74—81.

Волков Г. «Капитал» как «художественное целое» // Волков Г. Три лика культуры. М.: Мол. гвардия, 1986. С. 193—211.
Волков Ю. Выдающееся произведение творческого марксизма [«Капитал»] // Туркменистан коммунисти. 1987. № 9. С. 80—84. Текст туркм.
Выгодский В. С. Генезис второго тома «Капитала» К. Маркса // Вопр. экономики. 1985. № 5. С. 59—69.
Выгодский В. С. К вопросу о генезисе Марксовой теории стоимости: (Анализ двойственного характера стоимости в экономической рукописи 1861—1863 гг.) // Экон. науки. 1985. № 9. С. 24—32.
Выгодский В. С. Ф. Энгельс как исследователь «Капитала» // Вопр. истории. 1985. № 8. С. 50—67.
Выгодский В. С., Миськевич Л. Р. Из истории создания третьего тома «Капитала» Маркса: (К вопросу о структуре начала VII отдела) // Вопр. экономики. 1987. № 5. С. 40—49.
Гайжюнас Ю. Ю. Учение К. Маркса о рабочей силе как товаре и эволюция ее воспроизводства в условиях капитализма // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 73—87.
Галандер У. Об аспектах связи логического и исторического в развитии политической экономии Маркса // Категории диалектики и научное познание. Уфа, 1985. С. 11—20.
Гальчинский А. С. Карл Маркс об историзме денежных отношений: (Методол. аспект). М.: Мысль, 1985. 190 с.
Гальчинский А. Место второго тома в структуре «Капитала»: (К 100-летию издания Ф. Энгельсом II тома «Капитала» К. Маркса) // Экономика Сов. Украины. 1985. № 5. С. 49—56.
Гальчинский А., Афанасьев В. Маркс о развитии денежных отношений: (Вопросы методологии) // Вопр. экономики. 1984. № 5. С. 4—13.
Гвелесиани М. И. Предмет второго тома «Капитала» К. Маркса: Методол. аспекты: (К 100-летию со дня выхода в свет) // Изв. АН ГССР. Сер. экономики и права. 1985. № 3. С. 5—14.
Гвелесиани М. И. Раскрытие элементов экономического механизма в «Капитале» К. Маркса // Экон. науки. 1986. № 3. С. 10—16.
Гвелесиани Р. А. О Марксовой методологии анализа экономических интересов // «Капитал» К. Маркса и актуальные проблемы политической экономии. М., 1985. С. 70—75.
Глушецкий А. А. Учение К. Маркса о соотношении права собственности и ее экономического содержания и проблема анализа отношений социалистической собственности // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 4—17.
Голощеков О. В. К. Маркс о распределении по труду и проблемы совершенствования заработной платы // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 192—201.
Горланов Г. В. Методология К. Маркса в разработке понятийно-категориального аппарата для исследования способа производства и этапов его развития // Учение К. Маркса об этапах развития способа производства и проблемы зрелого социализма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 16—24.
Городецкий А. Е. Метод «Капитала» К. Маркса в исследовании проблем хозяйственного механизма // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 179—184.
Грейнерт Ю. Э. Исследование Марксом материально-вещественной структуры процесса производства и значение этого исследования для анализа кооперации как формы обобществления труда при социализме: Препр. докл. / АН СССР, Ин-т экономики. Отд. общих проблем полит. экономии социализма. М., 1984. 9 с.
Громковский В. В. Значение анализа прибыли в III томе «Капитала» К. Маркса для изучения движения монопольной прибыли // «Капитал» К. Маркса и актуальные проблемы политической экономии. М., 1985. С. 221—230.

Грязнова Л. Н. К. Маркс о противоречиях товара и денег // Политическая экономия: Межвед. сб. Минск: Университетское, 1986. Вып. 14. С. 66—72.
Дерябин А. А., Кондрашева Т. К. Трудовая концепция К. Маркса и проблемы определения социально-экономической формы измерения эффективности общественного производства // «Капитал» К. Маркса и актуальные проблемы политической экономии. М., 1985. С. 89—97.
Джибути М. Ч. К применению Марксовой методологии изучения закона стоимости в политической экономии социализма // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 92—99.
Джумакулиев Д. Экономическое учение марксизма // Туркменистан коммунисти. 1984. № 6. С. 93—96. Текст туркм.
Дубнов А. П., Кочергин А. Н. Ценностный аспект концепции собственности у К. Маркса // Наука и ценности. Новосибирск: Наука, 1987. С. 147—158.
Дунаева В. С. Единство качественного и количественного анализа в экономической теории К. Маркса // Экономическая теория К. Маркса и ее значение для практики социалистического строительства. М., 1984. С. 54—76.
Дятел Е. П. Системный анализ объекта и предмета политической экономии в «Капитале» К. Маркса. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 224 с.
Елизарова И. А. Классики марксизма-ленинизма о производственном самоуправлении // Совершенствование форм социалистического самоуправления трудового коллектива. М., 1986. С. 53—63.
Емельянова О. И. Проблемы качества труда в произведениях К. Маркса // Закон экономии времени и повышение эффективности социалистического производства: Сб. науч. тр. М., 1986. С. 38—42.
Еремин А. М. К анализу категории «товарное обращение» [в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса] // Методологические и теоретические проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса. М., 1986. С. 98—103.
Еремин А. М. Экономическая рукопись К. Маркса 1861—1863 годов и исследование проблем собственности // Методологические и теоретические проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса. М., 1986. С. 66—71.
Жебрак Б. А. Карл Маркс и вопросы политической экономии социализма // Карл Маркс и социальный прогресс человечества. М., 1984. С. 41—72.
Зарифов Г., Нурмахмадов М. Об одном аспекте учения К. Маркса о разделении труда // Изв. АН ТаджССР. Философия, экономика, правоведение. 1986. № 2. С. 30—34.
Зяблюк Р. Процесс развития категории «потребительная стоимость» в «Капитале» К. Маркса // Экон. науки. 1985. № 1. С. 20—30.
Зяблюк Р., Крылова Л. Развитие теории прибавочной стоимости в пятом и шестом отделах первой книги «Капитала» К. Маркса // Экон. науки. 1984. № 9. С. 25—34.
Иголкин А. Марксова теория вторичной эксплуатации // Вопр. экономики. 1986. № 5. С. 34—44.
Клепач А. Н. Маркс и Ленин о конкуренции и монополии // Теоретическое наследие В. И. Ленина и актуальные вопросы политической экономии. М., 1986. С. 119—126.
Клепач А. Н. К. Маркс о конкуренции промышленных капиталов // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 247—251.
Кобелевская Е. А. К. Маркс, Ф. Энгельс об универсализации производственных отношений в международной сфере // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 41—50.
Коваленко В. Г. К методологической характеристике связи производства и потребления в «Капитале» К. Маркса // Проблемы социалистического расширенного воспроизводства в свете решений XXVII съезда КПСС: Межвуз. сб. Красноярск, 1987. С. 89—95.

Коган А. План шести книг К. Маркса и методологические проблемы политической экономии капитализма // Экон. науки. 1987. № 8. С. 19—29.

Коган А. План экономических исследований К. Маркса 1857—1859 гг. // Обществ. науки. 1984. № 2. С. 85—100.

Козачок И. В. Исследование проблем инфляции в работах К. Маркса и Ф. Энгельса // Современный капитализм: политико-экономические проблемы. Новосибирск, 1985. С. 12—19.

Колеватов В. А. Анализ функций денег в «Капитале» К. Маркса и методология исследования знаковых систем // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1985. № 4. С. 33—40.

Комаров Г. В. Системный анализ труда в «Капитале» К. Маркса // Методологические проблемы социологической теории. Новосибирск, 1984. С. 55—67.

Красникова Е. В. Разграничение экстенсивного и интенсивного развития капиталистического воспроизводства в «Капитале» К. Маркса // Вестн. МГУ. Сер. 6, Экономика. 1985. № 4. С. 62—75.

Кузнецова А. П. Становление нового способа производства как превращение исходного отношения в субъект движения производства (отношения «равенства-неравенства» в производстве) // Методологические и теоретические проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса. М., 1986. С. 41—59.

Куиш Н. В. Методология исследования К. Марксом производительного труда // Актуальные проблемы политической экономии на современном этапе: Материалы науч. конф. Минск: Университетское, 1984. С. 102—106.

Кулиев Р. Ступени развития капиталистического способа производства и уровни их отражения в «Капитале» К. Маркса // Экон. науки. 1984. № 9. С. 17—25.

Кулиев Р. И. К. Маркс о месте простой кооперации в развитии капиталистического способа производства // Изв. АН СССР. Сер. экон. 1984. № 5. С. 95—104.

Кулиев Р. И. О проблеме анализа сложных и развитых форм отношений в «Капитале» К. Маркса // Изв. АН АзССР. Сер. экономики. 1987. № 4. С. 3—14.

Кульков В. М. Методологическое значение разграничения товарного и специфически капиталистического отношений в «Капитале» К. Маркса для политической экономии социализма // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 31—41.

Леонов С. Л. Методологическое значение Марксовой теории фиктивного капитала для исследования финансового капитала // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 226—232.

Лигай Г. А., Фещенко В. С. Анализ Марксовой методологии разграничения производительного и непроизводительного труда // Механизм использования экономических законов социализма: Сб. науч. тр. М., 1985. С. 58—70.

Лойко П. О. Проблема феодальной ренты в трудах классиков марксизма-ленинизма // Роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества. Минск, 1984. С. 21—27.

Лукьянов В. Т. Разработка К. Марксом теории абсолютной земельной ренты // Политическая экономия: Межвед. сб. Минск: Университетское, 1986. Вып. 14. С. 80—88.

Любинин А. К. Маркс о содержании категории «способ производства» // Экон. науки. 1986. № 5. С. 3—11.

Мазур В. Выдающийся вклад в теорию общественного производства: (К 100-летию работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства») // Экономика Сов. Украины. 1984. № 10. С. 15—24.

Максимова В. Проблемы стоимости рабочей силы в трудах К. Маркса // Вопр. экономики. 1985. № 7. С. 58—67.

Мареев С. Н. К. Маркс о технико-экономических предпосылках становления коммунистического способа производства в «Экономических рукописях 1861—63 годов» // Методологические и теоретические проблемы политической экономии

социализма в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса. М., 1986. С. 136—144.
Мелентьев А. Экономический строй социализма: Ф. Энгельс о социалистическом производстве // Вопросы теории и жизнь. М.: Правда, 1985. Вып. 7. С. 19—26.
Миженская Э. Ф. Марксовы критерии определения конкретно-исторической системы потребностей и их значение для политической экономии социализма // Методологические и теоретические проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса. М., 1986. С. 104—116.
Минаева М. А. Классики марксизма-ленинизма о критериях разграничения способов производства, фаз и отдельных этапов в развитии последних // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 26—31.
Мирошников В. Г. К. Маркс о диалектике настоящего, прошлого и будущего труда // Социальная активность и человеческий фактор: Сб. науч. тр. Краснодар, 1987. С. 82—102.
Михеев Д. Как полнее использовать Марксовы положения о механизме стимулирования НТП? // Экон. науки. 1987. № 7. С. 60—62.
Можаров В. Исследование Ф. Энгельсом теории земельной ренты // Экон. науки. 1985. № 11. С. 29—32.
Мотовилин Г. В. Вопросы ремонта машин в экономических работах К. Маркса // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об изданиях их произведений. М., 1985. С. 91—110.
Мотылев А. С., Мотылев В. В. Научный подвиг К. Маркса: Очерки о «Капитале» / АН СССР. М.: Наука, 1987. 191 с.
Мысляева И. Н. Методология исследования индивидуального потребления в «Капитале» К. Маркса и ее значение для политической экономии социализма // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 85—92.
Насибуллина Л. Г. Исследование основного производственного отношения капитализма К. Марксом в «Экономической рукописи 1861—1863 годов» // Методологические и теоретические проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса. М., 1986. С. 72—77.
Николаев И. В., Платонов Г. В. К. Маркс о роли ощущений в познании стоимости товара // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1984. № 3. С. 3—12.
Новиков С. В. Диалектика исходного и основного отношений капиталистического способа производства в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса // Методологические и теоретические проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса. М., 1986. С. 60—65.
Нуреев Р. К вопросу о месте товарного фетишизма в теории стоимости К. Маркса // Экон. науки. 1985. № 2. С. 18—23.
Ожерельев О. И. Учение К. Маркса об этапах развития способа производства и концепция развитого социализма // Вестн. ЛГУ. 1984. № 5. Экономика. Философия. Право. Вып. 1. С. 5—11.
Ожерельев О. И. Учение марксизма-ленинизма об этапах развития способа производства и необходимость создания теории совершенствования социализма // Учение К. Маркса об этапах развития способа производства и проблемы зрелого социализма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 5—16.
Онищенко А. И. О динамических характеристиках схем воспроизводства К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина // Экономика и мат. методы. 1984. Т. 20. Вып. 4. С. 614—625.
Орешкин В. В. Маркс — создатель политической экономии пролетариата // Вопросы методологии исследования истории марксистско-ленинской общественной мысли на современном этапе. М., 1984. С. 117—125.
Осипенко О. В. Исследование К. Марксом факторов процесса производства и некоторые проблемы интенсификации на этапе совершенствования развитого со-

циализма // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 115—127.

Палюлите Р. Реализация Марксова принципа распределения по труду в непроизводственной сфере // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 201—206.

Пашков В. П. Историческое и логическое в исследовании формы стоимости в первом отделе I тома «Капитала» К. Маркса // Вестн. МГУ. Сер. 6, Экономика. 1984. № 6. С. 31—41.

Пейкер С. К. Интенсификация труда и производства в «Капитале» К. Маркса // Вестн. МГУ. Сер. 6, Экономика. 1987. № 6. С. 45—55.

Первоначальный вариант «Капитала»: (Экономические рукописи К. Маркса 1857—1859 годов) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1987. 463 с.

Погорелова О. А. Марксов анализ капиталистического воспроизводства как методологическая основа исследования закономерностей взаимодействия социалистического общества и природы // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 169—178.

Погребинская В. А. К. Маркс о роли потребностей и потребления в общественном производстве // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 166—169.

Покрытан А. К. Социальная специфика развития производительных сил общества [в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса] // Методологические и теоретические проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса. М., 1986. С. 13—22.

Поляков Ю. С. Общественная социалистическая собственность: Прогнозы классиков и опыт истории // Вестн. ЛГУ. 1984. № 5. Экономика. Философия. Право. Вып. 1. С. 11—19.

Пороховский А. А. Значение Марксовой теории товарного производства для исследования товарных отношений в условиях империализма // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 218—226.

Починок А. П. Марксова теория воспроизводства как методологическая основа определения абсолютной эффективности капитальных вложений в простое воспроизводство // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 144—156.

Починок А. П. Учение К. Маркса о капиталистическом воспроизводстве и проблема эффективности социалистического простого воспроизводства // «Капитал» К. Маркса и актуальные проблемы политической экономии. М., 1985. С. 127—136.

Проскурин П. В. Антинаучность буржуазных концепций кругооборота и оборота капитала // Методика критики антимарксистских теорий в курсе политической экономии капитализма. Киев: Вища шк., 1986. С. 62—66.

Рачинский Ю. М. К. Маркс и проблема основного производственного отношения натурально-хозяйственных способов производства // Вестн. МГУ. Сер. 6, Экономика. 1984. № 2. С. 13—23.

Рачинский Ю. М. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и проблемы политической экономии в широком смысле слова // Вестн. МГУ. Сер. 6, Экономика. 1984. № 6. С. 13—24.

Раямяэ Р. Х. Методологические вопросы исследования эффективности общественного производства в свете Марксовой теории воспроизводства // Вопросы диалектики развития общественного бытия и сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 5—19.

Розалиев Ю. Н. Проблемы экономической истории в творческом наследии К. Маркса и Ф. Энгельса // Экономическая история: Проблемы и исследования. М.: Наука, 1987. С. 7—31.

Рубцова И. В. Методология анализа отношений распределения в «Капитале» К. Маркса и ее использование при исследовании общественных фондов потребления // «Капитал» К. Маркса и актуальные проблемы политической экономии. М., 1985. С. 202—210.

Рыжков Б. Н. Методологическое значение определения типов расширенного воспроизводства в «Капитале» К. Маркса для исследования процесса интенсификации социалистического производства // «Капитал» К. Маркса и актуальные проблемы политической экономии. М., 1985. С. 104—110.

Селезнев А. З. К. Маркс об использовании экономических форм, развившихся при капитализме, в практике социалистического хозяйствования // Экономическая теория К. Маркса и ее значение для практики социалистического строительства. М., 1984. С. 145—164.

Смирнов И. К. Метод исследования экономического закона движения капитализма в «Капитале» К. Маркса / Ленингр. гос. ун-т. Ин-т повышения квалификации. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 151 с.

Соколовская А. М. Анализ исходного производственного отношения и его противоречия в «Капитале» К. Маркса // Вопросы политической экономии: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1987. Вып. 192. С. 10—17.

Стефанович Е. В. Маркс о критериях и методах формирования расходов на социально-культурное развитие // Методологические и теоретические проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса. М., 1986. С. 117—135.

Тагаров Ж. Применимость Марксовой теории общественного воспроизводства к анализу социалистической экономики: (Экономическая литература 20—60-х годов) // Экон. науки. 1987. № 12. С. 73—79.

Титова Н. И. Значение учения К. Маркса об органическом строении капитала для исследования социалистического процесса производства // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 136—143.

Тяпкин Н. К. «Капитал» К. Маркса. Том первый. «Процесс производства капитала». М.: Высш. шк., 1987. 200 с.

Тяпкин Н. Работа К. Маркса над совершенствованием первого тома «Капитала» // Экон. науки. 1985. № 7. С. 19—25.

Фабричнов А. М. Проблемы издержек производства в экономическом учении К. Маркса. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 200 с.

Фирсова О. П. К. Маркс о взаимодействии производства и потребления // Вестн. ЛГУ. 1984. № 5. Экономика. Философия. Право. Вып. 1. С. 112—114.

Хамидов А. А. Мировоззренческо-методологическое значение понятия превращенной формы: (На материале «Экономической рукописи 1861—1863 годов» Карла Маркса) // Методологические и теоретические проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1861—1863 гг.» К. Маркса. М., 1986. С. 78—97.

Хвингия О. И. Марксистско-ленинская теория стоимости и проблема детерминированности противоречий товарного производства / АН ГССР, Абхаз. ин-т яз., лит. и истории им. Д. И. Гулиа. Тбилиси: Мецниереба, 1986. 204 с.

Хвостов Б. Н. К. Маркс, Ф. Энгельс об использовании кооперации в строительстве коммунизма // Социализм и потребительская кооперация в СССР. М.: Экономика, 1984. С. 13—23.

Холодков В. Г. Значение методологии «Капитала» К. Маркса в исследовании социалистического соревнования // «Капитал» К. Маркса и актуальные проблемы политической экономии. М., 1985. С. 53—57.

Холодков В. Г. Методологическое значение учения Маркса для исследования процесса интернационализации хозяйственной жизни при капитализме // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 232—237.

Хубиев К. А. Диалектико-материалистический метод исследования развития товарной формы продукта труда и формы стоимости в «Капитале» К. Маркса // Вестн. МГУ. Сер. 6, Экономика. 1985. № 3. С. 64—71.

Чепуренко А. Ю. Генезис денежной формы — некоторые дискуссионные вопросы: (К выходу Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала) [II и IV отделы] // Мировая экономика и междунар. отношения. 1987. № 10. С. 56—60.

Чепуренко А. Ю. Из истории создания второго тома «Капитала» К. Маркса // Вопр. истории КПСС. 1986. № 3. С. 19—30.

Чепуренко А. Ю. Наброски некоторых положений второго тома «Капитала» в экономической рукописи К. Маркса 1857—1858 годов // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об изданиях их произведений. М., 1985. С. 1—35.

Черных С. И. Марксов анализ кредитных отношений и его значение для социалистического хозяйствования // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 190—192.

Чистый С. В. Проблема соотношения типов расширенного воспроизводства в «Капитале» К. Маркса // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 110—115.

Шегда А. В. К. Маркс о характере труда в процессе развития общественного производства // Вісн. Київ. ун-ту. Економіка. 1986. № 26. С. 39—42. Текст укр.

Шеденов У. Гениальное произведение марксизма [«Капитал»] // Казакстан коммунисі. 1987. № 9. С. 82—87. Текст. каз.

Шекир Н. С. Учение К. Маркса о кооперации и его методологическое значение для исследования общественного труда при социализме // Экономическая теория К. Маркса и ее значение для практики социалистического строительства. М., 1984. С. 36—54.

Шилина Г. В. Значение методологии исследования категории «цена» в «Капитале» К. Маркса для развития теории планового ценообразования // «Капитал» К. Маркса и актуальные проблемы политической экономии. М., 1985. С. 210—220.

Шишкин М. В. Генезис теорий монополии в марксистско-ленинской и буржуазной литературе (1840—1930-е годы) / Ленингр. гос. ун-т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 153 с.

Шкредов В. П. О системе доказательств в «Капитале» Карла Маркса // Экономика и мат. методы. 1985. № 1. С. 20—38.

Щеглов С. С., Ильяшенко В. В. Методология исследования качества рабочей силы в «Капитале» К. Маркса // Труд и кадры в народном хозяйстве: Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. С. 3—8.

Юдкин А. И. Метод исследования системы производственных отношений в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1985. 150 с.

Юлдашев К. Марксистско-ленинская общая теория прибавочного продукта // Прирост прибавочного продукта — конечный народнохозяйственный результат: Науч. тр. Ташкент, 1986. Вып. 240. С. 5—10.

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС И ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

Абдрахманова З. Р. К. Маркс и Ф. Энгельс о революционном рабочем классе как новой культурной силе // Факторы становления и совершенствования социализма: (Историко-экономические и философские аспекты). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. С. 71—75.

Адибеков Г. М. Марксистская концепция профсоюзного движения и ее историческая жизненность // Марксизм и проблемы социально-экономической борьбы организованного пролетариата: История и современность. М.: Наука, 1985. С. 5—34.

Аимбетов А. А. К. Маркс и В. И. Ленин о сущности интернационализационных процессов // Вестн. АН КазССР. 1986. № 1. С. 24—32.

Апресян З. В интересах рабочего класса...: К. Маркс, Ф. Энгельс и борьба за права пролетарской молодежи // Молодой коммунист. 1986. № 10. С. 74—82; № 11. С. 74—80.

Апресян З. С классовых, пролетарских позиций...: К. Маркс и Ф. Энгельс: начало основополагающего принципа молодежной политики коммунистов // Молодой коммунист. 1987. № 7. С. 42—50; № 8. С. 54—60.

Аузан А. А. Проблемы повышения социально-экономической активности трудящихся в свете Марксовой концепции коммунистической ассоциации // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 60—69.

Багатурия Г. А. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о социалистическом и коммунистическом обществе // Марксизм-ленинизм — вечно живое, революционное учение, преобразующее мир. М.: Моск. рабочий. 1984. С. 23—50.

Бимбо М. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о политической системе социализма // Политическая система социализма: Функции и тенденции развития. Киев: Вища шк., 1985. С. 10—30.

Борисов Л. П. Марксизм-ленинизм о межгосударственных отношениях нового типа // Коммунистический идеал, реальный социализм и борьба идей. М.: Знание, 1987. С. 85—90.

Бочкарев Н. И. Важный вклад в развитие научного социализма: (К 100-летию выхода в свет работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства») // Вестн. МГУ. Сер. 12, Теория науч. коммунизма. 1984. № 5. С. 46—52.

Бочкарев Н. И. Проблемы научного коммунизма в работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» // Вестн. МГУ. Сер. 12, Теория науч. коммунизма. 1984. № 1. С. 62—71.

Валеев А. Б. Основоположники научного коммунизма о классовом содержании идеи социальной справедливости // Вопросы становления и совершенствования социализма. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. С. 60—64.

Волков Г. Открыто водруженное знамя // Вопросы теории и жизнь. М.: Правда, 1985. Вып. 7. С. 11—18.

Вопросы научного коммунизма в произведениях классиков марксизма-ленинизма / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 1984. 50 с.

Ворожейкин И. Е. Основоположники марксизма-ленинизма о соревновании // Проблемы социалистического соревнования: Теория и опыт. М.: Наука, 1984. С. 7—28.

Выгодский В. С., Кунина В. Э. К. Маркс и Ф. Энгельс о стачечной борьбе рабочего класса // Рабочий класс в мировом революционном процессе. М.: Наука, 1987. С. 255—280.

Галкин А. А. Великое открытие К. Маркса // Марксизм и проблемы социального прогресса: Вопросы идейной борьбы. М.: Наука, 1986. С. 118—145.

Гешева Е. Г., Юсуповский А. М. Научный коммунизм — социально-политическая теория марксизма-ленинизма: Ее возникновение и развитие // Науч. коммунизм. 1987. № 10. С. 107—112.

Гнатенко П. И. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о диалектике национальных и интернациональных традиций // Методология научного познания и развитие современной науки: Сб. науч. тр. Днепропетровск, 1984. С. 38—45.

Голобоков В. Великое предвидение: (К 110-летию работы К. Маркса «Критика Готской программы») // Коммунист. М., 1985. № 12. С. 23—34.

Гончаров В. П. Классики марксизма-ленинизма о партийности научного социализма // Вестн. МГУ. Сер. 12, Теория науч. коммунизма. 1984. № 2. С. 55—62.

Гончаров В. П. Марксистско-ленинское учение о предмете научного коммунизма // Вестн. МГУ. Сер. 12, Теория науч. коммунизма. 1987. № 6. С. 40—52.

Грошева А. А. Значение положений Ф. Энгельса о моногамии для совершенствования семейных отношений при социализме // Вопросы становления и совершенствования социализма. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. С. 66—68.

Грошева А. А. Классики научного коммунизма о нравственных устоях социалисти-

ческой семьи // Факторы становления и совершенствования социализма: (Историко-экономические и философские аспекты). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. С. 43—48.
Добрускин М. Е. К. Маркс и Ф. Энгельс о социальной природе интеллигенции // Науч. коммунизм. 1987. № 4. С. 90—99.
Дронь П. П., Шалькевич В. Ф. Проблемы научного коммунизма в трудах Ф. Энгельса // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навук. камунізм. Эканоміка. Права. 1986. № 1. С. 50—53.
Дрынина Н. И. Утопический социализм — предшественник научного коммунизма // Вестн. МГУ. Сер. 12, Теория науч. коммунизма. 1984. № 5. С. 67—79.
Евстратов В. Теория познания марксизма и практика коммунистического строительства // Коммунист Татарии. 1984. № 1. С. 63—70.
Железняк Н. Н., Чикин Б. А. Возникновение и основные этапы развития научного коммунизма // Вестн. МГУ. Сер. 12, Теория науч. коммунизма. 1984. № 6. С. 61—74.
Жукова С. П. Классики марксизма-ленинизма о всесторонне и гармонически развитой личности // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навук. камунізм. Эканоміка. Права. 1986. № 3. С. 39—42.
Забарко Б. М., Цельт Й. К. Маркс и пролетарский интернационализм // Вопросы германской истории: Революционные и демократические движения нового и новейшего времени: Межвуз. сб. науч. тр. Днепропетровск, 1986. С. 4—22.
Загладин В. В. Марксизм-ленинизм о роли рабочего класса в международных отношениях // Рабочий класс и соврем. мир. 1984. № 4. С. 15—39.
Зайцев В. М. Классики марксизма-ленинизма о физическом воспитании // Исторический опыт социалистических преобразований в СССР. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 151—162.
Зиманас Г. О. Пролетарский интернационализм — главный принцип марксизма-ленинизма // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 186—198.
Иванова Т. В., Николаева В. Н. К. Маркс о революционной роли молодежи // Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 115—126.
Иезуитов А. Н. Марксистско-ленинская концепция партийности литературы: Формирование и развитие // Ленинский принцип партийности и современная идеологическая борьба. М.: Наука, 1984. С. 36—47.
Ионова О. Б. Классики марксизма-ленинизма о рабочем классе как о главном производителе материальных благ // Некоторые вопросы ускорения социально-экономического развития: Сб. статей. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 25—29.
Ирхин Ю. В. К. Маркс и Ф. Энгельс о перспективах борьбы народов колониальных стран за национальное и социальное освобождение и современность // Науч. коммунизм. 1987. № 9. С. 99—108.
Исаев М. И. Марксистско-ленинские принципы национально-языковой политики КПСС // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 2. С. 120—129.
Кириллова М. М. К. Маркс и Ф. Энгельс о воспитании и образовании как факторах становления социалистического образа жизни // Социалистический образ жизни и проблемы образования. Свердловск, 1984. С. 14—24.
Кириллова М. М. К. Маркс и Ф. Энгельс о развитии человека в сфере материального производства при социализме // Из истории социалистических идей: Методология анализа и проблема личности. Свердловск, 1984. С. 52—67.
Кирилюк Ф. М. Разработка научной методологии исследования истории социалистических учений в работе К. Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года» // Вестн. МГУ. Сер. 12, Теория науч. коммунизма. 1987. № 2. С. 63—71.
Кишкевич А. Д. Классики марксизма-ленинизма, КПСС об участии трудящихся в управлении производством // Философия и научный коммунизм. Минск: Университетское, 1985. Вып. 12. С. 119—127.

Ковалев А. М. Неразрывное единство и целостность марксистско-ленинского учения // Вестн. МГУ. Сер. 12, Теория науч. коммунизма. 1987. № 2. С. 3—12.
Коваленко В. И. Разработка Ф. Энгельсом вопроса о классовых союзах пролетариата // Вісн. Київ. ун-ту. Питання філос. наук. 1984. № 16. С. 40—45. Текст укр.
Коновалов С. В. Некоторые особенности формирования научного понятия «пролетариат» в ранних работах К. Маркса // Вестн. Харьк. политехн. ин-та. 1987. № 245. С. 86—91.
Копырин В. А. Концепция развитого социализма в свете идейного наследия основоположников научного коммунизма // Актуальные проблемы строительства и совершенствования развитого социализма. Свердловск, 1985. С. 6—13.
Косолапов Р. И. Об основах марксистско-ленинской теории рабочего класса: Доклад на Ломоносовских чтениях 29 сентября 1986 г. // Вестн. МГУ. Сер. 12, Теория науч. коммунизма. 1987. № 1. С. 35—44.
Косухин Н. Д. К. Маркс и проблема перехода освободившихся народов к социализму, минуя капитализм // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 198—211.
Кузнецов В. Н. Ф. Энгельс о коммунистическом преобразовании общества // Полит. самообразование. 1985. № 11. С. 97—105.
Кузьмин Н. Ф. Карл Маркс и пролетарская партия // Проблемы научного коммунизма. М.: Мысль, 1984. Вып. 18. С. 3—21.
Кулебякина Л. В. Классики марксизма-ленинизма о сущности и содержании образа жизни // Объективное и субъективное в формировании и развитии социалистического образа жизни: Межвуз. сб. науч. тр. Владивосток, 1986. С. 10—14.
Любинина С. С. Карл Маркс о коммунистическом производстве. М.: Изд-во МГУ, 1985. 104 с.
Любинина С. С. К. Маркс о критерии перехода к высшей фазе коммунистического производства: (К 110-летию работы «Критика Готской программы») // Вестн. МГУ. Сер. 6, Экономика. 1985. № 3. С. 34—44.
Мамедов Д. Р. Карл Маркс об интернационализации общественной мысли как условии становления единства пролетарского мировоззрения // Единство марксизма-ленинизма в его историческом развитии: Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 45—52.
Мошков В. В. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин о формировании и социально-экономическом положении рабочего класса в условиях промышленного переворота // Актуальные проблемы истории международного рабочего и социалистического движения: Препринт. М., 1985. С. 3—16.
Мухарямова Л. М. Проблема социального равенства в ранних произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса // Вопросы становления и совершенствования социализма. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. С. 79—82.
Мухарямова Л. М. Теоретико-методологические вопросы учения К. Маркса и Ф. Энгельса о социальном равенстве // Факторы становления и совершенствования социализма: (Историко-экономические и философские аспекты). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. С. 51—54.
Никитина А. Г. К. Маркс и О. Конт: Две социологии, две концепции исторической миссии пролетариата // Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 89— 98.
Овчинников В. С. К. Маркс о преодолении социальных иллюзий как необходимом условии освобождения рабочего класса // Проблемы научного коммунизма. М.: Мысль, 1984. Вып. 18. С. 22—38.
Окунева М. А. Учение К. Маркса о классовом самосознании пролетариата и новые формы внедрения буржуазной идеологии в рабочее движение развивающихся стран // Марксизм и проблемы социального прогресса: Вопросы идейной борьбы. М.: Наука, 1986. С. 80—103.
Перевалова Л. В. Классики марксизма-ленинизма о ведущей роли рабочего класса // Вестн. Харьк. политехн. ин-та. 1987. № 245. С. 83—86.

Петров В. С. К. Маркс об основных закономерностях перехода человечества от капитализма к социализму и коммунизму // Вісн. Львів. ун-ту. Сер. сусп. наук. 1984. Вип. 22. С. 3—8. Текст укр.

Плимак Е. Классическое, живое, неделимое...: О творческом характере марксистско-ленинского учения о революции // Полит. самообразование. 1987. № 3. С. 66—74.

Розин Э., Инцкирвели Г. Выдающееся произведение современного социализма: (К 100-летию труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства») // Соц. законность. 1984. № 8. С. 6—8.

Сирков Д. Непреходящее значение Марксовых идей пролетарского интернационализма // Проблемы мирового революционного процесса. М.: Мысль, 1984. Вып. 4. С. 48—61.

Стеблева И. И. Разработка учения о коммунистическом воспитании в произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и его значение для культурного строительства на современном этапе // Культурно-просветительная работа в системе идеологической деятельности КПСС: Сб. науч. тр. Л., 1984. С. 27—41.

Сулимов В. Е. К. Маркс и некоторые вопросы теории социального управления // Научн. докл. высш. шк. Науч. коммунизм. 1984. № 1. С. 89—95.

Тартаковский Б. Г. Последняя работа Фридриха Энгельса и революционная борьба [«Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»»] // Глобус. 1985. № 31. С. 3—8.

Троицкий Е. С. Марксизм-ленинизм — методологическая основа анализа непролетарских социалистических течений // Коммунистический идеал, реальный социализм и борьба идей. М.: Знание, 1987. С. 35—42.

Туманов С. В. Проблема идеала в трудах основоположников марксизма-ленинизма // Коммунистический идеал, реальный социализм и борьба идей. М.: Знание, 1987. С. 24—29.

Тумашев Р. А. К. Маркс о законе возвышения потребностей // Общественные отношения развитого социализма: (Вопросы теории и истории становления и совершенствования). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. С. 236—240.

Умарова Р. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о научном управлении коммунистическим воспитанием // Коммунист Узбекистана. 1985. № 10. С. 84—87.

Хуцишвили Н. Научное мировоззрение и коммунистическая идеология // Коммунист Грузии. 1984. № 7. С. 91—95.

Цыркун А. Ф. К. Маркс о диалектике исторического развития человека и формирование коммунистической личности // Карл Маркс и социальный прогресс человечества. М., 1984. С. 73—137.

Черванева З. А. Обоснование Ф. Энгельсом учения о пролетарской партии // Вестн. Харьк. политехн. ин-та. 1987. № 245. С. 91—99.

Шелике В. К. Маркс и Ф. Энгельс о содержании и преемственности пролетарского интернационализма // Коммунист Киргизстана. 1986. № 12. С. 84—91.

Шувалов Б. А. Воплощение идей классиков марксизма-ленинизма об интернациональном единстве общества при социализме // Коммунистический идеал, реальный социализм и борьба идей. М.: Знание, 1987. С. 77—81.

Щербань Н. В. Классики марксизма-ленинизма об основных задачах борьбы против буржуазной идеологии и пропаганды // Методологические проблемы идеологической борьбы и контрпропаганды. М., 1987. С. 4—13.

МАРКСИЗМ И ГУМАНИЗМ

Горин А. Ф., Константинов В. Н. Марксистский гуманизм и лжегуманизм христианских нравственных принципов // Марксистский гуманизм и природа человека. Владимир, 1984. С. 50—59.

Епишин Ю. А. Марксистский гуманизм как принцип разрешения антиномии эгоизма и альтруизма // Марксистский гуманизм и природа человека. Владимир, 1984. С. 35—49.

Крапивенский С. Э. Гуманистический смысл марксистско-ленинской теории революции // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1984. № 5. С. 3—10.
Мухачев В. В. Категории «гуманизм» и «коммунизм» в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркса // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1986. № 2. С. 50—58.
Нодиа Г. О. Труд и гуманизм: О месте категории труда в системе марксистского теоретического гуманизма / АН ГССР, Ин-т философии. Тбилиси: Мецниереба, 1986. 92 с.
Рагимова И. Р. Методологические проблемы гуманизма // Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права. 1986. № 2. С. 114—121.
Семенова Л. В. Гуманизм как творческий принцип марксистской философии // Наука и творчество: Методол. проблемы: Сб. науч. тр. Ярославль, 1986. С. 64—67.
Цанн Кай-Си Ф. В. Марксистская концепция человека и проблемы гуманизма // Ежегодник Философского общества СССР, 1986. М.: Наука, 1987. С. 39—57.
Ярошевский Т. М. Размышления о человеке. Марксистская концепция личности и принципы социалистического гуманизма. М.: Политиздат, 1984. 198 с.

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС И ПРОБЛЕМЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Бауэр Г. Старые, но вечно молодые истины: К 140-летию основания Союза коммунистов // Пробл. мира и социализма. 1987. № 6. С. 88—90.
Бах И. А. Маркс и Бланки // Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции, 1983. М.: Наука, 1985. С. 40—44.
Бах И. А. Маркс и Бланки в 1869 г. // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1984. С. 14—21.
Буторин А. Е. Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса за становление и развитие печатного органа Социалистической рабочей партии Германии газеты «Социал-демократ» в 70—80-е годы XIX века // Вестн. МГУ. Сер. 10, Журналистика. 1984. № 5. С. 65—71.
Васин Ю. А. К вопросу о теоретических взглядах «молодых» и независимых социалистов «левого» оппортунистического течения в германском рабочем движении // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1987. С. 27—51.
Васин Ю. А. Оппозиция «молодых» в СДПГ (1890—1891 гг.) в освещении западногерманского леворадикального историка Д. Г. Мюллера // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1984. С. 176—195.
Ватутин А. Б. Блумсберийское социалистическое общество: Роль британских марксистов в его деятельности: Помощь Энгельса в их борьбе за основы пролетарской партии (1885—1892) // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1986. Вып. 2. С. 44—59.
Войтенкова Г. Ф. Национальная лига реформы (1849—1866) // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1986. Вып. 2. С. 20—43.
Дорошенко М. А. М. Бакунин о понятии «социальная революция» на страницах газеты «L'Égalité»: (К вопросу о критике К. Марксом и Ф. Энгельсом анархистской концепции революции) // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1986. Вып. 2. С. 93—104.
Косичев А. Борьба Маркса против оппортунизма за чистоту революционной теории // Коммунист. М., 1984. № 5. С. 14—23.
Кострюкова Г. И. Ф. Энгельс о фабианском социализме // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1986. Вып. 2. С. 6—19.

Кузнецов В., Рыбикова А. Вырабатывая тактику пролетарской борьбы // Молодой коммунист. 1986. № 8. С. 41—45.
Кунина В. Э. История письма Огюста Бланки Карлу Марксу от 22 января 1862 года // Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции, 1983. М.: Наука, 1985. С. 33—39.
Кунина В. Э. Новые данные об участии Ф. Энгельса в рабочем и социалистическом движении (последняя треть XIX века) // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1986. Вып. 2. С. 177—186.
Кунина В. Э. Новые факты об отношениях К. Маркса и О. Бланки // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1984. С. 1—13.
Кухарчук Д. В. Марксизм против мелкобуржуазного социализма: Из истории идейной борьбы в рабочем движении середины XIX века / АН СССР, Ин-т междунар. рабочего движения. М.: Наука, 1985. 126 с.
Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX — начале XX века / АН СССР, Ин-т философии, Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. М.: Наука, 1984. 447 с.
Менхус И. Г. Методологические принципы критики К. Марксом и Ф. Энгельсом основ бакунистской теории революции // Методологические вопросы материалистического понимания истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса: Сб. науч. тр. Фрунзе, 1986. С. 145—155.
Михайлов М. И. Идейная борьба вокруг германской революции 1848 года // Новая и новейшая история. 1984. № 4. С. 33—45.
Михайлов М. И. Карл Маркс и Фридрих Энгельс в Кёльнском рабочем союзе // Новая и новейшая история. 1985. № 6. С. 19—33.
Морозова В. П. Вильгельм Штеффенс — соратник К. Маркса и Ф. Энгельса (50—60-е гг. XIX века) // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об изданиях их произведений. М., 1985. С. 138—165.
Мосолов В. Г. К. Маркс и Ф. Энгельс о проблемах борьбы с контрреволюцией в период революций 1848—1849 гг. // Вопр. истории КПСС. 1984. № 3. С. 79—92.
Ноткин Е. Л. Ф. Энгельс о влиянии гигиенических условий жизни на здоровье английских рабочих и капиталистическая современность: (К 140-летию выхода в свет труда Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии») // Гигиена труда и проф. заболевания. 1985. № 10. С. 39—42.
Особова И. П. К истории публикации Устава I Интернационала // Новая и новейшая история. 1984. № 6. С. 33—42.
Особова И. П. Немецкий перевод Устава Первого Интернационала и его издания в 1864—1867 годах // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1986. Вып. 2. С. 60—92.
Синельникова И. М. Документы организаций, созданных и руководимых К. Марксом и Ф. Энгельсом как источник изучения их революционно-практической деятельности // Актуальные вопросы марксоведения (архивоведение, источниковедение). М., 1984. С. 123—142.
Федоровский Н. Г. К вопросу о классовой сущности лассальянства // История социалистических учений, 1986: Сб. ст. М.: Наука, 1986. С. 49—73.
Штекли А. Э. «Крестьянская война в Германии» Энгельса и изучение утопического коммунизма // История социалистических учений. М.: Наука, 1984. С. 3—18.
Штекли А. Э. Подготовительные работы к «Анти-Дюрингу» и вопрос о начале утопического социализма // История социалистических учений, 1985. М.: Наука, 1985. С. 29—44.

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Абасов А. Ф. К. Маркс и современные системные исследования // Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права. 1984. № 3. С. 105—110. Текст азерб.

Алексеев П. В. Ф. Энгельс и проблема применения диалектики в естествознании // Проблемы взаимосвязи общественных и естественных наук. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 128—142.

Андреев И. Д. Карл Маркс и интеграция научных знаний // Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 73—83.

Бабушкин В. У. Учение Карла Маркса и методологические проблемы общественных наук // Карл Маркс и социальный прогресс человечества. М., 1984. С. 13—40.

Байгильдин Р. М. Принцип историзма в исследовании истории марксистской социологии // Принцип историзма в науке. Уфа, 1985. С. 43—49.

Богатский А. Марксизм и естественные науки // Наука і культура: Украіна, 1983. Щоріч. Київ, 1984. Вип. 18. С. 13—22. Текст укр.

Вардапетян А. В. Вопросы военной истории и теории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса // Вопросы истории КПСС. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1985. Вып. 3. С. 5—18. Текст арм.

Волков Г. Возникновение марксизма и наследие духовной культуры // Волков Г. Три лика культуры. М.: Мол. гвардия, 1986. С. 173—191.

Гольман Л. И. Энгельс — историк. М.: Мысль, 1984. 416 с.

Готт В. С., Делокаров К. Х. К. Маркс и некоторые философские проблемы науки // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1984. № 4. С. 3—11.

Гутнова Е. В. Основные проблемы истории средних веков в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса: Учеб.-метод. пособие для студентов ист. фак-тов гос. ун-тов / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. 4-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1986. 97 с.

Дорждагва Т. Философско-мировоззренческие вопросы биологии в работе Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» // Философские проблемы современного естествознания: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1987. Вып. 65. С. 71—74.

Ершов Ю. Г. К. Маркс о периодизации всемирной истории // Историческое знание и современность: Сб. науч. тр. Свердловск, 1987. С. 65—75.

Жаров А. М. К. Маркс, Ф. Энгельс и современная физика // Материалистическое учение К. Маркса и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 84—96.

Жаров Л. В. К. Маркс о человеческой телесности как ценности культуры // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. 1984. № 1. С. 57—61.

Жданов Ю. А. Карл Маркс и социальная роль науки // Жданов Ю. А. Нерасторжимые звенья: Культура и наука: Традиции и современность. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1984. С. 45—63.

Жилин П. А. Классики марксизма-ленинизма о войне и военной истории // Жилин П. А. О войне и военной истории. М.: Наука, 1984. С. 5—13.

Захарук Ю. Н. Выдающееся произведение марксизма и проблемы археологии: (К 100-летию работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства») // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.: Наука, 1987. С. 3—23.

Камилова С. С. Научная проблема в свете марксистской гносеологии / Ташк. гос. пед. ин-т им. Низами. Ташкент: Фан, 1984. 127 с.

Кедров Б. М. Классификация наук: Прогноз К. Маркса о науке будущего / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. М.: Мысль, 1985. 543 с.

Кедров Б. М. К. Маркс о науке и техническом прогрессе. М.: Знание, 1985. 64 с.

Кетхудов Р. Марксизм — единство науки и идеологии // Коммунист Грузии. 1984. № 1. С. 67—74.

Латышев А. Г. Карл Маркс и Фридрих Энгельс о студенчестве // Вестн. КМО СССР. 1984. № 7. С. 2—12.

Лебедева Т. М. Методологические аспекты теории культуры в свете работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» // Философские проблемы современного естествознания: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1987. Вып. 165. С. 89—95.

Левяш И. Я. Марксовская концепция преобразования функций науки // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навук. камунізм. Эканоміка. Права. 1984. № 1. С. 20—22.

Литвак Б. Г. О культуре передачи текста в издании «Архив Маркса и Энгельса»: (К выходу т. XVI) // Археографический ежегодник за 1983 год. М.: Наука, 1985. С. 3—11.

Лифшиц М. Карл Маркс и современная культура // Лифшиц М. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Изобр. искусство, 1984. Т. 1. С. 250—272.

Максимова Д. А. К. Маркс и Ф. Энгельс о цивилизации как исторически обусловленной форме культуры // Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 83—89.

Мейдер В. А. Ф. Энгельс и методологические проблемы математики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. 111 с.

Методология «Капитала» К. Маркса и современная наука // Ленингр. гос. ун-т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 207 с.

Могильницкий Б. Г. Карл Маркс и Фридрих Энгельс — историки исторической науки // Новая и новейшая история. 1984. № 1. С. 3—18.

Могильницкий Б. Г. Марксистские принципы критики буржуазной историографии // Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 40—67.

Можаров Н. Д. О переводе на русский язык некоторых терминов К. Маркса // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об изданиях их произведений. М., 1985. С. 111—115.

Москвин В. В. Вопросы воспитания и образования в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса // Вопросы народного образования в курсе истории КПСС. М., 1985. С. 3—9.

Мыльников А. С. Вопросы истории книги в творческом наследии Карла Маркса // Социальная роль книги: Сб. науч. тр. Киев: Наук. думка, 1987. С. 5—13.

Немировский А. И., Цымбурский В. Л. Ф. Энгельс о римском роде и некоторые проблемы современной этрускологии // Вестн. древ. истории. 1984. № 3. С. 3—23.

Петр Я. К. Маркс, Ф. Энгельс и славянские языки. М.: Высш. шк., 1984. 160 с.

Поварков Я. Я. Эпикурейские штудии Карла Маркса // Философия и история культуры. М.: Наука, 1985. С. 6—24.

Рощин С. К. К. Маркс и психологические проблемы политики // Маркс и современная политическая теория. М.: Политиздат, 1986. С. 66—78.

Рябов Ф. Г. Военные вопросы в дополнительных томах второго издания Сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса [40—50 тт. (12 книг)] // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об изданиях их произведений. М., 1985. С. 36—51.

Рябов Ф. Г. Ф. Энгельс и флот. М.: Воениздат, 1984. 125 с.

Рябов Ф. Г., Соколов Ю. В. У истоков великого движения: (К. Маркс и Ф. Энгельс о борьбе за мир и разоружение). М.: Знание, 1986. 64 с.

Савин В. А. Некоторые вопросы политической истории в трудах К. Маркса // Актуальные проблемы развития политических систем: Сб. науч. тр. М., 1986. С. 4—13.

Тарасов Е. Ф. Научное наследие К. Маркса и исследование проблем речевого общения // Вопр. языкознания. 1986. № 6. С. 97—104.

Тер-Акопян Н. Б. Карл Маркс о колониализме // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы: Ежегодник. М.: Наука, 1984. Вып. 14. С. 12—40.

Федоров А. И. Ф. Энгельс и социально-философские проблемы языкознания // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1985. № 14. Вып. 3. С. 9—14.

Фридлендер Г. К. Маркс и вопросы современной литературной науки // Литература и современность. М.: Худож. лит., 1984. Сб. 21. С. 6—31.

Хайдаров У. Маркс и математика. Ташкент: Узбекистан, 1986. 16 с. Текст узб.

Худайбергенов К. Идеи марксизма-ленинизма и вопросы социалистической культуры. Нукус: Каракалпакстан, 1985. 190 с. Текст каракалпак.

Цанн Кай-Си Ф. В. Культура личности в контексте марксистской концепции человека // Марксистская концепция человека и культура личности: (Межвуз. сб. науч. тр.). Владимир, 1987. С. 3—10.

Черноуцан И. Марксизм и культура // Черноуцан И. Живая сила ленинских идей: Марксистская концепция искусства и проблемы литературной критики. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1985. С. 6—23.

Чернышев В. С. Методологические основы марксистской концепции традиций // Методология научного познания и развитие современной науки: Сб. науч. тр. Днепропетровск, 1984. С. 84—89.

Чунаева А. А. Значение марксистской методологии для критики буржуазных концепций культурной деятельности // Критика буржуазных философских и социологических концепций культуры: Сб. науч. тр. Л., 1986. С. 6—20.

Шахназаров Г. Х. Создатель науки о политике [К. Маркс] // Маркс и современная политическая теория. М.: Политиздат, 1986. С. 7—19.

Шрамко Б. А. Ф. Энгельс и проблема возникновения городов в Скифии // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев: Наук. думка, 1984. С. 218—230.

Щученко В. А. Основоположники марксизма-ленинизма о рационалистической и романтической тенденциях в культуре эпохи капитализма // Критика буржуазных философских и социологических концепций культуры: Сб. науч. тр. Л., 1986. С. 128—137.

Элез Й. Понятие науки у К. Маркса // Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 63—73.

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Бетехтин А. Н. Классики марксизма-ленинизма об экономических функциях капиталистического государства // Экономический рост и стратегия монополий: Межвуз. сб. Л., 1986. С. 51—57.

Бетехтин А. Н. Классики марксизма об экономической роли государства в работах 1843—1848 гг. // Вестн. ЛГУ. Сер. 7, Экономика. 1986. Вып. 1. С. 84—86.

Бутенко А. П. Марксистско-ленинская идея самоуправления народа и ее историческое развитие // Сов. государство и право. 1986. № 3. С. 11—18.

Васин Ю. О взглядах Фридриха Энгельса на государство // Соц. законность. 1985. № 11. С. 17—19.

Гречишникова Л. П. Классики марксизма-ленинизма об экономических функциях государства в разных социально-экономических условиях // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 243—247.

Грязин И. Н. К. Маркс и некоторые проблемы определения понятия права // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 100—110.

Зверев А. Ф. Анализ социальной природы буржуазной бюрократии в работах К. Маркса // Социол. исслед. 1986. № 1. С. 149—154.

Инцкирвели Г. З., Розин Э. Л. Классический труд о государстве: (К 100-летию работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства») // Коммунист Грузии. 1984. № 9. С. 63—70.

Инцкирвели Г. З., Розин Э. Л. Ф. Энгельс о происхождении и сущности государства: (К 100-летию создания труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной

собственности и государства») // Вопросы социалистического государства и права. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. С. 3—23.

Коваленко А. И. Вопросы унитаризма и федерации в трудах классиков марксизма-ленинизма // Актуальные вопросы истории политических и правовых учений: Сб. науч. тр. М., 1987. С. 28—37.

Кривушин Л. Т. Диалектика государства и общества в рукописях К. Маркса: (Концентрированное выражение общества в форме государства) // Вопросы диалектики развития общественного бытия и сознания в философском наследии Карла Маркса. Таллинн: Ээсти раамат, 1987. С. 98—125.

Леонов С. Л. Анализ К. Марксом деятельности французского банка Crédit Mobilier // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1987. С. 84—105.

Люкович В. Б. К. Маркс и Ф. Энгельс об экономической функции буржуазного государства // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навук. камунізм. Эканоміка. Права. 1985. № 2. С. 54—56.

Макаренко В. П. Проблемы бюрократии в трудах классиков марксизма-ленинизма: (О методол. аспектах исследования) // Сов. государство и право. 1986. № 9. С. 20—28.

Мамут Л. С. Вопросы государства и права в труде Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»: (К 100-летию со дня публикации) // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1986. № 2. С. 12—22.

Мамут Л. С. Создание К. Марксом диалектико-материалистической теории государства и современная идеологическая борьба // Государство и идеологическая борьба. М., 1986. С. 13—20.

Мамут Л. С. Учение Маркса о государстве и современная идеологическая борьба // Сов. государство и право. 1984. № 3. С. 52—55.

Мареичева Н. А. Методологические проблемы типологии классово-антагонистических государств в «Капитале» К. Маркса // Актуальные вопросы истории политических и правовых учений: Сб. науч. тр. М., 1987. С. 16—27.

Мигранян А. М. Взаимоотношения индивида, общества и государства в политической теории марксизма и проблемы демократизации социалистического общества // Вопр. философии. 1987. № 8. С. 75—91.

Прозорова Н. С. Методологические аспекты распространения марксистского учения о государстве и праве в Первом Интернационале // Вісн. Київ. ун-ту. Юрид. науки. 1984. № 25. С. 3—8. Текст укр.

Протасова Л. С. К. Маркс и Ф. Энгельс об активной роли политических и правовых идей в общественном развитии (работы периода: январь 1842 — ноябрь 1844 г.) // Советское государство и право: Великий Октябрь и современность: Сб. науч. тр. М., 1987. С. 90—102.

Розин Э. Л., Инцкирвели Г. З. Ф. Энгельс и проблемы государства: (К 100-летию труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства») // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1984. № 6. С. 11—19.

Смирнов Л. А. Вопросы свободы печати и убеждений в ранних работах К. Маркса // Теоретическое наследие К. Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 19—29.

Сокал С. Ф., Сядзельник В. В. Формирование взглядов Ф. Энгельса на государство и право в начале 40-х годов XIX в. (1838—1841 гг.) // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1987. № 6. С. 32—37. Текст белорус.

Тихонова Е. А., Пастухов В. Б. Понятие политической власти в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса // Вісн. Київ. ун-ту. Юрид. науки. 1984. № 25. С. 9—15. Текст укр.

Шосслер Г. Маркс и революционный характер социалистического государства // Сов. государство и право. 1984. № 1. С. 38—44.

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС И ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ, ЭСТЕТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Аринина Н. Л. Гуманизм как принцип эстетической концепции К. Маркса // Марксистский гуманизм и природа человека. Владимир, 1984. С. 60—72.

Билинкис Я. Чем была литература для Маркса // Звезда. 1985. № 10. С. 175—180.

Благоев Д. Марксизм и проблемы художественного творчества. М.: Искусство, 1986. 381 с.

Войтенкова Г. Ф. Ф. Энгельс и датские «героические песни»: (О некоторых научных результатах подготовки 41 тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на английском языке) // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1984. С. 204—209.

Волков Г. Н. «Наша дерзкая, веселая проза»: (Сатирический и художественно-образный фермент в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса). М.: Политиздат, 1986. 303 с.

Денисов Л. Ф. Историзм эстетического: (Переписка Маркса и Энгельса с Лассалем о трагедии «Франц фон Зиккинген») // Вопр. философии. 1985. № 4. С. 95—102.

Заманова Э. Э. Влияние марксистско-ленинской эстетики на развитие прогрессивной эстетической мысли в современной Турции / АН АзССР, Ин-т востоковедения. Баку: Элм, 1987. 200 с.

Календа Ч. Этический аспект категории общения в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса // Проблемы нравственной культуры общения: Теоретические вопросы нравственной культуры общения в социалистическом обществе: Материалы симпозиума, декабрь 1986. Вильнюс, 1986. С. 9—15.

Комарова-Крымская И. Карл Маркс о социально-художественных особенностях музыкального искусства // Проблемы музыкальной культуры: Сб. статей. Київ: Музична Украïна, 1987. Вып. 1. С. 25—35.

Кудрявцева С. П. К. Маркс и Ф. Энгельс об идейно-политическом значении народной песни // Актуальные проблемы эстетического и художественного воспитания студентов: Межвуз. сб. науч. тр. Л., 1985. С. 106—111.

Лифшиц М. Маркс и Энгельс об искусстве // Лифшиц М. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Изобр. искусство, 1984. Т. 1. С. 316—384.

Лифшиц М. Марксизм и эстетическое воспитание // Лифшиц М. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Изобр. искусство, 1984. Т. 1. С. 388—430.

Лифшиц М. Философия искусства Карла Маркса // Лифшиц М. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Изобр. искусство, 1984. Т. 1. С. 8—240.

Науман М. Литература в «Капитале» // Науман М. Литературное произведение и история литературы. М.: Радуга, 1984. С. 19—31.

Нечкина М. В. Карл Маркс как художник слова: (Литературное оформление «Капитала») // Нечкина М. В. Читая Маркса... М.: Наука, 1984. С. 5—83.

Овсянников М. Ф. Классики марксизма-ленинизма об эстетике и современность / Нар. ун-т Фак. лит. и искусства. М.: Знание, 1985. 112 с.

Перевалов В. П. Нравственная проблематика в «Набросках к критике политической экономии» Ф. Энгельса // Пути преодоления нравственных противоречий. М., 1986. С. 23—25.

Петропавловский Р. В. Этика в трудах Маркса и Энгельса // Историко-этические исследования: Теорет.-методол. аспект: Тез. к методол. семинару сектора этики «Этика. Мировоззрение. Нравственное воспитание». М., 1986. С. 16—45.

Семенов В. Г. Ф. Энгельс об этике Гегеля в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» // Философские проблемы современного естествознания: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1987. Вып. 65. С. 95—102.

Смоленцев Ю. М. Проблемы гуманизма в марксистской этике: (Методол. и теорет. аспекты). М.: Знание, 1984. 63 с.

Тельчарова Р. А. Эстетическая концепция К. Маркса и ее методологическая роль в формировании теории музыкальной культуры личности // Марксистская концепция человека и культура личности: (Межвуз. сб. науч. тр.). Владимир, 1987. С. 144—153.

Трубецкой Б. А. Основоположник марксистской эстетики: (Ф. Энгельс — теоретик и критик литературы) // Трубецкой Б. А. Многообразие и единство: Статьи по вопросам эстетики, критики, журналистики. Кишинев: Лит. артистикэ, 1986. С. 3—14.

Фридлендер Г. М. Классическое эстетическое наследие и марксизм. М.: Искусство, 1985. 336 с.

Фридлендер Г. М. К. Маркс и исторические судьбы литературы // Фридлендер Г. М. Методологические проблемы литературоведения. Л.: Наука, 1984. С. 25—66.

Фридлендер Г. М. Маркс и Энгельс о художественной ценности литературы // Марксистско-ленинские критерии ценности в литературе. М.: Наука, 1986. С. 40—53.

Хадкевич А. Н. О роли марксистско-ленинской этики в активизации человеческого фактора // Социальная активность и человеческий фактор: Сб. науч. тр. Краснодар, 1987. С. 102—115.

Хорева О. А. Энгельс об Альфреде Мейснере (1847 г.) // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1986. Вып. 2. С. 163—171.

Хохлова И. А. Становление и развитие эстетических взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» и «Святом семействе» // Методологические проблемы генезиса марксистской философии в контексте работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»: Сб. науч. статей. Алма-Ата, 1987. С. 83—89.

Шабалина Е. Н. Анализ К. Марксом буржуазного искусства — методологическая основа критики современной буржуазной художественной культуры // Методология научного познания и развитие современной науки: Сб. науч. тр. Днепропетровск, 1984. С. 59—64.

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС И ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИИ

Габидзашвили О. Д. Карл Маркс о социальной роли религии: В помощь лектору / О-во «Знание» ГССР. Тбилиси, 1985. 29 с.

Змеев Ю. Н. Ф. Энгельс и некоторые вопросы естественнонаучного обоснования атеизма // Философские проблемы современного естествознания: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1987. Вып. 65. С. 108—112.

Калинин Ю. А., Харьковщенко Е. А. Методологические основы критики религии в работе Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» // Философские проблемы современного естествознания: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1987. Вып. 65. С. 102—108.

Калинин Ю. А., Ильиных Н. И. Освещение категории «религиозное отчуждение» в работах Л. Фейербаха и К. Маркса // Проблемы философии: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1984. Вып. 63. С. 29—36.

Леонов О. Д. Марксистский атеизм и культурное наследие // Памятники культуры и мировоззрения: Атеистические очерки. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 3—29.

Митрохин Л. Атеизм К. Маркса в наши дни // Мир человека. М.: Мол. гвардия, 1986. С. 40—53.

Митрохин Л. Атеистическое наследие Энгельса // Наука и религия. 1985. № 8. С. 10—14; № 9. С. 17—21; № 10. С. 20—24; № 11. С. 17—21.

Митрохин Л. Беседы об атеистическом наследии Маркса // Наука и религия. 1984. № 2. С. 16—20; № 5. С. 18—23.

Митрохин Л. Ф. Энгельс: Прощание с «вуппертальской верой» // Мир человека. М.: Мол. гвардия, 1987. С. 15—29.

Нюнка В. Ю. Современный Ватикан и марксизм // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 28—42.
Суярко В. А. Классики марксизма-ленинизма о преходящем характере религии // Вопросы атеизма: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1984. Вып. 20. С. 90—98.
Ям К. Атеистическое наследие Карла Маркса и современность // Молодежь. Религия. Атеизм. М.: Мол. гвардия, 1984. С. 10—23.

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, РОССИЯ И ДРУГИЕ СТРАНЫ

Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. К. Маркс и Ф. Энгельс — историки войны 1812 года // Вопр. истории. 1987. № 9. С. 3—19.
Аникин А. В. Первая глава «Евгения Онегина» в произведениях и высказываниях Маркса и Энгельса // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 324—334.
Антонюк С. Н. Вопросы земельной ренты в рукописях К. Маркса о России // Історія народного господарства та економічноі думки Украінськоі РСР: Респ. міжвід. зб. наук. праць. Київ: Наук. думка, 1986. Вип. 20. С. 73—78. Текст укр.
Антонюк С. Н. К. Маркс и Ф. Энгельс о социально-экономическом развитии России // Історія народного господарства та економічноі думки Украінськоі РСР. Київ: Наук. думка, 1985. Вип. 19. С. 88—93. Текст укр.
Волков Г. К созданию российской коммуны // Огонек. 1987. № 7. С. 3.
Горина А. В., Тихонова А. А. Классики марксизма-ленинизма о колониальной агрессии в странах Востока и ее результатах: (На примере Индии и Китая) / О-во «Знание» АзССР. Баку, 1987. 12 с.
Далин В. М. К. Маркс и Великая французская революция // Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции, 1983. М.: Наука, 1985. С. 5—19.
Дворкина М. Д. Л. Д. Чудновская — русская знакомая семьи Маркса (1880-е годы) // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1984. С. 229—232.
Дейцев С. Е. О марксистско-ленинской методологии анализа политической идеологии революционного народничества // Актуальные вопросы истории политических и правовых учений: Сб. науч. тр. М., 1987. С. 38—47.
Дмитриев П. А., Мокиенко В. М. Карл Маркс и русский язык // Вестн. ЛГУ. 1984. № 2. История. Яз. Лит. Вып. 1. С. 73—79.
Завалова Т. А. Классики марксизма-ленинизма о кризисе «верхов» в России на рубеже 70—80-х годов XIX века // Историографический сборник: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984. Вып. 8. С. 49—65.
Иосько М. И. Истоки интереса К. Маркса к Белоруссии // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Навук. камунізм. Эканоміка. Права. 1984. № 2. С. 40—43.
Иосько М. И. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Белоруссия. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Университетское, 1985. 287 с.
Колпинский Н. Ю. Об одном источнике взглядов Маркса на особенности общественно-экономического развития стран Востока // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об изданиях их произведений. М., 1985. С. 52—57.
Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985. 344 с.
Конюшая Р. П. С верой в Россию // Вопросы теории и жизнь: Сб. ст. М.: Правда, 1987. Вып. 8. С. 288—292.
Кутявин В. В. Об оценке польского восстания 1830—1831 гг. в трудах Ф. Энгельса // Проблемы историографии внутренней и внешней политики зарубежных стран: Межвуз. сб. статей: Куйбышев, 1987. С. 64—73.

Левин Г. Р. К. Маркс и Ф. Энгельс о парламентской реформе 1832 г. в Англии // Политическое развитие Великобритании и США в XVII—XIX вв. Л., 1985. С. 4—9.

Мурашов С. И. Карл Маркс и революционная Россия // Карл Маркс и социальный прогресс человечества. М., 1984. С. 138—161.

Мягков Г. П. М. М. Ковалевский и К. Маркс: (Из истории контактов русских ученых с основоположниками марксизма) // Проблемы историографии внутренней и внешней политики зарубежных стран: Межвуз. сб. статей. Куйбышев, 1987. С. 103—123.

Нечкина М. В. Карл Маркс изучает Россию: (К 150-летию со дня рождения Карла Маркса) // Нечкина М. В. Читая Маркса... М.: Наука, 1984. С. 84—102.

Нечкина М. В. Об одной исторической загадке в переписке К. Маркса и Ф. Энгельса: [Об источниках информации Ф. Энгельса о восстании в России, намеченном «Землей и волей» на весну 1863 г.] // Нечкина М. В. Читая Маркса... М.: Наука, 1984. С. 102—106.

Овсянников В. И. Колониальная агрессия Англии в первой половине XIX в. и ее социально-экономические последствия для стран Азии в оценке К. Маркса и Ф. Энгельса // Некоторые проблемы внешней политики Англии XIX—XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. Курск, 1986. С. 3—17.

Поляков Л. В. К. Маркс об общине как конструктивном принципе древнерусской цивилизации // Культура и цивилизация. М., 1984. С. 101—110.

Прицкер Д. П. Карл Маркс и Фридрих Энгельс об испанских революциях // Идеологическая борьба в исторической науке. Л.: Лениздат, 1986. С. 39—50.

Сарбей В. Г. Проблемы социально-экономической и политической истории пореформенной России в советских публикациях рукописного наследия К. Маркса // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории... Днепропетровск, 1984. С. 3—13.

Сарбей В. Экономические проблемы в рукописном наследии К. Маркса по истории России // Экон. науки. 1985. № 7. С. 25—33.

Смирнова В. А. Некоторые источники информации Герцена о К. Марксе и Ф. Энгельсе (1850—1851 гг.) // Литературное наследство. Т. 96. Герцен и Запад. М.: Наука, 1985. С. 643—662.

Фризман Г. В. К. Маркс и Ф. Энгельс об итальянской политике средневековой германской империи // Ежегодник германской истории, 1983. М.: Наука, 1984. С. 14—31.

Футорянский Л. К. Маркс и Ф. Энгельс о Южном Урале // Урал, 1986. № 11. С. 166—167.

Чепуренко А. Ю. К. Маркс и Ф. Энгельс о некоторых особенностях развития американского капитализма // Некоторые вопросы истории зарубежного рабочего движения и международных отношений. М., 1986. С. 16—29.

МАРКСИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Алиева Г. М., Салов Ю. И. Актуальные проблемы марксистско-ленинской концепции путей и форм революции в свете опыта Великого Октября // Науч. коммунизм. 1987. № 11. С. 62—69.

Амантаев Б. А., Изотов М. З. Идеи Ф. Энгельса о научно-техническом прогрессе и современность // Вестн. АН КазССР. 1985. № 12. С. 3—9.

Андреев А. П., Иванов А. А. Марксизм в Африке и современная идеологическая борьба // Рабочий класс и соврем. мир. 1987. № 3. С. 144—159.

Баталов Э. Я. Идеи К. Маркса и проблема исследования политического сознания современного буржуазного общества // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 128—140.

Бондин В., Ефимкин А. Теория денег К. Маркса и современность // Экон. науки. 1986. № 11. С. 78—82.

Боченкова Н. В., Новиков С. Б. Ф. Энгельс и актуальные проблемы экономической науки // Вестн. МГУ. Сер. 6, Экономика. 1985. № 6. С. 67—74.

Бромлей Ю. В., Першиц А. И. Ф. Энгельс и современные проблемы первобытной истории // Вопр. философии. 1984. № 4. С. 44—61.

Бухвальд Е. М. Марксистское учение об интенсивном и экстенсивном типе производства и некоторые тенденции развития процесса интенсификации в экономике СССР // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 100—110.

Вазюлин В. А. Современное методологическое значение «Капитала» К. Маркса // Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 98—106.

Васильева Р. Х. Торжество марксизма-ленинизма и углубление кризиса современной буржуазной политэкономии // Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 147—155.

Гановский С. К. Маркс и современность // Ежегодник Философского общества СССР, 1984. М.: Наука, 1984. С. 23—32.

Гарибджанян Г. Б. К. Маркс о восточном вопросе и современная идеологическая борьба // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 104—113.

Гей С. П. Марксизм завоевывает позиции в Африке // Пробл. мира и социализма. 1984. № 7. С. 68—73.

Гемков Г. Фридрих Энгельс и современная идеологическая борьба // Пробл. мира и социализма. 1985. № 8. С. 14—18.

Голосов В. В. Методология «Капитала» К. Маркса и современный капитализм / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. М., 1985. 73 с.

Гранов В. Д. Марксизм-ленинизм и буржуазные теории государственно-монополистического капитализма на рубеже 80-х годов // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 113—128.

Гурьев Д. В. Современное значение работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: (К 100-летию выхода в свет) // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1984. № 3. С. 54—63.

Ельмеев В. Я. «Капитал» К. Маркса и некоторые современные проблемы материалистического понимания истории // Единство марксизма-ленинизма в его историческом развитии: Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 16—26.

Законы и категории «Капитала» К. Маркса в свете современных данных. Киев: Вища шк., 1986. 263 с.

Илюшечкин В. П. Ф. Энгельс о происхождении общественных классов и государства и данные современной науки // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1984. № 6. С. 17—23.

Иовчук М. Т., Андреев А. Л., Маслин М. А. Актуальные вопросы исследования истории марксизма-ленинизма, его философии и философской мысли народов СССР // Вопр. философии. 1986. № 1. С. 57—73.

Капканщиков С. Г. Диалектико-материалистическая основа анализа экономических законов социализма с применением математических методов // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 51—59.

Кефели И. Ф. Материалистическое учение К. Маркса и современные представления о технологическом способе производства // Материалистическое учение К. Маркса и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 36—52.

Кожухарь А., Смирнова М. Теория воспроизводства и современность: (К 100-летию выхода в свет второго тома «Капитала») // Коммунист Молдавии. 1985. № 6.

Колосов В. Н. Несостоятельность экономической модели рыночного социализма СДПГ и диалектика «Капитала» К. Маркса // «Капитал» К. Маркса и актуальные проблемы политической экономии. М., 1985. С. 79—88.

Кордзая Д. «Людвиг Фейербах» Ф. Энгельса и некоторые аспекты современной идеологической борьбы // Коммунист Грузии. 1986. № 5. С. 37—42.

Кортунов А. В., Никитин А. И. Идейная борьба вокруг методологического наследия К. Маркса в современной теории международных отношений // Маркс и современная политическая теория. М.: Политиздат, 1986. С. 110—124.

Косухин Н. Д. Марксизм в стратегии революционных преобразований: (На примере стран Африки) // Маркс и современная политическая теория. М.: Политиздат, 1986. С. 97—109.

Красавина Л. Н. Теоретическое наследие К. Маркса и вопросы развития теории международных валютно-кредитных отношений современного капитализма: (Пути дальнейшей разработки комплексной темы) // Проблемы и перспективы развития международных валютно-кредитных отношений. М., 1984. С. 3—11.

Красин Ю. А. Марксизм в современном мире // Маркс и современная политическая теория. М.: Политиздат, 1986. С. 20—36.

Лазар Ф. Марксизм и освобождение человечества // Марксизм и проблемы социального прогресса: Вопросы идейной борьбы. М.: Наука, 1986. С. 47—53.

Либинг З. Значение Марксовой критики антиисторизма буржуазной политэкономии для разоблачения современных вульгарно-экономических концепций социализма // Вопросы политической экономии: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1986. Вып. 182. С. 23—29.

Лукинов И. Карл Маркс и современность // Наука і культура: Украіна, 1983. Щоріч. Киів, 1984. Вип. 18. С. 8—12. Текст укр.

Лысенко Н. А. Учение К. Маркса о первоначальном накоплении капитала и его значение для исследования современной эволюции освободившихся стран // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 237—242.

Ляликов С. В. Методологическое значение III тома «Капитала» для критики современных буржуазных теорий экономического роста // «Капитал» К. Маркса и актуальные проблемы политической экономии. М., 1985. С. 76—79.

Малахинова Р. П. Актуальные проблемы социалистического воспроизводства в свете идей II тома «Капитала» К. Маркса // Вестн. МГУ. Сер. 6, Экономика. 1986. № 5. С. 78—84.

Малыш А. И. Карл Маркс и современная эпоха // Марксизм-ленинизм — вечно живое, революционное учение, преобразующее мир. М.: Моск. рабочий, 1984. С. 3—22.

Малютина Т. Н. Классики марксизма-ленинизма о рациональном природопользовании и экологическая политика КПСС // Вестн. ЛГУ. 1985. № 13. История КПСС. Науч. коммунизм. Философия. Право. Вып. 2. С. 100—104.

Марахов В. Г. Материализм К. Маркса и актуальные проблемы современности // Материалистическое учение К. Маркса и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 3—13.

К. Маркс и современность: Философия, социология, идеология: [Тез. к конф. «XXVII съезд КПСС и актуальные проблемы марксистско-ленинской философии» (4—8 мая 1984 г.)] / ЦК ВЛКСМ, ВКШ при ЦК ВЛКСМ, АН СССР, Филос. о-во СССР. М., 1984.
Вып. 1. 187 с. Вып. 2. 195 с. Вып. 3. 153 с. Вып. 9. 134 с.
Вып. 10. 212 с.

Марксизм-ленинизм о диалектике революции и контрреволюции: Из опыта борьбы с контрреволюцией и современность / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1984. 382 с.

Марченко М. Н. О методологии К. Маркса в исследовании политической системы современного буржуазного общества: (Некоторые аспекты) // Вестн. МГУ. Сер. 11, Право. 1986. № 2. С. 3—12.

Мацявичюс И. А. Теория материалистического понимания истории К. Маркса и ее современное значение // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 42—55.

Медведев В. К. Маркс и актуальные проблемы экономической теории социализма // Марксизм-ленинизм — вечно живое, революционное учение, преобразующее мир. М.: Моск. рабочий, 1984. С. 51—75.

Мелентьев А. Актуальные аспекты Марксовой концепции абстрактного труда // Коммунист. М., 1984. № 17. С. 57—69.

Мис Г. Учение Маркса — руководство в борьбе за мир и труд // Марксизм и проблемы социального прогресса: Вопросы идейной борьбы. М.: Наука, 1986. С. 104—118.

Мчедлов М. П. Год Маркса и идеологическая борьба: Заметки о юбилейных конференциях, семинарах, симпозиумах // Коммунист. М., 1984. № 10. С. 42—52.

Мшвениерадзе В. В. К. Маркс и современное политическое сознание // Маркс и современная политическая теория. М.: Политиздат, 1986. С. 53—65.

Наджафова З. Г. Критика Ф. Энгельсом антропологизма и современный энвайроментализм // Философские проблемы современного естествознания: Респ. междувед. науч. сб. Київ: Вища шк., 1987. Вып. 65. С. 112—119.

Нарский И. С. Книга Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и современность: (К100-летию со дня выхода в свет) // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1986. № 3. С. 26—36.

Нетесин Ю. Могучее методологическое оружие обновления социалистической экономики: (К 120-летию со дня выхода в свет первого тома «Капитала» К. Маркса) // Коммунист Сов. Латвии. 1987. № 9. С. 38—45.

Новикова С. С., Дейцев С. Е. Влияние идей К. Маркса на современную политическую мысль: («Круглый стол» МАПН) // Вопр. философии. 1985. № 2. С. 149—152.

Новожилов В. В. К. Маркс о применении математики в экономической науке и современные проблемы оптимального планирования // Новожилов В. В. План и хозяйственный расчет: Система управления социалистической экономикой на началах демократического централизма — ленинская идея. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. С. 155—164.

Овчинников В. С. Марксизм-ленинизм — идеология и политика социального прогресса / ЦК ВЛКСМ. М., 1984. 136 с.

Ойзерман Т. К. Маркс и современная идеологическая борьба // Марксизм-ленинизм — вечно живое, революционное учение, преобразующее мир. М.: Моск. рабочий, 1984. С. 76—100.

Орлов Б. С. Место марксизма в идеологии социал-демократии // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 151—161.

Осипова Е. В. К вопросу о восприятии марксизма в западной социологии // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 162—174.

Певзнер Я. Радикальная экономическая реформа и вопросы политической экономии // Коммунист. М., 1987. № 11. С. 50—58.

Попов С. А. Анализ организационно-технических предпосылок совершенствования хозрасчета в народном хозяйстве в свете учения К. Маркса о развитии кооперации труда // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 184—190.

Проблемы коммунистического движения: Карл Маркс и современное международное развитие: Ежегодник, 1983 / Ин-т обществ. наук. М.: Мысль, 1984. 303 с.

Ребане Я. К. Некоторые методологические вопросы изучения современных социальных процессов в свете наследия К. Маркса // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 3—20.

Рудакова И. Е. Теория денег К. Маркса и денежные отношения современного капитализма // Проблемы и перспективы развития международных валютно-кредитных отношений. М., 1984. С. 55—62.

Рустамов М. А., Тагиев А. М. Карл Маркс и современная идеологическая борьба / О-во «Знание» АзССР. Баку, 1985. 63 с.

Саралиева З. Х. История марксизма-ленинизма — действенное оружие в современной идеологической борьбе // Критика антимарксистской фальсификации революционного процесса и реального социализма: Межвуз. сб. Горький, 1986. С. 20—30.

Симоненко Р. Г. Наследие К. Маркса и борьба вокруг решения национального вопроса в Англии // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 225—240.

Смирнов С. В. Вопросы происхождения человека в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и актуальные задачи разработки теории антропогенеза // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев: Наук. думка, 1984. С. 7—26.

Соскин С. Н. Идеи К. Маркса о формировании нового отношения к труду и пути их осуществления в современной деревне // Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 136—146.

Степанов А. И. Марксизм и аграрная политика на современном этапе // Экономическая теория К. Маркса и ее значение для практики социалистического строительства. М., 1984. С. 98—117.

Теоретическое наследие Ф. Энгельса и актуальные проблемы политической экономии: (Препринт докл.). Ч. 1—3 / АН СССР, Ин-т экономики. Совет молодых ученых. М., 1986.

Ч. 1. 51 с. Ч. 2. 31 с. Ч. 3. 53 с.

Токсанбаева М. С. Марксов анализ производительности труда и его значение для задач повышения эффективности социалистического производства // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 127—136.

Федоркин Н. С. Народничество и марксизм: Методол. аспект и современность // Науч. докл. высш. шк. Науч. коммунизм. 1985. № 4. С. 100—109.

Федоров Б. И., Шилков Ю. М. К. Маркс и современное понимание мышления // Материалистическое учение К. Маркса и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 52—64.

Фролов И. К. Маркс и современность // Марксизм-ленинизм — вечно живое, революционное учение, преобразующее мир. М.: Моск. рабочий, 1984. С. 101—111.

Хагер К. «Капитал» и современность // Коммунист. М., 1987. № 13. С. 90—100.

Цыбикова Б. Б., Габелко В. Т., Дакуко Л. И. «Капитал» К. Маркса как методология критики буржуазных теорий развития молодых государств // Некоторые вопросы методологии и методики критики современных буржуазных теорий в процессе преподавания общественных наук. Минск: Университетское, 1985. С. 101—103.

Чиркин В. Е. К. Маркс о возможности некапиталистического развития и современность // Маркс и современная политическая теория. М.: Политиздат, 1986. С. 79—96.

Шахназаров Г. Влияние идей Карла Маркса на современную политическую теорию // Коммунист Грузии. 1984. № 1. С. 52—59.

Шванк К.-Х. «Капитал» и современный капитализм: (К 120-летию со дня выхода первого тома «Капитала» К. Маркса) // Пробл. мира и социализма. 1987. № 9. С. 55—59.

Шепетис Л. К. Могучее оружие революционного преобразования // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 5—14.

Шлепаков А. Н. Марксизм-ленинизм о расово-национальных проблемах в свете современного идеологического противоборства // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 175—185.

Эшкуватов О. Э., Рахмонов Н. Р. Марксизм-ленинизм и актуальные вопросы национального освободительного движения: Историогр. очерк. Ташкент: Узбекистан, 1984. 213 с. Текст узб.

Юргялис Ю. От «Диалектики природы» к решению глобальных проблем // Коммунист. Вильнюс, 1986. № 11. С. 59—65.

Яхимович З. П. Марксистская концепция мира: традиции и современность // Вопр. истории. 1986. № 6. С. 3—21.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА

Абдулазизов А. С. Из истории проникновения идей марксизма в Египет // Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права. 1986. № 4. С. 85—92.

Абрамов К. Библиотеки кружков «Социал-демократического сообщества» М. И. Бруснева // Библиотекарь. 1984. № 8. С. 43—45.

Абрамов К. Нелегальные марксистские библиотеки «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» // Библиотекарь. 1984. № 5. С. 25—27.

Азаматов Д. М. Просветительско-демократическая мысль и распространение марксизма в Башкирии. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984. 188 с.

Аксенова О. В. Н. И. Зибер — популяризатор идей марксизма в России в 70—80 гг. XIX века // Некоторые вопросы историко-философской науки (по материалам конф.). М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 31—38.

Андрюшин Е. Н. Димитр Благоев и начало распространения научного социализма в Болгарии // Науч. докл. высш. шк. Науч. коммунизм. 1984. № 3. С. 126—132.

Антонова Т. В. Издания Н. П. Полякова в революционном подполье 1870-х годов // Исторические записки. М.: Наука, 1985. Т. 112. С. 71—97.

Аржанова Е. М. Об одном не дошедшем до нас письме К. Маркса А. Клуссу // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об изданиях их произведений. М., 1985. С. 166—172.

Аржанова Е. М. Публикация «Манифеста Коммунистической партии» в еженедельнике «Republik der Arbeiter» (1851), Нью-Йорк // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1986. Вып. 2. С. 172—176.

Бигаев Ю. К. О некоторых проблемах перевода [произведений классиков марксизма-ленинизма] // Сов. Дагестан. 1987. № 5. С. 7—13.

Бигаев Ю. К. Произведения классиков марксизма-ленинизма на языках горцев. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1984. 191 с.

Богатов В. В., Тонких А. С. Отражение идей марксизма в творчестве Н. В. Шелгунова // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1984. № 5. С. 20—35.

Борох Л. Н. Новые тенденции в изучении истории распространения социалистических идей [в Китае] // Общественные науки в КНР. М.: Наука, 1986. С. 266—287.

Буров В. Г. Ли Да и марксистская социология в Китае // Народы Азии и Африки. 1986. № 1. С. 56—63.

Буров В. Г. Пропаганда марксистской философии в Китае в 30—40-х гг. // Пробл. Дальнего Востока. 1986. № 4. С. 113—120.

Бутулис И. Я. Использование новотеченцами легальных вечеров вопросов и ответов в целях марксистской пропаганды (1894—1897) // Изв. АН ЛатССР. 1984. № 7. С. 44—53. Текст лат.

Волк С. С. Поворот революционной мысли России к марксизму и создание группы «Освобождение труда» // Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903 гг. Л.: Лениздат, 1985. С. 17—35.

Галыга В. В. Пропаганда марксистско-ленинской теории на страницах комсомольской периодической печати (1971—1980 гг.) // Исторический опыт социалистических преобразований в СССР. М., 1985. С. 99—110.

Гальо Г. Х. Г. К вопросу о распространении идей марксизма-ленинизма на Кубе (1917—1959 гг.) // Науч. докл. высш. шк. Науч. коммунизм. 1984. № 6. С. 100—103.

Ганин Н. И. Г. В. Плеханов — первый выдающийся теоретик и пропагандист марксизма в России // Начало распространения марксизма в России: (К 100-летию группы «Освобождение труда»). М., 1984. С. 6—14.

Гасанов Г. И. Деятельность большевистской организации «Гуммет» в распространении идей марксизма-ленинизма в Азербайджане (1904—1920 гг.). Баку: Элм, 1986. 109 с. Текст азерб.

Грецкий М. Н. Марксистская философия в современной Франции. М.: Изд-во МГУ, 1984. 183 с.

Грин Ц. И. Переводчик и издатель «Капитала»: Очерк жизни и деятельности Николая Францевича Даниельсона. М.: Книга, 1985. 255 с.

Гырма Кассайе, Шерр Е. С. Национально-демократическая революция и распространение марксистско-ленинских идей в Эфиопии // Распространение марксизма-ленинизма в Африке: (Вопросы истории, теории и практики). М.: Наука, 1987. С. 189—213.

Демченко Е. П. Издание марксистской книги на Украине до Великого Октября / АН УССР. Центр. науч. б-ка. Киев: Наук. думка, 1987. 162 с.

Демченко М. В. Из истории распространения марксистских идей среди рабочих Одессы // Історичні дослідження: Вітчизняна історія: Респ. міжвід. зб. наук. праць. Київ: Наук. думка, 1987. Вип. 13. С. 13—15. Текст укр.

Дворкина М. Д. Попытка издания Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в России в 1908 г. // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М., 1986. Вып. 2. С. 212—215.

Дмитриев Г. М. Влияние произведений К. Маркса на развитие социалистической мысли в народнических кружках Воронежского края (70-е годы XIX века) // Общественное движение в Воронежском крае в XVII — начале XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. С. 71—93.

Драбкин Я. С. Защита и развитие марксизма немецкими революционерами // Ежегодник германской истории, 1984. М.: Наука, 1986. С. 80—94.

Егоров А. Г. Столетие создания первой марксистской организации России — группы «Освобождение труда» // Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903 гг. Л.: Лениздат, 1985. С. 5—16.

Зиненко В. Н. К истории освещения в России работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» // Науч. коммунизм. 1987. № 5. С. 104—109.

Золотарев В. П. К вопросу об отношении Н. И. Кареева к марксизму // Проблемы отечественной и всеобщей истории в трудах советских исследователей. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. С. 97—110.

Иовчук М. Т. Идейно-философская деятельность Плеханова в группе «Освобождение труда» // Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903 гг. Л.: Лениздат, 1985. С. 36—59.

Иовчук М. Т. Наследие марксизма, революционная Россия XIX века и современная идеологическая борьба // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 21—41.

Кабацкий Н. И., Самосудов В. М. Первые марксистские рабочие кружки в Сибири и формирование ядра революционной социал-демократии // Рабочие-партийцы и их роль в освободительной борьбе трудящихся Сибири против царизма. Омск, 1986. С. 17—31.

Кабацкий Н. И., Тофорова Г. С. Группа «Освобождение труда» и распространение марксизма в Сибири // Группа «Освобождение труда» и распространение марксизма в России: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1986. С. 123—126.

Канистратенко Н. Н. Публикация произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина болгарской революционной печатью (1926—1934 гг.) // Вопросы новой и новейшей истории: Респ. междувед. науч. сб. Киев, 1986. Вып. 32. С. 108—117.

Каррыева Р. Распространение идей марксизма-ленинизма в дореволюционной Туркмении // Туркменистан коммунисти. 1984. № 12. С. 41—46. Текст туркм.

Катренко А. Н. Пропагандистская деятельность харьковских революционно-народ-

нических кружков в середине 80-х годов XIX ст. // Укр. іст. журн. 1986. № 2. С. 115—122. Текст укр.

Колпинский Н. Ю. Сокровищница научного коммунизма: (К выходу в свет первого тома Избранных сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса) // Вопр. истории КПСС. 1985. № 8. С. 49—60.

Корнеев В. Е. Материалы ЦГАОР СССР о собирании и использовании в 20-е годы документов К. Маркса, Ф. Энгельса и международного революционного движения // Археографический ежегодник за 1985 год. М.: Наука, 1986. С. 124—133.

Костин А. Марксистские библиотеки Поволжья [конец 80 — начало 90-х гг. XIX в.] // Библиотекарь. 1985. № 4. С. 56—58.

Косухин Н. Д. Проблема соединения марксизма-ленинизма с революционно-освободительным движением // Распространение марксизма-ленинизма в Африке: (Вопросы истории, теории и практики). М.: Наука, 1987. С. 50—75.

Кряучюнене Ж. Деятельность Редакционной комиссии ЦК КП Литвы по подготовке к печати литовских переводов произведений основоположников марксизма в 1948—1957 гг. // Вопросы истории КП Литвы. Вильнюс, 1984. Т. 34. С. 5—13. Текст лит.

Кузняев А. А. Оружие революционного преобразования мира: Распространение произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина в Белоруссии в дооктябрьский период / Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии — фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Минск: Беларусь, 1985. 48 с.

Кунец Ю. В. К истории распространения идей марксизма в Англии в первой половине 80-х годов XIX века // Некоторые вопросы истории зарубежного рабочего движения и международных отношений. М., 1986. С. 4—15.

Курас И. Идейный арсенал коммунистов: (К завершению 50-томного издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на украинском языке) // Под знаменем ленинизма. 1985. № 22. С. 32—34.

Курбатова И. Н. Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда» и ее оценка В. И. Лениным // Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903 гг. Л.: Лениздат, 1985. С. 60—74.

Ландер В. С. Пропаганда произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в Белоруссии: (Материал в помощь лектору) / О-во «Знание» БССР. Правление. Минск, 1986. 25 с.

Ломашвили П. Н., Гегешидзе З. Т. Распространение марксизма-ленинизма в Грузии (1892—1904 гг.). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1986. 458 с. Текст груз.

Маилян В. Р. Деятельность русских марксистов в Закавказье (с 1880-х годов по 1903 год). Ереван: Айастан, 1984. 124 с.

Макаров В. П. В. И. Ленин как пропагандист идейно-теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса // В. И. Ленин о характере и особенностях большевистской пропаганды и агитации в условиях мировой империалистической войны (1914 — февраль 1917 гг.): Межвуз. сб. Горький: Изд-во Горьк. ун-та, 1987. С. 7—15.

Мицуров В. В. Пионеры марксизма: (К 100-летию образования социал-демократической группы Д. Благоева) // Начало распространения марксизма в России: (К 100-летию группы «Освобождение труда»). М., 1984. С. 34—52.

Мицуров В. В. Социал-демократическая группа Д. Благоева и группа «Освобождение труда» // Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903 гг. Л.: Лениздат, 1985. С. 166—176.

Морозов Б. М., Щепров С. В. Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда» // Начало распространения марксизма в России: (К 100-летию группы «Освобождение труда»). М., 1984. С. 53—60.

Мороко В. Н., Малиновский В. В. Группа «Освобождение труда», создание заграничной базы социал-демократии и распространение марксизма в России // Группа «Освобождение труда» и распространение марксизма в России: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1986. С. 98—106.

Москвин В. В. Начало рабочего движения и распространение марксизма в России (1883—1894 гг.) // Вопр. истории КПСС. 1984. № 10. С. 97—112.

Нафигов Р. А., Рутберг Г. Н., Томарев В. И. Группа «Освобождение труда» и пропаганда марксизма в Поволжье // Группа «Освобождение труда» и распространение марксизма в России: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1986. С. 115—120.

Николаева Г. А. Распространение марксизма и создание марксистских кружков в Забайкалье // Группа «Освобождение труда» и распространение марксизма в России: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1986. С. 133—135.

Николаева Т. М. Об откликах на выход в свет 38 тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на английском языке // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1984. С. 233—238.

Панксеев А., Оргмяэ Е. Об участии Я. К. Ребане в подготовке переводов классиков марксизма-ленинизма на эстонский язык // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1984. № 695. С. 167—169.

Пашков Г. Н. Становление марксистской журналистики в Испании // Вестн. МГУ. Сер. 10, Журналистика. 1984. № 6. С. 49—57.

Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда», 1883—1903: Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания / АН СССР. Науч. совет по истории обществ. мысли, Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Дом Плеханова. М.: Наука, 1984, 446 с.

Петров В. С. Распространение марксистско-ленинских идей в дореволюционной Якутии (1900—1917 гг.) // Петров В. С., Захаров А. И. Накануне. Якутск: Кн. изд-во, 1986. С. 5—46.

Подугольников В. М. Из истории борьбы [Г. В. Плеханова] против ревизии и вульгаризации марксизма // Начало распространения марксизма в России: (К 100-летию группы «Освобождение труда»). М., 1984. С. 138—146.

Покровская З. А. Прижизненные издания работ К. Маркса и Ф. Энгельса в НИО истории книги, редких и особо ценных изданий Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина // Русско-немецкие связи в области книжного дела: Сб. науч. тр. М., 1986. С. 28—36.

Поляков Л. В. Н. Г. Чернышевский и К. Маркс: (По поводу одной гипотезы) // Вопр. философии. 1986. № 3. С. 84—90.

Полянский И. С. Из истории распространения марксизма в России: (Источниковедческий обзор) // Актуальные вопросы марксоведения (архивоведение, источниковедение). М., 1984. С. 179—188.

Пустарнаков В. Ф. Исторические предпосылки распространения марксизма в России и начало ленинского этапа развития марксизма // Вопр. философии. 1985. № 2. С. 13—28.

Пустарнаков В. Ф. Становление марксистского направления в общественной и философской мысли России и критика буржуазных интерпретаций этого процесса // Проблемы философии: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1984. Вып. 63. С. 3—9.

Рейман Ю. Н. Истоки социал-демократического движения на Урале и группа «Освобождение труда» // Начало распространения марксизма в России: (К 100-летию группы «Освобождение труда»). М., 1984. С. 114—131.

Рокитянский Я. Г. Из опыта подготовки писем для III отдела МЭГА // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об изданиях их произведений. М., 1985. С. 128—131.

Рындзюнский П. Г. Социально-экономические предпосылки распространения марксизма в России к началу 80-х годов XIX в. // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М.: Наука, 1984. С. 11—41.

Савельев М. М. Ицуро Сакисака — исследователь и пропагандист марксизма-ленинизма // Вопр. истории КПСС. 1985. № 3. С. 130—132.

Сагидова Э. К. Первые издания произведений К. Маркса на языках народов СССР (конец XIX — начало XX в.) // Книга и социальный прогресс. М.: Наука, 1986. С. 194—201.

Смирнова В. А. Новые статьи из литературного наследства Ф. Энгельса // Вопр. истории. 1986. № 9. С. 54—65.

Суслова Ф. М. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и группа «Освобождение труда» // Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903 гг. Л.: Лениздат, 1985. С. 177—190.

Титов В. Ф. Исторические и социально-экономические предпосылки распространения марксистских идей в странах Латинской Америки // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1985. № 6. С. 39—47.

Титов В. Ф. Роль К. Балиньо и Х. А. Мельи в распространении и утверждении марксизма на Кубе // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1987. № 6. С. 20—29.

Титов В. Ф. Роль Х. К. Мариатеги в распространении, развитии и защите марксизма // Филос. науки. 1987. № 11. С. 96—105.

Федоркин Н. С. Проблемы распространения марксизма-ленинизма в странах, избравших путь социалистической ориентации // Коммунистический идеал, реальный социализм и борьба идей. М.: Знание, 1987. С. 169—173.

Харламенко А. В. К вопросу об особенностях развития марксизма в Мексике после второй мировой войны // Некоторые вопросы историко-философской науки (по материалам конф.). М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 24—31.

Цаголов Н. А. Н. И. Зибер — первый пропагандист экономической теории марксизма в России // Цаголов Н. А. Вопросы истории политической экономии. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 354—383.

Чубинский-Надеждин В. В. Из истории утверждения марксизма в германском рабочем движении // Проблемы мирового революционного процесса. М.: Мысль, 1986. Вып. 6. С. 99—111.

Чуянов С. Э. Первоначальный вариант «Капитала» в венгерской научной литературе // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений: Сборник. М.: 1987. Вып. 3. С. 163—186.

Шаймерденов Р. К. Из истории перевода произведений основоположников марксизма на казахский язык // Вопросы истории Компартии Казахстана. Алма-Ата: Казахстан, 1984. Вып. 17. С. 239—246.

Шармайтис Р. Я. Распространение идей марксизма-ленинизма в Литве до 1940 года // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 240—253.

Шириков Л. В. Группа «Освобождение труда» и московские марксисты // Начало распространения марксизма в России: (К 100-летию группы «Освобождение труда»). М., 1984. С. 102—113.

Штекли А. Э. Энгельс и английский перевод «Коммунистического манифеста» (1850) // История социалистических учений, 1987: Сб. статей. М.: Наука, 1987. С. 3—24.

Шубина Е. В. Библиографический обзор работ по вопросам проникновения, отражения и распространения идей марксизма в русской легальной публицистике 70—90-х гг. XIX в. // Диалектика объективного и субъективного в историческом процессе и социальном познании: Сб. тр. Л.: Наука, 1986. С. 200—208.

Щетинина Г. И. Усвоение марксизма студентами-революционерами (1883—1886 гг.) // Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М.: Наука, 1984. С. 137—166.

Юрчук В. И. Наше идейное оружие: (К выходу в свет второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на украинском языке) // Коммунист Украины. 1985. № 12. С. 50—56.

КРИТИКА ЗАРУБЕЖНОЙ МАРКСОЛОГИИ

Авцинова Г. И. Критика некоторых буржуазных фальсификаций учения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о социалистической революции // Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о всемирно-исторической роли рабочего класса и критика его буржуазных фальсификаторов... М., 1984. С. 99—106.

Александров Ю. Леворадикальная «актуализация» теории прибавочной стоимости: «Неомарксизм» или не марксизм? // Вопр. экономики. 1987. № 2. С. 100—109.

Алексеев А. В. Критика буржуазных трактовок марксистской теории научно-технического прогресса // Экономическая теория К. Маркса и актуальные вопросы политической экономии. М., 1984. С. 210—217.

Алиева Д. П. «Второе открытие» наследия Карла Маркса: (Аналит. обзор) // Социол. исслед. 1987. № 3. С. 108—119.

Брайович С. М. Критика антимарксистской легенды о «конце» диалектики // Современные зарубежные концепции диалектики: Крит. очерки. М.: Наука, 1987. С. 235—252.

Бур М. К. Маркс и его противники // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1984. № 4. С. 120—128.

Васина Л. Л. Некоторые актуальные вопросы марксоведения в свете борьбы с извращениями истории создания экономического учения К. Маркса // Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о всемирно-исторической роли рабочего класса и критика его буржуазных фальсификаторов... М., 1984. С. 107—115.

Вачугов Д. Д. Методические вопросы критики антимарксистских экономических теорий: Метод. пособие для преподавателей вузов. М.: Высш. шк., 1987. 128 с.

Вирт А. О некоторых основных формах фальсификации философии марксизма в буржуазной и ревизионистской идеологии // Современная идеологическая борьба и борьба идей в философии. М., 1984. С. 3—19.

Гайда А. В. «Неомарксистская» философия истории: Крит. анализ. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. 196 с.

Гайда А. В., Любутин К. Н. Категория «тотальность» и «марксологическая» философия // Филос. науки. 1987. № 4. С. 70—79.

Гальчинский А. С. Критика современных фальсификаций «Капитала» К. Маркса / О-во «Знание» УССР. Киев, 1987. 32 с.

Гальчинский А. С. «Ренессанс» Маркса в современной буржуазной политической экономии // Вопр. экономики. 1987. № 9. С. 94—103.

Гобозов И. А. Марксистская философия истории и критика ее буржуазных интерпретаций // Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1984. № 3. С. 13—19.

Гончарук Л. А. Марксизм-ленинизм и мелкобуржуазный псевдосоциализм. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 119 с.

Грачев Е. А. Несостоятельность «марксологических» оценок роли субъективного фактора в социалистической революции // Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о всемирно-исторической роли рабочего класса и критика его буржуазных фальсификаторов... М., 1984. С. 91—98.

Гуревич П. С. Марксистская концепция идеологии и ее современные буржуазные интерпретации // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 87—103.

Ермацане З. Я. Несостоятельность «марксологической» концепции К. Левита // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1985. № 4. С. 149—153.

Ершова И. И. Критика марксологических интерпретаций проблемы демократии у Розы Люксембург // Критика немарксистских теорий развития социализма: (Материалы междунар. советско-польской теорет. конф. Москва, 12—14 июня 1985 г.): Философское наследие В. И. Ленина и современный антиленинизм. М., 1986. С. 96—112.

Каплан А. Б. Критика буржуазной «марксологии» в советской науке // Карл Маркс и социальный прогресс человечества. М., 1984. С. 162—198.

Келер Г., Дидковский Н. И. Критика буржуазных фальсификаций Марксовой теории прибавочной стоимости // Вопросы политической экономии: Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища шк., 1986. Вып. 186. С. 32—38.

Кифорак В. Ф. Критика буржуазных и ревизионистских фальсификаций марксистско-ленинской теории стоимости / АН УССР, Ин-т экономики. Киев: Наук. думка, 1987. 144 с.

Клецкова Т. Л. О значении ранних работ К. Маркса для критики современных антимарксистских концепций собственности // Актуальные проблемы политической экономии на современном этапе: (Материалы науч. конф.). Минск: Университетское, 1984. С. 172—178.

Конкин М. В. Идейные истоки антиленинских фальсификаций истории марксистской философии // Критика немарксистских теорий развития социализма: (Материалы междунар. советско-польской теорет. конф. Москва, 12—14 июня 1985 г.): Философское наследие В. И. Ленина и современный антиленинизм. М., 1986. С. 76—95.

Корнеев М. Я., Краузе А. А. Идейная нищета современных фальсификаторов марксизма // Материалистическое учение К. Маркса и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 109—119.

Корнеев М. Я., Шульц В. Л. Фальсификация буржуазными идеологами концепции единства трех составных частей марксизма // Единство марксизма-ленинизма в его историческом развитии: Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 134—142.

Косичев А. Д. Реакционная сущность «марксологического» извращения марксистской философии // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 87—103.

Критика антимарксистских концепций в курсе научного коммунизма. Київ: Вища шк., 1985. 279 с.

Кудряшова Н. В. О спекулятивных приемах «марксологии» на примере интерпретаций «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» // Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о всемирно-исторической роли рабочего класса и критика его буржуазных фальсификаторов... М., 1984. С. 116—124.

Кузнецов В. Н., Чепуренко А. Ю. «Марксология» — антиленинская интерпретация учения основоположников коммунизма // Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о всемирно-исторической роли рабочего класса и критика его буржуазных фальсификаторов... М., 1984. С. 52—79.

Курганский В. А. Антикоммунистическая сущность буржуазной марксологии. Київ: Вища шк., 1987. 126 с.

Липкин В. Я. Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о всемирно-исторической миссии рабочего класса и банкротство его «критиков» // Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о всемирно-исторической роли рабочего класса и критика его буржуазных фальсификаторов... М., 1984. С. 14—51.

Матьюс Ю. Й. Учение Э. Гуссерля об интернациональности в свете понимания К. Марксом специфики сознания // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 190—212.

Мелкумян В. Теория стоимости К. Маркса и ее современные буржуазные критики // Ленинян угиов. 1985. № 6. С. 54—60. Текст арм.

Мелкумян В. М. Критика буржуазных и леворадикальных трактовок теории стоимости К. Маркса // Обострение идеологической борьбы и задачи наступательной критики антимарксистских концепций в области экономических наук. М., 1985. С. 55—61.

Митин М. Б. Всемирно-историческое значение учения К. Маркса и несостоятельность его противников // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 14—28.

Мощелков Е. Н. Формирование марксистской теории социальной революции и современные буржуазные фальсификации // Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о всемирно-исторической роли рабочего класса и критика его буржуазных фальсификаторов... М., 1984. С. 81—90.

Нарский И. С. Категория отчуждения и идеологическая борьба // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1986. № 6. С. 15—24.

Ожеховский М. Вокруг «Немецкой идеологии» // Ожеховский М. Спор о марксистской теории революции. М.: Прогресс, 1986. С. 44—56.

Ойзерман Т. И. К критике современных псевдомарксистских концепций отчуждения // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1986. № 4. С. 20—34.

Ойзерман Т. И. Марксистская концепция культуры и ее буржуазные интерпретаторы // Философия и культура: (XVII Всемирный философский конгресс). М.: Знание, 1985. С. 21—39.

Ольсевич Ю. Я. Реальный социализм и буржуазные критики Маркса // Изв. АН СССР. Сер. экон. 1984. № 1. С. 3—13.

Орлов Б. С. Отношение социал-демократии к марксизму: (История и современность) // Проблемы мирового революционного процесса. М.: Мысль, 1986. Вып. 6. С. 220—246.

Паламарчук В. А. Апологетический характер антимарксистских теорий капитала и прибавочной стоимости // Методика критики антимарксистских теорий в курсе политической экономии капитализма. Київ: Вища шк., 1986. С. 39—47.

Петренко Е. Л. Критика современных оппортунистических трактовок процесса соединения марксизма с рабочим движением в конце XIX — начале XX в. // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 227—235.

Полякова О. А. Борьба марксизма-ленинизма против праворевизионистской концепции идеологии. М.: Изд-во МГУ, 1987. 155 с.

Похилько А. Д. Критика современной буржуазной философии в теме «Возникновение и основные этапы развития марксистской философии» // Вопросы общественных наук: Респ. междувед. науч. сб. Київ: Вища шк., 1984. Вып. 60. С. 61—67.

Пронин С. В. Критический анализ социально-политических ориентаций «западного марксизма» // Учение Карла Маркса и современная идеологическая борьба. Вильнюс: Минтис, 1984. С. 140—151.

Пружинина А. А. Марксизм и психоанализ во Франции: К истории вопроса // Филос. науки. 1987. № 10. С. 64—76.

Рагозин Н. П. Критика либерально-народнической интерпретации «Капитала» К. Маркса: (На материале статей и писем Н. Ф. Даниельсона) // Вопросы диалектики в социальном развитии и социальном познании: Препр. докл. молодых ученых к теорет. семинару при Отделе актуальных проблем истмата. М., 1984. С. 16—23.

Развитие марксизма и его современные «критики»: О некоторых проблемах идейной борьбы на теоретическом фронте // Пробл. мира и социализма. 1986. № 3. С. 70—76.

Райда К. Ю. Противоречия «марксологических» тенденций возрождаемого экзистенциализма // Філос. думка. 1987. № 1. С. 85—95. Текст укр.

Розин Э. Л. Некоторые аспекты критики буржуазной фальсификации взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на право // Актуальные вопросы истории политических и правовых учений: Сб. науч. тр. М., 1987. С. 5—16.

Савина Г. М. «Рейнская газета» в оценке буржуазных исследователей // Вестн. МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1984. № 5. С. 42—50.

Самарская Е. А. Критика некоторых фальсификаций истории марксистской диалектики в современной «левой» марксологии // Марксизм, история философии, современность... Тарту, 1985. С. 213—226.

Соловьева Г. Г. «Негативная диалектика» как методология неомарксизма // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1987. № 6. С. 15—22.

Соловьева Г. Г. Неомарксизм: Проблема человека // Вестн. АН КазССР. 1986. № 12. С. 18—25.

Сутырин С. Основные направления буржуазных извращений теоретического наследия основоположников марксизма-ленинизма // Экон. науки. 1986. № 7. С. 28—37.

Сухотина Л. Г. Об отношении к марксизму в современной английской и американской буржуазной историографии русского революционного демократизма // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. Вып. 18. С. 71—97.

Сыров А. Г. Антимарксистская сущность неотроцкистских взглядов на положение и роль пролетариата в современном буржуазном обществе // Учение К. Маркса,

Ф. Энгельса, В. И. Ленина о всемирно-исторической роли рабочего класса и критика его буржуазных фальсификаторов... М., 1984. С. 153—160.

Тимофеев Т. Т. Спор о главном // Коммунист. М., 1984. № 13. С. 23—33.

То Хюи Жыа. Соотношение партийности и объективности в марксистско-ленинской теории познания и его значение для критики буржуазного объективизма // Диалектика социализма: Некоторые вопросы теории и практики строительства и совершенствования нового общества. М., 1985. С. 6—22.

Троицкий Е. С. Не в ладах с реальностью: Банкротство буржуазных критиков марксистско-ленинских идей по вопросам борьбы против колониализма и неоколониализма // Вопр. истории КПСС. 1984. № 7. С. 81—96.

Трофимова З. П. Критика марксистами США и Великобритании теологических фальсификаций учения К. Маркса о религии // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1986. № 4. С. 140—143.

Цага В. Прочная опора на труды классиков марксизма-ленинизма — необходимая основа для критики буржуазных, ревизионистских и реформистских теорий социализма // Экон. науки. 1986. № 7. С. 76—81.

Чепуренко А. Ю. Некоторые черты новейших леворадикальных интерпретаций экономической теории К. Маркса // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1984. С. 163—175.

Чепуренко А. Ю. Современная полемика вокруг первоначального варианта «Капитала» // Вопр. экономики. 1987. № 8. С. 92—100.

Чистозвонов А. Н. Марксистская концепция генезиса капитализма и научная несостоятельность ее критики в буржуазной историографии // Становление капитализма в Европе. М., 1987. С. 5—15.

Шпакова Р. П. Марксистская диалектика и несостоятельность ее современной критики // Вестн. ЛГУ. 1984. № 17. Экономика. Философия. Право. Вып. 3. С. 40—46.

Шуралева Е. Ф. «Неомарксизм» Э. Блоха: Сущность и социальная роль // Теоретическое наследие Карла Маркса и современность: Материалы конф. Калинин, 1984. С. 106—115.

СОДЕРЖАНИЕ